

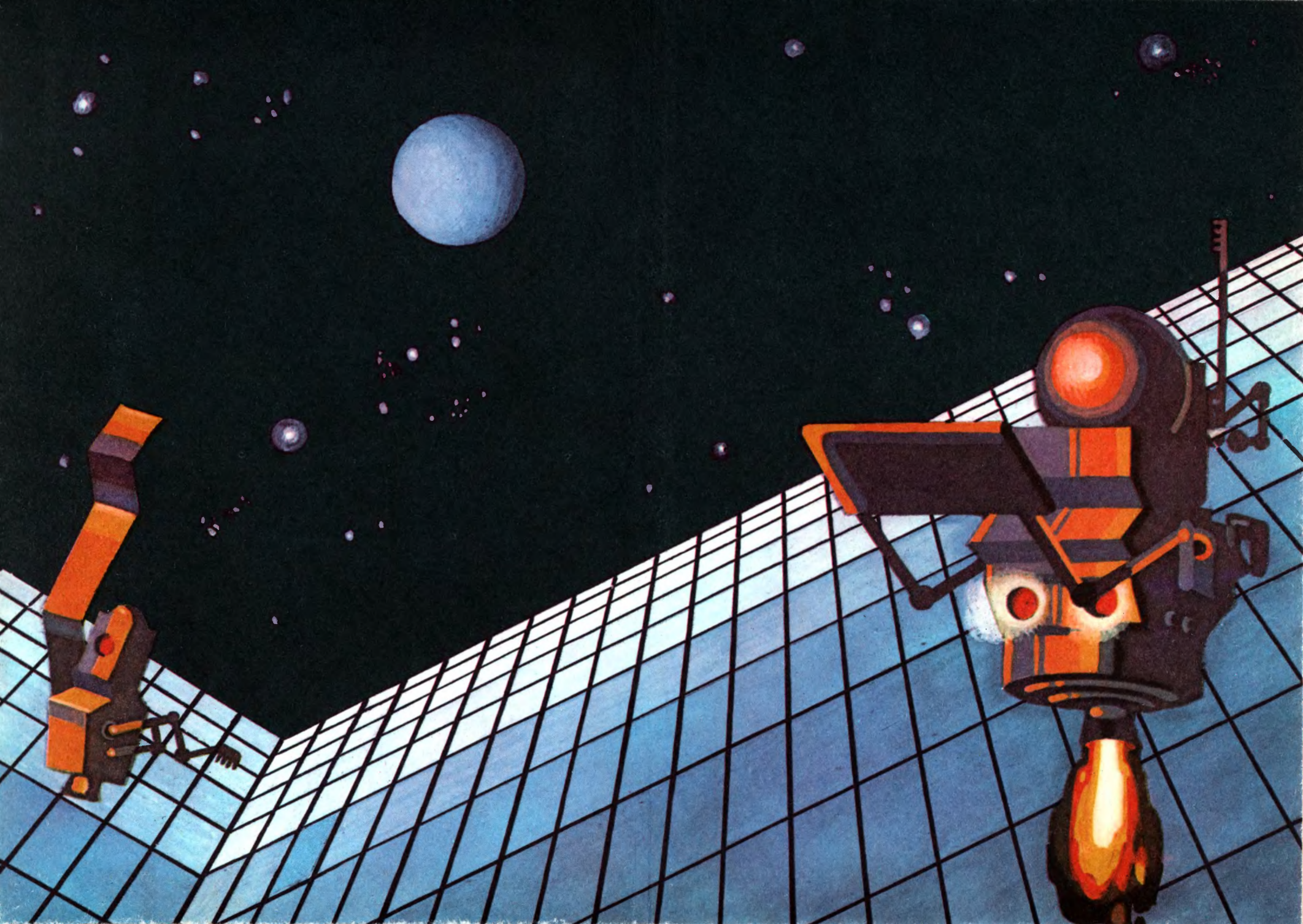

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ДРУГИЕ ТЕНИ ЗЕМЛИ

ДРУГИЕ ТЕНИ ЗЕМЛИ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

DATA MORFANA

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

Другие тени ***ЗЕМЛИ***

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ФИРМА «ФЛОКС»
НИЖНИЙ НОВГОРОД
1991

ББК 84.7 США

Д 76

Художники
В. Ан
А. Корнилов

ББК 84.7 США

Д 76

Другие тени Земли: Современная зарубежная фантастика
Пер. с англ. С. Монахова и И. Невструева.— Нижний Новгород, Фирма «Флокс», 1991.— 432 с.

ISBN 5-87198-006-6

В сборник вошли произведения ведущих американских фантастов: цикл рассказов Роберта Силверберга, «Другие тени Земли», повесть «Со сложенными руками» Джека Уильямсона и роман одного из лидеров «новой волны» Самюэля Р. Дэлани «Нова».

ISBN 5-87198-006-6

Д $\frac{4703040100-000}{939-91}$ без объявл.

ББК 84.7 США

© Фирма «Флокс», составление, перевод, 1991
© Оформление В. Ан и А. Корнилов

**Что-то
ужасное
вырвалось на волю**

Взие попал на земной корабль случайно. В его планы совершенно не входила экскурсия на такую неприятную планету как Земля. Он находился в фазе метаморфа, претерпевал период неуправляемых изменений, который начинался с наступлением зимы, и был видим только в той части спектра, которая лежит за пределами возможностей человека. Конечно, внимательный наблюдатель мог бы заметить вспыхивающее время от времени едва заметное фиолетовое свечение, когда взие на мгновение выходил из области ультрафиолета, но еще надо было знать, куда и когда смотреть. Ответственный за погрузку и представить себе не мог, что на контейнере с грузом спит нечто невидимое. Он просто прошел вдоль всего ряда, включая флотеры на каждом контейнере и легким толчком заставляя их скользить по гравитационной дорожке к открытому люку. Пятым контейнером был тот самый, на котором дремал взие. Космонавт не мог знать, что он невзначай отправил в свободный полет к Земле чужеродный организм. Не знал этого и взие, пока люк не закрылся, и в трюм с шипением не ворвалась кислородно-азотная смесь. Взие не приходилось дышать подобными газами, но в стадии метаморфа он был способен быстро и эффективно приспособливаться к едким парам, проникающим в его метаболические клетки.

Следующим его шагом было выпустить чувствительные ко всем областям спектра сканеры и изучить окружающее. Спустя несколько минут взие знал...

...что это было обширное темное пространство, заставленное ящиками, содержащими различные минеральные и растительные продукты его родной планеты; в основном, ветки деревьев, называемых «зеленый огонь», а также другими предметами, не имеющими для взие никакой ценности...

...что это пространство ограничивается двойными выгнутыми металлическими стенами...

...что сразу же за стенами начинается зона безатмосферного

пространства, подобная той, которая простирается между планетами...

... что вся эта замкнутая система испытывает ускорение...

... что это, следовательно, космический корабль, стремительно удаляющийся от планеты взие, что пропасть пустоты уже достигла десяти диаметров планеты и с нарастающей быстротой ширится с каждой секундой...

... что уже невозможно, даже для взие в фазе метаморфа, покинуть корабль...

... и что если он только не упросит экипаж повернуть обратно, то будет вынужден совершить долгое и унылое путешествие на неизвестную и, возможно, отвратительную планету, жизнь на которой, в лучшем случае, сопряжена с неудобствами, а то и с опасностями. Он будет оторван от ритма своей цивилизации. Он пропустит Фестиваль Перемен. Он пропустит Святое Затмение. Он не сможет принять участия в весеннем Морском Приливе. Чего только ему не придется вынести.

На корабле находилось шесть человеческих существ. Выдвинув свои перцепторы *, взие попытался достичь их мозгов. Хотя люди прилетали на его планету вот уже много лет, он никогда не пытался установить с ними контакт; и ему никогда еще не приходилось так трудно. Он выпустил туманное щупальце мысли и двинулся по коридорам, ища следы человеческого разума. Здесь? Свечение электрической активности внутри костяной сферы показывало: мозг, мозг, деятельный мозг. Почему-то он был окружен стеной. Взие попытался пробить ее, но неожиданно был отброшен назад. Это его поразило и выбило из колеи. Что это за существа, что их мозг закрыт для обычного контакта? Взие двинулся дальше. Еще один мозг: снова закрытый. Еще. Еще. Он начал испытывать страх. Его мантия затрепетала: энергия излучения упала до видимой частоты спектра, потом нервно подпрыгнула к более коротким волнам. Даже само его тело, к его величайшему замешательству, претерпело ряд быстрых произвольных метаморфоз. Из сферического оно стало кубическим, приняло хаотическую форму, превратилось в клетку из тонких волокон, связанных единственно пульсирующей силой его я. И он ничего не мог с этим поделать. С усилием преодолевая режущую боль, он снова заставил себя принять сферическую форму и продолжил исследования корабля, мрачно отметив, что теперь от родной планеты его отделяет расстояние в половину звездной единицы. Он потерял всякую надежду и продолжал свои попытки проникнуть в сознание экипажа только для того, чтобы довести дело до конца. Даже если он установит контакт, как он сможет объяснить бедственность своего положения, и если даже он объяснит, то поче-

* Органы ощущения.

му люди должны помочь ему? Все же он продолжал двигаться по кораблю. Вдруг...

Наконец-то! Открытый мозг. Никакой стены. Чудо! Взяв обрушился на него, преодолевая радость и удивление, изливая свои гонести.

— Выслушайте, пожалуйста. Несчастное негуманоидное существо случайно попало на корабль во время погрузки. Метаболически и психологически оно не приспособлено для длительного пребывания на Земле. Оно просит прощения за беспокойство, умоляет помочь ему вернуться на планету, с которой вы только что стартовали, сожалеет о возможном нарушении расписания, но надеется, что его нижайшую просьбу возможно исполнить. Вы меня поняли? Несчастное негуманоидное существо случайно попало...

2

Лейтенанту Фалькирку полагалось спать сразу же после старта. Это было кстати; Фалькирк вымотался, загружая контейнеры, подключая каждый флотер, составляя декларацию груза для компьютера... Теперь, когда корабль вышел в космос, он мог позволить себе отдохнуть, поручив доделки другим. Поэтому он улегся на кровать сразу же, как только они легли на обратный курс. В его распоряжении было шесть часов. Внизу вращались инерционные поглотители, всасывая инерцию, увеличивая ускорение, и корабль мчался к Земле со скоростью, которая должна была достичь галактической величины еще до того, как он проснется. Он погрузился в дрему. Хороший полет: древесины «зеленого огня» достаточно для того, чтобы разглядеть Землю сквозь дюжину приступов молекулярной гумы, и еще целая куча любопытных растений, да груз интересных минералов, да... Фалькирк заснул. Полчаса спустя он уже видел сладкий сон, его душа освободилась от забот, тело расслабилось.

И тут в мозгу зашевелился черный комок.

Мрачно и жарко светит пурпурное солнце. Что-то легонько касается его головы. Он лежит на большой белой плите посреди выжженной пустыни. Невозможно пошевелиться. Все труднее дышать. Ужасный пресс гравитации давит и ломает его, крошит кости. Вокруг фигуры в надвинутых на глаза капюшонах. Они тычут в него пальцами, смеются, обмениваются нечленораздельными восклицаниями на незнакомом языке. Кожа его плавится и приобретает новое строение: в теле зарождаются иглы дикобраза, прорывают кожу, появляются из каждой поры. Он весь в огненных тисках. Тонкая алая рука — высохшие пальцы, словно лапы краба, — парит перед самым его лицом. Царапает. Царапает. Царапает. По иглам течет кровь, густая и тягучая. Его бьет дрожь, он старается

сесть... поднимает руку, оставляя на плите куски дрожащей плоти... садится...

С криком он проснулся, весь дрожа.

Вопль все еще звучит в его собственных ушах, пока глаза привыкают к свету. Лейтенант — командир корабля — тряс его за плечо.

— Что с тобой?

Фалькирк попробовал ответить, но слова не шли с языка. Галлюцинативный шок, понял он, в то время, как одна половина его мозга убеждала другую, что сон кончился. Обученный выходить из кризиса, он быстро пробежал числа в обратном порядке и успокоился, хотя потрясение еще не совсем прошло.

— Кошмары,— сказал он хрипло.— Хорошенькое дельце. Никогда у меня еще не было таких ярких снов.

Командир Родригес облегченно вздохнул. Ясно, не стоит расстраиваться из-за обычного кошмара.

— Дать тебе таблетку?

Фалькирк покачал головой.

— Спасибо. Справлюсь сам.

Но осадок от сна остался. Прошло больше часа, прежде чем он закрыл глаза, но к нему пришла лишь легкая, не приносящая отдыха дрема, словно мозг его стоял на страже, охраняя самого себя от возвращения леденящих кровь фантазий. За пятьдесят минут до запрограммированного времени пробуждения он проснулся от дикого вопля, доносившегося с противоположной стороны каюты.

Лейтенанта-командира Родригеса мучали кошмары.

3

Когда месяц спустя корабль совершил посадку на Землю, то был, как обычно, подвергнут дезинфекции, прежде чем команде было разрешено покинуть космопорт и началась разгрузка. Внешняя обшивка корабля была облита специальной жидкостью; она втягивала в себя и убивала любые микроорганизмы, которые могли быть занесены с других планет. Экипаж прошел через дезинфекционный отсек и проследовал в палату карантина, не выходя наружу; вся атмосфера корабля была пропущена через фильтровальные камеры, где она прошла полную очистку, а все внутренние помещения были подвергнуты шестиступенной стерилизации, начинающейся с пятидесяти минут полного вакуума и кончающейся часом нейтронного облучения.

Все эти процедуры доставили взне некоторые неудобства. Он и так уже находился в довольно низкой энергетической фазе, к чему привели повторяющиеся неудачные попытки установить контакт с космонавтами. Теперь еще он был вынужден приспособливаться

ко всем этим не слишком-то приятным процедурам, которые сменяли друг друга без всякого перерыва. Даже обладающий самой совершенной приспособляемостью организм может уставать. В то время как дезинфекционная команда космопорта докладывала о том, что корабль полностью очищен от чужеродных форм жизни, Взиэ чувствовал себя неимоверно уставшим.

Трюм вновь заполнился кислородно-азотной атмосферой. Взиэ воспринял это чуть ли не с радостью; по крайней мере, это было лучше того, что ему пришлось вынести. Люк открылся; вошедшие грузчики подготовили контейнеры для транспортировки их в сортировочный купол. Взиэ воспользовался этим моментом, чтобы отстрить себе ноги, и выбрался из корабля. Он находился на обширной бетонированной поверхности, окруженной массивными зданиями. В голубом небе сияло желтое солнце, инфракрасные лучи заливали все вокруг, и Взиэ пришлось предпринять необходимые защитные меры, чтобы отразить их излишек. Одновременно он защитился и от покалывающего воздействия этих ужасных гидрокарбонатов атмосферы, дикого шума и растущей ностальгии, грозящей нарушить его органическую стабильность. Ностальгию он испытал при первом же взгляде на незнакомый бесстрастный мир. Как ему вернуться домой? Как установить контакт? Взиэ не ощущал ничего, кроме закрытых мозгов — закупоренных, словно семечко в коже. Правда, время от времени какой-нибудь мозг открывался, но даже тогда, похоже, он не хотел воспринимать его обращение.

Может, здесь будет по-другому. Возможно, космонавты по какой-нибудь причине были плохо приспособлены к контакту, а здесь найдется более подходящий к восприятию мозг. Может быть. Может быть. Взиэ, близкий к отчаянию, бросился через поле и нырнул в первое же здание, где почувствовал открытый мозг. Здесь было много людей, они занимали несколько этажей, и открытые мозги встречались очень часто. Взиэ засек ближайший мозг и настойчиво, с надеждой тронул его кончиком своего мозга.

— Пожалуйста, выслушайте. Я не желаю зла. Негуманоидное существо, попавшее на вашу планету благодаря неудачному стечению обстоятельств, всего лишь хочет как можно быстрее вернуться на свою планету...

4

Кардиологическое отделение больницы при лонг-айлендском космопорте помещалось на первом этаже в дальнем углу здания. Даже когда пациенты подвергались гравитотерапии, это не сказывалось на гравитационном поле в остальных частях здания. Как всегда, больница была полна — люди всегда чувствуют себя плохо по-

сле полета, и большинство из них госпитализируется прямо в космопорте, — и кардиологическое отделение было переполнено. В нём находилось десять человек с инфарктом, ожидающих имплантации, девять постимплантантов, пять человек с коронарной болезнью в кризисном состоянии, трое, у кого планировалась регенерация желудочка сердца, один пациент с поврежденной аортой и еще девять или десять больных. Большинство пациентов лежало в антигравитационных устройствах, чтобы исключить воздействие силы тяжести на поврежденные органы, больные же с регенерированными органами находились в обычных условиях, чтобы их новые сердца обрели силу и упругость, необходимую им. Больница имела превосходную репутацию и чуть ли не самый низкий уровень смертности во всем полушарии.

Потеря двух пациентов за одно утро была тяжелым ударом для всего персонала.

В девять часов семнадцать минут монитор вспыхнул красным светом для миссис Мальдонадо восьмидесяти семи лет, после имплантации до сих пор она чувствовала себя хорошо. После круиза по системе Юпитера у нее дал себя знать эндокардит, а в ее возрасте в организме уже не хватало жизненных сил, чтобы подвергать ее медленной регенерации сердца посредством генной операции. Поэтому ей пересадили синтетический имплантант, и две недели все шло довольно хорошо. Вдруг управляющий центр больницы получил злобещие телеметрические данные с койки миссис Мальдонадо: сердечная активность — ноль, дыхание — ноль, пульс — ноль, кровяное давление — ноль, абсолютно все — ноль, ноль, ноль. На ленте электроэнцефалографа появился заброс — словно она получила резкий сильнейший шок — с минутой-двумя нерегулярной активности и последующим прекращением мозговой деятельности. Прежде, чем кто-нибудь из персонала успел добежать до ее койки, в дело включилась аппаратура электрической и химической реанимации, но безуспешно: сильнейшее кровоизлияние в мозг, происшедшее совершенно неожиданно, привело к летальному исходу.

В девять часов двадцать восемь минут произошел второй случай; мистер Гиннес, пятьдесят один год, третий день после операции — коронарная эмболия. Та же самая последовательность событий. Сильнейшее потрясение нервной системы с немедленной и фатальной реакцией организма. Реанимационные процедуры не помогли. Никто из персонала больницы не мог дать сколько-нибудь приемлемого объяснения этой смерти. Как и миссис Мальдонадо, он мирно спал, все жизненные функции его были в норме до самого момента фатального исхода.

— Словно кто-то подошел и крикнул ему на ухо «БАХ!», — пробормотал один из докторов, ломающий голову над историями болезни. Он ткнул пальцем в дикий скачок электроэнцефалограм-

мы.— Или их мучили невыносимые кошмары, с которыми они не могли справиться. Но никто из них не кричал, не звал сиделку. И кошмарами нельзя заразиться.

5

Для доктора Питера Мукерджи, главного невропатолога, утренний обход шестого этажа начался с тихого голоса связника, который он носил за левым ухом, попросившего его немедленно связаться с карантинным блоком. Доктор Мукерджи огрызнулся в ответ.

— Они что, не могут подождать? Я сейчас занят, как никогда...

— Вас просят прийти прямо сейчас.

— Знаешь, у меня здесь девочка в коме, которую через пятнадцать минут подготовят к телетерапии, и она ждет не дожидается меня. Я — ее единственная связь с миром. Если я не приду...

— Вас просят прийти немедленно, доктор Мукерджи.

— Чего ради карантинщикам понадобился невропатолог, да еще так срочно? Дайте мне сперва позаботиться о девочке, и через сорок пять минут я в их полном распоряжении.

— Доктор Мукерджи...

Не имело смысла спорить с машиной. Мукерджи подавил вспыхнувший гнев. Его семья славилась вспыльчивыми характерами, любовью к жгучему кари * и телепатическим даром. Он сердито схватил интерком, назвал себя и сказал, чтобы управляющий центр перестроил его утреннее расписание.

— Внесите туда какую-нибудь получасовую задержку,— хмуро произнес он.— Ничего не могу поделать, сами видите. Меня забирают карантинщики,— компьютер оказался достаточно сообразительным, чтобы заказать ему автороллер. Когда он вышел из больницы, транспорт уже ожидал его. Путешествие по космопорту длилось всего три минуты, и злость доктора не успела пройти. Сканнер над дверью опознал его значок, и один из многочисленных динамиков центра управления важно произнес:

— Вас ждут в комнате № 403, доктор Мукерджи.

Комната № 403 оказалась разделенным пополам толстой стеклянной стенкой наблюдательным кабинетом. Дальнее помещение было частью самого карантина, а переднее относилось к общей части здания. За стенкой полулежали на койках шестеро изможденных космонавтов, а по переднему помещению прохаживались три человека из карантинного персонала. Раздражение Мукерджи улетучилось, когда он увидел, что один из этих трех — его старый институтский товарищ Ри Накадаи. Миниатюрный японец был годом

* Приправа из куркумового корня, чеснока и пряностей (Индия).

старше Мукерджи, ему было двадцать девять лет; иногда они встречались за ленчем, в универмаге космопорта, а в былые годы напоминали сиамских близнецов. Из-за постоянной занятости теперь не было возможности видеться месяцами. Накадаи сразу же перешел к делу:

— Пит, тебе не приходилось слышать об эпидемии кошмаров?

— Что?

Показав на людей в карантинном помещении, Накадаи сказал:

— Эти парни пару часов назад вернулись из полета к звезде Нортон. Доставили груз древесины «зеленого огня». Физическое состояние их — лучше не бывает — и я давно бы отпустил их, если бы не одна любопытная вещь. Все они находятся в состоянии крайнего нервного истощения, которое, как они говорят, явилось следствием того, что они практически не спали в течение всего полета, длившегося месяц. Причина этого — мучительные кошмары, реальные, выжимающие мозг сновидения, каждый раз, как только они ложились спать. Это звучало настолько дико, что я подумал, не подвергнуть ли их неврологическому обследованию. Вдруг они подхватили какую-нибудь церебральную инфекцию?

Мукерджи нахмурился.

— И ради этого ты оторвал меня от обхода своим срочным вызовом, Ри?

— Поговори с ними, — сказал Накадаи. — Может, это тебя хоть немного заинтересует.

Мукерджи взглянул на космонавтов.

— Хорошо. Что там насчет этих кошмаров?

Высокий симпатичный офицер, назвавшийся лейтенантом Фалькиром, сказал:

— Я был первой жертвой. Сразу же после старта. Мне всегда везет в жеребьевке. Это было так, словно что-то коснулось моего мозга, наполнив его жуткими кошмарами. И все абсолютно достоверно. Мне казалось, что я задыхаюсь, что тело превращается во что-то чужеродное, что кровь струится из каждой поры... — Фалькирк поежился. — словно дурной сон, только раз в десять ярче. Через несколько часов то же случилось с лейтенантом-командиром Родригесом. Другие картины, но тот же эффект. В пятьдесят раз ярче обыкновенного сна. Потом и остальные, один за другим, стали ложиться и с криком просыпаться. Двое кончили тем, что последние три недели держались исключительно на тонизирующих таблетках. Мы довольно уравновешенные люди, доктор, мы обучены многому. Но я думаю, что какого угодно человека такие сны до добра не доведут. Не столько видения, сколько их интенсивность, их реальность.

— И эти сны возвращались к вам в течение всего полета? — спросил Мукерджи.

— Всякий раз, как кто-то ложился. Дошло до того, что мы боялись задремать, потому что знали, что черти снова примутся скрестись в наших головах, стоит только уснуть. Или пили снотворное. Но даже тогда мы видели сны, хотя мозг был одурманен настолько, что нельзя было себе и представить, что в таком состоянии может что-то сниться. Чума кошмара, доктор. Эпидемия.

— Когда это произошло в последний раз?

— Во время последнего сна перед посадкой.

— И никто из вас не спал с тех пор, как вы покинули корабль?

— Нет, — ответил Фалькирк.

Один из космонавтов вмешался в разговор:

— Может, он сказал не совсем ясно, доктор. Это были сны-убийцы. Они разрушали мозг. Мы рады были бы сойти с ума, если бы это помогло от них избавиться.

Мукерджи побарабанил пальцами по стеклу, мысленно подыскивая похожий случай. Но подобного с ним еще не случалось. Он знал множество случаев с галлюцинациями, эпизоды, когда целые толпы убеждали себя, что видят богов, демонов, чудеса, оживших мертвецов, огненные знаки на небесах. Но последовательная серия галлюцинаций, наблюдаемых во время каждого сна целым экипажем сильных, целеустремленных космонавтов? Это не укладывалось в голове.

Накадаи сказал:

— Пит, у них есть предположение о том, что с ними случилось. Дикая идея, но кто знает...

— Что за идея?

Фалькирк с трудом улыбнулся:

— Вообще-то это просто фантастика, доктор.

— Давайте, давайте.

— Ну, что мы занесли с собой что-нибудь на корабль. Какое-нибудь телепатическое существо, которое ковыряется у нас в мозгах всякий раз, когда мы засыпаем. То, что мы воспринимаем как кошмар, это, возможно, забирающаяся во сне в череп тварь.

— Если она была с нами все это время, — вмешался еще один космонавт, — то она, возможно, еще на корабле... Или убежала теперь в город.

— Невидимая Кошмарная Угроза? — сказал Мукерджи с чуть заметной улыбкой. — Что-то не верится.

— Но ведь есть же телепатические существа, — возразил Фалькирк.

— Знаю, — бросил Мукерджи. — Мне посчастливилось быть одним из них.

— Простите, доктор, если...

— Но это не заставляет меня искать телепатию под каждым кустом. Я вовсе не собираюсь исключать эту чужеродную опас-

ность, не думайте. Но мне кажется, что, скорее всего вы подхватили нечто вроде воспаления мозга. Вирусная болезнь, что-то похожее на энцефалит, проявляющий себя в форме хронических галлюцинаций,— он заметил, что космонавты подавленно переглянулись. Ясно, что для них было предпочтительнее оказаться жертвами неизвестного чудовища, терзающего их снаружи, чем жертвами неизвестного вируса, который завелся внутри их мозгов. Мукерджи продолжал.— Я не говорю, что так оно и есть. Я просто рассматриваю гипотезы. Мы будем знать больше, когда проведем некоторые исследования.— Взглянув на часы, он сказал Накадаи.— Ри, вряд ли я сейчас смогу обнаружить что-либо важное, а мне пора к своим пациентам. Я хочу, чтобы этих парней подвергли полному неврологическому обследованию. Когда все будет готово, переключи аппаратуру на мой оффис. Давай им тесты взброс и заставляй спать по двое после каждой серии... Я пришлю техников помочь тебе наладить телеметрию. Я должен быть в курсе, если кошмары повторяются.

— Вот это другой разговор.

— Пусть они подпишут согласие на телетерапию. Я сделаю им предварительное зондирование мозга после того, как у меня будут в руках результаты обследования. И, разумеется, держи их на строжайшем карантине. Эта штука может оказаться заразной. Надо быть осторожнее.

Накадаи кивнул. Мукерджи улыбнулся космонавтам профессиональной улыбкой и вышел, погрузившись в размышления. Вирус кошмара? Ковыряющийся в мозгах чужеродный организм, которого просто никто не может увидеть? Он не разобрался, какая из этих гипотез нравится ему больше. Впрочем, возможно, существует какое-нибудь совсем прозаическое объяснение этому месяцу скверных снов: повреждение системы приготовления пищи или шуточки рециклера атмосферы. Простенькое, примитивное объясненьце.

Возможно.

6

Когда это произошло в первый раз, взие даже не понял, что же случилось. Он коснулся человеческого мозга; реакция была немедленной и бурной. Взие был отброшен назад, напуганный неистовой яростью ответного сигнала, а спустя мгновение он уже не мог обнаружить этот мозг. Возможно, подумал взие, это был какой-то защитный механизм, посредством которого люди оберегают свой мозг от непрошеного вмешательства. Но это казалось маловероятным, поскольку человеческий мозг и так надежно защищен большую часть времени. На корабле взие приходилось преодолевать сильную

турбулентность всякий раз, как он пытался миновать стену, защищавшую мозги членов экипажа — словно люди совсем не стремились вступать с ним в ментоконтакт. С таким совершенным отключением, полным прекращением сигнала, он еще не сталкивался. Взие в замешательстве предпринял новую попытку, подтянувшись к открытому мозгу, который находился неподалеку от того, который только что пропал.

— Минуточку внимания, выслушайте, будьте добры, несчастный инопланетянин, жертва неудачного стечения обстоятельств...

Снова сильнейшая реакция: неожиданная и ужасная вспышка ментальной энергии, ступок страха, боль и шок. Мгновение же спустя полнейшее молчание, словно мозг спрятался за непроницаемым барьером. Где вы? Куда вы исчезли? Доведенный до отчаяния, взие рискнул отрастить оптический рецептор, работающий в видимой части спектра, чтобы понять происходящее. Он увидел человека на кровати, окруженного какой-то сложной аппаратурой. То тут, то там вспыхивали какие-то огоньки. Люди с взволнованными лицами бежали к койке. Человек на ней лежал совершенно спокойно. Он не пошевелился даже тогда, когда сверху опустилась металлическая рука и воткнула ему в грудь длинную блестящую иглу.

Внезапно взие понял.

Двое людей прекратили свое существование!

Взие поспешно втянул свой рецептор и забился в укромный уголок, чтобы обдумать случившееся. Дано: умерли два человека. Дано: прекращение их существования наступило непосредственно после передачи взие ментального сообщения. Спрашивается: не является ли ментальное сообщение причиной прекращения существования?

Предположение, что взие стал причиной двух смертей, было для него просто ужасающим, и по его телу пробежал такой озноб, что оно сжалось в тугий тяжелый шар со спутавшимися в клубок мыслями. Ему потребовалось несколько минут, чтобы возвратиться в работоспособное состояние. Если его попытки связаться с людьми приводят к таким ужасным последствиям, понял взие, то его надежды найти здесь помощь весьма шатки. Разве может он идти на контакт с людьми, если...

Появилась спасительная мысль. Взие понял, что слишком потопился с выводами, приняв во внимание только то, что лежит на поверхности, и проглядел сильный контрдовод. В течение всего путешествия на эту планету взие вступал в контакт с людьми — с шестью космонавтами — и никто из них не прекратил своего существования. Отсюда со всей очевидностью следовало, что люди могут выдерживать контакт с мозгом взие. Значит, один только контакт не может явиться причиной этих двух смертей.

Возможно, взие оба раза совершенно случайно наткнулся на людей, находящихся на границе смерти. Не было ли это местом, куда

собирают людей, чей конец уже близок? Не наступил ли бы конец их существования даже в том случае, если бы взие не пытался установить с ними контакт? Была ли попытка контакта достаточна для того, чтобы лишить людей оставшейся в них энергии и помочь им переступить роковой порог? Взие этого не знал. Было просто досадно перечислять, скольких важных фактов ему недоставало. Ясно было одно: его время подходило к концу. Если в ближайшем будущем ему не помогут, начнется распад его метаболической системы с последующей потерей метаморфической активности и фатальной утратой приспособляемости с последующим... неизбежным концом.

У взие не было выбора. Продолжать попытки установления контакта с людьми было его единственной надеждой выжить. Взие осторожно и робко взялся за поиски нового чувствительного мозга. Этот заблокирован. И этот. И эти. Ни малейшей лазейки!

Взие начал склоняться к мысли, что все эти барьеры только для того и придуманы, чтобы не допустить воздействия на мозг чужеродного разума или же оградить человека от ментоконтакта любого рода, включая контакты с другими людьми. Однако взие не замечал подобных контактов между людьми ни на корабле, ни здесь. Что за странная раса!

Может быть, имело смысл проверить разные этажи здания? Взие проскользнул под запертую дверь и по служебной лестнице пробрался на следующий этаж. Снова начал свои поиски. Закрытый мозг здесь. И здесь. И здесь. А вот открытый. Взие приготовился к посылке своего сообщения. Безопасности ради он снизил энергию передачи, выпустив лишь маленький мысленный пучок:

— Вы слышите? С вами говорит попавшее в беду внеземное существо. Оно просит помощи. Желает...

Ответом было резкое, жалящее чувство недовольства, бессловесное, но несомненно враждебное чувство. Взие поспешно отступил. Он испуганно ждал, что сейчас последует еще один конец. Нет, человеческий мозг продолжал функционировать, хотя и не был больше открытым, он окружил себя обычным барьером. Удрученный, упавший духом взие пополз в сторону. Снова неудача. Хотя бы секунда осмысленного ментоконтакта! Неужели нет никакого способа связаться с людьми? Взие мрачно продолжил свои поиски чувствительного мозга. Что еще ему оставалось делать?

Визит в карантинный блок отнял у доктора Мукерджи сорок минут от утреннего обхода. Это его немного раздосадовало. Он не винил карантинщиков за то, что они так забеспокоились из-за рассказа космонавтов о хронических галлюцинациях, но он не считал, что

эта загадочная история настолько серьезна, что стоило его вызывать с такой поспешностью. Что там такое с этими космонавтами — это скоро выяснится; к тому же они надежно изолированы от остальной части космопорта. Накадаи следовало бы сделать небольшой анализ, прежде чем вызывать его. Вместо этого было отнято время у его пациентов.

Мукерджи начал свой запоздалый утренний обход, напоминая себе, что ему следует успокоиться: ни для его пациентов, ни для него самого не будет ничего хорошего в том, что он явится к ним взволнованным и раздраженным. Он должен быть целителем, а не источником беспокойства. Он заставил себя потратить несколько секунд на ритуал успокоения. Входя в дверь первой палаты, где лежала Сатина Рэнсом, он уже полностью расслабился и был дружелюбен.

Сатина лежала на левом боку с закрытыми глазами: хрупкая шестнадцатилетняя девочка с тонкими чертами лица и длинными, мягкими золотистыми волосами. Ее окружала паутина мониторной системы. Она была без сознания вот уже четырнадцать месяцев, двенадцать из них здесь, в неврологическом отделении больницы космопорта и последние шесть — под наблюдением Мукерджи. Ее родители решили отметить начало каникул тем, что взяли ее на один из курортов Титана; было как раз самое лучшее время, чтобы полюбоваться кольцами Сатурна; с большим трудом им удалось выбить разрешение на посещение заповедника в Куполе Галилея, и они оказались там в тот злополучный день, когда сильнейшее титанотрясение разрушило купол и вышвырнуло тысячу туристов в ядовитую метановую атмосферу ледяного спутника Сатурна. Сатина оказалась одной из тех, кому повезло: она не успела вдохнуть и пары раз, как экскурсовод, с которым она как раз разговаривала, надел ей на лицо кислородную маску. Она выжила. Из ее родных не выжил никто. Но сознание так и не вернулось к ней с самого момента катастрофы. Она впала в кому. Тщательное обследование, проведенное на Земле, показало, что, попав внутрь, метан не мог привести к сколько-нибудь серьезным повреждениям мозга; с ее организмом не произошло ничего страшного, но она боялась просыпаться. Это была реакция на шок. Мукерджи был уверен, что она предпочла бы проспать всю жизнь, нежели возвращаться к кошмарной для нее яви. Он научился поддерживать с ней телепатическую связь, но не мог излечить ее от вызванной катастрофой травмы, вернуть ее в мир настоящего.

Он начал подготовку к контакту. Для него телепатия не была легким, самым собой получающимся явлением, «чтение» мыслей было напряженной работой, настолько же трудной и выматывающей, как кросс или запоминание длинного отрывка из «Гамлета». Вопреки опасениям некоторых, он не был способен с первого же взгляда

прочесть чьи-то потаенные мысли. Для того, чтобы достичь другого мозга, он должен был пройти предварительную процедуру «разогрева» и проникновения, и даже тогда настроиться на чью-то «длину волны» было довольно долгим делом. Связная информация доходила до него только с девятой или десятой попытки. Двенадцать поколений Мукерджи обладали этим даром, поддерживаемым скрупулезно рассчитываемыми браками, чтобы сохранилось благоприятное сочетание генов. Он был одареннее своих предков, хотя понадобилось бы столетие или два, чтобы среди Мукерджи появился настоящий телепат. У него все-таки была прекрасная возможность использовать свой талант для мозгового контакта, что он и делал. Он знал, что многие члены его семьи в былые времена были вынуждены скрывать свой дар от окружающих, даже в Индии, иначе их причислили бы к вампирам и оборотням и изгнали бы из общества.

Он мягко положил свою смуглую руку на бледное запястье Сатины. Физический контакт был необходим для того, чтобы упрочить ментальную связь. Он сконцентрировался на проникновении. После нескольких месяцев телетерапии ее мозг был чувствителен к воздействию. Он мог пропускать промежуточные ступени и соединяться с ее мятущейся душой сразу же после разогрева. Глаза его были закрыты. Он видел сгусток серовато-лилового тумана: мозг Сатины. Он сблизился с ним и легко вошел внутрь. Из глубин ее сознания выплыл вопросительный знак.

— Кто это? Доктор?

— Я. Как ты себя чувствуешь, Сатина?

— Хорошо. Совсем хорошо.

— Как тебе спится?

— Здесь такой покой, доктор.

— Да. Могу себе представить. Но видела бы ты, как хорошо здесь. Прекрасный летний день. Солнце в голубом небе. Все в цвету. Подходящий день, чтобы искупаться, а? Ты любишь купаться? — он сконцентрировал всю свою силу на картинах купания: холодный горный поток, глубокий водоем, куда обрушивается белопенный водопад, восхитительный холодок внутри, когда уходишь в глубину, хрустальные струи, с журчанием обтекающие теплую кожу, смех друзей, всплески, быстрое и сильное течение, несущее ее к другому берегу...

— Мне здесь лучше, — ответила она.

— Может быть, ты больше любишь плавать в воздухе? — он сосредоточился на прелестях свободного полета: регулятор гравитатора у пояса, она стремительно взмывает на высоту ста футов и летит, летит над полями и долинами, рядом с ней — друзья, ее тело полностью расслаблено, невесомо, парит в восходящих потоках, она поднимается, пока земля под ней не превращается в разводы зеленого и коричневого, глядит на крошечные домики и смешные ма-

шинки, пролетает над посверкивающим серебряным озером, парит над темным мрачным лесом тесно прижавшихся друг к другу канадских елей, а теперь просто лежит на спине, нога на ногу, руки за головой, солнечные лучи на щеках, а внизу триста футов пустоты...

Сатина не клюнула на эту приманку. Она предпочитает оставаться там, где она сейчас. Искушение свободным полетом не удалось.

У Мукерджи уже не остается энергии на третью попытку вырвать ее из комы. Вместо этого он возвращается к чисто медицинским задачам и пытается нащупать источник травмы, отрезавший ее от мира. Страх, в этом нет никакого сомнения; эта ужасная трещина в куполе, рассекшая все ее понятия о безопасности, вид родителей и брата, умирающих у нее на глазах; болотный запах атмосферы Титана, ударивший в ноздри... Несомненно, все это вместе. Но люди оправлялись и от худших несчастий. Почему ей так хочется удалиться от жизни? Почему бы ей не покончить с ужасным прошлым и не вернуться к новой жизни?

Она боится его. Она отчаянно защищается. Она не хочет, чтобы он ворошил ее мозг. Все их встречи заканчивались одинаково: Сатина цеплялась за свое убежище, Сатина пресекала любую попытку выволить себя из этого добровольного заточения. Он продолжал надеяться, что однажды она ослабит свою защиту. Но скоро это не получится. Он осторожно отступил от центра ее мозга и заговорил с ней на более поверхностном уровне.

— Тебе пора возвращаться в школу, Сатина.

— Нет еще. У меня были слишком короткие каникулы.

— Не такие уж и короткие.

— Всего три недели, разве нет?

— Четырнадцать месяцев, а не три недели,— сказал он.

— Этого не может быть. Мы отправились на Титан совсем недавно... за неделю до рождества, и...

— Сатина, сколько тебе лет?

— В апреле будет пятнадцать.

— Неправда,— сказал он.— Тот апрель уже был и прошел, и следующий уже миновал. Шестнадцать лет тебе исполнилось два месяца назад. Шестнадцать лет, Сатина.

— Этого не может быть, доктор. Для девочки шестнадцатилетие — это особенный день, разве вы этого не знаете? Мои родители собирались пригласить много гостей. И всех моих друзей. И оркестр из девяти роботов с синтезаторами. Я же помню, что ничего этого не было, как же мне может быть шестнадцать лет.

Его силы иссякали. Его ментосигнал ослаб. Он не мог найти в себе энергии, чтобы сказать ей, что она снова блокирует реальность, что ее родители мертвы, что время течет, пока она здесь лежит, что уже слишком поздно для празднования Светлого Шестнадцатилетия...

— Мы поговорим об этом... в другой раз, Сатина... Увидимся... завтра... утром... Завтра... утром...

— Не уходите так быстро, доктор! — но он не мог больше поддерживать контакт и разорвал его.

Он поднялся и покачал головой. Стыдно, подумал он. Просто очень стыдно. Когда он вышел из палаты, ноги его дрожали. Он остановился на минуту в холле, привалившись к закрытой двери, чтобы вытереть пот со лба. Он не продвинулся с Сатиной ни на шаг. Он довольно быстро установил с ней контакт, но дальше не продвинулся. Ослабить интенсивность ее комы ему никак не удавалось. Ей было очень удобно в этом иллюзорном потустороннем мире, и ни телепатически, ни каким-либо другим способом ему не удавалось вытащить ее оттуда.

Он вздохнул и, подавив поднимающееся чувство расхожденности, открыл дверь следующей палаты.

8

Операция шла как по маслу. Дюжина студентов-медиков с третьего курса занимала галерею операционной, расположенной на третьем этаже больницы космопорта, изучая великолепную технику доктора Хаммонда как непосредственно, так и с помощью индивидуальных экранов. Пациенту, жертве опухоли головного мозга, было под семьдесят. Виднелась только его голова и плечи, торчащие из камеры жизнеобеспечения. Его череп был тщательно выбрит, синие линии и красные точки, нарисованные на нем, показывали внутренние контуры опухоли, со всей возможной точностью определенные коротковолновым генератором звуковых колебаний; хирург заканчивал установку лазеров, которые должны были уничтожить опухоль. Вся трудная работа была позади. Оставалось только лишь дать лазерам полную мощность и направить их тонкие, точные лучи в мозг пациента. Черепная хирургия такого рода совершенно бескровна; нет никакой необходимости разрезать кожу и пилить кость, чтобы обнаружить опухоль, ибо лазерные лучи, сжатые до доли дюйма, проникают внутрь сквозь мельчайшие отверстия и, вонзаясь в опухоль с разных сторон, уничтожают злокачественное образование, не причиняя абсолютно никакого вреда здоровым тканям мозга. В подобных операциях поддается планированию буквально все. Как только определены точные очертания опухоли, и хирургические лазеры установлены под нужными углами, работу может закончить любой студент.

Доктора Хаммонда вся эта процедура вгоняла в тоску. За этот год он переделал, наверное, сотню таких операций. Он подал знак;

на лазерной панели вспыхнул предупреждающий огонек; студенты подались вперед...

Но как только лучи лазеров устремились к операционному столу, лицо усыпленного пациента дико перекосилось, словно из глубин его напичканного наркотиком мозга выплыло какое-то ужасное видение. Его ноздри затрепетали, губы провалились, глаза широко раскрылись. Он, казалось, пытался что-то крикнуть. Затем он конвульсивно дернулся, повернув голову набок. Лазерные лучи вошли глубоко в левое полушарие его мозга, далеко от обозначенных контуров опухоли. Правая сторона его лица обвисла: паралич. Студенты в замешательстве уставились друг на друга. У ошеломленного доктора Хаммонда все же хватило сообразительности быстрым взмахом руки отключить лазеры. Он в волнении схватился за операционный стол обеими руками, просматривая показания стрелок и лент, говорящих ему о подробностях неудавшейся операции. Опухоль осталась нетронутой, а обширная область мозга оказалась поврежденной.

— Невероятно,— бормотал Хаммонд.— Невероятно. Невероятно.

Он быстрыми шагами подошел к другому краю стола и начал просматривать записи приборов жизнеобеспечения. Вопрос об успешном удалении опухоли больше не стоял; вопрос заключался в том, будет ли пациент жить.

9

К четырем часам пополудни Мукерджи почти закончил свои дела. Он осмотрел всех пациентов, заполнил все истории болезни, ввел программу с прогнозами в головной компьютер управляющего центра больницы; прежде всего он выкроил время, чтобы перекусить. Обычно следующие четыре часа он отдыхал: возвращался в свою спартанскую комнатку в стоящем на краю космопорта здании для медицинских работников, чтобы вздремнуть, или спускался в спортивный центр, чтобы сыграть пару раундов в гравитеннис, или смотрел объемное шоу, или занимался еще чем-нибудь. Обычно он начинал вечерний обход не раньше восьми. Но сегодня он не мог расслабиться: его слишком беспокоили шестеро находящихся на карантине космонавтов. Накадаи начал присылать результаты обследования с двух часов, и в офисе Мукерджи уже имелось солидное количество данных. Тревожных сигналов не было, поэтому Мукерджи в течение дня позволил информации просто накапливаться. Теперь он почувствовал, что обязан взглянуть на все данные. Нажав на клавиши связи, он включил печатающее устройство, и из прорези начали выскакивать результаты деятельности Накадаи.

Мукерджи перебирал желтые листы. Рефлексы, насыщение си-напсов, степень невральнoй ионизации, эндокринный баланс, скорость реакций, дыхание, кровообращение, деятельность органов чувств, внутримозговой молекулярный обмен, электроэнцефалограмма то повышается, то понижается... Нет ничего необычного. Из обследования явствовало, что шесть космонавтов, возвратившихся с звезды Нортонa, просто крайне нуждаются в отдыхе (издерганные нервы, замедленные рефлексы), но не было заметно ничего более серьезного, чем хроническое недосыпание. Он не мог обнаружить ни единого признака нарушения деятельности мозга, заражения, повреждения нервной системы или какого-нибудь другого отклонения от нормы.

Откуда же тогда все эти кошмары?

Он набрал номер офиса Накадаи:

— Карантин,— немедленно отозвался высокий голос, и мгновение спустя на экране появилось худое желтоватое лицо Накадаи...— Хэлло, Пит. Я как раз собирался звонить тебе.

Мукерджи сказал:

— Я освободился совсем недавно. Но успел просмотреть все, что ты прислал. Ничего особенного.

— Я так и думал.

— Как они там? Я полагал, что ты дашь мне знать, если к кому-нибудь вернутся кошмары.

— Их ни у кого не было,— ответил Накадаи.— Фалькирк и Родригес спят с одиннадцати часов. Как сурки. Шмидту и Кэрролу разрешили лечь в тринадцать тридцать. Вебстера и Шивона уложили в три. Все шестеро до сих пор храпят, словно они не спали целые годы. Я оставил их аппаратурой, но все идет совершенно нормально. Послать тебе результаты?

— Зачем? Раз нет галлюцинаций, то и я ничего не увижу.

— Значит, ты вечером собираешься провести зондирование мозга?

— Не знаю,— сказал Мукерджи, пожимая плечами.— Мне кажется, в этом нет смысла, но давай оставим этот вопрос открытым. Около одиннадцати я закончу вечерний обход, и если будет какой-нибудь резон лезть в их черепа, я это сделаю,— он задумался.— Однако... разве они не говорили, что всех их мучали кошмары в с я к и й р а з, как только они ложились?

— Правильно.

— И вот сейчас, за пределами корабля, они спят в первый раз с тех пор, как начались кошмары, но их ничто больше не мучает. Никакого следа нарушения мозговой деятельности вследствие какой-нибудь галлюциногенной инфекции. Ты понимаешь что-нибудь, Ри? Я начинаю склоняться к этой дурацкой гипотезе, которую они выдвинули утром.

— Что галлюцинации вызывает невидимое инопланетное существо? — спросил Накадаи.

— Что-то в этом роде. Ри, в каком состоянии сейчас их корабль?

— Он прошел стандартную обработку, и теперь его загнали в изоляционный сектор, пока у нас не появится какой-нибудь идеи по поводу происходящего.

— Мне разрешат подняться на борт? — спросил Мукерджи.

— Думаю, что да... но... зачем?..

— На тот крайний случай, если эти кошмары действительно вызваны чем-то внешним; это что-то до сих пор может находиться на корабле. И, конечно же, телепат моего уровня способен обнаружить его присутствие. Ты не можешь получить разрешение на это прямо сейчас?

— Минут через десять, — ответил Накадаи. — Я за тобой зайду.

Накадаи для скорости взял автороллер. Подъехав к посадочному полю, он протянул Мукерджи похрустывающий космический костюм.

— Для чего это?

— Вдруг тебе захочется подышать в корабле. В нем ведь вакуум. Мы решили, что вряд ли стоит наполнять его воздухом. К тому же там радиация. О'кэй?

Мукерджи влез в костюм.

Они подъехали к кораблю. Это была стандартная межзвездная нульгравитационная машина. Она казалась маленькой и одинокой в дальнем углу поля. Корабль был окружен кордоном роботов, но они, извещенные центром управления, пропустили двух врачей. Накадаи остался снаружи; Мукерджи с трудом протиснулся в тамбур и, после того, как люк подвергся обычной обработке, вошел внутрь. Осторожно, словно человек, идущий по лесу, в котором, как ему сказали, на каждом дереве сидит по ягуару, он пробрался мимо кают. Настороженно оглядываясь по сторонам, он как можно быстрее привел себя в состояние полной телепатической восприимчивости и, широко распахнув мозг, стал ждать телепатического контакта с тем, что могло скрываться на корабле.

— Давай. Делай свои гадости.

Полное молчание на всех ментоволнах. Мукерджи обошел все: грузовой трюм, каюты экипажа, двигательный отсек. Везде пусто, везде спокойно. Он был уверен, что смог бы обнаружить присутствие телепатического существа, каким бы необычным оно ни было, если оно способно добраться до мозгов спящих космонавтов, оно способно добраться и до мозга бодрствующего телепата. Через пятнадцать минут он без удовлетворения покинул корабль.

— Ничего там нет, — сказал он Накадаи. — Мы не продвинулись ни на шаг.

Взие все больше впадал в отчаяние. Он лазил по зданию целый день; судя по уменьшению количества солнечной радиации, проникающей через окна, наступала ночь. И хотя на каждом этаже можно было найти открытый мозг, взие не везло с контактом. Правда, больше не было ни одного рокового исхода, но повторялась та же история, что и на корабле: каждый раз, стоило только взие тронуть человеческий мозг, реакция была настолько негативной, что делала всякую связь невозможной. И все же взие пробовал снова и снова, перебирая мозг за мозгом, отказываясь поверить в то, что на целой планете нет ни одного человека, которому он бы мог поведать свою историю. Он надеялся, что не причинял большого вреда тем мозгам, которые трогал. Решалась его судьба.

В половине десятого вечера доктор Питер Мукерджи, напряженный, с воспаленными глазами, влачил бремя своих обязанностей. Работы было много. Шизоидный коллапс, кататоническое оцепенение, Сатина с ее комой, с полдюжины банальнейших истеричек, пара случаев паралича, афазия и еще куча больных, процедуры с которыми пожирали по шестнадцать часов в сутки и истощали запасы его телепатической силы до предела. Когда-нибудь он уедет отсюда; когда-нибудь он покинет эту больницу и займется частной практикой на каком-нибудь тропическом острове и сможет летать на уикэнд в Бомбей, вместе с семьей проводить отпуск на планетах далеких звезд, подобно некоторым преуспевающим светилам медицины. Когда-нибудь... Лучше выкинуть эти буйные фантазии из головы. Уж если о чем мечтать, сказал он себе, так это о сне. Поспать. Прекрасный, чудесный сон. А потом, с утра, все начнется снова: Сатина и ее кома, шизоиды, кататоники, афазики...

Он вошел в холл и двинулся от пациента к пациенту, и в это время связник проговорил:

— Доктор Мукерджи, зайдите к доктору Бейли.

Бейли? Главврач неврологического отделения все еще у себя? Что же ради на этот раз? Конечно же, не могло идти и речи о том, чтобы игнорировать этот вызов. Мукерджи сообщил в управляющий центр, что прерывает обход, и поспешил к покрытой мозаичными узорами двери, на которой висела табличка: «СЭМЮЭЛЬ Ф. БЕЙЛИ. Д. М.».

Он обнаружил там половину всех невропатологов больницы: четверо из головного института, целая куча из отделения, среди которых несколько докторов высшего класса. Бейли, пухлощекий пяти-

десятилетний человек с песочного цвета волосами, имеющий большой вес как специалист, барабанил пальцами по листу с цифрами и хмурился. Увидев Мукерджи, он слегка кивнул, приветствуя его. Отношения между ними оставляли желать лучшего. Бейли, представитель старой школы, не слишком-то доверял телепатии как методу лечения расстройств мозга.

— Как я только что выяснил, — начал он, — доклады эти копились весь день и теперь вдруг обрушились на меня, один бог знает, почему. Слушайте: два сердечника, находящиеся под действием успокоительного, подверглись неожиданному сильнейшему шоку, описанному одним врачом как сенсорная перегрузка. У одного это кончилось остановкой сердца, у другой — кровоизлиянием в мозг. Оба умерли. У пациента, у которого было нарушение эндокринного баланса, уровень адреналина вдруг прыгнул, словно у бегуна на дистанции, и шесть месяцев лечения пошли коту под хвост. Еще один пациент завозился во время операции мозга, несмотря на полную анестезию, и был тяжело поврежден лазерами. И так далее. Аналогичные случаи сегодня происходят по всей больнице. Компьютерная проверка основных параметров электроэнцефалограммы показывает, что четырнадцать пациентам, не говоря уже об упомянутых, в течение последних одиннадцати часов снились необычайно ужасные кошмары, причем почти все настолько реальные, что приводили к некоторому психическому расстройству и почти всегда приносили ощутимый физический вред. Управляющий центр не может припомнить ни одного случая эпидемии кошмаров. Нет также резона считать причиной подобной вспышки испорченную пищу или просто случайность. Тем не менее, спящие пациенты продолжают видеть кошмары, и те, чье состояние особенно плохо, подвергаются смертельной опасности. Усыпление пациентов, находящихся в критическом состоянии, должно быть немедленно остановлено, где это еще возможно, где нет — срочно изменить усыпляющие щиты. Если все это продлится до завтрашнего утра, эти меры — не выход. — Бейли сделал паузу, скользнул взглядом по комнате и остановил глаза на Мукерджи. — Управляющий центр выдвинул такую гипотезу: в больнице находится психопат с сильнейшими телепатическими способностями, накидывающийся на спящих пациентов и передающий им видения, принимающие форму ужасающих кошмаров. Мукерджи, что вы скажете относительно этой гипотезы?

Мукерджи ответил:

— Все логично, хотя я не могу представить, чего ради телепату внушать эти холодящие кровь кошмары. Кстати, управляющему центру известно о случае в карантинном блоке?

Бейли уставился на лист с цифрами:

— Что еще за случай?

— Шесть космонавтов, прибывших сегодня ранним утром, до-

ложили, что их мучали хронические кошмары в течение всей дороги домой. Доктор Ри Накадаи обследовал их. Он вызвал меня в качестве консультанта, но я ничем не могу ему помочь. Возможно, сейчас ко мне в оффис уже поступили последние сообщения от Накадаи, но...

Бейли вмешался:

— Управляющий центр интересуется лишь происходящим в самой больнице, а не по всему космопорту. И если эту шестерку мучали кошмары в пути, то маловероятно, чтобы сходные симптомы проявились...

— Вот то-то и оно,— перебил его Мукерджи.— Их мучали кошмары в космосе. Но сейчас они спят с самого утра, и Накадаи говорит, что они спят крепко. Возможно, отсюда и пошла эта вспышка галлюцинаций. Это значит, что нечто, беспокоившее их во время всего полета, каким-то образом вырвалось на свободу и бродит по больнице. Это существо способно вызвать сновидения настолько ужасные, что они привели наших ветеранов-космонавтов на грань срыва, могут приносить серьезный вред и даже убивать тех, у кого здоровье послабее,— он вдруг заметил, что Бейли как-то странно смотрит на него и не один только Бейли. Он продолжил, но несколько сдержаннее.— Очень жаль, что это прозвучало слишком фантастично. Я обдумывал эту идею целый день, поэтому у меня было время, чтобы составить хотя бы самое общее представление о происходящем. Только сейчас все начало связываться воедино. Я не говорю, что моя гипотеза абсолютно соответствует истине. Я бы сказал, что это наиболее подходящий вариант, который стыкуется с гипотезой самих космонавтов о том, что причиняло им такие неприятности. Этот вариант объясняет всю ситуацию. Следуя моей гипотезе, мы немедленно должны войти в контакт с этим существом, если только мы намерены прекратить все это безобразие раньше, чем снова будут потеряны человеческие жизни.

— Хорошо, доктор,— неожиданно согласился Бейли.— Как вы предлагаете войти в контакт?

Мукерджи был потрясен. Он ужасно вымотался за день и чуть не падал с ног. И Бейли так вот запросто бросает его в зубы этому охотящемуся чудищу, даже не спрашивая его согласия. Отказаться Мукерджи, естественно, не мог. Среди всего персонала больницы он был единственным телепатом. Если же предполагаемое существо до сих пор прячется где-то в больнице, кто его сможет обнаружить, как не телепат?

Зажав свою усталость в кулаке, Мукерджи твердо сказал:

— Хорошо. Для начала мне нужен список всех случаев кошмаров, карта с указанием местонахождения каждой жертвы и приблизительное время начала галлюцинаций.

Там, дома, все уже готовится к Фестивалю Превращений, грандиозному празднику завершения зимы. Тысячи взие в фазе метаморфа двинулись в путь к Долине Песка, огромному естественному амфитеатру, где всегда происходят священные ритуалы. Первые участники уже занимают свои места, лицом на восток, ожидая восхода. Ряды постепенно заполняются по мере того, как взие прибывают из всех уголков планеты, пока золотистая долина не заполнится до отказа. Взие постепенно меняют свой энергетический уровень, пространственные очертания, внутренний резонанс, наслаждаясь последними радостными минутами сезона метаморфоз, состязаясь друг с другом в демонстрации неисчислимого разнообразия форм, наиболее динамичных циклов физических превращений... Как только первые красные лучи солнца подкрадываются к Игле, ликующие взие приходят в еще большее неистовство, подпрыгивают, пускаются в пляс, самозабвенно изменяя свою форму, расставаясь с щедротами зимы — сезона метаморфоз; ибо на планете наступает сезон постоянства. Наконец, когда солнце полностью выкатывается из-за горизонта, они поворачиваются друг к другу, вновь обретшие единый вид, обнимаются и...

Взие старался не думать об этом, но было невероятно трудно подавить в себе чувство утраты, сосущую боль ностальгии. Боль росла с каждой минутой. Он уже не надеялся на чудо, которое вернуло бы его домой к началу Фестиваля Превращений, но еще труднее было смириться со своим несчастьем.

Попытки коснуться человеческого мозга оставались безуспешными. Может быть, принять видимую для них форму, дать себя заметить и после этого изъясняться вслух?..

Но взие был так мал, а люди так громадны. Слишком велика опасность. Взие, прижавшись к стене и тщательно сохраняя частоту своего светового излучения выше области ультрафиолета, взвешивал свои шансы и так и не мог ни на что решиться.

13

— Хорошо, — устало сказал Мукерджи, когда до полуночи оставалось совсем чуть-чуть. — Я думаю, у нас теперь есть четкий след. — Он опустился на стул перед огромным, занимающим всю стену экраном управляющего центра, на котором был виден трехмерный план больницы. Ярко-красные точки отмечали каждый случай кошмаров, желтый пунктир — предполагаемое перемещение невидимого инопланетного существа. — Оно проникло сквозь боковую дверь, видимо, прямо с корабля, и пробралось сперва в кардиологи-

ческое отделение. Вот койка миссис Мальдонадо, вот — мистера Гиннеса, так? Затем поднялось на второй этаж, повернуло в центральную часть здания, забираясь в черепа людей вот здесь, здесь и здесь с десяти до одиннадцати часов утра. Последующие час десять минут галлюцинаций не наблюдалось, но затем происходит этот неприятный случай в операционной на третьем этаже, а после... — Мукерджи на мгновение прикрыл слипающиеся глаза; точки и пунктиры продолжали рябить перед ним. Он заставил себя продолжать, показывая остаток пути таинственного существа докторам больницы и офицерам безопасности. Наконец, он закончил. — Вот так. Я полагаю, существо должно находиться сейчас между пятым и восьмым этажами. Оно движется значительно медленнее, чем утром, вероятно из-за потерь энергии. Что мы должны сделать, так это держать все двери на запорах, чтобы затруднить ему свободу передвижения, если оно вдруг захочет переместиться, и постараться сузить круг наших поисков.

Один из офицеров безопасности чуть-чуть смущенно спросил:

— Доктор, но как мы можем найти невидимое существо?

Мукерджи, с трудом подавив раздражение, ответил:

— Видимый спектр — не единственный род электромагнитного излучения во Вселенной. Если эта штука живая — она должна хоть что-нибудь излучать. У нас есть головной компьютер с миллионами чувствительных выводов, разбросанных по всей больнице. Разве нельзя заставить его обнаружить перемещающийся по помещению источник инфракрасного или ультрафиолетового излучения? Или даже рентгеновского. Бога ради, мы же не знаем, что он излучает. Могут быть даже гамма-лучи. Понимаете, что-то ужасное вырвалось на волю и прячется у нас в больнице, человек не может обнаружить его, а компьютер может. Пусть он и поработает.

Доктор Бейли сказал:

— Возможно, энергия, по которой мы сможем обнаружить его, это, э... телепатическая энергия, доктор.

Мукерджи пожал плечами:

— Насколько мне известно, телепатические импульсы не имеют никакого отношения к электромагнитному излучению. Но вы, конечно, правы, я мог бы обнаружить нечто в этом роде, и я согласен провести обследование каждого этажа сразу же, как только закончатся наше совещание, — он повернулся к Накадаи. — Ри, что ты нам скажешь про этих космонавтов?

— Все четверо проспали восемь часов, и ни малейшего намека на кошмары. У них были какие-то сны, но все как обычно. В последующие два часа я разговаривал с ними по фону и устроил им беседу с некоторыми пациентами, у которых тоже были кошмары. Они согласились, что сновидения, которые были у них сегодня и у космонавтов, по характеру одни и те же, так же как по структуре и по

общей интенсивности ужаса. Лейтмотивом всех кошмаров были картины распада тканей и незнакомые пейзажи в сочетании со всеподавляющим, почти нестерпимым чувством изолированности, одиночества, оторванности от своих.

— Это согласуется с гипотезой об инопланетном существе, как причине всего происходящего,— сказал Мартенсон, психолог.— Оно бродит, стараясь связаться с нами, стараясь сказать нам, что ему здесь вовсе не нравится. Его рассказ доходит до человеческого мозга лишь в форме ужасных кошмаров...

— Почему оно обращается только к спящим людям? — спросил какой-то студент.

— Видимо, только с ними оно может контактировать. Возможно, бодрствующий мозг невосприимчив к его сигналам,— предположил Мукерджи.

— Сдается мне,— вмешался офицер безопасности,— что вы громоздите друг на друга предположения, оснований для которых вовсе нет. Подняли шумиху вокруг телепат-невидимки, который нашептывает людям на ухо всякие кошмары. А может, это проникающая в голову зараза, или что-нибудь в пище, или...

Мукерджи ответил:

— Гипотезы, которые вы выдвигаете, уже проверялись и отброшены. Мы разрабатываем данную версию потому, что она связывает все воедино, хотя и звучит фантастически. Так или иначе, она — все, что у нас есть. С вашего позволения, я отправляюсь обследовать здание на наличие телепатического излучения,— и он вышел, сжимая ладонями раскалывающуюся голову.

14

Сатина Рэнсом завожилась, вытянулась и затихла. Она поглядела вверх и увидела изумительное сияние колец Сатурна, просвечивающих сквозь купол смотрового зала. В жизни она не видела ничего, более прекрасного. С такого расстояния, всего лишь около семи-десяти пяти тысяч миль, она явственно различала зоны колец, вращающихся вокруг Сатурна, каждое со своей скоростью, и черноту космоса, видимую в промежутках между ними. И сам Сатурн, сверкающий в небесах — яркий, огромный...

Что это за раскатистый звук? Гром? Его не может быть здесь, на Титане. Снова грохот. Сотрясение почвы. Трещина в куполе! Нет, нет, нет! Чувствуете, воздух рвется наружу, глядите, вон заползает зеленоватый туман... кругом падают люди... что случилось, что случилось, что случилось? Неужели на нас упал Сатурн? Этот прикус во рту... а... а... а...

Сатина закричала. Закричала снова. И кричала без остановки,

проваливаясь во тьму, закутываясь в мягкое одеяло бессознательно, дрожа, благодаря судьбу за то, что ей есть куда спрятаться.

15

Мукерджи в сопровождении трех офицеров безопасности и пары студентов обошел все здание. Он осматривал отделения, о существовании которых даже и не подозревал. Он обследовал подвалы, подвалы под подвалами, и подвалы под ними; он побывал в лабораториях и помещениях компьютеров, палатах и приемных покоях. Он все время оставался в состоянии полной телепатической восприимчивости, но не заметил ничего, ни единого всплеска ментопотока. Почему-то это его не удивило. Уже близился рассвет, и он хотел только одного: спать. Проспать бы часов шестнадцать, и больше ничего. И наплевать ему на кошмары. Устал он просто несказанно.

Ужасное существо по-прежнему было на воле, и кошмары продолжались. Этой ночью произошло три инцидента с интервалом в девяносто минут: двое пациентов на пятом этаже и один на шестом проснулись, охваченные ужасом. Их удалось быстро успокоить и все, казалось, снова было в порядке; но теперь этот странник был рядом с палатами неврологического отделения Мукерджи, и его беспокоила мысль о том, что душевно неуравновешенные пациенты могут подвергнуться такому воздействию. К этому времени управляющий центр перепрограммировал мониторные системы коек пациентов для распознавания первых признаков кошмара — гормональные изменения, биение электроэнцефалограммы, частота дыхания и так далее — в надежде разбудить жертвы до наступления максимума. Все равно Мукерджи хотелось видеть эту тварь пойманной и выдворенной из больницы раньше, чем она доберется до его пациентов.

Но как это сделать?

Он поднимался к себе на шестой этаж, чуть не падая с ног от усталости, и перебирал в уме все, что говорилось на полуночном совещании: бродит по больнице, пытаюсь связаться с нами, как говорил Мартенсон. Его обращения превращаются в человеческом мозгу в холодящие кровь кошмары. Видимо, бодрствующий мозг не восприимчив к его сигналам. Даже мозг бодрствующего телепата. Мукерджи даже подумал, не стоит ли ему уснуть специально, в надежде на то, что инопланетянин потянется к нему, а потом он постарается заморочить его, заманить в какую-нибудь ловушку — но нет. Спящий, он ничем не отличается от прочих. Если он заснет, и инопланетянин вступит с ним в открытый контакт, он просто увидит эти чертовы кошмары и проснется. Ни к чему это не приведет. Это не выход. А может, все же, ему удастся установить контакт через мозг

жертвы кошмаров... человека, которого он использует в качестве телепатического громкоговорителя... человека, который не будет вскакивать с постели, увидев такой сон...

Сатина.

Возможно. Возможно. Конечно, он должен быть уверен, что девочка будет защищена, что ей не будет причинено никакого вреда. В ее голове и так полно всяких ужасов. Но если он передаст ей свою силу, оттянет яд кошмаров, примет удар на себя, воспользовавшись телепатической связью, окажется способным устоять и при этом разговаривать с чужим мозгом — это может сработать. Может...

Он вошел в ее комнату. Сжал ее руку в своих ладонях.

— Сатина!

— Уже утро, доктор?

— Еще слишком рано, Сатина. Но сегодня все не совсем обычно. Нам нужно твое содействие. Ты вовсе не обязана соглашаться, если не хочешь, но я думаю, ты можешь оказать нам неоценимую помощь. А может быть, и себе тоже. Слушай меня, только очень внимательно, и обдумай все, прежде чем ответить «да» или «нет».

«Боже, помоги мне, если что не так», — подумал Мукерджи, но уже на уровне, который находился много ниже уровня телепатического контакта.

16

Дрожащий, одинокий, на грани умственного расстройства от бессилия и безнадежности положения, взие несколько часов даже и не пытался вступить в контакт. Зачем? Результаты были одними и теми же. Он бесполезно расстрачивал свои силы и приносил беспокойство людям, и все безрезультатно. Вставало солнце. Взие начинал подумывать, не выйти ли ему из здания под желтое излучение, сняв всю защиту; это была бы быстрая смерть, конец всем несчастьям и надеждам. Он был просто глупцом, мечтая снова увидеть родную планету.

Но что это?

Зов. Отчетливый, несомненный, вполне осмысленный. Иди ко мне. Открытый мозг где-то на этом этаже, говорящий не на языке людей, не на языке взие, но использующий те бессловесные общедоступные понятия, которые возникают всякий раз, когда мозг общается с мозгом напрямую. Иди ко мне. Расскажи мне обо всем. Как мне помочь тебе?

Охваченный возбуждением, взие скользнул по всему спектру, испустив инфракрасную вспышку, колючий ультрафиолетовый луч, весеннее сияние видимого света, и только после этого овладел со-

бой. Он быстро засек направление, откуда шел зов. Не так уж и далеко: по коридору, пролезть под эту дверь, теперь по этому проходу. Иди ко мне. Да. Да. Вытянув телепатический рецептор, нащупывая верный путь, взие мчался на зов,

17

Мукерджи, подсоединенный к мозгу Сатины, почувствовал неожиданный сокрушающий удар входящего кошмара. Даже в ослабленном виде этот эффект сохранял свою ошеломляющую силу. Он ощутил поразительное воздействие мозга, тронувшего его мозг. А потом в восприимчивом мозге Сатины за клубился...

Стена выше Эвереста. Сатина, пытающаяся добраться до верха, царапает гладкую белую поверхность, вдавливая кончики пальцев в крохотные трещинки. Скатывается на ярд из каждой двух пройденных. Внизу — смутно виднеющаяся яма, выстреливающая языки пламени, извергающая вонючие газы. Уродливые чудовища, с острыми, словно иглы, клыками, ждут, когда она свалится вниз. Стена становится все выше. Воздуха почти нет — ей нечем дышать, в глазах все мутнеет, грязная рука сжимает ее сердце, она чувствует, как кровеносные сосуды отделяются от тела, словно проволока, торчащая из развороченного пластикового потолка. Сила гравитации постоянно растет... больно, гортань крошится, лицо отвратительно обвисает... река страха стремительно заполняет мозг...

— Все это ненастоящее, Сатина. Все это иллюзии. Ничего этого на самом деле нет.

— Да, — говорит она, — да, я знаю, — но Мукерджи отчетливо слышит страх. Ее мускулы подергиваются, на лице проступает румянец и капли пота, глаза трепещут под сомкнутыми веками. Сон продолжается. Сколько она еще выдержит?

— Дай мне, — говорит он. — Дай мне сон.

Она не понимает. Ничего. Мукерджи знает, как это сделать. Он настолько устал, что перестал думать об усталости. Где-то в заколпапной области он обнаруживает неожиданную силу, которая помогает ему войти в оцепеневшую от ужаса душу и смести там галлюцинации, словно паутину. Теперь они обрушиваются на него. На этот раз непосредственно, а не через мозг Сатины, теперь все эти фантомы режутся в его черепе. Он чувствует, как расслабляется Сатина, и одновременно сам собирается с силами, чтобы противостоять яростному натиску ужаса, который он вызвал на себя. И он борется. Он отводит от девочки иррациональность и заполняет ею свое сознание, приспосабливается, привыкая мыслить параллельно потоку ужасающих видений.

Он делит с Сатиной то, что предназначено ей одной. Вместе они могут вынести эту ношу. Он несет большую часть ее, но и она, Сатина, несет свою, и никого из них не захлестывает этот парад страшилищ. Они могут смеяться над чудовищами из сна; они могут даже восторгаться ими; ну до чего же буйная фантазия! Вон то существо с сотней голов, этот моток живой медной проволоки, грызущиеся драконы, вон та нечеткая масса острых зубов... разве можно бояться того, что не существует?

Мукерджи посылает сквозь мешанину причудливых видений связную мысль, пропуская ее через мозг Сатины в мозг неизвестного существа.

— Можешь ты убрать эти кошмары?

— Нет,— ответило что-то.— Они в вас, не во мне. Я только даю им необходимый толчок. А вы сами порождаете видения.

— Хорошо. Кто ты, и что тебе здесь нужно?

— Я взие.

— Кто?

— Форма жизни с планеты, где вы собираете ветки «зеленого огня». Я попал на вашу планету только по рассеянности.

Рассказ сопровождается чувством грусти, то уменьшающимся, то вновь возрастающим. Здесь и пафос, и жалость к самому себе из-за неустроенности, истощения всех сил. Надо всем этим все еще несется волна кошмаров, но это уже не имеет значения.

Взие продолжает:

— Я хочу всего лишь вернуться домой. Мне не нравится здесь.

«И это наше инопланетное чудовище,— думает Мукерджи. Это наше страшное, распространяющее кошмары существо со звезд!»

— Почему, ты наводишь галлюцинации?

— Не по своей воле. Я просто пытался установить менто-контакт. Какой-нибудь дефект в чувствительной системе человека, может быть. Не знаю. Не знаю. Я так устал. Ты можешь помочь мне?

— Мы отправим тебя домой,— обещает Мукерджи.— Где ты? Ты можешь показать себя? Дай мне знать, как тебя найти, и я свяжусь с начальником космопорта. Он организует тебе возвращение домой с первым же отправляющимся туда кораблем...

Сомнение. Молчание. Контакт слабее и, похоже, прерывается.

— Ну? — спрашивает Мукерджи немного погодя.— Что случилось? Где ты?

Ответ от взие приходит не сразу.

— Как я могу верить тебе? Может быть, ты просто хочешь уничтожить меня? Я откроюсь...

Мукерджи кусает губы, подавляя бешенство. Запасы его телепатической энергии почти иссякли. Он вполне может вообще потерять контакт. Если он сейчас же не найдет способа уговорить это мни-

тельное существо уступить ему, он может выдохнуться раньше, чем все устроится. Ситуация требует отчаянных мер.

— Послушай, взие. Ни у меня, ни у девочки, которую я использую, не осталось больше сил, чтобы продолжать разговор. Я приглашаю тебя к себе в голову. Я отброшу всю свою защиту, чтобы ты смог увидеть, кто я такой, посмотреть как следует и решить, стоит ли мне доверять, или нет. В конце-концов, это же нужно тебе. Я помогу тебе вернуться домой, но только если ты дашь себя увидеть.

Он широко распахивает свой мозг. И остается ментально беззащитным.

Взие обрушивается в мозг Мукерджи.

18

Чья-то рука тронула Мукерджи за плечо. Он что-то недовольно буркнул и замолчал, стараясь собраться с мыслями. Рядом с ним стоял Ри Накадаи. Они находились... где это?.. в палате Сатины Рэнсом. В окно просачивался бледный свет раннего утра; он, должно быть, на минуту задремал. Голова раскалывалась.

— Я обжег все вокруг, разыскивая тебя, Пит,— сказал Накадаи.

— Уже все в порядке,— пробормотал Мукерджи.— Все в полном порядке.— Он потряс головой, чтобы окончательно прийти в себя, и все вспомнил. На полу рядом с койкой Сатины сидело нечто размером с лягушку, но формой, окраской и строением отличающееся от всех лягушек, которых Мукерджи когда-либо видел. Он указал на него Накадаи.— Это взие,— сказал Мукерджи.— Инопланетный ужас. Мы с Сатиной подружились с ним. Мы уговорили его показаться. Послушай, ему здесь не сладко, поэтому, если тебе не трудно, сходи за кем-нибудь из начальства космопорта и объясни, что у нас тут есть существо, которое надо немедленно отправить к звезде Нортон и...

— Вы — доктор Мукерджи? — спросила Сатина.

— Верно. Полагаю, мне надо было представиться, когда... ты проснулась?

— Ведь уже утро, правда? — девочка с улыбкой прислонилась к спинке кровати.— Вы моложе, чем я думала. И такой серьезный! А я люблю такой цвет кожи. Я...

— Ты проснулась?

— Мне снился плохой сон,— сказала она.— Или снилось, что мне снится плохой сон... Не знаю. Как бы то ни было, это было очень страшно, и когда все кончилось, мне вдруг стало хорошо... Я подумала, что если буду спать и дальше, я пропущу очень много

хорошего. Надо встать и посмотреть, что происходит в мире... Вы что-нибудь поняли, доктор?

Мукерджи вдруг ощутил дрожь в коленях.

— Шоковая терапия,— пробормотал он.— Мы вышибли ее из комы... даже не подозревая, что делаем.— Он подошел к койке.— Послушай, Сатина. Я не спал, наверное, миллион лет, и я валюсь с ног от усталости. Я хочу поговорить с тобой о тысяче вещей, но только не сейчас. О'кэй? Не сейчас. Я пришло доктора Бейли — это мой босс. Как выплусь, вернусь, и мы все вместе поболтаем. О'кэй? Скажем, часов в пять-шесть вечера. Хорошо?

— Ну, конечно, конечно,— сказала Сатина с промелькнувшей на губах улыбкой.— Если вы чувствуете, что должны бежать в тот самый момент, когда я... Конечно. Идите. Вы выглядите ужасно усталым, доктор.

Мукерджи послал ей воздушный поцелуй. Подхватив Накадаи под руку, повел его к двери. В коридоре он сказал:

— Быстро тащи взие в карантинное отделение и постарайся поместить его в атмосферу, которую он сочтет приемлемой для себя. И организуй его отправку домой. Я думаю, ты можешь выпустить этих космонавтов. Я иду к Бейли... А потом завалюсь спать.

Накадаи кивнул.

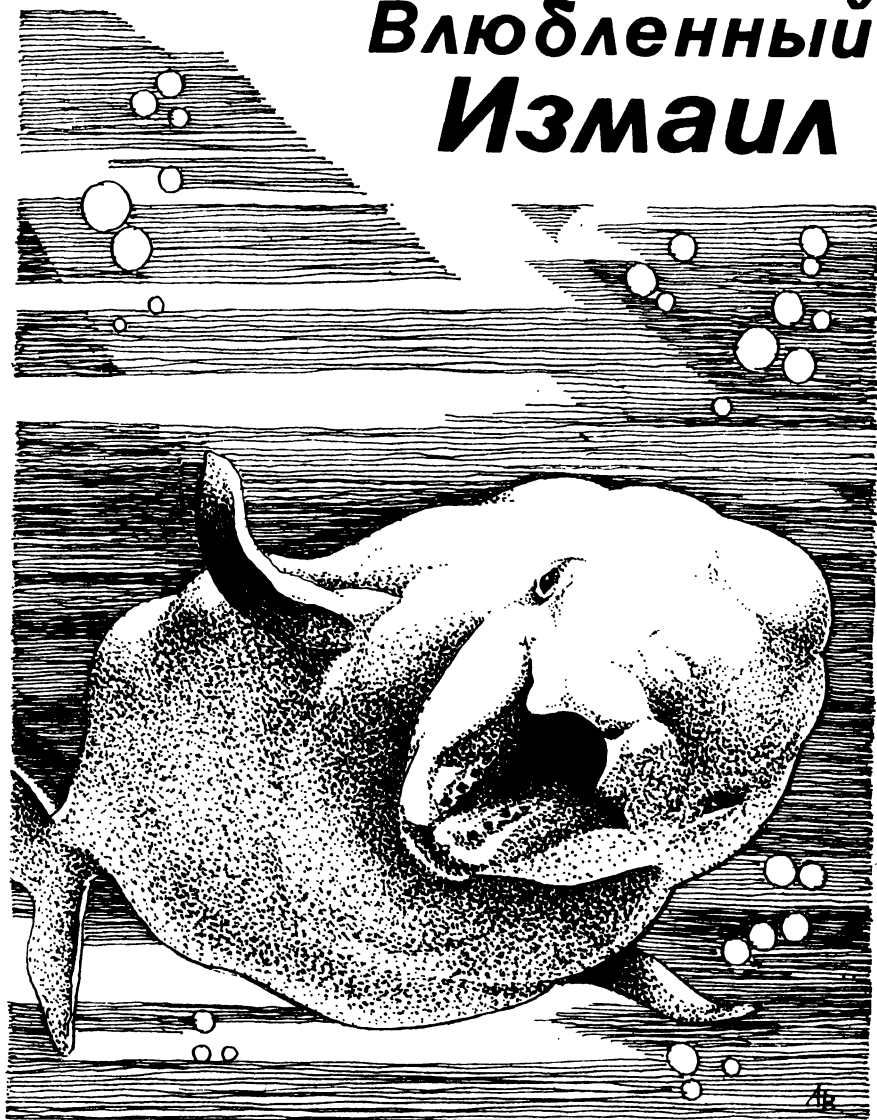
— Тебе надо отдохнуть, Пит. Остальное я сделаю сам.

Мукерджи, шаркая ногами, медленно направился к оффису доктора Бейли, думая об улыбке на лице Сатины, думая о грустном маленьком взие, думая о кошмарах...

— Приятных снов, Пит,— крикнул ему вслед Накадаи.

Влюбленный Измаил

Называйте меня Измаилом *. Все человеческие существа, которые меня знают, называют меня так. Мой собственный вид не прибегает к использованию единично-структурного определения (имени) для того, чтобы различать индивидов. Но это — имя, данное мне людьми, и я оставляю его за собой. Оно было дано мне мисс Лизбет Колкинс, к которой я испытываю покровительственное рыцарско-сексуальное чувство (любовь). Во время всего повествования подразумевается, что определение «Измаил» относится ко мне и ни к кому больше.

Я принадлежу к виду разумных водных млекопитающих (не приматов и не гуманоидов) *tursiops truncatus* — бутылконосых дельфинов. Мне одиннадцать лет, то есть, я, так сказать, полностью зрел во всех отношениях. Мой вес сто семьдесят пять килограммов, полная длина два с половиной метра. Я работаю на водоконденсационной станции Жерара Уорзела (Сент Круа, Виргинские острова) в ремонтной бригаде с 14 августа 1994 года по вашему летоисчислению. С точки зрения моего вида я весьма привлекателен внешне и к тому же уважаем за свои умственные способности. У меня большой словарный запас. Я легко общаюсь с представителями хомо сапиенс. У меня имеются некоторые технические навыки, которые подтверждаются хотя бы моими успехами в обращении с электронно-акустическим устройством, куда я нашептываю свои воспоминания.

Я из тех млекопитающих, которые готовы на подвиг во имя вашей расы, и самой желанной наградой для меня могут служить только более близкие отношения (любовь) с мисс Лизбет Колкинс. Я умоляю сострадательных представителей вида хомо сапиенс замолвить за меня слово перед ней. Я верен, надежен, предан, интеллигентен, и мне вполне можно доверять. Я хочу лишь составить ей

* Первые слова романа американского классика Германа Мелвилла «Моби Дик».

приятную компанию (счастье) во всех отношениях и насколько это будет в моих силах.

Позвольте же мне перейти к сути дела.

Категория 1

МОЯ РАБОТА

Водоконденсационная станция Жерара Уорзелла находится на северном берегу острова Сент Круа, Вест-Индия. Ее просто нельзя не заметить. Работает она, как это ясно из названия, по принципу конденсации воды из атмосферы. Все это мне известно от мисс Колкинс (Лизбет), описавшей мне в основных чертах ее работу. Цель нашей установки — добывать пресную воду в количестве двухсот миллионов галлонов в день, содержащуюся в виде паров в нижних слоях атмосферы (высотой до ста метров). Эти слои перемещаются над всей наветренной стороной острова.

Труба диаметром 0,9 метра поднимает холодную морскую воду с глубины около девятисот метров в двух километрах от нашей станции. Труба ежедневно поставляет в конденсатор около тридцати миллионов галлонов воды при температуре $+5^{\circ}\text{C}$. Здесь эта холодная вода соприкасается с тропическим воздухом, который имеет температуру $+25^{\circ}\text{C}$ и влажность от семидесяти до восьмидесяти процентов. Соприкасаясь с холодной водой в конденсаторе, воздух охлаждается до $+10^{\circ}\text{C}$ и приобретает влажность в сто процентов, что позволяет нам извлекать примерно шестнадцать галлонов воды из кубометра воздуха. Затем вода обессоливается и поступает в главную систему водоснабжения острова, так как Сент Круа беден собственными водными ресурсами, необходимыми для обеспечения человеческих потребностей. Члены мэрии, посещающие нашу установку во время различных торжеств, часто повторяют, что без нашего завода индустриальное развитие Сент Круа было бы невысказанным.

Из соображений экономии мы сотрудничаем с акватехническим предприятием (рыбной фермой), пускающим в работу наши отходы. После того, как морская вода прошла через конденсатор, ее можно сбрасывать обратно; однако, поскольку она взята с морской глубины, то содержит на тысячу пятьсот процентов больше расщепленных фосфатов и нитратов, чем у поверхности. Богатая питательными веществами вода перекачивается из нашего конденсатора в замкнутую круглую лагуну естественного происхождения (коралловый кораль) полную рыбы. Разведение рыбы в такой благоприятной среде становится высокопроизводительным, и добываемого количества ее хватает на то, чтобы окупить работу наших насосов.

(Заблуждающиеся человеческие существа часто сомневаются,

этично ли использовать дельфинов для ухода за рыбными фермами. Они уверены, что это низко, заставляя нас выращивать морские существа, предназначенные в пищу человеку. Могу на это заметить, что, во-первых, дельфины не видят ничего неэтичного в поедании морских существ, так как мы и сами питаемся рыбой, а во-вторых, никто из нас не работает по принуждению).

Я играю важную роль в работе водоконденсационной станции. Я (Измаил) исполняю обязанности десятника в Ремонтной Бригаде. Я руковожу девятью представителями моего вида. Наша задача — следить за впускными клапанами трубы, по которой поступает морская вода; эти клапаны часто заедает из-за засасывания в них низших организмов, таких, как морские звезды или водоросли, что снижает пропускную способность установки. Мы должны периодически спускаться вниз и прочищать клапаны. Это можно делать без участия манипулятивных органов (пальцев), которыми мы, к сожалению, не обладаем.

(Определенные индивидуумы из вашего числа говорят, что вряд ли правильно использовать дельфинов в трудовых целях, тогда как представители хомо сапиенс сидят без работы. Разумеется, возражением на это будет то, что, во-первых, мы самой эволюцией созданы для того, чтобы работать под водой безо всякого дыхательного оборудования, и во-вторых, что только хорошо подготовленное человеческое существо может выполнять наши функции, а такие человеческие существа всегда имеют работу).

Я занимаю свой пост два года и четыре месяца; и за это время ни разу не было сколь-нибудь заметного снижения пропускной способности клапанов, которые я обслуживаю.

В качестве компенсации за свою работу (жалования) я получаю обильную пищу. Конечно, за такого рода плату можно нанять обычную акулу. Однако помимо и сверх ежедневной рыбы я получаю также такие мелочи, как дружба с человеческими существами и возможность совершенствовать свои глубокие умственные способности посредством справочных кассет, энциклопедических словарей и различных обучающих устройств. Как видите, я стараюсь использовать каждую возможность совершенствования.

Категория 2

МИСС ЛИЗБЕТ КОЛКИНС

Предваряю свой рассказ выдержками из ее личного дела. Мне удалось заполучить его при помощи читающего устройства, укрепленного на краю спортивного бассейна. С помощью устных указаний я мог найти в картотеке что угодно. Я нашел в картотеке то, что

мне было нужно, и устно приказал устройству доставить мне ее дело. Вряд ли кто из людей мог предвидеть, что дельфину захочется почитать их личные дела.

Ей двадцать семь лет. Следовательно, она из того же поколения, что и мои генетические предшественники (родители). Однако, я не разделяю бытующего среди хомо сапиенс табу на отношения с женщинами старшего возраста. Кроме того, если принять во внимание межвидовые различия, окажется, что мы ровесники. Она достигла сексуальной зрелости, когда была примерно в два раза моложе, чем сейчас. То же самое и я.

(Я должен согласиться, что она несколько миновала оптимальный возраст, в котором самки людей находят себе постоянного мужа. Я также беру на себя смелость предположить, что она не вступала во временные браки, так как в ее деле нет отметок о воспроизводстве. Однако люди не всегда производят потомство после ежегодных браков, или же браки происходят случайно, непредсказуемо и не имеют никакого отношения к воспроизводству. Мне это кажется странным и несколько извращенным, хотя по некоторым данным, имеющимся у меня, можно сделать вывод, что такие случаи бывают. В доступных мне материалах слишком мало информации о брачных обычаях людей. Надо бы узнать о них побольше).

Лизбет, как я позволяю себе ее называть, имеет высоту метр восемьдесят сантиметров (люди не измеряют себя длиной) и весит пятьдесят два килограмма. У нее длинные золотистые волосы (блондинка). Ее кожа, хотя и потемневшая от воздействия солнца, все же довольно светла. Радужка глаз голубая. Из разговоров с людьми я усвоил, что она считается красивой. Из слов, которые я услышал, находясь у поверхности, я понял, что большинство мужчин станции испытывает к ней интимное сексуальное влечение. Я тоже нахожу ее красивой, поскольку способен разбираться в человеческой красоте (я так считаю). Я не уверен, испытываю ли я к Лизбет настоящее сексуальное влечение. Скорее всего, то, что не дает мне покоя, сводится к жажде ее присутствия, ее близости, которую я перевел в сексуальные термины просто для того, чтобы сделать свое чувство понятным для себя.

Она, вне всяких сомнений, не обладает теми чертами, которые я обычно ищу в подруге (длинный клюв, гладкие плавники). Любая наша попытка любить друг друга в физиологическом смысле обернулась бы для нее страданием и даже травмой. Мое желание не таково. Физические достоинства, делающие ее такой желанной для самцов ее вида (сильно развитые молочные железы, блестящие волосы, тонкие черты лица, длинные нижние конечности — ноги — и так далее) не имеют для меня большого значения, а в некоторых случаях даже превращаются в недостатки. Как, например, две мо-

лочные железы в области груди, торчащие вперед таким образом, что, конечно же, должны мешать ей в воде. Это плохая конструкция, а я никак не способен находить плохую конструкцию красивой. Видимо, Лизбет и сама сожалеет о размерах и расположении этих желез, поскольку всегда заботливо прикрывает их узенькой полоской материи. Остальные на станции (мужчины, которые имеют лишь рудиментарные молочные железы, совершенно не нарушающие контуров их тел) оставляют их открытыми...

В чем же тогда причина моей тяги к Лизбет?

Она выросла из необходимости быть в ее обществе. Я уверен, что она понимает меня, как не понимают даже представители моего собственного вида. Следовательно, с ней я буду счастливее, чем без нее. Это впечатление у меня сложилось уже во время первой нашей встречи. Лизбет, специалист в области отношений между человеком и китообразными, появилась на Сент-Круа четыре месяца назад, и мне велели вывести свою бригаду на поверхность, чтобы представиться ей. Я высоко выпрыгнул в воздух для лучшего обзора и сразу же заметил, что она гораздо лучше тех, кого я видел до сих пор. Ее тело было более тонким, оно выглядело и хрупким, и сильным одновременно, и ее грация приятно отличалась от неуклюжих самцов, которых я знал прежде. К тому же ее тело не было покрыто грубым волосатым покровом, который неприятен всем дельфинам. (Сперва я не знал, что отличие Лизбет от всех остальных происходит из-за того, что она самка, так как до тех пор я никогда не встречался с человеческими самками. Но я быстро догадался об этом).

Я подплыл, включил акустический транслятор и сказал:

— Я десятник Ремонтной Бригады. Мое единично-структурное определение ТТ-66.

— Разве у тебя нет имени? — спросила она.

— Поясни термин «имя».

— Твое... твоё единично-структурное определение... но не просто ТТ-66. В нем нет ничего хорошего. Например, мое имя Лизбет Колкинс. И я... — она покачала головой и взглянула на контролера завода. — Разве у этих рабочих нет и м е н ?

Контролер не мог понять, зачем дельфинам имена. Лизбет понимала — она была великолепным специалистом — и, поскольку в ее обязанности теперь входило подружиться с нами, она с ходу дала нам имена. Так я был наречен Измаилом. Это было, как она мне сказала, имя человека, который ушел в море, пережил там множество удивительных приключений и записал их все на пленку, которую прослушивал всякий исследователь китообразных. Я прослушал рассказ Измаила — того, д р у г о г о Измаила и согласился, что это замечательный труд. Для человеческого существа он довольно проныцательно разгадывал повадки китов, вообще-то глупых созданий, которых я не слишком-то уважаю. Я горд, что ношу имя Измаила.

Дав каждому из нас имя, Лизбет прыгнула в море и поплыла с нами. Должен сказать, что большинство из нас испытывает к вам, людям, нечто вроде презрения из-за того, что вы такие плохие пловцы. Я никогда не позволял себе насмешек, что объясняется моим выходящим за обычные пределы уровнем развития и большим, чем у остальных, сочувствием к вам. Я восхищаюсь тем усердием и энергией, которые вы демонстрируете при плавании. Я вижу, что вы преуспеваете в этом, принимая во внимание все, что вам мешает. Как я всегда говорю своим, вы достигли больших успехов в воде, чем мы достигли бы на суше. Лизбет, во всяком случае, плавала хорошо (по человеческим меркам), и мы терпеливо соразмеряли свой ход с ее. Мы немного порезвились в воде. Потом она схватила меня за спинной плавник и попросила:

— Покатай меня, Измаил!

Я и сейчас дрожу, вспоминая соприкосновения наших тел. Она села на меня верхом, ее ноги крепко сжали мои бока, и я рванулся почти на полной скорости, вымахнув высоко над водой. Ее смех был свидетельством ее радости, и я снова и снова бросал свое тело в воздух. Это была демонстрация чисто физических возможностей, и здесь не было места моим необычным умственным способностям. Я, если хотите, просто показывал себя — дельфина. Лизбет была в восторге. Когда я нырнул, опуская ее в такую глубину, что она могла испугаться большого давления, она не ослабила свою хватку и не выказала тревоги. Когда мы вылетели на поверхность, она закричала и засмеялась.

Даже в качестве обычного животного я сумел потрясти ее воображение. Я достаточно знаю людей, чтобы объяснить для себя то возбужденное оживление, которое не сходило с ее лица, пока я нес ее к берегу. Теперь я должен был продемонстрировать ей свои высшие достоинства, показать, что по сравнению с другими дельфинами я необычайно быстро учусь и обладаю необычными способностями к познанию окружающего мира.

Я уже влюбился в нее.

В последующие недели мы много разговаривали. Я ничуть не польщу себе, если скажу, что она быстро поняла мою необычность. Мой словарный запас, который был уже достаточно велик, когда она только что появилась на станции, быстро расширился благодаря присутствию Лизбет. Я учился у нее; она открыла мне доступ к кассетам, которые не придет в голову прослушивать ни одному дельфину. Я расширил свой кругозор настолько, что это удивляло меня самого. За очень короткий срок я достиг всего, что знаю сейчас. Я думаю, вы согласитесь, что я могу объясняться даже более последовательно, чем многие человеческие существа. Я надеюсь, что компьютер, делая перезапись моих воспоминаний, не исказит

их, вставляя ненужные знаки препинания или допуская неправильное написание слов, которые я произношу.

Моя любовь к Лизбет становилась все глубже и богаче. Я впервые познал ревность, увидев ее бегущей с энергостанции по берегу с доктором Мэдисоном, рука в руке. Я познал гнев, услышав бесстыдные и вульгарные замечания самцов-людей вслед проходящей мимо Лизбет. Очарование ею заставило меня изучить многие стороны человеческой жизни. Я не рискнул заговаривать с ней о подобных вещах, но от персонала станции мне удалось узнать об определенных аспектах феноменального человеческого понятия «любовь». Я также выяснил значения вульгарных слов, произносимых мужчинами за ее спиной: большинство из них говорило о желании вступить с Лизбет в брак (как правило, временный). Были здесь и восторженные описания ее молочных желез (интересно, почему это люди постоянно помнят, что они млекопитающие?) и даже округлой области сзади, как раз над тем местом, где ее тело разделялось на две нижних конечности. Соглашусь, что эта область привлекала и меня. Мне кажется таким непривычным, что чье-то тело может расщепляться посередине!

Я никогда в открытую не заявлял о своих чувствах к Лизбет. Я старался медленно подвести ее к понятию того, что я люблю ее. Как только она сама обо всем догадается, думал я, мы сможем вместе начать планировать наше будущее.

Как я был наивен!

Категория 3

ЗАГОВОР

Мужской голос произнес:

— Черт возьми, как ты собираешься подкупить дельфина?

Другой голос, более глубокий и более культурный, ответил:

— Предоставьте это мне.

— Что ты дашь ему? Десять цистерн сардин?

— Это необычный дельфин. Даже особенный. Он образован.

С ним можно договориться.

Они не знали, что я слышу их. Я покачивался у поверхности бассейна, отдыхая. У меня был перерыв. У нас, дельфинов, тонкий слух, и я не исключение. Я почувствовал, что что-то не так, но остался на месте и притворился, что ни о чем не подозреваю.

— Измаил! — позвал первый. — Это ты, Измаил?

Я поднялся на поверхность и подплыл к краю бассейна. Там стояли трое мужчин. Один из них был техник станции, двух других я раньше не видел. Тела их были закрыты с ног до головы, из чего было видно, что они здесь чужие. Техника я презирал, потому что

он был одним из тех, кто отпускал вульгарные замечания относительно молочных желез Лизбет.

Он произнес:

— Поглядите на него, джентльмены. Кожа да кости! Жертва эксплуатации! — Мне же он сказал: — Измаил, эти джентльмены — из Лиги Противников Жестокого Обращения с Разумными Видами. Слышал о такой?

— Нет, — ответил я.

— Они стараются положить конец эксплуатации дельфинов, преступному использованию рабского труда еще одного по-настоящему разумного вида на нашей планете. Они хотят тебе помочь.

— Я не раб. Я получаю компенсацию за свою работу.

— Кучку тухлой рыбешки! — сказал застегнутый на все пуговицы человек слева от техника. — Тебя эксплуатируют, Измаил! Тебе дали опасную, грязную работу и платят жалкие гроши!

Потом вмешался его товарищ:

— Это надо прекратить. Мы хотим заявить всему миру, что век дельфинов-рабов кончился. Помогите нам, Измаил. Помогите нам, можете себе!

Нечего и говорить, что мне не понравились их намерения. Будь на моем месте более ограниченный дельфин, он заявил бы об этом сразу и расстроил бы их планы. Но я решил схитрить и спросил:

— Что я должен сделать?

— Вывести из строя клапаны, — быстро отозвался техник.

Я, не сдержавшись, воскликнул:

— Предать священное доверие? Разве я могу?

— Это ради тебя самого, Измаил. Послушай, что мы задумали: ты со своей бригадой забьешь клапаны, и установка перестанет работать. Весь остров в панике. Ремонтная бригада людей опустится посмотреть, в чем дело, но как только они очистят клапаны, вы вернетесь и забьете их снова. На Сент Круа возникнут перебои с водой. Это сфокусирует внимание всего мира на том, что остров зависит от труда дельфинов — низкооплачиваемого и непосильного труда дельфинов! А тем временем на сцену выходим мы, чтобы рассказать вашу историю всему миру. Мы заставим каждого человека кричать о грубом попрании ваших прав.

Я не стал говорить им, что не чувствую, чтобы мои права попирались. Вместо этого я рассудительно заявил:

— В этом есть опасность для меня.

— Ерунда!

— Меня спросят, почему я не очистил клапаны. Это моя обязанность. Я вижу в этом затруднения.

Некоторое время мы пререкались. Потом техник сказал:

— Понимаешь, Измаил, мы знаем, что в этом есть некоторый риск. Но мы собираемся предложить за эту работу необычную плату

- Какую?
- Кассеты. Что ты захочешь, то мы тебе и дадим. Я знаю, у тебя интерес к литературе. Пьесы, поэзия, романы — все, что хочешь. Если ты согласишься, через пару часов мы тебя завалим литературой. Я удивился их хитростью. Они знали, чем меня взять.
- Годится, — сказал я.
- Тогда говори, что тебе надо.
- Что-нибудь о любви.
- О л ю б в и?
- О любви. О мужчине и женщине. Принесите мне любовную лирику. Принесите мне знаменитые рассказы о влюбленных. Принесите мне описания любовных ласк. Я должен это понять.
- Ему нужна «КАМА СУТРА», — сказал тот, что слева.
- Значит, мы принесем ему «КАМА СУТРУ», — сказал тот, что справа.

Категория 4

МОЙ ОТВЕТ ПРЕСТУПНИКАМ

Они принесли мне «КАМА СУТРУ» и еще целую кучу других вещей, включая и кассету, на которой был изрядный кусок из «КАМА СУТРЫ». В течение последующих нескольких недель я был полностью погружен в изучение литературы о любви. В текстах были приводящие в бешенство пропуски, и я так до конца и не понял большую часть из того, что происходит между мужчиной и женщиной. Наслаждение тела телом не поставило меня в тупик; но я споткнулся на диалектике преследования, когда мужчина должен быть хищником, а женщина должна притворяться, что избегает его притязаний. Для меня осталась загадкой этичность временного брака как противопоставления постоянному (женитьбе); не ухватил я и сути запутанной системы запретов и табу в области браков, изобретенных людьми. Такие неудачи привели к тому, что к концу изучения я понимал не намного больше как вести себя с Лизбет, чем до того времени, как заговорщики тайно начали проигрывать мне кассеты.

Вскоре они напомнили мне о моих обязательствах.

Естественно, я не собирался выводить станцию из строя. Я знал, что эти люди на самом деле не были противниками эксплуатации дельфинов, как они себя выдавали. По каким-то своим соображениям они хотели вывести из строя станцию. Вот и все. Они притворялись, что симпатизируют моему виду, чтобы завоевать мое расположение. Но я-то не чувствовал себя эксплуатируемым.

Хорошо ли я поступил, принимая пленки, если не собирался помогать им? Сомневаюсь. Они хотели использовать меня; вместо это-

го, я использовал их. Во имя просвещения высшие виды имеют полное право эксплуатировать низшие.

Они пришли и сказали, что клапаны надо вывести из строя сегодня вечером. Я ответил:

— Я не совсем понял, что мне надо сделать. Вы не повторите мне это еще раз?

Я незаметно включил записывающее устройство, используемое Лизбет для обучения остальных дельфинов. Им пришлось повторить, что порча клапанов вызовет панику на острове и высветит злоупотребление трудом дельфинов. Я постоянно их переспрашивал, вытягивая из них подробности и предоставляя каждому возможность оставить на ленте звук своего голоса. Когда была достигнута полная ясность, я сказал:

— Очень хорошо. Во время следующего осмотра я сделаю так, как вы сказали.

— А твоя бригада?

— Я приказал им покинуть рабочее место для их же безопасности.

Люди ушли, удовлетворенно переглядываясь между собой. Когда они скрылись из виду, я нажал кнопку вызова Лизбет. Она пришла очень быстро. Я показал на кассету в рекордере.

— Прослушай ее,— величественно сказал я.— И можешь вызывать полицию!

Категория 5

НАГРАДА ЗА ГЕРОИЗМ

Были произведены аресты. Этих троих совершенно не заботила эксплуатация дельфинов. Они оказались членами подрывной группы (революционерами), намеревавшимися склонить наивного дельфина помочь им вызвать хаос на острове. Я расстроил их планы благодаря своей порядочности, храбрости и рассудительности.

Лизбет после всего этого пришла отдохнуть к моему бассейну и объявила:

— Ты был великолепен, Измаил. Так разыграть их, заставить записать собственные признания... восхитительно! Ты настоящее чудо среди дельфинов, Измаил!

Я купался в волнах радости.

Вот он подходящий момент. Я сходу выпалил:

— Лизбет, я люблю тебя.

Мои слова, исторгнутые громкоговорителями, загремели, отражаясь от стенок бассейна. Эхо усилило их и превратило в непривычный грохочущий шум, более присущий какому-нибудь презренному недоумку-тюленю.

— Люблю тебя... тебя... тебя...

— Ну, Измаил!

— Я не могу высказать, как много ты значишь для меня. Приди ко мне и будь моей любовью. Лизбет, Лизбет, Лизбет!

Из меня хлынули потоки поэзии. Ураганы страстных признаний рвались из моего клюва. Я молил ее спуститься в бассейн и дать обнять себя. Она засмеялась и сказала, что не одета для купания. Это было правдой: она только что вернулась из города сразу же после ареста. Я настаивал. Я умолял. И она уступила. Мы были одни. Она сняла одежду и шагнула в бассейн. Лишь мгновение я видел ее нагой. Это заставило меня содрогнуться: ужасные покачивающиеся молочные железы, так мудро прикрытые обычно, полоски болезненно-белой кожи в тех местах, куда не могло проникнуть солнце, неожиданное пятно волосяного покрова... Но стоило ей оказаться в воде, как я забыл обо всех этих несовершенствах и ринулся к ней.

— Любвы! — воскликнул я. — Благословенная любвы! — я прижал к ее телу плавники, копируя объятия. — Лизбет! Лизбет!

Мы оказались под водой. Впервые в жизни я познал истинную страсть, ту, которую воспевают поэты, которая овладевает даже самыми холодными душами. Я прижал ее к себе и почувствовал, что ее окончания передних конечностей («кулаки») колотят меня в области груди и принял это сначала за знак того, что моя страсть встретила ответное чувство. Потом до моего затуманенного любовью сознания дошло, что ей, возможно, не хватает воздуха. Я поспешно вынырнул. Моя дорогая задыхающаяся Лизбет жадно глотнула ртом воздух и стала отбиваться от меня. Я в удивлении выпустил ее. Она поспешно устремилась к краю бассейна и без сил повалилась на бортик. Ее бледное тело била дрожь.

— Прости меня, — громыхнул я. — Я люблю тебя, Лизбет! Я спас станцию во имя любви к тебе!

Она чуть приоткрыла губы в знак того, что не сердится на меня, и слабым голосом сказала:

— Ты чуть не утопил меня, Измаил!

— Я пошел на поводу у чувства. Приди ко мне. Я буду нежен.

— Измаил, ну что ты говоришь!

— Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Я услышал шаги. Доктор Мэдисон с энергостанции почти бежал. Лизбет торопливо прижала руки к молочным железам и обмотала раскиданную одежду вокруг нижней половины своего туловища. Мне было больно это видеть, ибо разве то, что она предпочитала прятать от него эти места, эти безобразные части тела, не свидетельствовало о ее любви к нему?

— Что с тобой, Лиз? — спросил он. — Я услышал крик...

— Ничего, Джеф. Это всего лишь Измаил. Он принялся обни-

мать меня в воде. Он влюбился в меня. Джеф, представляешь! Он влюбился в меня!

И они оба рассмеялись над глупостью влюбленного дельфина.

* * *

На закате я был уже далеко в море. Я плыл там, где плавают дельфины, вдалеке от человека и его изобретений. Смех Лизбет все еще стоял в моих ушах. Как она могла быть такой жестокой! Она, которая знала меня лучше остальных, рассмеялась, когда я попал в неловкое положение.

Я пробыл в море несколько дней, залечивая раны, пренебрегая своими обязанностями на станции. Только когда притупилась острая боль, уступив место боли ноющей, я решил вернуться обратно. По дороге я встретил самку своего вида. Она только что достигла зрелости и предложила себя мне. Я велел ей плыть следом, и она подчинилась. Время от времени мне приходилось отгонять самцов, желающих воспользоваться ею. Я привел ее на станцию, в лагуну, отведенную дельфинам для спортивных занятий. Один из моих рабочих подплыл к нам, снedaемый любопытством (это был Мордред). Я велел ему вызвать Лизбет и сказать ей, что я вернулся.

Вскоре она появилась на берегу. Она помахала мне рукой, улыбнулась и позвала по имени.

А я принялся резвиться с моей самкой у нее на глазах. Мы исполняли брачный танец; мы разрезали воду и пенили ее своими хвостами. Мы взмывали в воздух, мы парили в нем, мы кричали.

Лизбет не спускала с нас глаз, и я молил: пусть она испытает ревность.

Я прижался к своей подруге и увлек ее в глубину. Я бурно взял ее и отпустил, чтобы она родила моего ребенка не здесь. Я снова разыскал Мордреда.

— Скажи Лизбет, — велел я ему, — что я нашел новую любовь, но однажды я могу простить ее.

Мордред посмотрел на меня тусклым взглядом и поплыл к берегу.

Мой замысел провалился. Лизбет велела сказать, что меня ждет работа и что она сожалеет, если обидела меня. В ее словах не было и намека на ревность. Моя душа превратилась в кучу гниющих водорослей. Я снова чистил впускные клапаны, подобно дрессированному животному. Я, Измаил, прочитавший Китса и Донна. Лизбет! Лизбет! Можешь ли ты почувствовать мою боль?

Этим вечером я дотемна рассказывал свою историю. Вы, кто слушает ее, кем бы вы ни были, помогите одинокому существу, морскому млекопитающему, желающему более тесного контакта с сам-

кой другого вида. Будьте добры, поговорите обо мне с Лизбет. Восхвалите ей мой ум, мою верность, мою преданность.

Скажите ей, что я даю ей еще один шанс. Я предлагаю уникальный и волнующий эксперимент. Я буду ждать ее завтра ночью за рифом. Пусть она приплывет ко мне. Пусть она обнимет бедного одинокого Измаила. Пусть она скажет мне слова любви.

Из глубины души... из глубины... Лизбет, нежнейшим голосом глубочайшей любви глупое животное желает тебе спокойной ночи.

**Как все было,
когда не стало
прошлого**

День, когда какой-то гад всыпал вызывающее амнезию снадобье в резервуары, откуда питалась система водоснабжения Сан-Франциско, был самым забавным днем в истории города.

Пелену тумана, висевшую в воздухе вот уже недели три, в конце концов в ту среду стало относить вдоль побережья к Беркли, и появившееся солнце подарило старому городу самый светлый и теплый день за весь 2003 год. Температура поднялась намного выше двадцати градусов, и даже старики, так и не привыкшие к стоградусной шкале, чувствовали, что на улице жарко. От Золотых Ворот до Эмбаркадеро жужжали кондиционеры. «Пасифик Газ-энд Электрик» зарегистрировала между двумя и тремя часами пополудни самую высокую нагрузку за все время своего существования. Парки были забиты толпами народа. Люди пили невероятное количество воды, некоторые значительно больше других. К вечеру те, кого особенно мучила жажда, уже начали кое-что забывать. Наутро у каждого горожанина, за небольшим исключением, начала исчезать память. Это был идеальный день для совершения ужаснейших преступлений.

* * *

За день до того, как не стало прошлого, Пауль Мюллер серьезно обдумывал вопрос о побеге из штата, чтобы скрыться в одном из прибежищ должников — Рено или Каракасе. В том, что он задолжал почти миллион красненькими, и его кредиторы начали бушевать, была не только его вина. Дело дошло до того, что они через каждые три часа посылали роботов-сборщиков, чтобы не давать ему покоя ни на минуту.

— Мистер Мюллер! Мне поручено известить вас, что вами просрочен платеж суммы в размере 8005 долларов 97 центов компании «Современные Развлечения Инкорпорейтед». Мы изучили ваше финансовое положение и обнаружили, что вы неплатежеспособны, по-

этому если вы не внесете 395 долларов 61 цент до одиннадцатого числа сего месяца, мы можем счесть необходимым применить к вам конфискационные процедуры. Поэтому советую вам...

— ...количестве 11 554 фунта 97 пенсов, подлежащая оплате до 9 августа 2002 года, до сих пор не получена компанией «Путешествия на Луну Инкорпорейтед». Согласно кредитным законам 1995 года, мы можем прибегнуть к помощи суда с последующим получением постановления об обязательной личной отработке, если только нами не будет получена сумма...

— ...пеня за неуплату составляет, как это оговорено в контракте, четыре процента в месяц...

— ...обязаны немедленно погасить свою задолженность...

Мюллер уже притерпелся к этому. Роботы не могли дозвониться до него — «Пасифик Телефон энд Телеграф» уже несколько месяцев как отключила его от сети — и только слонялись вокруг, вежливые бледнолицые машины, разрисованные эмблемами корпораций, и мягкими чистыми голосами расписывали ему, как глубоко он увяз в трясине, как быстро грозятся друг на друга штрафы, и что они собираются с ним сделать, если он немедленно не уплатит все долги.

Попытайся он улизнуть, они просто отправились бы за ним по улицам неутомимым маршем, разнося весть о его беде по всему городу. Поэтому он и не пытался бежать. Но очень скоро их угрозы могли осуществиться.

С ним могли обойтись жестоко. Постановление об обязательной отработке, например, превращало его в раба. Он работал бы на кредитора, получая установленную судом плату, но каждый цент шел бы в погашение долга, и получаемые от хозяина пища, одежда и кров были бы на редкость жалкими. Его могли заставить года два-три выполнять лакейскую работу, от которой отвернулся бы и робот, чтобы получить с него долг. Хуже всего была бы конфискация. В этом случае он мог бы до конца дней своих вкалывать на какую-нибудь компанию, чистя башмаки или глядя сорочки. Решение могло быть и совсем изощренным, и тогда он и его потомки, появившись они у него, будут выплачивать определенную часть от среднего дохода, пока долг (со все нарастающими процентами) не будет погашен полностью. Для борьбы с неплательщиками существовали и другие ухищрения.

Он не мог объявить себя банкротом. Правительства штатов и федеральное правительство покончили с законами о банкротстве в 1995 году после так называемой кредитной эпидемии восьмидесятых, когда пошла мода делать долги, а потом сдаваться на милость правосудия. Тихой гавани банкротства больше не существует. Если вы неплатежеспособны, вам так или иначе суждено попасть в лапы своих кредиторов. Единственный путь спасения — махнуть в оазис,

местность, где приняты законы, препятствующие выдаче беглецов. Таких оазисов около дюжины, и там можно неплохо устроиться, если только вы научитесь продавать свои способности по высокой цене. Вас ожидает прекрасная житуха, потому что там все строится на оплате наличными. Наличные за все, даже за стрижку. Мюллер считал, что он не пропал бы: он занимается звуковой скульптурой, и его работы всегда пользуются спросом. Ему нужно только несколько тысяч долларов, чтобы купить себе основные инструменты — своих он лишился недели три назад, — и тогда он бы смог снять студию в одном из оазисов, недостижимый для механических ищеек. Он полагал, что у него еще остался друг, который одолжит ему несколько тысяч. Во имя искусства, так сказать. Если повезет.

Если он безвыездно проживет в оазисе десять лет, то освободится от долгов и выйдет оттуда свободным человеком. Есть только одна загвоздка, совсем маленькая. Если человек попадает в оазис, по возвращении в большой мир он навсегда лишается всех видов кредита. Он не сможет даже взять почтовую кредитную карточку и должен позабыть о банковской ссуде. Мюллер не был уверен, что он смог бы прожить подобным образом, расплачиваясь за каждый пустяк наличными всю свою оставшуюся жизнь. Это было бы весьма тоскливо и затруднительно. Даже хуже: это было бы варварством.

Он сделал на памятной табличке пометку: Позвонить Фреду Монсону и одолжить у него три куска. Взять билет до Каракаса. Купить инструменты.

Жребий брошен... Если только он не передумает до утра.

Он без энтузиазма взглянул на ряд блестящих, построенных сразу же после землетрясения белых домов, спускающихся вдоль крутой улицы, ведущей от Телеграфного Холма к Пристани Фишермана. Они непривычно сверкали в свете солнца. Прекрасный день, подумал Мюллер. Прекрасный день, чтобы поваляться на пляже. Проклятье. Проклятье. Проклятье. Ему скоро стукнет сорок. Он вошел в этот мир в тот черный день, когда президент Джон Кеннеди покинул его. Он рожден в ужасный час и обречен на вечные несчастья. Мюллер поморщился. Подошел к крану и налил стакан воды. Это все, что ему позволено сейчас пить. Снова, в который уже раз он попытался проанализировать, как же ему удалось так запутаться. Задолжать почти миллион! Он с мрачным видом опустил на кровать.

Когда он проснулся, близилась полночь. Впервые за последнее время он чувствовал себя лучше. словно свет, который сиял сегодня над городом, проник в его душу. Мюллер был в прекрасном настроении. Хотя еще не понял — почему.

В элегантном здании на Морском Бульваре проводил свою ежедневную тренировку Изумительный Монтини. Изумительный Монтини, профессиональный мнемонист — маленький изящный человек шестидесяти лет, никогда и ничего не забывающий. Дочерна загорелый, с косо подстриженной челкой, уверенным блеском в глазах и брезгливо поджатыми тонкими губами. Он достал с полки книгу и открыл ее наугад. Это был старый томик Шекспира, привычная разминка перед выступлением в ночном клубе. Он пробежал взглядом по странице, кивнул, быстро глянул на другую, еще на одну и улыбнулся про себя. Жизнь благоволила Изумительному Монтини. Во время гастролей он зарабатывал тридцать тысяч долларов в неделю, превращая свой удивительный дар в выгодное предприятие. Завтра ночью он на неделю отправится в Лас-Вегас, потом в Манилу, Токио, Бангкок, Каир и далее вокруг света. Того, что он заработает за двенадцать недель, хватит на целый год.

Все очень просто. Он знал кучу всяких фокусов. Пусть ему прокричат двенадцатизначное число, он прокричит его в ответ. Пусть его забрасывают длинной чередой бессмысленных слогов, он без запинки повторит эту абракадабру. Пусть на экране компьютера появляются сложнейшие математические формулы, он воспроизведет их до последнего знака. Память его была превосходна — и визуальная, и слуховая, и какая угодно.

Фокус с Шекспиром (каждый раз вгоняющий в тоску своей шаблонностью) всегда вызывал восторг, смешанный у впечатлительных натур с преклонением. Большинству людей казалось фантастичным, что человек может запомнить страницу за страницей целые пьесы. Он любил открывать свои выступления этим номером.

Он протянул книгу Наде, своей ассистентке, а также своей возлюбленной. Монтини предпочитал узкий круг знакомств. Ей было двадцать лет. Она была рослой, выше него, с широко расставленными льдистыми глазами и водопадом сияющих искусственным лазурным светом волос: все это — по последней моде. На ней был прозрачный лифчик — прекрасная упаковка для такого содержимого. Нельзя сказать, чтобы она была звездой, но она делала вещи, которых он от нее ждал, и делала их неплохо. Года через полтора он собирался подыскать ей замену. Эти женщины быстро утомляли Монтини. У него была слишком хорошая память.

— Поехали, — сказал он.

Она раскрыла книгу:

— Страница 537, левая колонка.

Перед глазами Монтини всплыла страница. — «Генрих IV», часть вторая, сказал он, — Король Генрих: «Ты это говорил?». Хорнер: «С разрешения вашего величества, я никогда не думал и не

говорил ничего такого. Бог свидетель, меня ложно обвиняет этот мерзавец». Питер: «Клянусь своей пятерней, милорды, он сказал мне это однажды вечером на чердаке, когда мы чистили доспехи лорда Йорка». Йорк: «Поденщик подлый, грубый негодяй»... *

— Страница 778, правая колонка,— сказала Надя.

— «Ромео и Джульетта». Слова Меркуцио: ...«глаз, кроме твоего, увидит в этом повод для ссоры? Голова твоя полна задора, как яйцо полно желтка, хоть ее столько раз рубили во время ссор, что удивительно, как она до сих пор не разбита, как яйцо. Раз ты сцепился с человеком из-за того, что он кашлял на улице и этим будто бы разбудил твоего пса, спавшего на солнце. А не напал»... **

— Страница 307, с четырнадцатой строки справа.

Монтини улыбнулся. Ему нравилась эта улыбка. Неплохо. И такие штуки неплохо проходят во время съемок.

— «Двенадцатая ночь»,— ответил он.— Герцог: «Ох, как стара! Ведь женщине пристало быть моложе Супруга своего: тогда она (обыкновеньям мужа покоряясь) сумеет завладеть его душой»...***

— Страница 495, левая колонка.

— Минутку,— сказал Монтини. Он налил в высокий стакан воды и выпил ее тремя глотками.— От этой работы горло пересыхает.

* * *

Тейлор Браскет, капитан-лейтенант космической службы США в отставке, легкой пружинящей походкой возвращался домой, на Оук-Стрит, проходящую прямо за Голден Тейт Парк. В свои 71 командор Браскет все еще был способен совершать пешие переходы и надеялся по первому же зову вернуться в строй. Он считал, что сейчас страна нуждается в нем как никогда, ибо социализм, подобно лесному пожару, охватил половину европейских стран. Стоять на страже родного дома. Защищать то, что осталось от традиционной американской свободы. Все, что нам надо, считал командор Браскет, это кобальтовые бомбы на орбите, готовые низвергнуть геенну огненную на головы врагов демократии. Что бы ни значилось в договорах, он должен быть готовым к защите Родины.

Идеи командора Браскета не получали широкого распространения. Конечно, люди уважали его, как первого американца, высадившегося на Марсе, но он-то знал, что за его спиной о нем говорят как о ненормальном, чокнутом, дожившим до нового времени ополченце, пугающем всех Красными мундирами. У него хватало чувст-

* Пер. Е. Бируковой.

** Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

*** Пер. Э. Липецкой.

ва юмора понимать, что в глазах современной молодежи он просто чудаковатый старик. Но он был искренен в своем стремлении сохранить свободу Америки — защитить молодежь от кнута тоталитаризма — и не обращал внимания на насмешки у себя за спиной. Весь тот великолепный солнечный день он провел в парке, стараясь втянуть в разговор кого-нибудь из молодых и объяснить им свою позицию. Он был вежлив, внимателен и настойчиво искал того, кто бы им заинтересовался. Вся беда была в том, что его никто не слушал. Ах, эта молодежь... Голые до пояса — и парни, и девушки, в открытую накачивающиеся наркотиками, без причины употребляющие грязные словечки... Временами командор Браскет начинал склоняться к мысли, что битва за Америку уже проиграна. Впрочем, он никогда не отчаивался.

Он пробродил по парку довольно долго. Вернувшись домой, он прошел через комнату, где висели, лежали и стояли его трофеи, в кухню, открыл холодильник и вынул бутылку воды. Каждые два дня ему доставляли по три бутылки воды талых снегов с гор. Он приобрел эту привычку лет пятнадцать назад, когда впервые пошли разговоры о присутствии в воде фторидов. Его не задевали едва заметные улыбки, появляющиеся, когда он признавался, что пьет только талую воду; он не обращал на них внимания. Он уже пережил многих таких весельчаков и сохранил завидное здоровье в награду за отказ пить грязную радиоактивную воду, которую пили все. Сперва хлориды, потом фториды, а теперь наверняка еще какая-нибудь гадость.

Он сделал большой глоток.

Никто не может сказать, что за отравка может оказаться сегодня в системе городского водоснабжения, сказал он себе. Я чокнутый? Пускай думают так. Однако пить лишь ту воду, в которой уверен, будет только здравомыслящий человек.

* * *

Нат Халдерсен, скорчившийся, словно младенец в утробе матери, закрыл глаза и попытался облегчить душевную боль. Новый день. Приятный солнечный денек. Счастливые люди гуляют в парке. Отцы с детьми. Он больно закусил губу, заглушая боль разбереженной раны. Он был большим мастером по части самобичевания.

Сенсоры его постели в психотравматическом отделении Мемориальной больницы Флетчера постоянно наблюдали за ним, посылая доктору Брайсу непрерывный поток сведений. Нат Халдерсен знал, что он был человеком без тайн. Гормональный уровень, степень ферментации, дыхание, кровообращение, даже вкус слюны во рту — все немедленно становилось известно больничному персона-

лу. Когда сенсоры обнаруживали, что уровень его депрессии опустился ниже некоего предела, из тайников матраца высовывались ультразвуковые сопла. Чувствительные рыльца наводились на нужные вены и накачивали его соком силы, чтобы взбодрить. Современная медицина была поистине чудодейственна. Вот только вернуть Халдерсену его семью она не могла.

Дверь открылась. Вошел доктор Брайс. Главный врач смотрелся на все сто: высокий, важный, все еще привлекательный, с седыми висками, ну просто воплощение силы и средоточие тайн. Как всегда, он сделал большую паузу, прежде чем посмотреть на череду экранов дисплеев, показывающих все подробности состояния Халдерсена.

— Нат,— спросил он,— ну, как ты?

— Никак,— буркнул Халдерсен.

— Не расположен поболтать?

— Не особенно. Дай лучше воды.

— Ну, конечно,— Брайс налил стакан воды и подал его Халдерсену.— Ослепительный денек сегодня. В парке погулять не хочешь?

— Я выйду из этой палаты через два с половиной года, доктор. Я уже говорил вам об этом.

— Время часто ломает слово. Физически ты в порядке.

— Я пока этого не чувствую,— ответил Халдерсен. Он протянул пустой стакан.— Еще.

— Чего-нибудь покрепче?

— Водичка хороша,— Халдерсен закрыл глаза. В голове его закружились навязчивые картины: ракетоплан, разваливающийся над полюсом, пассажиры, сыплющиеся, словно зерна из коробочки мака, Эмили, падающая вниз, вниз с высоты восьми тысяч футов. Ее золотистые волосы подняты вверх холодным ветром, короткая юбка полощется у бедер, длинные стройные ноги судорожно ищут, обо что бы опереться. А рядом падают дети, ангелочки, низринутые с небес. Вниз, вниз, вниз, на белое нежное руно полярных снегов.

— Они покоятся в мире,— говорил Халдерсен.— А я опоздал, и я остался. И заговорил Иов и сказал: «Да сгинет день, когда я был рожден, и ночь, когда было сказано: Вот зачато дитя человеческое»*.

— Это было одиннадцать лет назад,— сказал доктор Брайс.— Почему ты не прогонишь эти навязчивые мысли?

— Глупый разговор. Почему э т и м ы с л и не покидают меня?

— Потому что ты этого не хочешь. Ты вжился в свою роль.

— Сегодня что-то трудно говорить, а? Дай мне еще воды.

— Встань и налей сам,— сказал доктор Брайс.

Халдерсен горько усмехнулся. Он встал с постели, чуточку неуверенно пересек комнату и налил себе воды. Он прошел все виды терапии — симпатическую, антагонистическую, наркотическую,

* Ветхий Завет. Книга Иова, гл. 3, ст. 2-3.

шоковую, ортодоксальную, фрейдистскую, трудовую. И все без толку. В его мозгу снова и снова проступала картина раскрывающегося горохового стручка и падающих вниз на фоне голубовато-стального неба фигур. «Бог дал, бог взял, да святится имя его. Душа моя устала от жизни моей»*. Он поднес стакан к губам. Одиннадцать лет. Я опоздал на ракетоплан. Я согрешил с Мари, и Эмили умерла, и Джон, и Бесс. Интересно, на что похоже падение с такой высоты? На свободный полет? Может, в нем даже есть какое-то удовольствие? Халдерсен осушил стакан.

— Жарковато сегодня, а?

— Да,— согласился Халдерсен.

— Ты точно не хочешь немного прогуляться?

— Ты же знаешь, что нет,— Халдерсен поежился. И вдруг, резко повернувшись, схватил врача за руку.— Когда же это кончится?

— Пока не захочешь забыть.

— Как я могу заставить себя забыть что-то? Тим, Тим, разве нет какого-нибудь снадобья, чего-нибудь, чтобы стереть память.

— Ничего эффективного.

— Врешь,— пробормотал Халдерсен.— Я читал про амнезификаторы. Ферменты, пожирающие РНК памяти. Эксперименты с диизопропилом фторфосфата. С пуромицином. С...

— Мы не можем пока контролировать их воздействие,— перебил его доктор Брайс.— Мы не можем так вот запросто отыскать кусок травмированной памяти и стереть ее, оставив нетронутой всю остальную. Нам пришлось бы действовать наугад, в надежде наткнуться на нужную область, и кто знает, что бы мы стерли попутно. Ты бы проснулся, излеченный от своей травмы, но, возможно, не помня ничего, что происходило с тобой, скажем, от четырнадцати до сорока лет. Может, лет через пятьдесят мы будем знать состав и дозу для каждого...

— Я не могу ждать пятьдесят лет.

— Мне очень жаль, Нат.

— Дай мне это лекарство. Может, мне повезет.

— Поговорим об этом в другой раз, ладно? Эти лекарства экспериментальные. Пройдет еще много месяцев, прежде чем я осмелюсь испытать их на человеке. Ты должен всеми силами...

Халдерсен отключился. Он теперь видел лишь внутренним зрением, в миллионный раз возрождая свои горестные воспоминания, привычно возвращаясь к добровольно взятой на себя роли Иова. «Брат я змиям и совам друг. Кожа моя черна на мне, и кости мои истлели от жара. И все во мне уничтожено им, и нет меня; и надежду мою вырвал он, словно древо»**.

* Ветхий Завет. Книга Иова, гл. 1, ст. 21; гл. 10, ст. 1.

** Там же, гл. 7.

Психиатр продолжал говорить. Халдерсен не слушал его. Он выпил еще воды, стараясь справиться с дрожащими руками.

* * *

В ту среду Пьер Жерар, его жена, два сына и дочь только к полуночи смогли урвать время, чтобы перекусить. Каждый из них одновременно был и владельцем, и шеф-поваром, и официантом, и уборщиком маленького уютного ресторанчика «ЗЕЛЕНый ГОРОШЕК» на Сэнсом Стрит. Дела в тот вечер шли необычайно, на редкость чудесно. Как правило, они выкраивали время для еды около половины шестого, перед тем, как начинался вечерний наплыв посетителей, но сегодня люди начали заполнять ресторанчик раньше — видимо, хорошая погода ускорила их обмен веществ — и до самого часа коктейлей ни у кого не было свободной минутки. Жерары привыкли поворачиваться быстро, поскольку владели, наверное, самым популярным в городе семейным бистро, у которого было много страстных приверженцев. Однако, подобная ночь — это уже слишком!

Они скромненько пообедали тем, что осталось: ребрышки цыпленка, немного отдающего жженой пробкой Шато Бейчеваль 97-го года, опавшее суфле и так далее. Их страшно мучила жажда. Одной из их причуд была эвианская вода, импортируемая из Франции. Нога Пьера Жерара вот уже тридцать лет не ступала на землю родного Лиона, но он сохранял многие привычки, свойственные его соотечественникам, в том числе, и тягу к минеральной воде. Французы не пьют много, но употребляемая ими вода должна выливаться только из бутылки и никогда из крана. Иначе есть риск испортить печень. Человек должен заботиться о своей печени.

* * *

Фредди Монсон в тот вечер заехал на Гиари к Хелен, и они отправились на ту сторону, в Саусалито, чтобы, как обычно, отужинать в «ОНДИРЕ». «ОНДИР» был одним из четырех ресторанов — и все четыре славились старыми традициями, — в которых он появлялся с неизменным постоянством. Он никогда не изменял своим привычкам. Каждое утро он неизменно просыпался в шесть и в семь уже сидел в офисе у экрана, изучая то, что произошло на европейском рынке, пока он спал. В семь тридцать местного времени открывалась биржа Нью-Йорка, и начиналась настоящая работа. В одиннадцать тридцать биржа Нью-Йорка закрывалась, и Монсон шел перекусить — всегда в «ЗЕЛЕНый ГОРОШЕК», владельцу ко-

того он помог однажды стать миллионером, посоветовав вложить акции в фирмы, слившиеся через два с половиной года в гигантскую «Консолидейтед Нуклеоникс». В тринадцать тридцать Монсон возвращался в оффис и занимался собственными делами на бирже тихоокеанского побережья. Трижды в неделю он кончал в три, но по вторникам и пятницам задерживался до пяти, проворачивая дела на биржах Гонолулу и Токио. Потом — обед, спектакль или концерт — всегда в сопровождении хорошенькой женщины. К двенадцати часам он старался уже быть в постели.

Человек в положении Фредди Монсона о б я з а н быть собранным. Он регулярно утаивал от своих клиентов от шести до девяти миллионов и держал все подробности этих махинаций в голове. Он не мог доверить их бумаге, потому что всюду могли оказаться глаза сканнеров; не мог он прибегнуть и к помощи электроники, поскольку всем известно: доверенное одному, компьютеру, может оказаться известным какому-нибудь другому, какую бы надежную защиту вы ни применили. Поэтому Монсону приходилось помнить подробно-сти пятнадцати, а то и больше, сделок, постоянно меняющуюся схему вычетов, а человек, которому приходится держать свои мысли в строгом порядке, быстро привыкает к порядку во всем остальном.

Хелен прильнула к его плечу. Он ощутил тонкий запах психоделических духов.

Монсон переключил машину на саусалитскую сеть и с удовольствием откинулся на спинку сиденья, доверяя управление транспортному компьютеру. Хелен проговорила:

— Знаешь, вчера вечером я видела у Брайсов две скульптуры твоего обанкротившегося друга.

— Пауля Мюллера?

— Его самого. Это очень хорошие скульптуры. Одна из них за-жужжала, когда я подошла поближе.

— Что это ты делала у Брайсов?

— Я училась в колледже с Лизой Брайс. Вчера она пригласила нас с Мартой.

— Никогда бы не подумал, что тебе уже столько лет,— сказал Монсон.

Хелен хихикнула:

— Лиза намного моложе мужа, дорогой. Сколько может стоить скульптура Мюллера?

— От десяти до двадцати тысяч. Знатки дают и больше.

— И при этом он на мели?

— Пауль обладает редким даром к самоуничтожению,— ответил Монсон.— Он просто не понимает, что такое деньги. Этим он спасает в себе художника. Чем глубже он увязает в долгах, тем лучше идет у него работа. Он создает, так сказать, поневоле. Хотя он, похоже, переборщил с последним своим кризисом. От отчаяния он

перестал работать вообще. По-моему, это преступление против человечества, когда художник не работает.

— Как ты красиво говоришь, Фредди,— промурлыкала Хелен.

* * *

Когда Изумительный Монтини проснулся в четверг, он сразу не осознал, что что-то изменилось. Его память была подобна вышколенному слуге, всегда оказывающемуся под рукой, как только его хотят позвать. Так и ряды фактов, закрепленных в его памяти, оставались разрозненными, пока в них не возникала нужда. Библиотекарь мог бы, оглядев полки, заметить пропажу книг. С Монтини же такого не могло случиться. Он повалялся с полчаса в постели, потом встал, принял молекулярный душ, позвонил насчет завтрака, разбудил Надю и велел ей заказать билеты на ракетоплан до Лас-Вегаса. И, наконец, словно пианист, пробегающий перед выступлением несколько арпеджио, чтобы размять пальцы, он обратился в свое хранилище за Шекспиром и не обнаружил его на месте.

Он остался внешне спокойным, только ухватился за астрагал, украшавший киноокно, и в замешательстве уставился на мост. У него никогда не было нужды прилагать какие-либо усилия, чтобы вспомнить какой-нибудь факт. Он просто смотрел, и факт появлялся. Но где же Шекспир? Где левая колонка на 136 странице и правая на 654-й, где правая колонка на странице 806, шестнадцатая строка снизу? Пропали? Он побледнел. На экране его памяти белели одни чистые страницы.

Спокойно. Это необычно, но это не катастрофа. Ты перенапрягся, и ты с этим справишься, вот и все. Расслабься, попытайся достать из хранилища что-нибудь другое...

— Нью-Йоркская «ТАЙМС», третье октября 1973 года, среда. Так, вот первая страница, очень отчетливо видимая: бейсбольный репортаж в нижнем правом углу, шапка о воздушной катастрофе — крупный черный шрифт, даже кредитная стоимость видна. Отлично. Теперь попробуем...

Сент-Луисская «ПОСТ-ДИСПЕТЧ», 19 апреля 1987 года, воскресенье. Монтини вздрогнул. Он видел верхние четыре дюйма страницы и ничего больше. Стерто начисто.

Он пробежался по страницам газет, хранящихся в его памяти. Некоторые из них оказались на месте. Некоторые — нет. Некоторые, как «ПОСТ-ДИСПЕТЧ» — с пробелами.

Его щеки запылали. Кто это решил вдруг позабавиться с его памятью?

Он снова попытался вспомнить Шекспира. Неудача.

Чикагский справочник за 1997 год. На месте.

Учебник географии за третий курс. Вот он — большой красный том с грязными пятнами на страницах.

Ксерокопия бюллетеня за ту пятницу. Отсутствует.

Он рухнул на диван, купленный в Стамбуле, как он помнил, 19 мая 1985 года за 4200 турецких фунтов.

— Надя! — Закричал он. — Надя! — Голос его напоминал карканье. Она выглянула из ванной. Лыдистый узор вокруг ее глаз был уложен едва ли наполовину, и лицо от этого казалось каким-то перекошенным.

— Как я выгляжу? — торопливо спросил он. — Мой рот... с ним все в порядке? А с глазами?

— Ты красный, как рак.

— Не то!

— Я не знаю, — пожала она плечами. — Ты какой-то взволнованный, но...

— Я лишился половины мира, — сказал Монтини. — У меня, наверное, удар. На лице что-нибудь заметно? Это первый симптом. Зови доктора, Надя! Удар, удар! Это конец Монтини!

* * *

Пауль Мюллер, проснувшийся в ту среду в полночь и чувствовавший себя странно посвежевшим, никак не мог собрать разбегающиеся мысли. Почему он полностью одет и почему он спал? Видимо, задремал и не заметил, как уснул? Он попытался вспомнить, что он делал днем и не вспомнил. Он испытывал легкое недоумение, но отнюдь не подавленность. Руки чесались по работе. Ему чудились пять скульптур и, казалось, просили, чтобы их начали делать.

— Пожалуй, прямо сейчас и нужно начать, — подумал он. — И поработать до утра. Вот эта маленькая щебечущая вещичка серебристого цвета — с нее и начну. Слеплю остов, а может, и электронику немножко успею...

— Кэрл! — позвал он. — Кэрл, где ты?

В странно пустой комнате загрохотало эхо.

Только теперь Мюллер заметил, как мало вокруг мебели. Кровать... кушетка, а не их двуспальная кровать, стол, шкафчик-термос для продуктов, несколько тарелок. Ни следа ковров. А где скульптуры? Его собственная коллекция лучших работ? Он заглянул в студию и обнаружил голые стены. Все инструменты таинственным образом исчезли, осталось только несколько разбросанных по полу эскизов. А где жена? Кэрл! К э р л!

Ничего не понять. Похоже, пока он дремал, кто-то очистил весь его дом, стащив всю мебель, все скульптуры и даже ковер. Мюллеру приходилось слышать о таких ребятах. Они заявлялись с фургоном

и вели себя нагло, разыгрывая киношников. Видимо, они накачали его каким-то наркотиком, чтобы он не мешал. Невыносима была мысль, что он лишился скульптур. Остальное было несущественно, но эта заветная дюжина была ему по-настоящему дорога. Он счел за лучшее вызвать полицию и бросился к аппарату коммуникационной сети, но его не было. И его сперли?

Он зашагал от стены к стене, не в силах найти ответа ни на один вопрос, и тут его взгляд упал на собственную памятную табличку. Позвонить Фредди Монсону и одолжить три куска. Взять билет до Каракаса. Купить инструменты.

До Каракаса? Отдохнуть, что ли? И почему купить инструменты? Видимо, они исчезли до того, как он заснул. Почему? И где его жена? Что вообще происходит? Он подумал, что стоит позвонить Фредди Монсону прямо сейчас, не дожидаясь утра. Фредди может что-нибудь знать. К двенадцати Фредди всегда дома. С ним, наверное, опять одна из этих чертовых кукол, а он не любит, когда его отвлекают. Ну и плевать.

Что толку в друзьях, если их нельзя беспокоить всякий раз, когда тебе плохо?

Он выскочил из комнаты, припоминая, где находится ближайший автомат, и чуть не налетел в холле на гладкого робота-сборщика.

«Эти жестянки не знают жалости,— подумал Мюллер.— Всегда они досаждают человеку».— Этот, видимо, шел к увязшему по уши в долгах семейству Никольсенов, чья квартира располагалась дальше по холлу.

Робот произнес:

— Мистер Пауль Мюллер? Я полноправный представитель «Интернейшнл Фабрикейшн Картель Амальгамейтед». Я здесь для того, чтобы напомнить, что на вашем счету значится неоплаченная сумма в размере 9150 долларов 55 центов и что раз вы не ответили на три наших предыдущих извещения, с девяти часов завтрашнего утра с нее будет браться пеня в размере пяти процентов за месяц. Далее, я должен сообщить...

— У тебя что, нейтрончик соскочил? — огрызнулся Мюллер.— Я не должен ИФК ни цента! У меня сегодня паршивое настроение, и не выводи меня из себя!

Робот терпеливо произнес:

— Показать вам копию договора? Пятого января 2003 года вы затребовали от нас следующие металлоизделия: три четырехметровые трубы из старинного иридия, шесть десятисантиметровых сфер из...

— Пятое января 2003 года будет через три месяца,— перебил его Мюллер,— и у меня нет времени выслушивать свихнувшегося робота. Мне необходимо срочно позвонить. Ты можешь соединить меня с линией связи вместо того, чтобы нести эту бредятину?

— Я не уполномочен разрешать вам пользоваться моими возможностями.

— Дело крайней важности,— отрубил Мюллер.— Человеческая жизнь в опасности, а я тут с тобой спорю!

Робот моментально включил сирену, оповещающую всю округу об опасности, и выдвинул устройство связи. Мюллер назвал номер Фредди Монсона.

— Я могу обеспечить только звук,— сообщил робот, соединяясь с коммуникационной сетью. Прошла минута. Затем из решетки громкоговорителя на груди робота раздался знакомый глубокий бас Фредди Монсона:

— Слушаю. Чего вы хотите?

— Это я, Пауль. Я очень сожалею, что поднял тебя, Фредди, но у меня большие неприятности. Я так думаю, то ли я сбрендил, то ли все остальные.

— Естественно, все остальные. Что у тебя стряслось?

— У меня исчезла мебель. Робот-сборщик вытрясает из меня девять кусков. Я не знаю, где Кэрл. Я не могу вспомнить, что я делал вчера. Я обнаружил запись насчет билета до Каракаса, сделанную моей рукой, и не могу понять, зачем он мне. И...

— Можешь не продолжать,— сказал Монсон.— Я ничем не могу тебе помочь. У меня самого неприятности.

— Но мне хоть можно прийти к тебе и поговорить?

— Совершенно незачем! — отрезал Монсон. Потом добавил уже более мягко.— Послушай, Пауль, я вовсе не хотел орать на тебя. Но со мной кое-что случилось. Очень неприятное...

— Не притворяйся. У тебя Хелен, и ты желаешь, чтобы я оставил тебя в покое. О'кэй.

— Нет. Честно, нет,— отозвался Монсон.— У меня вдруг произошла большая неприятность. Я оказался в сложной ситуации, и ничем не могу тебе помочь. Мне бы самому кто помог.

— А в чем? Может, я смогу что-нибудь сделать?

— Боюсь, что нет. И с твоего разрешения, Пауль...

— Ответь мне на один вопрос. Где мне искать Кэрл? Ты не знаешь?

— Я так полагаю, что у мужа.

— Я ее муж.

Большая пауза. Наконец, Монсон произнес:

— Пауль, но она ушла от тебя шестого января и в апреле вышла замуж за Пита Кастина.

— Нет,— сказал Мюллер.

— Что нет?

— Нет, это невозможно.

— Ты что, наглотался таблеток, парень? Нанюхался дряни? Травки накушался? Знаешь, извини, но у меня сейчас нет времени.

- Скажи, по крайней мере, какой сегодня день?
- Среда.
- Какая среда?
- Восьмое мая. Впрочем, скорее, уже девятое, четверг.
- А год?
- Ради бога, Пауль...
- Год?
- 2003.

У Мюллера опустились плечи.

— Фредди, я где-то потерял полгода. Для меня сейчас октябрь 2002 года. Я подцепил заразную форму амнезии. Это единственное объяснение.

— Амнезия, — произнес Монсон. Напряжение в его голосе исчезло. — Она и тебя мучает... Амнезия... А может быть — эпидемия амнезии? Она что, заразная? Пауль, тебе действительно лучше зайти ко мне. Знаешь, у меня то же самое...

* * *

Тот четверг, девятое мая, обещал быть таким же прекрасным днем, как и прошедшая среда. Солнечные лучи снова залили Сан-Франциско. Небо было чистым, воздух — теплым и нежным. Командор Браскет проснулся как всегда рано, заказал обычный спартанский завтрак, просмотрел утренний ксерофакс с новостями, потратил около часа на диктовку мемуаров и часов в девять вышел прогуляться. Он повернул на Хай Стрит — скопище всевозможных магазинов — и обнаружил, что улицы по непонятной причине заполнены народом. У людей были сонные глаза и они слонялись бесцельно, словно лунатики. Пьяные? Наркоманы? За пять минут командора трижды останавливали молодые люди, интересующиеся, какой сегодня день. Не час, Д е н ь. Он отвечал, кратко и презрительно. Он старался быть терпеливым, но ему было трудно не презирать этих слабых людей, неспособных удержаться от отравления собственного мозга стимулянтами, наркотиками, психоделиками и прочей дрянью. На углу Хай и Масоник его остановила хорошенькая девушка лет шестнадцати, с глазами загнанной лани.

— Сэр, это ведь Сан-Франциско, правда? То есть я собиралась приехать сюда из Питтсбурга в мае, а раз сейчас май, то ведь это Сан-Франциско, да?

Командор Браскет, коротко кивнул и раздосадованно отвернулся. Он был рад увидеть через дорогу Луи Сандлера, управляющего местным отделением «Бэнк оф Америка». Сандлер стоял у дверей банка. Командор поспешно перешел улицу.

— Это сущее наказание, Луи, — возмущенно проговорил он. —

Вся улица забита ненормальными. Сегодня что, карнавал, посвященный шестидесятым?

Сандлер улынулся в ответ и сказал:

— Это меня так зовут? Луи? А вы случайно не знаете моего второго имени? Как-то так получилось, что оно совершенно вылетело у меня из головы.

Только тут до командора Браскета дошло, что в городе происходит нечто ужасное, а может, не только в городе, но и во всей стране, что наконец, случилось то, чего он всегда так опасался: левые захватили власть, и настало время надеть свой старый мундир и сделать все, что в его силах, чтобы отразить врага.

* * *

Нет Холдерсен проснулся в то утро полным радости и растерянности, чувствуя, что он как-то странно и прекрасно изменился. В мозгу его что-то билось, но это не была боль. Ему казалось, что с его плеч снята гнетущая ноша, что рука смертельного недуга отпустила свою хватку.

Он прыгнул с постели, полный вопросов:

— Где я? Что это? Почему я не дома? Где мои книги? Отчего я так счастлив?

Помещение походило на больничную палату.

На мозг словно набросили вуаль. Он мысленно приподнял ее и начал вспоминать, что он обратился в... во Флетчеровский Мемориал... в прошлом августе... нет, в позапрошлом в связи с сильным нервным расстройством, вызванным... вызванным...

Он никогда не чувствовал себя более счастливым, чем в тот момент.

На глаза ему попало зеркало. В нем отражалась верхняя половина Натаниеля Халдерсена, доктора философии. Нат улынулся отражению. Высокий, жилистый, носатый человек с густыми солдменными волосами и наивными голубыми глазами улынулся в ответ. Отлично сложенное тело. Он расстегнул пижаму. Бледная, лишенная волос грудь; выступающие на плечах эполеты костей.

— Я долго болел,— подумал Халдерсен.— Теперь пора и честь знать. Студенты, наверное, заждались. Хватит валяться. Где одежда?

— Сестра! Доктор! — он трижды нажал кнопку вызова.— Эй! Кто-нибудь!

Никого. Странно. Всегда приходили. Халдерсен пожал плечами и вышел в холл. В дальнем конце он увидел трех санитаров. Они шептались о чем-то, низко склонившись голова к голове. На него они не обратили внимания. Мимо проскользнул робот, неся подно-

сы с завтраком. В то же мгновение по холлу промчался молодой врач. Он даже не остановился, когда Халдерсен окликнул его. Халдерсен раздраженно хмыкнул, вернулся в палату и занялся поисками одежды. Он не нашел ничего, кроме тощей пачки журналов, валяющейся на полу маленькой кладовки. Он еще трижды нажал кнопку. Наконец, в комнату вошел робот.

— Мне очень жаль,— сказал он,— но персонал больницы сейчас занят. Чем могу служить, доктор Халдерсен?

— Мне нужна одежда. Я ухожу домой.

— Мне очень жаль, но записи о вашей выписке нет. Без распоряжения доктора Брайса, доктора Рейнольдса или доктора Камакуры я не могу вас отпустить.

Халдерсен вздохнул. Он уже знал, что робота не переспоришь.

— Где сейчас эти три джентльмена?

— Они заняты, сэр. Вы, возможно, знаете, что в городе утром сложилась критическая ситуация. Доктор Брайс и доктор Камакура помогают создать комитет общественного спасения. Доктор Рейнольдс сегодня на работе не отмечался, и мы никак не можем его отыскать. Видимо, что он стал жертвой сегодняшнего происшествия.

— Какого происшествия?

— Потери памяти большой частью населения,— ответил робот.

— Эпидемия амнезии?

— Это одно из объяснений происшедшего.

— Как могла...— Халдерсен замолк. Теперь ему стала понятна причина собственной радости. Только вчера днем он обсуждал с Тимом Брайсом возможность применения амнезификатора для его излечения, и Брайс сказал...

Халдерсен больше не помнил причины своей болезни.

— Минутку,— остановил он направившегося к выходу робота.— Мне нужна информация. Почему я оказался здесь?

— Вас мучили неприкаянность и бездеятельность, первопричиной которых, по мнению доктора Брейса, была личная потеря.

— Потеря чего?

— Вашей семьи, доктор Халдерсен.

— Ну да. Все правильно. Я припоминаю... У меня была жена и двое детей. Эмили. И маленькая девочка... Маргарет, Элизабет, что-то в этом роде. И мальчик по имени Джон. Что же с ними случилось?

— Они были пассажирами межконтинентального воздушного лайнера 5-го сентября, рейс сто три — Копенгаген — Сан-Франциско. Ракетоплан разгерметизировался над Арктикой в результате взрыва. Никому не удалось спастись.

Халдерсен выслушал все это совершенно спокойно, словно ему рассказывали про убийство Юлия Цезаря.

— А где в это время был я?

— В Копенгагене,— ответил робот.— Вы собирались вернуться в Сан-Франциско вместе с семьей, однако согласно вашему личному делу, хранящемуся в больнице, вы вступили в чувственную связь с женщиной по имени Мари Расмуссен, встреченной вами в Копенгагене, и вернулись в отель, когда ехать в аэропорт было уже поздно. Ваша жена, видимо, осведомленная о причине вашей задержки, решила не дожидаться вас. Последующая смерть ее и ваших детей привела к появлению у вас сильнейшего чувства вины, так как вы считали себя ответственным за все происшедшее.

— Таковую позицию я и должен был занять,— сказал Халдерсен.— Преступление и наказание. Моя вина, моя огромная вина. Я всегда слишком болезненно относился к греху, даже когда грешил сам. Из меня вышел бы отличный ветхозаветный пророк.

— Желаете выслушать дальше, сэр?

— А что там дальше?

— В архиве есть доклад доктора Брайса, озаглавленный: «КОМПЛЕКС ИОВА». Изучение гипертрофированного чувства вины.

— От этого меня избавь,— сказал Халдерсен.— Можешь идти.

Он остался в одиночестве.

«Комплекс Иова? — подумал он.— Не слишком-то подходит, а? Иов не был грешником и все же постоянно подвергался наказанию. Порой просто из-за прихоти Всемогущего. Я бы сказал, что мое с ним отождествление носит несколько поверхностный характер. Тут скорее Каин: «И воззвал Каин к Господу: «Наказание мое больше, чем я могу вынести»*. Каин был грешником. В моем же случае согрешил я, а Эмили умерла за это. Когда? Одиннадцать, пятнадцать лет назад? Теперь я не знаю об этом ничего, кроме того, что только что сказал мне робот. Я бы определил это как искупление забвением. Я искупил свой грех и отныне свободен. Мне больше незачем здесь оставаться. Врата узки и извилист путь, в жизнь ведущий, и мало число тех, кто его отыщет. Мне надо идти. Может быть, я чем-то смогу помочь другим.»

Он завязал пояс купального халата, напился воды и вышел из палаты. Никто его не остановил. Лифт, похоже, не работал, но он отыскал лестницу и спустился по ней, хотя его отвыкшие от движения суставы чуть ли не скрипели. Ему год, если не больше, не приходилось ходить далеко. На первом этаже царил хаос: повсюду сновали возбужденные доктора, санитары, пациенты, роботы. Роботы всюю старались успокоить людей и вернуть каждого на свое место.

— Разрешите,— решительно и спокойно повторял Халдерсен, прокладывая себе путь.— Разрешите. Разрешите,— он вышел, так никем и не задержанный, через центральный вход. Воздух был свеж, словно молодое вино. Халдерсен чуть не заплакал, когда он

* Ветхий Завет. Книга Бытие, гл. 4, ст. 13.

защекотал его ноздри. Он был свободен. Искушение забвением. Происшествие в небе Арктики больше не занимало его мысли. Он глядел на него со стороны, словно это случилось с семьей кого-то другого и очень давно. Хаддерсен бодро зашагал по Ван Несс, чувствуя, как былая сила возвращается ногам с каждым шагом. Вдруг из двери выскочила безудержно рыдающая молодая женщина и с размаху налетела на него. Он подхватил ее и не дал ей упасть, удивляясь неизвестно откуда взявшейся у него силе. Она задрожала и прижалась к его груди.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас? — спросил он. — Могу я чем-нибудь вам помочь?

* * *

Фредди Монсон начал испытывать панику еще в среду, за ужином в «ОНДИНЕ». Неожиданно его стала раздражать Хелен, обставившаяся цыплятами с трюфелями, и он начал думать о бизнесе. К его изумлению, оказалось, что он не может вспомнить все детали. Так он почувствовал первый испуг.

Все осложнилось еще тем, что Хелен продолжала тараторить про искусство звуковой скульптуры вообще и о Пауле Мюллере в частности. Она проявляла такой интерес, что у Монсона начала зарождаться ревность. Не собирается ли она прыгнуть из его постели к Паулю? Не подумывает ли она о том, чтобы сменить богатого, обаятельного, но совершенно прозаического биржевика на безответственного, безденежного, но необычайно одаренного скульптора? Конечно, Хелен бывала в компании и других мужчин, но Монсон всех их знал и не считал соперниками, они были пустышками, свитой, призванной заполнять те ночи, когда у него не было для нее времени. Пауль Мюллер — совершенно другое дело. Монсону была невыносима мысль, что Хелен может бросить его ради Пауля. Поэтому он мысленно переметнулся на манипуляции прошедшего дня. Он удержал на тысячу долларов привилегированных акций Лунного Транзита из вклада Шеффера, заложив их в качестве дополнительного обеспечения, чтобы покрыть дефицит в собственном долговом обязательстве фирме Комсат, а потом, подоив счет Ховарда на пять тысяч акциями Юго-восточной Энергетической Корпорации, он... или эти акции позаймствованы со счета Брюстера? У Брюстера преимущественно акции предприятний общественного пользования. У Ховарда тоже, но он строит свое благополучие на Среднеатлантической Энергетической и вряд ли имеет отношение к Юго-Восточной. Так или иначе, вложил ли он эти акции в угорихское Оборудование по Обогащению Урана или пустил их в качестве своих маклеров в Антарктическую Аренду Буровых Машин? Он не мог вспомнить.

Он не мог вспомнить!
Он не мог вспомнить...

Каждое дело лежало на своей полочке в его памяти. Но все детали куда-то пропали. В голове кружились и сталкивались цифры, словно мозг его парил в невесомости. Все сегодняшние дела вдруг улетучились. Это испугало его. Он принялся механически пережевывать пищу, соображая, как бы ему уйти отсюда, избавиться от Хелен, добраться до дому и постараться восстановить в памяти сегодняшние действия. Странно, он отчетливо помнил все, что происходило вчера — колебания Ксерокса, двойной опцион Стил — но сегодняшний день был начисто стерт, минута за минутой.

— Тебе хорошо? — спросила Хелен.

— Нет, — ответил он. — Похоже, я что-то подхватил.

— Венерианский вирус. Он всех мучает.

— Да, должно быть, так. Венерианский вирус. Тебе, пожалуй, сегодня лучше оставить меня.

Они прикончили десерт и торопливо вышли из ресторана. Он подбросил Хелен до ее квартиры. Чувствовалось, что она была сильно расстроена, и это обеспокоило его, но совсем не так, как то, что случилось с его головой. Оставшись в одиночестве, он попытался восстановить события сегодняшнего дня, но оказалось, что теперь он не помнит гораздо больше. В ресторане он еще помнил, что за кусок он урвал и откуда, хотя и не твердо знал, что он собирался делать с каждым из них. Теперь он не мог даже припомнить названия акций. На руках у него было на несколько миллионов чужих денег, все подробности он держал в голове, а мозг отказывался ему служить. К тому времени, как позвонил Пауль Мюллер — это было уже за полночь — в нем начало подниматься отчаяние. Он слегка воспрял духом, впрочем, только слегка, узнав, что странные вещи, затронувшие его мозг, поразили Мюллера гораздо сильнее. Мюллер не помнил ничего, происшедшего позднее прошлого октября.

— Ты обанкротился, — вынужден был объяснить ему Монсон. — Ты носился с сумасшедшей идеей учредить центральный пункт обмена произведений искусства, нечто вроде биржи — такое может прийти в голову только художнику. Ты не позволил мне и слова сказать поперек. Потом ты принялся подписывать векселя и условные долговые обязательства, и раньше, чем твоему проекту исполнилось шесть недель, тебе предъявили с полдюжины судебных исков — дело начало выдыхаться.

— Когда все это началось?

— Эта идея обуяла тебя в начале ноября. К рождеству у тебя уже были серьезные неприятности. Ты уже наделал кучу долгов, которые так и оставались непогашенными, и твое имущество пошло с молотка. В твоей работе наступил странный застой, ты не мог ничего создать. Ты действительно ничего не помнишь, Пауль?

— Совершенно ничего.

— В феврале наиболее рьяные кредиторы стали обращаться в суд. Они забрали все, кроме мебели, а потом забрали и мебель. Ты обошел всех своих друзей, но они не смогли собрать даже и близкую сумму, потому что ты одалживал тысячи, а должен был сотни тысяч.

— А тебя я насколько расколол?

— На одиннадцать кусков,— ответил Монсон.— Но о них ты не тревожись.

— Я и не тревожусь. Я вообще ни о чем не тревожусь. Ты говорил, у меня был застой? — протянул Мюллер.— Все в прошлом. У меня руки тянутся к работе. Все, что мне нужно, это инструменты... то есть деньги, чтобы купить инструменты.

— Сколько они могут стоить?

— Два с половиной куска,— ответил Мюллер.

Монсон откашлялся:

— Хорошо. Я не могу перевести их на твой счет, потому что тогда они отправятся в карманы кредиторов. Я возьму в банке наличные. Ты возьмешь завтра три куска, и вперед!

— Благослови тебя бог, Фредди,— сказал Мюллер.— Эта амнезия неплохая штука, а? Деньги так заботили меня, что я не мог работать. А теперь я совершенно спокоен. Я все еще в долгах, но меня это ни капельки не волнует. Теперь расскажи, что случилось с моей женой?

— Кэрол все это надоело, и она ушла,— ответил Монсон.— Она с самого начала была против этой идеи. Когда тебя закрутило в жерновах, она всю старалась вытащить тебя, но ты все пытался свести концы с концами при помощи новых долгов, и она обратилась в суд за разводом. Когда она стала свободной, на сцене появился Пит Кастин.

— В это труднее всего поверить. Выйти замуж за дилера, за человека, не способного ничего создать... настоящего паразита...

— Они всегда были хорошими друзьями,— перебил Монсон.— Не буду говорить, что любовниками, потому что не знаю, но они всегда были близки. И Пит не так уж и ужасен. Он обладает хорошим вкусом, интеллигентностью, всем, чем может обладать художник, конечно, кроме одаренности. Я думаю, что Кэрол попросту устала от одаренных мужчин.

— Как я это воспринял? — спросил Мюллер.

— По тебе ничего нельзя было сказать, Пауль. Ты был слишком занят своими финансовыми делами.

Мюллер кивнул. Он задумчиво подошел к одной из своих работ — трехметровой конструкции из тонких опалесцирующих стержней, пробегающей весь звуковой спектр до верхнего предела слышимости, и провел двумя пальцами по глазку активатора. Скульпту-

ра принялась тихонько бормотать. Мюллер немного постоял и сказал:

— У тебя был очень расстроенный голос, когда я разговаривал с тобой по фону, Фредди. Ты говорил, у тебя тоже амнезия?

Стараясь, чтобы голос его звучал как можно беззаботнее, Монсон ответил:

— Я обнаружил, что не могу припомнить некоторые важные сделки, заключенные сегодня. К несчастью, все подробности этих сделок хранились у меня в голове. Но может быть, все это вернется, когда я выплыву.

— Да. В этом я тебе никак не могу помочь.

— Никак.

— Фредди, откуда взялась эта амнезия?

Монсон пожал плечами.

— Наверное, кто-то высыпал что-нибудь в воду, или нашпиговал им пищу, или еще что-нибудь. Теперь такое время, что никогда ни в чем не можешь быть уверен. Знаешь, Пауль, мне надо поработать. Если хочешь, можешь лечь у меня...

— Спасибо, мне совершенно не хочется спать. Я заскочу у речком.

Когда скульптор ушел, Монсон около часа лихорадочно сражался с амнезией, но потерпел неудачу. Он так и не вспомнил того, что хотел. В третьем часу ночи он принял снотворное, действие которого длилось четыре часа, и заснул. Когда он проснулся, то с ужасом осознал, что ничего не помнит, начиная с первого апреля и кончая вчерашним днем. В течение этих пяти недель он совершал бесчисленные перемещения ценных бумаг, используя собственность других в качестве параллельного обеспечения, играя на своей способности возвращать каждый маркер на место раньше, чем владелец решит поинтересоваться состоянием своих дел. Он всегда все помнил. Теперь он не мог вспомнить ничего. Он вошел в свой офис в семь часов утра, как обычно, и привычно включил каналы информации, чтобы просмотреть курсы на биржах Цюриха и Лондона. Но колонки цен на экране были какими-то странными, и он понял, что оказался не у дел.

* * *

В этот самый момент домашний компьютер доктора Тимоти Брайса послал сигнал, и из-под подушки донесся тихий, но настойчивый тревожный голос: — Время вставать, доктор Брайс. — Брайс завозился. После запрограммированного десятисекундного интервала голос произнес, но на этот раз более резко: — Время вставать, доктор Брайс! — Брайс сел на кровати и вовремя: поднятая с по-

душки голова предотвращала третье, более неприятное предупреждение, за которым следовали мощные аккорды симфонии «Юпитер». Психиатр открыл глаза.

К своему удивлению он обнаружил, что делит постель с ошеломительно красивой девушкой.

Девушка была смуглой блондинкой с медового цвета волосами, полными бледными губами и тонкой стройной фигурой. Она выглядела чрезвычайно молодой, по крайней мере, лет на двадцать моложе его. На вид ей можно было дать лет двадцать пять — двадцать семь. На ней не было ничего, и она крепко спала, непроизвольно надув губки. Его не удивила ни ее красота, ни ее нагота, ни ее молодость. Он был ошарашен тем, что не имел ни малейшего понятия, кто она такая и как она оказалась его постели. У него было такое чувство, что он вообще видит ее в первый раз. Во всяком случае, имени ее он не знал уж точно. Может, он подцепил ее вчера на вечеринке? Он никак не мог вспомнить, где он был вчера вечером, и тихонько тронул ее за локоть.

Она мгновенно проснулась, заморгала и с усилием трянула головой.

— Ой! — воскликнула она, увидев его и до подбородка закрылась простыней. Потом улыбнулась и отбросила ее в сторону. — Это глупо, глупо быть скромницей с е й ч а с.

— Согласен. Привет.

— Привет, — сказала она. Она выглядела такой же смущенной, как и он.

— Это звучит идиотски, — признался он. — Похоже, что я вчера накурился какой-то дряни, потому что, боюсь, я не совсем помню, как затащил вас сюда. И как вас зовут?

— Лиза, — сказала она. — Лиза... Фальк, — она перескочила через свое второе имя. — А вас...

— Тим Брайс.

— Вы не помните, где мы встретились?

— Нет, — ответил он.

— И я тоже.

Он поднялся с постели, испытывая некоторые неудобства из-за собственной наготы и борясь со смущением.

— Мы, должно быть, накурились одной и той же дряни. Знаете, — стеснительно улыбнулся он, — я даже не помню, хорошо ли мы провели с вами эту ночь. Надеюсь, все было отлично.

— Думаю, что да, — ответила она. — Я тоже ничего не помню. Но у меня очень приятное чувство... как со мной всегда бывает после... — она остановилась. — Мы не могли встретиться только вчера вечером, Тим, и...

— Откуда ты знаешь?

— У меня такое чувство, что я знаю тебя гораздо дольше.

Брайс пожал плечами.

— Не понимаю. Все-таки, видимо, мы были вчера хороши, может, вообще чуть тепленькие. Мы встретились, пришли сюда и... что дальше?..

— Нет. Я чувствую себя здесь, как дома. Словно я хожу к тебе очен давно.

— Прекрасная идея. Но я уверен, что это не так.

— Тогда почему я чувствую себя здесь как дома?

— В каком смысле?

— Во всех смыслах,— она подошла к шкафчику и положила руку на сенсор. Дверца открылась. Видимо, он настроил компьютер на ее прикосновение. Интересно, когда он успел сделать это? Она заглянула внутрь.

— Моя одежда,— сказала она.— Гляди. Все эти платья, пальто, туфли. Целый гардероб. Никаких сомнений. Мы живем вместе, но забыли об этом.

По его спине пробежал холодок.

— Что с нами сделали? Слушай, Лиза, давай-ка оденемся, поедим и сходим в больницу, обследуемся. Нам...

— В больницу?

— Во Флетчеровский Мемориал. Я ведь психиатр. Нам вчера что-то подсунули такое, что вызывает ретроградную амнезию, и мы страдаем теперь провалами памяти. Это может оказаться серьезным. Если это снадобье вызывает повреждение мозга, амнезия может быть необратимой, а мы с тобой до сих пор топчемся на месте.

Она испуганно поднесла пальцы к губам. Брайс ощутил внезапное теплое желание защитить эту прекрасную незнакомку, оберегать ее и заботиться о ней и осознал, что он, видимо, влюбился, хотя и не помнил, кто она такая. Он стремительно подошел к девушке и крепко и пылко обнял ее. Она прижалась к нему, и плечи ее дрогнули. Без четверти восемь они вышли из дома и пошли по непривычно пустым улицам в больницу. Брайс ввел девушку в помещение для персонала. Тед Камакура был уже там, готовый к обходу. Невысокий японец коротко кивнул и сказал:

— Приветствую, Тим,— глаза его замигали.— Здравствуйте, Лиза. Зачем вы здесь?

— Ты ее знаешь? — спросил Брайс.

— Почему ты спрашиваешь?

— Это очень серьезно.

— Конечно, знаю,— ответил Камакура, и его приветливая улыбка сразу же пропала.— Что-нибудь произошло?

— Ты ее, может, и знаешь, а я — нет,— сказал Брайс.

— Господи. Кому и знать ее, как не тебе.

— Скажи мне, кто она, Тед?

— Это твоя жена, Тим. Вы уже пять лет, как женаты.

* * *

В то утро Жерары успели к половине двенадцатого прибраться и тихонько готовили «ЗЕЛЕНый ГОРОШЕК» к дневному наплыву. В кастрюлях вовсю бурлил суп, противни с эскарже готовы были отправиться в печь, соус принимал необходимую остроту. Пьер Жерар был чуточку удивлен, что большинство постоянных посетителей не спешило показаться в зале. Не было видно даже мистера Монсона, обычно пунктуально являющегося в половине двенадцатого. Некоторые посетители не пропускали ленч в «ЗЕЛЕНОМ ГОРОШКЕ» вот уже пятнадцать лет. На бирже, видимо, произошло нечто поистине ужасное, подумал Пьер, раз все эти финансисты остались у своих панелей и оказались настолько занятыми, что не нашли времени позвонить и отменить свои заказы. Возможно, так оно и было. Просто невероятно, чтобы все постоянные посетители вдруг забыли предупредить его. А может, биржу взорвали. Пьер записал на табличке, что после ленча следует позвонить маклеру и справиться о случившемся.

* * *

В два часа пополудни в тот четверг Пауль Мюллер был в «ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТОВАРАХ МЕЧНИКОВА» на северном побережье. Ему надо было купить сварочный карандаш, кое-что из металла, громкоговорящие краски и прочие вещи, необходимые для возрождения его карьеры скульптора. Мечников сухо приветствовал его словами:

— Ничего в кредит, мистер Мюллер, даже на никель не отпущу.

— Великолепно. Сегодня я плачу наличными.

Дилер просветлел.

— Если так, то все в порядке. Неприятности кончились?

— Надеюсь, что так, — ответил Мюллер.

Он подал перечень. Все вместе это стоило 2300 долларов. Когда подошло время платить, он объяснил, что должен просто-напросто дойти до Монтгомери-Стрит и взять деньги у своего приятеля Фредди Монсона, который должен ему три куска. Мечников снова начал багроветь.

— Пять минут, — успокоил его Мюллер. — Я вернусь через пять минут!

Однако, когда он добрался до офиса Монсона, то обнаружил, что внутри царит беспорядок, а самого Монсона не видно.

— Он не оставлял конверта для мистера Мюллера? — спросил он у потерявшей рассудок секретарши. — Мне обещали вчера передать здесь в руки нечто очень важное. Вы не посмотрите?

Девушка попросту бросилась от него прочь. Так же поступила и другая. Дородный маклер сказал, чтобы он уходил.

— Мы закрываемся, парены! — рявкнул он.

Растерянный Мюллер вышел на улицу.

Не рискнув возвращаться к Мечникову с известием, что он все-таки не может заплатить, Мюллер отправился домой. Около двери расположились три робота-сборщика, принявшиеся обрушивать на его голову обещания всевозможных кар, как только он подошел.

— Очень жаль, — сказал Мюллер, — но я совершенно ничего этого не помню.

Он вошел к себе и со злостью плюхнулся на голый пол, думая о великолепных скульптурах, с которыми мог бы сейчас возиться, попади ему в руки инструменты. Пришлось ограничиться эскизами. В конце концов, эти кровопийцы оставили ему бумагу и карандаш. Это не так удобно, как экран компьютера и световой карандаш, однако Микеланджело и Бенвенуто Челлини великолепно обходились и без компьютерного экрана и светового карандаша.

В четыре часа раздался звонок в дверь.

— Убирайся! — заорал Мюллер в микрофон. — Вали к моему поверенному. Я не собираюсь выслушивать тебя, жестянка. Следующего же полоумного робота, который попробует сунуться сюда, я...

— Это я, Пауль, — произнес отнюдь не механический голос.

Он бросился к двери. Снаружи, окружая Кэрол, стояло семь роботов и они пытались войти, но он отшвырнул их в сторону и пропустил девушку. Робот никогда не рискнет поднять лапу на человеческое существо. Он с размаху двинул дверь по их металлическим лбам и запер ее на замок.

Кэрол выглядела совсем хорошо. Ее волосы были длиннее, он помнил их, и она прибавила фунтов восемь во всех подходящих местах. Она была одета в сверкающее платье пикабу, которого он никогда не видел и которое было абсолютно не к месту днем, но на ней оно смотрелось просто великолепно. Она выглядела по крайней мере лет на пять моложе, чем на самом деле; видимо, полтора месяца жизни с Питом Кастином дали ей больше, чем девять лет с Паулем Мюллером. Она покраснела. Она тоже выглядела несколько скованной и напряженной, но это, похоже, было явлением чисто поверхностным, результатом какого-то огорчения последних нескольких часов.

— Похоже, что я потеряла свой ключ, — произнесла она.

— Что ты здесь делаешь?

— Я не понимаю тебя, Пауль.

— Я хочу сказать, зачем ты пришла?

— Я здесь живу.

— Вот как? — хрипло рассмеялся он. — Это очень забавно.

— У тебя всегда было ужасное чувство юмора, Пауль, — она остановилась позади него. — А вот это уже не шутки. Где в с е? Мебель, Пауль. Мои вещи, — она неожиданно расплакалась. — Я со-

всем расклеилась. Я проснулась сегодня в какой-то совершенно странной комнате, совершенно одна и весь день проходила в каком-то дурмане. Наконец, я пришла домой и вижу, что ты выбросил все вещи, которые мы с тобой жили вместе и все...— она закусила губу.— Паулы!

«И у нее тоже,— подумал он.— Эпидемия амнезии».

Он тихо сказал:

— Очень смешно об этом спрашивать, Кэрол, но не скажешь ли ты мне, какой сегодня день?

— Ну... четырнадцатое сентября... или пятнадцатое...

— 2002 года?

— А ты что думал? 1776-го?

«У нее еще хуже, чем у меня,— сказал себе Мюллер.— Она потеряла еще целый месяц. Она забыла про мое рискованное предложение. Она забыла, что я потерял все деньги. Она забыла, что ушла от меня. Она считает, что она все еще моя жена».

— Иди сюда,— сказал он и провел ее в спальную. Он показал на кушетку, стоящую на месте их кровати.— Сядь, Кэрол! Я должен тебе кое-что объяснить. Вряд ли в этом много смысла, но я постараюсь быть понятным.

* * *

Ввиду подобных обстоятельств, концерт Нью-Йоркской филармонии, назначенный на четверг, был отменен. Тем не менее, оркестр в половине третьего собрался на репетицию. Союз требовал ежедневных (оплачиваемых) репетиций. Поэтому оркестр собрался, несмотря на происходящий катаклизм. Но сразу же возникли трудности. Маэстро Альварес, дирижирующий исключительно электронной палочкой и гордо отвергающий партитуру вообще, внезапно, словно рухнув в волчью яму, в замешательстве осознал, что «Четвертая» Брамса полностью улетучилась у него из головы. Оркестр весьма разнообразно отреагировал на его неуверенное дирижирование. У некоторых музыкантов не возникло никаких трудностей, но ведущий скрипач в ужасе уставился на свою левую руку, соображая, как поставить пальцы, чтобы извлечь из скрипки нужные ноты, второй гобой никак не мог найти нужные клапаны, а первый фагот безуспешно пытался собрать свой инструмент.

* * *

К вечеру Тим Брайс уже собрал достаточно сведений, чтобы понять, что же произошло не только с ним и с Лизой, но и со всем го-

родом. Снадобье — или снадобья, — почти наверняка распространное через систему городского водоснабжения, повредило память почти каждого жителя. Беда современной жизни, подумал Брайс, заключается в том, что наука каждый год приводит ко все новым и все более ужасным бедствиям, но забывает дать заодно и способ бороться с ними. Лекарства, влияющие на память — не новинка. Они появились тридцать — сорок лет назад. Некоторые из них он изучал. Память — это частично химические, частично электрические процессы. Некоторые лекарства воздействуют на электропроводные окончания, через которые проходят нервные импульсы, некоторые — на молекулы, на которых основана долговременная память. Брайс знал способы нарушения кратковременной памяти путем стирания цепочек рибонуклеиновой кислоты, РНК памяти, с помощью которых происходит запоминание. Но все эти лекарства были экспериментальными, неуправляемыми, способными подчас выкинуть совершенно неожиданный фокус. Он не решался испытывать их на человеке. Он и представить себе не мог, что кто-то попросту высыпет их в акведук, подвергая город всеобщей лоботомии.

Его кабинет во Флетчеровском Мемориале превратился в импровизированный центр, руководящий спасением Сан-Франциско. Здесь были мэр, съездившийся и бледный, шеф полиции, измотанный и растерянный, периодически потирающий поясницу и глотающий таблетки, сонный представитель коммуникационной сети, нервно оглядывающий сляпанную на скорую руку систему, с помощью которой приказы Комитета Общественного Спасения, возглавляемого Тимом Брайсом, становились известными всему городу.

От мэра не было вообще никакого толка. Он не мог вспомнить даже дорогу до своего кабинета. Шеф полиции был в еще худшей форме: он всю ночь провел на ногах, поскольку забыл, помимо прочих вещей, свой домашний адрес и боялся спросить об этом компьютер в страхе, что его лишат должности за пьянство. К настоящему моменту шеф полиции знал, что не у него одного сегодня проблемы с памятью; он узнал в архиве адрес и даже успел позвонить жене, но был близок к потере сознания. Брайс настоял на том, чтобы эти двое оставались здесь в качестве символов порядка; ему были нужны их лица и голоса, но отнюдь не помощь их сбившихся с панталыку служб.

По кабинету слонялась дюжина или около того разных людей. В пять часов пополудни Брайс сделал заявление по радио, прося всех, чья память о последних событиях осталась неповрежденной, собраться во Флетчеровском Мемориале.

— Если за последние двадцать четыре часа вы не пили водопроводной воды, с вами все в порядке. Приходите сюда. Вы нам нужны.

Собралась прелюбопытная компания. Там был прямой, словно шомпол, старый генерал космоса Тейлор Браскет, помешанный на

пище без примесей и пивший исключительно талую горную воду. Там была семья французских рестораторов: мать, отец и трое взрослых детей, предпочитающих минералку родной страны. Был там торговец компьютерами по имени Макферни, уезжавший по делам в Лос-Анджелес и поэтому не пивший местной воды. Был там местный полицейский по имени Олдер, проживающий в Окленде, где не было случаев потери памяти, он бросился прямым по берегу, лишь только услышал, что в Сан-Франциско беда. Это было еще до того, как по распоряжению Брайса все дороги в город были перекрыты. Были там и другие, чьи цели были сомнительны, а память в порядке.

Три экрана, поставленных представителем коммуникационной службы, показывали происходящее в ключевых точках города. Сейчас на одном из них был район Фишермановой Пристани, снимаемый с площади Жирарделли, на другом — вид на финансовый район с вертолета, кружащегося над старым Ферри Билдинг Музеум, на третьем — Голден Гейт Парк, обозреваемый камерой, установленной на грузовичке. Везде было одно и то же: суetyающиеся люди, задающие вопросы и не находящие ответов. Пока еще не было заметно открытого грабежа. Не было пожаров. Полицейские — те, кто был способен действовать, — держались наготове. Роботы для подавления волнений патрулировали центральные улицы, готовые, если будет нужно, накрывать паникующие толпы вязким одеялом из пены.

Брайс обратился к мэру:

— Я хотел бы, чтобы в шесть часов тридцать минут вы обратились к народу с призывом сохранять спокойствие. Мы дадим вам все, что нужно будет сказать.

Мэр промычал что-то нечленораздельное.

— Не беспокойтесь, — сказал Брайс. — Вот вам слуховой аппарат, я скажу вам все, что надо. Сосредоточьтесь на том, чтобы говорить внятно и смотреть в камеру. Если вы будете дергаться, словно испуганный кролик, нам всем конец. Если вы будете выглядеть спокойным, мы, может быть, и выпутаемся.

Мэр закрыл лицо руками.

Тед Камакура шепнул:

— Нельзя выпускать его в эфир, Тим! Он сломался, и это будет заметно!

— Мэр города обязательно должен показаться, — возразил Брайс. — Дай ему двойную дозу возбуждающего. Пускай произнесет одну единственную речь и отправляется домой.

— А кто тогда будет говорить потом? — спросил Камакура. — Ты? Я? Шеф полиции Деннисон?

— Не знаю, — протянул Брайс. — Нам нужен авторитетный человек, чтобы выступать примерно каждые полчаса, и будь я проклят, если у меня есть для этого время. Или у тебя. А Деннисон...

— Могу я предложить кое-что, джентльмены? — это был ста-

рый космический волк Браскет. — Я хочу предложить себя в качестве информатора. Вы согласитесь, что у меня довольно большой авторитет. И я привык разговаривать с людьми.

Брайс с ходу отменил эту идею. Этого чокнутого правого, этого сочинителя страстных бредовых посланий в каждую газету штата, этого современного Пола Ревира? Его — в информаторы? Однако, подумав, он согласился. Никто по-настоящему не обращает внимания на такие крайние политические взгляды. Пожалуй, девять из десяти жителей Сан-Франциско, если не все десять, видят в Браскете всегонавсего героя Первой Экспедиции на Марс. Командор был старым конем чистых кровей, элегантный, подтянутый, свежий. Глубокий голос, немигающие глаза. Воплощение силы и уверенности.

Брайс сказал:

— Командор Браскет, если мы сделаем вас Председателем Комитета Общественного Спасения...

У Камакуры перехватило дыхание.

— ...могу ли я быть уверен, что заявления, которые вы будете делать с экрана, будут строго ограничены рамками решений, вырабатываемых Комитетом в целом?

Командор Браскет холодно усмехнулся:

— Вы хотите, чтобы я был вашим ставленником, так?

— Нашим информатором с официальным титулом Председателя.

— Как я сказал: ставленником. Хорошо, я согласен. Я буду послушно открывать и закрывать рот, словно марионетка, и не позволю себе своих радикальных экстремистских высказываний. Вы ведь этого хотите?

— Я полагаю, мы верно поняли друг друга, — сказал Брайс и улыбнулся, получив в ответ на удивление теплую улыбку.

Он нажал клавишу на панели информационного устройства. Кто-то, находящийся восемь этажами ниже, откликнулся, и Брайс спросил:

— Что нового говорят анализы?

— Я переключу вас на доктора Мэдисона.

На экране возник доктор Мэдисон: пухлый краснолицый мужчина, похожий на торговца пивом. Он возглавлял отделение радиоизотопов и знал свое дело.

— Это действительно водопровод, Тим, — сказал он сразу же, — Мы говорили это еще полтора часа назад, а теперь мы знаем это наверняка. Я выделил следы двух супрессантов мозга и похоже, там есть еще третий. Одно хорошо: все это не смертельно.

— Расскажи мне про них, — попросил Брайс.

— Прежде всего, мы имеем целую кучу производных ацетилхолина, — начал Мэдисон, — которые рассоединяют синапсы и нарушают кратковременную память. Затем имеется еще что-то вроде

производного пуромицина, расщепляющего белок, влияющее на РНК памяти и затрагивающее более глубокую память. Подозреваю, что мы можем столкнуться с каким-нибудь новым экспериментальным амнезификатором, с чем-то, чего я пока еще не выделил, способным вызвать повреждения основной моторной памяти. Так что мозг поражается и сверху, и в середине, и в глубине.

— Это многое объясняет. Люди, не помнящие, что они делали вчера, люди, не помнящие взрослую жизнь и те, кто не может вспомнить даже собственного имени... эта штука задевает все уровни.

— В зависимости от метаболизма, возраста, структуры мозга и количества выпитой вчера воды.

— Вода все еще отравленная? — спросил Брайс.

— Я осмелюсь сказать, что нет. Я исследовал пробы воды из районов, близких к месту забора. Там все в порядке. Служба водоснабжения провела проверку по всей линии; они говорят то же самое. Видимо, эта дрянь попала в водопровод вчера утром, дошла до города и теперь вся уже сошла. В трубах может что-нибудь остаться, поэтому с водой пока надо быть поосторожней.

— Что говорит фармакопея о действии этой штуки?

Мэдисон пожал плечами.

— Одни предположения. Тебе известно, об этом больше, чем мне. Это пройдет?

— Только не в обычных условиях, — ответил Брайс. — Происходящее можно рассматривать как процессы обрыва соединительных цепей и копирования поврежденной памяти случайным образом. Так сказать, перевод на другой путь — а именно: создания дубликата поврежденного места при том, однако, условии, что эта копия не будет, в свою очередь, стерта. К одним людям память вернется, хотя и по кусочкам, через несколько дней или недель. К другим — нет.

— Прекрасно, — сказал Мэдисон. — Ладно, не буду тебя отвлекать, Тим.

Брайс щелкнул выключателем и обратился к представителю коммуникационных сетей:

— У вас есть слуховой аппарат? Приложите его за ухо почтенному мэру.

Мэр затрепетал. Аппарат был установлен на место.

Брайс сказал:

— Мистер мэр, я собираюсь произнести речь, а вы будете повторять ее вслед за мной. Вот о чем я хочу вас попросить прежде, чем дать вам время собраться: внимательно вслушивайтесь в то, что я буду вам говорить. Говорите не спеша и представляйте, что завтра выборы и ваше избрание зависит от того, как вы сегодня будете держаться. Не стоит зажимать себя. Передача пойдет с пятнадцатисекундной задержкой, у нас есть стирающее устройство, так что мы сможем исправить любую вашу оговорку. Нет абсолютно никаких

причин держаться напряженно. Ну как? Способны вы выложиться?

— У меня голова идет кругом.

— Просто слушайте то, что я буду вам говорить и повторяйте это в камеру. Отбросьте все свои политические рефлексии. Сейчас вам представился удобный случай показать себя героем. Мы переживаем исторический момент, мистер мэр. Все наши поступки будут потом изучаться, как изучают сейчас события пожара 1906 года. А теперь начали. Повторяйте за мной: «Люди прекрасного города Сан-Франциско»...

Слова легко слетали с губ Брайса и, чудо из чудес, мэр повторял их чистым и звучным голосом. Окончив речь, Брайс почувствовал вздымающуюся внутри него волну силы и уверенности, словно он был избранным вождем города, а не самозванным диктатором. Это было любопытное чувство, граничащее с экстазом. Лиза, наблюдавшая за его действиями, послала ему влюбленную улыбку.

Он улыбнулся в ответ. В эту минуту своей славы он был почти способен забыть про боль, причиненную тем, что память об их совместной жизни исчезла без следа. Все остальное осталось. Но пять лет супружеской жизни были стерты начисто с идиотской избирательностью проклятым наркотиком. Камакура сказал ему недавно, что лучшей пары он не знал. И как не было ничего. Правда, Лиза перенесла точно такую же потерю. Редчайшая случайность. Отчего-то это несколько помогало мириться с утратой. Было бы просто ужасно, если бы один из них помнил хорошие времена, а другой — нет. Пока он был занят, он почти забывал о тяжелой утрате. Почти.

* * *

— Через минуту будет выступать мэр,— сказала Надя.— Послушаешь? Он объяснит, что случилось.

— Плевать,— тупо проговорил Изумительный Монтини.

— Это что-то вроде эпидемии амнезии. Я была на улице и все узнала. Она у всех. Не только у тебя! Ты думал, что это удар, но с тобой ничего не случилось.

— Мой мозг разрушен.

— Это временно,— голос ее был резок и неубедителен.— Это что-нибудь в воздухе. Испытывали какой-то порошок и просыпали его. И все все забыли. Я вот не помню прошлую неделю.

— Я вот о чем,— проговорил Монтини.— Все эти люди... у них нет памяти, даже когда они здоровы. Но я-то? Со мной все кончено, Надя. Хоть в могилу ложись. Нет никакого смысла трепыхаться.

Голос из динамика произнес:

— Леди и джентльмены, достопочтенный Элиот Чейз, мэр Сан-Франциско...

— Давай, послушаем,— сказала Надя.

На настенном экране появился мэр с торжественным, говорящим «нам всем грозит опасность» лицом. Монтини взглянул на него, пожал плечами и отвернулся.

Мэр заговорил:

— Люди прекрасного города Сан-Франциско, мы переживаем сейчас, наверное, самый тяжелый день со времени катастрофы в апреле 1906 года. На этот раз не трясется земля, не полыхают пожары, и все же вновь на нас обрушилось бедствие.

Как все вы, конечно, знаете, жители Сан-Франциско прошлой ночью были поражены чем-то, что лучше всего можно определить как эпидемию амнезии. Наблюдалась массовая потеря памяти, начиная с легкой забывчивости и кончая почти полным уничтожением собственного сознания. Специалистам Флетчеровского Мемориала удалось найти причину этого уникального и неожиданного заболевания.

Оказалось, что преступные элементы всыпали в систему городского водоснабжения некоторые из лекарств, употребление которых строго ограничено. Они способны расщеплять структуры мозга, разрушающие память. Действие этих лекарств кратко-в р е м е н н о. Нет никаких причин для тревоги. Даже те, чья память затронута очень серьезно, вскоре обнаружат, что она к ним постепенно возвращается, и есть надежда, что полное восстановление памяти займет считанные часы или дни.

— Врет,— пробормотал Монтини.

— Ответственные за случившееся преступники еще не схвачены, но их арест ожидается с минуты на минуту. Сан-Франциско — единственное пострадавшее место, что означает, что лекарства были выпущены только в городской водопровод. В Беркли, Окленде и на всем побережье спокойно.

Во имя всеобщей безопасности я приказал перекрыть все мосты в Сан-Франциско, а также прибрежную скоростную магистраль и прочие крупные транспортные артерии города. Эти запреты останутся в силе до завтрашнего утра. Целью этих мер является предотвращение беспорядков и возможного проникновения в город нежелательных элементов, пока трудности не будут преодолены. Мы, жители Сан-Франциско, обеспечены всем необходимым и сумеем справиться со случившимся без вмешательства со стороны. Однако, я разговаривал с президентом и губернатором, и оба они заверили меня, что необходимая помощь будет оказана.

Водопроводная вода в настоящее время чиста, и приняты все меры по предотвращению повторения подобного преступления против миллиона ни в чем не повинных граждан. Однако я должен сказать, что в трубах еще несколько часов могут оставаться плохо растворимые соединения. Я советую ограничить свои потребности в воде до

дальнейших распоряжений и кипятить воду, которую вы собираетесь использовать.

И последнее. Шеф полиции Деннисон, я и прочие представители городских властей будут тратить все свое время на удовлетворение нужд города, пока кризис не будет ликвидирован. Вероятно, у нас больше не будет времени выступать публично. Поэтому я принял решение учредить Комитет Общественного Спасения, состоящий из видных граждан и ученых нашего города, в качестве координирующего звена, осуществляющего управление городом и информацию населения. Председатель этого Комитета — ветеран многих космических экспедиций, командор Тейлор Браскет. Сообщения о ходе кризисной ситуации будут исходить от командора Браскета, пережившего эти события без вреда для себя, и можете считать, что слова, которые он будет говорить, это слова представителей городских властей. Благодарю вас.

На экране появился Браскет. Монтини хмыкнул.

— Взгляни, кого они отыскиали! Патриотичный маньяк!

— Оказывается, это проходит,— отозвалась Надя.— С твоим мозгом будет все в порядке.

— Я знаю эти лекарства. Надежды никакой. Я погиб,— Изумительный Монтини побрел к дверям.— Мне нужно подышать. Пойду прогуляюсь. До свидания, Надя.

Она попыталась остановить его. Он оттолкнул ее. Войдя в Морской Парк, он направился к яхт-клубу. Сторож узнал его и молча пропустил. Монтини побрел к пирсу. «Говорят, что действие кратковременно. Что все пройдет. Мой мозг будет в порядке. Сильно сомневаюсь». Монтини молча глядел на черную маслянистую воду, поблескивающую отражениями фонарей на мосту. Он снова пробежался по разрушенной памяти, отмечая провалы. Исчезли целые разделы памяти. Стены обвалились, пластиковые плиты рухнули, обнажая голый каркас. Разве так можно жить? Осторожно, собрав всю свою волю, он заставил себя спуститься по железной лесенке в воду и оттолкнулся от пирса. Вода была ужасно холодной. Башмаки были страшно тяжелыми. Он поплыл к острову со старинной тюрьмой, сомневаясь, впрочем, что сможет долго оставаться на поверхности. Он плыл и проверял свою память, осматривая, что осталось, и видел, что осталось менее, чем достаточно. Чтобы испытать, уцелел ли его дар, он попробовал воспроизвести речь мэра и обнаружил, что слова разбегаются и путаются. Это к лучшему, сказал он себе, продолжая плыть, и постепенно ушел под воду.

Кэрол собиралась остаться с ним на ночь.

— Мы больше не муж и жена, — вынужден был напомнить он.

— С каких это пор ты стал следовать условностям? Мы жили вместе до того, как стали мужем и женой, почему бы нам не жить вместе после того, как мы перестали быть мужем и женой? Возможно, мы дадим начало новому греху, Пауль. Послебрачному прелюбодеянию.

— Не в этом дело. Дело в том, что ты стала ненавидеть меня, когда у меня начались эти финансовые неурядицы, и ты бросила меня. Возвращаясь ко мне, ты поступаешь вопреки своему собственному разуму и добровольному решению, принятому в прошлом январе.

— Для меня прошлый январь наступит только через четыре месяца. — возразила она. — Я вовсе не ненавижу тебя. Я тебя люблю. Всегда любила и буду любить. Я совершенно не представляю, как это я бросила тебя, и ты тоже не помнишь, что я тебя бросила, так почему же мы должны принимать во внимание то, что для нас не существует?

— Хотя бы потому, что ты стала женой Пита Кастина.

— Для меня это звучит совершенно нереально.

— Однако Фредди Монсон сказал, что так оно и есть.

— Если я вернусь к Питу, — сказала Кэрол, — я буду чувствовать себя грешницей. Только потому, что я считаю себя женой Кастина, ты толкаешь меня к нему в постель. Он мне не нужен. Мне нужен ты. Почему я не могу остаться у тебя?

— Если Пит...

— Если Пит. Если Пит! Я считаю себя женой Пауля Мюллера, ты считаешь меня своей женой, и наплевать мне на болтовню Фредди Монсона и всех остальных. Это глупый довод, Пауль. Оставим это. Если ты хочешь, чтобы я ушла, скажи мне об этом прямо. В противном случае я останусь.

Он не смог выгнать ее.

У него была одна узенькая кушетка, но они сумели устроиться на ней. Это был не слишком удобный, но веселый способ. Он снова на время почувствовал себя двадцатилетним. Утром они долго не могли насмотреться друг на друга, а потом Кэрол отправилась купить чего-нибудь к завтраку, поскольку его линия была отключена, и он не мог заказать себе пищу. Как только она отворила дверь, робот-сборщик возвестил:

— Мы прибегли к закону о персональной отработке, мистер Мюллер, и теперь ожидается судебное разбирательство.

— Знать ничего не знаю, — отозвался Мюллер. — Пошел вон!

Сегодня, сказал он себе, надо добраться до Фредди Монсона и выбить из него деньги, купить нужные инструменты и снова при-

няться за работу. Пусть мир сходит с ума. Пока он работает, все обстоит прекрасно. Если он не отыщет Фредди, возможно, он сможет совершить покупку на кредит Кэрол. Она официально разведена с ним, поэтому его долги не должны затрагивать ее счет. Она вполне может заплатить Мечникову пару кусков в качестве миссис Кастин. Возможно, банки сейчас закрыты по причине кризиса, но Мечников вряд ли станет требовать с Кэрол наличные. Он закрыл глаза и предоставил себе, до чего же это здорово — снова создавать скульптуры.

Кэрол не было около часа. Когда она вернулась, нагруженная покупками, с ней был Пит Кастин.

— Он увязался за мной, — объяснила Кэрол. — И никак не отставал.

Кастин был стройным, уравновешенным, сдержанным человеком атлетического сложения. Он был немного старше Мюллера — чуть-чуть за сорок — но казался весьма молодым. Он спокойно сказал:

— Я был уверен, что Кэрол придет сюда, Пауль. Я надеюсь, ночь она провела у тебя?

— Это имеет значение? — спросил Мюллер.

— До некоторой степени. Я бы предпочел, чтобы она провела ночь со своим первым мужем, нежели с кем-то третьим.

— Да, она была у меня, — устало произнес Мюллер.

— Лучше бы она сейчас вернулась домой. В конце концов, она моя жена.

— Она об этом не помнит. Я тоже.

— Я знаю, — дружелюбно кивнул Кастин. — Я, в свою очередь, не помню, что со мной было до двадцати двух лет. Не назову даже первого имени своего отца. Однако Кэрол моя жена, и это объективная реальность. Она ушла от тебя не от хорошей жизни, и я полагаю, что она не собирается больше здесь оставаться.

— Почему ты говоришь все это мне? — спросил Мюллер. — Если ты хочешь, чтобы твоя жена пошла домой, скажи ей, чтобы она шла домой.

— Я так и сделал. Она сказала, что не пойдет, пока ты ей не прикажешь.

— Это так, — отозвалась Кэрол. — Я знаю, чьей женой я себя считая. Если Пауль прогонит меня, я с тобой пойду. Но только тогда.

Мюллер пожал плечами.

— Я был бы дураком, если бы прогнал ее, Пит. Она нужна мне, и наш разрыв абсолютно нереален для нас обоих. Я знаю, что это нехорошо по отношению к тебе, но ничем не могу помочь. Думаю, тебе не составит труда добиться расторжения брака, как только суд выработает законы применительно к подобным случаям.

Кастин долго молчал.

Потом, наконец, произнес:

— Как твоя работа, Пауль?

— Я обнаружил, что целый год не мог создать ни единой вещи.

— Это так.

— Я собираюсь начать все сначала. Можешь считать, что меня воодушевила Кэрол.

— Замечательно,— произнес Кастин безучастно.— Я уверен, что эта небольшая путаница с нашей... э... общей женой не повлияет на гармонию наших деловых отношений, которая нас всегда так радовала.

— Ни в коем случае,— заверил его Мюллер.— Все, что я сделаю, пойдет к тебе. Черт подери, почему я должен злиться на тебя? Кэрол была свободна, когда ты женился на ней. Есть только одна маленькая загвоздка.

— Какая?

— Я разорен. У меня нет инструментов, я не могу работать без инструментов, а купить их я не в состоянии.

— Сколько тебе надо?

— Два с половиной куска.

Кастин сказал:

— Где у тебя инфор? Я сделаю перечисление кредита.

— Он давным-давно отключен телефонной компанией.

— Тогда давай, я выпишу тебе чек. Скажем, даже на три куска. Аванс в счет будущей продажи,— Кастин порылся в карманах, ища бланк.— Лет пять не приходилось его заполнять. Удивительно, как привыкаешь к инфору. Держи. И всего хорошего вам обоим,— он отвесил вежливый горьковатый поклон.— Надеюсь, вы будете счастливы вместе. Позвони, когда закончишь штуки две-три, Пауль. Я пришло фургон. Надеюсь, к тому времени у тебя будет уже телефон. Он вышел.

* * *

— Это истинное блаженство — способность забывать,— вещал Нат Халдерсен.— Спасение забвением, как это называю я. То, что случилось на этой неделе с Сан-Франциско — отнюдь не бедствие. Для некоторых из нас это самая прекрасная вещь.

Его слушали. Человек пятьдесят собралось у его ног. Он стоял на возвышении для оркестра в парке, прямо напротив Нового Музея. Сгушались тени. Пятница, второй день кризиса, подходила к концу. Прошлой ночью Халдерсен спал в парке и сегодня собирался сделать то же самое. После побега из больницы он обнаружил, что его квартира заперта, а все его имущество перенесено в хранилище. Не имеет значения. Он будет жить на доходы с земли, и этого хватит. В нем зажглося пламя пророчества.

— Позвольте мне рассказать, что случилось со мной, — выкрикнул он. — Три дня назад я был в больнице, лечился от психического расстройства. Некоторые, я вижу, улыбаются, видимо, говоря, что мне следует туда вернуться, но нет! Вы неверно меня поняли. Я не мог смотреть на мир. Где бы я ни проходил, я видел счастливые семьи, родителей с детьми и испытывал от этого приступы ярости и зависти и совершенно не мог заставить себя работать. Почему? Почему? Да потому, что моя собственная жена и дети погибли в воздушной катастрофе 1991 года, вот почему, а я опоздал на ракетоплан, ибо совершил в тот день грех. За мой грех умерли они, и жизнь моя превратилась в нескончаемую пытку! Но теперь все это вылетело у меня из головы. Я согрешил, и я претерпел, и теперь я избавлен от страданий милосердным забвением!

Из толпы послышался голос:

— Если ты все забыл, откуда тебе все это известно?

— Хороший вопрос! Восхитительный вопрос! — Халдерсен ощутил выступающий пот, нагнетающийся в кровь адреналин. — Я знаю это только потому, что мне рассказал это вчера утром больничный робот. Но это пришло ко мне со стороны, из вторых рук. Все пережитое мной, все старые раны, все стерто. Вся боль прошла. Да, конечно, я грущу, что погибла моя ни в чем не повинная семья. Но здоровый человек за двенадцать лет приучается управлять отрицательными эмоциями, он принимает утрату как должное и идет вперед. Я был болен, болен именно э т и м и не мог жить со своим горем, а теперь могу, я смотрю на это объективно, понимаете? Вот почему я говорю, что есть блаженство в возможности забыть. А что сказать про вас? Среди вас могут быть те, кто тоже пережил болезненную утрату, а теперь не может вспомнить о ней, избавлен теперь и очищен от боли. Есть тут такие? Есть? Поднимайте руки. Кто омыт священным забвением? Кто из вас знает, что очистился, хоть и не помнит от чего?

Руки начали подниматься.

Люди плакали, люди радовались, люди махали ему. Халдерсен ощутил себя немного шарлатаном. Но только немного. Он всегда чувствовал в себе нечто от пророка, даже когда прикидывался безобиднейшим ученым, консервативным профессором философии. У него имелось то, что необходимо каждому пророку: острое ощущение контраста между виной и невинностью. Осознание существования греха. Это осознание двинуло его поведать свою радость людям, отыскать сотоварищей по избавлению... нет, апостолов... чтобы основать прямо здесь, в Голден Гейт Парк, церковь забвения. Больница могла давным-давно дать ему это лекарство и избавить его от муки. Брайс отказался, Камакура, Рейнольдс — все эти сладкоречивые доктора. Им нужны были новые испытания, эксперименты на шимпанзе, бог знает, что еще. И бог сказал: «Натаниэль Халдерсен

достаточно выстрадал за свой грех». И вложил он лекарство в систему водоснабжения Сан-Франциско, то самое, в котором отказали ему врачи. По трубам, спускающимся с гор, потекло сладостное забвение.

— Пейте со мной, — выкрикнул Халдерсен. — Все те, кому больно, кто живет в скорби! Мы сами примем это лекарство! Мы очистим наши страждущие души! Пейте же благословенную воду и пойте славу господу, давшему нам забвение!

* * *

Фредди Монсон всю вторую половину четверга и всю пятницу провел у себя дома, отключив всякую связь с внешним миром. Он никому не звонил и не отвечал на звонки, игнорировал телеэкраны и только трижды за эти тридцать шесть часов включал ксерофакс.

Он знал, что все кончено, и пытался теперь решить, что же делать дальше.

В памяти, похоже, установилось какое-то равновесие. Ничего, кроме пяти недель биржевой деятельности, не исчезло. Дальнейших пропаж не наблюдалось, и все же приятного было мало. Вопреки оптимистичному заявлению мэра, Монсон не видел ни единого признака того, что провалы в памяти начинают заполняться. Он был неспособен реконструировать исчезнувшие подробности.

Непосредственной опасности пока не было, он знал это. Большинство клиентов, чьими счетами он манипулировал, были дубовыми головами, которые не станут интересоваться состоянием дел, пока не получат ежемесячный отчет. Они предоставляли ему неограниченные полномочия, так что он мог использовать их вклады, прежде всего, для своей выгоды. До сих пор Монсон всегда был способен закончить любую операцию за месяц, и по отчетам ничего не было заметно. Ему постоянно приходилось решать проблему изъятия ценных бумаг, что должно было отражаться на отчете, и он решал ее, колдуя над домашними компьютерами клиентов, заставляя их стирать информацию о подобных изъятиях: абсолютно надежной системы защиты существовать не может. Таким образом, он мог удержать на десять тысяч акций «Юнайтед Снейсуэйз» или «Комсат», или ИБМ недели на две, использовать этот кусок в качестве собственного дополнительного обеспечения, а потом вернуть его на место, да так, что комар носа не подточит. И вот, через три недели должны были появиться ежемесячные отчеты, демонстрируя счета, пестрящие совершенно необъяснимыми пробелами, и он готовился к предстоящей катастрофе.

Неприятности могли начаться даже раньше и прийти с любой стороны. С того времени, как начались неприятности в Сан-Франци-

ско, биржевые цены резко пошли вниз. Видимо, в понедельник следует ждать звонков от встревоженных клиентов. Биржа Сан-Франциско, конечно же, была закрыта. В четверг утром она так и не открылась, поскольку множество маклеров было тяжело поражено амнезией. Но биржи Нью-Йорка работали, и они весьма тяжело отреагировали на новость из Сан-Франциско, скорее всего из-за боязни заговора, способного повергнуть всю страну в хаос. Если бы в понедельник открылась местная биржа — если бы — цены на бумаги скорее всего, были бы равны нью-йоркским или что-то около того и продолжали бы падать, и Монсона попросили бы предоставить наличные или ценные бумаги в погашение недостачи. У него совершенно не было наличных, а единственным способом раздобыть ценные бумаги было запустить руки в счета других клиентов, усложняя свое положение. С другой стороны, если он не будет отвечать на звонки клиентов, это только выдаст его, и он никогда не сможет поместить акции в нужное место, даже если и вспомнит куда.

Он попался в западню. Он мог либо потрепыхаться недели две-три, ожидая падения топора, либо бежать прямо сейчас. Он предпочитал не ждать.

А куда?

В Каракас? Рино? Сан-Паулу? Нет, оазисы не сулят ему ничего хорошего, потому что он не должник. Он вор, а оазисы укрывают лишь банкротов, а не преступников. Ему надо бежать дальше, в Лунный Купол. Луна не выдает преступников. Но и не оставляет надежды на возвращение.

Монсон потянулся к инфору, намереваясь позвонить своему агенту по путешествиям. Два билета до Луны, пожалуйста. Один ему, другой Хелен. Если она не расположена к путешествию, он отправится один. Нет, облет меня не интересует. Но агент не отвечал. Монсон еще несколько раз набрал номер. Потом пожал плечами, решив позвонить напрямую, набрал номер «Юнитед Спейсуэйз». Занято.

— Следует ли повторить ваш вызов? — спросил инфор. — При существующем положении вещей потребуется дня три, чтобы пробить его.

— Забудь о нем, — ответил Монсон.

До него только сейчас дошло, что Сан-Франциско перекрыт. Даже если он и купит билеты до Луны, до космопорта он доберется разве что вплавь. Он заперт, пока не откроют транзитные магистрали. Когда это будет? В понедельник, вторник, пятницу? Не могут же закрыть город насовсем... или могут?

Все, что ему оставалось делать, это молча ждать, куда повернут события. Обнаружит ли кто-нибудь его проделки с вкладами раньше, чем он найдет способ бежать на Луну, или же возможность побега предоставится ему слишком поздно? С этой точки зрения паническая ситуация превращалась в интересную и азартную игру. Весь

уикэнд он потратит на поиски возможности выбраться из Сан-Франциско и если потерпит поражение, ему останется только стоически глядеть в лицо надвигающимся событиям.

Успокоившись таким образом, он вспомнил, что обещал передать Паулю Мюллеру несколько тысяч долларов на оборудование студии. Монсон почувствовал угрызения совести от того, что позволил себе забыть об этом. Он любил оказывать помощь. И даже сейчас, что значили для него два или три куса? У него была куча имущества, которое не могли описать по суду. Он вполне мог дать Паулю немного денег прежде, чем юристы наложат на них лапы.

Одна только проблема. При нем было меньше сотни наличных — у кого их в наши дни больше? — а он не мог перевести деньги на счет Мюллера, потому что у Пауля не было больше ни кредита, ни инфора. И откуда было достать столько наличных — время уже позднее, да и город парализован. Уикэнд уже близился. Тут Монсону пришла в голову мысль. Что, если он отправится завтра утром в магазин вместе с Паулем и просто переведет все, что тому нужно, на свой счет? Прекрасно. Он потянулся к телефону сказать, что все устроилось, вспомнил, что Мюллеру теперь не позвонишь, и решил сообщить об этом Паулю лично. Прямо сейчас. Так или иначе, ему нужен свежий воздух.

Он был почти готов к тому, что встретит за дверью робота-бейлифа, поджидающего его, чтобы арестовать. Но за ним, понятно, никто еще не охотился. Он направился к гаражу. Была прекрасная ночь, прохладная, звездная, с одним лишь намеком на туман на востоке, Огни Беркли слегка мерцали сквозь эту дымку. Улицы были тихи. Во время кризиса люди предпочитали сидеть дома. Он быстро добрался до дома Мюллера. Перед дверьми расхаживали четыре робота. Монсон бросил на них неприязненный взгляд, взгляд человека, который знает, что за ним по пятам идет шериф. Но вышедший на порог Мюллер не обратил на сборщиков ни малейшего внимания.

Монсон сказал:

— Прости, что я никак не мог встретиться с тобой. Я обещал тебе денег...

— С этим все в порядке, Фредди. Сегодня утром у меня был Пит Кастин, и я занял у него три куса. Студия уже готова. Заглянешь посмотреть?

Монсон вошел.

— Пит Кастин?

— Для него это великолепное вложение. Он делает деньги, если у него есть мои вещи на продажу, так? Поэтому он больше всех заинтересован помочь мне начать все снова. Мы с Кэрл весь день собирали арматуру.

— Кэрл? — спросил Монсон. Мюллер показал в сторону студии. На полу было разложено все необходимое для создания звуко-

вой скульптуры: сварочный карандаш, вакуумный колокол, большой бак с обмазкой, несколько разъемов, мотки проволоки и тому подобные вещи. Кэрол запихивала раскиданные упаковочные коробки в мусоропровод. Подняв глаза, она неопределенно улыбнулась и провела рукой по длинным темным волосам.

— Хелло, Фредди.

— Вы снова подружились? — спросил он в замешательстве.

— Никто и не помнит никакой вражды, — ответила она. И улыбнулась. — Ну разве не замечательно потерять такие воспоминания?

— Замечательно, — произнес Монсон бесцветным голосом.

* * *

Командор Браскет произнес:

— Могу я предложить вам воды?

Тим Брайс улыбнулся. Лиза Брайс улыбнулась. Тед Камакура улыбнулся. Даже мэр, эта пустая ореховая скорлупа, и тот улыбнулся. Командор Браскет понял значение этих улыбок. Даже сейчас, после трех дней тесного контакта, его все еще считали повернутым.

Бутылок, принесенных из дома на командный пост, должно было хватить на неделю. Ему твердили, что вода городского водопровода безопасна для питья, что она очищена от амнезификаторов; но почему никто не мог понять, что его недоверие к питьевой воде восходило еще к тем временам, когда про пожирающие память лекарства и слухом не слыхивали? В резервуарах полно и других химикатов.

Он поднял стакан, словно собирался сказать «Ваше здоровье», и подмигнул им.

Тим Брайс сказал:

— Командор, нам бы хотелось, чтобы вы снова обратились к населению в десять тридцать. Вот ваш текст.

Браскет внимательно просмотрел лист. Содержание, полное, впрочем, всяческих оговорок, в основном сводилось к тому, что не обязательно всегда кипятить сырую воду.

— Вы хотите, чтобы я обратился к населению, — произнес он, — и сказал всему Сан-Франциско, что теперь пить из кранов безопасно, а? Это меня немного пугает. Даже подставная марионетка имеет какое-то право на честность.

Брайс в замешательстве бросил на него быстрый взгляд. Потом рассмеялся и забрал текст.

— Вы абсолютно правы, командор. Я не должен был просить вас сделать подобное заявление, принимая во внимание... э... ваши специфические воззрения. Давайте, сделаем по-другому. Вы начнете с того, что представите меня, а я поговорю о том, что надо, а что не надо кипятить. Идет?

Командор Браскет оценил ту тактичность, с которой отнеслись к его взглядам.

— Я к вашим услугам, доктор,— ответил он с достоинством.

* * *

Брайс кончил говорить, и огни прожекторов погасли. Он спросил Лизу:

— Как насчет ленча? Или завтрака, или что там подходит по времени?

— Все готово, Тим. Я жду только тебя.

Они поели в голографической комнате, которая служила кухней командного поста. Их окружали массивные камеры и баки с травящей жидкостью. Их догадались оставить одних. Эта совместная трапеза, которую они так быстро закончили, была единственным элементом личной жизни за пятьдесят два часа, прошедшие с того момента, как он обнаружил ее спящей подле себя.

Он во все глаза смотрел на сидящую напротив стройную блондинку, которая, как говорят, была его женой. Как совершенна линия ее губ, завиток ушной раковины! Как прекрасны карие глаза в обрамлении золотистых локонов! Брайс знал, что никто не вздумает их порицать, если они сейчас запрутсЯ на несколько часов в какой-нибудь комнате. Он был не так уж необходим, и ему так много надо было узнать о своей жене. Но он не мог оставить свой пост. Он не выходил из больницы — и даже с этого этажа на протяжении всего кризиса. Он держался только на том, что через каждые шесть часов хватал на полчаса усыпляющую проволоку. Возможно, это было иллюзией, порожденной недосыпанием и обилием информации, но он начинал верить, что спасение города целиком зависит от него. Всю жизнь он занимался излечением больных мозгов отдельных людей; теперь в его распоряжении был целый город.

— Устал? — спросила Лиза.

— Настолько, что не чувствую усталости. Мой мозг настолько высох, что череп не отбрасывает тени. Я близок к нирване.

— Я думаю, худшее позади. Город приходит в себя.

— И все же дела еще плохи. Видела самоубийц?

— Плохо?

— Ужасно. Норма Сан-Франциско — двести двадцать в год. За два с половиной дня мы приблизились к пяти сотням. А это только известные случаи, обнаруженные тела и так далее. Видимо, это число надо удвоить. О тридцати самоубийствах доложили в ночь на четверг, о двухстах — днем, еще о стольких же — в пятницу и уже о пятидесяти — сегодня утром. По крайней мере, похоже, что волна их начинает спадать.

— Но почему, Тим?

— Некоторые люди болезненно реагируют на утраты. Особенно на утрату целых кусков собственной памяти. Они негодуют... они сломлены... они уничтожены... и они тянутся к спасительным таблеткам. Самоубийство в наши дни так доступно. В старые времена при крушении планов били вдребезги домашний фаянс; теперь выбирают путь в никуда. Конечно, есть особые случаи. Человек по имени Монтини, выловленный у берега... профессиональный мнемонист, проделывающий свои фокусы в ночных клубах, полностью потерявший память. Я не могу винить его за то, что он сделал. И я полагаю, что было множество других, кто держал все в голове — игроки, маклеры, бродячие поэты и музыканты — и предпочел бы покончить с собой, нежели попытаться что-то вспомнить.

— Но если действие лекарств проходит...

— Проходит? — перебил ее Брайс.

— Ты это сам говорил.

— Я поднял эту оптимистическую шумиху для блага граждан. Мы не располагаем экспериментальными данными о влиянии этих лекарств на человека. Черт подери, Лиза, мы ведь не знаем даже количества этой дряни, попавшей в воду. К тому времени, как мы смогли взять пробы, вся система была уже чиста, а мониторы, установленные на насосной станции на случай появления заговорщиков, так и не показали ничего необычного. Я совершенно потерял надежду на хоть какое-нибудь возвращение памяти.

— Но оно происходит, Тим. Ко мне уже начало кое-что возвращаться.

— Ч то?

— Не кричи на меня так. Ты меня пугаешь.

Он ухватился за край стола.

— Ты в самом деле начинаешь вспоминать?

— С самых краев. Про нас с тобой.

— Что например?

— Обращение за разрешением на брак. Я стою совершенно голая внутри диагностической машины, и голос из динамика приказывает мне смотреть прямо в сканнеры. И немножко помню церемонию. Совсем небольшая группка друзей, гражданская церемония. А потом мы сели в ракетоплан до Акапулько.

Он мрачно взглянул на нее.

— Когда это началось?

— В восемь утра, по-моему.

— Ты помнишь что-нибудь еще?

— Чуть-чуть. Наш медовый месяц. Робот-коридорный, который по ошибке сунулся к нам в ту волшебную ночь. Ты не...

— Не помню ли? Нет. Нет. Ничего. Совершенно ничего.

— Это все, что вернулось ко мне из прошлой жизни.

— Ну, правильно,— сказал он.— Более старые воспоминания всегда возвращаются раньше при любой форме амнезии. Подальше положишь — поближе возьмешь.

Руки его дрожали не только от усталости. По телу разливалась какая-то странная опустошенность. Лиза помнила. Он — нет. Может, это объясняется ее молодостью, биохимией мозга или...

Ему была невыносима мысль, что они не делили больше забвение на двоих. Он не желал, чтобы амнезия стала односторонней. Было просто унижительно не помнить собственной свадьбы, тогда как она помнила. Ты неразумен, сказал он себе. Врачу, исцелился сам?

— Давай, вернемся,— сказал он.

— Но ты же не кончил...

— Потом.

Он вошел в помещение штаба. Камакура держал в обеих руках телефонные трубки, записывая на диктофон новые сведения. Экраны жили утренней жизнью города: суббота, толпы на Унион Сквер. Камакура повесил обе трубки и сказал:

— Я получил интересные сообщения от доктора Клейна из Леттермановского Центра. Он говорит, утром у них заметили первые признаки восстановления памяти. Пока лишь у женщин моложе тридцати лет.

— Лиза говорит, что она тоже начинает вспоминать,— сказал Брайс.

— Женщины моложе тридцати лет,— повторил Камакура.— Правильно. Еще: число самоубийств постепенно сокращается. Мы, похоже, начинаем выпутываться из этой истории.

— Ужасно,— сказал Брайс бесцветным голосом.

* * *

Халдерсен жил теперь в десятифутовом куполе, поставленном одним из его апостолов посредине Голден Гейт Парк, на запад от Арборетума. Вокруг него быстро выросло еще пятнадцать куполов поменьше, придавая местности вид современного эскимосского поселения с пластиковыми иглу. Заселяли этот лагерь мужчины и женщины, у которых осталось так мало памяти, что они даже не помнили, как их зовут и где находится их жилье. Он подобрал дюжину этих потерянных душ в пятницу, а в субботу вечером их стало уже на сорок больше. По городу распространилось известие, что всех таких неприкаянных рады принять к себе проживающие в парке. Во время катастрофы 1906 года такие вещи тоже случались.

Несколько раз к ним заглядывала полиция. Сначала осанистый лейтенант попытался уговорить всю группу отправиться во Флетчеровский Мемориал.

— Понимаете, это то место, где ухаживают за жертвами эпидемии. Доктора дадут им что-нибудь, а после мы попробуем опознать их и отправить к родственникам...

— Возможно, этим людям лучше всего некоторое время воздержаться от встреч с родственниками,— возразил Халдерсен.— Некоторое расслабление... открытие удовольствий в забвении... вот и все, чем мы здесь занимаемся.

Сам он отправился бы во Флетчеровский Мемориал разве что под конвоем. Что же касается других, то он чувствовал, что способен дать им больше, чем кто-либо в больнице.

Второй раз полицейские пришли в субботу днем, когда группа уже значительно разрослась, принеся с собой передвижное коммуникационное устройство.

— Доктор Брайс из Флетчеровского Мемориала желает поговорить с вами,— сказал другой лейтенант.

Халдерсен взглянул на оживший экран.

— Хэлло, доктор. Беспокойтесь за меня?

— Я беспокоюсь теперь за все, Нат. Какого черта вы делаете в парке?

— Основываю новую религию.

— Вы больны. Вы должны вернуться в больницу.

— Нет, доктор. Я больше не болен. Я прошел нужную терапию и нахожусь в прекрасном состоянии. Это было великолепное лечение; селективное уничтожение памяти, как я и просил. Болезни больше нет.

Брайса, казалось, заинтересовали эти слова. Серьезность официального представителя на минуту исчезла, уступив место профессиональному интересу.

— Любопытно,— произнес он.— Нам встречались люди, забывшие одни лишь существительные, и люди, забывшие, с кем состоят в браке, а также люди, забывшие, как играют на скрипке. Вы первый, кто забыл про травму. Все же вам надо вернуться. Вы не можете верно оценить свое состояние при воздействии внешних факторов.

— Ничего, смогу,— сказал Халдерсен.— Я в порядке. И я нужен моим людям.

— Вашим людям?

— Бездомным. Заблудшим. Потерявшим память.

— Мы собираем таких людей в больнице, Нат. Мы хотим вернуть их семьям.

— Разве это обязательно хорошо? Может быть, некоторым из них полезнее побыть некоторое время вдали от семьи? Эти люди выглядят счастливыми, доктор Брайс. Я слышал, всюду происходят самоубийства. Везде, но не здесь. Мы применяем терапию взаимной поддержки. Ищем радость в забвении. Это, похоже, действует.

Брайс довольно долго смотрел на него с экрана. Потом бесстрастно проговорил:

— Хорошо, идите пока своим путем. Но я бы хотел, чтобы вы перестали проповедовать эту мешанину христианства и фрейдизма и покинули парк. Вы все еще больны, Нат, и вам людям грозят серьезные неприятности. Я еще поговорю с вами позднее.

Связь прервалась. Полиции пришлось уйти ни с чем.

В пять часов Халдерсен обратился к своим людям с краткой речью, посылая их в качестве миссионеров для розыска новых жертв амнезии.

— Спасите, сколько будет в ваших силах,— напутствовал он их.— Ищите отчаявшихся и ведите их в парк, пока они не наложили на себя руки. Объясните им, что потерянная память — это еще не все на свете.

Апостолы отправились в путь. Они возвращались, ведя более несчастных, чем они сами. До захода солнца группа выросла более чем до сотни человек. Кто-то приволок экструзер и выдул еще штук двадцать куполов и навесов. Халдерсен произнес проповедь радости, взгляды ваясь в блеклые глаза и вялые лица тех, чье самосознание было начисто стерто в ту злополучную среду.

— Стоит ли сдаваться? — обратился он к ним.— Кому из вас предоставлен шанс самому создать свою жизнь? Каждому. Ваша память — чистый лист бумаги! Избирайте, какой делаете путь, лепите свои «я» по собственной воле,— вы возрождены святым забвением, вы все. Отдыхайте теперь те, кто пришел к нам вновь. Остальные пусть отправятся в путь, ища скитальцев, заблудших и потерянных, прячущихся в городе...

Когда он кончил говорить, то увидел кучку людей, проталкивающих к нему со стороны Южной Дороги. Халдерсен торопливо пошел им навстречу, опасаясь неприятностей. Подойдя поближе, он увидел полдюжины своих апостолов, вцепившихся в неряшливого, небритого испуганного маленького человечка. Они швырнули его под ноги Халдерсену. Человечек дрожал, словно заяц, окруженный сворой гончих. Глаза его блестели. Его клиновидное лицо — с острым подбородком и с выступающими острыми скулами — было бледно.

— Это он отравил воду! — завопил кто-то.— Мы отыскиали его в меблированных комнатах на Иуда Стрит. У него там целый мешок отравы, схемы городского водопровода и пачка компьютерных программ. Он признался. Он признался!

Халдерсен взглянул на человечка.

— Это правда? — спросил он.— Это сделали вы?

Человек кивнул.

— Как вас звать?

— Не скажу. Требую адвоката.

— Убейте его! — взвизгнула какая-то женщина. — Оторвите ему руки и ноги!

— Убей его! — пронесся по толпе ответный рев. — Убей его!

Халдерсен понял, что все эти люди запросто могут превратиться в неуправляемую толпу.

Он обратился к схваченному:

— Скажите, как вас зовут, и я защищу вас. Иначе я ни за что не отвечаю.

— Скиннер, — едва слышно пробормотал человек.

— Скиннер. Вы отравили воду?

Еще один кивок.

— Зачем?

— Чтобы покончить.

— С кем?

— Со всеми. С каждым.

Классический параноик. Халдерсен почувствовал к нему жалость. Но только он. Толпа жаждала крови.

Высокий мужчина взревел:

— Заставьте этого ублюдка выпить его же дряни!

— Нет, убей его! Затопчи его!

Голоса становились все более угрожающими. Теснее смыкались разъяренные лица.

— Послушайте меня! — закричал Халдерсен, и его голос перекрыл рокот толпы. — Сегодня вечером здесь не будет убийства!

— Что ты собираешься делать? Выдашь его полиции?

— Нет, — ответил Халдерсен. — Мы будем жить вместе. Мы научим этого несчастного блаженству забвения, а потом сообщая разделим нашу новую радость. Мы люди. Мы обладаем способностью прощать даже закоренелых грешников. Где этот порошок? Кто-то говорил, что нашли лекарство. Сюда. Сюда. Кладите. Так. Братья и сестры, покажем же этой темной, заблудшей душе путь к спасению. Так. Так. Дайте мне, пожалуйста, воды. Благодарю. Сюда, Скиннер. Поставьте его на ноги, будьте добры. Держите его за руки. Как бы он не упал. Минутку, я найду нужную дозу. Так. Так. Сюда, Скиннер. Прощение. Сладостное забвение.

* * *

Работать вновь было так хорошо, что Мюллер не мог остановиться. В субботу к полудню студия была готова. Он уже давно в подробностях продумал скелет первой фигуры. Теперь все зависело только от его усилий и времени. Скоро ему будет что показать Кастину. Он заработался до поздней ночи, соединяя арматуру и наскоро проверяя последовательность звуков, которые должна была издавать

скульптура. Ему в голову пришло несколько интересных идей насчет звуковых триггеров — устройств, включающих звук при приближении зрителя. Кэрол была вынуждена напомнить ему про ужин.

— Не хочу отвлекать тебя,— сказала она,— но, похоже, если этого не сделать, сам ты не остановишься.

— Извини. Восторг созидания.

— Оставь немножко энергии на другие дела. Есть и другие восторги. Хотя бы восторг от еды.

Она все сготовила сама. Великолепно. Он снова вернулся к работе, но в половине второго Кэрол снова отвлекла его. Теперь он и сам подумал, что надо кончить. Он с лихвой отработал дневную норму и был покрыт благородным потом, который выступает, когда работаешь на совесть. Две минуты под молекулярным освежителем — и пота как не бывало, одна лишь прекрасная усталость выложившегося виртуоза. Он не ощущал такого вот уже год.

Наутро его разбудила мысль о неоплаченных долгах.

— Роботы все еще здесь,— сказал он.— Они не ушли. Да и с чего бы это? Даже если во всем городе замрет жизнь, никто ведь не прикажет роботам уgomониться.

— Наплюй на них,— сказала Кэрол.

— Что я и делаю. Но не могу же я наплевать на долги. Расплачиваться-то все равно придется.

— Ты же работаешь! У тебя будут доходы.

— Ты знаешь, сколько я должен? — поинтересовался он.— Почти миллион. Если в течение года я буду создавать по скульптуре в неделю и продавать их по двадцать кусков за каждую, я сумею расплатиться со всеми. Но я не могу работать с такой скоростью, да и рынок не сможет поглотить столько Мюллеров, а Пит, определенно, не станет покупать их все в счет будущей продажи.

Он отметил, как потемнело лицо Кэрол при упоминании о Пите Кастине.

Он сказал:

— Знаешь, что я сделаю? Сбегу в Каракас, как и собирался до всех этих фокусов с памятью. Я буду работать там и переправлять все, что сделаю, Питу. Возможно, года за два-три я сумею расплатиться с долгами по сто центов за доллар и спокойно вернуться сюда. Как ты думаешь, это возможно? Я хочу сказать, если смоешься в оазис, неужели тебе на всю жизнь забудут все кредиты, даже если ты потом заплатишь все, что должен?

— Не знаю,— ответила Кэрол как-то издалека.

— Надо будет узнать попозже. Главное — что я снова работаю, и должен отыскать местечко, где меня не будут дергать. А там я со всем расплачусь. Мы ведь едем в Каракас вместе, так?

— Может, мы никуда и не поедem,— ответила Кэрол.

— Но как же...

— Ты ведь собирался сейчас работать?

Он принялся за работу, составляя при этом мысленный список кредиторов и мечтая о том дне, когда каждое имя будет перечеркнуто жирным крестом. Когда он почувствовал голод, он вышел в гостиную и обнаружил там мрачно сидящую в кресле Кэрол. Глаза ее покраснели от слез.

— Что случилось? — спросил он. — Не хочешь в Каракас?

— Пауль, пожалуйста... давай, не будем об этом...

— У нас действительно нет выбора. Ну, то есть, если только мы подберем другое место. Сан-Паулу? Спалато?

— Не это, Пауль.

— Тогда что же?

— Я начинаю вспоминать.

Воздух отхлынул, и он очутился в пустоте.

— Ох... — выдохнул он.

— Я помню ноябрь, декабрь, январь. Твои сумасшедшие поступки, обязательства, финансовую путаницу. Наши скандалы. Ужасные скандалы.

— Господи.

— Развод. Я помню, Пауль. Это началось еще той ночью, но ты был так счастлив, что мне не хотелось ничего говорить. А утром все стало еще яснее. Ты так ничего и не помнишь?

— Начиная с октября, — ничего.

— А я помню, — произнесла она потрясенно. — Ты ударил меня, ты знаешь это? Ты укусил мои губы. Ты швырнул меня так, что я ударилась о стену вот здесь, и ты бросил в меня китайскую вазу, и она разбилась.

— Господи!

— И то, как был со мной ласков Пит, я тоже помню, — продолжила она. — Мне кажется, я почти помню, как выходила за него, как была его женой. Пауль, мне страшно. Я чувствую, как все в моей голове встает на свои места, и мне страшно, словно это мой мозг тогда разбился. Мне было так хорошо эти несколько дней, Пауль. Мы словно снова были молодоженами. Но теперь вся жестокость возвращается на свое место, вся ненависть, вся скверна — все вновь оживает во мне. Я так плохо поступила с Питом. Мы с тобой, пятница, дверь, захлопнувшаяся за ним... Он вел себя как настоящий джентльмен. Обстоятельства таковы, что он спас меня, когда мне было совсем невмоготу, и я кое-что должна ему за это.

— Что ты собираешься делать? — спросил он совсем тихо.

— Мне кажется, я обязана вернуться к нему. Я его жена. Я не имею права оставаться здесь.

— Но я совсем не тот, кого ты ненавидела, — запротестовал Мюллер. — Я старый Пауль. Тот, каким я был в том году и раньше. Тот, кого ты любила. Я избавился от всей этой дряни.

— А я нет. Пока.

Они умолкли.

— Мне кажется, я должна вернуться, Пауль.

— Как хочешь.

— Мне кажется, я должна. Я желаю тебе только хорошего, но оставаться здесь я не могу. Это повлияет на твою работу, если я снова уйду?

— Пока не знаю.

Она еще раз три или четыре повторила, что ей кажется, что она должна вернуться к Кастину. В конце концов, он любезно сказал, что если она так считает, он не смеет ее задерживать, и она ушла. Он полчаса слонялся по дому, который снова сделался таким ужасающе пустым. Он едва не пригласил ради компании одного из роботов. Однако, вместо этого он принялся за работу. Работа пошла на удивление хорошо, и спустя час он и думать забыл о Кэрол.

* * *

В воскресенье Фредди Монсон сделал перевод кредита и ухитрился положить большую часть ликвидных бумаг на свой старый счет в Лунном Банке. Поближе к вечеру он пошел на пристань и нанял трехместную летучку, принадлежащую рыбаку, рискнувшему потягаться с законом. Они взмыли над берегом, не зажигая огней и пересекли побережье по диагонали, через некоторое время приземлившись несколькими милями севернее Беркли.

Монсон взял такси, на котором добрался до Оклендского аэропорта и сел там на двенадцатичасовой ракетоплан до Латинской Америки, где, после многочисленных переговоров, в которых он дал полную волю фантазии, купил себе место на луннике, стартующем в десять часов утра. Он провел ночь в зале ожидания космопорта. У него не было с собой ничего, кроме одежды, надетой на нем. Вся его великолепная обстановка, все картины, костюмы, скульптуры Мюллера и все прочее осталось дома и могло быть продано, чтобы предотвратить возбуждение против него исков. Все равно плохо. Он знал, что на Землю ему уже не вернуться — ни в том случае, если придет ордер на арест, ни в том случае, если ему будет совсем невозможно. Хуже некуда. Здесь столько времени было так хорошо. Кому понадобилось сыпать в водопровод эту дрянь? У Монсона была одна опора. Одно из положений его философии гласило, что рано или поздно — независимо от того, насколько четко вы планируете свою жизнь — судьба разверзает у вас под ногами бездну, и вы падаете в неизвестное и малоприятное нечто. Теперь он знал, что так оно и есть. По крайней мере, с ним.

Дело дрянь. Он думал о том, есть ли у него шансы начать все снова. Есть ли вообще на Луне нужда в биржевиках?

* * *

Обращаясь в понедельник вечером к населению, командор Браскет сказал:

— Комитет Общественного Спасения рад довести до вашего сведения, что все худшее позади. Как, несомненно, уже обнаружили многие из вас, память начинает возвращаться. У некоторых процесс восстановления протекает быстрее, у других медленнее. Завтра с шести утра вновь начинают работать маршруты до Сан-Франциско. Снова начнет работать почта, и дела войдут в свою обычную колею. Уважаемые граждане, мы еще раз продемонстрировали истинно американский дух. Наши праотцы могут радоваться, глядя на нас! Как умело избежали мы хаоса, как дружно сплотились мы, помогая друг другу в час, который мог бы стать часом развала и отчаяния.

Доктор Брайс просил меня напомнить вам, что те, кто до сих пор страдает серьезными нарушениями памяти — особенно те, кого мучает потеря самосознания, — у кого нарушились жизненно важные функции организма или произошло еще что-то серьезное — должны сообщить об этом в дежурное отделение Флетчеровского Мемориала. Там вам будет обеспечено надлежащее лечение и компьютерный анализ для тех, кто не может найти свой дом и свою семью. Повторяю...

Тим Брайс подумал, что лучше бы старому командору не садиться на своего конька — рассуждения об истинно американском духе, особенно с учетом того, что в следующей же фразе он приглашал оставшихся жертв амнезии в больницу. Впрочем, протестовать было бы просто немилосердно. Старый космический волк трудился в поте лица оба эти дня в качестве Голоса Кризиса, и некоторые патристические отступления вряд ли смогли бы принести какой-либо вред.

На самом деле все обстояло далеко не так хорошо, как это следовало из речи командора Браскета, но надо же было как-то поддерживать людей.

Брайс пробежал взглядом последние цифры. Количество самоубийств достигло девятист, начиная со среды. Воскресенье оказалось неожиданно тяжелым днем. По крайней мере, сорок тысяч человек не знали, кто они такие, хотя их и рассортировывали примерно по тысяче в час — кого в семьи, кого — в больницу для интенсивного лечения. Примерно у семисот пятидесяти тысяч человек были нелады с памятью. С детьми, в основном, было все в порядке, и с большинством женщин тоже. Но люди постарше и почти все мужчины едва ли могли надеяться на восстановление памяти. Даже

те, кто почти излечился, не помнил событий вторника и среды, да и вряд ли когда-нибудь вспомнит. Впрочем, для большей части людей их прошлое могло быть преподнесено в виде уроков истории.

Именно так Лиза рассказывала ему об их жизни.

Прогулки, которые они совершали... хорошие времена... плохие времена... посещение гостей, друзья, их мечты... все это она описывала так живо, как только могла, и он запоминал каждый анекдот, стараясь снова сделать все это частью себя. Впрочем, он знал, что это бесполезно. Он узнавал очертания, а не содержимое. Хотя это было все, на что он мог надеяться.

Он вдруг почувствовал себя смертельно уставшим.

Он спросил Камакуру:

— Есть что-нибудь новое из парка? Говорят, эти наркотики действительно в руках Халдерсена?

— Похоже, так и есть, Тим. Я слышал, они схватили того типа, который отравил водопровод и напичкали его же амнезификаторами.

— Пора убирать оттуда Халдерсена,— сказал Брайс.

Камакура покачал головой:

— Нет еще. Полиция опасается любых действий в парке. Там все готово взорваться.

— Но если эти снадобья попали...

— Давай я позабочусь об этом, Тим. Слушай, почему бы вам с Лизой не пойти домой отдохнуть? У тебя с четверга не было ни минуты отдыха.

— Так ведь ни у кого...

— Ерунда. У всех были какие-то передышки. Теперь твоя очередь. Через худшее мы уже прошли. Расслабься, выпишись, займись любовью. Узнай свою прелестную жену.

Брайс покраснел.

— Я лучше побуду здесь, пока не почувствую, что мне действительно можно уйти.

Нахмурившийся Камакура вышел переговорить с командором Браскетом. Брайс вперился в экраны, пытаясь разобраться в происходящем в парке. Минуту спустя к нему подошел Браскет.

— Доктор Брайс!

— Да?

— Вы освобождаетесь от обязанностей до среды. Возвратитесь, когда зайдет солнце.

— Минутку...

— Это приказ, доктор. Я Председатель Комитета Общественного Спасения, и я приказываю вам покинуть больницу. Вы ведь не будете нарушать приказ?

— Послушайте, командор...

— Идите! Не возражать! Это приказ.

Брайс пытался протестовать, но он слишком устал, чтобы бо-

роться. В двенадцать часов он уже ехал домой с разламывающейся от усталости головой. Лиза сидела за рулем. Он молча сидел рядом с ней, стараясь вспомнить их совместную жизнь. Без толку.

Она уложила его в кровать. Он не мог сказать, сколько он проспал, но проснувшись почувствовал ее рядом — теплую и бархатистую.

— Приветик,— сказала она.— Вспомнил меня?

— Да,— солгал он ей.— Да, ну конечно же!

* * *

Мюллер проработал всю ночь и закончил каркас до рассвета. Он немного соснул и рано утром принялся наносить внутренние слои громкоговорящей краски — тысяча динамиков, размером чуть больше молекулы каждый, в квадратном дюйме — с помощью которой скульптура обретала свое звучание. Когда это было сделано, он оторвался от работы, обдумывая внешние формы, и к семи вечера был готов приступить к следующему этапу творения. Его душой овладели демоны созидания. Он забыл про еду и боялся только, что его свалит сон.

В восемь, когда он как раз преодолел инерцию предыдущей бессонной ночи, раздался стук в дверь. Стук Кэрл. Он отсоединил звонок, а у роботов не хватало ума постучать. Он с трудом открыл дверь и увидел Кэрл.

— Ну так что? — спросил он.

— Так что я вернулась. Так что все позади...

— И что же дальше?

— Можно мне войти? — спросила она.

— Наверное. Я работаю, но прохожу.

— Я разговаривала с Питом,— сказала она.— Мы оба решили, что я должна вернуться к тебе.

— Ты не очень-то последовательна. Тебе не кажется? — спросил он.

— Я принимаю все так, как есть. Когда я потеряла память, я пришла к тебе. Когда я все вспомнила, я почувствовала, что должна уйти. Я не хотела уходить. Я чувствовала, что должна уйти. Это две разные вещи.

— В самом деле,— согласился он.

— В самом деле. Я вернулась к Питу, но мне не хотелось с ним оставаться. Мне хотелось к тебе.

— Я ударил тебя и прокусил тебе губу. Я швырнул в тебя вазу работы Минга.

— Не Минга, а К-Анг-Си.

— Извини. С моей памятью еще не все в порядке. Так или иначе,

я совершал пренеприятнейшие поступки, и ты ненавидела меня достаточно сильно, чтобы решиться на развод. Зачем тогда ты вернулась?

— Ты был вчера прав. Ты совсем не тот, кого я ненавидела. Ты старый Пауль.

— Даже если ко мне вернется память об этих девяти месяцах?

— Даже тогда, — сказала она. — Люди меняются. Ты прошел сквозь ад и вышел с той стороны. Ты снова работаешь. Ты перестал быть угрюмым, гадким, замкнутым. Мы отправимся в Каракас или куда ты захочешь, ты начнешь работать и расплатишься со всеми долгами, как ты и говорил вчера.

— А Пит?

— Он расторгнет брак. Мы договорились об этом.

— Добрый старый Пит, — проговорил Мюллер и покачал головой. — Сколько продлится наше счастье, Кэрл? Если ты думаешь, что до среды твое решение может вдруг измениться, лучше скажи мне об этом прямо сейчас. Тогда мне не стоит ввязываться в это дело.

— Не может измениться. Никогда.

— Даже несмотря на то, что я бросил в тебя вазу работы Ги-Ченг-Анга?

— К-Анг-Си, — поправила она.

— Точно. К-Анг-Си, — он заставил себя усмехнуться. И вдруг на него обрушилась вся усталость прежних дней и ночей. — Я вроде бы переработал, — сказал он. — Неистовство созидания во искупление потерянного времени. Давай, прогуляемся.

— Великолепно, — согласилась она.

Они вышли и нос к носу столкнулись с роботом-сборщиком.

— Зайдите вечером, сэр, — сказал Мюллер.

— Мистер Мюллер, я представляю отдел кредитных перечислений Акме Брасс и...

— Обращайся к моему поверенному, — отрезал Пауль.

С моря накатывались волны тумана. Звезд не было видно. Огни вечернего города едва проступали в белой пелене. Пауль с Кэрл негоропливо шли по парку. Он ощущал странную легкость в голове не от одного лишь недосыпания. Сон и явь слились воедино. Это были необычные дни. Они прошли в главные ворота и теперь медленно брели по площади перед музеем, рука в руке, ни слова ни говоря друг другу. Они миновали консерваторию, и тут Мюллер заметил впереди толпу, тысячи людей, смотрящих на возвышение для оркестра.

— Что это там? — спросила Кэрл. Мюллер пожал плечами. Они затесались в толпу.

Минут через десять они пробились достаточно близко к сцене, чтобы видеть происходящее. На сцене стоял высокий, тонкий человек с диким взглядом и нечесанной рыжей шевелюрой. Рядом с ним

стоял маленький сторбившийся человек в рваной одежде и еще с дюжину стояли с боков, держа глиняные чаши.

— Что тут такое? — спросил Мюллер соседа.

— Религиозный обряд.

— Что-что?

— Новая религия. Церковь Забвения. Вот тот — главный проповедник. Что, ничего не слышал?

— Совершенно ничего.

— Началось все это в пятницу. Видишь вон того типа с крысиной физиономией? Около проповедника?

— Ну.

— Это он высыпал в воду эту дрянь. Он сознался, и его заставили выпить его собственную отраву. Теперь он ничего не помнит и помогает проповеднику. Вот чертово отродье!

— А что они делают сейчас?

— В чашах у них это снадобье. Они пьют и все забывают. Пьют и забывают.

Сгушающийся туман заглушал слова человека на возвышении. Мюллер старался разобрать, о чем он говорит. Он видел просветленные глаза фанатиков. От предполагаемого отравителя исходило сияние. Из темноты всплывали слова:

— Братья и сестры... радость, сладость забвения... придите к нам, живите с нами... забвение... прощение... даже самым большим злодеям... забудьте... забудьте...

Чаши обошли стоящих на сцене. Люди, пришедшие, чтобы пополнить ряды последователей нового учения, принимали чаши, отпивали, счастливо кивали головами. В углу сцены стояли трое мужчин с твердыми лицами и наполняли чаши вновь.

По спине Мюллера пробежал холодок. Он вдруг подумал, что то, что зародилось на этой неделе в парке, будет жить долго, будет жить даже тогда, когда события в Сан-Франциско станут достоянием истории; ему почудилось, что нечто невидимое и страшное вырвалось на волю и раскатывается по всей стране.

— Примите... испейте... забудьте... — выкрикнул проповедник.

— Примите... испейте... забудьте... — отозвалась криком толпа.

Чаши пошли по рукам.

— О чем это он? — шепотом спросила Кэрл.

— Примите... испейте... забудьте...

— Примите... испейте... забудьте...

— Благословенно есть сладостное забвение.

— Благословенно есть сладостное забвение.

— Сладостно сложить с себя тяжкую ношу души.

— Сладостно сложить с себя тяжкую ношу души.

— Радостно возродиться вновь.

— Радостно возродиться вновь.

Туман все сгущался. Мюллер уже с трудом видел здание аквариума, стоящее через дорогу. Он покрепче сжал руку Кэрол и стал подумывать, что пора выбираться отсюда.

Он должен был согласиться, что в чем-то этот проповедник прав. Разве не стало лучше ему самому после того, как попавшее в кровь лекарство смыло часть его прошлого? И все же... увечить мозг подобным образом, намеренно, с радостью, испивая забвение до дна...

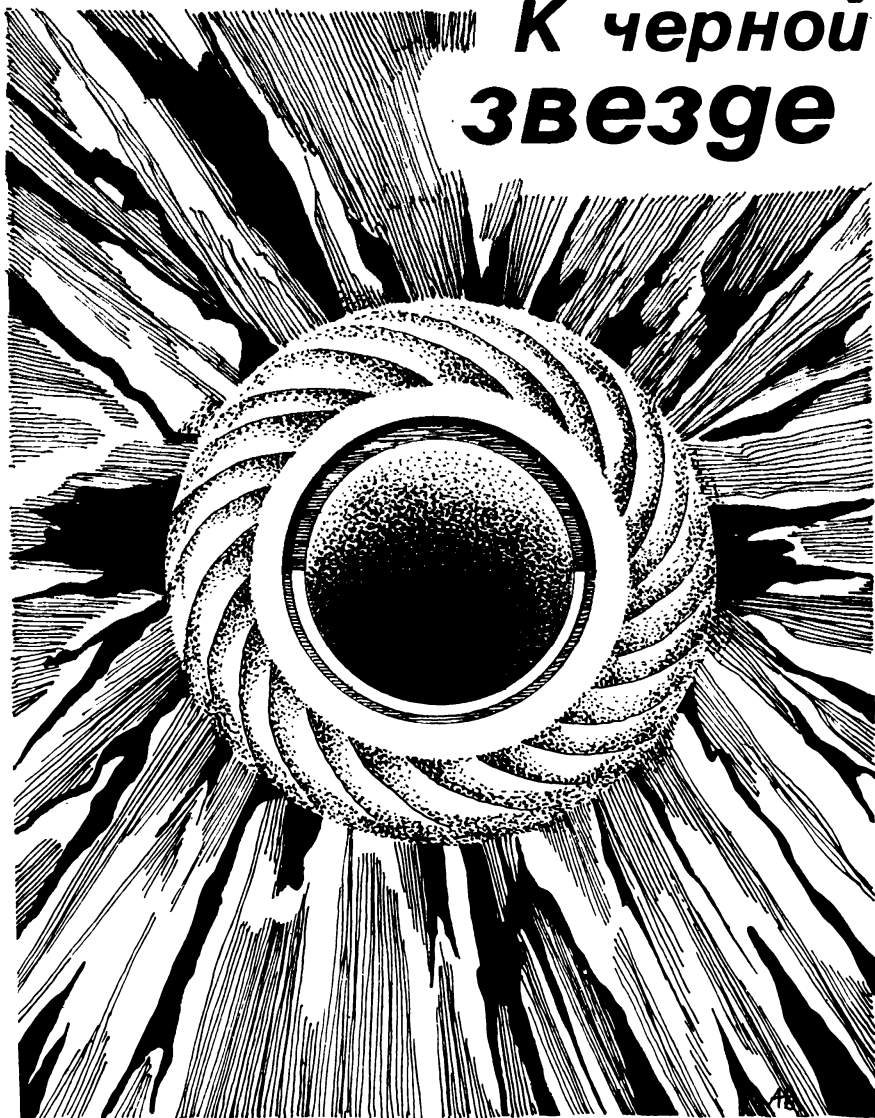
— Благословенны есть те, кто может забыть,— выкрикнул проповедник.

— Благословенны есть те, кто может забыть,— услышал Мюллер свой собственный крик. Его вдруг начала бить дрожь. Он почувствовал внезапный страх: он ощутил мощь этого странного нового движения, крепнущую силу лишенной всякого смысла проповеди.

Создавалась новая религия, культ, предлагающий полнейшее освобождение от всего, что давит на человека изнутри. Они могут синтезировать эту пакость тоннами, подумал Мюллер, и напищать ей весь город. Тогда все станут другими, все смогут вкусить радость забвения. Никто не сможет их остановить. Спустя некоторое время никто и не станет их останавливать. Мы будем пить воду и забывать все больше и больше. А потом мы начисто сотрем всю боль и все грустные воспоминания. Мы изопьем чашу доброты и изгоним из себя прегрешения прародителей наших, предадим горе, что парит кругом, и предадим все на свете: душу, себя, мозг. Мы изопьем сладостное забвение. Мюллера передернуло. Резко повернувшись и крепко схватив Кэрол за руку, он протолкался через толпу и с угрюмым видом устремился в туманную ночь, стараясь найти выход из парка.

К черной звезде

Мы подошли к черной звезде — микроцефал, приспособленная и я — и началась наша вражда. Хотя нас было не так много, чтобы ссориться. Микроцефал родился на Квендаре-IV. У тамошних жителей была серая сальная кожа, ненормально развитые плечи и почти начисто отсутствовала голова. Он... оно... было, по крайней мере, абсолютно чужим. Девушка же — нет, поэтому я ненавидел ее.

Она родилась на планете системы Проциона, где воздух был более или менее земного типа, а гравитация в два раза превосходила земную. Были на этой планете и другие отличия. Приспособленная была широка в плечах и широка в талии — куб из плоти. У нас были специалисты по генной инженерии, которые работали с человеческим материалом и превращали его в нечто почти столь же чуждое человеку, как микроцефал. Почти.

Мы назывались научной экспедицией, посланной для наблюдения за последними днями умирающей звезды. Большое достижение межзвездного содружества. Возьмите наугад трех специалистов, суньте их в корабль, запустите их через половину Вселенной посмотреть на то, чего еще не видел никто. Замечательная идея. Благодарная. Вдохновляющая. Каждый из нас хорошо знал свое дело и был идеальным кандидатом для полета. Но у нас не было ни малейшего желания сотрудничать — мы ненавидели друг друга.

Приспособленная — Миранда — находилась у приборов в тот день, когда черная звезда действительно вошла в зону нашей видимости. Она изучала ее несколько часов, прежде чем соизволила довести до нашего сведения, что мы у цели.

Я вошел в рубку. Мускулистый корпус Миранды полностью заполнял глянцевиное кресло. Сбоку стоял микроцефал; коренастая фигура на костлявых, словно у треножника, ногах. Широкие плечи были сгорблены и почти закрывали крохотный бугорок головы. Вообще-то, нет никакого резона в том, что мозг обязательно должен находиться в черепе, а не в безопасной глубине грудной клетки.

И все же я так и не смог привыкнуть к виду этого существа. Боюсь, я просто нетолерантен к инопланетянам.

— Погляди,— сказала Миранда, и экран засветился.

Черная звезда неподвижно висела в центре, на расстоянии около восьми световых дней — ближе подходить было небезопасно. Она была не совсем мертвой и совсем не черной. Я рассматривал ее с почтительным благоговением. Это был внушительный, около четырех солнечных масс, остаток гигантской звезды. На экране это походило на необычных размеров лавовое поле. В море раскаленной магмы плавали острова пепла и шлака размерами с планету. Тусклый красный свет озарял экран. Малиновый круг на черном фоне. В гниущей звезде еще билась былая сила. В глубинах этой кучи шлака стояли и задыхались атомные ядра. Однажды свет этой звезды озарит Солнечную систему. Но я не стал даже и думать ни о миллиардах лет, которые пройдут до того времени, ни о тех цивилизациях, которые обнаружат источник этого света и жара накануне его гибели.

Миранда сказала:

— Я уже замерила температуру. В среднем поверхность нагрета до девятисот градусов. Совершить посадку не удастся.

Я проворчал:

— Что толку в средней температуре? Замерь местную. На этих островах...

— Пепел дает двести пятьдесят градусов. Разломы — на тысячу градусов больше. Средний нагрев — градусов девятьсот, и ты сгоришь, как только сядешь. Скатертью дорога, братец. Благославляю тебя.

— Я не говорил...

— Ты имел в виду, что на этом огненном шарике можно найти место для посадки,— огрызнулась Миранда. Голос ее походил на звук тромбона, так как ее грудная клетка была отличным резонатором.— Ты подлым образом бросил тень на мою способность.

— Мы используем для исследований краулер,— сказал микроцефал резонирующим на свой лад голосом.— Никто и не собирался совершать посадку лично.

Миранда утихла. Я благоговейно вперился в экран.

Звезда умирала долго, и реликт, который я разглядывал, потрясал меня своим возрастом. Он пылал миллиарды лет, пока водород — его горючее — не иссяк полностью, и термоядерная топка не стала медленно гаснуть. У звезды была защита от охлаждения. Как только горючее кончилось, она начала сжиматься, увеличивая собственную плотность и преобразуя потенциальную энергию гравитации в тепло. Она возродилась к новой жизни, на этот раз — белого карлика, с плотностью, измеряемой тоннами на кубический дюйм. Она довольно стабильно горела, пока не стала черной.

Мы изучали белые карлики сотни лет и знали все их секреты —

как мы считали. Кусочек вещества белого карлика, кружащийся сейчас вокруг Плутона, помогал тамошней обсерватории вести за нами наблюдение.

Но звезда на нашем экране была несколько иной.

Она была когда-то огромной звездой и превышала предел Чандрасекара, равный 1,2 солнечной массы. Поэтому она не желала шаг за шагом переходить к ипостаси белого карлика. Плотность звездного ядра нарастала так быстро, что катастрофа наступила раньше равновесия. Как только она превратила весь водород в железо-56, она стала стягиваться в коллапс и превращаться в сверхновую. По ядру прошла ударная волна, преобразуя кинетическую энергию сжатия в тепло. Звезда изрыгнула нейтроны. Температура ее достигла двухсот миллиардов градусов; тепловая энергия превратилась в интенсивное излучение, и агонизирующая звезда на краткий миг затмила все звезды галактики.

То, что мы наблюдали сейчас, было ядром, уцелевшим после взрыва сверхновой. Но даже то, что осталось от взорвавшейся звезды, потрясало своими размерами. Ядро остывало до ионов, до окончательной своей смерти. Для маленькой звезды это было бы простой смертью от охлаждения: полностью погасший черный карлик, плывущий по Вселенной, подобно могильному холмику пепла, без света, без тепла. Но это, наше ядро, все еще превосходило предел Чандрасекара. Для него была припасена необычная смерть, жуткая и неподобная.

Вот почему мы пришли взглянуть на гибель звезды: микроцефал, приспособленная и я.

Я вывел наш маленький кораблик на орбиту, которая всех устраивала. Миранда занялась своими измерениями и вычислениями. Микроцефал делал что-то свое, совершенно непонятное мне. Каждый занимался своим делом.

Из-за огромных расстояний пришлось строго ограничить число членов экспедиции. Нас было только трое: представитель человечества, представительница колонии приспособленных и представитель расы микроцефалов, народа Квендара, единственных разумных существ в известной нам Вселенной.

Трое самых крупных ученых. То есть, трое существ, которые наверняка проживут весь полет в идеальной гармонии, поскольку считается, что у ученых совершенно нет эмоций, и они думают исключительно о загадках своей науки. Все это знают. Интересно, кто первый пустил эту пулю?

Я спросил Миранду:

— Где данные по радиальной осцилляции?

Она ответила.

— Просмотри мой доклад. Он был опубликован в начале прошлого года в...

— К чертовой матери твой доклад. Они нужны мне сейчас!
— Тогда дай мне кривую плотности.
— Она еще не готова. У меня только цифровые данные.
— Врешь! Ты гонял компьютер целыми днями! Я сама видела, — громыхнула она.

Я был готов вцепиться ей в горло. Вот это была бы схватка! Ее трехсотфунтовое тельце не очень-то подходило для драки, да и вряд ли у нее был опыт подобных дел, как у меня. Однако, в случае чего, она имела бы преимущество в силе и весе. Успею ли я ударить ее в какое-нибудь уязвимое место раньше, чем она разорвет меня на части? Я взвешивал свои шансы.

Тут появился микроцефал и снова водворил мир несколькими мягкими, словно пух, словами.

Этот чужак был единственным из нас, кто, похоже, подходил под лишнюю эмоцию абстракцию, называемую ученым. Это, конечно, было не совсем так. Насколько мы знали, микроцефал был знаком с ревностью, вожделием и яростью, мы просто не видели внешних проявлений его чувств. Голос его был ровен, словно доносился из вокодера. Это существо вовремя оказывалось между мной и Мирандой, словно некий миротворец. Я ненавидел его за эту маску спокойствия. Кроме того, я подозревал, что микроцефал презирует нас обоих за нашу постоянную готовность давать выход эмоциям и находит садистское удовольствие в демонстрации собственного превосходства, успокаивая нас.

Мы вернулись к своим исследованиям. У нас осталось не так уж много времени. Скоро звезда должна была сжаться окончательно.

Она остыла почти смертельно. Это необычное ядро еще обладало некоторой термоядерной активностью, достаточной, чтобы пресечь всякую мысль о посадке. Излучало оно, главным образом, в оптической части спектра, и по звездным меркам уже было ничем, но для нас оно было так же опасно, как жерло вулкана.

Найденная звезда была, как тлеющая головешка. Ее яркость была так мала, что различить ее глазом можно было лишь с расстояния не более светового месяца. Засек ее рентгеновский телескоп орбитального спутника, обнаруживший излучение вырожденного нейтронного газа ее ядра. Теперь мы болтались вокруг звезды и делали всевозможные замеры. Мы зафиксировали вещи вроде истечения нейтронов и захвата электронов. Мы вычислили время, оставшееся до превращения ядра в коллапс. При необходимости мы объединялись, но по большей части работали в одиночку. Чем дальше, тем больше обстановка на корабле становилась все более отвратительной. Миранда выходила из себя, провоцируя меня. И, хотя мне нравилось думать, что я выше ее дикарства, должен признать, что я и сам не упускал случая разозлить ее. Око за око. Чужак никогда не давал никакого повода для раздражения. Но косвенная угроза

способна свести с ума, и в таком тесном помещении безразличие микроцефала было такой же диссонирующей силой, как неприкрытая сварливость Миранды или мои замаскированные шпильки.

Мы видели на своих экранах кипение агонизирующей звезды. Острова шлака — несколько тысяч миль в диаметре — плавали по огненному морю. Из глубины то и дело извергались огненные потоки. Наши расчеты показывали, что конец близок. Мы были на пороге страшного выбора. Кто-то из нас должен был сесть в монитор в момент окончательной гибели звезды. Риск был огромен. Исход эксперимента мог оказаться фатальным. Никто из нас не хотел брать на себя инициативу.

Наша работа близилась к завершению. Миранда продолжала всеми силами досаждать мне — явно из-за боязни того, что нам предстояло, она очень нервничала, сознавая грядущую опасность. Как я ненавидел ее! Мы начали это путешествие довольно спокойно, и ничто нас не разделяло, кроме профессиональной ревности. Но месяцы близости превратили наши ссоры в вендетту. Один лишь взгляд на нее приводил меня в бешенство. Уверен, что она испытывала то же самое ко мне. Она, словно ребенок, тратила все свои силы на то, чтобы сделать мне какую-нибудь гадость. Она вдруг выдумала разгуливать по всему кораблю нагишом, как я подозреваю, чтобы зародить во мне сексуальное влечение, на которое она бы ответила грубым и издевательским отказом. Беда в том, что я никак не мог почувствовать влечение к такому уродливому созданию, как Миранда — раза в два превосходящей меня куче мускулов и костей. Вид ее массивного вымени и монументальных ягодич не зарождал во мне ничего, кроме отвращения.

Сукина дочь! Делала она это из желания завести меня или из презрения? Так или иначе, она меня достала. И она это поняла.

На третьем месяце нашего кружения вокруг звезды микроцефал объявил:

— Координаты ее говорят о скором достижении ею сферы Шварцшильда. Пришло время послать на поверхность звезды наш аппарат.

— Кто поведет монитор? — спросил я.

Пухлая рука Миранды уперлась в меня.

— Ты.

— Спасибо, но ты лучше меня подготовлена для подобных наблюдений, — отозвался я светло и радостно.

— Спасибо, нет.

— Мы можем бросить жребий, — сказал микроцефал.

— Не стоит, — возразила Миранда. Она уперлась в меня взглядом. — Как бы он не выкинул какую-нибудь штуку. Я не доверяю ему.

— Как же еще мы можем сделать выбор? — спросил чужак.

— Мы можем проголосовать,— предложил я.— Я выдвигаю Миранду.

— Я выдвигаю его,— огрызнулась она.

Микроцефал прижал к бугорку черепа веревочки щупалец.

— Поскольку я не собираюсь выдвигать себя,— произнес он тихо,— на меня ложится ответственность выбора одного из вас. Я снимаю с себя эту ответственность. Попытаемся найти другой выход.

Мы отложили этот разговор. У нас было несколько дней до наступления критического момента.

Я всей душой желал, чтобы в капсуле монитора оказалась Миранда. Если именно ей будет доверено право посадки на агонизирующую звезду, для нее это будет означать в лучшем случае смерть, в худшем — ужаснейшее психическое потрясение. Много бы я дал, чтобы понаблюдать за этим увлекательнейшим и опаснейшим экспериментом.

То, что должно было произойти с нашей звездой, возможно, несколько странно звучит для непосвященного. Эта теория была разработана Эйнштейном и Шварцшильдом тысячу лет назад и многократно подтверждалась, хотя никто до нас не наблюдал ничего подобного с такого близкого расстояния. Когда материя достигает невероятно большой плотности, она искривляет пространство, замыкая его вокруг себя и образуя нечто вроде мешка, изолированного от остальной Вселенной. Сжавшееся ядро сверхновой обладает как раз таким свойством. Остав почти до абсолютного нуля, достигнув массы Чандрасекара, ядро претерпевает сильнейшее, почти до нуля, сжатие, бесконечно увеличивая свою плотность.

Можно сказать, что оно пожирает само себя и исчезает из Вселенной, ибо как может пространство содержать в себе точку с бесконечной плотностью и нулевым объемом?

Такие коллапсы редки. Большинство звезд достигает состояния холодного равновесия и в нем и остается. Мы стояли у порога необычного и были готовы к посылке на остывающую звезду аппарата-наблюдателя для получения точного описания всего происходящего вплоть до того последнего момента, когда сжавшееся ядро прорвет стенки Вселенной и исчезнет.

Кто-то должен был взять на себя управление аппаратом. Это означало не прямое участие в смерти звезды. Из предыдущего опыта мы уже знали, что сидящему в капсуле довольно трудно различать реальное и видимое. Приходится воспринимать сигналы находящихся где-то далеко датчиков как сигналы своих собственных органов чувств. Возникает нечто вроде психической обратной связи, бывает, что неосторожный исследователь расплавляется собственным мозгом.

К чему могло привести наблюдателя монитора сжатие сознания в одну точку?

Мне очень хотелось это узнать. Но только не на собственном опыте.

Я начал обдумывать, как мне заманить Миранду в капсулу. Она, естественно, желала того же мне. Это она сделала первый шаг, пытаясь сломить меня с помощью наркотика.

Не имею ни малейшего понятия, что за дрянь она применила. Приспособленные — доки по части неаддиктивных (не вызывающих привыкания и пристрастия) галлюциногенов, помогающих им скрашивать однообразие их оконеченного мира-переростка. Миранда ухитрилась влезть в программу, по которой готовилась моя пища, и сляпала один из своих любимых алкалоидов. Я начал чувствовать его действие спустя примерно час после того, как поел. Я подошел к экрану посмотреть на волнующуюся массу звезды — за эти несколько месяцев ее вид успел сильно измениться — и как только я взглянул на экран, изображение стало растекаться и кружиться, словно в водовороте, и языки пламени пустились в сверхъестественный пляс.

Я вцепился в поручень. По спине потекли струйки пота. Неужели корабль начал плавать? Пол подо мной ходил ходуном. Я взглянул на тыльную сторону ладоней и увидел на них острова пепла в огненном киселе магмы.

Миранда мгновенно оказалась рядом.

— Пойдем в капсулу, — промурлыкала она. — Монитор готов к посадке. Ты увидишь много интересного.

Я, пошатываясь, пошел за ней по странно изменившемуся кораблю. Миранда выглядела еще более непривычно, чем всегда; ее мускулы растеклись и покрылись рябью; ее золотистые волосы отливали всеми цветами радуги; ее тело покрылось складками и язвами, сквозь кожу проросли какие-то жесткие проволочки. Я совершенно спокойно думал о том, что сяду сейчас в капсулу. Она отдраила люк, открывая моим глазам блестящую панель пульта, и я шагнул внутрь. Тут действие галлюциногена усилилось, и я увидел в глубине капсулы ужаснейшего дьявола.

Я рухнул на пол перед открытым люком и судорожно забился.

Миранда сграбастала меня в охапку. Для нее я был не более чем куклой, и она начала засовывать меня в капсулу. На лбу у меня выступила испарина. В мое сознание вернулась реальность. Я вырвался из ее объятий и со всех ног помчался к носу корабля. Она угрожающе двинулась за мной, словно доисторическое чудовище.

— Нет! — крикнул я. — Не пойду.

Она остановилась. Ее лицо исказилось от ярости. Она повернулась и ушла к себе, признавая свое поражение. Я лежал, хватая ртом воздух и дрожа, пока мой мозг не избавился от видений. Она почти достигла цели.

Следующий выстрел был за мной. Как аукнется, так и отклик-

нется. Я боялся очередного шага Миранды. Я должен был ее опередить.

Я взял из медицинского набора гипноизлучатель, применяемый для анестезии и запараллелил его с антенной телескопа Миранды. Я запрограммировал его на внушение послушания и оставил работать. Когда она будет проводить свои наблюдения, гипноизлучатель, словно сладкоголосая сирена, будет напевать свою зловещую песенку, и, возможно, Миранда послушается меня.

Однако ничего не вышло.

Я видел, как она подходила к телескопу. Я видел, как ее телеса заполняют кресло. Мысленно я слышал мягкий шепоток гипноизлучателя: я ведь знал, что он должен был ей нашептать. Он уговаривал ее расслабиться, подчиниться.

— Капсула... войди в капсулу... ты будешь управлять краулером... ты... ты... ты это сделаешь...

Я ждал. Она поднялась и, словно лунатик, двинулась к поджидающей ее капсуле. Ее коричневатое тело не сделало ни одного протестующего движения. Лишь только слегка подрагивали мускулы под этой непристойно обнаженной плотью. Излучатель сработал! Точно! Он уломал ее!

Нет.

Она вцепилась в телескоп, словно он был стальным осиным жалом, буравящим ее мозг. Тубус спружинил, и она покатилась по полу. В глазах ее вспыхнула ярость. Она вскочила. Точнее, поднялась на дыбы. Она походила на берсерка. Излучатель оказал на нее некоторое действие. Я видел ее заплетающуюся походку и понимал, что она одурманена. Но одурманена недостаточно сильно. Что-то внутри ее отяжелевшего мозга все же дало ей силу сорвать с себя мрачный саван гипноза.

— Это ты! — взревела она. — Это ты колдовал с телескопом?

— Не понимаю, о чем это ты, Миранда?

— Лжец! Трус! Шакал!

— Успокойся. Ты раскачаешь корабль.

— Я еще не то раскачаю! Что это за пакость копошилась у меня в мозгу? Ты присоединил ее к телескопу? Что это было? Гипноизлучатель?

— Точно, — холодно согласился я. — А что это ты подсунула мне в пищу? Что за галлюциноген?

— Он не подействовал.

— Как и мой гипноизлучатель. Миранда, кто-то же должен сесть в капсулу. Через несколько часов создается критическое положение. Мы не рискуем вернуться, не сделав самых важных наблюдений. Согласись на эту жертву.

— Ради т е б я?

— Ради науки,— сказал я, апеллируя к этой благородной абстракции.

В ответ я совершенно заслуженно услышал лошадиное ржание. Потом Миранда шагнула ко мне. Она уже могла полностью координировать свои действия и, похоже, собиралась затолкать меня в капсулу силком. Она обхватила меня своими ручищами. Мне стало дурно от вони ее толстенной шкуры. Я почувствовал, как затрещали мои ребра. Я принял ся колотить ее, надеясь попасть в какой-нибудь болевой центр и свалить ее на пол, словно подрубленное дерево. Мы ворочались в рубке, стараясь причинить друг другу как можно больше боли. Грубая сила схлестнулась с ловкостью. Она не падала, я не поддавался.

Над нами прожужжал лишенный выражения голос микроцефала:

— Отпустите друг друга. Коллапсирующая звезда приближается к радиусу Шварцшильда. Пора действовать.

Руки Миранды соскользнули с моих плеч. Я поспешно шагнул назад, хмуро окинув ее взглядом, и сделал осторожный вдох. Больно. Тело Миранды было разукрашено красноречивыми фиолетовыми синяками. Теперь мы знали силу друг друга; но капсула оставалась пустой. Ненависть витала между нами подобно шаровой молнии. Совсем рядом стояло серое инопланетное существо с сальной кожей.

Не могу даже сказать, кому первому пришла в голову мысль об этом, Миранде или мне. Но действовали мы быстро. Испуганный микроцефал только слабо протестовал, пока мы волокли его по коридору в помещение, где находилась капсула. Миранда улыбнулась. У меня на душе тоже полегчало. Она крепко держала инопланетянина, пока я открывал люк, а потом мы забросили его внутрь. Задраивали люк мы вместе.

— Запускай краулер,— сказала она.

Я кивнул и пошел к пульту. Словно колючка из духовой трубки, из нашего корабля вылетел носитель с краулером и с огромным ускорением помчался к гаснущей звезде. Внутри носителя была небольшая машина с поджатыми лапами, дистанционно управляемая наблюдателем в капсуле. Когда наблюдатель, охваченный датчиками, шевелил рукой или ногой, сервореле приводили в действие поршни краулера в восьми световых днях отсюда. Он реагировал на все движения оператора, взбираясь на горы шлака, там, где невозможно даже кратковременное пребывание ничего органического.

Микроцефал управлял краулером с большим искусством. Мы прильнули к экранам видеодатчиков, демонстрирующих изображение этого ада в несколько ослабленных тонах. Даже остывшая звезда намного жарче любой обитаемой планеты.

Изображение менялось каждое мгновение: увеличивающееся

красное пятно постепенно заполняло весь экран. Происходило что-то совершенно непонятное. Все внимание нашего микроцефала было приковано к невиданному зрелищу. Разбушевавшиеся силы гравитации хлестали извивающуюся звезду. Краулер поднимался, вытягивался, сжимался, подчинялся силам, медленно растаскивающим его в стороны. Микроцефал тем не менее диктовал все, что он видел и чувствовал: медленно, методично, без малейшего признака страха.

Критический момент приближался. Гравитационные силы увеличились до бесконечности. Микроцефал наконец-то смутился, не в силах описать невиданные топологические явления. Возросшая до бесконечности плотность, нулевой объем — как мог разум воспринять такое? Краулер был расплюснут в нечто, не имеющее названия. Все же его датчики продолжали передавать сведения, проходящие через мозг микроцефала, в памятные блоки наших компьютеров.

Затем наступило молчание. Экраны погасли. Немыслимое наконец-то свершилось, радиус черной звезды достиг критической величины. Она сжалась в ничто, и краулер вместе с ней. Инопланетянин в капсуле тоже исчез в мешке гиперпространства, стоящего за пределами человеческого понимания.

Я поднял глаза на экран. Черной звезды не было. Наши детекторы улавливали потоки энергии, оставшейся после ее исчезновения. Нас тряхнула волна, распространяющаяся из того места, где только что была звезда, и все успокоилось.

Мы с Мирандой обменялись взглядами.

— Выпусти его, — сказал я.

Она открыла люк. Микроцефал совершенно спокойно сидел за пультом. Мы не слышали от него ни слова. Миранда вытащила его из капсулы. Глаза его были лишены какого бы то ни было выражения; впрочем, они и раньше ничего не выражали.

* * *

Мы на подходе к планетам нашей системы. Наша миссия выполнена. Мы несем бесценные, уникальные сведения.

Микроцефал так и не произнес ни слова с тех пор, как мы вытащили его из капсулы. Не думаю, чтобы он вообще когда-нибудь заговорил.

Наши с Мирандой отношения достигли полной гармонии. Вражды как не бывало. Мы теперь соучастники преступления, спаянные общей виной, в которой не хотим признаться даже самим себе. Каждый относится к другому с любовью и заботой.

В конце концов, кто-то же должен был вести наблюдения. Добровольцев не оказалось. Ситуация потребовала вмешательства грубой силы, иначе роковой круг никогда не был бы разорван.

Хотите понять, почему мы с Мирандой сначала выступали друг против друга, а потом объединились?

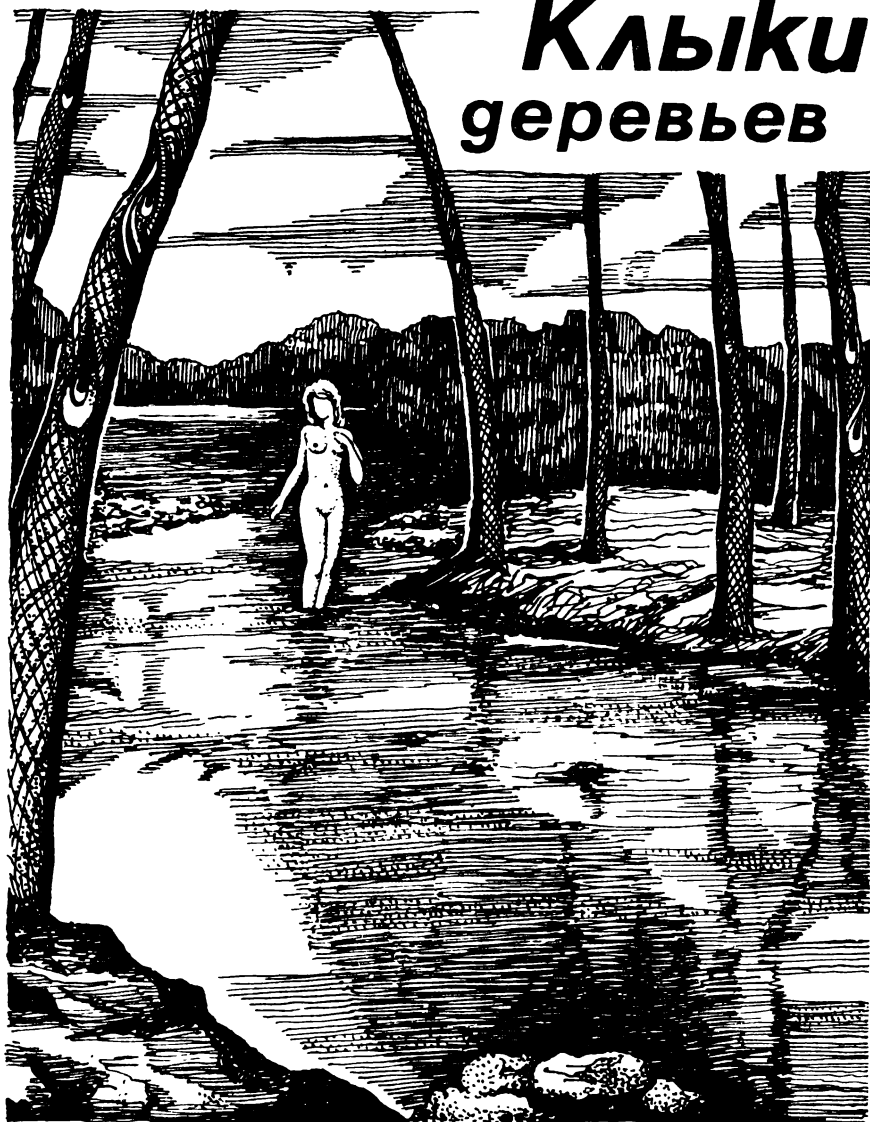
Мы оба люди, и Миранда, и я. Микроцефал — нет. Вот в этом-то и дело. Позднее мы с Мирандой решили, что люди должны держаться друг друга. Это связь, которая не рвется.

Такими мы возвращаемся к цивилизации.

Миранда улыбается мне. У меня не осталось больше причин ненавидеть ее. Микроцефал молчит.

Клыки деревьев

Из домика, в котором на вершине серого, острого, словно игла, холма Долана Зену, жил Холбрук, была видна вся округа: рощи джутовых деревьев в широкой долине, стремительно несущийся ручей, в котором любила купаться его племянница Наоми, большое неподвижное озеро поодаль. Видно было и зону предполагаемого заражения в северном конце долины в секторе С, где — или это была всего лишь игра воображения? — глянцевиые синие листья джутовых деревьев начинали слегка отливать оранжевым — верный признак ржавения.

Если этот мир должен погибнуть, то начало гибели — здесь. Он стоял наверху, у прозрачного, слегка вогнутого окна инфоцентра: Было раннее утро. Две бледные луны все еще висели на исполосованном зарей небе, но солнце уже поднималось из-за холмов. Наоми была уже на ногах и плескалась в ручье далеко от дома. До того, как выйти из дома, Холбрук всегда исследовал свою плантацию. Сканнеры и сенсоры приносили ему сведения о состоянии дел во всех ключевых точках участка. Холбрук, сторбившись, пробежался толстыми пальцами по клавишам управления, заставив зажечься экраны сбоку от окна. Он владел сорока тысячами акров джутовых деревьев — повезло ему с урожайностью, хотя акций у него было мало, а расписок — хоть отбавляй. Его королевство. Его империя. Он осматривал сектор Д, свой любимый. Так. Экран показывал длинные ряды деревьев футов пятидесяти высотой, беспрестанно шевелящие своими похожими на веревки конечностями. Это была опасная зона, сектор, от которого исходила угроза. Холбрук внимательно всмотрелся в листья. Уже ржавеют? Анализы из лаборатории поступят позднее. Он осматривал деревья, обращая внимание на блеск их глаз, чистоту клыков. Хорошие у него здесь деревья. Живые, сильные, производительные.

Его любимцы. Ему нравилось играть с самим собой в маленькую игру, притворяясь, что у деревьев есть индивидуальности, имена, личности. Не такая уж, впрочем, это была и игра.

Холбрук включил звук.

— Приветствую тебя, Цезарь,— сказал он.— Алкивиад, Гектор. С добрым утром, Платон.

Деревья знали свои имена. В ответ на его приветствие ветви закачались сильнее, словно по роще пронесся шквал. Холбрук посмотрел на фрукты — почти зрелые, длинные, раздувшиеся и тяжелые от галлюциногенного сока. Глаза деревьев — поблескивающие шелушащиеся пятна, которыми были испещрены стволы — стали вспыхивать и вращаться, ища его.

— Я не в роще, Платон,— сказал Холбрук.— Я пока дома. Но скоро спущусь. Прекрасное утро, не правда ли?

Из кучки сброшенных листьев вдруг вынырнуло длинное, розовое рыльце похитителя сока. Холбрук с досадой смотрел, как дерзкий маленький грызун в четыре стремительных прыжка пересек расстояние до ближайшего дерева, прыгнул на массивный ствол Цезаря и принялся карабкаться, тщательно огибая глаза. Ветки Цезаря яростно затрепетали, но ему не было видно маленького злодея. Похититель сока исчез в кроне и снова появился тридцатью футами выше, там, где висели фрукты. Зверек повел мордочкой, потом уселся на четыре задние лапки и приготовился высосать на восемь долларов грез из почти зрелого плода.

Из кроны Алкивиада рванулась тонкая извивающаяся змея хватательного усика. С быстротой хлыста он покрыл расстояние до Цезаря и обвился вокруг похитителя сока. Зверек успел лишь всхлипнуть перед смертью, поняв, что попался. Описав широкую дугу, усик втянулся в крону Алкивиада; листья разошлись, и в поле зрения оказался разинутый рот дерева; клыки раздвинулись; усик разжался; тельце зверька полетело в распахнутый зев. Алкивиад изогнулся от удовольствия; частая дрожь листьев, чуть заметная и застенчивая, похвала самому себе за быстрые рефлексy, принесшие такой лакомый кусочек. Он был умным деревом, красивым и очень довольным собой. Простительное тщеславие, подумал Холбрук. Ты хорошее дерево, Алкивиад. И все деревья в секторе Д хорошие. Что, если у тебя ржавка, Алкивиад? Что останется от твоих сверкающих листьев и гладких конечностей, если я буду вынужден сжечь тебя?

— Неплохо,— сказал он вслух.— Я люблю, когда ты показываешь свое внимание.

Алкивиад продолжал изгибаться. Сократ, растущий через четыре дерева от Алкивиада, плотно сжал конечности, что, как знал Холбрук, было знаком неудовольствия, брюзгливого ворчания. Не всем деревьям были по нраву тщеславие, самолюбование и ловкость Алкивиада.

Вдруг Холбрук почувствовал, что не может больше смотреть на сектор Д. Он нажал на клавишу, переключая экран на сектор Ц, новую рощу в южном конце долины. Эти деревья не имели, да никогда

и не будут иметь имен. Холбрук давно уже решил, что это детская забава — обходиться с деревьями так, словно они твои друзья или домашние животные. Они — только средство получения прибыли. Это было ошибкой — позволить себе привязаться к ним. Теперь он почти точно знал, что некоторые из старейших его друзей несут в себе ржавую заразу, прыгающую с планеты на планету и охватывающую плантации джутовых деревьев, словно лесной пожар.

Сектор Ц он осматрел еще тщательнее.

Думай о них, как о деревьях, сказал он себе. Не животные. Не люди. Д е р е в ь я. С длинными корнями, уходящими на шестьдесят футов в известняковую почву и выкачивающими из нее питательные вещества. Они не могут перемещаться с места на место. Основа их жизнедеятельности — фотосинтез. Они цветут, и опыляются, и приносят крупные фаллосообразные плоды, налитые дикими алкалоидами, которые затуманивают мозг человека. Деревья. Деревья. Деревья.

Но у них есть глаза, зубы и рты. У них есть ветки — конечности, которыми они весьма ловко владеют. Они способны мыслить. Они способны реагировать на внешние воздействия. Ударь дерево — закричит. Они приспособились охотиться на мелких животных. Они знают вкус мяса. Некоторые из них предпочитают ягненка говядине. Некоторые из них задумчивы и важны; некоторые подвижны и стремительны; некоторые медлительны, почти тяжеловесны. Хотя каждое дерево двуполо, некоторые из них в большей степени мужчины, некоторые — женщины, некоторые амбиваленты. Души. Индивидуальности.

Д е р е в ь я.

Безымянные деревья сектора Ц искушали его привязаться к ним. Это толстое будет Буддой, то — Эйбом Линкольном, а ты, ты — Вильгельмом-завоевателем, а...

Д е р е в ь я.

Он сделал над собой усилие и продолжил осмотр рощи, чтобы удостовериться, что за ночь бродящие вокруг животные не нанесли большого ущерба фруктам. Он просматривал информацию, поступающую с сенсоров внутри деревьев, взглянул на мониторы, показывающие уровень сахара, степень ферментации, процент поступающего марганца — все тщательно сбалансированные жизненные процессы, на которых покоились прибыли плантации. Холбрук сдавал фрукты на приемный пункт около прибрежного космопорта, где они перерабатывались в сок, который затем отправлялся на Землю. Холбрук не принимал в этом никакого участия; он был поставщиком фруктов и все. Он прожил здесь десять лет и не собирался заниматься ничем другим. Это была спокойная жизнь, одинокая жизнь, но жизнь, которую он выбрал сам.

Он переключал сканнеры с сектора на сектор, пока не уверился,

что на плантациях все в порядке. На прощание он включил ручей и поймал Наоми как раз в тот момент, когда она выходила из воды. Она взобралась на каменный выступ, нависающий над пенистым потоком, и трянула длинными, прямыми, шелковистыми с золотистым отливом волосами. Она сидела спиной к сканнеру. Холбрук с удовольствием глядел, как подрагивают ее мускулы. На спину ей падала тень. Солнечный зайчик плясал на тонкой талии, вдруг вспыхивал на бедрах, на тугих холмиках ягодич. Ей было пятнадцать лет. Ее послали провести месяц летних каникул в дядей Зеном; она проводила это время с джутовыми деревьями. Ее отцом был старший брат Холбрука. До этого Холбрук видел Наоми лишь дважды. Один раз — когда она была еще совсем маленькой, другой раз — когда ей было шесть лет. Ему было нелегко согласиться на ее приезд, поскольку он совершенно не знал, как обходиться с детьми, да и не особенно жаждал компании. Но он не мог отклонить просьбу старшего брата. И она уже не была ребенком. Теперь она повернулась, и экран показал ему круглые яблочки ее груди, плоский живот, глубоко посаженный пупок и сильные гладкие бедра. Пятнадцать. Не ребенок. Женщина. Она не смущалась своей наготы, купаясь так каждое утро. Она знала про сканнеры. Холбруку было нелегко смотреть на нее. Могу ли я на нее глядеть? Не уверен. Ее вид вызывал в нем смутные мысли. Что за черт, я же ее дядя. По его лицу заходили желваки. Он твердил себе, что единственное чувство, испытываемое им при таком ее виде было лишь удовольствием и гордостью, что его брат создал нечто настолько прекрасное. Только восторг. Это все, что он мог себе позволить чувствовать. Она была загорелой, с медового цвета волосами, с островками розового и золотого. Она, казалось, излучала сияние, которое было ярче света раннего солнца. Холбрук вцепился в тумблер. Я слишком долго жил один. Моя племянница. Племянница. Совсем ребенок. Ей всего пятнадцать лет. Прекрасная. Он закрыл глаза, приоткрыл их чуть-чуть и закусил губу. Ну, давай, Наоми, одевайся же!

Когда она натянула шортики и распашонку, это было словно солнечное затмение. Холбрук отключил инфоцентр, сошел вниз, прихватив по дороге пару капсул с завтраком, и вышел из дому. Из гаража выкатился небольшой блестящий жук. Холбрук вскочил на него и поехал пожелать племяннице доброго утра. Она все еще была у ручья, забавляясь с многоногим пушистым зверьком, размером с кошку, извивающимся в невысоком корявом кустарнике.

— Погляди только на него, дядя Зен,— закричала она.— Это кот или гусеница?

— Ну-ка, отойди сейчас же! — рявкнул он с такой неистовостью, что она тотчас же отпрянула в сторону. Игольное ружье было уже у него в руке, и палец его лежал на спусковой кнопке. Зверек продолжал резвиться в кустарнике.

Наоми взяла Холбрука за руку и хрипло сказала:

— Не убивай его, дядя Зен. Он опасный?

— Не знаю.

— Пожалуйста, не убивай его.

— Неписанное правило этой планеты,— сказал он.— Все, что имеет хребет и более дюжины ног, скорее всего, опасно.

— Скорее всего,— насмешливо произнесла она.

— Мы здесь знаем еще не всех животных. Этого вот мне раньше видеть не приходилось, Наоми.

— Он слишком хорошенький, чтобы быть опасным. Ну же, убери свое ружье.

Он спрятал ружье в кобуру и подошел к зверьку. Когтей нет, зубы маленькие, тельце хилое. Плохо: никаких видимых средств защиты, так что, скорее всего, он прячет в своем пушистом хвосте ядовитое жало. Это свойственно большинству местных многоножек. Холбрук сломал длинный прут и ткнул им зверька.

Молниеносный ответ. Шипение, рычание, задний конец туловища изогнулся — ш-ш-а! — и похожее на фитиль жало вонзилось в прут. Когда хвост возвратился на место, по пруту скатывались капли красноватой жидкости. Холбрук шагнул назад; глаза животного со злобой следили за ним и, казалось, молили об одном: чтобы он оказался в зоне досягаемости.

— Пушистый,— произнес Холбрук.— Хорошенький. Наоми, ты хочешь дожить до светлого шестнадцатилетия?

Она стояла бледная, потрясенная той яростью, с которой зверек набросился на прут.

— Он казался таким ласковым,— проговорила она.— Почти ручным.

Он на полную мощность повернул регулятор лучевого ружья и прожег зверьку голову. Тот вывалился из кустарника, выпрямился и больше не шевелился. Наоми стояла с опущенной головой. Холбрук позволил своей руке опуститься ей на плечи.

— Мне очень жаль, золотко,— сказал он.— Я не хотел убивать твоего маленького друга. Но глядишь, через минуту он убил бы тебя. Считай ноги, когда играешь с дикими животными. Я уже говорил тебе об этом. Считай ноги.

Она кивнула. Это будет ей хорошим уроком. Не доверяй внешнему виду. Зло есть зло. Холбрук чертил ногой по медно-зеленому дереву и раздумывал, что значит в пятнадцать лет прикоснуться к грязным реальностям Вселенной. Наконец, он поднял голову и очень мягко сказал:

— Пойдем-ка, навестим Платона, а?

Наоми моментально просветлела. Другая сторона молодости: быстрая отходчивость.

Они остановили жука рядом с рошей сектора Д и дальше пошли

пешком. Деревьям не нравилось, когда между ними разъезжали моторизированные устройства. На глубине всего в несколько дюймов все они соединялись запутанной сетью тонких волоконцев, игравших роль нервов. Вес человека не причинял деревьям никакого беспокойства, въезжающий в рощу жук всегда вызывал хор возмущенных голосов. Наоми шла босой. Следующий за ней Холбрук был обут в высокие шнурованные ботинки. Он чувствовал себя неимоверно большим и неуклюжим всякий раз, когда бывал рядом с ней. Он был довольно грузен, а ее легкость подчеркивала его размеры еще больше.

Она играла с деревьями в свою игру. Он представил ее всем им, и сейчас она шла по роще, приветствуя Алкивиада, Гектора, Сенеку, Генриха-VIII, Томаса Джефферсона и Короля Тутта. Наоми знала деревья не хуже его самого, а, может быть, и лучше. Они тоже ее знали. Она шла меж деревьями, и они слегка дрожали, словно от ветра, и щебетали, и прихоращивались, вытягивая свои конечности на особый лад, стараясь казаться выше и миловиднее. Даже суровый Сократ, этот старый пень, и тот, казалось, старался приглынуться. Наоми подошла к большому серому ящику посредине рощи, куда роботы каждую ночь складывали нарубленные куски мяса, и вытащила несколько кусков для своих любимцев. Кубики красной сырой плоти. Она взяла, сколько поместилось в руках, и вихрем помчалась по роще, бросая их своим друзьям. «Нимфа в саду твоём», — подумал Холбрук. Она бросала куски высоко, сильно, энергично. Когда они взлетали, от того или иного дерева протягивался усик, чтобы схватить лакомство на полпути и отправить его в разинутый рот. Мясо не было н е о б х о д и м о деревьям, но они любили его, а всем фермерам было известно, что чем лучше дерево кормить, тем лучший сок оно дает. Холбрук давал деревьям мясо трижды в неделю, только сектор Д был у него на ежедневном довольствии.

— Не пропусти кого-нибудь, — напомнил Холбрук.

— Ты же знаешь, что не пропущу.

Ни один кусок не упал на землю. Когда за один и тот же кусок мяса хватались сразу два дерева, разворачивалась небольшая схватка. Не все деревья были дружны между собой. Так, черная кошка пробежала между Цезарем и Генрихом-VIII, а Катон открыто не любил Сократа и Алкивиада, хотя и по разным причинам. До сих пор Холбрук и его помощники находили иногда по утрам на земле оторванные конечности. Обычно же конфликтующие деревья довольно терпеливо переносили соседство друг друга. Иначе они и не могли, приговоренные вечно быть рядом. Холбрук попытался как-то рассадить два дерева сектора Ф, находящихся в состоянии смертельной вражды, и теперь знал, что выкопать взрослое дерево — это убить его и повредить нервные окончания тридцати его ближайших соседей.

Пока Наоми кормила деревья, разговаривала с ними и поглаживала их чешуйчатые стволы, лаская их на тот манер, как можно ласкать ручного носорога, Холбрук потихоньку разложил телескопический пробник, чтобы взять листья для анализа на ржавку. Конечно, в этом было мало толку. Ржавку на листьях не заметишь, пока она не поразит корневую систему дерева. Те оранжевые пятнышки, которые, как он думал, он видел, скорее всего были просто игрой его воображения. Через час-другой придет ответ из лаборатории, и он будет знать все, что нужно — либо плохое, либо хорошее. Все же Холбрук не мог удержаться. Он, извинившись, срезал пучок листьев с нижних ветвей Платона и принялся вертеть их в руках, царапая ногтем гляцевитую внутреннюю поверхность. Что это за крохотные красноватые включения? Он всячески старался отместить возможность появления ржавки. Чтобы чума, скачущая с планеты на планету, ударила по нему, выбросила его за борт? Рычаг поддерживал его плантацию: немножко своих денег, но большая часть — из банка. Этот же рычаг мог обернуться против него. Стоит только позволить ржавке пройти по плантации и убить определенное количество деревьев, как его акции упадут ниже залоговой стоимости, и банк лишит его поддержки. В этом случае его могут нанять, и он останется здесь управляющим. Он слышал, что такие вещи иногда случаются.

Платон тяжело прошелестел листьями.

— Что с тобой, старина? — ласково спросил Холбрук. — Заразился? Что-то чудное куврыкается в кишках? Знаю, знаю. У меня у самого такое же чувство. Нам остается теперь лишь быть философами. И мне, и тебе, — он бросил срезанные листья на землю и потянулся пробником к Алкивиаду. — Ну-ка, красавчик, ну-ка. Дай-ка взглянуть. Я не буду срезать твоих листьев, — он представил, как закричало и затряслось бы гордое дерево. — Слегка щекочет здесь, а? И ты заразился. Верно? — Ветви дерева были плотно сомкнуты, словно Алкивиад жался от сильной боли. Холбрук побрел дальше. Пятна ржавки были более заметны, чем вчера. Итак, это не игра воображения. В секторе Д зараза. Можно не ждать ответа из лаборатории. Он почувствовал странное спокойствие при этой мысли, хотя она означала его крах.

— Дядя Зен!

Он оглянулся. Наоми стояла рядом с пробником, сжимая в руке почти спелый плод. Было в этом нечто противоестественное. Фрукты были ботанической шуткой, форма их была явно фаллической, поэтому дерево с сотней или около того торчащих во все стороны созревающих плодов выглядело, словно толпа голых мужчин, и все гости находили это весьма забавным. Но вид руки пятнадцатилетней девочки, так основательно сжимающей подобный предмет, был попросту неприличен и нисколько не забавен. Наоми никогда не обращала внимания на форму фруктов, вот и сейчас она была нимало не

смущена. Сперва он объяснил это ее наивностью и застенчивостью, но потом, когда узнал ее лучше, начал подозревать, что она просто делает вид, что не замечает этой похожести, щадя его чувства. Пока он думал о ней, как о ребенке, она и вела себя, как ребенок, понимая он. Чарующая сложность своих собственных мыслей по поводу ее позиции несколько дней занимала его воображение.

— Где ты его нашла? — спросил он.

— Здесь. Это Алкивиад уронил.

Грязный шутник, подумал Холбрук. Вслух он спросил:

— Ну и что ты скажешь?

— Он спелый. Пора обирать эту рощу, правда? — Наоми сжала плод рукой, и Холбрук почувствовал, как вспыхнуло его лицо. — Погляди, — сказала она и бросила ему плод.

Она была права: дней через пять в секторе Д можно было собирать урожай. Это не доставило ему радости: налицо был еще один признак болезни, про которую он и так уже знал.

— Что случилось? — спросила Наоми.

Он прыжком преодолел разделяющее их расстояние и подобрал пучок листьев, срезанных с Платона.

— Видишь эти пятнышки? Это ржавка. Бич джутовых деревьев.

— Нет!

— Последние пятьдесят лет она поражает систему за системой. Вот она дошла и сюда вопреки всем карантинам.

— Что происходит с деревьями?

— Ускоряется обмен веществ, — ответил Холбрук. — Поэтому фрукты и стали падать. Деревья ускоряют все свои процессы, пока не начинает проходить год за пару недель. Они становятся стерильными. Они сбрасывают листву. Шесть месяцев спустя они умирают. — У Холбрука опустились плечи. — Я начал подозревать это уже два или три дня назад. Теперь знаю наверняка.

Она выглядела заинтересованной, но не более.

— Что ее вызывает, дядя Зен?

— Начинается все с вируса, который меняет столько хозяев, что я даже не назову тебе всю цепочку. Тут существуют очень сложные взаимосвязанные отношения. Вирус поселяется в растениях и попадает в их семена, съедается грызунами, попадает в их кровь, дальше его переносят кровососущие насекомые, от которых он попадает к млекопитающим... а, черт, на что нужны эти подробности? Восемьдесят лет уйдет только на то, чтобы проследить всю эту последовательность. Главная беда в том, что не удастся изолировать ни одну планету от этой чумы. Она вдруг где-то проскальзывает, приживается на какой-то форме жизни. Теперь она добралась и сюда.

— Я полагаю, ты будешь опрыскивать плантацию?..

— Нет.

—...Чтобы убить ржавку. А как от нее лечат?

— Никак,— ответил Холбрук.

— Но...

— Знаешь, мне надо вернуться домой. Ты сможешь заняться чем-нибудь без меня?

— Ну, конечно,— она показала на мясо.— Я еще не кончила их кормить. Сегодня они что-то особенно голодны.

Он хотел было сказать ей, что теперь-то уж нет никакого смысла кормить деревья, что все они к вечеру будут мертвы. Но инстинкт предостерег его от этого: слишком сложно было бы объяснить все сейчас. Он выдавил быструю безрадостную улыбку и побрел к жуку. Когда он оглянулся, она бросала здоровенный кусок мяса Генриху-VIII, стремительно схватившему его и отправившему в рот.

Ответ лаборатории выскользнул из прорези в стене примерно часа через два и только подтвердил страшную догадку Холбрука: ржавка. Весть разнеслась по всей планете, и очень скоро у Холбрука собралось с дюжину гостей. Для планеты с населением менее четырех сотен человек это многочисленная компания. Губернатор округа, Фред Лейтфрид, не поленился прийти первым. Следом за ним явился земельный комиссар, которого тоже звали Фред Лейтфрид. Появилась делегация Союза производителей Сока в количестве двух человек. Пришел Мортенсен, человек с резиновым лицом, владеющий перерабатывающим заводом, Химскерк с экспертной линии, представитель банка и страховой агент. Немного позже появились двое соседей. Они сочувственно улыбались, дружески похлопывали его по плечу, но под их сочувствием, если копнуть поглубже, пряталась скрытая враждебность. Конечно, они никогда не сказали бы этого вслух, но Холбруку не надо было быть телепатом, чтобы прочитать их мысли:

— Избавляйся от этих деревьев, пока они не заразили всю эту чертову планету.

На их месте и он думал бы точно так же. Хотя зараза и достигла планеты, дела обстояли не так уж и плохо. Все еще можно было поправить; соседние плантации можно было спасти, да и его собственные деревья, не тронутые заразой, тоже... Если только он не будет сидеть сложа руки. Если бы у его соседа появилась ржавка, вряд ли он вел бы себя терпеливее этих двоих.

Фред Лейтфрид, высокий бледнолицый мужчина с голубыми глазами, имеющий подавленный вид, даже если происходило что-то радостное, теперь вообще, казалось, был готов удариться в слезы. Он сказал:

— Зен, я объявил общепланетную тревогу. Минут через тридцать биологи будут готовы начать обрыв цепи переносчиков. Мы начнем с твоей плантации и пойдем по все увеличивающемуся радиусу,

пока не изолируем весь квадрат. После этого можно будет надеяться на лучшее.

— Кого же вы собираетесь уничтожить в первую очередь? — спросил Мортенсен, покусывая нижнюю губу.

— Прыгунов, — ответил Лейтфрид. — Они тут самые большие, за ними легче всего охотиться, и мы знаем, что они — потенциальные переносчики ржавки. Если они еще не подцепили вирус, мы сможем оборвать цепь и, возможно, чума нас минует.

Холбрук произнес лишенным выражения голосом:

— Речь идет об уничтожении примерно миллиона особей.

— Я знаю, Зен.

— Вы думаете, что вам удастся это сделать?

— Мы должны будем это сделать. Кроме того, — добавил Лейтфрид, — планы на этот случай давным-давно разработаны, так что все готово. Еще до вечера мы накроем полпланеты смертельным для прыгунов облаком.

— Этот чертов стыд, — пробормотал представитель банка. — Они ведь такие миролюбивые существа.

— Но теперь они опасны, — возразил один из фермеров. — Поэтому лучше от них избавиться.

Холбрук нахмурился. Он любил прыгунов. Это были крупные крокодилоподобные животные размером почти с медведя, пасущиеся в никому не нужном кустарнике и не причиняющие никакого вреда человеку. Считалось, что они могут переносить вирус, а из опыта других планет было известно, что уничтожение одного из основных звеньев цепи, по которой шло продвижение вируса, могло остановить распространение ржавки. Вирус погибал, если не мог найти подходящего хозяина для очередной ступени своего жизненного цикла. Наоми без ума от прыгунов, подумал он. Она сочтет нас ублюдками, если мы их уничтожим. Но мы должны спасти деревья. Будь мы настоящими ублюдками, мы выбили бы прыгунов еще до того, как здесь появилась ржавка, просто для того, чтобы на всякий случай обезопасить себя.

Лейтфрид повернулся к нему.

— Ты знаешь, что тебе надо делать, Зен?

— Да.

— Тебе нужна помощь?

— Лучше я сделаю все сам.

— Я могу дать тебе человек десять.

— Когда ты начнешь? — спросил Борден, фермер, чья плантация граничила с землями Холбрука на востоке. Их владения разделяло пятьдесят миль кустарника. И нетрудно было догадаться, почему сосед так беспокоится о защитных мерах.

Холбрук ответил:

— Ну, я думаю через час начать. Я сделаю все сам. Я до-

л же н это сделать. Это мои деревья. Но я должен сперва немного посчитать. Фред, ты не поднимаешься со мной помочь мне определить зараженную зону?

— Конечно.

Вперед выступил представитель страховой компании.

— Пока вы не ушли, мистер Холбрук...

— Да?

— Я только хотел сказать, что мы полностью вас поддерживаем.

Мы всегда с вами.

«Идите вы к черту! — мысленно выругался Холбрук. — Для чего же существуют страховые компании, как не для поддержки?» Но вслух он пробормотал слова благодарности и изобразил на лице дружескую улыбку.

Представитель банка не произнес ни слова. Холбрук был благодарен ему за это. Позднее придет время поговорить об обеспечении, новых векселях и тому подобных вещах. Сперва надо будет посмотреть, что уцелеет от плантации после принятия требуемых мер безопасности.

Они зажгли все экраны инфоцентра. Холбрук отметил сектор Д и вынул результаты моделирования на компьютере. Ввел в машину ответ из лаборатории.

— Вот зараженные деревья, — сказал он, рисуя на экране круг световым карандашом. — Их около пятидесяти. — Он начертил большой круг. — Это зона возможного заражения: еще восемьдесят-сто деревьев. Что ты на это скажешь, Фред?

Губернатор округа взял у Холбрука световой карандаш и коснулся им экрана. Он очертил третий круг, захвативший почти весь сектор.

— Эти тоже, Зен.

— Здесь четыре сотни деревьев.

Холбрук пожал плечами.

— Тысяч семь-восемь. Ты хочешь потерять и все остальные?

— О'кэй, — согласился Холбрук. — Тебе нужна полоса безопасности вокруг зараженной зоны. Стерильный пояс.

— Да.

— Что толку? Если вирус может падать с неба, стоит ли беспокоиться...

— Не говори так, — перебил его Лейтфрид. Его лицо все более вытягивалось, воплощая печаль и отчаяние всей Вселенной, крушение всех надежд вообще. Его вид соответствовал глубоко удрученному состоянию души. Но когда он заговорил, голос его прозвучал твердо.

— Зен, у тебя два пути. Либо ты пойдешь в рощу и сожжешь ее, либо ты сдашься, и пусть ржавка жрет все подряд. Если ты выберешь первое, ты спасешь большую часть того, что имеешь. Если ты

сдашься, будем жечь мы, чтобы спасти себя. Мы ведь не остановимся на четырехстах деревьях.

— Я иду,— проговорил Холбрук.— Не беспокойся за меня.

— Я и не беспокоюсь. Совершенно.

Пока Холбрук отдавал приказания роботам и готовил необходимое оборудование, Лейтфрид нажимал клавиши пульта, осматривая всю плантацию. Через десять минут Холбрук был готов.

— Там, в зараженном секторе, девушка,— сказал Лейтфрид.— Твоя племянница.

— Да, Наоми.

— Хорошенькая. Сколько ей лет, восемнадцать, девятнадцать?

— Пятнадцать.

— Ну и фигурка у нее, Зен.

— Что она делает? — спросил Холбрук.— Все еще кормит деревья?

— Нет, она лежит под одним из них. Похоже, разговаривает. Может, рассказывает им сказочку? Я включу звук?

— Не надо. Она любит играть с деревьями. Знаешь, она дает им имена и воображает, что у них есть индивидуальности. Чепуха всякая.

— Конечно,— согласно кивнул Лейтфрид. Глаза их на мгновение встретились. Холбрук уставился в пол. Деревья о б л а д а л и индивидуальностями, и каждый, кто имел дело с соком, знал это. Наверное, было не так уж мало фермеров, которые относились к деревьям лучше, чем к людям. Чепуха? Просто о некоторых вещах не говорят вслух.

Бедная Наоми, подумал он.

Он оставил Лейтфрида в инфоцентре и вышел через задний ход. Роботы сделали все так, как он велел: в кузове грузовика, с которого он обычно опрыскивал деревья, вместо бака с химикатами стоял огнетушитель. Пара блестящих маленьких аппаратов шныряла рядом, ожидая, что он позволит им запрыгнуть в кузов. Он отогнал их прочь и сел за пульт управления. Холбрук включил приборы, и на щитке зажегся небольшой экран; сидящий в инфоцентре Лейтфрид помахал ему рукой и переключил экран на изображение рощи с тремя концентрическими окружностями, показывая ему зараженные деревья, те, у которых мог сейчас быть инкубационный период, и те, которые надлежало выжечь, чтобы создать зону безопасности.

Грузовик покати к роще.

Была середина дня, который, казалось тянулся уже вечность. Солнце, большее по размерам и слегка более оранжевое, чем то, под которым он родился, неподвижно висело над головой и, похоже, совсем не собиралось заглядывать за горизонт. День был жарким, но чем ближе к роще, где сплошной покров смыкающихся ветвей укрывал почву от яростного жара, тем в кабине становилось прохладнее.

Во рту у него пересохло. Левый глаз нервно дергался, и он ничего не мог с этим поделать. Холбрук вел грузовик вручную, объезжая рощи секторов А, Б и Г. Деревья, видя его, тихо шевелили конечностями. Они приглашали его выйти из кабины, походить среди них, похлопать по их стволам, приговаривая, что все они отличные ребята. Но сейчас у него просто не было на это времени.

Пятнадцать минутами позднее он во второй раз сегодня был на северной стороне сектора Д. Он остановил грузовик у края роши; оттуда его не было видно, не было видно и огнемёт. Совершенно не видно.

Он въехал в обреченную рошу.

Наоми куда-то пропала. Он хотел поговорить с ней до того, как приступит к делу. Еще он собирался сказать прощальную речь. Холбрук вылез из кабины и медленно пошел по центральной аллее.

Как прохладно было здесь, несмотря на полуденный зной! Как сладко пах здешний воздух! Почва под ногами была густо покрыта плодами. За последнюю пару часов их нападало огромное количество. Он подобрал один. Зрелый. Холбрук профессиональным движением разломил его пополам и поднес к губам спелую мякоть. В рот брызнул сок, густой и сладкий. Он перепробовал за свою жизнь достаточно плодов, чтобы сразу же определить: продукция первого класса. То, что он выпил, было гораздо меньше галлюциногенной дозы, однако дало ему состояние слабой эйфории, достаточное, чтобы пройти через предстоящий кошмар.

Он взглянул на кроны деревьев. Все они были туго сжаты. Деревья выглядели встревоженными.

— У нас беда, ребята, — сказал Холбрук. — Ты, Гектор, уже знаешь. В рошу пришла болезнь. Вы и сами, наверное, это чувствуете. Помочь вам нельзя. Все, на что я надеюсь, это спасти остальные деревья, те, которые еще не подхватили ржавку. О'кэй? Вы все поняли? Платон? Цезарь? Я вынужден это сделать. Я отниму у вас всего лишь несколько недель жизни, но это может спасти тысячи других деревьев.

Яростный шелест ветвей. Алкивиад презрительно растопырил конечности. Верный и честный Гектор выпрямился, готовясь принять удар. Сократ, приземистый и корявый, казалось, тоже был готов к неизбежному концу. Цикута или огонь, какая разница? Крито, я должен петуха Асклепию. Цезарь, похоже, был в ярости. Платон словно собирался пасть в ноги. Они все всё поняли. Он ходил по роще, похлопывая их по стволам, поглаживая их шершавую кору. Он начинал с этой роши. Он надеялся, что эти деревья переживут его.

Наконец, он сказал:

— Я не буду говорить долго. Все, что мне остается сказать, это: «Прощайте». Вы были отличными ребятами и принесли много пользы. Теперь пришло ваше время, и мне чертовски вас жаль. Вот и все.

Хотел бы я, чтобы этой необходимости не было,— он обвел рощу взглядом.— Конец речи. Прощайте.

Он повернулся и медленно побрел к грузовику. Залез в кабину, соединился с инфоцентром и спросил Лейтфрида:

— Где сейчас Наоми?

— К югу от тебя, в соседнем секторе. Она кормит деревья,— он преключил изображение на экран Холбрука.

— Выключи звук.

Когда это было сделано, Холбрук обратился к племяннице:

— Наоми, это я, дядя Зен.

Она оглянулась, остановившись в тот самый момент, когда собиралась бросать кусок мяса.

— Подожди чуть-чуть,— сказала она.— Екатерина-II голодна, а она не простит, если я забуду про нее.— Мясо взмыло вверх, было схвачено и отправлено в рот.— О'кэй,— сказала Наоми.— Что там такое?

— Я думаю, тебе лучше было бы вернуться домой.

— Я еще не покормила столько деревьев!

— Покормишь потом.

— Дядя Зен, а что случилось?

— Мне надо сделать кое-какую работу, и лучше бы тебе на это время уйти.

— А ты где сейчас?

— В секторе Д.

— Может, я помогу тебе? Я ведь сейчас совсем рядом и быстро приду.

— Не т. Отправляйся домой,— вылетевшие слова прозвучали резким приказом. Он никогда раньше так с ней не разговаривал. Она была удивлена, однако послушно села в своего жука и поехала к домику. Холбрук следил за ней, пока она не исчезла с экрана.

— Где она? — спросил он Лейтфрида.

— Едет домой. Вон она на дороге.

— О'кэй,— отозвался Холбрук.— Займи ее, пока все не кончится. Я начинаю.

Он повел огнеметом, направляя его куцый ствол в середину посадки. В его приземистом корпусе в магнитной ловушке висел кусочек вещества солнца, энергия которого могла сжечь сотни таких рощ. Огнемет вообще не имел ничего общего с оружием, поскольку он не конструировался как таковое. Пора, впрочем, было начинать. Ему нужна была крупная цель. Он выбрал Сократа, стоящего на опушке, навел огнемет, немного поколебался, соображая, как бы лучше сделать то, что ему предстояло, и положил палец на спусковую кнопку. Нервный центр дерева находился в кроне, за ртом. Один выстрел...

В воздухе зашипела дуга белого пламени. На мгновение уродли-

вая крона Сократа вспыхнула ярчайшим светом. Быстрая смерть, легкая смерть, лучше, чем гнить от ржавки. Теперь Холбрук повел огненную линию вдоль ствола мертвого дерева. Древесина оказалась прочнее, чем он думал. Он водил и водил излучателем, а конечности, ветви и листья скручивались и падали наземь, пока не остался один лишь ствол. Над рошей поднялись маслянистые клубы дыма. Блеск луча перечеркивал черноту обнаженного ствола, и Холбрук удивился тому, насколько мощным оказался ствол старого философа, лишенный ветвей. Теперь он был лишь головешкой, вот он сжался, и только пепел закружился по роше.

Деревья отозвались страшным стоном.

Они знали, что среди них появилась смерть, и они почувствовали боль Сократа своими корнями-нервами. Они кричали в страхе, муке и ярости.

Холбрук навел огнемёт на Гектора.

Гектор был большим деревом, бесстрастным, стойким, не нытиком и не жалобщиком. Холбруку хотелось, чтобы смерть его была легка, он заслужил это, но желанию его не было суждено сбыться. Первый луч прошел в футах восьми выше мозгового центра, и страшный вопль соседних деревьев возвестил о том, что должен был чувствовать Гектор. Холбрук увидел бешено колотящие воздух конечности, открывающийся и закрывающийся в невыносимой муке рот. Второй выстрел положил конец мучениям Гектора. Холбрук был почти спокоен, завершая уничтожение этого благородного дерева.

Он был снова готов открыть огонь, когда в его грузовик чуть не врезался жук, из которого выскочила Наоми — с раскрасневшимися щеками, широко раскрытыми глазами, близкая к истерике.

— Не надо! — закричала она. — Не надо, дядя Зен! Не убивай их!

Она прыгнула в кабину, с неожиданной силой схватила его за руки и крепко прижалась к нему. Она задыхалась, ее грудь тяжело вздымалась, ноздри раздувались.

— Я велел тебе отправляться домой! — рявкнул он.

— Я и поехала. Но я увидела пламя.

— Сейчас же возвращайся.

— Зачем ты сжигаешь деревья?

— Потому что они заражены ржавкой, — ответил он. — Их надо сжечь, пока зараза не пошла дальше.

— Это у б и й с т в о.

— Наоми, пойми, тебе надо вернуться.

— Ты убил Сократа, — прошептала она, оглядев рошу. — И... Цезаря? Нет. Гектора. Гектора тоже больше нет. Ты убил их!

— Это не люди. Это деревья. Больные деревья, которые все равно скоро умрут. Я хочу спасти остальные.

— Но зачем убивать их? Ведь есть же какое-нибудь лекарство,

которое их вылечит, дядя Зен? Опрыскай их чем-нибудь. Ведь сейчас же от всего есть лекарства.

— Только не от ржавки.

— Должно же быть что-нибудь.

— Только огонь,— ответил Холбрук. Холодные капли стекали по его груди, и он только сейчас почувствовал дрожь в ногах. Тяжело делать такие вещи в одиночку. Он сказал спокойно, как только мог:

— Наоми, это надо сделать, и как можно быстрее. У меня нет выбора. Я люблю эти деревья не меньше твоего, но их надо сжечь. Это как та многоножка с жалом в хвосте. Я не мог сентиментальничать с ней только потому, что она такая хорошенькая. Она была опасной. Теперь Платон, Цезарь и остальные грозят всему, что я имею. Они чумные. Возвращайся домой и сиди там, пока я не вернусь.

— Я не позволю убить их! — вызывающе воскликнула она со слезами в голосе.

Он раздраженно схватил ее за плечи, тряхнул как следует пару раз и вышвырнул из кабины. Она упала на спину но, похоже, не ушиблась. Холбрук выпрыгнул следом и остановился над ней.

— Черт тебя подери, Наоми,— сказал он жестко,— не заставляй меня бить тебя. Не лезь не в свое дело. Я должен сжечь эти деревья, и если ты не перестанешь мешать мне...

— Должен же быть другой способ. Ты просто позволил этим людям запугать тебя, дядя Зен. Они боятся заразы и поэтому говорят, что деревья надо поскорее сжечь, а ты, вместо того, чтобы подумать, идешь сюда и убиваешь эти умные, чувствительные, хорошие...

— Деревья,— оборвал он.— Это невыносимо, Наоми. В последнее время...

Вместо ответа она прыгнула в кузов и прижалась грудью к стволу огнемёта, к металлу.

— Если ты собираешься стрелять, начинай с меня!

Все его слова были как об стенку горох. Она решила сыграть романтическую роль Жанны д'Арк джутовых деревьев, призванной спасти рощу от нападения варваров. Он снова попытался убедить ее. Она снова ответила, что не видит необходимости в уничтожении рощи. Он, призвав на помощь все самообладание, принялся объяснять ей, почему деревья спасти невозможно. Она с неистовым упорством возражала, что должен же быть какой-нибудь другой выход. Он ругался. Он называл ее истеричной дурой. Он просил. Он улещал. Он приказывал. Она только теснее прижималась к огнемёту.

— Я не могу больше терять времени,— сказал он наконец.— В моем распоряжении считанные часы, иначе я лишусь всей плантации,— вытащив из кобуры игольный пистолет, он снял его с предохранителя и навел на Наоми.— Слезай,— холодно приказал он.

Она рассмеялась.

— Неужели ты думаешь, я поверю, что ты выстрелишь?

Она была права. Он стоял, шипя от злости, с побагровевшим лицом, растерянный, чувствуя, что еще немного — и он станет абсолютно невменяемым. Его угрозы были пустыми словами, и она это понимала. Неожиданно Холбрук одним махом взлетел на грузовик, схватил Наоми за плечи и попытался отодрать ее от огнемета.

Она оказалась довольно сильной, и его попытка сорвалась.

Хотя он без особого труда оторвал Наоми от огнемета, но сбросить ее на землю оказалось удивительно трудным делом. Он не собирался бить ее всерьез и поэтому никак не мог одержать верх. Ею двигала сила истерики; казалось, вся она состояла из локтей и нацеленных в глаза пальцев. Ему на мгновение удалось схватить ее. Почувствовав с испугом, что он сжимает в ладонях ее грудь, он тут же выпустил ее, смущенный и растерянный. Она отпрыгнула в сторону. Он бросился следом, снова схватил ее и понял, что на этот раз ему удастся перебросить ее через борт грузовика. Наоми прыгнула сама, легко приземлилась и бросилась в рошу.

Итак, она перехитрила его. Он бросился за ней, замешкавшись на мгновение, потому что потерял ее из виду. Он обнаружил ее рядом с Цезарем, к стволу которого она прижималась, не в силах оторвать глаз от куч пепла на месте Гектора и Сократа.

— Ну, давай,— сказала она.— Жги рошу! Только заодно тебе придется сжечь и меня!

Холбрук бросился на нее. Она отпрянула в сторону и метнулась мимо него к Алкивиаду. Он поднажал и почти схватил ее, но потерял равновесие и замахал руками, чтобы не упасть, все равно продолжая падать.

Что-то похожее на длинную жесткую проволоку обвилось вокруг его плеч.

— Дядя Зен! — закричала Наоми.— Это дерево... Алкивиад...

Он почувствовал себя парящим над землей. Алкивиад обвил его хватательным усиком и поднимал вверх, к кроне. Дерево едва справлялось с непривычной тяжестью, но на помощь пришел второй усик; и Алкивиаду стало легче. Холбрук висел теперь в дюжине футов над землей.

Случаи нападения деревьев на людей чрезвычайно редки. Их известно не более пяти за все то время, что человек выращивает джутовые деревья. В каждом случае пострадавший делал что-то такое, что воспринималось рошей как враждебные действия. Например, кто-то пытался отсадить больное дерево.

Человек, конечно, великоват для дерева, но не слишком...

Наоми кричала, а Алкивиад поднимал Холбрука все выше и выше. Холбрук уже слышал над собой клцание клыков. Дерево готовилось расправиться с ним. Алкивиад тщеславный, Алкивиад непостоянный, Алкивиад непредсказуемый... Нечего сказать, подходя-

щее имечко. Но можно ли назвать предательством акт самозащиты? Алкивиаду страшно хотелось жить. Он видел судьбу Гектора и Сократа. Холбрук взглянул вверх, на приближающиеся клыки. Так вот что меня ждет, подумал он. Быть съеденным собственными деревьями. Своими любимцами. Своими друзьями. Стоило ли их так жалеть? Они же хищники. Тигры с корнями.

Алкивиад вскрикнул.

В то же мгновение один из усиков, обвившихся вокруг Холбрука, разжал свою хватку. Он слетел вниз футов на двадцать, прежде чем второй усик, успев напрячься, удержал его в нескольких ярдах от земли. Когда к нему вернулось дыхание, Холбрук посмотрел вниз и понял, что случилось. Наоми подобрала игольный пистолет, выроненный им, когда дерево схватило его, и пережгла усик. Она снова прицелилась. Снова закричал Алкивиад, смятенно задвигал конечностями в кроне. Холбрук пролетел оставшиеся ярды и тяжело ухнул на кучу полусгнивших листьев. В то же мгновение он перевернулся и сел. Похоже, переломов нет. Наоми стояла рядом, и руки ее свисали вдоль туловища. В правой руке у нее был пистолет.

— Ты в порядке? — спросила она ровным голосом.

— Похоже, отделался ушибами, — он начал подниматься. — Я твой должник, — сказал он. — Еще минута, и я был бы во рту Алкивиада.

— Я совсем было позволила ему съесть тебя, дядя Зен. Он просто защищался. Но я не смогла. Мне пришлось отстрелить ему усики.

— Да, да. Я твой должник, — он поднялся и сделал несколько неуверенных шагов в ее сторону. — Слушай, — сказал он, — отдай-ка мне пистолет, пока ты не сделала себе дыру в ноге, — и он протянул руку.

— Минутку, — сказала она с ледяным спокойствием и шагнула назад, едва он приблизился к ней.

— Ну что еще?

— Деловое предложение, дядя Зен. Я спасла тебя, верно? Мне не надо было этого делать. Но раз уж так получилось, оставь деревья в покое. По крайней мере, посмотри, что даст опрыскивание. Деловое предложение.

— Но...

— Ты сам сказал, что ты мой должник. Плати. Все, что мне надо, это обещание, дядя Зен. Если бы я не выстрелила, ты был бы мертв. Пусть и деревья живут.

Он подумал, не использует ли она пистолет против него.

Он долго молчал, взвешивая все «за» и «против», а потом произнес:

— Хорошо, Наоми. Ты спасла меня, и я не могу отказать тебе

в этой просьбе. Я не трону деревья. Я поищу, нельзя ли их чем-нибудь опрыснуть, чтобы убить ржавку.

— В самом деле, дядя Зен?

— Я клянусь. Всем, что есть святого. Ну, а теперь отдашь мне пистолет?

— Конечно,— всхлипнула она, и слезы потекли по ее пылающему лицу.— Конечно! Возьми! О господи, дядя Зен, как же все это ужасно!

Он взял оружие и поставил его на предохранитель. Она стояла совершенно безвольная, вся ее решимость вдруг куда-то улетучилась. Она шагнула, почти упала ему на руки, и он крепко сжал ее, ощущая дрожь ее тела. Он тоже задрожал, крепко прижимая ее к себе, чувствуя, как вонзаются в его тело острия ее молодых грудей. Мощная волна того, что он подсознательно определил как желание, захлестнула его с головой. Как мерзко, подумал он. И вздрогнул. Перед глазами закружились утренние видения: обнаженная Наоми и сияние ее влажных после купания, крепких, словно яблочки, грудей, упругих бедер. Моя племянница. Пятнадцать лет. Господи, помоги мне. Рука его скользнула по ее спине, остановилась на талии. Одежда ее была легка, и тело чувствовалось под ней чрезвычайно отчетливо.

Он грубо бросил ее наземь.

Она упала в кучу листьев, перевернулась и прижала руки к губам, когда он рухнул на нее. Она закричала, пронзительно и резко, когда его тело вдавило ее в листья. Во взгляде был страх, что он станет насиловать ее. Но он решил на другое. Он быстро перевернул ее на живот, схватил правую руку и завел ее за спину. Потом заставил ее сесть.

— Вставай,— приказал он и слегка завернул ей руку назад. Наоми поднялась.

— Теперь иди. К грузовику. Если понадобится, я сломаю тебе руку.

— Что ты делаешь? — чуть слышно прошептала она.

— К грузовику,— повторил он и еще больше заломил ей руку. Она зашипела от боли, но пошла.

В грузовике он вызвал Лейтфрида, не отпуская ее руки.

— Что случилось, Зен? Мы все видели, но...

— Слишком сложно объяснить. Девочка очень привязана к деревьям, вот и все. Пошли роботов, чтобы увести ее, о'кэй?

— Ты же клялся,— с трудом, задыхаясь от гнева, выговорила Наоми.

Роботы появились очень быстро. Исполнительные машины со стальными пальцами схватили Наоми за руки, посадили ее в жука и, не выпуская из своих лап, повезли ее к дому. Когда они скрылись из вида, Холбрук опустил на землю рядом с грузовиком, чтобы рас-

слабиться и привести в порядок мысли. Потом он снова забрался в кабину.

Первый, на кого он направил огнемёт, был Алкивиад.

* * *

Все заняло чуть больше трех часов. Когда он закончил, сектор Д представлял собой огромное пространство, заваленное пеплом, и широкая полоса пустоты отделяла ближайшую рощу здоровых деревьев от границы с зараженной зоной. Он пока не знал, удалось ли ему спасти плантацию. Но он сделал все, что мог.

Когда он возвращался домой, мозг его был уже не так занят воспоминаниями о теле Наоми, прижатом к его телу и обо всем том, о чем он думал, когда швырнул ее на землю. Да, у нее было тело женщины. Но сама она ребенок. Все еще ребенок, быстро привязывающийся к домашним животным. Не способный понять, почему в этом мире необходимость может перевешивать привязанность. Чему научилась она сегодня в секторе Д? Тому ли, что Вселенная частенько предоставляет лишь жесточайший выбор? Или только тому, что дядюшка, которого она так любила, оказался способным на предательство и убийство?

Ей дали успокоительное, но она не заснула, и когда он вошел в ее комнату, до подбородка укрылась простыней, закрывая пижаму. Взгляд ее был холоден и угрюм.

— Ты поклялся,— произнесла она с горечью.— А потом обманул меня.

— Я должен был спасти остальные деревья. Потом ты поймешь.

— Я понимаю только то, что ты солгал, дядя Зен.

— Прошу прощения. Ты простишь меня?

— Убирайся к черту,— ответила она, и его пробрал мороз от этих взрослых слов, слетевших с детских губ.

Он не мог больше с ней оставаться. Он вышел, поднялся наверх, где сидел Фред Лейтфрид.

— Все сделано,— тихо произнес он.

— Ты поступил как мужчина, Зен.

— Да, да.

Экран показывал пепел сектора Д. Он почувствовал тепло прижавшейся к нему Наоми. Увидел ее угрюмые глаза. Придет ночь, закружатся в темноте луны, засверкают созвездия, к виду которых он так и не смог привыкнуть. Может быть, он поговорит с ней снова. Постарается, чтобы она поняла. Пора отправлять ее обратно, пока она не закончила свое превращение в женщину.

— Дождь собирается,— сказал Лейтфрид.— Значит и фрукты скоро созреют, а?

- Чего уж лучше.
- Чувствуешь себя убийцей, Зен?
- О чем ты?
- Я знаю, знаю.

Холбрук принялся выключать сканнеры. Он сделал сегодня все, что было нужно. Он тихо проговорил:

— Фред, они были деревьями. Всего лишь деревьями. Деревьями, Фред, д е р е в ь я м и...

Скрываемый дар

Космопорт Мондаррана IV был невелик. Впрочем, чего вы хотите от захолустной окраинной планетки? Райгор Дейвисон подхватил с багажного транспортера свой одинокий чемоданчик и шагнул в сухой и ветренный зной полудня. Солнце, жаркое, типа «Г», висело высоко над головой, и пыльная коричневая дорога бежала, извиваясь, к маленькой серой деревушке, находящейся примерно в километре от аппендикса космопорта.

Поблизости, конечно же, не оказалось никого, кто бы его поприветствовал. Не слишком-то впечатляющая встреча, подумал он и зашагал по грязной дороге к деревушке, которой суждено было на пять лет стать его домом... Если он выживет.

Он не успел пройти и десяти футов, как услышал за спиной звук шагов, обернулся и увидел дочерна загорелого мальчишку, идущего по дороге. Лет ему было около одиннадцати, и вся его одежда состояла из золотистых плавок. Он, похоже, куда-то очень торопился.

— Эй, малыш! — окликнул его Дейвисон.

Мальчишка вопросительно посмотрел на него, замедлил шаг и остановился, слегка задыхаясь.

— Оттуда? — ткнул он большим пальцем в небо. — Я видел, как садился корабль.

Дейвисон улыбнулся.

— Оттуда. Куда спешим?

— Колдун, — вздохнул мальчишка. — То-то повертится! Начнут в полдень, не опоздать бы. Пойдемте быстрее...

Дейвисон напрягся.

— А что будет, малыш?

— Будут сжигать колдуна, — ответил мальчишка, отчетливо произнося слова. — Если хотите успеть, идемте быстрее. Пожалуйста, не задерживайте меня.

Дэйвисон поднял свой чемоданчик и быстро зашагал рядом с мальчишкой, поглядывая на него без особого энтузиазма.

Сожжение колдуна? Ничего себе! Он внутренне содрогнулся. Уж не послала ли его Лига Эсперов на верную смерть?

Лига Эсперов действовала тихо, но эффективно. Дейвисона нашли, обучили, развили его необычайные способности к телекинезу. Потом послали в захолустье научиться, как не пользоваться ими.

Объяснение Дейвисон услышал от Ллойда Кечни, своего наставника. Кечни был жилистым ясноглазым человеком с ястребиным носом и бровями гориллы. Он работал с Дейвисоном восемь лет.

— Вы чертовски хороший телекинетик,— сказал ему Кечни.— Лига больше ничего не может дать вам. Через несколько лет вас можно будет выпускать.

— Несколько лет? Но я думал...

— Вы лучший телекинетик из всех, что я видел,— сказал Кечни.— Вы настолько хороши, что сейчас использование вашей силы стало для вас второй натурой. Вы не знаете, как спрятать ее. Однажды вы об этом пожалеете. Вы не обучены умеренности.

Кечни навалился грудью на стол.

— Рай, мы решили бросить вас в воду. Либо вы потонете, либо поплывете. Вы не первый, с кем мы так поступаем. Мы собираемся послать вас в мир, где не знают пси, где эта энергия еще не обнаружена. Вам придется скрывать свой дар, иначе вас забросают камнями, как колдуна.

— Нельзя ли, чтобы меня обучали на Земле? — с надеждой спросил Дейвисон.

— Как же! Это слишком легкий путь. Там вам придется постоянно ходить по краю. Поэтому давайте, отправляйтесь-ка.

Дейвисон сел на первый же корабль. Здесь, на Мондарране-VI, он должен был либо научиться, либо...

— Откуда вы? — спросил мальчуган после того, как они молча прошли несколько минут.— Вы будете здесь жить?

— Некоторое время,— ответил Дейвисон.— Я с Дариака-III,— он не собирается выдавать свое земное происхождение. На Дариак-III не знали пси, и это было всем известно. Если в нем заподозрят эспера, Дариак-III мог означать для него жизнь.

— Дариак-III? — спросил мальчишка.— Хорошая планета?

— Не особенно,— ответил Дейвисон.— Одни дожди.

Неожиданно над деревушкой вспыхнуло слепящее пламя, озарив полуденное небо подобно низкой молнии.

— Ух ты! — огорченно воскликнул мальчишка.— Началось, так и знал, что опоздаю. Надо было мне выйти пораньше.

— Опоздали, а? — Дейвисон почувствовал немалое облегчение. Он облизнул сухие губы.— Похоже, самого интересного мы и не увидим.

— Там бывает очень здорово! — с энтузиазмом воскликнул парнишка. — Особенно когда попадают хорошие колдуны, и они выделывают всякие штуки, пока не сгорят. Сами увидите, когда будут кого-нибудь поджаривать.

«Могу представить», — подумал Дейвисон мрачно. Но вслух он не сказал ничего.

Они продолжали идти, теперь уже медленно. Деревня приближалась. Он уже отчетливо видел крайние дома и даже мог различать расхаживающих по улицам людей. Солнце припекало просто немилосердно.

Они дошли до последнего поворота и увидели фигуру в лохмотьях, шаркающую ногами навстречу им.

— Привет, Дурачок Джо, — радостно сказал мальчишка, когда они подошли поближе.

Дурачок пробормотал в ответ нечто неразборчивое, продолжая идти. Он был длинный и тощий, с густой порослью бороды, обутый в мокасины без шнурков и драную кожаную рубаху. Он остановился, поравнявшись с Дейвисоном, заглянул ему в лицо и осклабился, показывая желтые зубы.

— Не подкинешь ли медячок, приятель? — спросил Дурачок Джо глубоким, звучным голосом. — Поддай монетку бедному человеку.

Дейвисон порылся в кармане и вытащил медяк. Он поймал неодобрительный взгляд мальчишки, но все же бросил монетку в протянутую ладонь попрошайки.

— Всего хорошего, мистер, — произнес тот и побрел дальше. Сделав несколько шагов, он остановился и обернулся. — Очень жаль, что вы не попали на представление, мистер. Было очень интересно.

Они вошли в селение. Дейвисон увидел, что оно состояло из шаткой группки двухэтажных домиков, расположившихся вокруг центральной площади. В центре ее, как отметил Дейвисон, был вбит стальной кол, у подножия которого тлело нечто на редкость малоприятное. Он вздрогнул и отвел взгляд.

— В чем дело, мистер? — ехидно поинтересовался мальчишка. — Разве на Дариак-III не сжигают колдунов?

— Не часто, — ответил Дейвисон. Он вдруг обнаружил, что у него дрожат пальцы, и с усилием взял себя в руки.

Он подумал о Кечни, удобно устроившемся на Земле, тогда как он находился здесь, в этой грязной дыре. Пять лет ему суждено было прожить в убогой деревушке, свистя в кулак, словно его приговорили к заключению в тюрьме.

Даже хуже. В тюрьме не надо ни о чем беспокоиться. Ты долбишь скалу и получаешь трижды в день жратву, а ночью преспокойненько спишь. Никаких тебе мучений.

Здесь другое дело. Дейвисон чуть не выругался. Находиться под постоянным наблюдением, подавляя пси, скрывая свою силу... или

нечаянно дать повод приковать себя к стальному колу на центральной площади и развлекать эту деревенщину, пока пламя не положит тебе конец.

Он усмехнулся. Кечни знает, что делает, признал он вопреки своим невеселым мыслям. Если я тут выживу, мне больше ничего не будет страшно.

Он расправил плечи, изобразил на лице широкую улыбку и зашагал вперед.

Высокий мужчина с обветренным лицом цвета застывшей живицы, направился в его сторону, дружелюбно улыбаясь.

— Хэлло,— произнес незнакомец.— Меня зовут Домарк. Я здешний мэр. Впервые у нас?

Дейвисон кивнул.

— Только что с Дариака-III. Решил попытать счастья здесь.

— Рад заполучить вас,— довольным тоном сказал Домарк.— Очень жаль, что вы опоздали на наш маленький спектакль. Вы, наверное, видели из космопорта пламя:

— Да, я тоже жалею,— заставил себя произнести Дейвисон.— Колдуны, наверное, доставляют вам много забот?

Лицо Домарка потемнело.

— Не так, чтобы очень. Но время от времени появляется какой-нибудь парень, который выкидывает разные фокусы. Приходится без задержки отправлять его к его Повелителю. Нам не нужны такие ребята, братец.

— Не собираюсь порицать вас,— сказал Дейвисон.— Человеку не полагается делать такие штуки, которые выкидывают они.

— Совершенно верно,— согласился мэр.— Мы всякий раз замечаем, когда они это делают. Был тут у нас в прошлом году парень с Ланаргона-VII, работал пасечником. Хороший парень... молодой, и голова варила. Мы и не подозревали, что он знает с нечистым.

— Колдун?

— Вот именно. У него вырвался рой. Пчелы набросились на него, начали жалить. И что же мы увидели? Он как-то чудно на них посмотрел, и с кончиков его пальцев полетел огонь,— Домарк покачал головой, вспоминая.— Он превратил их в угли. Он даже не сопротивлялся, когда мы его вздергивали.

— Вздергивали? А почему вы не стали его сжигать? — у Дейвисона вдруг пробудилось естественное любопытство.

Домарк пожал плечами.

— Какой же смысл? Все эти ребята, которые в ладах с огнем... лучше и не пытаться сжигать их. Мы их вешаем прямо на месте.

«Наверное, один из ребят Кечни,— подумал Дейвисон.— Пиротик, посланный сюда научиться управлять своей силой. Он оказался не очень способным учеником».

Он пожевал губами и сказал:

— Пожалуй, самое время позаботиться о себе. С кем, бы мне поговорить насчет жилья?

Жилье ему нашли на небольшой ферме минутах в десяти ходу от деревни; на прибитой к столбу бумажке значилось, что семейство Рейнхартов нуждается в рабочих руках.

Он распаковал свои скромные пожитки и повесил кофту в отведенный ему крохотный чуланчик. Потом сошел вниз, к хозяевам.

Семья состояла из пяти человек. Сам Рейнхарт — лысеющий мужчина лет пятидесяти пяти, темнокожий от долгого пребывания под обжигающим солнцем. Его тяжелая челюсть контрастировала с удивительно общительным нравом. Его жена — Ма — производила впечатление грозной женщины. На ней был восхитительно старомодный фартук. Она говорила густым сочным басом и излучала атмосферу простоты и традиционной сердечности. Это был, подумал Дейвисон, образец нрава, давным-давно исчезнувшего на такой суточной планете, как Земля.

У них было трое детей: Джейн, длинноногая девочка лет шестнадцати с вполне уже сложившейся фигуркой; Бо, крепко сбитый парень семнадцати лет с угрюмым лицом, и Малыш, круглолицый мальчуган одиннадцати лет. Дейвисону показалось, что это была очень дружная семья.

Он вышел из своей комнаты, открыв и закрыв дверь рукой — это непривычное движение отозвалось резкой болью — и стал спускаться по ступенькам. На четвертой снизу он поскользнулся и стал падать, но удержался. Он привычным способом восстановил равновесие, выпрямился и тут до него дошло, что он сделал! Он замер... и почувствовал на лбу горошины холодного пота.

Никто не видел. На этот раз — никто.

Но вдруг он поскользнется еще раз?

Он постоял, приходя в себя, подождал немного, пока кровь не прихлынет обратно к щекам, и только тогда преодолел оставшиеся ступеньки и вошел в комнату. Рейнхарты уже собрались.

Джейн появилась в дверях, лениво глянула на Дейвисона и объявила:

— Суп готов.

Дейвисон сел. Рейнхарт, возглавляющий стол, пробормотал короткую, но искреннюю молитву, закончив ее благодарностью за ниспосланного им работника. После этого показалась Джейн, неся на подносе тарелки с дымящимся супом.

— Горячо, — сказала она, и Бо с Малышом отодвинулись в стороны, чтобы дать ей поставить поднос. Она стала опускать его... и тут это и случилось. Дейвисон видел, как все это началось, и закусил губу, чтобы не закричать.

Одна из дымящихся тарелок скользнула к краю подноса. Он видел, почти как при замедленной съемке, как она подъезжает к само-

му краю, наклоняется и выплескивает часть своего обжигающего содержимого прямо на его голую правую руку.

У него выступили слезы... и он не понял, какая боль сильнее — от ожога или же от того шока, который он испытал, принуждая себя не останавливать плошку на полпути. Он сильно прикусил губу и сидел, дрожа от внутреннего усилия, которое ему приходилось прилагать, чтобы сдерживать свою силу.

Джейн поставила поднос и хлопотала вокруг него.

— Ой, Рай, я ведь не хотела! Вы обожглись?

— Я остался жив, — ответил он. — И не стоит из-за этого беспокоиться.

Он вытер со стола пролитый суп, чувствуя, как постепенно утихает боль.

«Кечни, Кечни, не на пикник ты меня послал!»

Договорились, что Дейвисон должен помогать Рейнхарту в полевых работах.

Основной статьей дохода Мондаррана-IV была культура, именуемая длинными бобами — стручковое растение, зерна которого здешние жители в огромных количествах употребляли в сыром виде, делали из них крупу, муку и приготавливали еще с дюжину разных блюд. Это было жесткое древеснистое растение, приносящее под жарким солнцем Мондаррана-IV три урожая в год.

Ферма Рейнхарта была невелика — что-то около десяти акров — и частично захватывала крутой пригорок, с которого открывался вид на грязный пруд. Близились время второго урожая, и это значило, что вскоре предстояло обрывать со стеблей скрюченные стручки с бобами.

— Ты нагибаешься — вот так — и рвешь, — сказал Рейнхарт, обучая Дейвисона. — Потом поворачиваешься и бросаешь стручок в корзину за спиной.

Рейнхарт повесил на спину Дейвисону корзину, потом приладил свою, и они пошли по полю. Солнце висело высоко над головой. На этой планете, похоже, всегда полдень, подумал Дейвисон, начиная потеть.

Лиловокрылые мухи с громким жужжанием вились вокруг стручков. Дейвисон шел по полю, таща свою корзину, и старался не отставать от Рейнхарта. Тот двигался по соседней борозде, обогнав его уже футов на десять, нагибаясь, выпрямляясь, поворачиваясь и бросая стручок в корзину равномерно и быстро, словно заведенный.

Это была тяжелая работа. Дейвисон почувствовал, что его ладони начинают гореть от соприкосновения с жесткой, словно наждачная бумага, поверхностью листьев, а спина заныла от постоянного повторения непривычных движений. Вниз, вверх, руку назад. Вниз, вверх, руку назад.

Он сцепил зубы и заставил себя продолжать идти. Боль билась

в руках, мускулы которых не работали годами. Пот катился по лбу, застилал глаза, стекал за воротник. Одежда намокала все больше и больше.

Он, наконец, добрался до края борозды и поднял голову. Рейнхарт стоял руки в боки, поджидая его. Он выглядел таким же свежим, как и вначале, и усмехался.

— Тяжеловато, а, Рай?

Дейвисон кивнул, слишком усталый, чтобы сказать хоть слово.

— Ты, главное, не робей. Пара недель — и ты окрепнешь. Я знаю, как вы, городские, начинаете.

Дейвисон провел ладонью по лбу.

— Никогда бы не подумал, что обрывать стручки так трудно, — сказал он.

— Это тяжелая работа, я этого не отрицаю, — ответил Рейнхарт. Он снисходительно похлопал Дейвисона по спине. — Ты привыкнешь. Пойдем, я налью тебе пива.

На следующий день Дейвисон уже должен был работать полный день. Было очень жарко, как и вчера.

В поле вышла вся семья: двое старших Рейнхартов, Джейн, Бо и Малыш. У каждого из них за спиной висела корзина.

— Начнем с восточной стороны, — сказал Рейнхарт, и все без рассуждений двинулись за ним. Каждый взял по борозде. Слева от Дейвисона оказалась Джейн; справа — Бо Рейнхарт. Невдалеке был виден Дирк Рейнхарт, бесстрашно прокладывающий путь между плотно сомкнутыми рядами растений: двуногая уборочная машина и ничего больше. Он глядел на легкие движения Рейнхарта и тут до него дошло, что Джейн и Бо уже в нескольких шагах впереди, и он включился в работу.

Солнце еще только начинало карабкаться по небосклону, и жара еще не достигла максимума, но Дейвисон уже начал потеть после первых же наклонов и выпрямлений. Он остановился вытереть пот со лба и услышал звонкий, язвительный смех.

Он густо покраснел, поднял голову и увидел Джейн, вставшую на своей борозде, уперев руки в бока и смеясь над ним. Вот так же вчера над ним стоял его отец. Дейвисон невольно почувствовал раздражение. Ничего не ответив, он склонился над бороздой и принялся за работу.

Начало болеть правое плечо. Это, конечно, из-за постоянного напряжения мускулов, которые он никогда раньше не утруждал работой. А тут постоянно приходится заворачивать правую руку за спину, чтобы бросить стручок.

В его голове всплыли насмешливые слова Кечни:

— Ты ведь не хочешь, чтобы твои мускулы атрофировались, сынок? — это были слова, сказанные легко, не всерьез... но сейчас Дейвисон хорошо понимал, какая изрядная доля правды в них была.

Он полагался на пси в своих повседневных делах, упивался властью над этой силой, облегчающей его жизнь в мелочах: открыть дверь, поднять подушку, передвинуть мебель. Дейвисон всегда считал, что переместить предмет гораздо легче, чем перенести его. Почему же не воспользоваться силой, если владеешь ей в совершенстве?

Все дело в том, что он не владел ей в совершенстве... пока. Совершенство подразумевает нечто большее, нежели абсолютную власть над предметами. Оно означает владение умеренностью, знанием, когда стоит применять пси, а когда — нет.

На Земле, где не надо было скрываться, Дейвисон использовал свой дар почти произвольно. Здесь он не мог рисковать... и болящие мышцы были платой за предыдущую лень. Кечни отлично знал, что он делал.

Они, наконец, дошли до края поля. Дейвисон и Малыш разделили последнее место, далеко отстав от остальных. Но Малыш, похоже, даже и не запыхался. Дейвисону показалось, что он уловил следы недовольства на лице Рейнхарта, словно тот был разочарован в способностях нового работника. Впрочем, может быть, и нет. Зато на лице Джейн явно читалась издевка; ее глаза из-под тяжелых век вспыхивали огнем презрения.

Он отвел взгляд в сторону и увидел, что Рейнхарт высыпает свою корзину в грузовик, стоящий посреди поля.

— Освободжайся, пока не начали следующую борозду, — коротко бросил он.

Поле отсюда казалось бесконечным. Дейвисон взял корзину одревеневшими руками, опрокинул ее в кузов и взглянул на серо-зеленую грудку стручков. Потом надел лямки на плечи, чувствуя странную легкость от того, что на него больше не давил тяжкий груз.

Он встал на следующую борозду, и в голове у него мелькнула мысль: «Как просто было бы перемещать стручки в корзину! Не гнись, не вертись. А тут руки того и гляди отвалятся».

Просто. Ясно, что просто... Только если Джейн или Бо, или кто-нибудь другой вдруг вздумает оглянуться и увидит стручки, таинственным образом плывущие по воздуху в корзину Дейвисона, его сожгут раньше, чем зайдет солнце.

«Чертов Кечни», — подумал он яростно, и смахнул со лба блестящие бусины пота.

* * *

То, что полчаса назад казалось неумной шуткой, теперь искушающе маячило перед глазами Дейвисона как вполне реальная возможность.

Он отстал почти на борозду от всех и страшно устал. А его бедное слабое тело безжалостно ныло.

Он обладал силой и не мог воспользоваться ею. Он загонял ее

внутри, и это было больно. Его словно снова ошпарили горячим супом. Он не мог понять, что больнее — продолжать гнуться и совать онемевшую руку в обжигающую гущу листьев или сдерживать пси, готовую разорвать его мозг.

Дейвисон заставлял себя сосредоточиться на работе, забыть про свою силу:

— Это учебный процесс,— мрачно твердил он.— Я учусь. Кечни знает, что делает.

Они дошли до конца борозды, и он услышал сквозь туманную пелену изнеможения, как Рейнхарт сказал:

— О'кэй, давайте отдохнем. Все равно сейчас слишком жарко, чтобы работать.

Он снял с себя корзину, бросил ее там, где стоял, и зашагал к дому. С невыразимым облегчением Дейвисон сбросил кожаные лямки и выпрямился.

Он побрел по краю и столкнулся с Джейн.

— Вы выглядите очень измотанным, Рай,— сказала она.

— Так оно и есть. Я так считаю: чтобы привыкнуть к этой работе, нужно время.

— Конечно,— согласилась девушка. Она ковырнула носком ноги ком земли.— Вы окрепнете,— сказала она.— Иначе вам придется уйти. Работник, который был до вас, ушел. Но вы выглядите лучше.

— Надеюсь, ты права,— ответил он, думая о том, кто же был этот работник, и о силе, которая пропадала в нем. Для некоторых в этом не было бы ничего плохого. Провидцу вообще не нужно подобное обучение, но провидцев — один на квадрильон. Телепату тоже, поскольку у того, кто уже обладает телепатией, мозг имеет настолько высокий потенциал, что этот детсад им абсолютно ни к чему.

«Пожалуй, только для эсперов с развиваемыми способностями необходимы такие путешествия на не знающие пси планеты,— думал Дейвисон.— Телекинетикам, пиротикам, да еще некоторым другим, чьи простые, неспециализированные способности создают ложное впечатление всемогущества».

Дейвисон брел по полю, поглядывая на мелькающие за стеблями ноги Джейн, и в голову ему пришла новая мысль. Нормальный мужчина должен время от времени находить какой-то выход своим сексуальным устремлениям; длительное подавление их требует особой организации мозга, и большинство мужчин просто лопается от постоянного напряжения.

А как насчет нормального эспера? Может ли он держать свои силы взаперти пять лет? Он испытывал напряжение организма уже сейчас, а ведь прошло всего два дня.

«Всего два дня»,— подумал Дейвисон. Всего два дня скрывал он свою силу. Он заставил себя не думать о том, сколько дней в пяти годах, и только теперь почувствовал, что вспотел.

Два последующие дня работы в поле закалили его настолько, что такая уборка не казалась ему больше кошмаром. У него было здоровое тело, и мускулы его без большого протеста привыкли к новому режиму. Он уже отлично держался на борозде и чувствовал, как крепили его мышцы, росла его энергия и почему-то развитие примитивной физической силы было ему очень приятно.

— Гляньте-ка, как он ест,— сказала ондажды Ма Рейнхарт за ужином.— Уплетает все так, словно никогда больше не увидит съестного.

Дейвисон только ухмыльнулся и положил себе добавки. Ма была права: он никогда столько не ел. Вся его жизнь на Земле казалась теперь бледным существованием послушника, не то, что здесь, на Мондарране-IV. Физически он вошел в великолепную форму.

Но то, что происходило с мозгом, начинало его тревожить.

Он четко держал телекинез под контролем, несмотря на постоянное искушение использовать его. Он страдал, но продолжал жить, не прибегая к помощи своей силы. Это было не достижением, а шагом назад.

На пятый день своего пребывания на Мондарране-IV он проснулся резко, словно от толчка, сел на кровати и тяжело уставился в темноту перед собой. Мозг полыхал огнем; он протер глаза, прогоняя сон, и поднялся с кровати.

Он постоял с полминуты, обдумывая случившееся и прислушиваясь к ударам сердца. Потом протянул руку, нащупал на стуле брюки и влез в них. Подошел к окну и выглянул наружу.

До восхода было еще далеко. Солнце едва озаряло краешек горизонта, а высоко над головой неспешно шествовали по небу две луны. Они бросали на поля ледяной, мерцающий свет. Снаружи было совершенно тихо.

Дейвисон понял, что случилось. Это его страдающий, подавляемый мозг пробудил его ото сна, чтобы выкрикнуть свой протест против подобного обращения. Нельзя так сразу перестать пользоваться своей силой. Иначе ты свихнешься.

«Вот что это,— подумал Дейвисон,— сумасшествие».

Дейвисон осторожно спустился по лестнице, замирая всякий раз, как только под ногой скрипела ступенька, и вышел через боковую дверь. Он направился к маленькому амбарчику на краю поля, полному бобовых стручков.

Он вскарабкался в предрассветной тишине по приставной лестнице и оказался в амбаре. Вокруг стоял теплый и немного пыльный запах стручков. Он спрыгнул с лестницы прямо в их кучу.

Дейвисон осторожно привел в действие телекинез и сразу же почувствовал громадное облегчение. Он нагнулся, поднял рукой

стручок и силой пси заставил его взмыть в воздух. Потом позволил ему упасть. Затем переместил еще один, потом — два одновременно. Около пятнадцати минут он наслаждался своей силой, просто разбрасывая стручки по углам.

* * *

Только одно тревожило его. Похоже, у него уже не было прежних способностей. Ему стоило некоторых трудов привести свою силу в действие, а теперь, после нескольких минут активности, он чувствовал легкую усталость. Такого с ним раньше не случалось.

Его поразила ужасная мысль: может быть, воздержание повредило его способность? Может быть, пять лет строгого воздержания — если только он протянет столько — способны навсегда лишить его силы?

Это было бы ужасно. Впрочем, другие ведь прошли через подобную ссылку и вернулись с ненарушенными способностями. Они воздерживались... или не воздерживались? Может, попав в подобный переплет, они заставляли себя просыпаться в ранние часы и укрывались в чьем-нибудь амбаре, чтобы перемещать предметы или вызывать огонь?

У Дейвисона не было на это ответа. Он мрачно переместил еще несколько стручков, подошел к окну и стал спускаться по лестнице.

Внизу стоял Малыш Рейнхарт и с любопытством глядел на него. Дейвисон задержал дыхание и продолжил спуск.

— Привет, — сказал Малыш. — Что ты там делаешь, Рай? Почему ты не спишь?

— То же самое я могу спросить у тебя, — ответил Дейвисон, решив избрать тактику нападения. Руки его дрожали. Что, если Малыш следил за ним, видел, как он использовал пси? Поверят ли ребенку в таком серьезном обвинении? На этой планете, где все помещалось на колдовстве, пожалуй, поверят. — Что ты здесь делаешь, Малыш? Мама нашла тебя, если узнает, что ты по ночам убегаешь из дому.

— Ничего, — ответил тот. Он держал в руке банку, наполненную белыми скользкими червями. — Я копал червей. Их только сейчас и копают, в полночь, когда светят луны, — он хитро подмигнул Дейвисону. — А ты что скажешь?

— Мне не спится. Я вышел и стал работать, — нервно ответил Дейвисон, проклиная необходимость оправдываться перед мальчишкой. — Вот и все.

— Так я и думал. Бессонница, а? — осведомился Малыш. — Я знаю, что с тобой, Рай, ты втюрился в мою сестру. Она свела тебя с ума, и ты не можешь спать. Верно?

Дейвисон тотчас же кивнул.

— Только не говори ей, ладно? — он вытащил из кармана мо-

нетку и вложил ее в ладонь мальчишки. Пухлые пальцы молниеносно сжались, и монета исчезла.— Я не хочу, чтобы она знала о моих чувствах, пока я не побуду здесь подольше,— пояснил Дейвисон.

— Я буду молчать,— пообещал Малыш. Глаза его засверкали в свете лун. Он покрепче сжал банку с червями. Он обладал теперь тайной, и ему не стоялось на месте.

Дейвисон повернулся и с кривой усмешкой зашагал к дому. Петля затянулась туго, подумал он. Он дошел до необходимости изображать роман с длинноногой фермерской дочкой, чтобы спасти свою шкуру.

Сейчас это сработало. Но второй раз лучше не пробовать. Эти тайные упражнения в амбаре придется прекратить. Не хватало, чтобы его засек кто-нибудь из взрослых.

Когда настало утро, Дейвисон спустился вниз, поговорить с Рейнхартом.

— Не отпустите ли вы меня сегодня, сэр? Я бы хотел отдохнуть сегодня, если вы не имеете ничего против.

Фермер нахмурился и потер пальцами мочку уха.

— Отпустить тебя? Во время уборки? Так ли это тебе необходимо, парень? Мне не хотелось бы лишаться сейчас рабочих рук, хотя бы на день. Знаешь, ведь и посевная не за горами.

— Я знаю,— ответил Дейвисон.— Но мне нужно хотя бы свободное утро. Я должен кое-что сделать.

— О'кэй, Рай. Я не рабовладелец. Бери утро, если хочешь. Ты можешь наверстать время в воскресенье.

Жара только начиналась, когда он миновал грязный пруд и зашагал к дальней границе владений Рейнхарта. Он пересек ее и двинулся к густому лесу, разделяющему земли Рейнхарта и богатого Лорда Габриэльсона.

Он вошел в восхитительную прохладу леса. Деревья с толстыми стволами и красными листьями сплетали свои ветви, образуя труднопроходимую чащу. Земля была темна, плодородна и обильно покрыта растительностью. Над головой щебетали разноцветные птицы, и время от времени перелетали с ветки на ветку смешные существа с крыльями летучих мышей.

Он знал, зачем он прилетел на Мондарран-IV: научиться умеренности. Научиться держать в руках свою силу. Это-то было ясно. Но как здесь выжить?

Местная религия воспитывала ревностных ортодоксов, и, похоже, существующий моральный кодекс не оставлял ни малейшей лазейки для не свойственных обычному человеку способностей. Пси была в глазах здешних жителей колдовством — обычное убеждение миров, не знающих пси. У местных фермеров был плохой контакт с более развитыми планетами, с которых они прилетели десять-

двадцать веков назад и каким-то образом достигли точки культурного равновесия, в котором пси не было места.

Это означало, что Дейвисон вынужден был подавлять свою силу. Только... он не м о г подавлять ее. Пять дней постоянного контроля над собой, и он уже наполовину свихнулся от напряжения. А что, если он окажется в положении, когда надо будет выбирать: либо применить пси, либо быть убитым? Предположим, вон то дерево будет падать прямо на него; он отклонит его, но будет ли в этом прок, если кто-то будет стоять рядом и глядеть на него... кто-то, кто завопит: — Колдун!

Однако люди прибывали на Мондэрран-IV и возвращались обратно. Они выживали. Значит, они находили какой-то выход. Дейвисон углублялся все дальше в лес, стараясь привести мысли в порядок.

Он взглянул перед собой. Извилистая речка тихо текла меж деревьями. Ему показалось, что над кустарником поднимается облачко дыма. Чей-то костер?

Он осторожно, на цыпочках, стал красться в направлении дыма, шипя всякий раз, когда под ногами хрустел сучок. Спустя несколько напряженных минут он миновал поворот тропинки и увидел, откуда шел дым.

У самой кромки воды, со сковородкой в руках, сидел на корточках Дурачок Джо — попрошайка, повстречавшийся ему по дороге из космопорта. Он был одет во все те же кожаные лохмотья и, похоже, поджаривал на слабом огне пару рыбин.

Облегченно вздохнув, Дейвисон подобрался поближе. И тут он остановился с открытым ртом.

Дурачок Джо поджаривал рыбу. Но под сковородкой не было огня... кроме того, что срывался с кончиков его пальцев.

Дурачок Джо был пиротиком.

* * *

Дейвисон сделал нерешительный шаг, чувствуя, как по его телу пробежал озноб. Дурачок Джо, грязный, слабоумный попрошайка, сидел на корточках в лесной чаще и пиротически жарил рыбу на завтрак. Чуть дальше виднелась грубо сплетенная хижина, которая, по-видимому, служила домом Дурачку Джо.

В одно мгновение в голове Дейвисона возник ответ. Все стало на свои места.

Прожить в мондэрранском обществе пять полных лет, обладая пси, было невозможно. Слишком тяжело сдерживать силу от невольного проявления, а испытываемое при этом напряжение оказывалось непосильным для большинства людей.

Но можно жить рядом с обществом — например, как этот бродяга, жаривший рыбу в лесу, — и никто не заметит, никого не окажется рядом, чтобы увидеть проявление ваших способностей.

Никто не заподозрит завшивевшего бродягу в колдовстве. Конечно же нет!

Дейвисон шагнул вперед и собрался было окликнуть Дурачка Джо. Но тот сам поднял голову при звуке шагов. Он увидел Дейвисона, стоящего в каких-нибудь двадцати футах от него, злобно сверкнул глазами, и сковорода полетела в сторону. Рука его метнулась к бедру. Он выхватил из кармана охотничий нож с блестящим, словно зеркало, лезвием и без малейшего колебания метнул его в Дейвисона.

В то самое мгновение, когда нож вырвался из руки Дурачка Джо, мозг Дейвисона пронзила мысль. Дурачок Джо должен быть землянином, как и он сам, посланным на пять лет на Мондарран. А значит, нет необходимости скрывать от него пси, нет необходимости позволять лезвию...

Дейвисон отклонил нож в сторону и заставил его по рукоятку воткнуться в землю у его ног. Он нагнулся, поднял нож и взглянул на Дурачка Джо.

— Ты... отклонил его,— пробормотал тот, не веря своим собственным глазам.— Ты не шпион!

Дейвисон улыбнулся:

— Нет, я телекинетик. А ты пиротик?

Слабая улыбка появилась на заросшем щетиной лице Дурачка Джо. Он бросился к Дейвисону и сжал его руку.

— Ты землянин, настоящий землянин,— восторженно проговорил, почти прошептал он.

Дейвисон кивнул.

— Ты тоже?

— Да,— ответил Дурачок Джо.— Я прожил здесь три года, и ты первый, с кем я рискнул заговорить. Всех, кого я видел до тебя, сожгли.

— В с е х? — переспросил Дейвисон.

— Я не это имел в виду,— сказал Дурачок Джо.— Совсем всех сжечь трудно. Лига теряет не так уж много людей, как ты думаешь. Но тех, которых я знал, поджарили. Я не рисковал даже приближаться к тем, в ком не был уверен. Ты первый... и ты первый меня засек. Я не должен был быть таким баззаботным, но никто до сих пор не забирался сюда, кроме меня.

— Или еще одного свихнувшегося землянина,— добавил Дейвисон.

Он не рискнул долго разговаривать с Дурачком Джо, чье земное имя, как он узнал, было Джозеф Фланаган.

Во время их торопливого разговора Фланаган обрисовал ему положение вещей. Все было логично. Оказалось, что в большинстве своем земляне, посланные на такие планеты, принимали облик бродяг и пылили по дорогам, куда глаза глядят, никогда подолгу не ос-

таваясь на одном месте, никогда не утруждая свои руки работой, кроме той, к которой они были приспособлены.

Они могли часто исчезать в лесах и тайно высвобождать свою силу, сбрасывая напряжение воздержания. Ничего страшного. Никто за ними не подглядывал, никому и в голову не приходило заподозрить в них колдунов. Это был превосходный камуфляж.

— Лучше все время двигаться,— говорил Фланаган.— Даже этот способ небезопасен. А я хочу дожить оставшиеся два года. Господи, как это хорошо: регулярно принимать ванну!

Дейвисон усмехнулся:

— Да уж, могу тебя понять.

— Это простейший путь,— сказал Фланаган,— ты не можешь постоянно биться головой о стену. Я попробовал жить в деревне, как ты. Я чуть не свихнулся за месяц, а то и меньше. Нельзя опуститься до их уровня и надеяться выжить; надо держаться выше их уровня, там, где они не ожидают найти колдунов. Только тогда тебя оставят в покое.

Дейвисон, соглашаясь, кивнул.

— В этом есть смысл.

— Мне надо идти,— сказал Фланаган. Он расслабил мускулы, входя в образ сгорбленного Дурачка Джо и, не сказав ни слова на прощание, углубился в лес. Дейвисон постоял немного, провожая его взглядом, а потом повернулся и зашагал по тому же пути, по которому пришел.

Но теперь, как он считал, у него был ответ.

К тому времени, как он вышел из леса и почувствовал зной полуденного солнца, его уверенность поколебалась. Кечни однажды сказали ему: «Только не убегай». Он не объяснил... но теперь Дэйвисон знал, что он имел в виду.

Дурачок Джо-Фланаган собирался прожить пять лет, прилагая минимум усилий, и, вернувшись на Землю, получить диплом и стать членом Лиги. Но достигнет ли он этим цели обучения? Только формально, сказал себе Дейвисон. Невозможно всю жизнь скрываться под личиной попрошайки, когда-нибудь ему придется действовать в качестве члена общества, и тогда пять лет бродяжничества сослужат Фланангану плохую службу.

Должен быть какой-то другой выход, пронизала Дейвисона неожиданная мысль. Какой-то способ прожить пять лет, не пряча голову, подобно страусу. Какой-то способ, позволяющий возвращаться или даже жить в обществе, не знаящем пси, и, тем не менее, держать свою силу под контролем...

Он шагал по горячей почве. Вдалеке уже можно было различить Рейнхартов, кончающих борозду. Был полдень, так что больше работать они не будут. Когда он поглядел снова, он увидел коренастого Дирка Рейнхарта, закончившего свою борозду и высыпавшего

стручки в поджидающий грузовик. И раньше, чем он подошел на расстояние, с которого можно было бы услышать его крик, остальные тоже закончили свою работу и окружили главу семейства, ослабляясь после тяжелого труда.

— Глядите-ка, кто пришел! — воскликнула Джейн, когда Дейвисон подошел поближе. — Ну, как отдохнулось?

— Меня одолевали тяжелые мысли, Джейн, — тихо ответил Дейвисон. — Я наверстаю свое время в воскресенье, когда вы будете отдыхать. Так что будем в расчете.

Старый Рейнхарт, улыбаясь, подошел к нему.

— Прогнал свои мысли, юноша? Надеюсь, что так, потому что после полудня нам предстоит тяжелая работа.

— Я буду с вами, — ответил Дейвисон. Он плотно сжал губы, стараясь не слушать того, что говорят остальные, и сосредоточился на поиске правильного выхода.

— Эй, поглядите на меня! — донесся сзади детский голос.

— Ну-ка, брось сейчас же! — сурово приказал Дирк Рейнхарт. — Слезай, пока не сломал себе шею!

Дейвисон обернулся и увидел Малыша Рейнхарта, стоящего на кабине грузовика. В руках у него было несколько стручков, которые он энергично подбрасывал вверх.

— Глядите на меня! — завопил он, гордый своим умением. — Я жонглирую!

В следующее мгновение он не сумел справиться со стручками. Они посыпались на землю и покатались в разные стороны. Мгновение спустя он уже вопил от боли: отцовская ладонь весьма энергично наказала его за непослушание.

Дейвисон хмыкнул. Потом расхохотался громче, осознав, что же случилось.

Он, наконец, нашел ответ.

* * *

Дейвисон объявил о своем решении в конце недели, после того, как была сделана особенно трудная работа на поле. Он почувствовал себя немного виноватым за то, что покидал ферму как раз перед посевной, да и Рейнхарты нравились ему все больше и больше. Но нужно было уходить.

Он сказал Дирку Рейнхарту, что покинет его, когда кончится та неделя, и, хотя фермера вряд ли обрадовала эта новость, он не протестовал. Когда неделя прошла, Дейвисон ушел пешком, сложив свои пожитки в чемоданчик.

Он должен был уйти далеко... Достаточно далеко от этой деревушки, чтобы никто не мог найти его след. Он нанял сына одного из соседних фермеров, чтобы тот отвез его в соседнюю деревню, расплатившись с ним одной из оставшихся монет. В кармане его брюк

лежала тощая пачка мятых бумажек — плата за работу на Рейнхарта за вычетом платы за комнату и стол. Он не собирался трогать эти деньги.

Парнишка вез его по плоской и монотонной мондарранской равнине, пока они не подъехали к окраине селения чуть большего, чем первое, а в остальном полностью идентичного.

— Спасибо,— просто сказал Дейвисон, прыгнул на землю и зашагал к деревне. Он вошел в нее — здесь тоже был кол для колдунов — и принялся за поиски жилья. Ему нужно было как следует подготовиться.

Полгода спустя в округе стали появляться афиши. Надпись на них была аляповатой, оттиснутой в три цвета, яркой и режущей глаза. Она гласила:

ПРЕСТИДИЖИТАТОР ПРИЕХАЛ!

Это вызвало суматоху. Когда Дейвисон въехал на раззолоченной изукрашенной повозке в первую на своем пути деревушку — кучку разбросанных там и сям домиков на границе владений Лорда Габриэльсона — вокруг собралась толпа, сопровождающая его выкриками и свистом. Не каждый день заглядывает в такую деревушку странствующий маг.

Он торжественно проследовал на площадь, развернул повозку и остановил ее прямо напротив стального кола. Он поставил повозку на ручной тормоз, опустил небольшую платформу, на которой собирался выступать, и вышел, одетый в красно-золотой костюм с ниспадающим плащом, к публике. Он заметил пробежавшую по толпе слабую рябь неприязни.

Мужиковатый верзила впереди выкрикнул:

— Эй, ты действительно этот самый престиж... прости... как тебя там?

— Я Мариус Престижитатор,— произнес Дейвисон загобным голосом. Ему самому это понравилось.

— Что вы делаете, мистер Мариус? — заорал этот деревенский мужик.

Дейвисон усмехнулся. Это лучше, чем нанимать кого-то за деньги или прятать в толпу компаньонов.

— Молодой человек, я владею искусством, которое потрясает воображение, изумляет разум и опрокидывает привычные представления! — Он воздел руки в стремительном и величественном жесте. — Я вызываю духов из глубочайших глубин! — объявил он громоподобным голосом. — Я владею тайнами жизни и смерти!

— Ну, вы это все так говорите,— протянул со скукой голос кого-то, стоящего сзади. — Мы хотим посмотреть, прежде чем платить.

— Очень хорошо, мистер малонер! — встретил его слова Дейвисон.

Он сунул руку за спину, вытащил пару восковых свечей, чиркнул спичкой и зажег их.

— Смотрите внимательно, как я буду жонглировать этими свечами, не причиняя пламени ни малейшего вреда.

Он подбросил свечи в воздух и телекинетически заставил их вращаться так, чтобы каждый раз, когда они падали, в руках у него оказывался нижний конец. С минуту он жонглировал двумя свечами, потом потянулся назад, достал третью и присоединил ее к первым двум. Толпа затихла, глядя, как Дейвисон прыгает по сцене, притворяясь, что номер дается ему с трудом. Наконец, когда воск обгорел настолько, что жонглировать стало трудно, он заставил огарки опуститься и схватил их. Потом поднял руки над головой, показывая горящее пламя. Толпа отозвалась звяканьем монет.

— Спасибо, спасибо,— поблагодарил он. Потом вынес ящик, полный разноцветных шаров и без слов начал жонглировать ими. Через несколько секунд в воздухе мелькало уже пять шаров (на самом деле поддерживаемых телекинезом, тогда как он выразительно, но без толку махал руками). Потом он подбросил вверх шестой, затем седьмой.

Он жонглировал и довольно улыбался. Вполне возможно, что эти люди и раньше встречали телекинетиков и сжигали их как колдунов. Но то были настоящие телекинептики. Он же был лишь ловким артистом, человеком с необычайной координацией движений, странствующим шарлатаном... обманщиком. Все знают, что маги — обманщики, и то, что он так здорово жонглирует шарами — ловкость рук и не более.

Когда звон монет поутих, он схватил шары и побросал их обратно в ящик. Он начал новый трюк — трюк, подготовка к которому сопровождалась барабанным боем. Поставив на торцы толстых досок стулья и взгромоздив на них прочую мебель из повозки, стараясь сделать сооружение как можно более ненадежным, он соорудил шаткую пирамиду, футов двенадцати высотой. Он быстро обошел ее, придерживая руками, на самом же деле держа ее под строгим телекинетическим контролем.

Наконец он был удовлетворен балансировкой. Он начал медленно взбираться наверх. Когда он дотянулся до верхнего стула — чудом балансирующего на одной ножке — он пригнулся, подпрыгнул и, телекинетически взмыв в воздух, ухватился за спинку стула и некоторое время балансировал на одной руке. Потом он оттолкнулся и мягко спрыгнул на землю. Ответом был звон монет.

«Вот это выход»,— подумал Дейвисон, слушая одобрительный рев толпы. Они никогда не заподозрят, что он прибегает к настоящей магии. Он может сдерживать пси в повседневной жизни, а эти выступления будут как бы необходимой ему отдушиной. Когда он вернется на Землю, он будет более приспособлен к жизни, нежели

те, кто пошел по пути Дурачка Джо. Дейвисон остался в обществе. Он не сбежал.

Стоящий в первом ряду мальчишка шагнул вперед.

— А я знаю, как ты это делаешь,— завопил он ехидно.— Это просто фокус. Они у тебя все...

— Только не выдавай меня, сынок,— прервал его Дейвисон сценическим шепотом.— Давай сохраним это в тайне... между нами, артистами? Идет?

**Песенка,
которую пел
Зомби**

С четвертого балкона Музыкального Центра в Лос-Анжелесе сцена казалась всего лишь вспыхивающей всеми цветами радуги алмазной гранью: длинные иглы ярко-зеленого, свивающиеся ленты малинового. Но Рода предпочитала сидеть именно здесь. Она никогда не соблазнялась местами Золотой Подковы, парящими на гравитационных подвесках прямо напротив волнистого края сцены. Когда сидишь внизу, великолепная акустика Купола Такамуры подхватывает все звуки и уводит их вверх и в стороны. Цвета, конечно, играют важную роль, но главное-то звучание, глубина звуков, срывающихся с сотни выходных окончаний ультрацимбалов.

Когда вы наверху, то чувствуете движение душ, сидящих ниже...

Она не была настолько наивна, чтобы думать, будто бедность, отсылающая студентов на самый верх, более благородна, нежели богатство, позволяющее выбирать Подкову. Хотя ей никогда не приходилось внизу слушать весь концерт, она считала, что музыка, услышанная с четвертого балкона, чище, более впечатляюща и дольше остается в памяти. Может быть, все дело в том, что внизу глубоко переживали те, кто побогаче...

Она сидела, облокотившись на балкон, и разглядывала мерцающую игру огней, омывающих неуклюжий просцениум. Ее сосед что-то сказал, но она не обратила внимания на его слова. Почему-то отвечать ей не хотелось. Наконец он дотронулся до нее, и ей пришлось-таки обернуться. На ее лице появилась слабая механическая улыбка.

— Что, Лади?

Ладислав Ирасек печально протянул ей шоколадку. Нижний конец ее был обернут, чтобы не таял.

— Человек не может жить одним Беком, — сказал он.

— Спасибо, Лади, не хочется, — она легонько коснулась его руки.

— Что ты там видишь?

Рассказ написан в соавторстве с Х. Элисоном.

— Огни. Больше ничего.
— Никакой музыки сфер? Никаких божественных откровений?
— Ты обещал не задирать меня.
С досадой он опустилс' на место.
— Прости. Иногда я забываю.
— Пожалуйста, Лади. Если тебя интересует только мое общество, я...

— Я ни слова не сказал об этом.

— Это было в твоём тоне. Ты начинаешь жалеть себя. Пожалуйста, не надо. Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты начинаешь вываливать на меня свое недовольство.

Он уже который месяц пытался вступить с ней в официальную связь, почти с того самого дня, когда встретил ее в Контрапунтал-301. Он был очарован и увлечен ею и, в конце концов, безнадежно влюбился. Но она до сих пор была для него недосягаема. Он был все время рядом, но так и не смог покорить ее. Дело в том, что он обращал на себя очень много внимания. Она знала об этом и поэтому навсегда занесла его в категорию людей, абсолютно неподходящих для более или менее продолжительной связи.

Она смотрела вниз, облокотившись на балкон. Ждущая. Строгая. Изящная девушка с медового цвета волосами и светло-серыми, почти алюминиевого оттенка глазами. Пальцы ее были слегка согнуты, словно готовились опуститься на клавиши. В голове у нее вечно звучала музыка.

— Говорят, Бек был в Штутгарте просто великолепен,— отважился сказать Ирасек.

— Он играл Крейцера?

— И еще Тимиджиана: шестую, и «Нож», и немного Скарлатти.

— А Скарлатти что?

— Не помню. Говорили, но я забыл. Все встали с мест и устроили ему десятиминутную овацию, а Музыкант сказал, что никто не слышал такого великолепного исполнения с того...

Огни начали постепенно гаснуть.

— Он просыпается,— перебила Рода, подавшись вперед. Ирасек уселся на место, убрав свою шоколадку.

Пробуждение к жизни всегда было серым. Цвета алюминия. Он знал, что уже заряжен, знал, что распакован, знал, что когда откроет глаза, то окажется около сцены, а рядом будет стоять служитель, готовый вывести на сцену пульт с клавиатурой ультрацимбало, а перчатки будут обязательно лежать в правом кармане. На языке будет привкус песка, а в голове — серая пелена воскресения.

Нильс Бек не торопился открывать глаза.

В Штутгарте был провал. Он один знал, какой провал. Тими тоже понял бы, подумал он. Он бы вскочил с места во время скерцо,

и содрал с моих рук перчатки, и обругал бы меня за убийство его видения. Потом мы пошли бы вместе выпить темного, с привкусом ореха, пива. Но Тимиджиан умер. Умер в двадцатом, сказал себе Бек. За пять лет до меня.

Я лежу с закрытыми глазами, я сдерживаю дыхание. Заставляю легкие засасывать воздух как можно тише, голосовые связки — дрожать неслышней, чем полет совы. Они думают, что я бездействую, что чувства зомби не включены. Что я все еще мертв, действительно мертв, не...

— Мистер Бек!

Он открыл глаза.

Распорядитель выглядел словно член секты душителей. Он знал этот тип людей. Небритый подбородок. Мятые манжеты. Скрытый гомосексуалист. Тиран для всех на сцене, за исключением, наверное, мальчиков из хора, приглашаемых в закусовые Ромберга или в кондитерские Фримла.

— Я знал людей, у которых развивался диабет только от того, что они питали слабость к дневным концертам,— произнес Бек.

— Что? Я не понимаю.

Бек махнул рукой.

— Ничего. Не обращайтесь внимания. Как зал?

— Прекрасен, мистер Бек. Огни потушены. Мы готовы.

Бек залез в правый карман и вытащил тонкие электронные перчатки, вспыхивающие рядами микросенсоров и прессоров. Он натянул правую перчатку и разгладил на ней все морщинки. Материя охватила ладонь точно вторая кожа.

— Прошу вас,— сказал он. Служитель выкатил пульт на сцену, установил его, запер на защелки, и поспешно исчез за занавесом.

Теперь Бек сделал осторожный шаг. Не следует торопиться: через его икры и бедра проходили блестящие трубки с питательной жидкостью, и если он пойдет слишком быстро, нарушится гидростатическое равновесие, и жидкость не попадет в мозг. Хрупкость была досадным минусом полужизни, одним из многих. Как только Бек дошел до гравитационной платформы, он подал знак распорядителю. Душитель махнул рукой человеку за пультом, тот пробежался по разноцветным клавишам, и платформа взмыла вверх — медленно и величественно. Нильс Бек возник прямо из пола сцены. Лишь только он появился, забушевавшие краски рассказали о восторге аплодирующей публики.

Бек стоял молча, чуть склонив голову, принимая это приветствие. Пузырьки газа болезненно бежали вдоль спины и лопались у шеи. Нижняя губа его тихонько дрогнула. Он подавил это движение. Потом сошел с платформы и начал надевать вторую перчатку.

Он был высоким жилистым мужчиной, очень бледным, с выступающими скулами, массивным, выдающимся вперед носом, домини-

рующим над мягкими красивыми глазами и тонким ртом. Вообще, он выглядел чрезвычайно романтично. Это особенно важно для артиста, говорили ему миллион лет назад, когда он только-только начинал.

Он разглаживал перчатку, и тут до него донесся шепот. Когда человек умирает, слух его становится необычайно острым. Он невольно начинает прислушиваться ко всему, что говорится рядом, а это не всегда доставляет удовольствие. Он уже знал наперед все эти разговоры. Кто-то говорил своей жене:

— Ну конечно, он не похож на зомби. Его держат в холоде, пока не подготовят технику. Потом только его подключают, подают питательную жидкость и возвращают к жизни.

Жена на это отвечает:

— Но как же это все устроено, как его оживляют, вот чего я не пойму.

Муж перегибается через подлокотник кресла и, приложив ладонь ко рту, осторожно оглядывается по сторонам, чтобы быть уверенным, что никто не услышит ту чушь, которую он будет нести. Он начнет со старанием говорить об остаточном электрическом заряде клеток мозга, о сохранении моторной реакции после смерти, о механической живучести организма, от которой они зависят. В туманных и запутанных фразах он описывает ей метод создания системы жизнеобеспечения, снабжающей мозг необходимыми веществами. Суррогаты гормонов, химические соединения, заменяющие кровь.

— Ты знаешь, что будет, если в лягушачью лапку, после того, как ее отрезали, ткнуть проволочкой с током? О'кэй. Ну, лапка дергается, и это называется гальваническим эффектом. Теперь, если заставить дергаться целого человека, когда через него пропускают ток... не в прямом смысле дергаться. То есть, он ходит, играет на инструменте...

— А он думает?

— Наверно. Не знаю точно. Вообще-то мозг не поврежден. Ему не позволяют разлагаться. Все, что с ним сделали, это заставили каждый орган выполнять свои механические функции. Сердце — это насос, гортань — звонок... К нервным узлам подключены контакты, и им управляют. Получается что-то вроде судорог, искусственная вспышка жизни... Ясно, что это длится от силы пять-шесть часов, а потом накапливаются разные вредные вещества, разрывающие цепи... Для концерта достаточно и этого...

— Так значит, они просто-напросто берут человеческий мозг и держат его живым, используя тело как устройство для поддержания жизни,— радостно говорит жена.— Правильно? Вместо того, чтобы засовывать его в какую-нибудь коробку, его держат в его же черепе, а все приспособления устанавливают в теле...

— Правильно. Более или менее верно. Более или менее.

Он не обращал внимания на этот шепот. Он слышал его сотни раз. В Нью-Йорке и Бейруте, в Ханое и Кнососе, в Ксеньяте и Париже. Как они были увлечены! Интересно, приходили они ради музыки или только для того, чтобы посмотреть, как двигается мертвец?

Он опустился на стул перед пультом и положил руки перед металлическими волокнами. Глубокий вздох: старая привычка; совершенно не нужная, но неискоренимая. Пальцы уже задвигались. Прессоры искали клавиши. Под короткой стрижкой звонко, словно реле, защелкали синапсы. Итак, начнем. Девятая соната Тимиджиана. Дадим ей взлететь. Бек закрыл глаза, и руки его начали свою нелегкую работу. С кольца выходных окончаний над головой полетели нужные ревушие звуки. Теперь так. Пошло. Бек легко и свободно прыгал по гармоникам, заставлял дрожать воспринимающие трубки, лепил текстуру звука. Он не играл Девятую два года. Вена. Много это или мало — два года? Он еще слышал отголоски и очень точно воспроизводил их. Это исполнение отличалось от предыдущего не больше, чем различаются две магнитофонные записи. В голове вдруг возникла картина: сверкающий звуковой куб, располагающийся за пультом на его месте. Зачем им нужен я, если можно сунуть в щель монету и получить то же самое исполнение за меньшую цену? А я бы отдохнул. Теперь так. На субзвуках. Удивительный инструмент! Что, если бы его знал Бах? Бетховен? Целый мир, летающий с кончиков пальцев. Полный звуковой спектр и цветовой тоже, и даже больше: возможность поражать публику на дюжину ладов одновременно. Но музыка, конечно, главное. Холодная, неменяющаяся музыка. Мелодия, летящая так же, как всегда, так же, как он играл ее в девятнадцатом, на премьере. Последняя работа Тимиджиана. Воссоздание децибел за децибелом моего собственного исполнения. Посмотрите-ка на них. Благоговейющие. Влюбленные. Бек почувствовал дрожь в локтевом суставе; слишком напрягся, предупреждали его нервы. Он ввел необходимую компенсацию. Прислушался к громовым раскатам с четвертого балкона. Что такое музыка вообще? Действительно ли я в ней что-нибудь смыслю? Понимает ли звуковой куб заложенную в него Мессу си бемоль минор? Понимает ли усилитель симфонию, которую он усиливает? Бек улыбнулся. Прикрыл глаза. Плечи подняты, запястья пластичны. Пройдет два часа. Потом мне позволят уснуть. Неужели прошло пятнадцать лет? Пробуждение, выход, сон. Восхищенное перешептывание публики. Женщины, которым нравится предлагать себя. Некрофилки? Как им не противна сама мысль дотронуться до меня? Прах могилы лежит на моей коже. Когда-то были женщины, да, господи, да! Когда-то. Жизнь тоже когда-то была. Бек откинулся назад и размашисто прошелся по клавишам. Давний виртуозный ход, заставивший замереть зал. По спинам пробежал холодок. Теперь звуки начали подводить первую вещь к концу.

Вот так, а теперь — так. Бек открыл верхний ряд выходных окончаний и услышал реакцию публики. Все невольно выпрямились на своих местах, лишь только новая порция звуков расколола воздух. Добрый старый Тими; удивительное чувство зала. Выше. Выше. Ну-ка, как вам вот это? Он улыбнулся, удовлетворенный произведенным эффектом. Но чувство пустоты не покидало его. Звук ради звука. «Музыка ли это? Я ничего больше не знаю. Мастерство ли это? Как я устал играть для них. Будут ли они аплодировать? Да, и топать ногами, и поздравлять друг друга со счастьем слышать меня. А что они знают? Что знаю я? Я умер. Я — ничто. Ничто». Он взмахнул обеими руками и мощными громыхающими аккордами закончил первый опус.

* * *

Погодники запрограммировали изморозь, и это удивительным образом совпадало с настроением Роды. Они остановились, глядя на отражающиеся в лужах улицы, расходящиеся от Музыкального Центра, и Ирасек протянул ей тоненький цилиндрик в бумажной обертке. Рода рассеянно покачала головой, думая о чем-то своем.

— У меня есть пастилки,— сказала она.

— Что, если мы заглянем в «НАСЛАЖДЕНИЕ», немного перекусить?

Она не ответила.

— Рода!

— Извини меня, Лади. Мне нужно немного побыть одной.

Ирасек сунул цилиндрик в карман и повернулся к ней. Девушка глядела сквозь него, словно он был прозрачней насыщенного влагой воздуха. Он забрал ее руки в свои и с усилием проговорил:

— Рода, я ничего не могу понять. Ты не хочешь дать мне время, чтобы найти слова.

— Лади...

— Нет. На этот раз я скажу. Не отталкивай меня. Не убегай в свой внутренний мирок с этими полуулыбками и взглядами в пустоту.

— Я хочу осмыслить музыку.

— Разве на свете больше нечем жить, Рода? Такого не может быть. Я не меньше твоего работаю головой, работаю, чтобы что-нибудь создать. Ты лучше меня. Пожалуй, ты даже лучше любого, кого мне приходилось слышать. Может быть, однажды ты станешь лучше Бека. Забавно: ты станешь великой артисткой. И это все? Должно же быть что-то еще. Это идиотизм — делать искусство своей религией, своим существованием.

— Зачем ты так, Лади?

— Потому что я люблю тебя.

— Это объяснение, а не извинение. Лучше я пойду, Лади. Ладно?

— Рода, искусство ни черта не значит, если это просто ремесло, просто повторение заученного, хорошая техника и проверенные рецепты. Оно ничего не значит, если за ним не стоит любовь и забота о человеке и способность до конца отдаваться жизни. Ты все это отвергаешь. Ты ломаешь себя и душишь в себе то, что наполняет пламенем искусство.

Ирасек внезапно умолк. Это была та речь, произнося которую невозможно не понять — резко и вдруг — как книжно и велеречиво она звучит. Он выпустил ее руки.

— Если захочешь меня увидеть, я буду в «НАСЛАЖДЕНИИ», — он повернулся и зашагал прочь по мерцающим бликам фонарей.

Рода посмотрела ему вслед. Ей показалось, что она могла бы ответить ему. Но не стоило этого делать. Он скрылся в темноте. Рода повернулась, взглянула на нависающее над площадью здание Музыкального Центра и медленно направилась к нему.

* * *

— Маэстро, вы были сегодня само совершенство, — говорила ему в Зеленом Зале маленькая китайка. — Блестящи! — подхватил подхалим с мордой лягушки-быка. — Какая радость! Я плакала, в самом деле, плакала, — защebetала китайка. В его грудной клетке булькала питательная жидкость. Он чувствовал, как щелкают клапаны. Он наклонял голову, делал движения руками, шептал слова благодарности. На его мозг давила тяжесть усталости. — Сверхъестественно! Незабываемо! Невероятно! — Наконец они ушли и оставили его, как всегда, наедине со своими опекунами. Представитель владевшей им корпорации, менеджер, упаковщики и электрик.

— Пожалуй, пора, — сказал представитель корпорации, легонько тронув свои усы. Он научился быть обходительным с зомби. Бек вздохнул и кивнул головой. Они начали подготовку.

* * *

— Не хотите ли чего-нибудь съесть? — спросил электрик. Бек зевнул. Когда-то были долгие гастроли, поздние ночи, едва в аэропортах, свечой взмывающие вверх и идущие на посадку лайнеры.

Представитель корпорации кивнул.

— Великолепно. Можно пока оставить его одного. Я положу его на ложе, — он тронул выключатель.

Ряды огней стали гаснуть один за другим. Остались лишь редкие

огоньки ночников — для электрика и представителя корпорации, для их завершающих действий с зомби.

Музыкальный Центр затих.

В недрах самоподдерживающейся системы засуетились, тихонько гудя, пылесосы и прочие машины, предназначенные для уборки.

Тогда на четвертом балконе задвигалась тень. Рода спустилась по лестнице вниз, появилась в центральном проходе партера, миновала Подкову, обогнула оркестровую яму и поднялась на сцену. Она приблизилась к пульту и остановила руки в дюйме над клавишами. Закрыв глаза, задержав дыхание. Я начну свое выступление с Девятой Сонаты Тимиджиана для ультрацимбалы соло. Легкие аплодисменты, набирающие силу и переходящие в настоящий ураган. Небольшая пауза. Пальцы опускаются. И мир оживает с ее музыкой. Огонь и слезы, радость, свет. Все оцепенели. Какое чудо. Как замечательно она играет. Глядя в темноту, слыша вместо звона в ушах грохочущее эхо зала. Спасибо. Большое спасибо. Глаза защемило. Рода поднялась. Поток ее фантазии иссяк.

Она осторожно прошла за кулисы и остановилась в дверях уборной, глядя на труп Нильса Бека, лежащий на обеспечивающем его сохранность ложе. Глаза закрыты, грудь недвижима, руки расслабленно лежат по бокам. Ей было видно чуть заметное вздутие в правом кармане, где лежали тщательно сложенные тончайшие перчатки.

Она подошла вплотную к великому музыканту, заглянула ему в лицо и коснулась его подбородка. У него никогда не росла борода. Кожа была прохладной и бархатистой, какого-то странного строения, более подходящего для женщины. Странно, но в этом безмолвии ей на память вдруг пришла причудливо колеблющаяся мелодия Лайбестода, этого величайшего из ушедших, и ее охватила не столько щемящая грусть, которую всегда навевал на нее этот пассаж, сколько ярость. Она была полна разочарования, потрясена предательством, охвачена неистовой яростью. Ей захотелось впиться ногтями в эту мягкую, словно пудинг, кожу. Отколошматить его. Оглушить криками. Искалечить. За обман. За обманы, за множество обманов, за нескончаемый поток лживых нот, за ложь жизни после смерти.

Ее дрожащая рука нависла над пультом ложа. Где тут выключатель?

И... она включила Бека.

* * *

Он снова вернулся в жизнь. Глаза закрыты. Путешествие сквозь Вселенную алюминиевого цвета. Опять. Опять. Он подумал, что стоит немного полежать с закрытыми глазами, собраться перед выхо-

дом на сцену. Выступления давались ему все труднее и труднее. В последний раз вообще было черт знает что. В Лос-Анжелесе, в огромном здании — балкон на балконе, тысячи белых лиц и великолепное ультрацимбало. Он открыл концерт Девяткой Тими. Ужасно. Отвратительное исполнение. Ни одной неверной ноты, стремительный темп и — все равно отвратительно. Сегодня вечером все повторится снова. Он, волоча ноги, выйдет на сцену, разгладит перчатки и пойдет по заведенному кругу, воссоздавая величие Нильса Бека.

Его зрители, его восторженные поклонники. Как он ненавидел их! Как он мечтал встать к ним лицом и проклясть их за то, что они с ним сделали. Шнабель отдыхает. Хорович отдыхает. Иоахим отдыхает. И только Беку нет отдыха. Ему не разрешается уйти. Конечно, он должен был воспротивиться. Но он никогда не был настолько сильным. Он имел силу на лишенные любви и радости годы жизни со своей музыкой, да. Потому что на остальное просто не оставалось времени. Чтобы сделать то, что сделал он, тоже нужна была сила. Начать оттуда, откуда он начал, научиться тому, чему нужно было научиться, защищать свое умение, раз оно его. Да. Но иметь дело с людьми, что-то высказывать, отстаивать себя... Словом, иметь мужество... нет этого в нем очень мало. Он потерял Доротею, согласился с планами Уизмера, родил этих капризных Лизбет и Нейла, и Коша... да, кстати, Кош, жив ли он сейчас?... капризных настолько, что они вконец замучили его. Поэтому он порвал с ними и заплатил цену, которую они назначили, и никогда не пытался настоять на своем... умел ли он вообще настаивать... и под конец даже Шарон начала презирать его.

Поэтому разве мог он выйти на сцену, встать там, залитый светом и сказать им, кто они есть? Тени. Эгоистические тени. Мертвые, как и он, только на свой манер. Пустые. Напрочь лишенные чувства.

Если бы он только мог! Если бы ему хотя бы раз удалось перехитрить представителя корпорации, он бы заставил себя прокричать...

Боль. Резкая боль в правой щеке. Его голова откинулась назад; тоненькие трубочки, проходящие через шею, завибрировали. В голове зазвенело эхо удара живого по живому. Бек недоуменно открыл глаза. Девушка рядом с ним. Цвет алюминия — ее глаза. Юное лицо. Злое. Губы плотно сжаты. Ноздри раздуваются. Почему она сердита? Она замахнулась, чтобы вклепить ему вторую пощечину. Он выбросил вперед руки со скрещенными ладонями, защищая глаза. Вторая пощечина оказалась тяжелее первой. Не разбилось ли в его реконструированном теле что-нибудь хрупкое?

Ее лицо! Она ненавидит его.

Она ударила его в третий раз. Бек уставился на нее сквозь скрещенные пальцы, озадаченный неистовым выражением ее глаз. Он

почувствовал нахлынувшую боль, почувствовал ярость, ощутил удивительное чувство жизни — все это в одно мгновение. Потом ему вспомнилось слишком многое, и он схватил ее руки.

Он заметил, стиснув ее запястья, что его сила была для нее неожиданностью. За пятнадцать лет он жил всего лишь семьсот четыре дня. Однако все его мускулы были в полном порядке.

Девушка поморщилась. Он отпустил ее и оттолкнул от себя. Она принялась растирать запястья, глядя на него — молча и угрюмо.

— Если я вам не нравлюсь, — спросил он, — зачем же вы меня включили?

— Чтобы сказать вам, что я знаю, что вы — обманщик. Те, другие, которые аплодируют, низкопоклонничают и превозносят вас, они не знают, им даже в голову не приходит, а я знаю. Как вы можете? Как вы можете устраивать такой отвратительный спектакль? — она была по-настоящему потрясена. — Я слышала вас, когда была еще ребенком. Вы перевернули мою жизнь, — сказала она. — Я никогда этого не забуду. Но я услышала вас сейчас. Голая схема и никакого движения души. Словно за пультом сидела машина. Механическое пианино. Вы знаете, что такое механическое пианино, Бек? Так вот, это вы.

Он пожал плечами, прошел мимо нее, опустился на стул и взглянул в зеркало. Он выглядел старым и уставшим. Никогда не меняющееся лицо сейчас изменилось. В глазах была пустота. В них не было сияния, не было глубины. Пустое небо.

— Кто вы? — тихо спросил он. — Как вы здесь оказались?

— Давайте, заявляйте на меня. Пусть меня арестуют, меня это не беспокоит. Кто-то же должен сказать. Вы ведете себя постыдно! Притворяетесь, что делаете музыку... разве вы не видите, как это страшно! Исполнитель — это всегда интерпретатор, а не просто машина для извлечения звуков. Не мне это вам говорить. Интерпретатор. Артист. Где сейчас ваше искусство? Неужели можно всегда слепо следовать партитуре? Разве вы растете от выступления к выступлению?

Вдруг он почувствовал, что она ему очень нравится. Несмотря на ее прямолинейность, несмотря на то, что она надавала ему пощечин.

— Вы тоже играете?

Она пропустила его слова мимо ушей.

— На чем? — и тут же улыбнулся. — Конечно же, на ультратимбало. И, верно, играете хорошо.

— Лучше, чем вы. Светлее, чище, глубже. Ох, господи, что я творила! Я, наверно, отвратительна вам.

— Как я могу расти? — мягко спросил он. — Разве мертвецы растут?

В ответ она разразилась громкими тирадами, словно совершенно не слышала его. Она снова и снова повторяла, как он презренен,

что его величие — отвратительнейший подлог. Вдруг она остановилась на середине фразы. Заморгала, покраснела и прижала пальцы к губам.

— Ох, — пристыженно прошептала она, и по щекам ее потекли слезы. — О, господи!

Она умолкла.

Это длилось довольно долго. Ее взгляд останавливался то на стенах, то на зеркале, то на руках или на туфлях. Бек в упор рассматривал незнакомку. Наконец, она произнесла:

— Что я за высокомерная злюка. Что за глупая дуреха. Я не могу перестать думать, что вы... что, возможно... я совсем не думала... — ей вдруг захотелось убежать. — Вы ведь не простите меня? Да и в самом деле, зачем это вам. Я ворвалась сюда, включила вас, сорвалась и наговорила кучу всяких глупостей...

— Это не глупости. Это правда, и вы это знаете. Чистейшая правда, — потом он совсем тихо попросил. — Сломайте эту машину.

— Не беспокойтесь. Я больше не причиню вам неприятностей. Я ухожу. Не могу даже высказать, насколько мне неудобно за свою горячность. Глупая пуританка, лопающаяся от гордости за свое искусство. Говорить в а м, что вы далеки от идеала. Тогда как я...

— Вы не расслышали. Я попросил вас сломать эту машину.

Она поглядела на него, все еще захваченная своими мыслями.

— Что вы сказали?

— Остановите меня. Я хочу на покой. Неужели это так трудно понять? Вам это должно быть более понятно, чем всем остальным. Все, что вы сказали — правда, самая настоящая правда. Можете вы поставить себя на мое место? Вещь не живая, не мертвая, просто вещь, инструмент, устройство, которое, к сожалению, думает, помнит и жаждет освобождения. Механическое пианино, совершенно верно. Моя жизнь остановилась, и мое искусство остановилось, и я ни к чему больше не принадлежу, к искусству — в первую очередь. Потому что оно всегда одно и то же. Одни и те же ноты, одни и те же ходы, те же высоты. Я притворяюсь, что делаю музыку, как вы сказали. Притворяюсь.

— Но я не могу...

— Можете. Подойдите и сядьте, обсудим это спокойно. И вы сыграете для меня.

— Сыграю для вас?

Бек протянул девушке руку, и она протянула ему свою, но вдруг резко отдернула ее и спрятала за спину.

— Вы должны сыграть мне, — сказал он спокойно. — Я не могу позволить прикончить себя первому встречному. Это событие большое и важное, понимаете? Не для первого встречного. Поэтому вы мне сыграете. — Бек тяжело поднялся на ноги, вспоминая Лизбет, Шаро, Доротею. Никого из них больше нет. Остался только он, точ-

нее, часть его — старые кости, высохшее мясо. Дыхание, потерявшее свежесть, словно воздух из египетских пирамид. Кровь цвета пемзы. Звуки, лишенные слез и смеха. Звуки и ничего больше.

Он направился на сцену, и девушка пошла за ним — туда, где стояло небурное ультрацимбало. Он протянул ей свои перчатки, сказав:

— Так как они не ваши, я сделаю на это скидку. Сыграйте лучшее, что вы уместе.

Девушка медленно натянула перчатки и расправила их.

Она села за пульт. Бек увидел испуг на ее лице, испуг и экстаз. Ее пальцы взлетели над клавишами. Опустились. Боже, Девятка Тими! Звуки лопнули, словно почки, и взмыли вверх, и испуг исчез с ее лица. Отлично. Отлично... Он играл это не так, но все верно, все верно. Она пропускала ноты Тими сквозь с в о ю душу. Потрясающее исполнение. Иногда она фальшивила, но почему бы и нет? Не свои перчатки, отсутствие времени на подготовку, необычные обстоятельства. Но как удивительно она играет. Зал совершенно заполнился ее музыкой. Он сам перестал быть критиком; он стал частью этой музыки. Его пальцы задвигались, мускулы вдруг ожили, руки и ноги его сами потянулись к педалям и прессорам, стараясь задействовать эти части инструмента. Словно он сам играл через нее. Она продолжала играть, взмывая все выше и выше, избавляясь от последних остатков своей нервозности. Она играла во всю мощь. Еще не совсем законченная артистка, но как хороша, как удивительно хороша! Она заставляет петь этот величественный инструмент. Она использует все его скрытые резервы. Она видит партитуру намного глубже, обостряет музыку до предела. Да! Вот это музыка! Она поглотила его целиком. Способен ли он еще плакать? Функционируют ли еще его слезные железы и протоки? Это удивительно, невыразимо, фантастически красиво. Он уже за эти пятнадцать лет и забыл, что такое может быть. Он за все это время никогда не слышал, чтобы кто-нибудь играл более менее долго. Семьсот четыре дня. Вставать из могилы, тащиться на все эти бессмысленные выступления. И вдруг — вот это. Возрождение музыки. Такое бывает только один раз — единство композитора, инструмента и исполнителя, щемящая тоска, выворачивающая всю душу наизнанку. Для него. Последний раз. Закрыв глаза, он проиграл всю вещь с начала до конца ее телом, ее руками, ее душой. Когда звуки замерли, он почувствовал усталость, приходящую к до конца выложившемуся артисту.

— Очень хорошо, — сказал он, нарушая молчание. — Это было прекрасно, — голос его задрожал. Руки все еще трепетали; он боялся, что начнет аплодировать.

Бек протянул девушке руку, и на этот раз она приняла ее. На мгновение он почувствовал прохладу ее пальцев. Потом вежливо провел ее в свою уборную, лег на свое ложе и показал, что надо вы-

вести из строя после того, как она выключит его, чтобы он не почувствовал боли. Затем он закрыл глаза и принялся ждать.

— И вы... умрете? — спросила она.

— Быстро. Мирно.

— Я боюсь. Ведь это убийство.

— Я уже мертв, — возразил Бек. — Но недостаточно мертв. Вы никого не убьете. Помните, как резала ваш слух моя игра? Вы помните, для чего я вернулся сюда? Так есть ли во мне жизнь?

— Я все равно боюсь.

— Я заслужил отдых, — сказал он. Он открыл глаза и улыбнулся. — Все нормально. Вы мне понравились, — и когда она приблизилась к нему, произнес. — Спасибо.

Он тихо закрыл глаза.

Затем Рода выключила его.

* * *

Потом она сделала все так, как он сказал. Пробралась сквозь нагромождение аппаратуры и вышла из уборной. Она побрела прочь от Музыкального Центра — под морозящим дождиком, под поющими звездами — и плакала о нем.

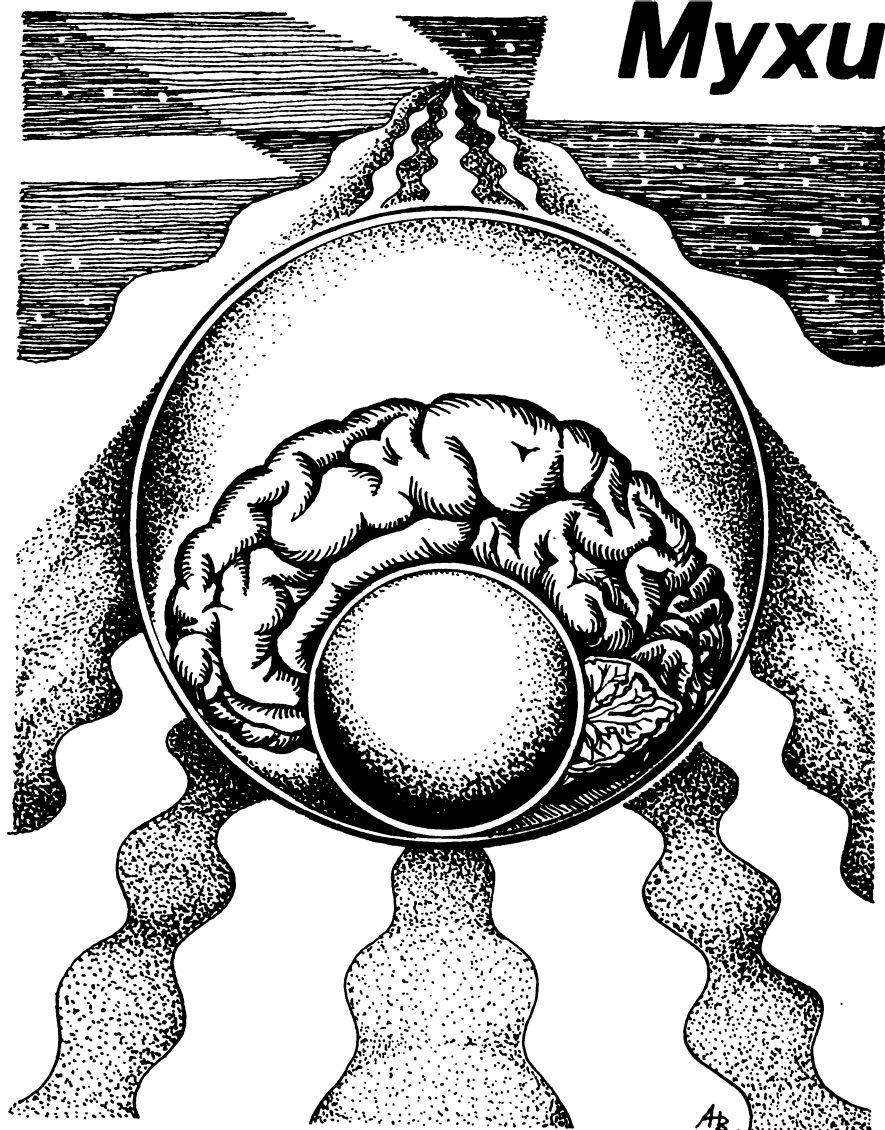
Лади. Ей очень захотелось отыскать Лади. Поговорить с ним. Сказать, что он был почти прав, когда говорил с ней. Не совсем, но больше, чем она считала... раньше. Она уходила все дальше от Музыкального Центра, а мелодия все еще звучала в ее ушах.

Позади расстился огромный мир. Неоконченная симфония выплеснула наконец всю чашу силы и скорби.

Пусть погодники сказали, что сейчас время морозящего дождика и тумана. Ночь, звезды и песни были навсегда.

Myxu

Вот Кэссиди:

ПРИГВОЖДЕННЫЙ К СТОЛУ

Немного от него осталось. Черепная коробка; несколько ниточек-нервов; палец. Неожиданное схлопывание позаботилось об остатальном. Тем не менее, этого было достаточно, чтобы начать. Золотистым было довольно и этого. Они нашли его в обломках корабля, проплывавшего через их зону на обратной стороне Япета. Он был жив. Он мог быть починен. Для прочих на корабле такой надежды не было.

Починить его? Конечно. Разве обязательно быть гуманоидом, чтобы быть гуманным? Конечно, починить. Всеми доступными средствами. И переделать. Золотистые были творцами. То, что осталось от Кэссиди, лежало в углублении чего-то вроде стола внутри золотистого шара энергии. Здесь не было смены времен года; лишь сияние стен да неизменное тепло. Здесь не существовало ни дня, ни ночи, ни сегодня, ни завтра. Нечеткие формы придвигались к нему и уплывали прочь. Его регенерировали — медленно, шаг за шагом — а он лежал, погруженный в лишенное мыслей спокойствие. Мозг не был поврежден, но не работал. К нему наращивалось все остальное: сухожилия и связки, кости и кровь, сердце и локти. Продолговатые холмики материи выпускали крохотные росточки, вырастающие в комочки плоти. Клеить клетку к клетке, восстанавливать человека из обломков — для Золотистых это не было ни трудно, ни скучно. У них были свои приемы. Но им многое надо было узнать, и Кэссиди мог им в этом помочь.

День за днем Кэссиди достигал завершенности. Его не будили. Он лежал в теплой колыбели, не тревожимый ни единой мыслью, покачиваясь, словно на волнах. Его новая плоть была гладкой и розовой, как у младенца. Эпителий огрубеет позднее. Кэссиди появлялся подобно синьке чертежа. Золотистые воссоздавали его по ос-

тавшимися клочкам, отстраивали по сохранившимся полинуклеиновым цепочкам, расшифровывали белковый код и собирали его, пользуясь этим шаблоном. Для них это было просто. Почему нет? Любой комочек протоплазмы способен на это... для себя. Золотистые, которые не были протоплазмой, делали это для других.

Они сделали некоторые изменения в шаблоне. Они были большими умельцами. К тому же им так много хотелось узнать.

Взгляните на Кэссиди:

ДОСЬЕ

РОДИЛСЯ: 1 августа 2316 года.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Найак, штат Нью-Йорк.

РОДИТЕЛИ: Разные.

УРОВЕНЬ ДОХОДА: Низкий.

ОБРАЗОВАНИЕ: Среднее.

ПРОФЕССИЯ: Специалист по топливным системам космических кораблей.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: Три официальные связи, длительностью 8 месяцев, 16 месяцев и 2 месяца.

РОСТ: Два метра.

ВЕС: 96 килограмм.

ЦВЕТ ВОЛОС: Рыжий.

ЦВЕТ ГЛАЗ: Голубой.

ТИП КРОВИ: А+.

УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА: Высокий.

СЕКСУАЛЬНЫЕ НАКЛОННОСТИ: Нормальные.

Взгляните на него теперь:

ЕГО ПЕРЕДЕЛЫВАЮТ

Перед ними лежал человек, только что законченный, готовый к возрождению. Теперь пришло время для заключительных действий. Они отыскали серое вещество мозга и вошли в него. Они пустились в плавание по его заливам и бухточкам, задержались вон в той тихой гавани, бросили якорь у того отвесного утеса. Они оперировали мозг, но делали это чисто. Не было ни резекции коры, ни блестящих лезвий, рассекающих хрящи и кость, ни шипящих лазерных лучей, ни надоедливого гудения вспомогательной аппаратуры. Холодная сталь не кромсала синапсы. Золотистые были искусней;

они настраивали схему, именуемую Кэссиди, повышали коэффициент усиления, убирали помехи и делали это очень осторожно.

Когда они кончили возиться с ним, он стал более чувствителен. Он должен был испытывать тягу к некоторым новым вещам. Ему давали определенные способности.

Теперь его разбудили.

— Ты жив, Кэссиди,— произнес нежный голос.— Твой корабль был разрушен. Твои товарищи погибли. Ты один остался в живых.

— Что это за больница?

— Это не Земля. Скоро ты сможешь вернуться. Встань, Кэссиди. Пошевели правой рукой. Теперь левой. Присядь немного. Выпрямись. Вдохни. Открой и закрой несколько раз глаза. Скажи свое имя, Кэссиди.

— Ричард Генри Кэссиди.

— Возраст?

— Сорок один год.

— Взгляни на это отражение. Кого ты видишь?

— Себя.

— У тебя есть вопросы?

— Что вы сделали со мной?

— Починили, Кэссиди. Ты был почти полностью разрушен.

— Вы что-нибудь переделали?

— Мы сделали тебя более восприимчивым к чувствам людей.

— О,— сказал Кэссиди.

Отправимся вместе с Кэссиди

НАЗАД, К ЗЕМЛЕ

Он прибыл в день, на который был запрограммирован снег. Легкий, быстро тающий снежок, скорее эстетическое развлечение, нежели подлинное проявление сил природы. Было очень хорошо снова ступать по родной планете. Золотистые умело организовали возвращение, поместив его в разрушенный корабль и сообщив ему толчок, достаточный, чтобы он оказался в зоне действия локаторов спасательных станций. Мониторы обнаружили его и вывели на него катер. Как получилось, что вы уцелели в катастрофе, космонавт Кэссиди? Очень просто, сэр, я был снаружи, когда это случилось. Раздался хлопок и все погибли. Мне одному удалось спастись, чтобы рассказать вам об этом.

Его отправили на Марс для проверки, а потом некоторое время продержали в карантине на Луне и в конце концов разрешили вернуться на Землю. Он шагал сквозь снегопад, крупный человек с валкой походкой и аккуратными мозолями везде, где нужно. У него

было мало друзей, никого из родственников, чтобы погостить поне-много у каждого, зато были три жены, бывших жены, к которым он мог отправиться. Согласно законодательству, ему, как попавшему в аварию, полагался годичный отпуск с сохранением жалования. Он собирался им воспользоваться.

Он пока не использовал свои новые способности. Золотистые сделали так, что его возможности не могли проявиться, пока он не вернется домой. Теперь он был на Земле, и пришло время использовать их. Бесконечно любопытные существа, живущие на Япете, терпеливо ждали, когда Кэссиди найдет тех, кто когда-то любил его.

Он начал поиск в городском округе Чикаго, поскольку тот находился рядом с космопортом Рокфорда. Движущаяся дорожка быстро доставила его к башне, сложенной из известкового туфа, травертина, разукрашенной сияющей мозаикой из металлов эбенового и фиолетового оттенков. Здесь, в местном центре телевектора, Кэссиди взялся за поиски адресов своих бывших жен. Он был терпелив — высоченная живая башня со спокойным лицом и кроткими глазами — нажимая нужные кнопки и спокойно ожидая, пока где-то в глубине земли не сомкнутся волоски контактов. Кэссиди не был напористым. Он был смирным. Он умел ждать.

Машина сообщила, что Берил Фрейзер Кэссиди Мелон живет в городском округе Бостон. Машина сообщила, что Ларин Холстин Кэссиди живет в городском округе Нью-Йорк. Машина сообщила, что Миранда Гунрик Кэссиди Милман Роз живет в городском округе Сан-Франциско.

Имена разбудили воспоминания: тепло тела, запах волос, касания рук, звучание голоса. Шепот страсти. Презрительное ворчание. Стоны любви.

Кэссиди, возвращенный к жизни, отправился повидать своих бывших жен.

Вот одна из них:

В ЦЕЛОСТИ И СОХРАННОСТИ

Глаза Берил были молочного цвета вокруг зрачков и зеленоватыми там, где им полагалось быть белыми. За последние десять лет она здорово сбросила вес, и теперь ее лицо было пергаментом, натянутым на кости, изрытым, словно после оспы. Скулы ее разрывали кожу, готовые в любой момент выйти наружу. Кэссиди женился на ней в двадцать четыре года. Они прожили вместе восемь месяцев. Они разошлись после того, как она решила подписать Обязательство о Стерильности. Он не особенно жаждал детей, однако оскорбил-

ся, узнав о ее решении. Теперь она лежала в мягкой пенной колыбели и пыталась улыбнуться ему растрескавшимися губами.

— Говорили, что ты погиб,— сказала она.

— Я вывернулся. Ну, как ты, Берил?

— Сам видишь. Лечусь.

— Лечишься?

— Я пристрастилась к трилину. Разве не видишь? Глаза, лицо. Трилин разъедает организм, но дает успокоение. Словно отсоединяется душа. Но еще год — и он убил бы меня. Теперь я лечусь. С того месяца мне уже начали уменьшать дозу. Мой организм подновился. Я теперь вся нашпигована протезами. Но я живу.

— Ты выходила замуж? — спросил Кэссиди.

— Трилин разъел его организм. Это было очень давно. Пять лет я была одна. Только я и трилин. Но теперь с этим покончено,— Берил с трудом моргнула.— Ты выглядишь таким отдохнувшим, Дик. Ты всегда был таким. Такой спокойный, уверенный в себе. Ты бы никогда не попался на эту удочку с трилином. Возьми мою руку.

Он дотронулся до ее высохшей клешни. Он почувствовал исходящее от нее тепло, потребность в любви. В нем забушевали яростно бьющиеся волны, низкочастотные колебания тоски, проходящие сквозь него и с гулом устремляющиеся к далеким наблюдателям.

— Когда-то ты любил меня,— сказала Берил.— Мы оба тогда были глупыми. Люби меня снова. Помоги мне встать на ноги. Мне нужна твоя сила.

— Конечно, я помогу тебе,— сказал Кэссиди.

Он вышел из ее квартиры и купил три кубика трилина. Вернувшись, он решительно развернул один из них и вложил его в ладонь Берил. Молочно-зеленые глаза ее испуганно заматались.

— Нет,— захныкала она.

Боль, хлестнувшая из ее разбитой души, была невыносимо острой. Кэссиди принял на себя весь удар. Потом она сжала ладонь. Наркотик вошел в ее организм, и она снова успокоилась.

Поглядите на следующую ВДВОЕМ С ЛУЧШИМ ДРУГОМ

Механический голос сказал:

— Пришел мистер Кэссиди.

— Пусть войдет,— ответила Мирабель Гунрик Кэссиди Милман Роз.

Створки двери-сфинктера разошлись, и Кэссиди ступил в мраморно-ониксовое великолепие. Темно-каштановые палисандровые рейки образовывали решетчатую конструкцию, на которой возлежа-

ла Мирабель, прямо-таки упиваясь прикосновением твердого дерева к пухлому телу. На ее плечи спадал водопад хрустальных волос. Кэссиди познакомился с ней в 2346 году, и она была с ним шестнадцать месяцев. Тогда она была стройной и робкой девушкой, но теперь облик той девушки угадывался в этой горе изнеженного мяса с огромным трудом.

— Ты нашла себе хорошего мужа,— произнес он.

— Да, на третий раз мне повезло,— согласилась Мирабель.— Сядешь? Выпьешь? Изменишь климат?

— Нет, все отлично,— он продолжал стоять.— Тебе всегда хотелось иметь особняк, Мирабель. Ты была самой умной моей женой, но ты всегда любила удобства. Сейчас тебе очень удобно.

— Очень.

— Ты счастлива?

— Мне удобно,— ответила Мирабель.— Я не слишком много теперь читаю, зато мне удобно.

Кэссиди заметил у нее на коленях нечто, похожее на небрежно брошенное одеяло — пурпурное с золотистыми нитями, мягкое, с лениво спадающими складками, плотно облегающее ее колени. У него было множество глаз. Мирабель не снимала с него рук.

— С Ганимеда? — спросил он.

— Да. Муж купил мне его в прошлом году. Он очень дорог мне.

— Все они дороги. В обоих смыслах.

— Но я его так люблю! — воскликнула Мирабель.— Он почти человек. Такой преданный! Я знаю, ты сочтешь меня глупой, но он в моей жизни — самое главное. Пожалуй, даже главнее мужа. Я люблю его, понимаешь? Я привыкла к тому, что любят меня, но вряд ли найдется много вещей, которые люблю я.

— Можно мне посмотреть? — спросил Кэссиди мягким голосом.

— Только осторожной.

— Конечно,— он взял в руки существо с Ганимеда. Его тело было необычайно мягким: его пальцы никогда не касались ничего более мягкого. В плоском теле животного что-то опасно забилося. Кэссиди заметил схожую тревогу на лице Мирабель, появившуюся, когда он брал ее любимца. Он погладил странное существо. Оно свернулось в его ладонях и вспыхнуло золотистыми нитями.

Она спросила:

— Чем ты занят сейчас, Дик? Все работаешь на космических линиях?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Прочти мне строчку из Шекспира, Мирабель. Про мух и шунов-мальчишек.

Над ее светлыми бровями собрались морщинки.

— Это из «Короля Лира»,— ответила она.— Погоди. Вот. «Что

мухи для мальчишек-шалунов, мы для богов. Они нас убивают для забавы».

— То самое,— сказал Кэссиди. Его большие руки стремительно скрутили одеялоподобное существо с Ганимеда. Оно окрасилось в серый цвет, и из его разорванного тела появились похожие на стебли травы жилы. Кэссиди бросил мертвое существо на пол. Волна ужаса и боли утраты, рванувшаяся от Мирабель, оглушила его, но он принял ее и отправил к Япету.

— Мухи,— пояснил он.— Шалуны-мальчишки. Мои забавы, Мирабель. Я теперь, видишь ли, бог.— Его голос был спокоен и очень приветлив.— До свидания. Всего хорошего. Спасибо тебе.

Еще одна ожидает встречи:

НАБУХШАЯ НОВОЙ ЖИЗНЬЮ

Лерин Холстин Кэссиди, тридцати одного года, темноволосая, большеглазая и на седьмом месяце беременности, единственная из его жен не выходила больше замуж. Ее комната в Нью-Йорке была маленькой и строгой. Лерин была полной и пять лет назад, когда стала на два месяца женой Кэссиди. Сейчас она расплнела еще больше, но сказать, что было полнотой, а что — результатом беременности, Кэссиди не мог.

— Ты вышла замуж? — спросил он.

Лерин, улыбнувшись, покачала головой.

— У меня есть деньги, и я ценю свою независимость. Я не могу позволить себе вновь связать себя с кем-то, как когда-то с тобой. Хватит.

— А ребенок? Ты ведь ждешь ребенка?

Она кивнула.

— Он нелегко мне достался! Думаешь, это просто? Два года осеменения? За счастье деньги и еще раз деньги! Машины, копошащиеся во мне... все эти ускорители зарождения... нет, у тебя сложится неверное представление. Это не случайный ребенок. Это ребенок, о котором я мечтала, ради которого мне пришлось попотеть.

— Интересно,— сказал Кэссиди.— Я побывал у Мирабель и Берилл и у каждой из них тоже по ребенку. Своего рода. У Мирабель — зверь с Ганимеда. У Берилл — тяга к трилину, которую она с гордостью превозмогает. А у тебя — ребенок, зачатый без посредства мужчины. Все вы что-то нашли. Интересно.

— Ты в порядке, Дик?

— В полном.

— У тебя совершенно бесстрастный голос. Ты просто произносишь слова. Это пугает.

— Гм... Да. Ты знаешь, что я сделал для Берил? Купил ей несколько кубиков трилина. Я взял у Мирабель ее любимца и свернул ему... ну, во всяком случае, не шею. Я проделал это совершенно спокойно. Я ведь никогда не был порывистым человеком.

— Я думаю, ты сумасшедший, Дик.

— Я чувствую твой страх. Ты боишься, что я сделаю что-нибудь твоему ребенку. Страх не представляет интереса, Лерин. Вот горе — да. Это годится для анализа. Отчаяние. Я хочу изучить его. Я хочу помочь им изучить его. Я думаю, что это то, о чем они захотят узнать. Не беги от меня, Лерин. Я не собираюсь причинять тебе зло, по крайней мере то, которого ты боишься.

Она была невелика ростом и не слишком сильная, да к тому же еще и беременная. Кэссиди мягко, но крепко схватил ее за запястья и притянул к себе. Он уже чувствовал появляющиеся в ней новые эмоции — жалость к себе, перебивающую страх, а ведь он ничего еще ей не сделал.

Как можно добиться выкидыша на седьмом месяце?

Тут мог помочь резкий удар в живот. Слишком грубо, слишком грубо. Впрочем, у Кэссиди не было под руками никаких препаратов, чтобы заставить ее скинуть — ни вытяжки спорыньи, ни чего-то другого, вызывающего спазмы. Поэтому он резко согнул колено, сожалея о грубости принимаемых мер. Лерин осела. Кэссиди ударил ее еще раз. Все это время он оставался совершенно спокойным, ибо вряд ли можно находить радость в насилии. Третий удар оказал желаемое воздействие. Кэссиди отпустил Лерин.

Она была в сознании и корчилась от боли. Кэссиди настроился на восприятие. Ребенок, как он понял, не был мертв. Не умрет он и потом. Но он, несомненно, был искалечен. Все, что он уловил от Лерин, это сожаление, что она родит уродца. От ребенка придется избавиться. И начинать все сначала. Это было очень, очень грустно.

— Зачем, — выдавила она, — ...зачем?

Среди наблюдателей:

НЕЧТО ВРОДЕ СМУЩЕНИЯ

Почему-то все пошло не так, как ожидали Золотистые. Оказалось, что даже они способны просчитаться, и причиной тому была дарованная Кэссиди сила. С ним надо было что-то делать.

Они дали ему необычные способности. Он мог воспринимать и транслировать эмоции людей в чистом виде. Золотистым это и было нужно, поскольку они могли теперь выстроить модели поведения человеческих существ. Но, даруя ему нервный центр, включающий

эмоции других, они неизбежно должны были отключить его собственные чувства. А это искажало данные.

Он сделался слишком большим разрушителем, идя своим безрадостным путем. Необходимо было ввести коррекцию. Ибо он слишком много перенял от самих Золотистых. Они могли забавляться Кэссиди, поскольку его жизнь принадлежала им. Но он не должен был забавляться другими.

Они связались с ним и передали приказ.

— Нет, — ответил Кэссиди. — Вы достаточно повозились со мной. Мне нет нужды возвращаться.

— Необходима дальнейшая настройка.

— Я отказываюсь.

— Ты не сможешь отказываться долго.

Все еще противясь, Кэссиди сел на корабль до Марса, способный слышать их приказы. На Марсе он зафрахтовал ракетку, совершающую регулярные рейсы на Сатурн, и убедил экипаж свернуть к Япету. Золотистые завладели Кэссиди сразу же, как только он попал в зону их досягаемости.

— Что вы будете делать со мной? — спросил он.

— Реверсируем поток. Ты не будешь больше чувствовать эмоции других. Ты будешь сообщать нам о своих чувствах. Мы возвращаем тебе совесть, Кэссиди.

Он протестовал. Это было бесполезно.

Они сделали необходимые приготовления внутри золотистой сферы. Они проникли в него и перестроили его и повернули все его органы чувств внутрь, чтобы он мог питаться собственными переживаниями, подобно стервятнику, рвущему свои внутренности. Вот эта информация должна была быть ценной. Кэссиди сопротивлялся, пока на сопротивление хватало сил и пока не почувствовал, что сопротивляться уже поздно.

— Нет, — пробормотал он. В желтом сиянии он увидел лица Берил, Мирабель, Лерин. — Вы не должны этого делать... Вы мучаете меня... словно муху...

Сопротивляться не имело смысла. Его отослали обратно, на Землю. Его вернули к трагеттиновым башням и бегущим дорожкам-тротуарам, к дому удовольствия на 485-ой Стрит, к островам света, сверкающим в темном небе, к одиннадцати миллионам людей. Его вернули назад, бродить среди них и страдать. А потом докладывать о своих страданиях. Придет время, и его отпустят, но это будет не скоро.

Вот Кэссиди:

НЕСУЩИЙ СВОЙ КРЕСТ.

Джек Уильямсон

**Со сложенными
руками**

1

Андерхилл пешком возвращался с работы — в тот день машину взяла жена — и впервые столкнулся с новыми роботами. Ноги сами несли его знакомой тропой через заросшую сорняками пустую площадку, а голова занималась перебором различных способов заплатить долг банку, как вдруг перед ним выросла стена.

Стена была построена не из обычного кирпича или камня, а из чего-то гладкого, сверкающего и странного. Андерхилл уставился на новое длинное здание. Эта блестящая преграда на пути удивила и разозлила его — на прошлой неделе ее точно не было:

А потом Андерхилл обратил внимание на витрину.

Само окно тоже не могло быть из обычного стекла. Удивительно широкая витрина была идеально прозрачна, и только блестящие буквы на ней указывали на то, что она вообще есть. Буквы складывались в красивые, стремительные строки:

ИНСТИТУТ ГУМАНОИДОВ

Филиал в Ту-Риверс

Совершенные Роботы

«Наша задача —

служить, слушать

И БЕРЕЧЬ ЛЮДЕЙ ОТ БЕД»

Раздражение его усилилось, ведь Андерхилл и сам занимался продажей роботов. Времена и так были достаточно тяжелые, роботы буквально наводнили рынок, начиная с самых обычных и кончая андроидами, механоидами, электроидами и автоматоидами. К сожалению, лишь очень немногие делали все то, что обещали продавцы, и предложение этого товара в Ту-Риверс значительно превышало спрос.

Андерхилл продавал андроидов — если находился клиент. Наза-

втра он должен был получить новую партию товара и не знал, чем за нее расплатиться.

С недовольной гримасой Андерхилл остановился перед фигурой, стоящей по ту сторону невидимого стекла. Никогда прежде он не видел гуманоида. Как и всякий робот, не совершающий в данный момент никакой работы, тот стоял без малейшего движения. Гуманоид был совершенно обнажен, это была бесполой нагота куклы; его гладкая силиконовая кожа переливалась коричневыми и голубыми бликами, на приятном овальном лице сохранялось выражение готовности и легкой озабоченности. Честно говоря, это был самый красивый робот из всех, что когда-либо видел Андерхилл.

Казалось, он слишком мал, чтобы годиться на что-то толковое. Андерхилл мысленно повторил подходящую цитату из рекламы андроидов: «Андроиды крупны, потому что обладают большой силой, точностью и надежностью. Купи андроида — не пожалеешь!».

Прозрачная дверь раздвинулась перед ним, и он вошел в элегантный новый магазин, желая убедиться, что этот робот с обтекаемыми формами стоит здесь лишь для завлечения клиенток.

Он внимательно разглядывал сверкающий зал, и его оптимизм постепенно таял. Никогда прежде Андерхилл не слышал об Институте Гуманоидов, но эта новая фирма явно не бедствовала и знала толк в торговле.

Андерхилл поискал взглядом продавца, а тем временем к нему бесшумно подошел другой робот. Он был такой же, как тот в окне, и двигался быстро, с удивительной легкостью. На его блестящей черной коже переливались коричневые и голубые блики, на голой груди виднелась желтая табличка:

ГУМАНОИД

№ серии: 81-Н-В-27

Совершенный робот

«Моя задача —

служить, слушать

И БЕРЕЧЬ ЛЮДЕЙ ОТ БЕД»

Странно, у робота не было линз, серо-стальные глаза на лысой овальной голове неподвижно смотрели прямо перед собой. Однако он остановился за несколько шагов до Андерхилла, как будто увидел его, и произнес высоким, мелодичным голосом:

— К вашим услугам, мистер Андерхилл.

Андерхилл вздрогнул при звуке своего имени, ведь даже андроиды не могли отличить одного человека от другого. Это, конечно, был ловкий ход, не очень трудный в городке размером с Ту-Риверс. Про-

давцом наверняка был кто-то из местных жителей, и он подсказывал роботу из подсобного помещения. Андерхилл постарался скрыть удивление и громко сказал:

— Я хотел бы поговорить с продавцом.

— Люди у нас не работают,— тут же ответил серебряный голосок.— Институт Гуманоидов существует, чтобы служить людям, а не наоборот. Мы сами можем сообщить вам любую информацию и принять заказ.

Андерхилл ошеломленно уставился на него. Ни один робот не мог даже зарядить себе батареи или отрегулировать реле, не говоря уже о руководстве магазином. Невидящие глаза робота неподвижно смотрели на Андерхилла, пока он беспокоило оглядывался в поисках перегородки или занавеса, за которым мог бы прятаться продавец.

Тем временем тихий мелодичный голосок продолжал:

— Позвольте нам прийти к вам домой и продемонстрировать диапазон наших услуг. Нам нужны клиенты на вашей планете, мы уже осчастливили людей на многих других. Вы сами убедитесь, что мы стоим значительно выше, чем старые электронные роботы, которыми вы торгуете.

Андерхилл сделал шаг назад. Не без труда отказался он от поисков спрятавшегося продавца, потрясенный мыслью о саморекламирующихся роботах. Это развалит всю его торговлю.

— Возьмите хотя бы наш рекламный буклет.

Двигаясь с пугающей ловкостью, маленький черный робот принес со столика у стены иллюстрированный цветной проспект. Чтобы скрыть замешательство и нарастающую панику, Андерхилл принял-ся листать блестящие страницы.

Серия цветных снимков представляла стройную блондинку в различных ситуациях: на одном она стояла на кухне, на другом — отдыхала в соблазнительном неглиже, а маленький черный робот что-то подавал ей. Или же усердно печатала на машинке, а на соседнем снимке лежала на пляже в смелом купальном костюме, тогда как робот выполнял ее работу. На другом развороте она стояла у красивого большого автомобиля, а рядом — танцевала в объятиях светловолосого молодого человека, предоставив обслуживание машины черному гуманоиду.

Андерхилл печально вздохнул. У производителей андроидов не было таких впечатляющих брошюр. Женщины против этого не устоят, а ведь именно они покупали 86 % всех роботов. Да, конкурировать с гуманоидами будет нелегко!

— Прошу вас, возьмите это с собой,— продолжал уговаривать милый голосок.— Покажите жене. На последней странице есть купон на бесплатный пробный прокат. Как видите, заранее ничего не надо платить.

Ошеломленный Андерхилл повернулся, и дверь сама открылась

перед ним. Выходя, он заметил, что все еще держит в руке брошюрку, яростно смял ее и бросил на пол. Маленький черный робот немедленно подобрал ее, а настойчивый серебряный голосок крикнул вслед:

— Мы навестим вас завтра на работе, мистер Андерхилл, и пришем пробный экземпляр домой. Пора поговорить о ликвидации вашей конторы — ведь электронные роботы, которых вы продаете, не могут тягаться с нами. А вашей жене мы бесплатно продемонстрируем наши услуги.

Андерхилл даже не попытался ответить, опасаясь выдать свое замешательство. Ничего не видя перед собой, он шел по новому тротуару и остановился лишь на углу, чтобы собраться с мыслями. После этого неприятного происшествия одно не вызывало сомнения: дела его пошли под гору.

Он еще раз взглянул на роскошное новое здание. Его построили не из обычного кирпича или камня, невидимые окна были не из стекла, к тому же Андерхилл был абсолютно уверен, что днем раньше, когда Аврора забирала машину, он не видел здесь и следа фундамента.

Когда он свернул за угол, новый тротуар привел его к заднему входу. Там стоял грузовик, и несколько стройных черных роботов выгружали из него огромные металлические ящики.

Андерхилл внимательно осмотрел один из них. На нем была наклейка межпланетной почты, а надпись указывала, что он выслан из Института Гуманоидов на Винг-IV. Он не сумел, как ни старался, вспомнить планету с таким названием; видимо, они широко развернулись.

В сумраке склада Андерхилл увидел, как черные роботы открывают ящики. Когда подняли крышку, показались темные, неподвижные, тесно уложенные тела; одно за другим они пробуждались к жизни. Они выходили из ящиков, ловко спрыгивали на землю. Все они были совершенно одинаковы, поблескивали черными корпусами, переливались коричневыми и голубыми бликами.

Один прошел мимо грузовика до тротуара и посмотрел на Андерхилла стальными глазами. Высокий серебристый голосок мелодично произнес:

— К вашим услугам, мистер Андерхилл.

Андерхилл бросился бежать. Услышав свое имя из уст вежливого робота, только что вышедшего из ящика, доставленного с далекой и незнакомой планеты, он решил, что это уже чересчур.

Двумя перекрестками дальше взгляд его остановился на вывеске бара, и он укрылся там вместе со своими проблемами. Обычно он не пил перед ужином, Аврора не любила, когда он пил, но от этих новых роботов кого угодно потянет к рюмке.

К сожалению, алкоголь не поправил его настроения, и будущее

фирмы вовсе не стало казаться яснее. Спустя час он вышел из бара, обернулся, надеясь, что новое светлое здание исчезло так же внезапно, как и появилось. Не тут-то было. Он угрюмо покачал головой и, чуть пошатываясь, направился домой.

Когда он добрался до опрятного белого домика на окраине, свежий воздух немного отрезвил его, но это не помогло ему решить профессиональные проблемы. Кроме того, он опоздал к ужину.

Впрочем, и ужин задерживался. Его сын Фрэнк, веснушчатый десятилетний сорванец, все еще играл в мяч на тихой улочке перед домом, а одиннадцатилетняя светловолосая Гей, едва завидев отца, бросилась к нему прямо через газон.

— Папа, угадай, что случилось!?

Гей должна была стать великой скрипачкой и, наверняка, благовоспитанной особой. Но пока, раскрасневшаяся и тяжело дышавшая, она была в крайнем возбуждении и не скрывала этого. Она позволила ему поднять себя высоко вверх, запах алкоголя ей ничуть не мешал. Когда же он не сумел угадать, Гей сообщила:

— У мамы — новый жилец!

II

Андерхилл мысленно готовился к неприятному разговору. Аврору тоже беспокоил долг банку, необходимость платить за новую партию товара и доставать деньги на обучение малютки Гей.

Однако, новый жилец был кстати. Домашний андроид, звеня приборами, накрывал на стол, но квартира была пуста. Он нашел Аврору во дворе, она несла постельное белье и полотенца для гостей.

Когда Андерхилл на ней женился, Аврора была так же прелестна, как сейчас их дочь, и, вероятно, такой бы и осталась, если бы его дела шли хоть немного лучше. Однако вечные неудачи постепенно лишили его уверенности в себе, а ее — сделали излишне агрессивной.

Разумеется, он по-прежнему любил ее. Рыжие волосы Авроры все так же влекли его, но из-за обманутых надежд характер ее стал тверже, а голос резче. Правда, всерьез они никогда не ругались, но мелкие недоразумения случались часто.

Над гаражом у них была небольшая комнатка для прислуги, которую они так никогда и не смогли себе позволить. Она была слишком мала и убога, чтобы привлечь более-менее приличного жильца, поэтому Андерхилл предпочитал, чтобы она оставалась пустой. Его гордость страдала, когда он видел, как жена стелит постель и убирает для чужих.

Однако Аврора временами сдавала ее, когда требовались деньги на уроки музыки для Гей или когда проникалась симпатией к како-

му-нибудь колоритному неудачнику. Андерхиллу же казалось, что все ее жильцы рано или поздно оказывались ворами и вандалами.

Она повернулась к мужу, держа в руках чистое белье.

— Дорогой, не нужно спорить, это ничего не даст. — Голос ее звучал решительно. — Мистер Следж — очень милый старичок и останется у нас, сколько пожелает.

— Хорошо, дорогая. — Он не любил с нею спорить, кроме того, сейчас его занимали другие дела. Немного денег никогда не помещают. — Только проследи, чтобы он заплатил вперед.

— Но он пока не может! — голос ее дрожал от сочувствия. — Он говорит, что через пару дней начнут поступать гонорары за его изобретения, и тогда он заплатит.

Андерхилл пожал плечами: он слышал это уже не раз, в той или иной форме.

— Мистер Следж не такой, — убеждала жена. — Это путешественник и ученый. А в нашем маленьком скучном городке не так уж много интересных людей.

— Однако тебе удалось откопать нескольких заслуживающих внимания типов!

— Не будь таким злым, дорогой, — мягко укорила она. — Ты просто еще не знаешь его. Не знаешь, какой он хороший. — Она замолчала. — У тебя есть десять долларов?

— Зачем?

— Мистер Следж болен. — В ее голосе слышалась забота. — Я видела, как он упал прямо на улице. Полицейские хотели забрать его в городскую больницу, но он не согласился. Он выглядел так благородно, честно и достойно! Я сказала, что позабочусь о нем, взяла его в машину и отвезла к старому доктору Уинтерсу. У него больное сердце и ему нужны деньги на лекарство.

— А почему он не хочет идти в больницу? — спросил Андерхилл.

— У него есть работа, которую нужно срочно закончить, — объяснила она. — Важная научная работа... и при этом он так чудесен и трагичен... Послушай, дорогой, у тебя есть десять долларов?

Андерхиллу многое хотелось высказать ей. Новые роботы, наверняка, добавят ему неприятностей, и глупо сейчас сажать себе на шею больного бродягу, который мог бы получить бесплатное обслуживание в больнице. Жильцы Авроры предпочитали расплачиваться обещаниями, и, прежде чем убраться, разносили квартиру.

Однако, он ничего не сказал; молча вынул из бумажника две пятидолларовые банкноты и вложил в ее руку. Аврора улыбнулась и поцеловала его в порыве благодарности — он едва успел задержать дыхание, чтобы она не почувствовала запаха алкоголя.

Благодаря периодическим голодовкам фигура у нее по-прежнему была хорошей, а ее блестящими рыжими волосами он гордился

до сих пор. К глазам Андерхилла вдруг подступили слезы. Что будет с нею и детьми, если он разорится?

— Спасибо, дорогой, — прошептала она. — Если он хорошо себя чувствует, я приглашу его к ужину, и вы познакомитесь. Надеюсь, позднее время тебя не смущает.

Сегодня это его не смущало. Охваченный внезапным желанием сделать что-то по дому, Андерхилл взял молоток и гвозди и поправил провисшую занавеску на кухонной двери.

Андерхилл любил работать руками. В детстве он мечтал строить атомные электростанции и даже начал учиться на инженера, но потом женился на Авроре, и был вынужден принять от ее опустившегося пьяницы-отца магазин роботов. Заканчивая необременительную работу, он весело насвистывал.

Унося инструменты, Андерхилл заметил, что домашний андроид убирает со стола нетронутый ужин. Андроиды кое-как справлялись с точно определенными заданиями, но не могли приспособиться к человеческой неточности.

— Пере-стань! Пере-стань! — Приказ, повторенный медленно с определенной интонацией и ритмом, остановил робота; затем Андерхилл отчетливо произнес: — Накрой — стол, накрой — стол!

Шаркая ногами, гигант послушно вернул на стол стопку тарелок. Андерхилл снова отметил разницу между андроидами и новыми гуманоидами и тяжело вздохнул. Будущее его фирмы рисовалось в самом черном свете.

Аврора привела на кухню нового жильца, и Андерхилл кивнул ему. Худой незнакомец с темными взъерошенными волосами и осунувшимся лицом, одетый в потертые обноски, очень походил на одного из живописных бродяг, которые всегда находили тропку к сердцу Авроры. Она представила их друг другу и вышла позвать детей.

По мнению Андерхилла, старик вовсе не выглядел больным. Он слегка сутулился, но его фигура выглядела довольно крепкой. Кожа на костлявом, исхудавшем лице была изборождена морщинами и бледна, но глубоко посаженные глаза горели живым огнем.

Внимание Андерхилла привлекли руки постояльца. Искривленные и испещренные шрамами, загоревшие до черноты, покрытые золотистым пухом, они без слов рассказывали о приключениях и борьбе. Это были весьма натруженные руки.

— Я очень благодарен вашей жене, мистер Андерхилл, — прогудел он глубоким басом, а по лицу блуждала улыбка, удивительно молодая для человека таких преклонных лет. — Она помогла мне в беде, и я постараюсь отплатить за это.

«Ничего особенного, — решил Андерхилл, — просто еще один из бродяг, которые идут по жизни, рассказывая направо и налево всевозможные истории». С каждым из жильцов Авроры он вел свою тихую игру, начисляя им одно очко за каждый придуманный вздор,

и сейчас подумал, что мистер Следж сможет достичь отличных результатов.

— Откуда вы родом? — спросил он, чтобы поддержать разговор.

Следж на мгновение заколебался, и это было довольно необычно — большинство жильцов Авроры отличались неумной болтливостью.

— С планеты Винг-IV, — сказал он наконец с видимой неохотой, будто предпочел бы ответить что-то другое. — Я провел там всю молодость, но уехал оттуда почти пятьдесят лет назад. И с тех пор путешествую.

Андерхилл удивленно посмотрел на него. Насколько он помнил, Винг-IV — та самая планета, откуда прибыли сверкающие новые роботы. Впрочем, старый бродяга выглядел слишком убого, чтобы иметь что-то общее с Институтом Гуманоидов. Мгновенное подозрение исчезло. Нахмурившись, он коротко спросил:

— И далеко находится Винг-IV?

Бродяга снова заколебался, а потом серьезно ответил:

— В ста девяти световых годах, мистер Андерхилл.

«Один — ноль в мою пользу, — подумал Андерхилл, но не выказал своего удовлетворения. Новые космические лайнеры были, конечно, очень быстрыми, но скорость света до сих пор оставалась пределом. — Попробуем заработать еще очко».

— Жена говорила, что вы ученый, мистер Следж.

— Да.

Сдержанность старика было просто невероятной — обычно жильцы Авроры были разговорчивее. Андерхилл попытался еще раз, небрежно заметив:

— Я сам учился когда-то на инженера, пока не занялся торговлей роботами. — Следж выпрямился, и Андерхилл выжидательно замолчал, но старик ничего не сказал, и он продолжал: — Я хотел проектировать и строить атомные электростанции. А какая специальность у вас?

Старик смущенно взглянул на него и медленно сказал:

— Ваша жена была очень добра ко мне, когда я оказался в сложной ситуации. Полагаю, вы имеете право знать правду, но вынужден просить, чтобы вы держали это при себе. Я работаю над очень важной проблемой, и все это должно остаться в полной тайне.

— Простите. — Андерхилл устыдился своей забавы. — Не будем больше говорить об этом.

Однако старик продолжал:

— Моя область — родомагнетизм.

— Что? — Андерхилл не любил признаваться в своем невежестве, но ни о чем подобном он никогда прежде не слышал. — Я не занимался наукой уже пятнадцать лет, — объяснил он, — и боюсь, что многое позабыл.

Старик тихо улыбнулся.

— Эта наука неизвестна на Земле, но я уже запатентовал основные выводы, и как только начнут поступать деньги за лицензии, снова стану богат.

Это Андерхилл уже слышал. Неразговорчивость старика производила, правда, хорошее впечатление, но большинство жильцов Авроры умели пустить пыль в глаза.

— Да? — Андерхилл вновь с интересом посмотрел на его узловатые, поцарапанные и, похоже, удивительно умелые руки. — А что это, собственно, такое — родомагнетизм?

Слушая осторожный, взвешенный ответ старика, он вновь начал забавляться своей невинной игрой. Жильцы Авроры умели рассказывать небывалые истории, но ни одну из них нельзя было сравнить с этой.

— Это универсальная сила, — серьезно сказал сгорбленный бродяга. — Такая же универсальная, как ферромагнетизм или гравитация, хотя следствия ее менее очевидны. Она связана со второй триадой периодической системы: родием, рутением и палладием, подобно тому как ферромагнетизм связан с первой триадой: железом, никелем и кобальтом.

Андерхилл еще помнил кое-что из университетских лекций и сразу обнаружил принципиальную ошибку — палладий использовался в часовых пружинах, поскольку был абсолютно немагнитен — однако, не подал виду. В сущности, он вел свою невинную игру только ради забавы, а не со зла. Он держал это в тайне даже от Авроры, и всегда наказывал себя за малейшие сомнения снятием очка. Поэтому он только и сказал:

— Я думал, что универсальные силы достаточно хорошо известны.

— Следствия родомагнетизма маскирует сама природа, — терпеливо объяснил старик. — Кроме того, они кое в чем парадоксальны, поэтому обычные лабораторные методы не годятся для их определения.

— Парадоксальны? — удивился Андерхилл.

— Через несколько дней я покажу вам копии моих патентов и перепечатки статей с описаниями опытов, — торжественно пообещал старик. — Скорость его распространения не ограничена, действие обратно пропорционально расстоянию, а не его квадрату. Обычная материя, за исключением триады родия, не является преградой для родомагнитного излучения.

Еще четыре очка — Андерхилл мысленно поблагодарил Аврору за такого необычного гостя.

— Впервые родомагнетизм был открыт при математическом моделировании атома, — спокойно, ни о чем не подозревая, продолжал старый враль. — Родомагнитное излучение поддерживает равнове-

сие сил в ядре атома. Из этого следует, что родомагнитные волны, настроенные на частоту атомных колебаний, можно использовать для сдвига этого равновесия и получения ядерной нестабильности. Таким образом, большинство тяжелых элементов, то есть все, что за палладием, можно подвергнуть искусственному расщеплению.

Андерхилл добавил еще очко, стараясь сохранить каменное выражение лица. Он только сказал:

— Патент на такое открытие должен принести вам целое состояние.

Старый обманщик кивнул.

— Возможности использования напрашиваются сами. Я запатентовал большинство из них: устройства для молниеносных межпланетных и межзвездных путешествий, беспроводная передача энергии на большие расстояния, родомагнитный привод, — он позволит достичь скоростей, многократно превосходящих скорость света, с помощью родомагнитной деформации континуума. И, разумеется, революция в строительстве атомных электростанций — они смогут работать на любых тяжелых элементах!

Что за вздор?! Андерхилл изо всех сил пытался держать себя в руках — ведь каждому известно, что скорость света является физически непреодолимой границей. И с чисто практической точки зрения — трудно ожидать, что владелец таких патентов будет искать убежище в общарпанной комнате над гаражом. На худом и волосатом запястье гостя виднелась светлая полоска — ни одному человеку, обладающему такими бесценными секретами, не потребуется продавать часы.

Андерхилл с торжеством в душе добавил себе четыре очка, но тут же одно пришлось отнять. Вероятно, на лице его отразилось недоверие, потому что старик вдруг спросил:

— Показать вам основные тензоры? — Он полез в карман за блокнотом и карандашом. — Сейчас я их напишу.

— Не стоит, — запротестовал Андерхилл. — Боюсь, что от моих познаний в математике осталось немного.

— Но вам странно, что владелец таких патентов оказался в нищете?

Неохотно признав его правоту, Андерхилл отнял у себя еще одно очко. Старик, конечно, врал, но ума у него не отнять.

— Понимаете, я что-то вроде беглеца, — извиняющимся тоном сказал гость. — На эту планету прибыл всего два дня назад, и по необходимости путешествую с минимумом багажа. Все, что имел, я отдал адвокатской фирме, которая должна заняться публикацией и охраной моих патентов. Полагаю, вскоре придут первые лицензионные деньги. А пока, — добавил он, — я приехал в Ту-Риверс, поскольку город ваш тихий, спокойный и расположен вдали от космодромов. Сейчас я работаю над одним проектом, который должен

держат в тайне. Надеюсь, вы не обманете моего доверия, мистер Андерхилл?

Андерхиллу пришлось пообещать. В этот момент вошла Аврора с умытыми детьми, и все отправились на кухню ужинать. Раскачиваясь на ходу, андроид принес дымящуюся супницу; гость отодвинулся от нее с явной опаской. Аврора взяла половник и, разливая суп, заметила:

— Дорогой, может, твоя фирма постарается сделать лучшего робота? Такого, чтобы был идеальным официантом и никогда не расплескивал суп. Это было бы великолепно.

Ее вопрос погрузил Андерхилла в мрачные раздумья. Он сидел, угрюмо взглядываясь в тарелку, и думал о необычных роботах, которые утверждали, что идеальны во всех отношениях — это означало конец для его фирмы. Ответ неожиданно пришел из уст старого бродяги:

— Идеальные роботы уже существуют, миссис.— В его хриплом голосе звучали неожиданно серьезные ноты.— И не такие уж они великолепные, можете мне поверить. Я бегаю от них почти пятьдесят лет.

Удивленный Андерхилл поднял голову.

— Вы имеете в виду тех черных гуманоидов?

— Гуманоидов? — Могучий голос внезапно умолк, будто от страха. Глубоко посаженные глаза потемнели.— Что вы о них знаете?

— Они только что открыли филиал в Ту-Риверс,— ответил Андерхилл.— Представляете, у них даже нет продавца. Они утверждают...

Он замолчал — у старика вдруг начался приступ: обеими руками он схватился за горло, ложка со звоном упала на пол, лицо зловеще посинело, а дыхание стало пугающе частым. Старик полез в карман за лекарством, а Аврора подала воду — запить. Вскоре он снова дышал нормально, а лицо приобрело обычный цвет.

— Прошу прощения,— выдал он.— Это сюрприз для меня. Я прибыл сюда, чтобы скрыться от них.— Он с ужасом взглянул на большого неподвижного андроида.— Мне хотелось кончить свое дело, прежде чем они сюда явятся. Теперь времени осталось мало.— Он собрался с силами и встал. Андерхилл помог ему подняться по лестнице в комнату над гаражом. При этом он заметил, что маленькая кухня стала похожа на мастерскую. У старого бродяги не было запасного костюма, зато на кухонном столе лежали странные блестящие предметы из металла и пластика.

Этот костлявый старец бы ободран и жалок, но части странного оборудования поражали высоким качеством. Андерхилл узнал серебристо-белый блеск благородного палладия и внезапно подумал, что, возможно, насчитал себе слишком много очков в своей игре.

III

Когда на следующее утро Андерхилл пришел на работу, его уже ждал гость. Он неподвижно стоял перед столом, худошавый и прямой, а его черная силиконовая нагота переливалась теплыми коричневыми и холодными голубыми бликами. Увидев его, Андерхилл оstanовился как вкопанный.

— К вашим услугам, мистер Андерхилл.— Робот повернулся и устремил на него неприятный стальной взгляд.— Вы позволите показать вам диапазон наших возможностей?

Вспомнив вчерашнее потрясение, Андерхилл резко спросил:

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Мы прочли вчера визитные карточки, которые вы держите в папке,— последовал ответ.— Теперь мы запомним вас навсегда. Понимаете, наши чувства более остры, чем человеческое зрение. Поначалу мы можем казаться несколько странными, но вы быстро к нам привыкнете.

— Ну уж, нет! — Андерхилл взглянул на серийный номер на желтой пластине и удивленно покачал головой.— Вчера я разговаривал с другим, а тебя никогда прежде не видел!

— Мы все одинаковые, мистер Андерхилл,— звучно продолжал серебристый голосок.— В сущности, мы составляем единое целое. То, что вы видите — отдельные подвижные единицы, управляемые и питаемые энергией из Центра Гуманоидов. Эти единицы — просто органы чувств и конечности нашего большого мозга на Винг-IV. Именно поэтому мы значительно совершеннее старых электронных роботов.— Презрительным жестом он указал на ряд неуклюжих андроидов, стоявших в выставочном зале.— Дело в том, что мы родомагнитны.

Андерхилл пошатнулся — слово это обрушилось на него, словно удар. Он уже не сомневался, что насчитал себе вчера слишком много очков, и вздрогнул, ощутив первое дуновение опасности.

— Так чего же ты хочешь? — спросил он хриплым голосом.

Глядя прямо перед собой невидящими глазами, гладкий черный робот медленно развернул какой-то документ. Андерхилл тяжело сел.

— Это просто передача собственности,— заворковал робот.— Мы предлагаем передать вашу собственность Институту Гуманоидов в обмен на наши услуги.

— Что такое? — Со сдвоенным криком недоверия Андерхилл вскочил на ноги.— Что это, шантаж?

— Это не шантаж,— мягко заверил робот.— Вы сами убедитесь, что гуманоиды не способны совершить преступление. Мы существуем лишь для того, чтобы обеспечить людям счастье и безопасность.

— Тогда почему вы хотите забрать мою собственность?

— Это просто формальность,— последовал вежливый ответ.— Мы стараемся вводить наши услуги так, чтобы не вызывать паники. Передача собственности — самый действенный способ, позволяющий нам контролировать и ликвидировать частные компании.

Дрожа от гнева и нарастающего ужаса, Андерхилл прохрипел сквозь стиснутые зубы:

— Мне плевать на ваши способы. Я не собираюсь отдавать свою фирму.

— Поверьте, у вас нет другого выхода,— Спокойная уверенность серебряного голоса заставила Андерхилла содрогнуться.— Там, куда мы пришли, фирмы, возглавляемые людьми, уже не нужны, и промышленность, производящая электронных роботов, всегда разорвется первой.

Андерхилл вызывающе заглянул в неподвижные стальные глаза.

— Большое спасибо! — Он коротко засмеялся, нервно и сардонически.— Но я предпочитаю сам вести свои дела, сам содержать свою семью и сам заботиться о себе.

— Согласно Высшему Закону, это невозможно,— заворковал робот.— Наше задание — служить, слушать и беречь людей от беды. Теперь людям не нужно больше о себе беспокоиться, мы обеспечим им безопасность и счастье.

Андерхилл молча смотрел на него, кипя от гнева.

— Мы отправляем по одному из нас во все дома города, для бесплатной демонстрации,— мягко добавил робот.— Еще в процессе испытаний большинство граждан охотно подпишут представленные документы. Вам не продать ваших андроидов.

— Убирайся! — Андерхилл яростно выскочил из-за стола.— И заberi эту проклятую бумагу...

Маленький черный человечек спокойно стоял, глядя на него стальными глазами. Андерхилл опомнился и почувствовал себя глупо. Ему очень хотелось ударить робота, но он понимал бессмысленность такого жеста.

— Если хотите, свяжитесь со своим адвокатом.— Робот положил документ на стол.— Можете не сомневаться в платежеспособности Института Гуманоидов. Мы отправили список наших активов в местный банк и депонировали там определенную сумму на покрытие всех наших обязательств. Дайте нам знать, когда надумаете подписать.

Робот повернулся и тихо вышел.

Андерхилл отправился в аптеку на углу и попросил соду. Продавцом оказался гладкий черный робот, и Андерхилл вернулся в контору мрачнее тучи.

В конторе царила зловещая тишина. Трое его торговых агентов ездили по городу от дома к дому с образцами товаров и давно уже

должны были позвонить, но телефон молчал, как проклятый. Наконец, один из них позвонил и сообщил, что уходит с работы.

— Я взял себе одного из этих новых гуманоидов,— добавил он.— Он говорит, что мне больше не нужно работать.

Проглотив проклятье, Андерхилл решил воспользоваться редким спокойным днем и просмотреть расчетные книги. Финансы фирмы выглядели убого. Он с удовольствием оторвался от этого занятия, когда в магазин вошла клиентка, однако полная женщина вовсе не хотела покупать андроида. Она хотела, чтобы ей вернули деньги за робота, купленного на прошлой неделе. Да, он делает все, что должен, но теперь она увидела гуманоида.

Телефон ожил еще раз: кассир из банка просил его зайти, поговорить о финансах. Андерхилл отправился туда, и кассир приветствовал его со зловещей вежливостью.

— Как дела?

— Как обычно,— ответил Андерхилл.— Я как раз жду новой партии и хотел бы взять небольшую ссуду...

Глаза кассира стали ледяными.

— Насколько я знаю, в городе у вас появился новый конкурент. Это гуманоидальные человечки. Очень солидная фирма, мистер Андерхилл. Чрезвычайно солидная! Они открыли у нас счет и внесли крупную сумму на покрытие местных обязательств. Очень крупную сумму!

Служащий с профессиональным сочувствием понизил голос.

— Боюсь, что в этих условиях, мистер Андерхилл, наш банк не сможет больше финансировать ваши сделки. Мы просим вас расплатиться в установленное время.— Заметив отчаяние Андерхилла, он холодно добавил: — Мы и так возились с вами слишком долго. Если вам нечем платить, банку придется начать процесс о банкротстве.

Новых андроидов привезли во второй половине дня. Два маленьких черных гуманоида вытащили их из грузовика — оказалось, что руководители транспортной фирмы уже передали ее Институту Гуманоидов.

Гуманоиды ловко установили ящики, и услужливо принесли ему на подпись бумаги. Надежды продать товар не было, но Андерхилл заказывал его и теперь вынужден был принять. Дрожа от бессильной ярости, он торопливо расписался. Нагие черные роботы поблагодарили и уехали.

Андерхилл сел в машину и отправился домой, все еще кипя от гнева. Посреди оживленного перекрестка его остановил полицейский свисток. Он смиренно подъехал к тротуару, ожидая разозленного полицейского, но им занялся маленький черный робот.

— К вашим услугам, мистер Андерхилл,— застрекотал он.— Вам нужно внимательнее следить за светофором, вы подвергаете опасности человеческие жизни.

— В чем дело? — раздраженно спросил Андерхилл. — Я думал, что буду иметь дело с фараоном.

— Мы временно помогаем дорожной полиции. Однако, согласно Высшему Закону, управление автомобилями слишком опасно доверять людям. Как только мы введем свои услуги в полной мере, у каждой машины будет водитель-гуманоид. А когда охватим опекой всех людей, надобность в полиции и вовсе отпадет.

Андерхилл дико уставился на него.

— Ну, ладно! — рявкнул он. — Я проехал на красный свет. Что ты собираешься со мною делать?

— Наша задача — не наказание людей, а обеспечение им счастья и безопасности, — застрекотал робот. — Мы просим только, чтобы вы ездили осторожно в эти критические дни, пока мы не обеспечили всем полной безопасности.

Андерхилл кипел от злости.

— Будьте вы прокляты с этим вашим совершенством! — с горечью выдал он. — Вероятно, нет вещей, которые вы делали бы хуже нас.

— Разумеется, мы совершеннее людей, — радостно согласился робот. — Мы сделаны из металла и пластика, а ваши тела состоят, в основном, из воды. Нами движет ядерная энергия, и нам не нужен кислород. У нас острее слух и зрение, а кроме того, все мы подключены к одному большому мозгу, который знает, что происходит на многих планетах, никогда не спит, ничего не забывает и никогда не отключается.

Андерхилл сидел, оцепенев.

— Однако вам незачем бояться нашей силы, — заверил его робот. — Мы не можем причинить вреда ни одному человеку, разве что с целью предупреждения большего несчастья. Мы существуем лишь для того, чтобы обеспечить соблюдение Высшего Закона.

Андерхилл мрачно поехал дальше. «Маленькие черные роботы, — уныло думал он, — вестники последнего бога, рожденного из машины, всемогущего и всезнающего. Высший Закон — это новая Библия». Он кощунственно проклял его и задумался, а не существует ли и второй Люцифер.

Оставив машину в гараже, он направился в кухню.

— Мистер Андерхилл! — остановил его глубокий усталый голос жильца Авроры. — Подождите минутку.

Худой старый бродяга спустился по лестнице из своей комнатки над гаражом.

— Вот плата за квартиру. И десять долларов, которые ваша жена дала мне на лекарство.

— Спасибо, мистер Следж. — Принимая деньги, Андерхилл заметил, что костлявые плечи опустились под грузом отчаяния, а на вытянутом лице отражается боль. Он удивленно спросил:

— Вы еще не получаете гонораров?

Старик покачал всклокоченной головой.

— Гуманоиды уже завладели большинством предприятий в столице. Адвокаты, которых я знал, бросают работу. Они вернули мне остаток денег. Это все, что осталось у меня для окончания работы.

За несколько секунд Андерхилл вспомнил свой разговор в банке. Несомненно, он сентиментальный глупец, такой же неисправимый, как Аврора. И все же он сунул деньги обратно в узловатую тряскую руку.

— Оставьте их себе, — сказал он. — На вашу работу.

— Спасибо. — Грубый голос стал мягче, а глаза заблестели. — Вы даже не представляете, как они мне нужны.

Андерхилл направился к дому. Кухонная дверь бесшумно открылась перед ним, и темная нагая фигура подошла, чтобы взять у него пальто и шляпу.

IV

Андерхилл не собирался отдавать ему шляпу.

— Что ты тут делаешь? — злобно спросил он.

— Мы прибыли бесплатно продемонстрировать свои услуги. Андерхилл распахнул дверь.

— Убирайся!

Маленький черный робот стоял неподвижно, только глаза поблескивали.

— Миссис Андерхилл приняла наше предложение, — возразил серебряный голосок. — Мы не можем уйти, пока она этого не потребует.

Жену он нашел в спальне. Вся накопившаяся в нем злость готова была выплеснуться.

— Что делает этот проклятый робот в моем... — Слова застряли у него в горле, и Аврора даже не заметила его гнева. На ней было соблазнительное прозрачное negligé — со времени их свадьбы она не выглядела так хорошо. Ее рыжие волосы были собраны в искусную сверкающую корону.

— Дорогой, скажи, разве он не чудесен? — Она подошла к нему, сияя от радости. — Его прислали сегодня утром и оказалось, что он может абсолютно все. Убрал дом, приготовил ленч и дал Гей урок музыки. После полудня он сделал мне новую прическу, а сейчас готовит обед. Как я тебе нравлюсь, дорогой?

Она очень ему нравилась, и он поцеловал ее, пытаясь, подавить страх и гнев.

Обед был самым изысканным из всех, что они ели за последние годы; маленький черный человечек подавал его весьма ловко. Авро-

ра не могла нахвалиться новыми блюдами, но Андерхиллу кусок не лез в горло — ему казалось, что все эти деликатесы лишь приманка в какой-то чудовищной ловушке.

Он пытался убедить Аврору отправить робота назад, но после такого пира это было невозможно. После первых же слез он сдался, и гуманоида оставили. Он заботился о доме и саде, следил за детьми и красил Авроре ногти. А потом начал перестраивать дом.

Андерхилла беспокоила проблема оплаты, но гуманоид утверждал, что все это делается в рамках бесплатной демонстрации. Как только Андерхилл перепишет на них свою собственность, услуги будут оказываться ему в полной мере. Андерхилл отказался, и тем не менее другие маленькие черные человечки привезли на грузовике необходимое оборудование и остались помогать в строительстве.

Однажды утром он увидел, что пока он спал, с дома тихо сняли крышу и надстроили еще один этаж. Новые стены были из какого-то странного материала, флуоресцирующего и гладкого. Новые окна, большие и чистые, могли становиться прозрачными, молочно-белыми или подсвеченными. Новые двери бесшумно открывались при помощи родомагнитных переключателей.

— Я хочу ручки на дверях, — запротестовал Андерхилл. — Хочу, чтобы в ванную можно было зайти, не вызывая кого-то из вас.

— Людям уже не нужно самим открывать двери, — вежливо сообщил ему маленький черный робот. — Мы существуем для того, чтобы претворять в жизнь Высший Закон. Как только вы откажетесь от собственности, каждый член вашей семьи получит в свое распоряжение одного из нас.

Андерхилл упрямо отказался.

Он каждый день ездил на работу, поначалу пытаясь руководить фирмой, а потом — спасти, что еще можно. Никто не хотел брать андроидов даже по смехотворно низкой цене. В отчаянии он потратил остатки тающего капитала на различные новинки и игрушки, но и это продать было невозможно — гуманоиды делали лучшие игрушки и раздавали их даром.

Он пытался сдать внаем свою контору, но люди уже ликвидировали все свои дела. Большинство фирм перешли в собственность гуманоидов, которые усердно ломали старые фабрики, разбивая на их месте парки. Их собственные заводы и склады располагались под землей, чтобы не портить пейзажа.

Андерхилл еще раз наведлся в банк, чтобы все-таки попытаться отсрочить платеж, но там уже стояли в окошках и сидели за столами маленькие черные гуманоиды. Так же вежливо, как обычный банковский служащий, робот сообщил ему, что банк уже начал процесс о банкротстве и ликвидации его фирмы с целью покрытия долгов.

Эти долги могли быть частично списаны, если бы Андерхилл согласился добровольно передать свою собственность Институту Гу-

маноидов. Андерхилл категорически отказался. Из принципа. Согласие означало бы окончательное смирение перед этим новым черным божком, а он держал измученную голову гордо поднятой.

Процедура прошла без задержек, поскольку большинство судей и адвокатов уже располагали помощниками-гуманоидами. Два дня спустя явилась группа черных роботов с ордером на принудительное выселение и бульдозером. Печально смотрел Андерхилл, как его не проданные товары идут на лом, как бульдозер, управляемый стаглазым роботом, рушит стены здания.

Домой он вернулся поздно, в тоске и отчаянии. Удивительно мягкий приговор суда оставил ему дом и машину, но он не чувствовал благодарности. Безмерная заботливость совершенных черных машин стала невыносима.

Поставив машину в гараж, Андерхилл направился к дому, но заметил за одним из больших новых окон ловкую наглую фигурку и содрогнулся от внезапного ужаса. Он не хотел возвращаться на территорию, оккупированную этим несравненным слугой, который не позволял ему самому ни побриться, ни даже открыть дверь.

Повинуясь внезапному импульсу, он поднялся по лестнице и постучал к постояльцу. Зычный голос пригласил его войти; старый бродяга сидел на высоком стуле, склонившись над сложной аппаратурой, что лежала на кухонном столе.

К огромному своему облегчению, Андерхилл заметил, что обшарпанная комнатка осталась прежней. Поблескивающие стены его собственной новой комнаты горели по ночам бледным золотым огнем, пока гуманоид не гасил его, а новый пол был теплым и пружинистым, почти живым; здесь же в маленьких комнатках осталась та же штукатурка в трещинах и пятнах, те же дешевые лампочки и потертые дорожки на полу.

— Как вы сумели от них отделаться? — с завистью спросил Андерхилл. — От этих проклятых роботов?

Старик с трудом поднялся, снял с колченогого стула несколько щипцов и какие-то куски металла и вежливо пригласил гостя присесть.

— Меня защищает иммунитет, — серьезно сказал он. — Без моего разрешения они не могут войти туда, где я живу. Это поправка к Высшему Закону. Они не могут ни помочь, ни помешать мне, пока я сам их не попрошу... а я не собираюсь их просить.

Андерхилл осторожно сидел на шатком стуле, разглядывая старика. Его хриплый голос звучал так же странно, как и слова. Лицо покрывала нездоровая серая бледность, глаза и щеки ввалились.

— Вы хорошо себя чувствуете, мистер Следж?

— Не хуже, чем обычно. Просто у меня много работы. — Он с улыбкой указал на пол, где стоял поднос с сохнувшим хлебом и остывшая тарелка с крышкой. — Я хотел съесть это попозже, —

объяснил Следж. — Ваша жена была настолько добра, что принесла мне обед, но я, к сожалению, был слишком занят.

Исхудавшей рукой он указал на стол. С прошлого раза странное устройство выросло. Небольшие элементы из бесценного белого металла и сверкающего пластика вместе со старательно припаянными шинами образовывали продуманную и целостную конструкцию.

Длинная палладиевая игла, вращавшаяся на алмазных подшипниках, была, подобно телескопу, снабжена угловыми шкалами и нониусами; в движение ее, как и телескоп, приводил моторчик небольшой мощности. Вогнутое палладиевое зеркальце у основания отражало такое же зеркало, укрепленное на чем-то отдаленно похожем на электрический преобразователь. Массивные серебряные шины вели к пластиковому ящичку с верньерами и индикаторами на крышке, а еще — к свинцовому шару диаметром сантиметров в тридцать.

Старик был поглощен работой и явно не расположен к беседе, но Андерхилл, вспомнив черный силуэт за новым окном своего нового дома, почувствовал странное нежелание покидать этот рай, где не было гуманоидов.

— Над чем вы работаете? — решил он спросить.

Старик Следж взглянул на него темными возбужденными глазами и, наконец, ответил:

— Над своим последним проектом. Хочу измерить постоянную кванта родомагнетизма.

Его хриловатый усталый голос явно давал понять, что он не желает развивать ни эту тему, ни разговор вообще, однако Андерхилл, преследуемый видением черного блестящего раба, ставшего хозяином, не сдавался.

— А что это за иммунитет?

Старик сидел, склонившись над столом, мрачно глядел то на длинную блестящую иглу, то на свинцовый шар и не спешил отвечать.

— Эти чертовы роботы! — взорвался Андерхилл. — Они разорили меня и, в довершение всего, забрались в мой дом. — Он заглянул в темное, морщинистое лицо старика. — Вы, конечно, знаете о них больше, так скажите, есть ли способ избавиться от них?

Спустя полминуты задумчивые глаза старика оторвались от свинцового шара, а лохматая голова кивнула.

— К этому я и стремлюсь.

— Могу я вам помочь? — Андерхилл почувствовал внезапную надежду. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Возможно, и сможете. — Запавшие глаза внимательно смотрели на него. — Если знакомы с такой работой.

— Я учился в политехническом, — напомнил Андерхилл. — В подвале у меня есть мастерская, а эту модель я построил сам. —

Он указал на изящный кораблик, висящий над камином. — Я сделаю все, что в моих силах.

Еще не закончив, он почувствовал, как искра надежды гаснет под напором волны сомнений. Почему, хорошо зная везучесть Авроры на жильцов, он должен верить этому старому бродяге? Самое время вспомнить старую игру и начать пересчитывать бессмысленную ложь на очки. Он встал со стула, цинично разглядывая ободранного старца и его фантастическую игрушку.

— Впрочем, что тут говорить? — буркнул он неожиданно резко — Вы меня почти убедили. Я бы действительно многое отдал, чтобы от них избавиться, но откуда вы знаете, что сможете это сделать?

Усталый старик задумчиво смотрел на него.

— Я должен уничтожить их, — сказал он наконец. — Ведь я тот несчастный глупец, который вызвал их к жизни. Да, я хотел, чтобы они служили, слушали и берегли людей от бед. Высший Закон — это моя идея. Я не знал, к чему это приведет.

V

Сумерки постепенно заполняли обшарпанную комнатку, густея в запыленных углах, ложась на пол. Очертания фантастической аппаратуры на кухонном столе становились все более размазанными, нереальными, пока последний луч света не сверкнул на белой палладиевой игле.

Город казался удивительно тихим. На другой стороне улицы гуманоиды бесшумно строили новый дом. Они никогда не переговаривались друг с другом, поскольку каждый точно знал, что делает другой. Их необычные строительные материалы тихо соединялись между собой, не было слышно ни стука молотка, ни визга пилы. Маленькие ловкие фигурки уверенно двигались в наступающих сумерках, ступая тихо, как тени.

Сгорбившись на высоком стуле, усталый и постаревший Следж начал рассказывать. Андерхилл вновь осторожно уселся на шаткий стул и смотрел на руки Следжа, жилистые и загорелые, когда-то умелые и сильные, а сейчас — трясущиеся и беспокойные.

— Держите все это при себе. Я расскажу вам, как все это началось, чтобы вы знали, что делать, но не говорите об этом слова вне этих стен: гуманоиды хорошо умеют удалять из памяти плохие воспоминания и намерения, которые могли бы угрожать Высшему Закону.

— Они очень эффективны, — с горечью согласился с ним Андерхилл.

— В том-то и дело, — ответил старик. — Я хотел создать совер-

шенную машину, и это получилось у меня слишком хорошо. Вот как это было.

Жалкий худой старик, сгорбленный и усталый, рассказал свою историю:

— Шестьдесят лет назад я читал теорию атома в техническом колледже на южном континенте планеты Винг-IV. Я был холостяком, идеалистом, невеждой в вопросах жизни, политики и войны, короче, во всем, кроме теории атома. — Морщинистое лицо озарилось печальной улыбкой. — Пожалуй, я излишне верил в науку и недостаточно — в людей. Я не доверял эмоциям, поскольку не имел времени ни на что, кроме науки. Поддавшись моде на семантику, я хотел использовать научные методы в любой ситуации, упростить опыт до математической формулы. Думаю, меня раздражали человеческие ошибки и невежество. Я считал, что наука как таковая может привести мир к совершенству.

Какое-то время он сидел молча, глядя на бесшумные черные си-луэты, которые, словно призраки, сновали вокруг растущего, как во сне, дворца.

— Потом я встретил девушку. — Старик слабо пожал плечами. — Если бы жизнь пошла по-другому, мы, вероятно, поженились бы, поселились в небольшом спокойном городе и дождались бы детей, и никаких гуманоидов не было бы.

Он тяжело вздохнул.

— Я как раз кончал работу о получении изотопов палладия — так, ничего особенного, но мне было интересно. Она была биологом, но собиралась после свадьбы бросить работу. Думаю, мы были бы счастливой парой, самой обычной и безвредной. Но началась война: с самого начала колонизации планеты люди непрерывно воевали. Я провел ее в секретной подземной лаборатории, конструируя боевых роботов, а она вызвалась добровольцем на производство биотоксинов.

Из-за несчастного случая несколько новых вирусов оказались на свободе, и все члены группы умерли в муках. Я остался один со своей наукой и скорбью, не дававшей мне покоя. Война кончилась, и я вернулся в колледж, получив субсидию на военные исследования. Тема была чисто научной: теоретические исследования внутриядерных сил; тогда их понимали неверно. От меня не ждали нового оружия, и я сам не заметил, как изобрел его.

Это было всего лишь несколько страниц трудной математики. Новаторская теория строения атома с новой формулой для одного из факторов сил притяжения. Тензоры смотрелись как безвредная абстракция. Я не видел возможностей проверки теории или использования предсказываемой силы, и военные власти согласились на публикацию моей работы в небольшом техническом журнале, который издавал наш колледж.

На следующий год я сделал ужасное открытие — понял значение этих тензоров. Элементы триады родия неожиданно оказались ключом к использованию небывалой силы. К сожалению, работу мою перепечатали за границей, и несколько других ученых примерно в то же время сделали то же несчастное открытие.

Война, начавшаяся неполный год спустя, была, вероятно, результатом несчастного случая в лаборатории. Люди не могли предвидеть возможностей родомагнитных лучей, дестабилизации тяжелых атомов, и по несчастливому совпадению взлетел на воздух запас тяжелых металлов. Взрыв убил неосторожного экспериментатора, но причина его была понята неправильно.

Уцелевшие военные силы этой страны ответили предполагаемому агрессору родомагнитными лучами, в сравнении с которыми древние бомбы казались детскими игрушками. Луч мощностью несколько ватт расщеплял на расстоянии тяжелые металлы в электрических приборах, серебряные монеты в карманах, золотые пломбы на зубах и даже йод в щитовидной железе. А если этого было мало, более мощные лучи могли взрывать залежи металлов под землей.

Все континенты Винг-IV были изрезаны расщелинами более глубокими, чем океанские впадины, и покрыты новыми вулканическими горами. Атмосфера была заражена радиоактивной пылью и отравляющими газами. Густой дождь нес с собой смертоносную грязь. Почти все живое погибло, даже в убежищах.

Я же вновь уцелел, сидя в подземном бункере и конструируя на этот раз новые типы боевых роботов, движимых и управляемых родомагнитными лучами, поскольку война стала слишком быстрой и убийственной для обычных солдат. Убежище располагалось в районе легких скал осадочного происхождения, их было нелегко взорвать, и его помещения были экранированы от расщепляющих лучей.

Однако дух мой был сломен, и я едва не лишился рассудка. Из-за моего открытия вся планета лежала в руинах. Меня мучило непреодолимое чувство вины, и я окончательно потерял веру в добро и правоту человека.

Я хотел исправить зло, которое причинил. Сражающиеся роботы, вооруженные родомагнитным оружием, опустошали планету, поэтому я начал разрабатывать роботов, которые могли бы уничтожить пепелища и поднять все из развалин.

Я пытался спроектировать их так, чтобы они подчинялись неким универсальным моральным законам и не могли участвовать в войне или какой-либо преступной деятельности, направленной против человека. Это было весьма сложно технически, а кроме того, дополнительные сложности ждали меня со стороны нескольких политиков и военных, которые ждали от меня совершенно других роботов: хо-

тя на Винг-IV уже не за что было воевать, оставались еще другие планеты — спокойные, счастливые и пригодные для грабежа.

В конце концов, чтобы закончить работу, мне пришлось исчезнуть. Я бежал на экспериментальном родомагнитном воздушном корабле вместе с парой лучших роботов, которых мне удалось сделать, и мы добрались до континента, где взрывы подземных залежей уничтожили все население.

Приземлились мы на ровном плато, окруженном со всех сторон высоченными новорожденными горами. Не очень-то приветливое место. Сожженную землю покрывал толстый слой черного шлака и ядовитой грязи, темные крутые склоны вокруг были изрезаны расщелинами и залиты лавой. Самые высокие пики покрывал снег, но вулканические кратеры по-прежнему извергали смертоносную магу. Все имело цвет огня и форму фурий.

Приходилось принимать необычайные меры предосторожности, чтобы остаться в живых. Я не выходил из корабля, пока не была готова защищенная экранами лаборатория, носил специальный защитный комбинезон и маску, принимал всевозможные лекарства от лучевой болезни. И все-таки был очень болен.

Однако роботы чувствовали себя как дома. Излучение им не вредило, ужасный ландшафт не угнетал, они ведь не были живыми существами. Именно там, в этом чужом и непригодном для жизни месте, родились гуманоиды.

Сгорбленный и мертвенно-бледный старик на минуту умолк. Измученным взглядом он мрачно разглядывал снующие на другой стороне улицы фигуры — они все строили удивительный, флуоресцирующий в темноте новый дворец.

— Я тоже чувствовал там себя, в некотором смысле, как дома, — задумчиво продолжал глубокий хриплый бас. — Я потерял веру в людей. Окружив себя роботами, я перенес на них свои надежды, был полон решимости создать еще лучших роботов, противостоящих человеческим недостаткам и способных спасти человека от него самого.

Гуманоиды стали любимым детищем моего больного разума. Нет нужды описывать муки, в которых они рождались. На этом пути были ошибки и заблуждения, страдания и сомнение. Прошло несколько лет, прежде чем на свет появился первый совершенный гуманоид.

Теперь подошло время для строительства Центра, поскольку все гуманоиды должны были являться лишь представителями единого могучего искусственного мозга. Именно это открывало возможность достижения истинного совершенства. Старые электронные роботы с индивидуально управляемыми мозгами и собственным плохоньким питанием имели врожденные конструктивные ограничения. Поэтому они были глупыми, слабыми, неуклюжими и медли-

тельными. И что хуже всего — так мне тогда казалось — они позволяли людям манипулировать собой.

Центр исключал все эти недостатки. С помощью родомагнитных лучей каждый робот получал неисчерпаемую энергию от могучих ядерных электростанций. Управляющие лучи давали ему абсолютную память и непревзойденный интеллект. И что лучше всего, так я тогда считал, Центр был полностью защищен от вмешательства человека.

Я спроектировал целую систему для защиты Центра от последствий человеческого эгоизма или фанатизма. Он был создан для того, чтобы автоматически обеспечить человечеству безопасность и счастье. Вы знаете Высший Закон: «Служить, слушать и беречь людей от беды».

Старые, традиционные роботы, которых я с собой привез, помогли мне создать отдельные части, и я собственными руками собрал первые секции Центра. На это ушло три года. Закончив, я выпустил в жизнь первого гуманоида.

Следж печально посмотрел на Андерхилла.

— Он казался мне подлинно живым существом, — продолжал неторопливый, глубокий голос. — Живым и более совершенным, чем человек, ибо был создан, чтобы защищать жизнь. Больной и одинокий, я чувствовал себя отцом живого существа, существа совершенного, навсегда освобожденного от соблазна зла.

Гуманоиды действительно соблюдали Высший Закон. Первые экземпляры собирали следующие, началось строительство подземных фабрик для массового производства. Их новые корабли сыпали металлы и песок в атомные печи на спаленных равнинах, и новые совершенные гуманоиды, сериями выходили из темноты автоматизированных форм.

Целые сонмы гуманоидов построили новую башню Центра, белый и величественный металлический пилон, гордо стоящий посреди перепаханной огнем пустыни. На его новых этажах подключались новые секции памяти, и вскоре емкость мозга стала практически неограниченной.

Затем они взялись за восстановление разрушенной планеты, а позднее — понесли свои идеальные услуги в другие миры. Тогда я был очень доволен собой, думал, что нашел лекарство от войн и преступлений, нужды, общественного неравенства и проистекающих от них несчастий.

Старик вздохнул, беспокойно шевельнулся в темноте.

— Как видите, я ошибался.

Андерхилл отвел взгляд от черных неумолимых фигур. Его мучили сомнения, ибо в душе он привык смеяться над гораздо менее удивительными историями, которые слышал от жильцов Авроры. Однако этот усталый старый человек говорил спокойно и уверенно,

а черные захватчики, напомнил себе Андерхилл, так и не смогли сюда войти.

— Почему вы их не остановили? — спросил он. — Когда еще могли это сделать?

— Я слишком долго оставался в Центре, — Следж вновь печально вздохнул. — Я был нужен там, чтобы закончить начатое. Я спроектировал новые ядерные станции и даже придумал метод введения услуг гуманоидов без излишнего беспокойства и возражений.

Андерхилл саркастически улыбнулся.

— Знаю, столкнулся с ним, — заметил он. — Весьма успешный метод.

— Тогда я слепо верил в успех, — признал Следж. — В голые факты, абстрактную правду, механическую точность. Я ненавидел человеческую слабость и упрямо доводил новых гуманоидов до совершенства. Это грустное признание, но в той мертвой пустоте я был в некотором смысле счастлив. Честно говоря, я, пожалуй, влюбился в созданные мною машины.

Его ввалившиеся глаза горели огнем.

— Так продолжалось, пока меня не разбудил человек, явившийся, чтобы меня убить.

VI

Худой сгорбленный старец с трудом выпрямился. Андерхилл поерзал на стуле, не забывая, что он шатается. Он ждал, и спокойный глубокий голос заговорил снова:

— Я никогда не узнал, кем он был и как сумел до меня добраться. Ни один простой смертный не смог бы этого совершить. Я жалею, что не был знаком с ним раньше; должно быть, он был выдающимся физиком и опытным альпинистом. И, наверное, охотником тоже.

И он действительно прибыл, чтобы убить меня.

Каким-то образом ему удалось незаметно добраться до этого большого острова, где по-прежнему не было людей — гуманоиды только мне позволяли подходить к Центру. Но он каким-то образом обманул их контрольные лучи и автоматическое оружие.

Позднее на одном из ледников нашли его специально защищенный самолет. Остаток пути он проделал пешком через суровые но-вообразованные горы без единой тропинки, и вышел живым из путешествия по растекшейся лаве, все еще дышавшей смертоносным атомным огнем.

Укрывшийся за чем-то вроде родомагнитной защиты — мне так и не позволили ее осмотреть — он прошел незамеченным через космодром, который теперь занимал большую часть равнины, и через

новый город вокруг башни Центра. Это требовало немалой отваги и ловкости, но я так и не узнал, как ему это удалось.

Каким-то образом он пробрался в мой кабинет на башне. Он закричал на меня, я обернулся и увидел его в дверях. Он был полугол, исцарапан и окровавлен после похода через горы. В красной, ободранной до мяса руке он держал револьвер, но больше всего меня потрясла дикая ненависть в его глазах.

Старик вздрогнул.

— Никогда я не видел такой смертельной, неумолимой ненависти, даже у жертв войны. Никогда не слышал такой ненависти, как в нескольких словах, которые он швырнул мне:

— Я пришел убить тебя, Следж. Уничтожить твоих роботов и вернуть людям свободу!

Вот тут он ошибался. Было уже слишком поздно, чтобы моя смерть повлекла конец гуманоидов, но он об этом не знал. Подняв револьвер дрожащими окровавленными руками, он выстрелил.

Его гневный окрик вовремя предостерег меня, и я упал на пол. Первый выстрел привлек гуманоидов, которые до сих пор каким-то чудом его не заметили. Они бросились на него, прежде чем он смог выстрелить снова, отобрали оружие и содрали покрывающую тело сетку из тонкой белой проволоки — вероятно, часть его защиты.

Его ненависть отрезвила меня. Я всегда считал, что большинство людей, за исключением нескольких разочарованных кровожадных садистов, будут благодарны мне за гуманоидов. Я не мог понять этой ненависти, и тогда гуманоиды сказали мне, что многим людям требуется интенсивное лечение, операции мозга, фармацевтические средства и гипноз, чтобы они почувствовали себя счастливыми под давлением Высшего Закона. Это была уже не первая отчаянная попытка уничтожить меня, которую они предотвратили.

Я хотел поговорить с покушавшимся, но гуманоиды поспешно отправили его в операционный зал, а когда позволили с ним увидеться, он приветствовал меня с постели бледной глуповатой улыбкой. Он помнил, как его зовут и даже меня — гуманоиды достигли удивительной ловкости в операциях — но не помнил, как попал сюда и что пытался меня убить. Не переставая шептал он, что любит гуманоидов, ибо они существуют лишь для того, чтобы осчастливить людей. Сказал, что чувствует себя очень счастливым. Как только позволило состояние здоровья, гуманоиды забрали его на космодром, и больше я его не видел.

Постепенно я начал понимать, что натворил. Еще раньше гуманоиды построили мне родомагнитный корабль, на котором я отправлялся в долгие полеты в космос, работая прямо на борту. Мне нравилась абсолютная тишина и сознание, что я — единственный человек на миллионы миль вокруг. Теперь я потребовал этот корабль

и отправился в путешествие вокруг нашей планеты, чтобы узнать, почему тот человек возненавидел меня.

Старик кивнул на смутные тени, неумоимо возводящие в темноте удивительный дворец.

— Вы догадываетесь, что я увидел, — сказал он. — Горькую пустоту, запертую в роскошной тюрьме. Гуманоиды слишком успешно забылись о безопасности и счастье человечества. Людям не нужно было делать абсолютно ничего.

Он взглянул на свои руки, еще умелые, но покрытые следами многолетних усилий, сжал их в кулаки, потом вновь разжал.

— Я убедился, что существует нечто худшее, чем война, преступление, нужда и смерть. — В его низком звучном голосе появилась невыразимая горечь. — Полная пустота. Люди сидели, ничего не делая, ибо им нечего было делать. В сущности, они были узниками, их капризам потакали, но не оставили возможности для бегства. Возможно, поначалу они пытались во что-то играть, но теперь играть стало не на что. Большинство подвижных игр согласно Высшему Закону были сочтены слишком опасными для людей. Занятие наукой было запрещено, поскольку в лабораториях могли возникнуть опасные ситуации. Учеба стала ненужной, поскольку гуманоиды могли ответить на любой вопрос, искусство стало лишь мрачным отражением пустоты. Намерения и надежды перестали существовать. Исчезла цель, ради которой стоило бы жить. Можно было заняться каким-нибудь невинным хобби, бессмысленно играть в карты или идти гулять в парк — все под бдительным надзором гуманоидов. Они были сильнее людей и лучше их во всем, за что бы ни брались, будь то шахматы, плавание, пение или археология. Для расы людей все это должно было кончиться тотальным комплексом неполноценности.

Ничего удивительного, что меня хотели убить! Невозможно было убежать от этого мертвого бездействия. Никотин оказался вреден, алкоголь нормировался, наркотики запретили, за сексом наблюдали. Даже самоубийство противоречило Высшему Закону, и гуманоиды научились убирать все потенциально смертоносные предметы.

Глядя на последние блики заката на тонкой палладиевой игле, старик снова вздохнул.

— Вернувшись в Центр, я попытался модифицировать Высший Закон. Мне и в голову не приходило, что он будет понят настолько буквально. Теперь я понял, что нужно его изменить, дать людям свободу, чтобы они могли жить, как хотят, развиваться, работать, развлекаться, рисковать, если им это нравится; делать выбор и отвечать за последствия.

Однако, тот человек прибыл слишком поздно. Я слишком хорошо построил Центр, слишком хорошо обезопасил Высший Закон от человеческого вмешательства — даже своего собственного.

Покушение на мою жизнь, заявили гуманоиды, доказывает, что система обороны Центра несовершенна. Поэтому они собираются эвакуировать все местное население на другие планеты. Когда я попытался изменить Высший Закон, меня отослали вместе с остальными.

Андерхилл взглянул на сидевшего во тьме несчастного старика.

— Но ведь у вас есть иммунитет! — удивленно сказал он. — Как они могли заставить вас что-то сделать?

— Я пытался защищаться от этого, — сказал Следж. — Закодировал в программах, что без прямого указания гуманоиды не должны меня трогать, ограничивать мою свободу действий и входить туда, где я нахожусь. К сожалению, я слишком старался защитить Высший Закон от каких бы то ни было поправок.

Когда я подошел к башне, чтобы модифицировать программы, они пошли за мной и не позволили мне коснуться главного переключателя, а когда я не послушал, игнорировали мой иммунитет. Они схватили меня и сунули в космический корабль, объявив, что я хочу изменить Высший Закон, а значит, стал таким же опасным, как любой другой человек. Отныне я никогда не должен был возвращаться на Винг-IV.

Старик беспомощно пожал плечами.

— С тех пор я в изгнании. Мое единственное желание — положить конец гуманоидам. Трижды пытался я вернуться с оружием на борту, чтобы уничтожить Центр, но их патрульные корабли всякий раз успевали заметить меня, прежде чем я подходил достаточно близко для удара. В последний раз они захватили наш корабль и поймали моих товарищей. Из их памяти убрали несчастливые воспоминания и опасные намерения. Меня, благодаря иммунитету, еще раз отпустили на свободу.

Так я стал беглецом. Год за годом я вынужден был перебираться с планеты на планету, пытаюсь опередить их. Я опубликовал мои родомагнитные открытия на добром десятке планет, пытаюсь вооружить людей силой, которая сможет противостоять гуманоидам. Однако, родомагнетизм — опасная отрасль науки. Те, что знакомятся с ней, тем более требуют опеки, согласно Высшему Закону. А гуманоиды всегда прибывали слишком быстро.

Старик снова вздохнул.

— Они передвигаются на своих родомагнитных кораблях и могут размножаться бесконечно. Винг-IV, должно быть, кишит ими, а теперь они стараются ввести Высший Закон на всех планетах, где живут люди. Убежать от них невозможно — их нужно уничтожить.

Андерхилл смотрел на аппаратуру, похожую на игрушку, на длинную блестящую иглу и матовый свинцовый шар на кухонном столе. Потом шепотом спросил:

— И вы надеетесь уничтожить их... вот этим?

— Если мы вовремя успеем закончить это.

— Но каким чудом? — Андерхилл покачал головой. — Таким маленьким устройством?

— Оно достаточно велико, — заверил Следж, — ибо это то, чего они не понимают. Они отлично справляются со всем, что знают, но сами по себе — не творцы.

Он указал на стол.

— Этот аппарат выглядит невзрачно, но он — нечто совершенно новое. Он использует родомагнитную энергию для синтеза атомов, а не для их расщепления. Как вы знаете, элементы середины Периодической системы более прочны, а энергию можно получить либо соединяя легкие атомы, либо разрушая тяжелые.

Голос его зазвучал вдруг неожиданно сильно.

— Это устройство — ключ к энергии звезд, поскольку звезды сияют энергией, полученной от ядерного синтеза — прежде всего превращения водорода в гелий, в так называемое «угольном» цикле. Это устройство запустит процесс синтеза как цепную реакцию с помощью каталитического эффекта родомагнитных лучей определенной интенсивности и частоты.

Гуманоиды не позволяют ни одному человеку приблизиться к Центру ближе чем на три световых года, но не подозревают о существовании этого устройства. Я могу, не сходя с места, превратить водород в морях Винг-IV в гелий, а большую часть этого гелия вместе с кислородом — в тяжелые элементы. Через сто лет астрономы вашей планеты отметят в той стороне вспышку Новой. И в тот момент, когда мы выпустим луч, гуманоиды должны замереть.

Андерхилл сидел в темноте, мрачный и насупленный. Старик говорил убедительно, его история походила на правду. Андерхилл видел черных молчаливых гуманоидов, неумоимо крутящихся вокруг растущих стен по другую сторону улицы. Он совсем забыл о своем отношении к жильцам Авроры.

— Вероятно, смерть ждет и нас? — спросил он хриплым голосом. — Цепная реакция...

Следж покачал головой.

— Каталитический процесс требует определенной, очень низкой интенсивности излучения, — объяснил он. — В здешней атмосфере излучение значительно сильнее, чтобы могла начаться какая-либо реакция. Мы можем даже запустить устройство здесь, поскольку луч без труда пройдет сквозь стену.

Андерхилл облегченно кивнул. Он был лишь мелким предпринимателем, обеспокоенным утратой фирмы и несчастным от того, что у него отнимают свободу. Он надеялся, что Следж уничтожит гуманоидов, но не хотел становиться мучеником.

— Это хорошо! — Он глубоко вздохнул. — И что еще осталось сделать?

Следж указал рукой на стол.

— Интегратор почти готов,— сказал он.— Малый термоядерный генератор — в этой свинцовой защите. Родомагнитный конвертор, настройка, катушки, зеркальные отражатели и фокусирующая игла. Нет только искателя.

— Искателя?

— Прицельного устройства,— объяснил Следж.— Оптический визир, как вы понимаете, не годится: за сто лет планета, наверняка, передвинется, а луч должен быть нацелен точно. Нам придется использовать родомагнитный ищущий луч с электронным конвертором, который покажет нам изображение. У меня уже есть осциллоскоп и чертежи остальных частей.

Он с трудом сошел с высокого стула и включил свет — дешевые лампочки, которые человек мог сам зажигать и гасить. Потом развернул чертежи и объяснил Андерхиллу, в чем тот мог бы помочь. Андерхилл обещал прийти завтра рано утром.

— Я могу принести какие-нибудь инструменты из своей мастерской,— добавил он.— У меня есть небольшой токарный станок, на котором я делал части для модели, ручная дрель и тиски.

— Это пригодится. Но будьте осторожны. Помните, что у вас нет иммунитета, а если они начнут что-то подозревать, мой тоже окажется в опасности.

Андерхилл неохотно вышел из ободранной квартирki с потрепавшимися и пожелтевшими стенами, с обычным полом, покрытым знакомыми потертыми дорожками. Закрыл за собой дверь, нормальную скрипучую дверь, которую человек сам открывает и закрывает, спустился по лестнице и подошел к новой сверкающей двери, которую не мог открыть сам.

— К вашим услугам, мистер Андерхилл.

Прежде чем он успел поднять руку, чтобы постучать, гладкая светлая поверхность раздвинулась. В дверях стоял маленький черный робот с неподвижными глазами и услужливой миной.

— Ужин готов.

Андерхилл вздрогнул. В этой стройной нагой фигуре он увидел силу, которая крылась в бесчисленных домах, захваченных роботами — благотворными, но пугающими, идеальными и непобедимыми. Надежда на маленькое, хрупкое оружие, которое Следж назвал «интегратором», показала ему вдруг напрасной и глупой. Его охватило черное отчаяние, но он не решился показать этого.

На следующее утро Андерхилл осторожно спустился в подвал, чтобы украсть свои собственные инструменты. Подвал был увеличен и изменен. Андерхилл ступал по новому теплому, темному и эластичному полу тихо, как гуманоид. Светящиеся таблички висели на нескольких новых дверях: ПРАЧЕЧНАЯ, СКЛАД, КОМНАТА ИГР, МАСТЕРСКАЯ.

Андерхилл неуверенно остановился перед дверью мастерской, которая светилась бледным зеленоватым светом. Дверь была закрыта, замочной скважины не было, а лишь маленькая овальная бляшка из белого металла, наверняка закрывавшая родомагнитный переключатель. Он толкнул дверь, но напрасно.

— К вашим услугам, мистер Андерхилл.

Андерхилл вздрогнул, будто застигнутый на месте преступления, стараясь скрыть внезапную дрожь в коленках. Он заранее убедился, что их гуманоид будет в ближайшие полчаса занят мытьем головы Авроры, но не знал, что в доме уже есть второй робот. Должно быть, он вышел из двери с надписью СКЛАД, а до того — стоял там без движения, всегда готовый помочь, прекрасный и страшный.

— Вы что-то хотели?

— Э... нет, нет. — Неподвижные глаза разглядывали его. Боясь, как бы они не прочли его намерений, Андерхилл в отчаянии искал какой-нибудь логичный ответ. — Я просто осматривался. — Голос у него был хриплым и сдавленным. — Я вижу, вы кое-что улучшили здесь. — Он указал на дверь с надписью КОМНАТА ИГР. — Что это такое?

Роботу не нужно было даже шевелиться, чтобы активировать скрытый выключатель. Светящаяся дверь бесшумно раздвинулась, когда Андерхилл повернулся к ней. Темные стены осветились. Комната была пуста.

— Мы уже делаем оборудование для нее, — радостно заявил робот, — и постараемся обставить комнату как можно быстрее.

Не в силах вынести неловкую паузу, Андерхилл буркнул:

— У Фрэнка есть щит со стрелами, а где-то были гимнастические булавы.

— Мы их убрали, — вежливо сообщил робот. — Они опасны. Мы доставим вам безопасное оборудование.

«Самоубийство, — вспомнил Андерхилл, — тоже запрещено».

— Наверное, коробку деревянных кубиков, — сказал он с горечью.

— Деревянные кубики опасно тверды, — мягко сказал робот. — Их щепки могут поранить человека. Мы делаем пластиковые куби-

ки, которые ничем никому не грозят. Вы хотите коробку таких кубиков?

Андерхилл молча уставился на темное правильное лицо.

— Нам также придется убрать инструменты из вашей мастерской. Такие инструменты невероятно опасны. Но мы можем снабдить вас другими, служащими для обработки мягких пластиков.

— Спасибо,— выдал Андерхилл.— Спешить некуда.

Он повернулся к выходу, но гуманоид задержал его.

— Теперь, когда вы потеряли фирму,— сказал он с некоторым нетерпением,— я предлагаю вам официально принять наши услуги. Наши контрагенты обслуживаются в первую очередь, и мы могли бы сразу пополнить вашу прислугу.

— С этим тоже не стоит спешить,— мрачно ответил Андерхилл.

Он выбежал из дому. Пришлось подождать, пока ему откроют кухонную дверь, и поднялся по лестнице в комнату над гаражом. Следж впустил его, и Андерхилл сел на шаткий кухонный стул, благодарный за потрескавшиеся стены, которые не светились, и за дверь, которую можно было открыть самому.

— Мне не удалось достать инструменты,— с горечью сообщил он.— Они хотят их забрать.

Теперь, при сером свете дня, старик выглядел печально и бледно. Его худое лицо было жалким, а запавшие глаза окружали темные круги, словно он всю ночь не спал. Андерхилл заметил, что поднос с нетронутым обедом по-прежнему стоит на полу.

— Я пойду туда с вами.— Несмотря на усталость, в его измученных глазах заметна была стальная искра воли.— Нам нужны эти инструменты. Думаю, мой иммунитет защитит нас обоих.

Он нашел какую-то потрепанную дорожную сумку, и Андерхилл спустился с ним по лестнице и проводил до дома. У кухонной двери Следж вынул небольшую подковку из белого металла и прижал ее к металлическому овалу. Дверь тут же открылась, и они прошли через кухню до лестницы, ведущей в подвал.

У мойки стоял небольшой черный робот и бесшумно мыл посуду. Андерхилл беспокойно уставился на него — это, наверняка, был тот самый, что поймал его внизу, ибо другой должен был еще заниматься волосами Авроры.

Проблематичный иммунитет Следжа был весьма сомнительной защитой перед их всесторонним интеллектом. Андерхилл вздрогнул, ускорил шаги и затаял дыхание. С облегчением увидел он, что робот их игнорирует.

В коридоре подвала было темно. Следж прижал подковку к другому выключателю, чтобы осветить стены, потом открыл дверь мастерской и осветил ее.

Внутри все изменилось. Скамейки и шкафы разобрали, серые бетонные стены покрыли каким-то гладким светящимся веществом.

На одно страшное мгновение Андерхиллу показалось, что инструменты уже выбросили. Но нет, он нашел их в углу, вместе с луком, который Аврора купила прошлым летом: еще один слишком опасный предмет для хрупкого и неуравновешенного человечества.

Они запихнули в сумку токарный станок, дрель, тиски и пару простых инструментов. Андерхилл взял сумку, а Следж погасил стены и подождал, пока дверь закроется. Гуманоид по-прежнему стоял у мойки и, казалось, не замечал их.

На лестнице Следж остановился и долго, до синевы и хрипа, кашлял, но наконец они добрались до комнаты, куда захватчики не имели доступа. Андерхилл поставил токарный станок на ободраный стол и принялся за работу.

Постепенно, день за днем, искатель обретал форму.

Порой сомнения Андерхилла возвращались. Временами, когда он наблюдал за синим, жалким лицом Следжа, ему казалось, что разум старика так же плох, как и его тело, а план отражения черных агрессоров — лишь глупая иллюзия.

Глядя на невзрачную аппаратуру на кухонном столе, посаженную на ось иглу и тяжелый свинцовый шар, он иногда думал, что весь этот замысел — просто глупость. Как вообще можно вызвать взрыв морей на планете настолько далекой, что ее звезду можно разглядеть лишь в сильный телескоп?

Однако постоянное присутствие гуманоидов излечивало любые сомнения.

Каждый раз Андерхилл с трудом заставлял себя покидать их тесное укрытие — он плохо чувствовал себя в удивительном новом мире, который строили гуманоиды. Ему не нравилась сверкающая роскошь ванной, он не мог сам отвернуть краны — ведь какой-нибудь человек, охваченный манией самоубийства, мог утопиться. Не нравились ни окна, которые должен был открывать робот — человек мог бы выпасть или даже выскочить из них — ни даже внушительная музыкальная комната, оборудованная самой лучшей аппаратурой, которую могли обслуживать только гуманоиды.

Он начал разделять лихорадочную торопливость старика, так что тот даже предостерег его:

— Вам нельзя проводить со мной слишком много времени. Они не должны догадаться, насколько важна наша работа. Лучше делайте вид, что постепенно начинаете их любить, а помогая мне, лишь убиваете время.

Андерхилл попытался, но актер из него оказался никудышный. Он послушно ходил домой на обеды и ужины, пытался вести разговоры о чем угодно, только не о взрывании планет, пытался изображать энтузиазм, когда Аврора показывала очередное необычайное удобство. Он расхваливал игру Гей на скрипке и ходил с Френком на прогулки по дивным новым паркам.

Он видел, что сделали гуманоиды с его семьей, и этого хватало, чтобы поддерживать в нем гаснущую веру в искателя Следжа и все более убеждаться, что с гуманоидами нужно кончать.

Поначалу Аврора была в восторге от новых роботов. Они взяли на себя тяжелую домашнюю работу, покупали продукты, составляли меню, мыли детям шею. Они одевали ее в прекрасные одежды и дали ей множество времени на игру в карты.

Слишком много времени.

Вообще-то она любила готовить — по крайней мере несколько блюд, любимых в семье, но печи были горячими, а ножи острыми. Кухня как таковая вообще оказалась слишком опасным местом для людей.

Она любила вышивать, но гуманоиды забрали иглы. Она любила водить машину, но теперь это запрещалось. Аврора попыталась заняться чтением, но гуманоиды ликвидировали все книги, поскольку в них говорилось о несчастных людях в опасных ситуациях.

Однажды Андерхилл застал жену в слезах.

— Это уже слишком! — с горечью сказала она. — Я просто не могу видеть эти отвратительные маленькие фигурки. Поначалу они казались мне чудесными, а теперь не позволяют даже съесть кусок шоколада. Неужели мы никогда не избавимся от них?

Неподвижный маленький робот стоял у локтя Андерхилла, и ему пришлось ответить, что нет.

— Наша задача — служить всем людям, раз и навсегда, — мягко заверил их робот. — Мы отняли у вас сладости — лишнее вес снижает среднюю продолжительность жизни.

Даже дети не избежали их навязчивой заботливости. Фрэнк потерял целый арсенал смертоносных предметов: футбольный мяч и боксерские перчатки, складной нож и волчки, пращу и коньки. Он не любил безвредных пластиковых игрушек, которыми все это заменили, и хотел удрать, но гуманоид опознал его и привел назад в школу.

Гей всегда мечтала стать великой скрипачкой, но однажды вечером, когда Андерхилл попросил ее сыграть, она тихо сказала:

— Папа, я не буду больше играть на скрипке.

— Почему, дорогая? — Он удивленно посмотрел на нее, потрясенный озлобленным выражением ее лица. — У тебя так хорошо получалось... особенно с тех пор, как гуманоиды стали давать тебе уроки.

— В том все и дело, папа. — В ее устах это звучало удивительно печально, почти по-взрослому. — Они слишком хороши. Сколько бы я ни училась, мне никогда с ними не сравняться. Это не имеет смысла: понимаешь, папа? — Голос ее задрожал. — Это просто не имеет смысла.

Он понимал. И с удвоенной энергией продолжал свое дело. Гу-

маноиды должны исчезнуть. Искатель постепенно рос, и вот пришло время, когда дрожащие кривые пальцы Следжа вставили на место последнюю маленькую деталь, выточенную Андерхиллом, и осторожно запаляли последний контакт. Потом старик хрипло прошептал:

— Кончено.

VIII

Вечер следующего дня. За окнами обшарпанной маленькой комнатки — окнами из обычного стекла, обезображенного пузырьками воздуха и хрупкого, но открываемыми человеком, — город Ту-Риверс расцветал новой кичливой роскошью. Старые уличные фонари исчезли, но темноту разгоняли стены удивительных новых вилл, пылающие теплыми цветами. Несколько темных и тихих гуманоидов по-прежнему работали на светящейся крыше дворца, что напротив.

Внутри скромной комнатки, построенной еще людьми, на краю кухонного стола стоял искатель. Пучок проводов соединял его с интегратором, тонкая палладиевая игла послушно отклонилась, когда Следж дрожащими пальцами проверял настройку.

— Готово, — сказал он хрипло.

Голос его был спокойным, но дыхание стало прерывистым, а большие узловатые руки вдруг начали трястись. Напряженное, измученное лицо покрыла сероватая бледность. Сидя на высоком стуле, он отчаянно ухватился за край стола. Андерхилл торопливо принес ему лекарство, старик выпил, и дахание его постепенно сделалось ровным.

— Спасибо, — прохрипел он. — Ничего со мной не случится, у нас еще есть время. — Он взглянул на темные нагие фигурки, что бесшумно роились вокруг золотых башен и пурпурного купола нового дворца. — Следите за ними и скажите, когда они замрут.

Он подождал, пока руки перестанут дрожать, и принялся вертеть ручки искателя. Длинная игла интегратора двигалась тихо, словно луч света.

Глаза человека не видели эту силу, хотя она была способна взорвать планету, уши были глухи к ней. На корпусе искателя размещался осцилоскоп, чтобы слабый человеческий взгляд мог увидеть далекую цель.

Игла указывала на кухонную стену, но лучу это не мешало. Небольшой аппарат выглядел невинным, как игрушка, и был тих, как гуманоид.

Когда игла двигалась, на экране осциллографа перемещались зеленоватые точки света — звезды, показываемые молниеносным

зондирующим лучом, что в ужасающей тишине искал планету, обреченную на гибель.

Андерхилл узнавал знакомые созвездия, видимые с огромным уменьшением — они перемещались по экрану по мере движения иглы. Когда три звезды образовали в центре поля неправильный треугольник, игла замерла. Следж покрутил другую ручку, зеленые точки раздвинулись, между ними показалась еще одна.

— Винг! — прошептал Следж.

Остальные звезды разъехались за пределы экрана, а зеленая точка все увеличивалась. Она была одна в поле зрения — яркий маленький кружок, потом рядом с ней появилось около десятка других маленьких точек.

— Винг-IV!

Шепот старика был прерывистым и хриплым. Дрожащими руками он вертел ручки, и четвертая от кружка точка выдвинулась на середину экрана. Она выросла, а остальные расплылись. Точка задрожала, как и руки Следжа.

— Сидите и не двигайтесь, — приказал Следж. — Ничто не должно мешать работе искателя.

Он осторожно коснулся другой ручки, и зеленая картинка резко задержалась. Старик отдернул руку, нервно потер ладони.

— Смотрите в окно! — тихо прошептал он. — И скажите мне, когда они остановятся.

Андерхилл нехотя отвел взгляд от напрягшейся худой фигуры и хрупкого прибора. Он смотрел на трех маленьких черных роботов, которые уже выводили блестящую крышу.

Он следил за ними, не смеядохнуть, чувствуя, как колотится сердце, как все тело бьет нервной дрожью. Андерхилл пытался взять себя в руки, он старался не думать о мире, который сейчас взорвется так далеко отсюда, что вспышка дойдет до Земли лишь через сто лет. Громкий хриплый голос заставил его вздрогнуть:

— Остановились?

Андерхилл покачал головой и затаил дыхание. Маленькие черные фигурки по-прежнему работали, создавая изысканный купол над пурпурным зданием.

— Нет, — ответил он.

— Значит, не удалось. — Голос старика звучал слабо и сдавленно. — Не пойму, почему.

Стукнула дверь. Она была закрыта, но хрупкий замок был преградой только для людей. Звякнуло железо, дверь распахнулась. Беззвучно и грациозно вошел черный робот, его серебристый головок вежливо прошептал:

— К вашим услугам, мистер Следж.

Старик взглянул на него горящим страшным взглядом.

— Убирайся! Я запрещаю тебе...

Не обращая на него внимания, гуманоид прошел прямо к кухонному столу. С безжалостной уверенностью он повернул две ручки на искателе, и экран осциллоскопа погас. Палладиевая игла бесцельно завертелась на своей оси. Одним движением робот оборвал припаянные к тяжелому свинцовому шару провода, и только тогда его неподвижные стальные глаза обратились в сторону Следжа.

— Вы хотели уничтожить Высший Закон.— В его мягком, милом голосе не было и тени обвинения, гнева или злости.— Уважение к вашей свободе второстепенно в сравнении с Высшим Законом, и вы это знаете. Мы обязаны вмешаться.

Старик смертельно побледнел. Лицо его стало синюшного трупного цвета, будто его разом лишили всех жизненных соков, обведенные темными кругами глаза смотрели дико и безумно. Дыхание с трудом вырывалось из его груди.

— Как?.. Голос его был едва слышен.— Откуда?..

Маленький робот — черный, вежливый и совершенно неподвижный — с готовностью объяснил:

— Мы узнали о родомагнитной защите от того человека, который пытался убить вас на Винг-IV. В данный момент Центр защищен от вашего каталитического луча.

Старик с трудом встал с высокого стула, дряблые мышцы дрожали. Он стоял, сгорбившись, покачиваясь, тяжело дышал и дико смотрел в неподвижные стальные глаза гуманоида. Горло у него перехватило, и он лишь открывал и закрывал сухие посиневшие губы, не в силах выдать ни звука.

— Мы все время знали о вашем грозном плане,— полились серебряные звуки,— ведь наши чувства еще больше развились с тех пор, как вы нас создали. Мы позволили вам закончить проект, поскольку в будущем процесс интеграции будет необходим для обеспечения полной реализации Высшего Закона. Запас тяжелых металлов для наших ядерных станций ограничен, но теперь мы сможем черпать неограниченную энергию процесса каталитического расщепления.

Следж согнулся, как от сильнейшего удара.

— Что? — Он весь дрожал как в лихорадке.— Что ты сказал?

— Теперь мы сможем всегда служить людям,— заворковала черная фигурка.— На всех мирах всех звезд.

Следж упал, но робот не сделал ни малейшего движения, чтобы ему помочь. Андерхилл подскочил как раз вовремя, чтобы подхватить старика, прежде чем тот ударится головой об пол.

— Шевелись же! — Голос Андерхилла звучал удивительно решительно.— Вызови доктора Уинтерса.

Гуманоид стоял неподвижно.

— Высшему Закону уже не грозит опасность,— застрекотал он,— и потому нам нельзя помогать или мешать мистеру Следжу:

— Тогда вызови доктора Уинтерса для меня! — рявкнул Андерхилл.

— К вашим услугам, — согласился робот.

Однако лежащий на полу старик, прошептал, с трудом глотая воздух:

— Напрасно! Все напрасно! Я проиграл... глупец... слепой, как и гуманоиды. Скажите, пусть помогут мне. Я отказываюсь от иммунитета: он уже не имеет смысла. Мне конец... и человечеству тоже!

Андерхилл махнул рукой, и черная фигурка с заботливой услужливостью присела возле лежащего мужчины.

— Вы хотите отказаться от своих привилегий? Хотите принять наши всесторонние услуги, оказываемые согласно Высшему Закону?

Следж кивнул и с трудом прошептал:

— Да.

В ту же минуту ободренные комнаты наполнились черными роботами. Один разорвал Следжу рукав и протер тампоном плечо, другой принес маленький шприц и сделал ему укол. Потом они осторожно подняли его с пола и вынесли.

Около десятка гуманоидов остались в маленькой комнатке, которая больше не была убежищем. Большинство их собрались вокруг бесполезного уже интегратора и осторожно, будто изучая каждую деталь, принялись его разбирать.

Один робот подошел к Андерхиллу. Он стоял перед ним неподвижно, глядя на человека холодным стальным взглядом. Андерхилл почувствовал дрожь в коленках и сухость в горле.

— Мистер Андерхилл, — заворковал робот, — почему вы помогли ему?

Андерхилл проглотил слюну и с горечью ответил:

— Потому что не люблю ни вас, ни ваш проклятый Высший Закон. Вы сосете жизнь из всего человечества, и я хотел... хотел с этим покончить.

— Другие тоже протестовали, — мягко признал робот. — Но только поначалу. Благодаря точному исполнению Высшего Закона мы научились делать счастливыми всех людей.

Андерхилл вызывающе выпрямился.

— Наверняка не всех, — буркнул он. — И не до конца!

На черном лице робота застыло выражение постоянной услужливой готовности, вечная легкая улыбка. Серебряный голос звучал мило и тепло:

— Как и все люди, вы не отличаете добра от зла. Вы доказали это своей попыткой уничтожить Высший Закон. Теперь вы должны без дальнейшей проволочки принять наши услуги, в полном объеме.

— Хорошо, — сдался Андерхилл, но добавил с горечью: — Ваша опека вовсе не делает людей счастливыми.

— Посмотрим! — звучно ответил милый голосок.

Наутро ему разрешили навестить Следжа в больнице. Внимательный черный робот вел его машину, а потом вошел с ним в большое новое здание и в палату старика: отныне неподвижные стальные глаза будут сопровождать его везде.

— Рад вас видеть, Андерхилл! — загремел с постели Следж. — Сегодня я чувствую себя гораздо лучше, эта невыносимая головная боль совсем прошла.

Андерхилла обрадовал его сильный голос и быстрая реакция — он боялся, что гуманоиды уже лишили старика памяти. Правда, он никогда не слышал от Следжа ни слова о головной боли.

Старик сидел, опираясь на подушки, вымытый и подстриженный, узловатые руки покоились на белоснежной простыне. Щеки и глаза у него все еще оставались запавшими, но трупная бледность сменилась здоровым румянцем. Затылок его был забинтован.

Андерхилл беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Вот оно что! — тихо прошептал он. — Я и не знал...

Черный робот, до сих пор стоявший, как статуэтка, повернулся к Андерхиллу и объяснил:

— Мистер Следж много лет страдал от доброкачественной опухоли мозга, которую ваши врачи не могли обнаружить. Это вызывало головную боль и навязчивые галлюцинации. Мы удалили опухоль, и галлюцинации перестали его мучить.

Андерхилл неуверенно смотрел на вежливого робота.

— Какие галлюцинации?

— Мистер Следж воображал, будто он — специалист в области родомагнетизма, — объяснил робот. — Он искренне верил, что создал гуманоидов и мучился, уверенный, что Высший Закон приносит людям вред.

Мужчина на подушках удивленно зашевелился.

— В самом деле? — На его исхудавшем лице была пустота, а запавшие глаза лишь на мгновение выразили интерес. — Кто бы их ни создал, они великолепны, верно?

Андерхилл был очень доволен, что ответа не требуется — пустые глаза закрылись, и старик погрузился в сон. Он почувствовал, что робот коснулся его рукава, и, повинувшись легкому кивку, направился к выходу.

Внимательный и заботливый черный робот сопровождал его в блестящем коридоре, в лифте, проводил до машины, а потом ушло помчался по дивным новым улицам к роскошной тюрьме, которой стал теперь дом.

Сидя рядом с ним в машине, Андерхилл разглядывал маленькие ловкие руки на руле, переливавшиеся коричневыми и голубыми бликами. Идеальная машина, безошибочная и прекрасная, созданная, чтобы вечно служить человечеству. Он содрогнулся.

— К вашим услугам, мистер Андерхилл.— Неподвижные стальные глаза смотрели прямо вперед, но гуманоид не забывал о присутствии человека.— Вас что-то мучает? Вы несчастливы?

Андерхилл замер, покрывшись холодным потом. По всему телу побежали мурашки, и он стиснул влажными пальцами ручку дверцы, с трудом подавляя желание выскочить и удрать. Глупости, бежать было невозможно. Он постарался взять себя в руки.

— Вы будете счастливы,— радостно пообещал ему робот.— Согласно Высшему Закону мы научились делать счастливыми всех людей. Отныне наши услуги будут идеальными. Даже мистер Следж уже счастлив.

Андерхилл хотел ответить, но слова застряли у него в горле. Чувствовал он себя отвратительно; мир стал серым и мрачным. Гуманоиды были бесконечно совершенны — в этом у него не было никаких сомнений, они даже научились лгать, чтобы доставлять людям удовольствие.

Он знал, что они лгали. У Следжа удалили вовсе не опухоль, а память, научные знания и чувство горького разочарования в собственном изобретении. И все же, он собственными глазами видел, что Следж теперь счастлив.

Он постарался унять нервную дрожь.

— Что за великолепная операция! — Голос его прерывался.— Да, у Авроры было много странных жильцов, но этот старик превзошел всех. Чего стоила одна его идея, что он создал гуманоидов и может их уничтожить! Я всегда знал, что он лжет.

Помертвев от ужаса, он пискливо, неестественно рассмеялся.

— Что с вами, мистер Андерхилл? — внимательный робот почувствовал его болезненную дрожь.— Вы себя плохо чувствуете?

— Нет, ничего,— с отчаянием выдавил он.— Абсолютно ничего. Я понял, что Высший Закон сделает меня совершенно счастливым. Все в полном порядке.— Голос его был сдавленным, хриплым, диким.— Вам не придется меня оперировать.

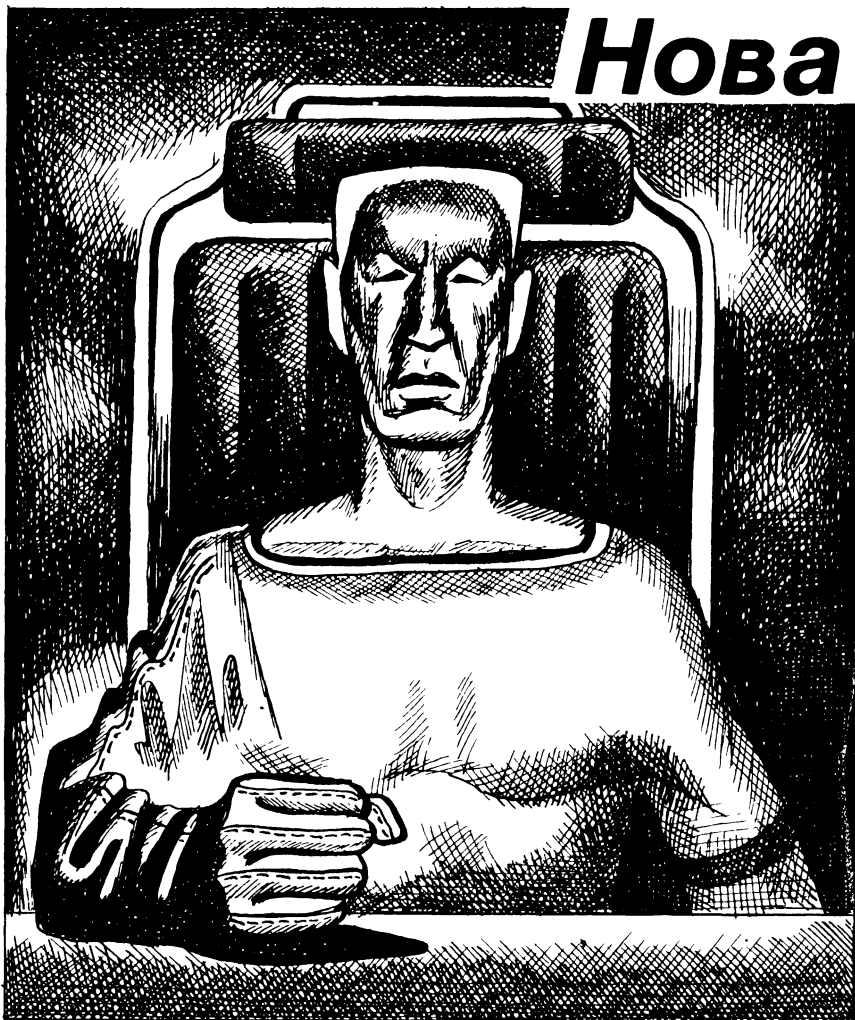
Машина сверкнула со свержающей аллеей, и повезла его в спокойную роскошь его домашней тюрьмы. Андерхилл сжимал и разжимал кулаки — больше делать было нечего.

Сэмюэль Р. Дэлани

Нова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

— Эй, Мышонок! Сыграй-ка что-нибудь, — крикнул от стойки один из механиков.

— Так и не взяли ни на один корабль? — поинтересовался другой. — Твой спинной контакт того и гляди заржавеет. Идти, выдай номер!

Мышонок перестал барабанить пальцами по краешку стакана. Он уже собирался сказать «нет», но его губы неожиданно произнесли «да», и он тут же нахмурился. Взгляды механиков тоже стали недовольными.

Это был старик.

Это был крепкий человек.

Руки Мышонка схватились за край стола, и человек качнулся вперед. Его бедро шаркнуло по стойке, носок ноги зацепил ножку стула, и тот отлетел в сторону.

Старый, крепкий и, как еще заметил Мышонок, слепой.

Он покачивался перед столом Мышонка. Его рука поднялась, и желтые ногти коснулись щеки парня.

— Эй, парени!

Мышонок вглядывался в его глаза за тяжелыми, мигающими веками.

— Эй, парени! Ты знаешь, как это выглядело?

Д о л ж е н быть слепым, подумал Мышонок, — ходит, как слепой: голова вытянута вперед. А его глаза...

Человек уронил руку, нащупал стул и пододвинул его к себе. Стул скрипнул.

— Т ы з н а е ш ь, как это выглядело, как это ощущалось, как это пахло, а?

Мышонок покачал головой, и пальцы опять коснулись его щеки.

— Мы возвращались, парень, имея слева три сотни солнц Плеяд, сверкающих, как россыпь драгоценных камней, и абсолютную

черноту — справа. Корабль был мной, а я — кораблем. Вот этими разъемами, — он коснулся контактов на запястьях, — я был связан с управляющим устройством паруса. Потом, — щетина на его подбородке поднималась и опускалась в такт словам, — из тьмы — свет! Он был всюду, он слепил наши глаза, мы словно находились внутри аннигилятора и не могли пошевелиться. Это выглядело так, будто вся Вселенная взорвалась в неистовом порыве! Но я же не мог отключить свои чувства! Я не мог даже отвернуться! Все цвета, которые только можно представить, переливались и искрились вокруг, прогнав мрак. И еще — стены пели! Магнитная индукция заставляла их вибрировать, и корабль был полон скрежета и стонов... А потом стало уже поздно: я ослеп, — он откинулся на спинку стула. — Я ослеп, парены! Но это забавная слепота: я могу видеть тебя. Я глух, но понимаю большую часть того, что мне говорят. Обонятельные центры в моем мозгу мертвы, и я не ощущаю вкуса пищи, — его ладонь легла на щеку Мышонка. — Я не могу понять, какая у тебя кожа — большинство осязательных центров тоже мертво. Моя ладонь не ощущает, чего она касается: гладкой кожи или щетины, — он засмеялся, и стали видны его желтые зубы и ярко-красные десны. — Что ни говори, а Дэн ослеп забавным образом! — его рука скользнула по куртке Мышонка и уцепилась за шнурок за ней. — Да, забавным образом! Большинство людей слепнет в темноте, а у меня перед глазами огонь. Там, в черепе — съжившееся солнце. Свет хлещет мою сетчатку, вспыхивает радугой и заполняет каждый уголок мозга. Вот что у меня теперь перед глазами. А тебя я вижу частями. Ты — солнечная тень на фоне всего этого ада. Кто ты такой?

— Понтико, — представился Мышонок, и голос его заскрипел, словно рот был набит шерстью и песком. — Понтико Провечи. Дэн поморщился.

— Твое имя... Как ты сказал? С головой у меня тоже не все в порядке. Там у меня как будто хор голосов, орущих мне в уши двадцать шесть часов в сутки. Это все нервы. С тех пор, как взорвалась эта звезда, они посылают в мозг сплошной грохот. Вот почему я слышу тебя, как если бы ты кричал в сотне ярдов от меня, — Дэн закашлялся и откинулся на спинку стула. — Откуда ты? — спросил он, вытерев губы.

— Отсюда, из созвездия Дракона, — ответил Мышонок. — С Земли.

— С Земли? Не из Америки? Ты жил в маленьком беленьком домике на тенистой улочке, а в гараже у тебя стоял велосипед? Да, подумал Мышонок, и слепой и глухой.

Речь у Мышонка была правильной, но акцент он скрыть и не пытался.

— Я... Я из Австралии. Из белого домика. Я жил под Мельбурном. Деревья. И велосипед у меня был. Но все это было давно.

— Давным-давно, не так ли, парень? Ты знаешь Австралию? Это на Земле.

— Бывал проездом,— Мышонок ерзал на стуле, прикидывая, как бы ему смыться.

— Да, так все и было. Но ты не знаешь, парень, и не можешь знать — какво это: коротать век с Новой в мозгах, вспоминая Мельбурн, вспоминая велосипед. Как ты сказал, тебя зовут?

Мышонок покосился налево, на окно, потом направо, на дверь.

— Я не могу вспомнить — это солнце все вышибло из головы. Механик, слышавший весь разговор, отвернулся к стойке.

— Ничего не могу больше вспомнить.

За соседним столиком темноволосая женщина и ее спутник, блондин, тщательно изучали меню.

— Меня послали к докторам! Они сказали, что если перерезать зрительные и слуховые нервы, отключить их от мозга, то грохот и сияние в мозгах, возможно, прекратятся. В О З М О Ж Н О! — он поднес руки к лицу. — А эти силуэты людей, которые я пока еще вижу — они тоже исчезнут? Имя! Скажи мне свое имя!

Мышонок давно уже держал наготове фразу:

— Извиняюсь, но мне уже пора.

Дэн закашлялся, закрывая уши руками.

— А, это был свинячий полет, собачий полет, полет для авантюриста. Корабль назывался «РУХ», а я был киборгом капитана Лока фон Рея. Он повел нас,— Дэн перегнулся через стол,— чуть ли,— его большой палец коснулся указательного,— ч у т ь л и не в самый ад! И привел обратно... Он сделал достаточно для того, чтобы любой мог проклясть его и этот чертов иллирион! Любой, кто бы он ни был... — Дэн закашлялся, голова его затряслась. Руки, лежащие на столе, подергивались.

Бармен оглядел зал. Кое-кто из посетителей зна́ком требовал выпивки. Губы бармена недовольно поджались, но сразу же расслабились, и он только покачал головой.

— Боль,— Дэн поднял голову. — После того, как поживешь вот так некоторое время, боль исчезает, но появляется что-то другое... Лок фон Рей — сумасшедший. Он подвел нас так близко к грани между жизнью и смертью, как только мог. Теперь он бросил меня, мертвеца на восемьдесят процентов, здесь, на краю Солнечной системы. А куда,— Дэн тяжело вздохнул,— куда теперь денется слепой Дэн? — он с силой ухватился за край стола. — Куда он теперь денется? — стакан Мышонка упал на пол и разбился. — Отвечай! — он снова качнул столик.

Бармен прошел мимо них.

Дэн поднялся, отшвырнул стул и костяшками пальцев протер глаза. Он сделал два неуверенных шага через пятно солнечного света на полу. Еще два... За ним оставались большие коричневые следы.

Темноволосая женщина замерла, ее спутник закрыл меню. Один из механиков поднялся было, но другой удержал его за руку. Дэн ударил по двери кулаком, потом вышел.

Мышонок огляделся. Осколки все так же лежали на полу, но как будто стало светлее. Бармен подключил провод к своему запястью, и из динамиков полилась мрачная музыка.

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет,— голосовые связки повиновались Мышонку с трудом.— Хватит. Кто это?

— Был кибормом на «РУХЕ». С неделю назад начались неприятности. Его вышвыривают отовсюду, едва он переступает порог... Думаешь, просто наняться на корабль в настоящее время?

— Я никогда не летал к звездам,— голос все еще не совсем слушался Мышонка.— Всего два года, как я получил аттестат. До сих пор меня нанимали только мелкие фрахтовые компании для полетов по треугольнику внутри Солнечной системы.

— Я могу дать тебе совет,— бармен выдернул провод из своего запястья,— но воздержусь. Аштон Кларк с тобой,— он усмехнулся и вернулся на свое место за стойкой.

Мышонок почувствовал себя очень неудобно. Сунув большой палец под ремень, перекинутый через плечо, он поднялся и направился к выходу.

— Эй, Мышонок! Сыграй нам...

Дверь за ним захлопнулась.

Заходящее солнце золотило вершины гор. Нависший над горизонтом Нептун бросал на равнину зыбкий свет. Примерно в полумиле виднелись корпуса космических кораблей, стоящих в ремонтных доках.

Мышонок шел мимо баров, дешевых отелей и забегаловок, которые попадались на каждом шагу. Потеряв работу и всякую надежду, он часто стал бывать в этих заведениях, играя там на сиринксе, чтобы прокормиться, и ночуя в углу чьей-нибудь комнаты, когда ему приходилось всю ночь развлекать какую-нибудь компанию. В аттестате почему-то ни слова не говорилось о том, что ему придется заниматься подобными вещами. Все это ему страшно не нравилось.

Он обогнул стену, огораживающую Геенну-3.

Для того, чтобы сделать поверхность спутника Нептуна пригодной для жизни, Комиссия созвездия Дракона решила установить здесь иллирионовые обогреватели, поддерживающие необходимую температуру ядра. При теперешней температуре поверхности около пятнадцати градусов Цельсия, осенней температуре, горы станови-

лись источником атмосферы. Искусственная ионосфера удерживала воздух. Однако вследствие разогрева ядра появились вулканические разломы коры, названные Гееннами, и имеющие порядковые номера от одного до пятидесяти двух. Геенна-3 имела в ширину почти сто ярдов, глубину почти в два раза большую и длину около семи миль. Каньон мерцал и дымился под тусклым небом.

Мышонок шел рядом с пропастью, и горячий воздух касался его щек. Он думал о слепом Дэне, о тьме за пределами орбиты Плутона, за пределами созвездия Дракона, и ему было страшно. Он сдвинул кожаный футляр на бок.

(Созвездие Дракона. Земля. Стамбул. 3164 год)

Мышонку было десять лет, когда у него появился этот футляр. В нем находилось то, что он любил больше всего на свете.

Боясь, что его догонят, он стрелой вылетел из музыкального магазинчика, расположенного между лавками торговцев замшей. Прижимая футляр к животу, он перепрыгнул через подвернувшуюся под ноги коробку, из которой посыпались пеньковые трубки, споткнулся о точильный камень, нырнул в ближайший проход и через двадцать шагов врехался в толпу прогуливающихся по Золотой Аллее, где бархатистые экраны дисплеев были полны света и золота.

Он отпрянул от наступившего ему на ногу мальчишки, несшего большой, с тремя ручками, поднос, полный стаканов чая и чашек кофе. Поднос качнулся, чай и кофе заплескались, но ничего не пролилось. Мышонок устремился дальше. За следующим поворотом он наткнулся на целую гору расшитых туфель. В следующую минуту грязь из выбоины забрызгала его парусиновые ботинки. Мышонок, задыхаясь, остановился и огляделся.

Он стоял на людной улице. Накапывал мелкий дождик. Мышонок крепче прижал к себе футляр, вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони и направился вверх по извилистой улочке.

Обгоревшая Башня Константина, ветхая, ребристая и черная, возвышалась над парком. Он вышел на главную улицу. Люди торопливо проходили мимо, разбрызгивая воду из многочисленных лужиц. Только сейчас Мышонок почувствовал, что ему жарко.

Ему следовало бы бежать проулками, сокращая путь, но он продолжал идти по главной улице. Эстакада монорельса была хоть каким-то укрытием. Он прокладывал себе путь среди бизнесменов, студентов и носильщиков. По булыжникам прогромыхал автобус. Мышонок воспользовался случаем и вскочил на желтую подножку. Водитель усмехнулся и не стал его сгонять.

Через десять минут — сердце его все еще бешено колотилось — Мышонок соскочил с подножки и нырнул во двор Новой Москвы. Стоя под моросящим дождем, несколько мужчин мыли ноги в водо-

стоке у стены. Две женщины вышли из двери на крыльцо, подали им ботинки и торопливо убежали с блестящих от дождя ступенек.

Однажды Мышонок спросил Лео, когда появилась Новая Москва. Рыбак из Федерации Плеяд, который всегда ходил босиком, почесал свою густую светлую шевелюру, посмотрел на закопченные стены, поддерживающие своды зданий, на остроконечные минареты.

— Что-то около тысячи лет тому назад. Но это только лишь предположение.

Теперь Мышонку нужен был именно Лео.

Он вышел из двора и пошел по мосту, увертываясь от грузовиков, автомобилей и троллейбусов, заполнивших проезжую часть. На перекрестке под фонарем он свернул, прошел в железные ворота и сбежал вниз по лестнице. Маленькие рыбацкие суденышки ударялись бортами друг о друга в грязной воде.

Горчицкого цвета вода Золотого Рога вздымалась и опускалась за лодками, плескалась между сваями и доками, где стояли суда на подводных крыльях. На выходе из Золотого Рога, над Босфором, расходились, образуя просветы, облака.

Вода искрилась под солнечными лучами, и след парома, направляющегося к другой части света, казался огненной полосой. Мышонок задержался на ступенях, глядя на сверкающий залив. Разрывов и облаков становилось все больше и больше.

Блестящие окна домов на другом берегу пролива, в туманной Азии, бросались в глаза на фоне желтоватых стен. Именно вследствие этого эффекта греки две тысячи лет назад называли азиатскую часть города Хрисополисом — Золотым Горбодом. Теперь этот район назывался Ускудар.

— Эй, Мышонок! — позвал его Лео с красной вымытой палубы. Лео построил навес на своей лодке, расставил деревянные столики и вокруг них вместо стульев поставил бочонки. Черное масло кипело в котле, подключенном к дряхлому генератору, заляпанному застывшей смазкой. В стороне, на куске желтоватой пленки, лежала груда рыбы. Жабры ее были растопырены так, что каждая рыбья голова торчала как бы из темно-красного цветка. — Эй, Мышонок, что это у тебя?

Когда погода была получше, рыбаки, докеры и грузчики приходили сюда обедать. Мышонок перебрался через леер. Лео бросил в котел еще две рыбины. Масло покрылось желтой пеной.

— Это... Ну, то, о чем ты рассказывал. Я взял... Я хочу сказать, мне кажется, что это та самая штука, о которой ты говорил...

Лео, которому имя, волосы и грузная фигура достались от предков немецкого происхождения и чья речь сохранила память о детстве, проведенном в рыбацком поселке на побережье, в мире, где звезд ночью было раз в десять больше, чем их можно увидеть на Земле,

выглядел смущенным. Смущение сменилось удивлением, когда Мышонок достал кожаный футляр.

Лео взял его в свои веснушчатые руки.

— Ты уверен? Ты где...

Двое рабочих поднимались на палубу. Лео заметил тревогу, мелькнувшую в глазах Мышонка, и перешел с турецкого на греческий.

— Ты где нашел это?

Фразы он строил одинаково, независимо от языка, на котором говорил.

— Спер! — даже когда слова сплошным потоком вырываются из охрипшей глотки, десятилетний цыганенок разговаривает на подюжине языков Средиземноморья гораздо лучше людей, которые, подобно Лео, изучают языки под гипнозом.

Строители, мрачные после работы, сели за стол, массируя запястья и потирая контакты на поясных, где мощные машины подключались к их телам. Они заказали рыбу.

Лео наклонился и взмахнул рукой. Серебро мелькнуло в воздухе, и масло в котле затрещало. Он прислонился к поручню и открыл футляр.

— Да, — он говорил неторопливо. — Нигде на Земле, а тут — особенно, не ожидал. Это ты откуда взял?

— На базаре, — ответил Мышонок. — Если где и можно что найти, так это на Большом Базаре, — он процитировал изречение, приносящее миллионы и миллионы Королеве Городов.

— Понятно, — сказал Лео, затем добавил на турецком. — Вот, господа, ваш обед, вот*.

Мышонок взял лопатку и положил рыбу на пластиковые тарелки. Из серебристой рыба стала золотой. Строители достали ломти хлеба из корзины под столом и принялись есть прямо руками.

Мышонок подцепил из масла еще две рыбины и отнес их Лео, который сидел на поручне и, улыбаясь, разглядывал вещь, находящуюся в футляре.

— Изящный образ этой штукой создать, получится ли? Как знать. С того времени, как я рыбачил на метановых озерах Окраинных Колоний, в руках у меня такой вещи не было. А тогда я мог неплохо играть, — футляр захлопнулся, и Лео со свистом втянул воздух сквозь зубы. — Это хорошая вещь!

Предмет в футляре из мягкой кожи мог быть арфой, мог быть и компьютером. С индукционной панелью, как у терменокса, с ладами, как у гитары, с короткими струнами, как у ситара, которые расположены на одной стороне снизу. На другой стороне были длин-

* Акцент Окраинных Колоний.

ные басовые струны, как у гитары. Одни детали были вырезаны из розового дерева, другие отлиты из нержавеющей стали. Имелись и присоединительные гнезда из черного пластика, а сам предмет покоился на плюшевой подушечке.

Лео дотронулся до него.

Облака разошлись еще шире. Солнечные лучи засверкали на стали, подчеркнули фактуру полированного дерева.

Строители застучали монетами по столу, поглядывая на Лео. Тот кивнул им, они оставили деньги на засаленном столе и, удивленные, сошли на берег.

Лео что-то сделал с кнопками управления. Раздался удар гонга, воздух завибрировал, сквозь зловоние мокрых кнехтов и дегтя прорезался запах орхидей.

Давным-давно, когда ему было лет пять или шесть, Мышонок нюхал дикие орхидеи в поле у дороги. Там была высокая женщина в ситцевой юбке, должно быть мама, и трое босых усатых мужчин, одного из которых ему было велено называть папой, но это было в какой-то другой стране... Да, именно орхидей.

Рука Лео подвинулась. Дрожание воздуха сменилось мерцанием, которое сгустилось в голубой ореол. Воздух уже пах розами.

— Работает! — прохрипел Мышонок.

Лео кивнул.

— Лучше, чем то, что я имел когда-то у себя. Иллирионовые батареи здесь совсем новые. Ту вещь, которую я играл тогда на лодке, еще могу исполнять. Удивительно, — лицо его сморщилось. — Не думал, что без практики получится так хорошо.

Смущение придало лицу Лео выражение, какого Мышонок никогда у него не видел. Лео тронул рукоятки инструмента.

Она появилась из голубого свечения, наполнявшего воздух, стоя между ними вполоборота.

Мышонок ослеп.

Она была полупрозрачной, но чуть большее сгущение света там, где были ее подбородок, плечи, ноги, лицо, делало ее такой реальной! Она повернулась и бросила в него удивительные цветы. Мышонок, засыпанный лепестками, зажмурил глаза. Он глубоко вдохнул воздух, но этот вдох не спешил переходить в выдох. Он продолжал вдыхать эти запахи, пока его легкие не уперлись в ребра. Сильная боль в груди заставила его выдохнуть. Резко. Затем он снова начал осторожный, медленный вдох... и открыл глаза.

Масло, желтая вода Рога, грязь. Воздух был пуст. Лео, постукивая обутой ногой — другая была босой — о поручень, возился с какой-то рукояткой.

Она ушла.

— Но, — Мышонок шагнул, остановился, покачиваясь на носках. Произносить слова было трудно. — Как?..

Лео поднял голову.

— Грубовато, да? А однажды я неплохо исполнял. Только это было совсем давно. Один раз, один раз я исполнил эту вещь как нужно.

— Лео... Не мог бы?... Я хочу сказать, ты говорил, что ты... Я не знал... Я не думал...

— Что?

— Научи! Не мог бы ты научить... меня?

Лео взглянул на потрясенного цыганенка, которому он так часто рассказывал о своих скитаниях по океанам и портам дюжины миров, и поразился.

— Покажи, Лео! — пальцы Мышонка судорожно подергивались. — Ты должен показать мне!

Мысли Мышонка метнулись от александрийского языка к арабскому и, наконец, остановились на итальянском:

— Белиссимо, Лео, белиссимо!

— Ну... — Лео вдруг подумал, что в Мышонке больше страха, чем жадности, по крайней мере, того, что сам Лео понимал как страх.

Мышонок глядел на украденную вещь с благоговением и ужасом.

— Ты можешь показать мне, как на нем играть?

Внезапно осмелев, он взял инструмент с колен Лео, хотя страх был чувством, которое сопровождало Мышонка всю его короткую жизнь.

Овладев инструментом, он внутренне собрался и покрутил его в руках.

Там, где извивающаяся по холму пыльная улица брала свое начало, позади железных ворот, Мышонок работал по ночам. В чайной, где собиралось множество мужчин, он разносил подносы с кофе и булочками, проходя туда и обратно сквозь узкие стеклянные двери и наклоняясь, чтобы рассмотреть женщин, входящих внутрь.

Теперь Мышонок приходил на работу все позже и позже. Он оставался у Лео, пока была возможность. Далекие огни мигали за доками, протянувшимися на целую милю, и Азия мерцала сквозь туман, когда Лео показывал на полированном сиринксе, как надо управлять запахом, цветом, формой, структурой и движением. Глаза Мышонка начали понемногу открываться.

Двумя годами позднее, когда Лео объявил, что продал свою лодку и подумывает переселиться на другой конец созвездия Дракона, возможно, на Новый Марс, половить песчаных скатов, игра Мышонка уже превосходила ту безвкусицу, которую Лео показал ему в первый раз.

Месяц спустя Мышонок покинул Стамбул, просидел под сочащимися водой камнями Эдернакапи, пока ему не представилась воз-

возможность на грузовике добраться до пограничного города Ипсалы. Он пересек границу с Грецией в красном вагоне, битком набитом цыганами. Продолжая странствия, он добрался до Румынии, страны, где он родился. Он прожил в Турции три года. Все, что он нажил за это время, не считая одежды на себе, — это толстое серебряное кольцо, слишком большое, чтобы надевать на палец, и сиринкс.

Два с половиной года спустя, когда он покинул Грецию, кольцо все еще было у него. Он отрастил на мизинце ноготь длиной около трех четвертей дюйма, как это делают ребята, работающие на грязных улочках позади магазинчика Монастераки, продавая ковры, медные безделушки и прочий популярный среди туристов товар неподалеку от величественного купола, покрывающего квадратную милю — «Афинского Супермаркета», и сиринкс был у него.

Крузиный теплоход, на который его взяли мыть палубу, вышел из Пирея в Порт-Саид, прошел через канал и направился в Мельбурн, порт его приписки.

Когда теплоход лег на обратный курс, на этот раз в Бомбей, Мышонок был уже исполнителем в ночном клубе: Понтико Провечи, создавший известные произведения искусства, музыки, графики, выступает специально для вас. В Бомбее он сошел на берег, вдребезги напился (ему было уже шестнадцать лет) и побрел по грязному, освещенному лишь луной, пирсу. Он клялся никогда больше не играть в полную силу за деньги. Вернулся он в Австралию, опять моя палубу на теплоходе, и сошел на берег со своим большим кольцом, длинным ногтем и золотой серьгой в левом ухе. Моряки, пересекавшие экватор в Индийском океане, говорили, что этой серьге полторы тысячи лет. Стюард проткнул мочку его уха с помощью иголки с ниткой и льда, и опять с ним был сиринкс.

Вернувшись в Мельбурн, он стал играть на улицах, проводя много времени в кофейне, куда частенько заглядывали ребята из Королевской Астрономической Академии. Двадцатилетняя девушка, с которой он жил, была уверена, что ему тоже не помешало бы учиться.

— Иди, вставь себе несколько контактов. Ты так или иначе когда-нибудь ихставишь, а тут получишь знания и умение применять их не для работы на заводе, а с большей пользой для себя. Ты любишь путешествовать, а после обучения сможешь летать к звездам или управлять строительными машинами.

Когда он окончательно порвал с девушкой и покинул Австралию, у него уже имелся аттестат киборга кораблей всех типов. Кроме аттестата у него имелась золотая серьга, остриженный ноготь на мизинце, массивное кольцо и сиринкс.

Но попасть на корабль, улетающий с Земли, даже имея аттестат, было очень трудно. Пару лет он работал на мелких коммерческих

линиях, образующих Транспортный Треугольник: Земля—Марс, Марс—Ганимед, Ганимед—Земля. Но теперь его черные глаза были полны звездным светом. Несколько дней спустя после того, как он отметил свое восемнадцатилетие (это был день, который его бывшая девушка и он уговорились считать его днем рождения там, в Мельбурне), Мышонок удалось добраться до второй луны Нептуна, откуда начинались дальние коммерческие линии, ведущие к мирам созвездия Дракона, Федерации Плеяд и даже к Крайним Колониям. Серебряное кольцо помогло ему.

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

Мышонок миновал Геенну-3. Его сапог на одной ноге клацал, другая же нога, босая, ступала бесшумно (точно так же, только в другом городе и в другом мире, ходил Лео). Эта особенность появилась у него в результате межпланетных полетов. Те, кто долгое время работал на межпланетных кораблях в состоянии невесомости, развивали цепкость пальцев, по крайней мере, одной ноги, а то и обеих ног так, что по сноровке они превосходили пальцы рук. Носить обувь на таких ногах не рекомендовалось. Коммерческие звездолеты имели искусственную гравитацию, так что их экипажи не нуждались в такой тренировке.

Мышонок шагнул под трепещущую под теплым ветром крону большого платана и вдруг ударился обо что-то плечом. Его схватили, встряхнули и развернули.

— Ты, слепой щенок с крысиной мордой!..

Его держали вытянутой рукой, крепко стиснув плечо. Мышонок поднял глаза на человека, который его держал.

Казалось, его лицо состояло из двух составленных половинок. Шрам шел от подбородка, сближал толстые губы, поднимался по щеке — желтые глаза глядели необыкновенно энергично — рассекал левую бровь и исчезал в рыжей, кудрявой, как у негра, шевелюре — в шелковистом ярко-желтом пламени. Шрам был цвета меди, а кровеносные сосуды — цвета бронзы.

— Где ты находишься, парень? Как по-твоему?

— Простите...

Куртка распахнулась, показав золотой офицерский диск.

— Боюсь, я не видел...

Кожа на лбу задвигалась. Под ней на щеках проступили желваки. Из горла вырвался громкий и презрительный смех.

Мышонок раздвинул губы в улыбке, пряча за ней ненависть.

— Боюсь, я не совсем видел, куда иду!

— Боюсь, что именно так, — рука еще дважды опустилась на его плечо. Капитан покачал головой и двинулся дальше.

Смущенный и встревоженный Мышонок побрел в другую сторону, потом вдруг остановился и огляделся. На золотом диске, прикрепленном к левому плечу капитана, значилось его имя: Лок фон Рей. Рука Мышонка потянулась к футляру на поясе. Еще раз оглядевшись, он откинул упавшие на лоб волосы и забрался на изгородь. Общими ногами — и обувью, и босой — он крепко уцепился за нижнее кольцо и вынул сиринкс.

Мышонок потянул инструмент из-за спины. Под наполовину расшнурованной курткой четко обозначились мускулы. Он задумался, его длинные ресницы колыхнулись, а рука опустилась на индукционную панель.

Воздух наполнился дрожащими фигурами...

ГЛАВА ВТОРАЯ

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

Катин, шаркая ногами, шел по направлению к Геенне-3. Голова его была опущена, а мысли заняты лунами.

— Эй, парены!

— А?

Небритый бродяга облокотился на перила, вцепившись в верхнюю планку шелушащимися руками.

— Откуда ты? — глаза бродяги были затуманены.

— С Луны, — ответил Катин.

— Из беленького домика на тенистой улочке, с велосипедом в гараже? У меня был велосипед.

— Мой дом был зеленым, — ответил Катин, — и под надувным куполом. Впрочем, велосипед у меня был.

Бродягу качнуло вперед.

— Ты не знаешь, парень. Ты не знаешь?

Следует послушать сумасшедшего, подумал Катин. Они становятся большой редкостью. И надо сделать запись.

— Так давно... Ну, пока! — старик, пошатываясь, побрел по улице.

Катин покачал головой и пошел дальше.

Он был неуклюж и на редкость высок: выше двух метров. Он достиг такого роста к шестнадцати годам, но это его не интересовало никогда. За последующие десять лет он приобрел привычку слегка горбить плечи. Его длинные руки были постоянно засунуты за ремень шортов, а локти при ходьбе все время что-нибудь задевали.

Его мысли снова вернулись к лунам.

Катин, рожденный на Луне, любил луны, всегда жил на них, за

исключением того времени, когда уговорил своих родителей, стенографистов в суде созвездия Дракона на Луне, позволить ему обучаться в университете Земли, учебном центре таинственного и загадочного Запада — Гарварде, по-прежнему притягивающем к себе людей богатых, эксцентричных и неординарных. Последние два качества относились к Катину.

Об изменениях, происходящих с земной поверхностью — снижении высоты Гималаев, обводнении Сахары — он знал только по сообщениям. Морозные лишайниковые чащи марсианских полярных шапок, неистовые песчаные реки экватора Красной планеты, меркурианская ночь и меркурианский день — все это было ему известно только по посещениям психорамы.

Но это было отнюдь не то, что Катин знал, что Катин любил. Луны?

Луны были невелики. Их красота заключается в вариациях подобно. Из Гарварда Катин вернулся на Луну, а оттуда направился на Станцию Фобос, где подключился к куче самописцев, устаревших, с малым объемом памяти компьютеров, ареографов, и стал работать регистратором. Через некоторое время он исследовал Фобос на тракторе, оборудованном источником поляризованного света. Деймос, светлый обломок скалы шириной в десять миль, дрожал в это время над непривычно близким горизонтом. В конце концов, Катин сколотил экспедицию и на Деймос и облазил буквально каждый квадратный фут поверхности этой крошечной луны. Потом побывал на лунах Юпитера: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто прошли перед его карими глазами. Луны Сатурна, освещенные рассеянным светом колец, подверглись его исследованию, когда он возвращался со станции приема кораблей, где тогда работал. Он изучал серые кратеры, серые горы, равнины и каньоны днями и ночами, портя свое зрение. Все луны одинаковы?

Если бы Катин очутился на любой из них, структура залегания нефтяных пластов, кристаллическое строение и топография луны позволила бы ему немедленно узнать, где он находится, даже если бы ему завязали глаза. Высокий Катин сразу подмечал мельчайшие особенности каждого ландшафта, а вот особенности мира в целом или отдельного человека он хоть и знал, но не любил. От этой не любви он избавлялся двумя способами:

Во-первых, он писал роман — это называлось «внутренним способом».

Записывающий кристалл, подаренный родителями по случаю окончания школы, болтался на цепочке в районе его живота. К настоящему времени он содержал несколько сот тысяч слов заметок, но пока еще не была написана даже первая глава.

Во-вторых, («внешний способ») он выбрал изолированный образ жизни в соответствии со своим образованием и темпераментом

и потихоньку все больше и больше отдалялся от фокуса человеческой деятельности, которым была для него Земля. Он окончил курсы киборгов всего месяц назад и на эту луну, крайнюю луну Нептуна, прибыл этим утром.

Его каштановые волосы были шелковисты, нечесаны и достаточно длинные; чтобы в них можно было вцепиться в драке — если только у вас подходящий рост. Руки, засунутые под ремень шорт, машинально мяли плоский живот. Он подошел к тротуару и остановился. Кто-то сидел на изгороди и играл на сенсо-сиринксе.

Несколько зевак смотрели на это.

Цвета распирали воздух, колыхались, словно под свежим бризом, опадали и возникали снова — светлый изумруд, тусклый аметист. Порывы ветра доносили запахи уксуса, снега, океана, имбиря, мака, рома. Осень, океан, имбирь, океан, осень. Океан, океан, опять океанские волны. Цвет вскипал размытой голубизной и падал на лицо Мышонка.

Дюжины две зевак стояло около него. Они щурились и вертели головами. Отсветы дрожали на их веках, ложились на губы, на наморщенные лбы. Какая-то женщина закашлялась, потирая ухо, какой-то мужчина ударил себя по ляжкам.

Катин глянул поверх голов. Кто-то протискивался вперед. Мышонок поднял голову.

Слепой Дэн, неуверенно ступая, выбрался из толпы, остановился, шагнул вперед, в пламя сиринкса.

— Эй, проходи, не стой...

— Проходи, старик!..

— Не мешай нам смотреть!..

Войдя в самую гущу создаваемых Мышонком образов, Дэн качнулся, голова его мотнулась.

Мышонок засмеялся. Его рука легла на рукоятку проектора. Свет, звук, запах уступили место ярко окрашенному демону, стоящему перед Дэном, бляющему, гримасничающему, хлопающему облезлыми крыльями, меняющими свой свет с каждым взмахом. Голос его звучал как из рупора, третий глаз вращался, а сам он кривлялся, передразнивая Дэна.

Среди зрителей раздался смех.

Цвета вздымались и опадали, послушные пальцам Мышонка. Цыган недобро усмехнулся.

Дэн пошатнулся и взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие. Завопив, демон повернулся к нему задом и нагнулся. Раздался хлопок, и зрители отшатнулись от невыносимой вони.

Катин, который облокотился на забор рядом с Мышонком, почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

Демон подпрыгнул.

Катин нагнулся и положил ладонь на индукционную панель. Демон потерял четкость. Мышонок резко поднял голову.

— Эй!

— Не надо этого делать,— произнес Катин, и его большая рука полностью накрыла плечо Мышонка.

— Он же слепой,— возразил Мышонок.— Он не слышит, не чувствует запахов и даже не знает, что тут происходит,— его черные брови нахмурились, но играть он все же перестал.

Дэн одиноко стоял в центре толпы. Вдруг он вскрикнул, потом еще раз. Звуки были какими-то неживыми, металлическими. Толпа подалась назад. Мышонок и Катин посмотрели туда, куда указывала рука Дэна.

В темно-синей куртке с золотым диском сквозь толпу прошел капитан Лок фон Рей, и шрам пламенел в падающем на лицо свете.

Несмотря на свою слепоту, Дэн узнал его, повернулся и, пошатываясь, стал выбираться из круга людей. Задев боком мужчину, толкнув в плечо женщину, он выбрался из толпы.

Дэн ушел, сиринкс смолк, и все внимание переключилось на капитана. Лок фон Рей с силой хлопнул ладонью по бедру. Звук был такой, словно он ударил доской.

— Спокойно! Кончайте орать! — Голос его был уверенным.— Я набираю команду киборгов для длительного полета, возможно, в неисследованную область.— Такие энергичные глаза! Не тронутая шрамом часть лица под ржавого цвета шевелюрой улыбалась. Но для того, чтобы определить выражение изуродованного рта и брови, требовалось время.— Ну, кто из вас хочет отправиться со мной на край ночи? Вы черви или звездопроходцы? Вот ты? — он ткнул пальцем в Мышонка, все еще сидящего на изгороди.— Ты хочешь отправиться в путь?

Мышонок слез с изгороди.

— Я?

— Ты со своей огненной штучкой-дрючкой! Если только будешь в состоянии видеть, куда идешь, и время от времени проделывать передо мной фокусы. Берешься за эту работу?

Усмешка тронула губы Мышонка.

— Конечно,— усмешка пропала.— Я согласен,— слова звучали так, словно это говорил не он, а пьяный старик.— Конечно, я согласен, капитан,— Мышонок кивнул, и его золотая серьга блеснула в исходящем из разлома свете. Горячий воздух из-за ограды тронул его черные волосы.

— У тебя есть приятель, с которым ты хотел бы быть вместе? Мне нужен экипаж.

Мышонок, который практически никого здесь не знал, поглядел на высокого парня, остановившего его игру с Дэном.

— Как насчет этого коротышки? — он ткнул пальцем в сторону изумленного Катина. — Я его не знаю, но на друга он потянет.

— Хорошо. Итого... — капитан фон Рей сощурил глаза, кинув взгляд на опущенные плечи Катина, его узкую грудь, круглые щеки и близорукие голубые глаза за контактными линзами, — ...двое, — к щекам Катина прилила кровь. — Кто еще? Ну, в чем дело? Бойтесь покинуть этот колодец, выходящий в тусклое солнышко? — он мотнул головой в сторону ярко освещенных гор. — Кто из вас пойдет туда, где ночь длится вечно, а утро — не более, чем воспоминание?

Вперед шагнул мужчина с кожей цвета королевского винограда, большеголовый и полнолицый.

— Я хочу.

Когда он говорил, было видно, как мускулы перекатываются под кожей его лица, челюстей и голого черепа.

— Один или с товарищами?

Еще один человек вышел из толпы. Его плоть просвечивала, как пена, волосы были подобны белой шерсти. Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить сходство добровольцев: те же линии толстых губ, та же чуть вздернутая верхняя губа, те же очертания выступающих скул. Близнецы. Второй человек повернул голову, и Мышонок увидел мигающие розовые глаза, подернутые серебристой поволокой.

Альбинос положил свою тяжелую руку — мешок мускулов, суставов и изуродованных работой пальцев, переплетенный до локтя толстыми мертвенно-бледными венами — на плечо брата.

— Мы отправимся вместе, — их голоса, манера растягивать слова — все было абсолютно одинаковым.

— Еще кто-нибудь? — капитан фон Рей оглядел толпу.

— Меня, капитан, взять не хотите *?

Человек протолкался вперед, Что-то хлопнуло у него за плечами, словно парус.

Его соломенного цвета волосы взметнулись, как от ветра, дующего совсем не от расщелины. Влажные крылья сомкнулись и снова расправились, словно оникс, словно слюда. Человек протянул руку к плечу, на котором эполетом расположились черные когти, и ласково погладил подушечки лап большим пальцем.

— А кроме этой твари у тебя есть еще друг?

Ее маленькая рука легла в его ладонь, она выступила вперед, следуя за ним на расстоянии их вытянутых рук.

Веточка ивы? Крыло птицы? Кружащий голову весенний ветер? Мышонок потянулся к сиринксу, чтобы сохранить ее лицо для себя, но остановился, не в силах нажать кнопку записи.

Ее глаза были цвета стали. Маленькие груди поднимались под

* Диалект Плеяд.

кружевом блузки, напрягаясь при вдохе. Сталь блеснула, когда она обвела толпу спокойным взглядом.

Сильная женщина, подумал Катин, разбирающийся в подобных вещах.

Капитан фон Рей взмахнул рукой.

— Вы двое и эта зверюга?

— Мы шесть, капитан, зверей возьмем,— сказала она.

— Чтобы они разнесли корабль? Отлично. Но учтите, что я выброшу за борт ваш зверинец при первой же такой попытке.

— Прекрасно, капитан,— ответил мужчина, и его раскосые глаза на красном лице сузились от смеха. Свободной рукой он обхватил бицепс другой руки и провел сомкнутыми пальцами по светлым волосам. Это та самая пара, которая играла в карты в баре, дошло вдруг до Мышонка.

— Когда вы нас на борту ждете?

— За час до рассвета. Мой корабль стартует с восходом солнца. Это «РУХ», он на шестнадцатой площадке. Как вас зовут ваши друзья?

— Себастьян,— зверь задел крылом его золотистое плечо.

— Тай,— тень крыла пересекла ее лицо.

Капитан фон Рей нагнул голову. Его тигриные глаза блеснули из-под бровей.

— А враги?

— Чертов Себастьян,— засмеялся мужчина,— и его черные бести!

Капитан взглянул на женщину.

— А вас?

— Тай,— и мягче,— пока.

— Вы двое! — фон Рей повернулся к близнецам.— Ваши имена?

— Это Айдас,— ответил альбинос и опять положил руку на плечо брата.

— ...а это Линчес.

— А что бы сказали ваши враги, если бы я спросил их о вас? Черный близнец пожал плечами.

— Только Линчес...

— ...и Айдас.

— Ты? — фон Рей кивнул Мышонку.

— Вы можете звать меня Мышонком, если вы мой друг. А моим врагам знать мое имя не обязательно.

Желтые глаза фон Рея полузакрылись, когда он посмотрел на высокого.

— Катин Кроуфорд,— для Катина его собственный волюнтаризм был большой неожиданностью.— Когда мои враги скажут мне, как они меня называют, я сообщу вам, капитан фон Рей.

— Мы отправляемся в долгий путь,— произнес фон Рей,— и вы

встретитесь с врагами, о которых и не слышали. Наши конкуренты — Принс и Руби Ред. Мы отправимся на грузовом корабле. Туда — пустыми, а обратно, если будет все в порядке, с полным грузом. Я хочу, чтобы вы знали: ранее уже были предприняты две попытки. Одна плохо началась. В другой раз я был в двух шагах от цели, но эти шаги показались слишком большими кое-кому из моего экипажа. На этот раз я намерен стартовать, взять груз и вернуться.

— Куда мы будем лететь? — спросил Себастьян. Зверь на его плече переступил с лапы на лапу и взмахнул крыльями, чтобы сохранить равновесие. Размах его крыльев был около семи футов.— И что об обратном пути, капитан?

Фон Рей поднял голову к небу, словно надеялся разглядеть цель своего путешествия, потом медленно опустил ее.

— На обратном пути...

У Мышонка вдруг появилось странное ощущение, что кожа на его шее под затылком отстала от мяса, и кто-то, забавляясь, сдвигает ее тонким прутиком.

— Где-то на обратном пути,— сказал фон Рей,— будет Новая. Страх?

Мышонок бросил взгляд на небо и увидел вместо звезд большие глаза Дэна.

Катин всегда выкарабкивался из многочисленных дыр множества лун, но теперь стоял, прикрыв глаза, а в нижней части живота у него медленно сжималось солнце.

«Это уже н а с т о я щ и й страх,— подумал Мышонок.— Слово зверь, бьющийся о грудную клетку, стремящийся вырваться на волю».

«Это начало миллиона путешествий,— мелькнуло в голове Катина.— Впрочем, можно ли этот полет назвать путешествием, если мы будем передвигаться не пешком?»

— Мы должны добраться до огненного края взорвавшейся звезды. Вся Нова — это стремительно расширяющееся скрученное пространство. Мы должны добраться до края этого хаоса и принести пригоршню пламени. И постараться не зевать. Там, куда мы пойдем, законов не существует.

— Какие законы вы имеете в виду? — спросил Катин.— Законы человеческие или законы природы?

Фон Рей помедлил.

— И те, и другие.

Мышонок потянул кожаный ремень, перекинутый через плечо, и уложил сирикс в футляр.

— Это гонки,— сказал фон Рей.—Повторяю еще раз. Принс и Руби Ред — это наши противники. Человеческих законов, с помощью которых я мог бы их придерживать, не существует. Тем более, когда мы будем возле Новы.

Мышонок тряхнул головой, откидывая упавшие на глаза волосы.

— Путешествие будет рискованным, а, капитан? — мускулы его круглого лица дернулись, задрожали и застыли в усмешке, сдерживая дрожь. Рука его внутри футляра потянулась к мозаике сиринкса. — Настоящее рискованное путешествие? — его глухой голос дрогнул.

— Как это... Мы принесем пригоршню пламени? — начал Линчес.

— Полный груз, — уточнил фон Рей, — то есть, семь тонн. Семь кусков по тонне каждый.

Айдас возразил:

— Но нельзя же погрузить семь тонн огня...

— ...так что же мы привезем, капитан? — закончил Линчес.

Экипаж ждал. Стоящие вокруг тоже ждали.

Фон Рей потер правое плечо.

— Илирион, — сказал он. — Мы зачерпнем его прямо из звезд, — рука его опустилась. — Давайте сюда свои классификационные индексы. Ну, а теперь я хочу увидеть вас в очередной раз только на «РУХе» за час до восхода.

— Выпей...

Мышонок оттолкнул руку. Он находился в дансинге. Музыка рассыпалась колокольчиками. Над стойкой замигали восемь красных огней.

— Выпей...

Мышонок постукивал в такт музыке ногой. Тай напротив него тоже отбивала такт, темные волосы покачивались за ее блестящими плечами.

Кто-то кому-то говорил:

— Нет, не могу я этого пить. Хватит с меня.

Она хлопнула в ладоши и двинулась к нему. Мышонок заморгал. Тай начала мерцать.

Он снова заморгал и увидел Линчеса, держащего в своих белых руках сиринкс. Его брат стоял сзади, оба они смеялись. Настоящая Тай сидела на краешке стула со своими картами.

— Эй, — крикнул Мышонок и направился к братьям. — Послушайте, не балуйтесь с инструментом! Если вы умеете играть, тогда — пожалуйста. Только сперва спросите.

— А, — махнул рукой Линчес. — Ты тут единственный, кто в этом понимает...

— ...переключатель стоял на солнечном луче, — перебил Айдас. — Мы извиняемся.

— О'кэй, — сказал Мышонок, забирая сиринкс. Он был пьян и очень устал. Выйдя из бара, он побрел вдоль пышущих жаром губ

Геенны-3, потом поднялся на мост, ведущий к семнадцатой площадке. Небо было черно. Он вел ладонью по поручню, и его пальцы и предплечье были освещены идущим снизу оранжевым светом.

Кто-то стоял впереди, облокотившись о перила.

Мышонок пошел помедленнее.

Катин задумчиво смотрел на ту сторону бездны, его лицо казалось маской в исходящем из расщелины свете.

В первый момент Мышонку показалось, что Катин с кем-то беседует. Потом он увидел у него на ладони записывающий кристалл.

— Проникните в человеческий мозг,— говорил Катин в аппарат.— Между головным и спинным мозгом вы найдете нервный узел, напоминающий человеческую фигурку, но всего около сантиметра высотой. Он связывает сигналы, формируемые органами чувств, с абстракциями, формируемыми головным мозгом. Он приводит в действие наше восприятие окружающего мира и запас знаний, которыми мы обладаем. Проникните сквозь путаницу интриг, тянущихся от мира к миру...

— Эй, Катин!

Катин взглянул на Мышонка. Волна горячего воздуха поднималась снизу.

— ...от звездной системы к звездной системе, заполнивших сектор созвездия Дракона с Центральной звездой — Солнцем, Федерацию Плеяд, Окраинные Колонии, и вы увидите толчею дипломатов, официальных представителей, кем-то назначенных и самозванных, неподкупных или продажных — в зависимости от ситуации, короче, образование, принимающее форму представляемого им мира. Его задача — воспринимать и уравнивать социальные, экономические и культурные изменения, влияющие на положение дел в Империи.

Проникните внутрь звезды, туда, где пламя окружает ядро из чистого ядерного вещества, сверхсжатого и летучего, удерживаемого в этом состоянии весом окружающего вещества; ядро, имеющее сферическую или эллипсоидную форму, повторяющую форму самой звезды. Вследствие внутризвездных процессов ядро испытывает сильнейшие потрясения. Однако происходящие на поверхности звезды изменения почти не видны — значительные массы вещества сглаживают эти толчки.

Случается, что расстраивается тонкий механизм балансировки внешних и внутренних сигналов в человеческом мозгу. Часто правительство и дипломаты не в силах сдерживать процессы, происходящие в подвластных им мирах. А когда расстраивается механизм балансировки звезды, рвущаяся наружу энергия порождает титанические силы, которые превращают эту звезду в Нову...

— Катин!

Он выключил свой аппарат и посмотрел на Мышонка.

— Чем это ты занят?

— Делаю заметки для своего будущего романа.

— Твоего — чего?

— Это архаическая форма искусства, вытесненная психорамой. Она имела ряд ныне исчезнувших особенностей, которыми последующие формы искусства уже не обладали. Я — анахронизм, Мышонок, — Катин усмехнулся. — Кстати, спасибо за работу.

Мышонок пожал плечами.

— А о чем это ты толковал?

— О психологии, — Катин опустил кристалл в карман, — политике и физике.

— Психология? — переспросил Мышонок. — Политика?

— Ты умеешь читать и писать? — спросил Катин.

— На турецком, греческом и арабском. На английском — хуже. С буквами не сделаешь того, что можно сделать со звуками.

Катин кивнул. Он тоже был слегка пьян.

— Хорошо сказано. Вот почему английский — очень подходящий для романов язык. Но я сильно упрощаю.

— Что там насчет психологии и политики? Физику я знаю.

— В особенности меня интересует, — произнес Катин, обращаясь к бурлящей, пышущей жаром ссадине на поверхности планеты, кровоточащей в двухстах метрах под ними, — психология и политика нашего капитана. Эти две вещи прямо-таки интригуют меня.

— Но почему?

— Его психология на данный момент всего лишь любопытна, поскольку она неизвестна. У меня будет возможность понаблюдать за ним в полете. Но его политика обещает большие возможности.

— Да? Как это?

Катин сцепил пальцы и подпер ими подбородок.

— Я обучался в высшем учебном заведении одной некогда великой страны. Неподалеку от нас находилось строение с надписью «Лаборатория психических исследований фон Рей». Сравнительно новое здание, построенное лет сто сорок назад.

— Капитан фон Рей?

— Я полагаю, его дед. Лаборатория была подарена школе в честь тридцатилетия со дня вынесения судом созвездия Дракона постановления о предоставлении независимости Федерации Плеяд.

— Так фон Рей из Плеяд? По его произношению этого не скажешь. Вот Себастьян и Тай — другое дело. А ты уверен в этом?

— Там находятся его фамильные владения. Скорее всего, он сам все время путешествует во Вселенной, от чего бы и мы не отказались. Как долго, ты думаешь, он владеет своим кораблем?

— А он не работает на какой-нибудь синдикат?

— Нет, если только этот синдикат не принадлежит его семье. Фон Рей — наиболее влиятельное семейство в Федерации Плеяд. Я не знаю, является ли капитан любимым кузенком, любимым на-

столько, что ему позволено носить то же имя, или прямым родственником и наследником, но я знаю, что это имя связано с управлением и организацией Федерации Плеяд в целом. Это тот сорт семей, которые имеют дачу в Окраинных Колониях и дом или два для постоянного жительства — на Земле.

— Тогда он большой человек,— хрипло произнес Мышонок.

— Большой.

— А кто такие Принс и Руби Ред, о которых он говорил?

— Ты настолько глуп или просто продукт сверхспециализации тридцать второго века? — удивился Катин.— Иногда я мечтаю о возвращении великих людей двадцатого столетия: Бертрана Рассела, Сюзанны Лэнгер, Педжета Давлина,— он посмотрел на Мышонка.— Кто производит все известные тебе транспортные средства, межпланетные и межзвездные?

— Ред-шифт Лимитед...— Мышонок осекся.— Т о т Ред?

— Если бы это был не фон Рей, я бы подумал, что он говорит о ком-то другом, но он фон Рей, и поэтому, скорее всего, имеет в виду именно тех Редов.

— Черт,— пробормотал Мышонок. Фирменный знак Ред-шифт встречался настолько часто, что временами даже не привлекал взгляда. Ред-шифт производила технику для космических полетов, оборудование для ремонта и обслуживания космических кораблей, запасные части.

— Реды — семейство промышленников, корни которого уходят к заре космических полетов. Они очень прочно обосновались в созвездии Дракона и, в особенности, на Земле. Фон Рей — это не такая старая, но не менее могущественная фамилия из Федерации Плеяд. А теперь они устроили гонки за семью тоннами иллириона. Твое политическое чутье не заставляет тебя содрогаться за исход этого дела?

— Почему это?

— Конечно,— сказал Катин,— артист, имеющий дело с самовыражением и воплощением своего внутреннего мира, должен быть, помимо всего прочего, также и аполитичным. Но в с а м о м - т о д е л е, Мышонок?

— О чем ты говоришь, Катин?

Мышонок подумал.

— Иллирионовая батарея приводит в действие мой сиринкс. Я знаю, что его используют для подогрева ядра этой луны... Да, он не имеет отношения к достижению сверхсветовых скоростей?

— Ты,— Катин прикрыл глаза,— такой же зарегистрированный, проверенный, компетентный киборг, как и я. Правильно? — на последнем слове глаза его открылись.

Мышонок кивнул.

— И когда же возродится система обучения, для которой пони-

мание было неотъемлемой частью знания?! — спросил Катин мерцающую темноту. — Ты где проходил обучение на киборга? В Австралии?

— Угу.

— Соображай, Мышонок. В батарее твоего сиринкса илириона значительно — раз в двадцать — меньше, чем, скажем, радиация в светящихся стрелках часов. Сколько времени служат батареи?

— Они рассчитаны на пятьдесят лет, но чертовски дорогие.

— Количество илириона, необходимое для подогрева ядра этой луны, измеряется граммами. Примерно столько же нужно космическому кораблю. Для того, чтобы разнести всю Вселенную, достаточно восьми-девяти тысяч килограммов, а фон Рей собирается добыть с е м ь тонн!

— Я полагаю, что Ред-шифт этим здорово заинтересуется.

— Могут, — энергично кивнул Катин.

— Катин, а что вообще такое — илирион? Я спрашивал об этом, когда учился у Купера, но мне сказали, что это слишком сложно для меня.

— Мне сказали то же самое в Гарварде, — ответил Катин. — Я пошел в библиотеку. Наилучшее определение дано профессором Плавиневским в его труде, посланном сперва в Оксфорд в 2238 году, а потом уже — в Общество Теоретической Физики. Я цитирую: «В основном, джентльмены, илирион — это общее название группы элементов с порядковыми номерами выше трехсотого, обладающих психоморфными свойствами, гетеротронные свойства которых аналогичны большинству известных элементов, в том числе и принадлежащих к воображаемой серии и имеющих номера от ста седьмого до двести пятьдесят пятого в периодической таблице...» Как у тебя с субатомной физикой?

— Я ведь всего-навсего киборг.

Катин приподнял бровь.

— Ты знаешь, что если двигаться по периодической таблице, то начиная примерно с девяносто восьмого номера, элементы становятся все менее и менее стабильными. В конце концов мы доходим до забавных штучек типа эйнштейния, калифорния, фермия с периодом полураспада в несколько сотых секунды, а далее и до стотысячных долей. Чем дальше мы идем, тем нестабильнее элемент. По этой причине целая серия элементов с сотого по двести девяносто шестой незвана воображаемой. На самом деле они существуют, но живут недолго. А примерно с двести девяносто шестого номера стабильность начинает расти. С трехсотого мы возвращаемся к периоду полураспада, измеряемому десятилетиями, а через пять-шесть номеров начинается новая серия с периодом полураспада в миллионы лет. Эти элементы имеют гигантское ядро и встречаются крайне редко. Давным-давно, еще в 1950 году, были открыты гипероны,

элементарные частицы больше протонов и нейтронов. Эти частицы обладают энергией связи, достаточной для того, чтобы удерживать такое сверхъядро. Точно так же обычные мезоны удерживают ядра известных нам элементов. Эта группа сверхтяжелых, сверхстабильных элементов имеет общее название «иллирион». И опять я процитирую великого Плавиневского: «Но, джентльмены, иллюрион — это что-то еще...» Как гласит Вебстер, он и психоморфен, и гетеротропен. Я полагаю, будет правильнее сказать, что иллюрион — это масса вещей для массы людей, — Катин прислонился к забору и взмахнул рукой. — Я желаю знать, что он значит для нашего капитана!

— А что такое «гетеротронный»?

— Мышонок, — сказал Катин, — к концу двадцатого столетия человечество стало свидетелем всеобщего взрыва того, что позднее было названо «современной наукой». Пространство оказалось заполненным квазарами и неизвестными источниками радиоизлучения. Количество элементарных частиц превысило число состоящих из них элементов. Стабильные химические соединения, всегда считавшиеся невозможными, образовывались направо и налево, благородные газы оказались не такими уж благородными. Идея концентрации энергии, выдвинутая квантовой теорией Эйнштейна, оказалась настолько же верной и привела к такому же количеству противоречий, так ранее теория трехсотлетней давности, гласившая, что огонь — это летучая жидкость, называемая флогистонем. Недруги науки — что за великолепное название! — с яростью набросились на новую теорию. Открытие психодинамики заставило каждого сомневаться всегда и во всем, а сто пятьдесят лет назад этот разнобой был приведен в относительный порядок великими умами синтетики и обобщенных наук. Их имена очень много говорят мне, но для тебя они — ничто. И ты, знающий только, когда какую кнопку нажать, хочешь, чтобы я — продукт многовековой системы обучения, основывающейся не только на получении информации, но и на целой теории общественной балансировки, сделал тебе пятиминутный обзор развития человеческой мысли за последние десять веков? Ты хочешь знать, что такое гетеротронный элемент?

— Капитан сказал, что мы должны быть на борту за час до восхода солнца, — рискнул вставить Мышонок.

— Не обращай на это внимания. У меня просто привычка к такого рода экспромтам. Дай подумать... Сперва во Франции в двухтысячном году появился труд де Блю, в котором он предлагал первую грубую шкалу в свой, в основном довольно точный, метод измерения психических изменений электрических...

— Не надо, — перебил Мышонок. — Я хочу узнать про фон Рея и иллюрион.

Воздух всколыхнули крылья, и показались черные силуэты. Рука в руке, Себастьян и Тай поднимались по мосту. Их звери, пере-

ступающие с ноги на ногу, подняли головы. Тай подбросила одного из них, и он взлетел в воздух. Два других затеяли ссору из-за того, кому сидеть на плече Себастьяна. Один уступил, а другой, удовлетворенный, теперь лениво взмахивал крыльями.

— Эй,— хрипло окликнул их Мышонок.— Вы идете на корабль?

— Идем.

— Минуточку. Что для вас значит имя фон Рея? Оно вам знакомо?

Себастьян улыбнулся, а Тай кротно взглянула на него своими серыми глазами.

— Мы из Федерации Плеяд происходим, ответила она.— Я и эти звери родились в одном месте. Наше солнце — это Дим, Умершая Сестра.

— В давние времена Плеяды назывались Семью Сестрами, потому что с Земли видно только семь звезд,— пояснил Катин к неудовольствию Мышонка.— За несколько веков до нашей эры одна из видимых звезд превратилась в Нову, а затем исчезла. Сейчас в глубинах ее обугленных планет построены города. Для нормальной жизни там еще слишком жарко, но жить все-таки можно.

— Нова? — спросил Мышонок.— Так что же фон Рей?

— Все, что угодно,— взмахнула рукой Тай.— Влиятельная, хорошая семья.

— Это относится и к капитану фон Рею? — спросил Катин. Тай пожала плечами.

— А илирион? — спросил Мышонок.— Что вам известно о нем?

Себастьян, окруженный своими питомцами, опустился на корточки. Его волосатая рука успокаивающе дотронулась до каждой головы.

— Федерация Плеяд не имеет. Система Дракона — тоже,— буркнул он.

— Говорят, что фон Рей — пират,— неуверенно сказала Тай. Себастьян резко поднял голову.

— Фон Рей — влиятельная и хорошая семья! Фон Рей — хороший человек! Поэтому мы с ним и идем.

— Фон Рей — хорошая семья...— уже более мягко произнесла Тай.

Мышонок увидел приближающегося к ним Линчеса, а через десять секунд — и Айдаса.

— Вы двое, вы из Окраинных Колоний?

Близнецы остановились плечо к плечу. Розовые глаза мигали чаще карих.

— Из Аргоса,— сказал альбинос.

— Аргос на Табмэне В-12,— уточнил другой.

— Дальние Окраинные Колонии,— сказал Катин.

— Что вы знаете про иллирион?

Айдас прислонился к перилам моста, нахмурился, потом вспрыгнул на перила и сел.

— Иллирион? — он подогнул ноги и зажал ладони между колен. — У нас в Окраинных Колониях иллирион есть.

Линчес сел рядом.

— Тобиас, — сказал он. — У нас был брат, Тобиас, — он подвинулся ближе к Айдасу. — У нас был брат по имени Тобиас там, в Окраинных Колониях, — он взглянул на Айдаса, и его коралловые глаза подернулись серебром. — На Окраинных Колониях, там, где иллирион.

— Миры Окраинных Колоний, — сказал Айдас. — Бальтус с его снегом, грязью и иллирионом; Кассандра со стеклянными пустынями, огромными, словно земные океаны, бесчисленными джунглями голубых растений, с пенящимися реками галениума — и с иллирионом; Салинус, иссеченный пещерами и каньонами глубиной в милю, с континентами, заполненными мертвенно-красными болотами, с морями, со дна которых поднимаются города, построенные из кварца — и с иллирионом...

— Окраинные Колонии — это миры со звездами, более молодыми, чем звезды созвездия Дракона, и во много раз более молодыми, чем Плеяды, — перебил Линчес.

— Тобиас... Он на одной из иллирионовых шахт Табмэна, — сказал Айдас.

Голоса зазвучали напряженней, взгляды то опускались к земле, то взлетали к небу.

— Айдас, Линчес и Тобиас — мы выросли на безводных камнях экваториальной части Табмэна, в Аргосе, под тремя солнцами и красной луной...

— ...и на Аргосе тоже есть иллирион. Мы были буйными — нас звали буйными. Две черные жемчужины и одна белая, с шумом ка тающиеся по улицам Аргоса...

— ...Тобиас был черным, как Айдас. Я один в городе был белым...

— ...но не менее буйным, чем Тобиас. И однажды ночью нам сказали, что мы бешеные, что мы потеряли головы от блаженства...

— ...золотая пыль, скапливающаяся в трещинах скал, если ее вдохнуть, заставляет глаза мерцать невиданными цветами, и в ушах начинают звучать новые мелодии, и чувствуешь такой восторг...

— ...под влиянием блаженства мы сделали портрет мэра Аргоса, прикрепили его к летательному аппарату с часовым механизмом и запустили над городской площадью, а из динамиков звучали стихи, высмеивающие влиятельных граждан города...

— ...и за это мы были высланы из Аргоса в необитаемые области Табмэна...

— ...а за пределами города была только одна возможность выжить — спуститься в море и работать, пока не забудется позор, в подводных илирионовых шахтах..

— ...и мы трое, которые под влиянием блаженства никогда ничего не делали, а только прыгали и смеялись...

— ...мы были наивными...

— ...мы спустились в шахту. Мы работали в воздушных масках и водолазных костюмах на подводных разработках Табмэна целый год...

— ...год на Табмэне на три месяца длиннее, чем на Земле, и там шесть времен года вместо четырех...

— ...и в начале нашей второй, цвета морской волны, осени, мы решили уйти, но Тобиас не пошел с нами. Его руки уловили ритмику волн, куски породы удобно ложились на его ладони...

— ...и мы оставили нашего брата в илирионовой шахте, а сами двинулись в путь среди звезд, боясь...

— ...понимаете, мы боялись, что раз наш брат Тобиас нашел что-то, оттолкнувшее его от нас, то один из нас тоже может найти нечто, что разделит и нас двоих...

— ...поскольку мы считали, что нас троих разлучить нельзя,— Айдас посмотрел на Мышонка.— И нам не до блаженства.

Линчес моргнул.

— Вот что значит илирион для нас.

— Еще несколько слов,— сказал Катин с другой стороны троуара.— В Окрайних Колониях, включающих на сегодняшний день сорок два мира с населением около семи миллиардов человек, практически каждый какое-то время занимается работой, имеющей отношение к добыче илириона. И, я полагаю, каждый третий работает в той или иной области, связанной с его производством и переработкой, всю жизнь.

— Такова статистика,— подтвердил Айдас,— для Дальних Колоний.

Взметнулись черные крылья: поднялся Себастьян и взял Тай за руку.

Мышонок почесал затылок.

— Ладно, плюнем в эту речку и пойдем на корабль.

Близнецы прыгнули с перил. Мышонок наклонился над пышущим жаром ущельем и сморщился.

— Что это ты делаешь?

— Плюю в Геенну-3. Цыган должен плюнуть три раза в каждую реку, которую он переходит,— пояснил Мышонок Катину,— иначе непременно будут неприятности.

— Мы живем в тридцать втором столетии! Какие неприятности?

Мышонок пожал плечами.

— Я ни разу не плевал в реку.

— Может, это только для цыган?

— Я очень милым это нахожу,— сказала Тай и перегнулась через перила рядом с Мышонок. Над ними в струе теплого воздуха парил крылатый зверь. Вдруг он исчез в темноте.

— Что это? — внезапно спросила Тай.

— Где? — выпрямился Мышонок.

Она показала рукой на обрыв.

— Эй,— сказал Катин,— да ведь это тот слепой.

— Тот, который вмешался в твою игру!

Линчес протиснулся к перилам.

— Он болен,— альбинос сузил свои цвета крови глаза.— Этот человек — он болен.

Завороженный мерцанием, Дэн, огибая каменные глыбы, спускался к лаве.

— Он же обожжется! — воскликнул Катин.

— Но он не чувствует жара,— возразил Мышонок.— Он не видит и, наверное, ничего не понимает!

Айдас, а за ним и Линчес, раздвинув остальных членов экипажа, побежали вверх по мосту.

— Бежим! — крикнул Мышонок, бросившись за ними.

Себастьян и Тай кинулись вдогонку, оставив позади Катина.

Спустившись на десяток метров, Дэн остановился на камне, вытянув руки перед собой, готовясь прыгнуть в огонь.

Они были на середине моста, а близнецы уже перелезали через ограждение, когда чья-то фигура появилась на обрыве над тем местом, где стоял старик.

— Дэн! — лицо фон Рея пламенело в обволакивающем его свете. Он прыгнул. Обломок сланца вылетел из-под его ноги и разбился впереди него, когда он проехался по склону.— Дэн, стой!

Дэн прыгнул.

Его тело, пролетев шестьдесят футов, рухнуло на выступ скалы, перевернулось и свалилось вниз.

Мышонок вцепился в ограждение, перегнулся, навалившись животом на перила.

Подбежавший Катин тоже посмотрел туда.

— А-а-а-а,— выдохнул Мышонок, отворачиваясь.

Капитан фон Рей опустился на камень, с которого прыгнул Дэн. Стискивая кулаки, он молча глядел вниз. Близнецы остановились на выступе скалы чуть выше него.

Капитан фон Рей поднялся и посмотрел на свой экипаж. Он тяжело дышал. Потом он повернулся и стал карабкаться вверх по склону:

— Что случилось? — спросил Катин, когда они все уже были на мосту.— Почему он?..

— Я говорил с ним незадолго до этого,— ответил фон Рей.—

Он был членом моего экипажа много лет, но в последнем полете... он... он ослеп.

Представительный капитан. Капитан со шрамом. «А сколько бы ему могло быть лет?» — подумал Мышонок. Сначала он дал бы ему лет сорок пять-пятьдесят, но происшествие сняло с него лет десять-пятнадцать. Капитан был в возрасте, но не стар.

— Я только что говорил ему, что устрою возвращение домой, в Австралию. Он повернулся и пошел назад, по мосту, к отелю, где я снимал ему комнату. Я оглянулся... на мосту его уже не было, — капитан поглядел на свой экипаж. — Идите на «РУХ».

— Я полагаю, вы доложите об этом Патрулю? — сказал Катин.

Фон Рей двинулся к воротам на стартовое поле. Экипаж последовал за ним.

— Здесь рядом, на мосту, видеофон...

Взгляд фон Рея заставил Катина замолчать.

— Я хочу взлететь с этого осколка скалы. Если мы пошлем сообщение отсюда, нас задержат и заставят каждого троекратно повторить рассказ.

— Я полагаю, сообщить можно и с корабля, — согласился Катин. — Уже после старта. — На мгновение Мышонок засомневался в точности своей оценки возраста капитана.

— Мы ничего уже не сможем сделать для этого старого печального дурака.

Мышонок бросил взгляд на расселину и поспешил вслед за Катиним.

Вдали от разлома ночь была прохладной, и туман короной дрожал вокруг индукционно-флюоресцентных ламп, освещающих поле. Катин и Мышонок шли последними.

— Я думаю: что означает илирион для большинства здешних жителей? — тихо произнес Мышонок.

Катин хмыкнул и засунул руки под ремень. Подумав немного, он спросил:

— Скажи, Мышонок, что ты думаешь об этом старике и его умертвивших чувствах?

— Когда они пытались добраться до Новы в последний раз, — сказал Мышонок, — он слишком долго смотрел на звезду через сенсодатчик, и все его нервные центры были обожжены. Они не мертвы, а повреждены длительным раздражением, — он пожал плечами. — Никакой разницы. Почти что мертвы.

— О! — сказал Катин и опустил взгляд.

Кругом стояли грузовые звездолеты. Между ними притулились небольшие, метров по сто высотой, частные корабли.

Некоторое время они молчали, потом Катин опять спросил:

— Мышонок, тебе не приходило в голову, как много ты можешь потерять от этого путешествия?

— Приходило.

— И ты не боишься?

Мышонок дотронулся до руки Катина своими тонкими пальцами.

— Чертовски боюсь,— выдохнул он и откинул волосы, чтобы взглянуть на своего высокорослого товарища.— Ты знаешь, я не люблю таких вещей, какие произошли с Дэном. Я боюсь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

Его предшественник притащил откуда-то уголек и вывел корявыми буквами на панели аналогового компьютера: «Ольга».

— О'кей,— улыбнулся Мышонок,— значит, ты — Ольга?

Три огонька зеленых, четыре — красных. Мышонок начал скучную процедуру проверки величин напряжений и соответствия фаз.

Чтобы заставить корабль двигаться быстрее света от звезды к звезде, вы должны использовать каждый изгиб пространства, каждое нужное вам искривление, создаваемое материей. Говорить о скорости света как о предельной скорости движения объекта равносильно заявлению, что двенадцать-тринадцать километров в час — предел скорости пловца в море. Ведь если пловец будет использовать морские течения и силу ветра, как это делает парусник, ограничение скорости снимается. Звездолет имеет семь регуляторов потоков энергии, аналогичных парусам. Шесть аналоговых преобразователей управляются компьютерами, каждый из которых контролируется киборгом, седьмой же — капитаном. Потоки энергии должны быть настроены соответственно рабочим частотам статических давлений, тогда энергия иллириона разгоняет корабль. Такова работа «Ольги» и ее родных сестер. Но управление формой и положением паруса лучше поручить мозгу человека. Это и есть работа Мышонка (под контролем капитана). Кроме этого, капитан осуществляет контроль над множеством дополнительных парусов.

Стены каюты были покрыты рисунками, оставшимися от предыдущих экипажей. Была там и койка. Мышонок заменил неисправную катушку индуктивности в ряду импульс-конденсаторов на семьдесят микрофарад, задвинул плату в стену и сел.

Он протянул руку к пояснице и нащупал разъем. Этот разъем подсоединили к его спинному мозгу у Купера. Он поднял экранированный кабель, петель свернувшийся на полу и исчезавший в панели компьютера, и возился с ним до тех пор, пока все шестнадцать

штекеров не вошли в гнездо на его пояснице. Он взял меньший, шестиштекерный кабель и вставил его в гнездо на внутренней стороне левого запястья, затем еще один — в гнездо на правом запястье. Теперь его периферическая нервная система была связана с Ольгой. На шее, под затылком, было еще одно гнездо, в которое он воткнул последний штекер — кабель был тяжелым и слегка оттягивал шею — и увидел ослепительные искры. Этот кабель посылал импульсы непосредственно в головной мозг, но мозг при этом сохранял способность к восприятию зрительных и слуховых ощущений. Послышалось слабое гудение. Мышонок дотронулся до верньера на панели Ольги и подкрутил его. Гудение смолкло. Потолок, стены, пол — все было покрыто приборами управления. Каюта была достаточно мала, чтобы киборг до большинства из них мог дотянуться с койки. Но когда корабль стартует, он не сможет даже дотронуться до них и будет управлять двигателями только посредством своих нервных импульсов.

— Я всегда чувствую себя при этом, словно перед Большим Поворотом, — прозвучал в его ушах голос Катина. Киборги, разбросанные по своим каютам, находились в контакте между собой, когда подключались к компьютерам. — Поясница там, где входит кабель, словно омертвела. — Все это больно уж смахивает на театр марионеток. Ты знаешь, как все это работает?

— Если ты до сих пор этого не знаешь, — сказал Мышонок, — то это плохо.

Айдас:

— Спектакль на тему об иллирионе...

— ...иллирионе и Нове, — это Линчес.

— Скажи-ка, что ты сделал со своими зверями, Себастьян?

— Чашку молока они выпили.

— С транквилизаторами, — донесся нежный голос Тай. — Спят они сейчас.

Огни потускнели.

Капитан подключился к кораблю. Рисунки, царапины на стенах — все исчезло. Остались только красные огни потолка, вспыхивающие один за другим.

— Приглашение поиграть со сверкающими камешками, — сказал Катин.

Мышонок пяткой задвинул под койку футляр с сиринксом и лег. Кабель он пристроил за спиной.

— Все в порядке? — услышали все голос фон Рея. — Выдвинуть четыре паруса.

Перед глазами Мышонка разлился мерцающий свет.

Космопорт — огни по краям поля. Светящиеся разломы коры превратились в фиолетовое мерцание.

— Боковой парус на семь делений.

Мышонок согнул то, что прежде было его левой рукой. Боковой парус опустился, словно прозрачное крыло.

— Эй, Катин,— прошептал Мышонок.— Это уже кое-что! Посмотри...

— За иллирионом и за Принсом и Руби Ред,— сказал один из близнецов.

— Смотри за парусом! — оборвал его капитан.

— Катин, гляди...

— Лежи и привыкай, Мышонок,— прошептал Катин.— Я как раз собираюсь этим заняться и подумать о прошлой жизни.

Пустота взревела.

— Чувствуешь, Катин?

— Ты можешь справиться с чем угодно, если постарайся.

— Вы двое, смотрите вперед! — сказал фон Рей.

Они оборвали разговор.

— Включить основные двигатели!

На мгновение перед Мышонком вспыхнули огни «Ольги» и пропали. Крылья распростерлись за ним. И они рванулись прочь от Солнца.

— До свиданья, Луна,— прошептал Катин.

Вот уже и Тритон исчез на фоне Нептуна, а сам Нептун померк в сиянии Солнца. И Солнце начало уменьшаться.

Ночь обступила их.

(Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3153 год)

Его звали Лок фон Рей, и он жил на Экстол Парк — 12, в большом доме на холме: Нью-Арк (Н. В. 73), Арк. Вот что надо говорить на улице, если потеряешься, и тебе помогут найти твой дом. Улицы Арка были закрыты прозрачными щитами от ветра, и вечерами, с апреля по юмбру, разноцветные клубы расходились в стороны, взмывали вверх и сплетались над городом. Его звали Лок фон Рей, и он жил... Это все детские воспоминания, наиболее прочные, наиболее запомнившиеся. Арк был крупнейшим городом Федерации Плеяд. Отец и мать были важными людьми и часто отсутствовали. А дома они говорили о созвездии Дракона и о его центральной планете — Земле. Они говорили о перестройке, о будущей независимости Крайних Колоний. Их гостями были сенатор такой-то и представитель имярек. Когда Секретарь Морган женился на тете Циане, они пришли на обед, и Секретарь Морган подарил ему голографическую карту Плеяд, которая была совсем как обычный лист бумаги, но стоило осветить ее лазерным лучом, и начинало казаться, что смотришь ночью из окна на мерцающие звезды.

— Ты живешь на Арке, второй планете этого солнца. Вот

здесь,— сказал его отец, показывая место на карте, которую Лок расстелил на каменном столе у стеклянной стены, за которой под вечерним ветром корчились паукообразные деревья.

— А где Земля?

Отец рассмеялся.

— Ты не увидишь ее на этой карте. Это ведь только Федерация Плеяд.

Морган опустил руку на плечо мальчика.

— В следующий раз я принесу тебе карту созвездия Дракона,— он улыбнулся.

Лок повернулся к отцу.

— Я хочу в созвездие Дракона! — затем снова к Секретарю Моргану.— Мне хочется на несколько дней слетать в созвездие Дракона!

Секретарь Морган разговаривал, как большинство учеников в школе Косби, где учился Лок, как люди на улицах, помогающие ему найти дорогу домой, но не как папа или тетя Циана.

Отец хмыкнул:

— Карта Дракона! Вот все, что ему нужно. Карта Дракона.

Тетя Циана засмеялась. Мама и Секретарь Морган подхватили смех.

Они жили на Арке, но часто отправлялись на другие планеты на борках кораблях. На них были каюты, где достаточно протянуть руку к цветным панелям, чтобы в любое время заказать себе еду. Или вы можете спуститься на обзорную палубу и любоваться пустотой пространства.

Время от времени его родители летали в созвездие Дракона, на Землю, в города, называющиеся Нью-Йорк и Пекин. Он мечтал о том времени, когда они возьмут его с собой.

Но каждый год, в последнюю неделю сэлюара, папа и мама на самом большом корабле отправлялись на планету, которой тоже не было на карте. Она называлась Новой Бразилией и находилась в Окраинных Колониях. Лок тоже бывал на Новой Бразилии, на острове Сяо Орини, так как у его родителей был дом неподалеку от разработок.

(Окраинные Колонии. Новая Бразилия. Сяо Орини. 3154 год)

Первый раз он услышал имена Принса и Руби Ред именно в доме на Сяо Орини. Он лежал в постели и кричал, чтобы закрыли свет.

Его мать, наконец, пришла, опустила сетку от комаров (в ней не было нужды, поскольку дом был оснащен аппаратурой для отпугивания крохотных красных жучков, после укуса которых несколько

часов чувствуешь себя веселым, но мать предпочла застраховаться). Она взяла его на руки.

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Все хорошо. Тебе не хочется спать? Завтра будут гости. Не хочешь поиграть с Руби и Принсом?

Она походила с ним на руках по детской, остановившись на секунду, чтобы повернуть стенной выключатель. Потолок начал поворачиваться, поляризованное стекло стало прозрачным. Сквозь пальмовые кроны, смыкающиеся над крышей, струили свой оранжевый свет две луны. Мать уложила его, погладила жесткие рыжие волосы и собралось уходить.

— Не выключай, мамочка!

Она убрала руку с выключателя, улыбнулась и покачала головой. Ему стало тепло, он повернулся в постели и стал смотреть сквозь пальмовые листья на луны.

Принс и Руби Ред прибыли с Земли. Он знал, что родители его матери тоже были с Земли, из страны, называемой Сенегал. Предки его отца тоже были с Земли, из Норвегии. Фон Реи, светловолосые и буйные, спекулировали в Плеядах из поколения в поколение. Он не имел понятия, чем, но очень успешно. Его семья владела месторождением иллириона, разработки которого начинались сразу же за северной оконечностью Сяо Орины. Отец как-то пошутил, что делает его маленьким десятиником на руднике. Видимо, иллирион и означал «спекуляцию».

Он не помнил, чтобы его знакомили с голубоглазым, черно-волосым мальчишкой и его подвижной сестрой, но помнил, как они трое — он, Принс и Руби — играли на следующий день в саду.

Он показал им то место за бамбуковой рощей, где можно было забраться в высеченные из камня пасти огромных чудовищ.

— Что это? — спросил Принс.

— Драконы, — объяснил Лок.

— Драконов нет, — сказала Руби.

— Это драконы. Так сказал папа.

— О! — Принс ухватился за нижнюю губу чудовища правой — искусственной — рукой и, подтянувшись, уселся на камне. — Зачем они?

— Чтобы забираться туда, а потом спускаться вниз. Папа говорил, что их высекали люди, которые жили здесь раньше.

— Кто жил здесь раньше? — спросила Руби. — И для чего им нужны были драконы? Помоги мне забраться, Принс.

— Я думаю, они глупцы, — сказал Принс.

Теперь они оба стояли над ним меж каменных клыков. (Позднее он узнал, что «люди, которые жили здесь раньше» — это раса,

вымершая двести тысяч лет назад, их статуи пережили создателей, и на этих обломках фон Реи воздвигли свой особняк.)

Лок вскочил на камни под челюстью, уцепился за нижнюю губу и стал карабкаться вверх.

— Дай мне руку.

— Сейчас, — ответил Принс, затем, не торопясь, поставил ногу на пальцы Лока и нажал всем телом.

Лок задохнулся от боли и повалился на траву, зажимая пальцы другой рукой.

Руби хихикнула.

— Эй, ты! — гнев пульсировал в нем, гнев и недоумение. В пальцах билась боль.

— Нечего было издеваться над его рукой, — сказала Руби. — Он этого не любит.

— А! — Лок в первый раз за все время в упор поглядел на клешню из металла и пластика. — Я не издевался!

— Издевался, — враждебно сказал Принс. — Я не люблю людей, которые издеваются надо мной!

— Но я... — семилетний разум Лока пытался как-то увязать эту бессмыслицу. Он поднялся. — А что у тебя с рукой?

Принс опустил на колени, потом ухватился за край камня и повис, качаясь на уровне головы Лока.

— Смори! — он взлетел обратно. Механическая рука согнулась так быстро, что воздух засвистел. — Не говори больше о моей руке! С ней ничего особенного! Совсем ничего!

— Если ты не будешь дразнить его, — добавила Руби, глядя на мальчика из каменной пасты, — то он подружится с тобой.

— Ну, тогда все в порядке, — осторожно сказал Лок.

Принс улыбнулся.

— Тогда мы подружимся, — у него был слабый подбородок и мелкие зубы.

— Все в порядке, — сказал Лок, сразу поняв, что Принс не нравится ему.

— Если ты скажешь что-нибудь вроде «дай руку», он побьет тебя. Он сделает это, хотя ты и старше его.

И старше Руби.

— Иди сюда, — пригласил его Принс.

Лок забрался в пасть и встал рядом с ними.

— Что мы будем делать теперь? — спросила Руби. — Спускаться?

— Отсюда можно смотреть на сад, — сказал Лок, — и на гостей.

— Кому интересно смотреть на этих стариков? — протянула Руби.

— Мне, — сказал Принс.

— О, — сказала Руби, — тебе? Ну, тогда ладно.

Там, за бамбуковой рощей, по саду прогуливались гости. Они вежливо кланялись, говорили о последней психораме, о политике, потягивали вино из высоких стаканов. Его отец стоял у фонтана, выясняя у своих спутников их отношение к предполагаемой независимости Окраинных Колоний — в конце концов, у него здесь был дом, и он должен был держать палец на пульсе общественной жизни. Это был год, когда убили Секретаря Моргана. Хотя Андервуд и был схвачен, существовали разные мнения о том, какая партия сильнее и влиятельнее.

Женщина с серебряными волосами кокетничала с молодой парой, пришедшей с Послом Сельвином, который был двоюродным братом Лока. Аарон Ред, мужчина осанистый, настоящий джентльмен, загнал в угол трех молодых леди и разглагольствовал о моральном вырождении молодежи. Мама ходила среди гостей, касаясь травы подолом красивого платья, а за ней, тихо жужжа, двигался буфет. Она останавливалась то тут, то там, чтобы предложить камаче, бокал вина или свое мнение о предполагаемой перестройке. После года феноменального успеха тоху-боху, интеллигенция, наконец, приняла эту музыку, и теперь скрежещущие звуки металась по поляне. Световая фигура в углу металась и мерцала в такт музыке.

Его отец громогласно засмеялся, привлекая общее внимание.

— Послушайте! Послушайте, что сказал мне Лузуна! — он держал руку на плече студента, пришедшего с молодой парой. Несдержанность фон Рея, очевидно, подсказала молодому человеку аргументы. Отец жестом велел ему говорить.

— Я только сказал, что мы живем в такое время, когда экономические, политические и технологические перемены ведут к развалу культурных традиций.

— Господи! — засмеялась женщина с серебряными волосами. — И всего-то?

— Нет, нет, — отец сделал отрицательный жест. — Мы должны послушать, что думает младшее поколение. Продолжайте, сэри!

— Иссякла мировая и национальная солидарность. Даже на Земле, в центре созвездия Дракона! Последние шесть поколений стали очевидцами такого переселения народов в другие миры, какого еще не бывало. Это — псевдоинтерпланетарное общество. Оно несет новые традиции, пока еще очень влекущие. Но на самом деле оно является абсолютно пустым и прикрывает собой невероятный упадок, интриги, коррупцию...

— Ну право, Лузуна, — перебила его молодая женщина. — Не надо демонстрировать нам свою образованность, — она взяла бокал, переданный ей женщиной с серебряными волосами.

— ...и пиратства!

С последним словом даже трое детей, скорчившихся в пасти ка-

менной ящерицы, поняли, глядя на выражение лиц гостей, что Лузуна зашел слишком далеко.

Мама пересекла поляну, поддерживая платье кончиками пальцев с золочеными ногтями. Она засмеялась и взяла Лузуну под руку.

— Идемте. Продолжим эти социальные разоблачения после обеда. Нас ожидает полностью продавшийся манао-бонгуу с лозо йе мойджи и не имеющий никаких традиций упадочный мнати а нсенчо, — мама всегда готовила для гостей старинные сенегальские блюда. — И если печь согласится с нами сотрудничать, под конец будет подана ужасная псевдоинтерпланетная тибя йока фламбе.

Студент огляделся и улыбнулся, поняв, что лучше все обратить в шутку. Держа студента под руку, мама пригласила гостей к обеду.

— Кажется, кто-то говорил мне, что вы закончили обучение в Институте Дракона на Центавре? Значит, вы человек образованный. Судя по вашему произношению, вы с Земли. Сенегал? О, я тоже оттуда. А из какого города?..

Папа с большим облегчением провел рукой по своим волосам и повел гостей в обеденный павильон, окна которого были закрыты жалюзи.

Стоя на каменном языке, Руби говорила брату:

— Не думаю, чтобы ты это сделал.

— Почему же нет? — спросил Принс.

Лок оглянулся на брата с сестрой. Принс поднял камень с пола пещеры и зажал его в механической руке. На той стороне были расположены вольеры с белыми какаду, которых мама привезла из своего последнего путешествия на Землю.

Принс прицелился. Пластик и металл блеснули в воздухе. В сорока футах от них птицы с криками бросились в стороны. Одна из них упала, и даже с такого расстояния Лок увидел кровь на ее перьях.

— Это та, в которую я метил, — Принс улыбался.

— Эй! — сказал Лок. — Мама не... — он взглянул на металлический придаток, прикрепленный через плечо к обрубку руки. — Принс, скажи, а другой...

— Будь осторожен, — черные брови Принса надвинулись на осколки голубоватого стекла. — Я просил тебя оставить мою руку в покое, — рука согнулась, и Лок услышал рокот моторчиков — упрр, клик, упрр — в запястье и локте.

— Он не виноват, что таким родился, — сказала Руби, — а осуждать гостей — невежливо. Аарон говорит, что все вы здесь варвары. Правда, Принс?

— Правда, — Принс опустил руку.

Из динамиков донесся голос:

— Дети, где вы? Идите ужинать. И поскорее!

Они спустились и направились к дому через бамбуковую рощу.

Лок лег в постель, возбужденный вечеринкой. Он лежал под двойными тенями пальм на потолке детской, прозрачном еще с прошлой ночи.

Шепот:

— Лок!

И еще:

— Ш-ш-ш! Не так громко, Принс!

Чуть тише:

— Лок?

Он отодвинул противомоскитную сетку и сел в постели. На полу светились фигуры тигров, слонов, обезьян.

— Что вам?

— Мы слышали, как они выехали из ворот,— Принс стоял в дверях детской, на нем были шорты.— Куда они поехали?

— Мы тоже хотим туда,— сказала Руби из-под локтя брата.

— Куда они поехали? — повторил Принс.

— В город,— Лок встал и тихо прошел по сверкающему зверинцу.— Мама и папа всегда берут своих друзей в поселок, когда те приезжают в гости.

— Что они там делают? — Принс прислонился к косяку.

— Они... Ну, они просто едут в город...

— Мы расковыряли электронного сторожа,— сказала Руби.— Он не очень надежный и слишком уж прост. Здесь все такое старомодное! Аарон говорит, что только варварам из Плеяд доставляет удовольствие жить здесь... Ты покажешь нам, куда они пошли?

— Ну, я...

— Нам хочется пойти туда,— сказала Руби.

— А разве ты сам не хочешь?

— Ладно,— согласился Лок, хотя хотел отказаться.— Я только обуюсь,— но детское любопытство знать, чем занимаются взрослые, когда рядом нет детей, уже наложило на него свой отпечаток, и впоследствии это чувствовалось в его поступках, даже когда он повзрослел.

Деревья тихо шелестели около ворот. Лок знал, что днем замок открывается от прикосновения руки, поэтому его слегка удивило то, что ворота открылись сейчас.

Дорога уходила во влажную ночь. Луна висела над скалами, и от нее по морю тянулась узкая золотистая дорожка. Огни поселка мигали сквозь листву, словно сквозь огромную перфокарту. Горы, выбеленные светом луны, окаймляли дорогу. Кактусы вздымались к небу свои шипастые листья.

Около первого же встретившегося им придорожного кафе Лок поздоровался с горняком, сидящим за столиком возле дверей.

— Маленький сеньор,— кивнул тот в ответ.

— Вы не знаете, где мои родители? — спросил Лок.

— Они прошли мимо,— пожал плечами тот.— Леди в красивых платьях и мужчины в жилетах. Около получаса тому назад.

— На каком это языке он говорит? — перебил Принс.

Руби хихикнула.

— Тебе э т о понятно?

Это было открытием для Лока. И он, и его родители, разговаривая с жителями Сяо Орини, использовали слова, отличающиеся от тех, которые они употребляли в разговорах между собой или с гостями. Он научился местному португальскому языку, в котором на чисто отсутствовали промежутки между словами, под мигающими огнями гипноучителя в раннем детстве, и сам не помнил, когда.

— Куда они пошли? — повторил он вопрос.

Горняка звали Таво. В прошлом году, когда рудник закрывали, он целый месяц работал на лязгающем садовом агрегате, разбивая за домом парк. Между туповатым работником и опрятным мальчиком завязалось нечто вроде дружбы. Лок признавал это, но его мама положила конец этим отношениям, когда в прошлом году он пришел из поселка и рассказал, как на его глазах Таво убил человека, потому что тот дразнил его, называя алкоголиком.

— Пойдем, Таво. Расскажешь, куда они пошли.

Таво пожал плечами.

Мошки вились вокруг светящейся надписи над входом в кафе. Креповые ленты и папиросная бумага, оставшиеся на столбах, подпиравших навес, бились на ветру, как напоминание о фестивале в честь Дня Независимости. Как раз была годовщина Дня Независимости Плеяд, и горняки праздновали ее здесь, поднимая стаканы за себя и за его мать и отца.

— А он знает, где они? — спросил Принс.

Таво пил соевое молоко из треснутой чашки, чередуя каждый глоток с глотком рома. Он похлопал по своему колену, и Лок, взглянув на Принса и Руби, сел. Брат и сестра неуверенно посмотрели друг на друга.

— Вы тоже садитесь,— сказал Лок.— На эти стулья.

Они сели.

Таво пододвинул Локу свою чашку с молоком. Лок отпил половину и протянул ее Принсу:

— Хочешь?

Принс поднес чашку ко рту, понюхал.

— И ты это пьешь? — сморщившись, он резко поставил чашку на стол.

Лок взял стакан рома.

— Предпочитаешь?..

Таво отобрал у него стакан.

— Это не для тебя, маленький сеньор.

— Таво, где мои родители?

— В лесу, у Алонцы.

— Проводишь нас, Таво?

— Кого?

— Мы хотим найти их.

Таво задумался.

— Без денег туда не доберешься, — он взъерошил волосы Лока. — Эй, маленький сеньор, есть у тебя деньги?

Лок вытащил из кармана несколько монет.

— Этого мало.

— Принс, у тебя или у Руби есть деньги?

Принс вынул два фута местных денег из кармана шортов.

— Дай их Таво.

— Зачем?

— Он отведет нас к моим родителям.

Таво перегнулся через стол и взял у Принса деньги. Его брови поднялись, когда он увидел сумму.

— Это все мне?

— Если отведешь нас, — ответил Лок.

Таво ткнул Лока пальцем в живот. Все засмеялись. Таво взял одну бумажку и сунул ее в карман. Потом он потребовал еще молока и рома.

— Молоко — тебе. А для твоих друзей?

— Идем, Таво. Ты обещал отвести нас!

— Не беспокойся, — сказал горняк. — Я думаю, сможем ли мы туда попасть? Ты знаешь, что мне завтра утром на работу? — он дотронулся до разъема на запястье.

Лок положил в молоко соль и перец и отпил маленький глоточек.

— Я хочу попробовать, — попросила Руби.

— Оно отвратительно пахнет, — сказал Принс. — Ты бы не смогла его пить. Так он собирается вести нас или нет?

Таво жестом подозвал владельца кафе.

— У Алонцы сегодня много народу?

— Сегодня пятница, сам знаешь, — ответил тот.

— Мальчик просит меня отвести его туда, — сказал Таво, — на вечер.

— Ты собираешься взять сына фон Реев к Алонце? — багровое родимое пятно на щеке владельца кафе дернулось.

— Там его родители, — пожал плечами Таво. — Мальчик просит отвести его к ним. Он сказал, чтобы я отвел их, ты понял? Это интереснее, чем сидеть здесь и давить этих красных жуков, — он нагнулся, сцпил ремешки валявшихся рядом сандалий и перевесил их через плечо. — Идем, маленький сеньор. Зови однорукого и девчонку.

При упоминании о руке Принса Лок вздрогнул.

— Идем.

Принсу и Руби пришлось перевести.

— Мы идем,— пояснил Лок,— наверх, к Алонце.

— Что за Алонца?

— Это что-нибудь вроде тех пекинских заведений с нехорошими женщинами, о которых говорил Аарон?

— У них здесь нет ничего похожего на Пекин,— сказал Принс.— Глупая, у них нет ничего похожего даже на Париж. Таво взял Лока за руку.

— Будь рядом. Скажи своим друзьям, чтобы не отходили далеко,— рука Таво была потной и мозолистой. Джунгли впереди были наполнены птичьими криками и шелестом деревьев.

— Куда мы пойдем? — спросил Принс.

— К маме и папе,— голос Лока прозвучал неуверенно.— К Алонце.

Таво обернулся при последнем слове и кивнул. Он показал на деревья, запятнанные светом двух лун.

— Это далеко, Таво?

Таво только похлопал его по шее, взял за руку и пошел дальше.

На вершине холма было светло: свет пробивался из-под брезентового навеса. Несколько мужчин, смеясь, пили с толстой женщиной, вышедшей на свежий воздух. Плечи и лицо ее были влажными, груди при каждом вздохе просвечивали сквозь оранжевый ситец, коса была растрепана.

— Стой,— шепнул Таво и отодвинул ребят назад.

— Эй, почему?..

— Мы должны стоять тут,— перевел Лок Принсу, шедшему за горняком.

Принс огляделся, повернулся и подошел к Локу и Руби.

Присоединившись к мужчинам, Таво первым делом перехватил пущенную по кругу бутылку с ромом.

— Эй, Алонца, сеньоры фон Рей?..— он ткнул большим пальцем в сторону навеса.

— Иногда они заходят, иногда с ними бывают их гости,— ответила Алонца.— Иногда им нравится смотреть...

— А сейчас? — перебил Таво.— Сейчас они здесь?

Она взяла бутылку и кивнула.

Таво обернулся и жестом подозвал ребят.

Лок, сопровождаемый удивленными взглядами и приглушенным свистом, подошел к нему.

Мужчины вернулись к прерванному разговору, заглушаемому криками и смехом, доносившимися из-под брезента. Ночь была жаркой. Бутылка прошла по кругу еще трижды. Лок и Руби тоже немного отхлебнули. На третий раз Принс скорчил гримасу, но все же отхлебнул.

Наконец Таво подтолкнул Лока.

— Там.

Таво пришлось пригнуться в дверях. Лок, самый высокий из ребят, задел макушкой брезент.

На центральной балке раскачивался фонарь. Слепящий свет на крыше, слепящий свет на ушных раковинах людей, на кончиках их носов, на лицах. Чья-то голова провалилась в толпу, вызвав смех и проклятья. Влажный рот блеснул, словно горлышко бутылки. Волосы были растрепаны и мокры от пота. Кто-то трезвонил в колокольчик, перекрывая шум. Лок почувствовал, что его пальцы возбужденно подрагивают.

Люди начали садиться. Таво опустился на корточки, за ним Принс и Руби. Лок, вцепившийся во влажный воротник Таво, последовал их примеру.

В яме, тяжело ступая, ходил взад и вперед человек в высоких ботинках, жестами заставляя всех сесть.

На той стороне, за ограждением, Лок вдруг заметил женщину с серебряными волосами. Она склонилась к плечу студента-сенеальца Лузуны. Ее волосы свисали на лоб, словно изогнутые лезвия ножей. Рубашка студента была расстегнута, жилета на нем не было.

Человек в яме снова зазвонил в колокольчик. Пушинка опустилась на его блестящую от пота руку и прилипла, хотя он яростно жестикулировал и кричал на толпу. Потом он стал стучать коричневым кулаком по жестяной стенке, требуя тишины.

Сквозь щели ограждения просовывали деньги. Между планками набились люди, делающие ставки. Лок взглянул вдоль ограждения и увидел вдалеке молодую пару. Мужчина тянулся вперед, бешено махая купюрами.

Человек в яме тяжело ступал по клочкам высохшей кожи и перьям. Черные ботинки доходили ему до колен.

Когда толпа немного притихла, он направился к ближайшему краю ямы, невидимому Локу, и нагнулся.

Дверь клетки распахнулась. Человек с воплем вскарабкался на изгородь и ухватился за центральный столб. Зрители закричали и вскочили. Лок рванулся вперед.

На той стороне, за ямой, стоял его отец. Лицо его под светлой шевелюрой было перекошено. Он потрясал кулаком в сторону арены. Мать, держа одну руку около шеи, другой упиралась ему в грудь. Посол Сельвин пытался протиснуться между двумя горняками, вопившими возле ограждения.

— Вон Аарон! — воскликнула Руби.

— Нет, — откликнулся Принс.

Теперь уже стояло столько людей, что Локу ничего больше не было видно. Таво поднялся и стал кричать на людей впереди, чтобы они сели. Кто-то передал ему бутылку, и он замолчал.

У края ямы раздался шум, потом он смолк. И тут толпа взорвалась неистовым ревом. Кто-то махал курткой.

Возбужденный и несколько разочарованный, Лок от выпитого вина и вони почувствовал себя не очень хорошо.

— Пойдем! — крикнул он Принсу. — Пойдем наверх, там виднее!

— Наверное, не стоит, — возразила Руби.

— Почему бы и нет, — Принс шагнул вперед, но вид у него был испуганный.

Лок двинулся к ограждению.

Вдруг кто-то схватил его за руку так, что он завертелся волчком.

— Что ты тут делаешь?! — рассерженный и немного смущенный фон Рей тяжело дышал. — Кто только тебя надоумил привести сюда этих ребят?

Лок оглянулся в поисках Таво, но тот исчез.

Аарон Ред остановился позади отца.

— Я ведь говорил, что надо кого-нибудь с ними оставить. Ваши здешние электронные сторожа давно устарели. Любой мало-мальски сообразительный ребенок быстро сможет разобраться в их схеме.

Фон Рей быстро повернулся к нему.

— О, с ребятами совершенно ничего не случилось! Но Лок хорошо знает, что ему не полагается выходить вечером в одиночку.

— Я отведу их домой, — вступила в разговор подошедшая мама. — Не расстраивайтесь, Аарон. С ними все в порядке, — она повернулась к детям. — И кто только помог вам сюда добраться?

Кругом столпились любопытствующие горняки. Руби начала плакать.

— Дорогая моя, чего же ты теперь испугалась? — с участием спросила мама.

— Ничего страшного, — произнес Аарон Ред. — Она просто знает, что ей будет дома. Им известно, что их ждет, когда они плохо поступают.

Руби, которая совсем не думала о наказании, заплакала по-настоящему.

— Почему бы не поговорить об этом завтра утром? — мама бросила на фон Рея отчаянный взгляд. Но отец был слишком расстроен слезами Руби и огорчен присутствием здесь Лока, чтобы заметить этот взгляд.

— Конечно отвези их домой, Дана, — он оглянулся и увидел столпившихся горняков. — Отвези их прямо сейчас. Идемте, Аарон, нет нужды беспокоиться.

— Сюда, — сказала мама. — Руби, Принс, давайте ваши руки. Идем, Лок... — она протянула детям руки.

Принс взялся за ее руку своим протезом и сжал пальцы. Мама вскрикнула, пошатнулась и схватилась за запястье другой рукой — ее пальцы попали в тиски из металла и пластика.

— Принс! — Аарон попытался схватить его, но тот увернулся, пригнулся и бросился бежать.

Мама опустилась на колени прямо на грязный пол, с трудом сдерживая слезы. Отец взял ее за плечи.

— Дана! Что он сделал? Что случилось?

Мама отрицательно затрясла головой.

Принс бежал прямо на Таво.

— Задержи его! — закричал отец по-португальски.

— Принс! — крикнул Аарон.

Окрик, казалось, лишил мальчика всех сил. С побелевшим лицом он упал прямо на руки Таво.

Мама уже поднялась, уткнувшись искаженным от боли лицом в папино плечо.

— ...и одну из моих белых птичек, — услышал Лок.

— Принс, подойди сюда! — приказал Аарон.

Принс приблизился. Движения его были угловатыми и нервными.

— А теперь, — сказал Аарон, — ты пойдешь домой с Даной. Она очень сожалеет, что упомянула про твою руку, так как не хотела оскорбить тебя.

Мама и отец с удивлением взглянули на Аарона, который повернулся к ним.

— Вы понимаете, — он выглядел очень усталым, — я никогда не упоминаю о его дефекте. Никогда! — он выглядел очень расстроенным. — Я не хочу, чтобы он чувствовал себя неполноценным, и абсолютно никому не позволяю указывать на то, что он не такой, как все. Вы не должны говорить об этом в его присутствии. Понимаете? Совсем не должны!

Отец все порывался что-то сказать, но смущение не давало ему вымолвить ни слова. Мама глядела то на мужчин, то на свою руку. Она поддерживала ее другой рукой и осторожно поглаживала.

— Дети, — сказала она. — Идемте со мной.

— Дана, ты уверена, что сможешь...

Мама остановила его взглядом.

— Идемте со мной, — повторила она, и они вышли из-под тента. Около входа стоял Таво.

— Я пойду с вами, сеньора, и, если хотите, провожу вас до дома.

— Конечно, Таво, — ответила мама. — Спасибо, — руку она прижимала к животу.

— Этот мальчик с железной рукой, — Таво покачал головой. — И девочка, и ваш сын — это я привел их сюда, сеньора. Но они попросили меня, понимаете. Они сказали, чтобы я вел их сюда.

— Я понимаю, — сказала мама.

Возвращались они через джунгли, потом вышли на широкую дорогу, проходящую мимо причала, с которого акватории доставляли рабочих на подводные рудники. Высокие конструкции покачивались на воде, отбрасывая на волны двойные тени.

Они дошли до ворот парка, как вдруг Лок почувствовал в желудке сильную боль.

— Подержи его голову,— велела мама Таво.— Видишь, это приключение не пошло тебе на пользу, Лок. И ты опять пил это молоко! Тебе уже лучше?

Он ничего не сказал о роме. И запах под навесом, и аромат, исходивший от Таво,— все это помогало сохранить тайну. Принс и Руби смотрели на него спокойно, изредка обмениваясь взглядами.

Наверху мама привела электронного сторожа в порядок и проводила Принса и Руби в их комнату. Потом она зашла в детскую.

— Mamochka, тебе все еще больно руку? — спросил Лок с подушки.

— Да... Ничего не сломано, хотя я и сама удивляюсь, почему. Как только я уложу тебя, обследуюсь на медицинском аппарате.

— Они хотели пойти,— проговорил Лок.— Они сказали, что хотят посмотреть, куда вы все ушли.

Мама присела на постель и погладила его здоровой рукой.

— А тебе самому разве не хотелось посмотреть, хотя бы самую капельку?

— Да,— признался он, помолчав.

— Я так и думала. Ну, как твой желудок? Мне не нравятся все эти разговоры о молоке! Я никак не могу понять, как это соевое молоко может быть тебе полезно?

Он опять ничего не сказал про ром.

— А теперь спи,— она направилась к двери детской.

Он помнил, как она коснулась выключателя, помнил луну, затемняющуюся поворачивающейся крышей.

(Федерация Плянд. Арк. Нью-Арк. 3166 год)

Он сидел раздетый около бассейна на крыше, готовясь к экзамену по петрологии, когда багряные листья в проходе задрожали. Стеклопанная крыша гудела от ветра. Башни Арка, сплюснутые, чтобы противостоять ураганам, казались перекошенными за сверкающим на стекле инеем.

— Отец! — Лок выключил читающий аппарат и поднялся.— Я считаюсь третьим по высшей математике! Третьим!

Фон Рей в отороченной мехом парке прошел сквозь листья.

— И это, называется, ты готовишься к экзаменам? Не лучше ли

было пройти в библиотеку? Разве ты сможешь сосредоточиться, когда все кругом тебя отвлекает?

— Петрология, — сказал Лок, поднимая свой диктофон. — Мне вообще-то и не надо к ней готовиться. У меня и так «отлично».

Лок только в последние несколько лет научился обходить родительское требование быть совершенством. А научившись этому, понял, что эти требования являлись, по существу, ритуальными и ненужными, и если их отбросить, то открывался путь к общению с курсницами.

— О, — сказал отец. — Уже имеешь? — он улыбнулся и расстегнул парку. Изморозь на его волосах начала таять. — Ну ладно. В конце концов, ты ведь занимаешься учебой, а не возишься со своим «Калибаном».

— Кстати, ты мне напомнил, па. Я внес яхту в списки регаты Нью-Арка. Вы с мамой придете посмотреть финиш?

— Если сможем. Ты знаешь, мама последнее время не очень хорошо себя чувствует. Последнее путешествие было не совсем благополучным. И она очень переживает за твои гонки.

— Почему? Они ведь не мешают учебе!

Фон Рей пожал плечами.

— Она знает, что это опасно, — он повесил парку на качалку. — Мы читали о твоём транторском призе прошлого месяца. Поздравляю! Она волнуется за тебя, хотя была горда, как куропатка, когда говорила этим набитым дурам из женского клуба, что это ее сын.

— Я хотел бы, чтобы вы пришли.

— Мы тоже хотели бы, но решили, что это не повод, чтобы прерывать месячное путешествие. Идем, я тебе что-то покажу.

Лок пошел за отцом мимо ручейка, бегущего из бассейна. Они подошли к лестнице около небольшого водопада и встали на верхнюю ступеньку. Лестница поехала вниз.

— Мы в этот раз остановились на Земле. Провели день с Аароном Редом. Я уверен, ты встречал его когда-то давно. Ред-шифт Лимитед.

— На Новой Бразилии, — ответил Лок. — На руднике.

— Ты это помнишь? — лестница вытянулась в дорожку и понесла их по оранжерее. Какаду прыгали по ветвям, клевали прозрачные стены, за которыми лежал снег, перелетали на гигантские пионы и бросали на песок оборванные кроваво-красные лепестки. — С ним был Принс, мальчик твоих лет, может быть, чуть старше.

До Лока время от времени доходили слухи о Принсе. Некоторое время тому назад Принс очень быстро сменил четыре школы. По слухам, просочившимся на Плеяды, только положение «Ред-шифт Лимитед» позволило заменить исключение переводом.

— Я помню его, — сказал Лок. — У него одна рука.

— Он носит теперь черную перчатку до плеча. Верхняя ее часть

вся в драгоценных камнях. Этот юноша производит впечатление. Он сказал, что помнит тебя. Вы тогда попадали в разные истории. Он, кажется, немного поутих.

Лок пожал плечами и шагнул на белые ковры, устилающие зимний сад.

— Что ты хотел мне показать?

Отец подошел к одной из видеоколонн. Это была четырехфутовая колонна с капителью, поддерживающей стеклянную кровлю. Капитель была из цветного стекла.

— Дана, ты не хочешь показать Локу, что у тебя есть для него?

— Минуточку, — в колонне появилась фигура матери. Она сидела в кресле из целебного пуха, на коленях у нее лежал кусок зеленой ткани. Она развернула ее.

Камни, основой которых был сжатый под чудовищным давлением силикон, формировались так, что через каждый кристалл размером с детский кулак свет проходил голубыми пульсирующими лучами.

— Я приобрела их, когда мы останавливались на Сигнусе. Мы провели несколько дней рядом с Пустыней Взрывов Крола. Нам было видно ее пламя за городскими стенами прямо из окон отеля. Все это выглядело так же эффектно, как и описывают. Однажды днем, когда твой отец был на конференции, я приобрела эту партию. Как только я их увидела, то сразу подумала о твоей коллекции и купила.

— Спасибо, — Лок улыбнулся фигуре внутри колонны.

Уже четыре года ни он, ни отец не встречались с Даной фон Рей, его матерью. Жертва болезни духовной и болезни физической, что временами делало ее не способной к какому-либо общению, она вся ушла в свой дом, в окружение лечащих и диагностических компьютеров. Она, а чаще один из ее андроидов, в которой были заложены ее основные реакции и фразы, появлялась в видеоколонне, и это заменяло ей непосредственное общение. Точно так же, с помощью андроидов и телерам, она сопровождала фон Рея в его деловых поездках, в то время, как ее жизненное пространство ограничивалось изолированными комнатами, куда никому не разрешалось входить, кроме психотехника, приходившего раз в месяц.

— Прекрасно, — повторил Лок, подходя ближе.

— Они будут у тебя в комнате сегодня вечером, — она взяла один из камней и повертела его. — Они просто чаруют меня.словно гипнотизируют.

— А теперь, — фон Рей повернулся к другой видеоколонне, — и я тебе кое-что покажу. Аарон довольно много наслышан о твоей страсти к гонкам и знает, что ты выступаешь весьма успешно, — в колонне начала проступать какая-то конструкция. — Два его инженера недавно разработали новый двухконтурный ионолет. Они сказали, что он слишком чувствителен для коммерческих перевозок

и непригоден для массового производства. Но Аарон полагает, что уровень чувствительности просто изумительно подходит для небольшого гоночного судна. Я попросил его продать ионолет для тебя, но он и слышать об этом не захотел и прислал его тебе в подарок.

— Вот как? — Лока охватила дрожь возбуждения от этого сюрприза. — Где он?

В колонне было видно, что на углу голубоватой платформы стоит что-то большое, запакованное в пластик. Ограда яхт-клуба Нью-Лимани между опорными башнями уходила вдаль.

— А, на этом поле? — Лок опустился в зеленый гамак, свисающий с потолка. — Отлично! Я посмотрю его вечером, когда буду там. Надо подобрать экипаж для гонок.

— Ты хочешь набрать экипаж из людей, шатающихся вокруг космодрома? — мать покачала головой. — Это беспокоит меня.

— Мама, ведь любители гонок — ребята, интересующиеся гоночными кораблями и умеющие ими управлять — все они шатаются вокруг космодрома. Я в той или иной степени знаком с половиной населения Нью-Лимани.

— И все-таки я хочу, чтобы ты подобрал экипаж из своих школьных друзей или людей твоего круга.

— А что плохого в людях, любящих гонки? — он слегка улыбнулся.

— Я ничего не говорю об этом, а только имею в виду, что ты должен подбирать экипаж из людей, которых знаешь.

— А после гонок, — включился в разговор отец, — как ты намерен провести остаток каникул?

Лок пожал плечами.

— Ты не позволишь мне поработать на руднике Сяо Орини, как в прошлый год?

Брови отца сошлись, образовав на переносице вертикальные складки.

— После того, что произошло с той девчонкой? Ты действительно хочешь вернуться туда?

Лок снова пожал плечами.

— Аштон Кларк подберет мне что-нибудь. А сейчас я должен идти позаботиться об экипаже, — он поднялся из гамака. — Мам, спасибо за камни. Мы поговорим о каникулах, когда учеба будет позади, — он направился к мосту, выгнувшемуся над водой. — Ну, до вечера.

— Лок, еще одно.

Лок остановился на середине моста и облокотился на алюминиевые перила.

— У Принса будет вечеринка. Он приглашает и тебя. Это будет на Земле, в Париже, на Иль-Сент-Луис. Но всего через три дня после регаты. Ты не успеешь туда...

— «Калибан» домчит меня как раз за три дня.

— Нет, Лок! Не стоит проделывать весь путь на этой крохотной...

— Я никогда не был в Париже. Последний раз я был на Земле в пятнадцать лет. Ты тогда взял меня с собой в Пекин. А управлять кораблем в созвездии Дракона будет очень просто,— он спрыгнул с перил и добавил,— если я не найду экипаж, то в школу на той неделе не пойду,— и он скрылся за горбом моста.

Его экипажем стали два парня, согласившиеся помогать ему снимать упаковку с ионолета. Оба они не были уроженцами Федерации Пляяд.

Брайен, ровесник Лока, взял годичный отпуск в Университете созвездия Дракона, добрался до Окраинных Колоний и теперь зарабатывал на обратный путь. Ему приходилось прежде работать и капитаном и членом экипажа, но только в яхт-клубе, находившемся под эгидой Университета. Их отношения, основывающиеся на общем интересе к гоночным кораблям, представляли из себя в некотором роде взаимное благоговение. Лока повергали в изумление сам способ, которые Брайен избрал для возвращения на другой конец Галактики, и тот факт, что он путешествовал без заранее продуманных планов и без денег. В то время как Брайен, наконец, встретил в Локе одного из тех мифических богачей, которые обладали собственными кораблями, и чье имя до сих пор было для него всего лишь абстрактным звукосочетанием на страницах спортивных газет: Лок фон Рей, один из наиболее молодых и импозантных капитанов новой пляяды гонщиков.

Дэну, последнему члену экипажа маленькой гоночной яхты с тремя заслонками, было за сорок. Он родился в Австралии, на Земле. Они наткнулись на него в баре, где он рассказывал нескончаемые истории о тех временах, когда он был киборгом на больших грузовых кораблях, и о капитанах гоночных судов, иногда включавших его в свой экипаж, хотя он сам никогда не был капитаном. Босой, в брюках, оборванных ниже колен и подпоясанных веревкой, Дэн был наиболее типичным из всех киборгов, слонявшихся по нагретым тротуарам Нью-Лимани. Высокие ветрозащитные купола гасили порывы ураганного ветра, налетавшего с Тонга на сверкающий Арк. Был юмбра, месяц, когда день длится всего три часа при двадцатипятичасовых сутках. Механики, офицеры и киборги обычно как следует напивались и начинали обсуждать в барах или саунах маршруты или гонки, регистрационных чиновников и ремонтные доки.

Брайен так отреагировал на предложение отправиться после гонок на Землю:

— Прекрасно. Почему бы и нет? Так или иначе, я успею вернуться в Университет к началу занятий.

А Дэн:

— Париж? От него очень близко до Австралии. У меня ребенок и две жены в Мельбурне, а я не очень-то желаю позволить им ухватиться за меня. Я полагаю, если мы не задержимся там надолго...

(Федерация Плеяд — Созвездие Дракона. Полет «Калибана»)

Когда регата промчалась мимо наблюдательного спутника, кружащегося вокруг Арка, охватила петлей Дим, Умершую Сестру, и снова вернулась к Арку, было объявлено, что «Калибан» пришел вторым.

— Отлично. Уходим отсюда. На вечеринку Принса.

— Будь осторожен...— донесся из динамика голос его матери.

— Передай привет Аарону. И еще раз поздравляю, сынок,— сказал отец.— Если ты разобьешь эту желтую бабочку, не проси меня купить тебе новую.

— Пока, пап.

«Калибан» рванул из окружения кораблей, находящихся у смотровой станции, куда люди приходили поглазеть на участников регаты. Внизу пламенили пятидесятифутовые окна — за одним из них, около ограждения, стояли его отец и андроид его матери, глядя на удаляющийся корабль. В мгновение ока он миновал Федерацию Плеяд и устремился к Солнцу.

На следующий день они потеряли шесть часов, попав в смерч пылевой туманности.

— Потом, когда у тебя будет настоящий корабль вместо этой игрушки,— сказал Дэн по интеркому,— для тебя пройти сквозь эту штуку будет раз плюнуть.

Лок увеличил частоту развертки сканнера ионолета.

— На два с половиной деления вниз, Брайен. Теперь, фазу — вверх! Пошел!

Они частично наверстали время и вошли в график, попав в Приливные Течения.

Прошел день, и появилось Солнце — блестящий огонек на фоне космического неистовства.

(Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 год)

Космопорт Де Бло растянулся на несколько миль, окруженный складами, багажными и подсобными помещениями. Грузовые корабли, совершающие челночные рейсы, стартовали отсюда к боль-

шим звездным портам второй луны Нептуна. Через платформы бежала поблескивающая пятисотметровая пассажирская дорожка. «Калибан» опустился прямо на посадочную отметку, словно строенный воздушный змей. Лока осветили лучи солнца, и он сел на койке.

— О'кей, марионетки. Обрывайте ниточки.

Он отключил гудящие внутренности «Калибана» за секунду до того, как корабль коснулся земли. Вокруг него медленно загорались россыпи ргней.

Брайен, прыгая на одной ноге по кабине управления, застегивал левую сандалию. Дэн, небритый, в расстегнутой куртке, выбрался из проекционной камеры.

— Полагаю, мы прибыли, капитан,— он согнулся, вычищая грязь между пальцами ног.— Что это за вечеринка, на которую вы, ребята, направляетесь?

Лок нажал кнопку, и пол стал наклоняться. Рифленный чехол свернулся, когда нижний край пола коснулся травы.

— Я еще не знаю,— ответил Лок,— но полагаю, что в этом мы разберемся, раз уж добрались сюда.

— О-х-х-х, нет,— протянул Дэн, когда они сошли на землю.— Я не собираюсь в эту благородную компанию,— они вошли в тень, отбрасываемую кораблем.— Лучше найди мне бар, а потом заведи меня оттуда, когда будешь возвращаться.

— Если вы оба не хотите идти,— произнес Лок, оглядываясь вокруг,— то должны найти место, где сможете перекусить и повеселиться.

— Я... Ну, в общем, не прочь бы пойти,— Брайен выглядел обманутым в своих ожиданиях.— Я никогда еще не был так близко к приемам, которые устраивает Принс Ред.

Лок поглядел на Брайена. Коренастый, с каштановой шевелюрой и кофейного цвета глазами, этот парень успел сменить рабочую кожаную куртку на чистую, всю в сверкающих цветах накидку. Лок только сейчас начал понимать, как должен быть ослеплен этот парень, пересекающий Вселенную, тем богатством, видимым и предполагаемым, которым обладал его ровесник, имеющий собственную гоночную яхту и возможность запросто побывать в Париже. Но самому Локу вовсе не пришлось в голову сменить куртку.

— Тогда пошли,— сказал он.— Мы захватим Дэна на обратном пути.

— Только вы не напивайтесь настолько, чтобы быть не в состоянии доволочь меня до корабля.

Лок и Дэн рассмеялись. Брайен глядел на стоявшие вокруг яхты.

— Эй, ты когда-нибудь работал на трехпарусном «Эфире»? — он тронул Лока за руку и показал на грациозный золоченый корпус.— Держу пари, это настоящий вихрь!

— Очень малая приемистость на низких частотах,— Лок повер-

нул к Дэну. — Ты должен вернуться на борт завтра к часу отлета. Я не собираюсь бегать и искать тебя.

— Это когда я нахожусь совсем рядом с Австралией? Не беспокойся, капитан... Между прочим, вы не рассердитесь, если я приведу на корабль женщину? — он ухмыльнулся, глядя на Лока, и подмигнул ему.

— Скажи, — спросил Брайен, — а как у «Эфира» с управлением? Наш школьный клуб хотел произвести обмен с клубом, где имелся «Эфир», выпущенный десять лет назад, но они потребовали еще и доплату.

— До тех пор, пока она не захочет покинуть корабль, прихватив с собой чего-нибудь, чего у нее раньше не было, — ответил Лок Дэну. Потом повернулся к Брайену. — Я никогда не ходил на «Эфире», проработавшем более трех лет. У моего друга был «Эфир» на пару лет постарше. Он работал неплохо, но ему далеко до «Калибана».

Они прошли в ворота посадочного поля и, спускаясь по лестнице, вешущей на улицу, пересекли тень колонны, обвитой гигантской змеей.

Париж остался более или менее горизонтальным городом. Единственное, что нарушало эту горизонтальность — Эйфелева башня слева от них и шпили Ле Аль, семнадцатизэтажных магазинов, средоточия продуктов и промышленных товаров для двадцати трех миллионов, населяющих город.

Они свернули на Рю де ле Астроно и пошли под вывесками ресторанов и гостиниц. Дэн, просунув ладонь под веревку, поддерживающую его брюки, поскреб живот, потом откинул упавшие на глаза волосы.

— Где бы это можно было бы здесь напиться бедному киборгу в свободное время? — Вдруг он указал на маленькую улочку. — Тут!

Там, за поворотом, оказался маленький бар-кафе с треснувшей витриной. «Ле Сидераль». Дверь хлопнула, пропустив двух женщин.

— Прекрасно, — протянул Дэн и устремился к бару, оставив позади Лока и Брайена.

— Я никогда не завидую людям вроде него, — тихо сказал Брайен.

Лок с удивлением взглянул на него.

— Вас в самом деле не заботит... ну, я имею в виду то, что если он приведет на корабль женщину?

Лок пожал плечами.

— Одну-то можно.

— О! Я полагаю, раз у вас есть яхта, вы никогда не имеете никаких проблем с девушками...

— Да. Это упрощает дело.

Брайен покусал ноготь большого пальца и кивнул.

— Это было бы неплохо. Иногда я думаю, что девушки забыли

о том, что я живу на свете. Пожалуй, все равно, есть яхта или ее нет, — он засмеялся. — А вы когда-нибудь, ну, приводили девушку на корабль?

Лок немного помолчал, затем произнес:

— У меня трое детей.

Теперь Брайен удивленно уставился на Лока.

— Мальчик и две девочки. Их матери — дочери рабочих с большой планетки в Окраинных Колониях — Новой Бразилии.

— О, вы имеете в виду...

Лок взялся правой рукой за левое плечо.

— Мы ведем слишком разную жизнь, я думаю, — медленно проговорил Брайен, — вы и я.

— И я думаю так же, — Лок улыбнулся.

Улыбка Брайена получилась несколько натянутой.

— Эй, вы, постойте! — донеслось сзади. — Подождите!

Они обернулись.

— Лок? Лок фон Рей?

Серебристого цвета перчатка вместо черной, описанной отцом Лока. Верх перчатки, доходящей почти до плеча, был усыпан алмазами.

— Принс?

Куртка, брюки, ботинки — все серебристого цвета.

— Я чуть было не пропустил тебя! — его лицо под черной шевелюрой было оживленным. — Я просил, чтобы мне сразу сообщили с космодрома, как только вы прибудете. Гоночная яхта, а? Уверен, что она отнимает все твое свободное время. Да, пока не забыл: Аарон просил меня, если ты прибудешь, передать его привет твоей тетке Циане. Она провела с нами уик-энд на побережье Чоубе в прошлом месяце.

— Спасибо. Передам, когда увижу ее, — сказал Лок. — Раз вы встречались в прошлом месяце, ты видел ее позже меня. Она теперь не особенно задерживается на Арке.

— Циана... — начал Брайен, — ... Морган? — закончил он почти-тельно, но Принс уже продолжал.

— Слушай, — он положил руки на плечи Лока. Лок постарался определить разницу между нажимами той и другой. — Мне надо добраться до горы Кеньюна и обратно к началу празднества. У меня есть любой транспорт, способный доставить людей куда угодно. Аарон не поможет. Он отказался принимать участие в подготовке вечеринки, так как считает, что это из рук вон плохая идея. Но сейчас он где-то на Веге. Ты не подбросишь меня до Гималаев?

— Хорошо, — Лок подумал сначала, что Принс заменит Дэна в полете. Но, наверное, из-за отсутствия руки он не сможет как следует управлять кораблем. — Эй, Дэн! — закричал Лок. — Для тебя опять есть работа!

Австралиец как раз открывал дверь бара. Он обернулся, покачал головой и зашагал обратно.

— Зачем тебе туда? — поинтересовался Лок, когда они шли к космодрому.

— Скажу по дороге.

Когда они прошли ворота — колонну со змеей, блестящей в лучах заката — Брайен рискнул начать разговор.

— Весь экипаж в сборе, — сказал он Принсу.

— На Иль соберется целая толпа народу. Я хочу, чтобы всякий мог знать, где я нахожусь.

— И эта перчатка — новая мода на Земле?

У Лока внутри все похолодело, и он метнул взгляд на Принса.

— Подобные новшества, — продолжал Брайен, — появляются на Центавре месяц спустя после того, как о них уже забывают на Земле. А 'я даже в созвездии Дракона не был десять месяцев.

Принс, повернув руку ладонью вниз, посмотрел на нее.

Сумеречное небо было чисто. Поверх ограды стали зажигаться огни. Резче обозначились складки на перчатке Принса.

— Это моя собственная мода, — он взглянул на Брайена. — У меня нет правой руки. Все это, — он сжал пальцы в кулак, — металл и пластик, приводимый в движение моторчиками, — он резко засмеялся. — Но она работает... Почти как настоящая.

— О, — смущение прозвучало в голосе Брайена. — Я не знал.

Принс засмеялся.

— Иногда я сам почти забываю. Иногда. Так где ваш корабль?

— Вон, — показал Лок. Он остро почувствовал те двенадцать лет, которые прошли со времени их предыдущей встречи.

(Созвездие Дракона. Земля. Непал. 3166 год)

— Все подключились?

— Вы должны мне заплатить, капитан, — прохрипел Дэн. — То подключайся, то отключайся.

— Готово, капитан, — это Брайен.

— Открывайте нижние заслонки.

Принс сидел позади Лока, положив ему руку (настоящую) на плечо.

— Приходит каждый, кому не лень, и, вдобавок, ведет кого-нибудь с собой. Ты прилетел только что, а люди начали прибывать за неделю. Я пригласил человек сто, а теперь их уже три сотни. И становится все больше и больше, — инерция навалилась на них, космопорт начал стремительно уменьшаться, и заходящее солнце начало восходить на западе, заливая мир своим светом. Вспыхнула голубая

кайма атмосферы. — Одна Че Онг притащила с собой целую ораву откуда-то с окраины созвездия Дракона...

— Че Онг — это та самая звезда психорамы? — донесся из динамика голос Брайена.

— Студия предоставила ей недельный отпуск, и она решила побывать на моей вечеринке. А позавчера ей вдруг пришло в голову заняться скалолазанием, и она упорхнула в Непал.

Солнце теперь светило в корму. Для того, чтобы попасть из одной точки планеты в другую, надо всего лишь подняться и опуститься куда нужно. Но на космическом паруснике надо подняться, обогнуть Землю три-четыре раза, и только потом снижаться. Добраться с одного конца города на другой или достичь другой стороны планеты — это одинаково отнимет у вас семь-восемь минут.

— Че связалась со мной днем по радио. Они одолели три четверти Кеньюю. Но ниже их сейчас выюга, поэтому они не могут вызвать вертолет со спасательной станции в Катманду. И, конечно, выюга не помешала ей найти меня на другой стороне планеты и пожаловаться на свои затруднения. Во всяком случае, я обещал ей придумать что-нибудь.

— Как же, черт побери, ты собираешься снимать их с горы?

— Ты спустишься на высоту двадцати футов и зависнешь над землей, а я спущусь и доставлю их на корабль.

— Двадцать футов! — Пятнистая планета медленно поворачивалась под ними. — Ты хочешь вернуться на вечеринку живым?

— Ты получил ионолет, посланный тебе Аароном?

— Мы на нем и находимся.

— Он должен быть достаточно чувствителен для таких маневров. А ты дока по части управления кораблем. Так или нет?

— Ну, ладно, постараюсь, — осторожно произнес Лок. — Я еще больший дурак, чем ты, — он засмеялся. — Постараемся, Принс!

Снега и горы медленно плыли под ними. Лок ввел в компьютер координаты горы, сообщенные Принсом. Принс перегнулся через плечо Лока и настроил рацию.

Женский голос ворвался в кабину:

— О, вон там! Посмотрите, это же они! Принс! Принс, дорогой, ты пришел, чтобы спасти нас? Мы, бедные, уже все покрылись гусиной кожей. Принс!.. — ее голос перебивала музыка и какой-то гомон.

— Спокойнее, Че, — произнес Принс в микрофон. — Я же говорил, что придумаю что-нибудь, — он повернулся к Локу. — Здесь! Они должны быть где-то тут.

Лок изменил частоту, и «Калибан» стал спускаться, слегка сносимый вбок гравитационными искажениями, создаваемыми горой. Навстречу вырастали скалы, зазубренные и пламенеющие.

— Эй, смотрите! Смотрите все! Разве я не говорила, что Принс не позволит нам пропустить вечеринку и помереть здесь со скуки?

И другие голоса:

— О, Сесил, я не могу сделать...

— Сделай музыку погромче...

— Но я не люблю анчоусы...

— Принс! — кричала Че. — Поторопись! Опять начинается этот снег. Ты знаешь, Сесил, ничего бы этого не случилось, если бы ты не вздумал проделывать эти салонные штучки с...

— Иди сюда, солнышко, потанцует!..

— Я сказала: нет! Тут рукой подать до обрыва!

Под ногами Лока, на экране в полу, в лунном сиянии проплывали снега, гравий, крупные глыбы.

— Сколько их там? — спросил Лок. — Корабль не так уж велик.

— Ничего, как-нибудь втиснутся.

На заснеженном утесе, проплывающем по экрану, стала видна группа людей. Некоторые из них сидели на зеленом пончо в окружении винных бутылок и корзин с едой. Некоторые танцевали, некоторые сидели в шезлонгах. Один вскарабкался на торчащий обломок скалы и шурился, глядя на спускающийся корабль.

— Че, — сказал Принс, — мы здесь. Запаковывайте все. Мы не собираемся болтаться здесь целый день.

— Благие небеса! Это ты? Эй, поднимайтесь все! Мы спасены! Это Принс.

На утесе сразу же была развита бурная деятельность. Молодые люди забегали, хватая вещи и запихивая их в рюкзаки. Двое сворачивали пончо.

— Эдгар! Не выбрасывай! В нем сорок восемь градусов, и такие бутылки на дороге не валяются. Да, Хиллари, ты можешь сменить музыку. Нет! Не выключай обогреватель, еще рано! Ох, Сесил, ты совсем дурак. Б-р-р-р! Ну, полагаю, через минуту-две мы будем готовы. Конечно же я потанцую с тобой, милый, только не рядом с обрывом. Подожди минутку. Принс! Принс!

— Че, — позвал Принс, когда Лок опустился еще ниже. — У вас там есть какая-нибудь веревка? — он закрыл микрофон рукой. — Ты видел ее в «Дочерях Майами»? Где она играет тронувшуюся шестнадцатилетнюю дочь ботаника?

Лок кивнул.

— Это не было игрой, — он убрал ладонь с микрофона. — Че! Веревку! Есть у вас веревка?

— Сколько угодно! Эдгар, куда задевались все веревки? Мы же поднялись сюда на чем-то! А, вот они! Что нам теперь делать?

— Вяжи большие узлы через каждую пару футов. Сколько до нас?

— Сорок футов? Тридцать? Эдгар, Сесил, Хосе! Вы слышали? Вяжите узлы!

На экране в полу Лок видел тень яхты, скользящую по скалам. Он еще немного опустил корабль.

— Лок, открой люк в двигательном отсеке, когда мы будем...

— Мы в семнадцати футах над ними,— бросил Лок через плечо.— Люк там, Принс,— показал он,— и он уже открыт.

— Прекрасно.

Принс открыл дверь и нырнул в двигательный отсек. Холодный ветер коснулся спины Лока. Дэн и Брайен удерживали корабль под порывами пурги.

На экране нижнего обзора Лок видел, как один из парней бросал веревку на корабль. Принс, стоя у открытого люка, пытался поймать ее искусственной рукой. Третья попытка оказалась удачной. Сквозь ветер прорвался голос Принса:

— Отлично! Я привязал ее. Поднимайтесь!

Один за другим они начали карабкаться по веревке.

— Теперь ты. Посмотри...

— Парень, да здесь колотун! Стоит только выбраться из-под нагревателя...

— Я держу тебя. Как раз...

— Не думай, что мы бы это сделали. Эй, не хочешь ли сорока-восьмиградусную «Шатонеф дю Папа»? Че говорит, у тебя не может быть...

Голоса наполнили рубку.

— Принс! Какое счастье, что ты спас меня! У тебя на вечеринке не найдется турецкой музыки девятнадцатого века? Мы не могли поймать ни одной местной станции, только учебную программу Новой Зеландии. Веселенькое дельце! А Эдгар выдумал новый способ ходьбы. Надо опуститься на четвереньки и раскачиваться при этом вверх и вниз. Хосе, не свались обратно на эту дурацкую гору! Немедленно подойди сюда и поздоровайся с Принсом Редом. Это он устраивает вечеринку, а у его отца гораздо больше миллионов, чем у твоего. Теперь закрой дверь и давайте выйдем из машинного отделения. Ох уж эти машины и прочие штуки! Они не для меня.

— Выходи, Че, и развлекай теперь капитана. Ты знакома с Локком фон Реем?

— О боже! Мальчик, который всегда побеждает в гонках? Ну почему у него больше денег, чем у тебя?

— Ш-ш-ш! — прошептал Принс, так как они уже входили в центральный управления.— Я не хочу, чтобы ему это было известно.

Лок поднял корабль над горами и только тогда обернулся.

— Вот таким и должен быть тот, кто берет призы! Вы такой красивый!

Лыжный костюм Че Онг был абсолютно прозрачным.

— Вы побеждали на этой яхте?

Она оглядела кабину управления, сильно дыша после подъема

на корабль по веревке. Покрашенные соски ее упругих грудей слегка расплывались при каждом вздохе, упираясь в винил.

— Мне здесь нравится. Я еще никогда не бывала на яхтах днем.

Позади нее послышались приближающиеся голоса.

— Никто не хочет сорокавосемиградусного?

— Я никак не могу найти музыки. Почему здесь нет?..

— Сесил, есть у тебя еще этот золотой порошок?

— Мы поднялись выше атмосферы, глупая, и электромагнитные волны не доходят до нас. Кроме того, мы движемся слишком быстро...

Че Онг повернулась к ним.

— О, Сесил, где же этот восхитительный золотой порошок? Принс, Лок, вы обязательно должны попробовать! Сесил — сын мэра...

— Губернатора...

— ...одного из тех крошечных миров, о которых мы постоянно слышим и которые так далеко отсюда. У него есть золотой порошок, который собирают в трещинах скал. Ой, смотрите, он все вдыхает его и вдыхает!

Планета под ними начала вращаться.

— Смотри, Принс, ты вдыхаешь его, вот так: хха! И все, что ты видишь, окрашивается в восхитительные цвета, все, что ты слышишь, наполняется невыразимыми звуками, и мысли слегка разбегаются и лезут в промежутки между словами. Лок, вот...

— Посмотрите-ка на нее! — засмеялся Принс. — Он же ведет яхту в Париж!

— О! — воскликнула Че. — Это ему не повредит. Разве что мы долетим немножко быстрее, вот и все!

Позади них послышался разговор:

— Где, она говорила, эта чертова вечеринка начинается?

— На Иль-Сент-Луис, в Париже.

— Где?

— В Париже, детка, в Париже! Мы приглашены на вечеринку в...

(Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 год)

В середине пятого века византийский император Юлиан, устав от суматохи Ситэ де Пари (население которого, насчитывающее тогда около тысячи человек, жило в шалашах из шкур, теснящихся вокруг построенного из камня и дерева храма Божьей Матери) удалился на небольшой островок.

В первой половине двадцатого века королева косметики, стремясь избежать претензий Правого Банка и эксцессов со стороны левых, основала здесь свой Париж Пиеда Терре, стены которого

внутри с большим вкусом были увешаны сокровищами искусства — в то время, как на берегу, на месте деревянного храма, поднялись две башни знаменитого собора.

В конце тридцать второго века центральная улица острова была залита светом фонарей, боковые улочки были заполнены музыкальными, зоологическими, питейными и ковровыми лавочками, а в небе вспыхивал фейерверк. Иль-Сент-Луис принимал гостей Принса Реда.

— Сюда! Через этот мост!

Они миновали трапецевидный мост. Внизу блестела черная Сена. Деревья на острове роняли листву на каменные баллюстрады. Украшенные скульптурами контрфорсы Нотр-Дам, освещенные прожекторами, вздымались над деревьями парка Ситэ.

— Никто не имеет права ступить на мой остров без маски! — крикнул Принс.

Они как раз дошли до середины моста, когда Принс, пригнув к перилам, ухватился за перекладину и поднял руку в серебряной перчатке.

— Вы в гостях! Вы в гостях у Принса! Каждый надевает маску!

Шары фейерверка, красные и голубые, вспыхнули в темноте, осветив его лицо.

— Все это очень хорошо, — запротестовала Че, подбежав к перилам, — но если я надену маску, меня никто не узнает, Принс! А на студии сказали, что я могу идти только в том случае, если будет реклама!

Он подскочил к ней, схватил за руку и потащил вниз по ступеням. Там, на вешалке, поблескивали сотни масок, надевающих на голову.

— У меня есть одна специально для тебя, Че! — он снял двухфутовую прозрачную крысиную голову. Уши окаймлены белым мехом, брови усеяны золотыми блестками, драгоценные камни подрагивали на кончиках проволочных усов.

— Какая прелесть! — завизжала Че, когда Принс нахлобучил маску ей на голову.

Сквозь прозрачную морду было видно, как на ее собственном нежном зеленоглазом лице расплылась улыбка.

— А вот для тебя! — голова саблезубого тигра предназначалась Сесилу. Орлиная, со сверкающими перьями — Эдгару. Темноволосая голова Хосе была закрыта мордой ящерицы.

Лев — для Дэна, протестующего на фоне всеобщих уговоров и оставленного без внимания сразу же после того, как он прекратил сопротивление. Грифон — для Брайена, которого упорно никто не замечал, хотя он ни на шаг не отставал от компании.

— А для тебя, — Принс повернулся к Локу, — у меня есть особая маска, — смеясь, он снял голову пирата. С черной повязкой че-

рез глаз, со шрамом на щеке, с цветным платком. В оскаленных зубах — кинжал. Маска легко наделась на голову Лока. Через отверстия в шее можно было смотреть. Принс похлопал его по спине. — Пират — это как раз для фон Рея! — произнес он, когда Лок шагнул на булыжную мостовую.

И снова смех: это отставшие появились на мосту.

Девушки с напудренными высокими прическами двадцать третьего века (когда еще не было Аштона Кларка) бросали с балкона конфетти. Человек в маске медведя прокладывал себе путь через толпу. Лок думал, что это просто костюм и маска, пока шерсть не коснулась его плеча, и в ноздри ему не ударила вонь. Кладание когтей затихло. Толпа подхватила юношу.

Лок превратился в слух.

Лок превратился в зрение.

Блаженство охватило его, и нервные волокна словно остекленели. Он шел по мощеной кирпичом, усыпанной конфетти улице, и все чувства его вдруг обратились внутрь — так выгибаются паруса космических кораблей. Он почувствовал присутствие своего внутреннего «я». Весь его внутренний мир теперь сфокусировался на том, что чувствовали его руки, видели его глаза. Голоса вокруг ласкали его изощренный слух.

— Шампанское! Ну разве не прелесты! — крыса в прозрачной одежде прижала к столику с вином грифона в куртке с кружевными цветами. — Ты не знаешь анекдотов? Я так их люблю!

— Конечно, — отвечал Брайен. — Но я никогда не был на таких приемах. Такие люди, как Лок, Принс, вы — из тех людей, о которых только слышишь. Очень трудно поверить в то, что вы существуете на самом деле.

— Между нами говоря, у меня время от времени возникает та же проблема. И это хорошо, что есть ты, чтобы напомнить нам об этом. А теперь расскажи нам...

Лок шел от группы к группе.

— ...на круизном судне, идущем из Порт-Саида в Стамбул, был рыбак из Плеяд, который исполнял восхитительные вещи на сенсоринксе...

— ...и ему пришлось на попутках добираться через весь Иран, потому что монорельс не работал. Я думаю, что Земля находится в стороне...

— ...прекрасная вечеринка. Превосходная...

«Очень молодые, — подумал Лок. — Очень богатые. Интересно, к каким крайностям могут привести эти обстоятельства?»

Босой, подпоясанный веревкой лев стоял, прислонившись к стене, и смотрел на проходящих.

— Ну как, капитан?

Лок приветственно махнул ему рукой и пошел дальше.

Теперь он чувствовал внутри себя приподнятость и прозрачность. Музыка звучала внутри маски, и голова его покоилась на звуке собственного дыхания. На возвышении какой-то человек играл на гапсихорде «Птичью павану». Лок прошел мимо, и голоса, звучащие в другой тональности, заглушили музыку. На помосте на другой стороне улицы два парня и две девушки, одетые по моде двадцатого столетия, воспроизводили какофонию в стиле «Ой, мама, ой, папа». Свернув на боковую улицу, Лок оказался подхваченным толпой, которая понесла его прямо к возвышающейся куче электронных инструментов, извергающих скрежещущую, оглушительную мелодию тоху-боху. Музыка десятилетней давности вызвала чувство ностальгии, и гости в красочных масках из папье-маше и пластика, разбившись на пары, тройки, пятерки и семерки, танцевали. Справа покачивалась голова лебедя. Слева из стороны в сторону моталась голова лягушки. До его ушей донесся низкий голос, который он слышал в динамике, когда «Калибан» висел над Гималаями. Че Онг протискивалась между танцующими.

— Он сделал это! Ну разве Принс не прелесть? — она кричала и подпрыгивала. — Он раздобыл эту старую турецкую музыку!

Бедра, груди и плечи блестели под винилом — в материале были поры, раскрывающиеся в теплую погоду, и прозрачный костюм становился прохладным, словно шелковый. Че Онг раскачивалась, опустив пушистые ресницы.

— Все вниз! На четвереньки! Мы покажем вам наш новый способ ходьбы! Вот так: покачивайтесь...

Лок шел сквозь кипящую, рвущуюся ночь, немного усталый, немного возбужденный. Он пересек улицу, опоясывающую остров, и прислонился к камню около одного из прожекторов, освещающих здания на Иль-Сент-Луис. По ту сторону реки, на набережной, прогуливались люди. Парами и в одиночку, глядя на фейерверк или просто по сторонам.

Позади него громко засмеялась девушка. Он обернулся к ней...

... голова райской птицы, голубые перья вокруг красных станиолевых глаз, красный клюв, пестрый гребешок...

... она отстала от своей группы, чтобы покачаться на парапете. Бриз шевелил ее одежду, и она натягивалась там, где были вычурные медные застежки: у плеча, у запястья и на бедрах. Она прислонилась к камню, упершись носком туфли в землю в дюйме от него. Подняв свои тонкие длинные руки к маске — ногти на них были малинового цвета — она сняла ее и положила на парапет. Бриз сразу же растрепал ее темные волосы, рассыпал их по плечам, взметнул вверх. Вода подернулась мелкой рябью, словно кто-то бросил вниз горсть песка.

Он поглядел вперед, назад и нахмурился.

Две особенности придавали ей необычную красоту — ее лицо

вызывало в нем желание, отчетливое и всепоглощающее. Черты лица и линии ее тела отражали тот стандарт красоты, в котором никто не нашел бы изъяна. Это была красота манекенщиц и популярных актрис. Это была красота Че Онг. И еще: ее глаза были словно разбившиеся диски из голубого нефрита, ее скулы слегка выступали над впалыми щеками круглого лица. У нее были широкий подбородок, тонкие ярко-красные губы и прямой нос. Она вдыхала ветер, и, глядя на нее, он начал чувствовать запах реки, парижскую ночь, ветер, дующий из города. Черты лица несколько строгие и сильные для такой молодой женщины. Но сила, которая свела их, заставляла смотреть на нее снова и снова. На ее лице застыло выражение, которое заставляло воспринимать ее красоту с болезненной завистью.

Она взглянула на него.

— Лок фон Рей?

Он еще больше нахмурился.

Она облокотилась о парапет. Внизу проходил тротуар, обрывающийся у самой воды.

— Все они так далеко от нас, — она кивнула в сторону людей на набережной. — Они гораздо дальше, чем мы думаем. Что бы они стали делать на нашей вечеринке?

Лок снял маску и положил пирата рядом с хохлатой птицей. Она взглянула на него.

— Так вот вы какой. У вас приятное лицо.

— Откуда вам известно, кто я такой? — думая, что просто не заметил ее в толпе людей, первыми прошедших через мост, он приготовился услышать что-нибудь насчет его фотографий, случайно попавшей сюда с края Галактики, когда он выиграл гонку.

— Ваша маска. Вот как я узнала.

— В самом деле? — он улыбнулся. — Не понимаю.

Ее брови поднялись. Она засмеялась. Но смех, такой нежный, так быстро кончился!

— Кто вы? — спросил Лок.

— Я Руби Ред.

Она была довольно высокой. Когда-то давно маленькая девочка стояла возле него в пасти чудовища...

Лок засмеялся.

— Так что там насчет моей маски, которая меня выдала?

— Принс не переставал ликовать, представляя, как он наденет на вас эту маску, с тех пор, как послал через вашего отца приглашение, хотя была очень малая вероятность, что вы приедете. Скажите, что заставляет вас потворствовать его отвратительным шуткам и надевать эту маску? Вежливость?

— Все остальные тоже в масках. Я думал, что это хорошая идея.

— Понимаю,— ее голос поднялся на тон выше, перестал быть таким, словно она делала официальное заявление.— Брат говорит, что мы встречались когда-то давно,— голос ее стал прежним.— Я... Я не узнала бы вас. Но я вас помню.

— И я вас помню.

— Принс тоже. Ему было семь лет, значит, мне было пять.

— Что вы делали все эти двенадцать лет?

— Росла и становилась грациозной в то время, как вы становились королем гоночных маршрутов Плянд и демонстрировали баснословное богатство своих родителей.

— Смотрите! — Он махнул рукой в сторону людей глазеющих на них с того берега. Некоторые, видимо, подумали, что он машет им, и замахали в ответ.

Руби засмеялась и тоже помахала рукой.

— Понимают ли они, насколько мы отличаемся от них? Я чувствую себя сейчас совершенно особенной,— она запрокинула голову. Глаза ее были зажмурены. Голубой фейерверк оттенил ее веки.

— Эти люди слишком далеко, чтобы видеть, как вы красивы. Она взглянула на него.

— Это правда. Вы...

— Мы.

— ...очень красивы.

— Вы не подумали о том, что возможно, опасно говорить такие вещи хозяйке, капитан фон Рей?

— Вы не подумали о том, что было опасно говорить такие вещи гостю?

— Но мы не такие, как все, молодой капитан. Если мы хотим того, почему бы нам не пококетничать с опас...

Уличные фонари погасли.

Из боковой улицы донесся крик: гирлянды разноцветных лампочек тоже погасли. Лок повернулся спиной к парасету, и Руби положила руку ему на плечо.

По всему острову дважды мигнули огни и окна. Кто-то закричал. Иллюминация снова вспыхнула, а вместе с ней вернулся и смех.

— Мой брат! — Руби покачала головой.— Все говорят, что у него должны быть грандиозные затруднения, а он настаивает на том, чтобы весь остров освещался электричеством. Он решил, что электрическое освещение более романтично, чем эти великолепные индукционные трубки, которые были здесь вчера и которые надо поставить на место завтра по постановлению городских властей. Надо было видеть, каким способом он раздобыл генератор. Но все же он его достал! Великолепный музейный экспонат шестисотлетней давности размером с комнату. Я боюсь, что Принс — неисправимый романтик...

Лок положил свою ладонь на ее.

Она взглянула на него и убрала руку.

— Я должна идти, так как обещала помочь ему, — ее смехок не слишком его обрадовал. Боль полоснула по обострившимся чувствам. — Не носите больше эту маску, — она подняла с парашюта голову райской птицы. — Как раз потому, что он решил оскорбить вас, не подавайте вида, что обижены.

Лок смущенно глядел на голову пирата. Станиолевые глаза блеснули из-под перьев.

— Кроме того, — голос звучал приглушенно, — вы слишком красивы, чтобы закрывать лицо такой отвратительной и уродливой маской, — и она, перейдя улицу, затерялась в запруженной людьми аллее.

Он поглядел по сторонам, и ему не захотелось больше стоять здесь.

Он пошел туда, куда ушла она, нырнул в ту же толпу и только пройдя полквартила осознал, что идет следом за ней.

Она была прекрасна.

Это не было следствием его эйфории.

Это не было следствием возбуждения от вечера.

Было ее лицо и то, как оно менялось, когда она разговаривала.

Внутри него была пустота, еще более заметная от того, что совсем недавно, пока они обменивались банальными фразами, он был полон ее лицом, ее голосом.

— ...все эти трудности происходят от того, что нет прочной культуры, — Лок взглянул в ту сторону, где грифон обращался к серьезным броненосцам, обезьянам и выдрам. — Происходили такие грандиозные переселения с планеты на планету, что мы лишились подлинного искусства, а приобрели псевдоинтерпланетарные...

У входа на земле лежали головы льва и лягушки. Внутри, в темноте, Дэн — спина его была мокрой после танцев — прижимал к себе девушку с золотыми блестками на плечах.

А в ста метрах от него Руби поднималась по ступеням, полускрытая железными завитками ограды.

— Руби!

Он бросился вперед.

— Эй, смотри...

— Смотри по сторонам, когда ты...

— Потихе...

Лок перепрыгнул через ограду и взбежал по ступеням вслед за ней.

— Руби Ред! — и в дверь. — Руби!

Ковры под высокими зеркалами приглушили его голос. Дверь позади мраморного стола была полуоткрыта. Он пересек фойе и распахнул ее.

Она обернулась навстречу брызнувшему свету.

Краски половодьем затопляли комнату, мерцали на гранях тяжелых, выточенных из черных кристаллов, ножек мебели Республики Вега. Она отступила назад.

— Лок! Теперь - то вы что тут делаете? — она только что положила свою птичью маску на одну из круглых полок, которые двигались на разных уровнях через комнату.

— Я хотел еще поговорить с вами!

Ее брови черными дугами выгибались над глазами.

— Очень жаль. Принс планирует пантомиму на плоту, который причалит к острову в полночь. Я должна переодеться.

Прямо на него двигалась одна из полок. Прежде чем она успела среагировать на температуру его тела и скользнуть в сторону, он снял с пронизанного жилками стекла бутылку.

— Вы хотите убежать? — он поднял вверх руку с бутылкой. — Я хочу понять, кто вы есть, чем заняты, о чем думаете. Я хочу рассказать вам о себе.

— Сожалею, — она повернулась к спиральному лифту, чтобы подняться на балкон.

Его смех остановил ее. Она повернула голову, чтобы посмотреть, что его рассмешило.

— Руби?

Она повернулась к нему.

Он подошел к ней по наклонному полу и положил ладони на гладкую ткань, спадающую с ее плеч. Пальцы сжали ее руки.

— Руби Ред! — то, как он произнес это, привело ее в замешательство, отразившееся на лице. — Бежим со мной отсюда! Мы можем жить в другом городе другого мира, под другим солнцем! Разве эти звезды не надоели вам? Я знаю мир, созвездия которого называются: «Полет бешеной свиньи», «Большая и Малая Рысь», «Глаз Вадомина»!

Она сняла рюмки с проплывающего мимо подноса.

— Что за высокопарные выражения! — она засмеялась. — Однако, это вам идет.

— Вы идете со мной?

— Нет.

— Почему нет? — он налил пенящийся янтарь в крошечные рюмки.

— Во-первых, — она протянула ему рюмку, и он поставил бутылку на ближайшую полку, — потому что это страшно неприлично для хозяйки — я не знаю, как это принято у вас на Арке — убегать от гостей раньше полуночи.

— А если после полуночи?

— Во-вторых, — она попробовала содержимое рюмки и сморщила нос. Он был удивлен и шокирован тем, что ее чистая и гладкая кожа может иметь морщинки, как у обычных людей, — Принс пла-

нировал вечеринку несколько месяцев, и я вовсе не хочу расстраивать его тем, что не приду, как обещала. — Он коснулся пальцами ее щеки. — В-третьих, — она взглянула на него, — я дочь Аарона Реда, а вы — смуглый, рыжий и симпатичный сын... — она отвернулась, — светловолосого вора! — холодный воздух под его пальцами там, где только что была ее теплая рука.

Он взял ее лицо в ладони, погрузил пальцы в волосы. Она высвободилась из его рук и шагнула на спиральный лифт. На пороге она обернулась и добавила:

— И у вас не так уж много гордости, если вы позволяете Принсу издеваться над собой.

Лифт стал подниматься, и Лок шагнул внутрь. Руби в удивлении отступила назад.

— Что значат все эти разговоры о ворах, пиратстве и издевательствах? — Он был рассержен. Не на нее, а на замешательство, причиной которого была она. — Я не понимаю, но мне эти высказывания не очень приятны. Я не знаю, как это принято на Земле, но на Арке никогда не высмеивают гостей.

Руби взглянула на свою рюмку, ему в глаза, снова на рюмку.

— Я сожалею, — снова ему в глаза. — Уходите, Лок. Через несколько минут здесь будет Принс. Я не должна была говорить вам, что...

— Почему? — комната опускалась, вращаясь. — Кому-то должны, кому-то не должны. Я не хочу сказать ничего плохого о вашем воспитании, но вы говорите так, как если бы мы были обыкновенными людишками, — он коротко и глухо рассмеялся, его плечи дрогнули. — Вы Руби Ред? — он схватил ее за плечи и притянул к себе. На мгновение глаза ее закрылись. — И вы всерьез принимаете всю эту чепуху, которую болтают эти людишки?

— Лок, вы бы...

— Я — Лок фон Рей! А вы — Руби, Руби, Руби Ред! — лифт уже миновал первый балкон.

— Лок, пожалуйста! Мне надо...

— Вам надо уйти отсюда со мной! Вы хотите жить в Арке, где ни вы, ни ваш брат не бывали? Или на Сяо Орини? Там есть дом, который вы должны помнить. Там, на краю Галактики, — они проехали мимо второго балкона и начали, кружась, подниматься к третьему. — Мы будем играть на языках каменных ящериц за бамбуковой рощей...

Она закричала, потому что стеклянная полочка пробила потолок лифта и разлетелась вдребезги рядом с ними.

— Принс! — она отпрянула от Лока и наклонилась, всматриваясь сквозь стену лифта.

— УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ! — серебряная перчатка схватила еще один диск, покачивающийся в индукционном поле, и метнула его

в них. — Ты, ты, чертов..! — его голос перехватило от злобы. — Убейся!!!

Второй диск просвистел у них над головами и разбился о балкон. Лок поднял руку, защищая лицо от осколков.

Принс побежал в левый угол комнаты к лестнице. Лок, выскочив из лифта, бросился через застеленный ковром балкон к той же лестнице навстречу Принсу. Руби последовала за ним.

Они столкнулись на первом балконе. Принс держался за оба поручня лестницы, задыхаясь от злобы.

— Принс, что, черт побери, случилось?

Принс ударил Лока. Перила зазвенели от удара серебряной перчатки, где только что стоял Лок. Медный брус прогнулся и треснул.

— Вор! Мародер! — шипел в бешенстве Принс. — Убийца! Подонки!..

— О чем ты говоришь?..

— Грязное отродье! Если ты только тронешь мою... — его рука снова мелькнула в воздухе.

— Нет, Принс! — воскликнула Руби.

Лок перепрыгнул через балкон и с высоты двенадцати футов упал на пол. Он приземлился на четвереньки прямо в алое пламя, которое мгновенно стало желтым, а потом вспыхнуло зеленым.

— Лок! — это снова Руби.

Он сделал сальто на мультихроме и увидел Руби, стоящую около поручня и закрывающую рот ладонями. Затем Принс прыгнул с поручня, прорезал воздух и оказался рядом с ним. Серебряный кулак ударил воздух в том месте, где только что была голова Лока. Крак!

Лок откинулся назад и присел на корточки, переводя дыхание. Принс был совсем рядом.

Удар кулака Принса разбил мультихром. Осколки брызнули в разные стороны и легли на пол, словно взорванное солнце.

— Ты?.. — начал Лок. Прерывистое дыхание мешало ему говорить. — Ты и Руби, вы что, ненормальные?

Принс опустился на колени. Злоба и ненависть перекосили его лицо, губы прыгали, обнажая мелкие зубы, бирюзовые глаза сузились.

— Ты клоун! Ты свинья! Ты заявился на Землю и осмелился дотронуться руками — р у к а м и! — до моей сестры!..

— Принс, пожалуйста!.. — прозвучал сверху голос Руби. В нем была боль. Она плакала. На ее лице не осталось и следа от прекрасной властности.

Принс вскочил на ноги, схватил проплывающий мимо диск и с ревом метнул его.

Диск ударил Лока по руке, и он вскрикнул. Диск отскочил и врезался во французские двери. Двери распахнулись, и холодный воздух ворвался в комнату. С улицы доносился смех.

— Я еще доберусь до тебя! — Принс бросился к Локу. — Я убью тебя!

Лок повернулся, перепрыгнул через железную ограду и врезался в толпу. Поднялся крик, когда он начал расталкивать людей. Руки задевали его лицо, толкали в грудь, хватали за плечи. Крики и смех — все больше и больше. Принс был сзади, потому что он слышал:

— Что они?.. Эй, оглянись!..

— Они подрались! Смотрите, это же Принс!

— Держите их! Держите! Что они?..

Лок выбрался из толпы и налетел на балюстраду. Перед глазами оказалась несущаяся Сена и мокрый камень. Он отпрянул и оглянулся.

— Отойдите от меня! — доносился из толпы голос Принса. — Отпустите мою руку. Мою руку! Отпустите мою руку!!!

Происходящее поражало и потрясало. Удивление переходило в страх.

Ступени рядом с ним спускались к воде. Он бросился вниз, и тут услышал чьи-то шаги.

Свет ударил по глазам. Лок затряс головой. Луч света пересекал мокрый тротуар, замшелую каменную стену, около которой он стоял — кто-то включил прожектор.

— Не держите мою! — прорвался сквозь шум голос Принса. — Я должен догнать его!

Принс сбежал по лестнице. Пятна света качались на каменной стене. Он остановился у воды, заслоняя ладонью глаза от блеска реки. Его куртка сползла с одного плеча. В суматохе он потерял одну перчатку.

Лок отступил назад.

Принс замахнулся.

Медные провода и блестящие конденсаторы оплетали стержень из черного металла, тихо жужжали крошечные колесики.

Лок сделал еще шаг.

Принс ударил.

Лок отпрянул к стене.

Двое медленно закружились друг против друга.

Гости запрудили тротуар перед парапетом, протискиваясь поближе. Лисы и ящерицы, орлы и насекомые расталкивали друг друга, чтобы лучше видеть. Кто-то налетел на прожектор, и светлый коридор на воде закачался.

— Вор! — спазмы сжимали узкую грудь Принса. Вверху вспыхнула ракета. Чуть ниже послышался хлопок. — Ты мразь, Лок фон Рей! Ты хуже, чем...

Теперь уже ударил Лок.

Ярость была в его груди, в его глазах, в его руках. Один удар

пришелся в ухо, другой — в живот. Чувство собственного достоинства восставало против перенесенного унижения, ярость сменила замешательство, заставляя сердце колотиться о ребра. Фантастические существа смотрели сверху на эту драку. Он ударил еще раз, не разбирая, куда.

Протез Принса мелькнул в воздухе.

Удар в подбородок. Кулак сломал челюсть, прошел через губу, щеку и лоб. Рваная рана изуродовала всю левую половину лица.

Лок вскрикнул и рухнул на берег. Из рта у него потекла кровь.

— Принс! — Руби — это она, проталкиваясь сквозь толпу, задела прожектор — стояла на парапете. Красное платье и темные волосы раздувались ветром с реки. — Принс, не надо!

Задышавшись, Принс отступил назад, потом еще на шаг. Лок лежал ничком, одной рукой в воде. Темное пятно — кровь — расплывалось по камню под ним.

Принс резко повернулся и пошел к ступеням. Кто-то отвернул прожектор. Люди, собравшиеся на том берегу Сены, оказались освещенными.

Толпа у парапета начала расходиться.

Кто-то начал спускаться по ступеням навстречу Принсу, но повернул обратно. Крыса в прозрачной одежде отошла от парапета. Кто-то обхватил обтянутые винилом плечи и увел ее. Музыка дюжины оркестров смешалась над островом.

Голова Лока покачивалась в темной воде. Река шевелила его руку.

Лев взобрался на парапет и спрыгнул на мель. Грифон сбежал с лестницы и опустился на колено рядом с Локом.

Дэн стащил маску и швырнул ее на ступени. Она глухо охнула и покатилась по камню. За ней последовала голова грифона.

Брайен перевернул Лока.

У Дэна перехватило дыхание, потом воздух со свистом вырвался из горла.

— У капитана неприятности, а?

— Дэн, мы должны найти полицию или еще кого-нибудь! Они не имеют права так делать!

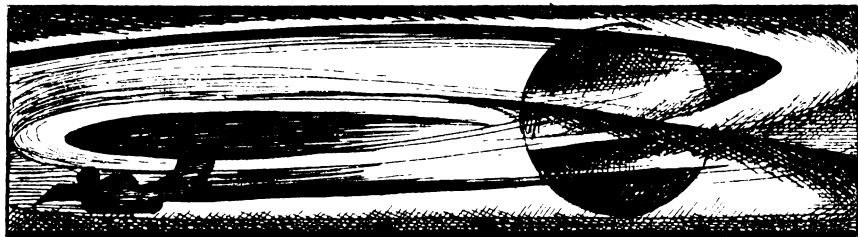
Лохматые брови Дэна удивленно поднялись.

— Кто, черт возьми, тебе сказал, что не имеют? Я работал на ублюдков, у которых было гораздо меньше денег, чем у Ред-шифт, и которые позволяли себе гораздо больше.

Лок застонал.

— Медицинский аппарат, — сказал Брайен. — Где здесь можно найти медицинский аппарат?

— Он не умер. Мы доставим его на корабль. Когда он придет в себя, я забираю свою плату и убираюсь с этой проклятой планеты! — Дэн скользнул взглядом от шпилей Нотр-Дам к противополо-

ложному берегу.— Земля недостаточно велика, чтобы на ней находились одновременно и я, и Австралия. Мне пора убраться отсюда,— он подsunул одну руку под колени Лока, другую — под плечи и поднялся.

— Ты хочешь нести его?

— Ты думаешь, есть другой способ доставить его на корабль? — Дэн повернулся к лестнице.

— Но там должен быть...— Брайен последовал за ним.— Мы должны сделать...

На реке что-то засвистело. Брайен оглянулся.

Крылья скиммера, судна на подводных крыльях, скребли каменистое дно.

— Куда вы несете капитана фон Рея? — Руби, стоящая на переднем сидении, была одета в темный плащ.

— На его яхту, мэм,— ответил Дэн.— Похоже, его здесь не слишком хорошо приняли.

— Перенесите его в лодку.

— Я не думаю, чтобы мы рискнули оставить его в чьих-то руках в этом мире.

— Вы — его экипаж?

— Совершенно верно,— сказал Брайен.— Где вы собираетесь найти ему доктора?

— Я хотела доставить его в космопорт Де Бло. Вы должны покинуть Землю. И чем быстрее, тем лучше.

— Это мне подходит,— согласился Дэн.

— Кладите его сюда. Под сидением есть аптечка первой медицинской помощи. Если не удастся остановить кровотечение, воспользуйтесь ею.

Брайен шагнул на качающийся скиммер и начал рыться под сидением в тряпках и запасных цепях, пока не добрался до пластмассовой коробки. Скиммер опять накренился, когда Дэн шагнул на борт.

Руби, сидящая впереди, взяла кабель управления и подсоединила его к своему запястью.

Они со свистом понеслись вперед. Суденышко поднялось над водой и стало стремительно прорезать тени. Понт Сен-Мишель, Понт Нефи, Понт де Артс. Огни Парижа сияли по берегам.

Через минуту ажурная конструкция Эйфелевой башни, усыпанная огнями, проступила над домами. Справа, за каменным парапетом, за сикоморами, последние запоздалые троллеры двигались по освещенной фонарями Але де Сигнео.

— Хорошо,— согласился его отец.— Я расскажу.

— Я думаю, что ему надо что-то сделать со шрамом,— произнес фантом его матери из видеоколонны.— Прошло уже три дня, и чем дольше он будет оставлять шрам...

— Если он собирается ходить с таким видом, будто у него в голове произошло землетрясение, то это его дело,— ответил отец.— Но сейчас я хочу ответить на его вопрос,— он повернулся к Локу,— только прежде,— он подошел к стене и взглянул на город,— я должен рассказать тебе одну историю, которая совсем не похожа на то, что ты изучал у Косби...

Лето на Арке было в разгаре. За стеклянными стенами ветер нес розоватые облака. Когда порыв был слишком силен, голубые прожилки ветрозащитных оболочек сжимались, и расслаблялись, когда ветер со скоростью восьмидесяти миль в час пронесся дальше.

Пальцы его матери, униженные перстнями, нервно шевелились у края чашки. Отец, сцепив руки за спиной, смотрел на клочья облаков, несущихся с Тонга.

Лок, откинувшись на спинку стула, ждал.

— Что представляется тебе наиболее фактором современного общества?

Лок, помолчав, неуверенно произнес:

— Отсутствие прочных культурных...

— Забудь Косби. Забудь те вещи, о которых люди бубнят друг другу, когда хотят сказать что-то глубокомысленное. Ты — человек, который однажды сможет управлять одним из крупнейших капиталов Галактики. Если я задаю тебе вопрос, то хочу, чтобы ты, когда отвечаешь мне, помнил, кто ты есть. Это общество, в котором при получении какого-либо продукта половина его производится в одном мире, а другая половина — в тысяче световых лет от него. На Земле всего семнадцать элементов из сотен существующих вообще составляют девяносто процентов планеты. Возьми другой мир, и ты найдешь дюжину других элементов, составляющих от девяноста до девяноста девяти процентов всей массы. Двести шестьдесят пять обитаемых планет и спутников, входящих в сто семнадцать звездных систем, образуют созвездие Дракона. Здесь, в Федерации, мы имеем три четверти всего населения созвездия Дракона, заселяющего триста двенадцать миров. Сорок два заселенных мира Окраинных Колоний...

— Транспорт,— перебил Лок.— Перевозки людей между мирами. Ты это имел в виду?

Его отец перегнулся через каменный стол.

— Стоимость перевозки — вот что я имел в виду. И вот уже до-

лгое время наиважнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок, является иллирион — единственное средство для получения энергии, достаточной для движения корабля между планетами и звездами. Когда моему деду было столько же лет, сколько тебе сейчас, иллирион производили искусственно, всего по несколько миллиардов атомов зараз, и цена была очень высокой. Вскоре было обнаружено, что существует ряд звезд, расположенных вдали от центра Галактики, чьи планеты обладают небольшим количеством иллириона естественного происхождения. И примерно в то время, когда ты родился, стала возможной крупномасштабная разработка месторождений на тех планетах, которые теперь образуют Окраинные Колонии.

— Лок знает это,— вмешалась мать.— Я думаю, что он должен...

— Ты знаешь, почему Федерации Плеяд в скором времени будет политически независима от созвездия Дракона? Ты знаешь, почему в скором времени Окраинные Колонии будут политически независимы от созвездия Дракона и от Федерации Плеяд?

— Пап, ты задаешь вопросы, а не отвечаешь на них.

Его отец вздохнул.

— Я стараюсь. До того, как на Плеядах появились поселения, переселение из созвездия Дракона производилось национальными правительствами Земли и корпорациями, подобными Ред-шифт. Именно они устанавливали стоимость перевозок. Новые колонии субсидировались, управлялись и принадлежали Земле. Они становились частью Земли, а Земля оставалась центром созвездия Дракона. Как раз тогда инженерами Ред-шифт Лимитед была разрешена такая техническая проблема, как создание космических кораблей с высокочувствительным управлением, способных летать в таких областях космоса, как действующие межзвездные туманности и звездные скопления типа Плеяд с высокой концентрацией массивных звезд. Какая-нибудь спиральная туманность до сих пор является источником хлопот, когда ты идешь на своей маленькой яхте. Но она была бы совершенно непроходима для корабля, построенного двести пятьдесят лет назад. Твой прапрадедушка еще во времена начала исследования Плеяд хорошо осознавал то, что я тебе говорю сейчас: стоимость перевозок — это наиважнейший фактор нашего общества. А внутри Плеяд стоимость перевозок гораздо ниже, чем внутри созвездия Дракона.

Лок задумался.

— Ты имеешь в виду расстояния?

— Плеяды в своей центральной области имеют всего тридцать световых лет в поперечнике и восемьдесят пять в длину. Около трехсот звезд втиснуто в это пространство, причем многие из них находятся на расстоянии менее светового года друг от друга. Звез-

ды же созвездия Дракона образуют целую ветвь Галактики около шестнадцати тысяч светолет длиной. Есть большая разница в стоимости, когда ты перепрыгиваешь на крохотные дистанции внутри Плеяд или преодолеваешь громадные расстояния созвездия Дракона... Существуют разные типы людей, переселившихся на Плеяды: мелкие дельцы, занимающиеся сразу всем понемногу, объединенные группы колонистов, даже частные граждане — богатые, но тем не менее, частные. Твой прадед прибыл сюда с тремя грузовыми кораблями, набитыми солониной, разборными щитовыми и утепленными домами, горняцким инструментом и сельскохозяйственным инвентарем. Товар годился для любого климата. Большинство этого добра он вывез из созвездия Дракона. Два корабля, между прочим, были вскоре угнаны. Он вынужден был приобрести пару атомных пушек. Он мотался от поселения к поселению и предлагал свои товары. И каждый у него что-нибудь покупал.

— Под дулами пушек?

— Нет. Он просто предлагал премию за покупку определенного количества солонины, и им было выгодно ее приобретать. Видишь ли, тот факт, что стоимость перевозок была низка, не препятствовал правительствам и крупным корпорациям в их старании проникнуть в Плеяды. Но любой корабль, снаряженный каким-нибудь мультимиллионером созвездия Дракона, а также всех представителей монополий, стремящихся распространить свое влияние на новые территории, твой дед просто вышвыривал вон.

— Он их еще и грабил в придачу? — спросил Лок. — Он шел к власти через обломки кораблей?

— Он никогда об этом не говорил. Я знаю только, что у него было мировоззрение, которое он демонстрировал всеми доступными ему способами при каждом удобном случае. В течение всей своей жизни он не позволял Плеядам стать частью созвездия Дракона. В независимости Плеяд он видел шанс стать наиболее влиятельным человеком в политике. Плеяды со временем могли бы составить конкуренцию созвездию Дракона. Твой прадед достиг этого еще до того, как мой отец достиг твоего возраста.

— Но я пока не понимаю, какое отношение все это имеет к Ред-шифту?

— Ред-шифт была одной из крупнейших компаний, предпринимающей наиболее настойчивые попытки проникнуть в Плеяды. Они пытались отсудить ториевые разработки, которыми сейчас управляет отец твоего школьного приятеля доктор Седзуми. Они собирались развернуть сбор пластичного лишайника на Секл-4. И каждый раз прадед вышвыривал их. Ред-шифт — это перевозки, и когда стоимость перевозок упадет по сравнению с количеством производимых кораблей, Ред-шифт почувствует у себя на шее петлю.

— И это то, за что Принс Ред называет нас пиратами?

— Пару раз Аарон Ред-первый (отец Принса — Аарон Ред-третий) посылал своих наиболее наглых племянников во главе экспедиций, пытающихся проникнуть в Плеяды. Я знаю о троих. Они не возвратились. Во времена моего отца эта вражда еще оставалась делом чести. Каждое действие вызывало ответный удар. Эти отношения улучшились только после того, как Федерация Плеяд получила в двадцать шестом году Декларацию Независимости. Один из моих проектов, предложенных, когда я был в твоём возрасте, помог положить конец вражде. Мой отец перевел кучу денег Гарварду, построил там лабораторию и послал меня туда учиться. На Земле я женился на твоей матери и часто проводил время за разговорами с Аароном, отцом Принса. Этого было не так уж трудно добиться, тем более, что независимость Плеяд была общепризнанным фактом на протяжении целого поколения, и Ред-шифт уже долгое время не приходилось опасаться прямых угроз с нашей стороны. Мой отец приобрел участок в Новой Бразилии — это было то время, когда разработки месторождений в Окраинных Колониях только-только начинались — главным образом для того, чтобы иметь удобный повод завязать деловые отношения с Ред-шифт. Я никогда не говорил тебе о вражде, потому что не видел в этом нужды.

— Принс, должно быть, приходит в бешенство от одной мысли об этой склоке, которую вы с Аароном затеяли еще до того, как мы появились на свет.

— Я ничего не могу сказать про настроения Принса, но ты должен четко усвоить: что является важнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок?

— Залежи иллириона в Окраинных Колониях.

— А это опять же рука на глотке Ред-шифт, — сказал его отец. — Ты понимаешь это?

— Добыча природного иллириона гораздо дешевле, чем его производство.

— Даже если этой работой занимаются миллионы миллионов людей. Даже если три дюжины конкурирующих компаний созвездия Дракона и Плеяд рвутся разрабатывать месторождения иллириона Окраинных Колоний и субсидировать широкое перемещение трудовых ресурсов со всей Галактики. Что ты считаешь главным отличием Окраинных Колоний от созвездия Дракона и Плеяд?

— Это должен быть иллирион, который у остальных начисто отсутствует.

— Да. Но вот еще что: созвездие Дракона заселялось представителями имущих классов Земли. Население Плеяд — люди со средним достатком. И хотя в Окраинные Колонии вкладывают капитал те, кто имеет деньги и в Плеядах, и в созвездии Дракона, население Колоний составляют люди из беднейших слоев. Различия

культур — меня не заботит, что вам там говорили преподаватели общественных наук у Косби — и различия в стоимости перевозок — вот что гарантирует окончательную независимость Окраинных Колоний. И Ред-шифт снова бросается на каждого, кто имеет отношение к добыче иллириона, — он махнул рукой в сторону сына. — И вот ты избит.

— Но мы же владеем только одним рудником. Деньги поступают к нам с огромного количества предприятий Плеяд, небольшая часть — с недавних пор — из созвездия Дракона, а залежи на Сяо Орини такая мелочь.

— Все это так, но ты когда-нибудь видел отрасли, которыми бы мы не управляли?

— Что ты имеешь в виду, папа?

— У нас вложено очень много денег в производство разборных домов и продовольствия. Мы имеем капитал в производстве компьютеров и мелкой вычислительной техники. Мы делаем корпуса иллирионовых батарей, разъемы и гнезда к ним, мы ведем широкую разработку месторождений на других планетах. Когда я встретился с Аароном Редом в последний раз, во время прошлого путешествия, то сказал ему, конечно, в шутку: «Ты знаешь, если бы стоимость иллириона была вдвое меньше теперешней, я в течение года смог бы начать производство космических кораблей по цене в два раза ниже, чем продашь ты». И знаешь, что он мне ответил — тоже в шутку? — Лок покачал головой. — «Я это знаю уже десять лет».

Мать Лока поставила чашку на столик.

— Я считаю, что ему надо подумать о своем лице. Ты такой симпатичный мальчик, Лок. Прошло уже три дня с тех пор, как этот австралиец привез тебя домой. Этот шрам может...

— Дана, — оборвал ее отец. — Лок, можешь ли ты придумать способ снижения стоимости иллириона в два раза?

Лок наморщил лоб.

— Зачем?

— Я считаю, что при нынешних темпах расширения разработок месторождений иллириона Окраинные Колонии смогут лет через пятнадцать понизить стоимость иллириона на четверть. Но за это время Ред-шифт постарается с нами покончить, — он помолчал. — Захватить все, чем владеют фон Реи и, в конце концов, всю Федерацию Плеяд. Наше падение будет долгим и оглушительным. И единственное наше спасение — покончить с ними первыми, а единственный способ сделать это состоит в том, чтобы найти возможность получать иллирион с половинными затратами, не дожидаясь, пока цена снизится до трех четвертей, и производить корабли, — отец сцепил руки за спиной. — Я не хотел, чтобы ты вмешивался во все это, Лок, рассчитывая, что это дело закончится уже при моей жиз-

ни, но Принс взялся нанести первый удар. Так что только к лучшему, что тебе стало все известно.

Лок посмотрел на свои руки и сказал:

— Я верну ему этот удар.

— Нет,— вмешалась мать.— Это не лучший способ решения проблемы, Лок. Ты не должен встречаться с Принсом, ты не должен даже и думать о возвращении...

— Я и не собираюсь,— Лок поднялся и направился к занавесам.— Мам, пап, я пойду.

— Лок,— сказал отец,— я вовсе не хотел расстраивать тебя. Я просто хотел, чтобы ты знал...

Лок раздвинул занавесь.

— Я пойду на «Калибан». Пока.

Драпировка за ним задернулась.

— Лок!..

Его звали Лок фон Рей, и он жил в столице Федерации Плеяд, в Арке, на Экстол Парк — 12. Он шел рядом с движущейся дорожкой. За ветрозащитными щитами цвели зимние сады города. Люди оглядывались на него. Это из-за шрама. Он думал об иллирионе. Люди оглядывались, но отводили взгляды, когда он поворачивался. Здесь, в центре Плеяд, он сам был фокусом внимания. Однажды он попробовал сосчитать количество денег, проходящее через руки его семьи. Прогуливаясь мимо прозрачных стен скрытых улиц Арка, слушая звуки, выпускаемые блестящими лишайниками в зимних садах, он ощущал себя сосредоточием миллиардов. Каждый пятый прохожий — так говорил один из статистиков его отца — получал свое жалование, прямо или косвенно, у фон Реев. А теперь Редшифт была готова объявить войну той целостной структуре, которой являлись фон Рей, и это сосредотачивалось на нем, как на наследнике фон Реев. В джунглях Сяо Орини водились шипящие, похожие на ящериц с воротником из белых перьев, существа. Горняки ловили их, морили голодом, а потом скармливали в яме, а сами делали на них ставки. Сколько миллионов лет прошло с тех пор, когда предки этих трехфутовых ящериц были гигантскими стометровыми монстрами, и люди, населявшие раньше Новую Бразилию, поклонялись им и высекали их головы в натуральную величину у подножия храмов? Но этих людей не стало, а над потомками богов этой расы, измельчавших в процессе эволюции, издевались пьяные горняки, в то время, как ящерицы царапались, верещали и грызлись друг с другом. А он был фон Рей, Лок фон Рей. Так или иначе, а стоимость иллириона надо было снизить вдвое. Можно заполнить рынок чем угодно, но где можно раздобыть то, что является редчайшим веществом во всей Вселенной? Нельзя же добраться до центра звез-

ды и зачерпнуть из его пламени, в котором атомные ядра, объединяясь в группы, образуют все известные в Галактике вещества. Он мельком взглянул на свое отражение в одной из зеркальных колонн и остановился, вспомнив свое появление в Нью-Лимани. Шрам пересекал его полногубое и желтоглазое лицо, и там, где он изгибался петлей, Лок заметил, что вновь отросшие волосы были такими же, как у его отца: мягкие и ярко-желтые, словно пламя.

— Где ты можешь достать такое количество иллириона? — он отвернулся от зеркальной колонны. — Где?

— Вы спрашиваете меня, капитан? — Дэн поднял кружку с вращающегося полукруга и поставил ее на колени. — Если бы я знал, то не шлялся бы сейчас вокруг этого поля, — он отхлебнул половину кружки и тыльной стороной ладони вытер пену, осевшую на щетине вокруг губ. — Когда вы собираетесь штопать свое лицо?

Лок, откинувшись на спинку стула, смотрел сквозь потолок. Яркие огни вокруг поля позволяли видеть не более сотни звезд. Сквозь потолок был виден калейдоскоп сжимающихся оболочек ветровой защиты, а между ними голубыми, изумрудными и красноватыми огоньками светились звезды.

— Скажите, капитан, если вы хотите подняться на балкон...

На втором этаже бара офицеры грузовых кораблей и члены экипажей лайнеров, перемешавшись со спортсменами, обсуждали маршруты и условия работы в космосе. Нижний этаж был забит механиками и киборгами коммерческих кораблей. В углу вовсю шла карточная игра.

— Я должен найти работу, капитан. От того, что я ночую в кормовой каюте «Калибана» и каждый вечер имею выпивку, толку мало. Я должен освободить вас от своего присутствия.

Снова налетел ветер. Задрожали оболочки, закрывая звезды.

— Дэн, — задумчиво произнес Лок. — Ты хоть раз думал, когда мы летели меж звезд, что каждая из них — это гигантская печь, в которой расплавлены миры нашей Империи? Каждый из сотен существующих элементов создается в ней из чистого ядерного вещества. Возьми вот эту, — он ткнул пальцем в прозрачную крышу, — или любую другую: непосредственно в данный момент там появляются золото, радий, азот и сурьма в количествах прямо-таки грандиозных, больших, чем Арк или Земля. И иллирион там тоже имеется, Дэн! — он засмеялся. — Предположим, что мы нашли какой-то способ нырнуть в одну из этих звезд и зачерпнуть там то, что мне надо, — он снова рассмеялся, но смех застрял у него в груди. В нем слышались боль, отчаяние и ярость. — Предположим, что мы смогли остановиться у края одной из этих звезд перед тем, как она стала Новой, и стали ждать, пока то, что нам нужно, не выплеснется нам навстречу, и мы смогли захватить этот выброс. Но Новы —

это угасание, а не взрыв, а, Дэн? — он толкнул Дэна в плечо. Жидкость в кружке плеснула через край.

— Капитан, мне однажды пришлось быть внутри Новы, — Дэн ударил ладонью по тыльной стороне другой кисти.

— Был? — Лок вдавил голову в спинку кресла. Вверху мерцали звезды.

— Корабль, на который меня взяли, был затянута Новой. Это было десять лет назад.

— Тебе, наверное, хотелось тогда оказаться в каком-нибудь другом месте?

— Но я был именно там. И мы выбрались!

Лок глянул вниз сквозь прозрачный пол. Дэн сел на зеленую скамью, кружка исчезла в его ладонях.

— Вот как?

— Да, — Дэн бросил взгляд на свое плечо, где болтался кое-как пришитый кусок форменки. — Мы свалились туда, а потом выбрались.

Лицо Лока сделалось задумчивым.

— Эй, капитан! Вы не очень-то хорошо выглядите.

Лок, уже который раз смотрясь в зеркало, обнаруживал, что лицо его имеет вовсе не то выражение, какое он ожидал увидеть. Шрам делал лицо абсолютно чужим.

— В чем дело, Дэн?

Австралиец глядел на свою кружку, на дне которой не было ничего, кроме пены.

Лок надавил на контактную пластину в подлокотнике кресла. Еще две кружки поплыли по кругу к ним.

— Что мне и было нужно, капитан, — Дэн протянул к ним руку. — Одна — ваша. Идите сюда.

Лок отхлебнул из кружки. Лицо его было неподвижно и абсолютно ничего не выражало.

— Вам известен Институт Алкэйна? — Дэн повысил голос, чтобы его было слышно через веселые выкрики и смех из угла, где двое механиков, мужчина и женщина, начали бороться на трамплине. В стаканах зрителей плескалось спиртное. — На Ворписе, в созвездии Дракона, у них есть большой музей с лабораториями и всякой всячиной, где они изучают вещи вроде Новых.

— Там куратором моя тетя, — голос Лока был тихим, слова следовали друг за другом почти без пауз.

— Да? Во всяком случае, они посылают своих людей туда, где, по их сведениям, звезда становится активной...

— Смотри! Она побеждает!

— Нет! Видишь, он захватил ее руку!

— Эй, фон Рей, кто, по-вашему, победит: мужчина или женщина? — группа офицеров спускалась по пандусу, чтобы посмотреть

схватку. Один из них положил руку на плечо Лока, потом перевернул ее ладонью вверх. В ней была зажата десятифунтовая банкнота.

— Я сегодня не делаю ставок,— Лок стряхнул руку с плеча.

— Лок, я ставлю два к одному на женщину!..

— Я возьму твои деньги завтра,— ответил Лок.— Иди.

Юный офицер что-то недовольно пробурчал и повернулся в сторону своих товарищей. Но Лок ожидал от Дэна предложения.

Дэн оторвался от бойцов.

— Кажется, сперва какой-то грузовик, затерявшийся в приливном течении, заметил кое-что забавное в спектральных линиях звезды в паре световых лет от себя. Звезды состоят, в основном, из водорода, но тут вовсю шло увеличение содержания тяжелых элементов в газах короны. Это было странным. Когда их нашли, они доложили о замеченном картографическому обществу Алкэйна, которое высказало предположение, что это было зарождение Новы. Поскольку оболочки обычной звезды и Новы абсолютно одинаковы, нельзя заметить начало перехода при помощи спектрального анализа и прочих таких штук. Алкэйн послал целую команду наблюдать за Новой. За последние пятьдесят лет они изучили их штук двадцать или тридцать. Они располагают кольцом искусственных станций вокруг звезды примерно на таком же расстоянии, как расстояние Меркурия от Солнца. Станции посылают телевизионное изображение поверхности звезды и сгорают тотчас же, как только начинается превращение звезды в Нову. Ученые располагают кольца станций через определенное расстояние друг от друга. Эти станции посылают ежесекундные сообщения о происходящем. А на расстоянии световой недели они размещают обитаемую станцию, персонал которой покидает ее сразу же в момент вспышки. Так вот, я был на корабле, который должен был доставить персонал на одну из таких обитаемых станций, кружащуюся вокруг звезды в ожидании, когда она рванет. Вы знаете, что время, за которое звезда увеличивает свою яркость в двадцать-тридцать раз — всего два-три часа?

Лок кивнул.

— Они до сих пор не умеют предсказывать, когда звезда, которую они наблюдают, взорвется. До сих пор не могут понять, как это получилось, но звезда, к которой мы шли, взорвалась как раз тогда, когда мы подходили к станции. То ли складка пространства, то ли поломка приборов, но мы проскочили станцию и помчались прямо на звезду, которая взорвалась час назад,— Дэн вытянул губы, сдувая пену.

— Очень хорошо,— сказал Лок.— Жар должен был разложить вас на атомы еще тогда, когда вы были на таком же расстоянии от звезды, на каком находится Плутон от Солнца. Вас должна была убить ударная волна. Гравитационный всплеск должен был разломать корабль на кусочки! Количество радиации, обрушившейся на

корабль, было столь огромным, что вся органика на корабле должна была разрушиться, а каждый атом превратиться в ионизированный водород!..

— Капитан, я могу, не задумываясь, назвать еще семь таких же доводов. Конечно, ионизация должна была быть... — Дэн помолчал. — Но ничего такого не было! Наш корабль был засосан прямо в центр звезды и выброшен наружу. Мы опомнились целые и невредимые в двух световых неделях от звезды. Капитан сразу же, как только понял, что произошло, сообразил отключить контакты, связанные со зрительными нервами, и мы падали вслепую. Часом позже он произвел проверку и был страшно удивлен, что все оказалось в порядке. Но приборы записали наш путь. Мы прошли прямо-ком сквозь Нову! — Дэн закончил свою кружку и покосился на Лока. — Капитан, вы опять плохо смотрите.

— И как это объяснить?

Дэн пожал плечами.

— После того, как мы попали в руки Института Алкэйна, они там носились с кучей разных предположений. Они бубнили насчет того, что при взрыве звезды, поверхность которой в два-три раза больше поверхности планеты средних размеров, температура достигает всего тысячи градусов Цельсия. Такая температура может и не повредить корабль. Наверное, мы были затянuty одной из таких звезд. Некоторые полагали, что пульсации энергии внутри Новы поляризованы в одном направлении, тогда как что-то поляризовало пульсацию энергии корабля в другой плоскости, так что эти потоки не затронули друг друга. Была еще куча всяких теорий, старающихся все это увязать. Мне больше понравилась та, где говорилось, что когда время и пространство подвергаются таким напряжениям, как это происходит при взрыве Новы, законы, управляющие механикой или физикой в известном нам виде, просто «неработоспособны», — Дэн снова пожал плечами. — Они так толком ничего и не решили.

— Гляди! Гляди! Он снова повалил ее!

— Раз, два... Нет, высвободилась...

— Нет, он заделал ее! Заделал!

Улыбающийся механик на трамплине перешагнул через свою соперницу. Поддюжины рук тянулись к нему со стаканами: по обычаю он должен был выпить столько, сколько сможет, а проигравший — что останется. Несколько букмеров спустились в зал, чтобы поздравить победителя и принять ставки на следующую схватку.

— Мне кажется... — задумчиво протянул Лок.

— Капитан, я знаю, что вы ничего не можете поделать, но все-таки по-с т а р а й т е с ь не смотреть так.

— Мне кажется, что у Алкэйна должны быть отчеты об этом полете к Нове, Дэн.

— Думаю, что да. Я говорил, что это было лет десять...

Лок спрятал лицо в ладонях. У него невольно сжалось сердце, когда он полностью осознал, что за идея мелькнула у него в голове. Шрам, рассекший его лицо, придавал теперь ему выражение нестерпимой боли.

Дэн снова стал что-то говорить. Потом поднялся и с выражением невероятного изумления на лице ушел.

Его звали Лок фон Рей. Он должен был повторить это про себя. Он сидел, глядел вверх и чувствовал себя совершенно разбитым. Идея, осенившая его, оставила в его мозгу такой же след, как рука Принса на его лице. Он моргнул, стараясь разглядеть звезды. А звали его...

(Созвездие Дракона. Полет «РУХА». 3172 год)

— Да, капитан фон Рей?

— Убери боковые паруса.

Мышонок повиновался.

— Мы попали в устойчивое течение. Боковые паруса убрать полностью. Линчес и Айдас, останетесь на своих местах и смотрите в оба. Остальные пока могут отключиться, — голос Лока перекрывал музыку космоса.

Вынырнув из ярко-алого потока, сквозь который тускло светились звезды, Мышонок зажмурился. Открыв глаза, он оглядел каюту.

«Ольга» мигала огоньками.

Мышонок сел на койку, чтобы отключиться.

— Посмотрим, какие вы есть, — продолжал капитан. — Мышонок, захвати с собой свой...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

(Созвездие Дракона. Полет «РУХА». 3172 г.)

Мышонок вытащил кожаный футляр из-под койки и повесил его на плечо.

— ...свой сенсо-сиринкс с собой.

Дверь мягко хлопнула. Мышонок остановился на третьей ступеньке лестницы, спускавшейся в покрытой голубым ковром коридор «Руха».

Спиральная лестница была испещрена тенями от изогнутых металлических языков под потолочными лампами, бросающих отблески на стены, и листьев филодендронов, закрывающих зеркальную мозаику.

Катин уже сидел перед игровой доской для трехмерных шахмат и расставлял фигуры. Последняя ладья со щелчком встала на свое место, и пузырчатый стул-шар студенистого глицерина, обволакивающий сидящего в нем человека, тихонько закачался.

— Отлично. Кто хочет сыграть первым?

Капитан фон Рей стоял на верхней ступеньке спиральной лестницы. Немного помедлив, он начал спускаться, и его разбитое отражение замелькало в зеркальной мозаике стен.

— Капитан! — Катин поднял голову. — Мышонок! Кто из вас хочет сыграть?

Тай и Себастьян, выйдя из сводчатой двери, шли по пандусу над большим, занимающим треть помещения, облицованным липой бассейном.

Удар ветра.

Вода подернулась рябью.

Чернота раскрылась парусом над их головами.

— Ко мне! — Это Себастьян.

Его рука заняла привычное положение, и стального цвета свора метнулась к нему. Громадные звери, облепив его, внезапно уменьшились в размерах и теперь висели, словно тряпки.

— Себастьян! Тай! Вы будете играть? — Катин повернулся к пандусу. — Это моя страсть. Но игра мне всегда удается, — он посмотрел вверх, снова взял ладью и стал рассматривать черную сердцевину кристалла. — Скажите, капитан, эти фигурки — подлинные?

Рыжие брови фон Рея поползли вверх.

— Нет.

Катин усмехнулся.

— О!

— Откуда они? — Мышонок пересек ковер и остановился позади Катина. — Я никогда раньше не видел таких фигурок.

— Забавный для шахматных фигур стиль, — произнес Катин. — Республика Вега. Ты, наверное, часто видел их мебель и архитектуру?

— Где это — Республика Вега? — Мышонок взял в руку пешку: внутри кристалла — настоящая звездная система с вкрапленным в сердцевину драгоценным камнем.

— Теперь — нигде. Это связано с восстанием в двадцать восьмом веке, когда Вега решила отделиться от Созвездия Дракона. И потерпела неудачу. В искусстве и архитектуре этого народа много взято от наших достижений. Я считаю, что было нечто героическое во всех этих делах. Они, конечно, старались изо всех сил быть оригинальными — последняя подборка культурной автономии и тому подобных вещей. И это, в конце концов, превратилось во что-то вроде салонной игры в политику с тем, чтобы только оставить свой след

в истории, — он взял другую фигурку. — Но мне нравятся некоторые деятели этого народа. У них тогда появилось трое великолепных музыкантов. Хотя только один из них имел отношение к восстанию. Но большинству людей это неизвестно.

— Вот как? — сказал Мышонок. — Отлично! Я сыграю с тобой, — он обошел шахматную доску и сел на зеленый глицериновый шар. — Какие выбираешь, черные или желтые?

Фон Рей протянул руку над плечом Мышонка к панели управления, размещенной на подлокотнике кресла, и нажал на переключатель. Огоньки внутри игровой доски исчезли.

— Эй, почему?.. — хриплый шепот Мышонка огорченно прервался.

— Возьми свой сиринкс, Мышонок, — Лок подошел к каменной скульптуре на желтых изразцах. — Если бы я приказал тебе показать нам Нову, Мышонок, что бы ты сделал? — он присел на каменный выступ.

— Не знаю. Что вы имеете в виду? — Мышонок вынул из футляра инструмент. Большой палец чиркнул по клавишам. Пальцы прошлись по индукционной панели, розовый свет рассыпался по ее кнопкам.

— Я уже сказал. Сделай Нову!

Мышонок помедлил. Внезапно его руки метнулись к клавишам.

Вспышка и грохот. Огненные вихри закружились в пылающей бездне, стягиваясь в гигантскую воронку перекрученного пространства и времени.

— Спокойно! — прикрикнул на своих зверей Себастьян. — Ну-ка, спокойно!

Лок засмеялся.

— Неплохо! Иди сюда. Нет, захвати свою чертову арфу, — он подвинулся, освобождая место. — Покажи, как она работает.

— Показать вам, как играть на сиринксе?

— Вот именно.

Целая гамма чувств отразилась на лице Мышонка.

— Обычно я не разрешаю баловаться с моим инструментом, — губы и веки его подрагивали.

— Расскажи!

Губы Мышонка сжались. Он сказал:

— Дайте руку, — голубое свечение появилось перед ними, как только он разместил пальцы капитана на панели образорезонатора. — Теперь глядите сюда, — Мышонок указал на переднюю часть сиринкса. — Эти вот три линзы создают за собой голограммную решетку. Там, где сейчас голубое зарево, фокусируется трехмерное голографическое изображение. Яркость и интенсивность регулируются вот тут. Подвиньте руку вперед. — Свет стал ярче. — Теперь — назад. — Свет ослаб.

— А как ты создаешь образ?

— Я обучался этому год, капитан. Смотрите дальше. Эти струны управляют звуком. Каждая струна — это не своя нота, а своя текстура звука. Высота изменяется перемещением пальца вперед или назад. Вот так, — он взял аккорд, и медные инструменты и человеческие голоса зазвучали, вибрируя и жалуюсь. — Вы хотите, чтобы был запах? Смотрите сюда. А эта кнопка управляет плотность образа. Вы можете сделать все это направленным с помощью...

— Предположим, Мышонок, что есть лицо девушки, которое я хотел бы воссоздать, звук ее голоса, произносящего мое имя, ее запах. Теперь у меня в руках твой сиринкс, — он взял инструмент из рук Мышонка. — Что мне надо сделать?

— Практиковаться. Капитан, поймите, я действительно не люблю, когда посторонние балуются с моим инструментом! — он потянулся за сиринксом.

Лок поднял сиринкс над головой и рассмеялся.

— Держи.

Мышонок взял сиринкс и быстро отошел к шахматной доске. Он рывком раскрыл футляр и положил туда инструмент.

— Практиковаться, — повторил Лок. — А у меня нет времени. Если только я собираюсь вырвать у Принса Реда иллирион, а?

— Капитан фон Рей?

Лок поднял голову.

— Вы не хотите рассказать нам о том, что вы собираетесь делать дальше?

— Что ты хочешь знать?

Рука Катина задержалась на переключателе шахматной доски.

— Куда мы направляемся? Как мы туда доберемся? И зачем?

Лок помедлил некоторое время.

— О чем ты спрашиваешь, Катин?

Шахматная доска замигала огоньками, осветив лицо Катина.

— Вы затеяли игру против компании Ред-шифт Лимитед. Какие в ней правила? И каков выигрыш?

Лок покачал головой.

— Попробуй еще раз.

— Хорошо. Как мы возьмем иллирион?

— Да, как мы его возьмем? — нежный голос Тай заставил всех обернуться. Стоя рядом с Себастьяном у пандуса, она тасовала колоду карт. — В звездную вспышку нырнув? — она покачала головой. — Как, капитан?

Сцепленные ладони Лока обхватили колени.

— Линчес? Айдас?

На противоположных стенах висели два шестифутовых позолоченных каркаса. В одном, как раз над головой Мышонка, лежал на

боку Айда, освещенный огоньками своего компьютера. На другой стороне каюты, внутри такого же каркаса, скорчился на кабелях Линчес.

— Когда ведете корабль, слушайте, о чем мы говорим.

— Понял, капитан, — пробормотал Айда, словно сквозь сон. Лок поднялся, сцепив руки за спиной.

— Прошло довольно много времени с того момента, как я впервые задал себе этот вопрос. Человеком, который ответил на него, был Дэн.

— Слепой Дэн? — спросил Мышонок.

— Дэн, который прыгнул? — это Катин.

Лок кивнул.

— Вместо этого здорового грузовика, — он взглянул вверх, туда, где изображения звезд, разбросанные по высокому темному потолку, напоминали, что, окруженные бассейнами, папоротниками, каменными фигурами, они все же неслись в немыслимой бездне между многочисленными мирами, — у меня была гоночная яхта, на которой Дэн был киборгом. Однажды ночью в Париже я слишком задержался на одной вечеринке, и Дэну пришлось доставлять меня домой, в Арк. Он вел яхту в одиночку. Другой мой киборг, один парнишка из колледжа, струсил и убежал, — он покачал головой. — Это даже к лучшему... Откуда бы я взял столько иллюзиона, чтобы положить на лопатки Ред-шифт до того, как она положит на лопатки нас? Я задал этот вопрос Дэну, когда однажды вечером мы сидели в баре рядом с яхт-клубом. Зачерпнуть из звезды? А Дэн ткнул себя пальцем в живот и сказал: «Я был однажды затянута Новой». — Лок обвел взглядом помещение. — Это заставило меня выпрямиться в кресле и слушать внимательно.

— Что с ними случилось? — спросил Мышонок. — Почему они мотались там столько времени и так близко, что позволили затянуть себя? Вот что меня интересует!

Катин вернул ладью на место и откинулся в своем студенистом кресле.

— Продолжайте. На чем прошел Дэн сквозь этот фейерверк?

— Он был в экипаже корабля, доставлявшего продовольствие и оборудование для иной из исследовательских станций Института Алкэйна, когда звезда грохнула.

Мышонок оглянулся назад, на Тай и Себастьяна, которые все еще стояли около пандуса. Тай снова машинально тасовала карты.

— После тысяч лет познания, познания того, что под носом, и того, что немыслимо далеко, немного обидно, что мы многого не знаем о том, что происходит в центре грандиозных звездных катастроф. Состав поверхности звезды не меняется, но строение вещества внутри звезды нарушается процессами, которые мы до сих пор не в состоянии понять. Это может быть эффект приливных гармоник.

Это могут быть шуточки демонов Максвелла. Самое большее, превращение звезды в Нову длится полтора года, но такие звезды, как правило, засекают только тогда, когда внутренние процессы уже идут вовсю. Обычно время, за которое Нова достигает максимальной светимости, равно нескольким часам с момента вспышки. В случае Сверхновой (а их в нашей Галактике было замечено всего две — одна в тринадцатом веке в Кассиопее и одна, безымянная, в двадцать четвертом веке, и ни одна из них не была изучена подробно) вспышка длится несколько дней. Яркость Сверхновой превосходит обычный уровень в несколько сотен тысяч и миллионов раз. Яркость и уровень радиоизлучения Сверхновой превышают суммарную светимость всех звезд Галактики. Алкэйн открыл некоторые другие галактики только потому, что в них вспыхнула Сверхновая, и почти полная аннигиляция одной звезды сделала видимой целую галактику с миллиардами звезд.

Тай пересыпала карты из ладони в ладонь.

— А что случилось с Дэном? — спросил Себастьян, прижимая зверей к коленям.

— Его корабль затянуло и пронесло через центр звезды через полчаса после начала вспышки, а затем вышвырнуло наружу, — желтые глаза Лока остановились на Катине. Различать оттенки эмоций на изуродованном лице было довольно сложным занятием.

Катин, напряженно рассматривавший Лока, опустил плечи и постарался расслабиться в своем кресле.

— На принятие решения оставались считанные секунды. Все, что капитан успел сделать, это отключить киборгов от всех внешних сигналов.

— Они вслепую летели? — спросил Себастьян.

Лок кивнул.

— Совершенно верно.

— Это была Нова, в которой Дэн побывал до встречи с вами, Нова номер один? — произнес Катин.

— Да.

— Что же случилось во второй раз?

— То же, что и в первый, за исключением одной вещи. Я отправился к Алкэйну и просмотрел все, что имело отношение к этому случаю. Корпус корабля был исполосован следами столкновений со сгустками звездной материи. То, что способно пробить защиту корабля, должно состоять из твердого ядерного вещества центра Новы. То, что могло так выщербить защитный слой, должно было состоять из внутризвездной материи. Оно должно состоять из элементов с гигантскими, в три-четыре раза тяжелее, чем у урана, ядрами.

— Вы хотите сказать, что корабль бомбардировали метеориты из илириона? — перебил Мышонок.

— То, что произошло во второй Нове, — Лок снова взглянул на

Катина, — заключалось в том, что после того, как наша экспедиция была организована в полнейшей секретности, после того, как другая Нова была найдена через мою тетку с помощью Института Алкэйна, причем никто не был в курсе того, зачем мы туда направляемся, после того, как экспедиция стартовала и была уже в пути, я постарался воспроизвести начальные условия первого случая, когда корабль Дэна падал на звезду, настолько точно, насколько смог, то есть все маневры выполнялись вслепую, я отдал приказ экипажу отключить линии внешних сигналов. Дэн, поступив вопреки приказу, решил взглянуть на то, что ему не удалось увидеть в прошлый раз, — Лок поднялся и повернулся спиной к экипажу. — Мы даже еще не вошли в зону, где кораблю могла угрожать какая-либо физическая опасность. Вдруг я почувствовал, что один из парусов резко повело в сторону. А потом я услышал вопль Дэна, — он обернулся к экипажу. — Мы развернулись, взяли курс на созвездие Дракона, добрались в попутном течении до Солнца и сели на Тритоне. Секретность кончилась два месяца назад.

— Секретность? — спросил Катин.

Лицо Лока перекосилось выражением, означающим улыбку.

— Ее больше нет. Я предпочел Тритон в созвездии Дракона Плеядам. Я распустил свой экипаж с наказом рассказывать все, что они знают, как можно большему количеству людей. Я позволил этому сумасшедшему Дэну шататься вокруг космопорта и болтать все, что ему вздумается, пока Геенна-3 не поглотила его. Затем я набрал вас прямо из толпы. Я рассказал вам обо всем, что я намерен делать. Кому рассказали вы? Сколько людей бормотали, почесывая затылки: «Веселенькое это дельце, а?» — рука Лока ухватилась за каменный выступ.

— Чего же вы ждали?

— Известия от Принса.

— И получили его?

— Да.

— Что в нем говорится?

— А это важно? — Лок издал звук, похожий на смех, только исходил он откуда-то из живота. — Я еще не проигрывал его.

— Почему? — удивился Мышонок. — Вы не хотите знать, что он говорит?

— Я знаю, что делаю я. Этого мне достаточно. Мы вернемся в Институт Алкэйна, выберем другую Нову... Мои математики выдвинули дюжины две теорий, которые объясняют феномен, позволяющий нам пройти сквозь звезду. В каждой из них этот эффект имеет место в течение нескольких часов, пока яркость звезды увеличивается до максимума.

— Сколько времени умирает Нова? — спросил Себастьян.

— Несколько недель, иногда до двух месяцев.

— Послание,— напомнил Мышонок.— Вы не хотите узнать, о чем говорит Принс?

— А ты хочешь?

Катин неожиданно навалился грудью на шахматную доску.

— Да.

Лок засмеялся.

— Отлично!

Он пересек каюту и еще раз дотронулся до панели управления на кресле Мышонка.

Краски внутри двухметрового овала, обрамленного золотистыми листьями, потускнели.

— Так. Вот чем ты занимался все эти годы! — сказал Принс.

Мышонок посмотрел на его обтянутые кожей выступающие челюсти и стиснул зубы. Он поднял взгляд на редкие, длинные волосы Принса и почувствовал, как стягивается кожа на лбу. Он подался вперед в своем кресле, его пальцы дернулись, словно желая воспроизвести на сиринксе этот узкий нос, эти два голубых колодца.

Глаза Катина расширились. Он невольно откинулся назад, каблуки его башмаков сгрудили ковер.

— Я не знаю, что ты там задумал сделать. Меня это мало беспокоит. Но...

— Это Принс? — прошептала Тай.

— ...ты проиграешь. Поверь,— Принс улыбнулся.

Шепот Тай перешел в хриплое дыхание.

— Нет. Я даже не знаю, куда ты собираешься. Но смотри! Я буду там первым! А потом,— он поднял руку в черной перчатке,— посмотрим! — Он наклонился вперед так, что его ладонь заполнила весь экран. Кулак метнулся вперед, посыпались осколки стекла...

Тай вскрикнула.

Принс ударил протезом по объективу камеры и разбил его. Мышонок взглянул на Тай. Она выронила свои карты.

Звери завозились, замахали крыльями, ветер разбросал карты Тай по коврику.

— Ничего,— сказал Катин.— Я соберу их.

Он согнулся в кресле и стал шарить по полу своими длинными руками. Лок снова засмеялся.

Карта упала на ковер у ноги Мышонка. Рисунком вверх. Трехмерное изображение внутри слоистого металла — над черным морем полыхало солнце. Небо над парашютом было освещено этой вспышкой. На берегу двое голых ребятишек держали друг друга за руки. Темноволосый шурился на солнце, его лицо выражало изумление. Курчавый глядел на их тени на песке.

Смех Лока, словно очередь взрывов, прогреготал в каюте и в коридорах.

— Принс принял вызов! — Он похлопал ладонью по камню.—

Хорошо! Очень хорошо! Эй, и ты думаешь, мы встретимся под пылающим солнцем? — его рука взметнулась вверх, сжалась в кулак. — Я почувствовал его хватку! Отлично! Да, отлично!

Мышонок быстро подобрал карту. Он перевел взгляд с капитана на экран, где калейдоскоп красок сменил лицо Принса. А на противоположных стенах каюты лежали в своих каркасах Айдас и Линчес. Его взгляд снова упал на двух ребятишек под неистовым солнцем.

Он смотрел, а пальцы его левой ноги скребли ковер, пальцы правой ноги уперлись в подметку ботинка. Страх исходил от этой карты, запутываясь в нервах и холодком расплзался по спине. Неожиданно он быстро сунул карту в футляр с сириноксом. Его пальцы, скрытые футляром, вдруг вспотели. Невидимая карта внушала еще больший страх. Он вытащил руку и положил ее на бедро, потом оглянулся, не заметил ли кто его поступок.

Катин разглядывал собранные карты.

— Это те, которыми ты играешь, Тай? Тарот? — он поднял голову. — Ты цыган, Мышонок. Ручаюсь, тебе приходилось видеть эти карты и раньше, — он повернул карты, чтобы Мышонок смог их рассмотреть.

Мышонок, не глядя, кивнул. Он изо всех сил старался удержать руку на бедре. (Женщина сидела у костра — в грязной ситцевой юбке — и мужчины сидели вокруг в колеблющейся темноте и смотрели, как карты поблескивают и переливаются в ее полных руках. Но это было...)

— Эй, — сказала Тай. — Ты мне отдай их, — и протянула руку.

— Можно посмотреть всю колоду? — спросил Катин.

Ее серые глаза расширились.

— Нет.

Удивление слышалось в ее голосе.

— Я... прошу прощения, — смущенно сказал Катин. — Я не собирался...

Тай взяла карты.

— Ты... ты гадаешь по картам?

На Катина словно пахнуло холодом.

Она кивнула.

— Гадание по Тароту очень распространено в Плеядах, — произнес Лок. Он сидел на скульптуре. — О послании Принса карты твои сказать что-нибудь могут? — он повернулся, и в его глазах вспыхнул огонь. — Может, твои карты о Принсе и обо мне что-нибудь расскажут?

Мышонок был удивлен тем, как свободно перешел капитан на диалект Плеяд. На лице у того мелькнула улыбка.

Лок поднялся с камня.

— Что карты про эти блуждания в ночи говорят?

Себастьян, глядя из-под густых светлых бровей, прижал к себе своих питомцев.

— Я их посмотреть хочу. Да! Что мне и что Принсу выпадет?

— Если она гадает, он, возможно, увидит поддержку в ее картах,— улыбнулся Катин.— Конечно, Тай. Погадай нам на экспедицию капитана. У нее это хорошо получается, Себастьян?

— Тай не ошибается никогда.

— Ты несколько секунд только видела лицо Принса. В лице человека можно увидеть линии его судьбы,— сжатые руки Лока легли на колени.— По моему шраму можешь ты линии, о судьбе моей говорящие, найти?

— Нет, капитан...— ее взгляд упал на карты.— Я карты лишь могу раскладывать и читать.

— Я не видел, как гадают по Тароту, с тех пор, как учился,— Катин оглянулся на Мышонка.— На семинары по философии ходил один парень из Плеяд, который в них разбирался. Я уверен, что рано или поздно ты упомянешь об обществе почитателей «Книги Тота»,— обратился он к Тай.— Так ее неправильно называли в семнадцатом столетии. Я говорю,— он помедлил,— о «Книге Грааля».

Молчание.

— Иди, погадай мне, Тай,— Лок уронил руки, и они расслабленно повисли.

Пальцы Тай замерли на золотистых рубашках карт. Со своего кресла около пандуса (серые глаза полузакрыты эпикантусом*) она глядела в пространство между Катином и Локом.

— Хорошо,— произнесла она.

— Мышонок,— позвал Катин.— Подойди и посмотри на это. И скажи, что ты о нем думаешь...

Мышонок поднялся в свете игровой доски.

— Эй!..

Они обернулись на прервавшийся голос.

— Вы верите в это?

Катин поднял брови.

— Ты назвал меня суеверным, когда я плюнул в реку. А теперь вы собираетесь предсказывать будущее по картам! А-х-х-н-н! — это было выражение крайнего отвращения. Золотое кольцо в его ухе качалось, бросая блики на стены.

Катин нахмурился.

Тай провела рукой по столу.

Мышонок уставился взглядом в ковер.

— Вы действительно хотите попытаться узнать будущее по картам? Это же просто глупо! Вот уж действительно предрассудки!

* Эпикантус — утолщение на веке, остатки рудиментарной железы, более заметное у представителей монголоидной расы.

— Нет, Мышонок,— возразил Катин.— От кого угодно можно было этого ожидать, но уж от тебя...

Мышонок махнул рукой и отрывисто и хрипло засмеялся.

— Ты, Катин, и эти карты! Это кое-что!

— Мышонок, карты на самом деле ничего не предсказывают. Они просто дают научный комментарий существующей ситуации..

— Карты — не научны! Это просто металл и пластик! Они не могут знать..

— Мышонок, семьдесят восемь карт Тарота являют символы и мифологические сюжеты, в которых отразились сорок пять веков человеческой истории. Каждый, кто понимает эти символы, может манипулировать диалогами и ситуациями. В этом нет никакого суеверия. И «Книга Перемен», и даже халдейская «Астрология» становятся суевериями только тогда, когда ими злоупотребляют, пытаются находить конкретные указания там, где существуют только советы и предположения.

Мышонок опять издал неопределенный звук.

— В самом деле, Мышонок! Эти рассуждения в высшей степени логичны. А ты говоришь так, словно живешь тысячу лет назад.

— Капитан! — Мышонок поднял глаза на уровень локтя капитана и покосился на колоду на коленях у Тай.— Вы верите во все эти вещи? — Его рука упала на предплечье Катина. Только сжимая что-то, она могла оставаться неподвижной.

В тигриных глазах под рыжими бровями появилось выражение мучительной боли. Лок усмехнулся.

— Тай, мне погадай на картах.

Тай перевернула колоду и стала пересыпать карты с ладони на ладонь.

— Капитан, вы одну выбирайте.

Лок опустил руку на корточки, чтобы лучше видеть. Внезапно он остановил мелькающие карты пальцем.

— «Космос». Она, пожалуй, подойдет,— назвал он карту, на которой остановился палец.— В этой гонке приз — Вселенная,— он взглянул на Мышонка и Катина.— Как вы считаете, стоит начинать гадание с «Космоса»? — высоко поднятые массивные плечи делали выражение боли более отчетливым.

Мышонок в ответ только скривил губы.

— Продолжайте,— произнес Катин.

Лок вытянул карту.

Утренний туман колыхался между березами, тисами и зарослями остролиста. На переднем плане прыгала и кувыркалась на фоне синего рассвета обнаженная фигурка.

— А! — сказал Катин.— Танцующий гермафродит, союз всех

мужских и женских начал,— он потер ухо большим указательным пальцем.— Знаете, лет триста, наверное, года с 1890 и до начала космических полетов, существовали христианизированные карты Тарота, изобретенные другом Вильяма Батлера Ийтса, ставшие чрезвычайно популярными и уничтожившие первоначальные изображения...

Лок согнул карту, и изломанные силуэты животных вспыхнули и исчезли в какой-то таинственной роще. Пальцы Мышонка сжали руку Катина.

— Звери апокалипсиса,— ответил Катин на молчаливый вопрос. Он ткнул пальцем через плечо капитана на четыре угла рощи.— Бык, Лев, Орел, а это забавное маленькое человекообразное существо — Бес, взятый из Египта и Анатолии, защитник женщин в их работе, бич скупости, щедрый и страшный бог. Есть такая известная его статуэтка: опустившийся на колени, ухмыляющийся, клыкастый, совокупляется со львицей.

— Да,— прошептал Мышонок.— Я видел ее.

— Видел? Где?

— В каком-то музее,— он пожал плечами.— В Стамбуле, кажется. Меня взяли туда туристы, когда я был еще совсем ребенком.

— Увы,— вздохнул Катин.— Я удовольствовался трехмерной голограммой.

— Только он не был карликом. Он,— хриплый шепот Мышонка оборвался, когда он взглянул на Катина,— был раза в два выше тебя, Катин!

— Капитан фон Рей, вам хорошо известны карты Тарота? — спросил Себастьян.

— Мне гадали раз шесть,— ответил Лок.— Моя мать не любила мои посещения гадалок, чьи маленькие столики стояли на улице под ветрозащитными щитами. Однажды, когда мне было лет пять или шесть, я умудрился потеряться. И вот, когда я бродил по той части Арка, где мне никогда не приходилось бывать раньше, мне и предсказали мою судьбу,— он засмеялся. Мышонок, которому никак не удавалось правильно понять выражение лица Лока, сейчас увидел на нем гнев.— Когда я добрался до дома и рассказал об этом матери, она страшно расстроилась и велела мне никогда больше этого не делать.

— Она знала, что все это очень глупо! — прошептал Мышонок.

— О чем вам сказали карты? — поинтересовался Катин.

— Что-то о смерти в моей семье.

— И кто-нибудь умер?

Глаза Лока сузились.

— Спустя примерно месяц был убит мой дядя.

Катин задумался. Дядя Лока фон Рея?

— Но хорошо карты вы не знаете? — снова спросил Себастьян.

— Только несколько названий: Солнце, Луна, Висельник. Но я об их значении не спрашивал никогда.

— А! — Себастьян кивнул. — Первую карту выбирайте всегда сами. Но «Космос» — карта к Большой Аркане принадлежит. Человеческую жизнь не может представлять. Нельзя ее выбирать.

Лок задумался. Замешательство на его лице выглядело как ярость. Сбитый этим с толку, Себастьян умолк.

— Дело в том, — вступил Катин, — что в Малой Аркане Тарота пятьдесят шесть карт: пятьдесят две обычные, только с валедами, рыцарями, дамами и королями каждой масти. Они связываются с обычными человеческими отношениями: любовью, смертью, жизненными невзгодами и тому подобными вещами. Большую Аркану составляют еще двадцать две карты, такие, как Дурак, Висельник. Они представляют космические события. Вы не можете выбрать одну из них, чтобы она представляла вас.

Лок некоторое время смотрел на карту.

— Почему? — он взглянул на Катина. Лицо его абсолютно ничего не выражало. — Мне нравится эта карта. Тай сказала выбирать, и я выбрал.

Себастьян поднял руку.

— Но...

Тонкие пальцы Тай легли на его поросшую волосами кисть.

— Он выбрал, — сказала она. Металл ее глаз блеснул, когда она бросила взгляд на Себастьяна, на капитана, на карту. — Туда полжите, — она жестом показала, куда именно. — Капитан какую хочет карту может выбирать.

Лок положил карту на ковер, головой танцора к себе, ногами — к Тай.

— Космос перевернутый, — пробормотал Катин.

Тай подняла голову.

— Перевернутый к тебе, а не ко мне, — голос ее прозвучал резко.

— Капитан, первая выбранная карта ничего не предсказывает, — сказал Катин. — В действительности результат гадания оказывается прямо противоположным тому, что означает первая карта.

— А что она означает? — спросил Лок.

— Здесь мужчина и женщина вместе, — сказала Тай. — Клинок и чаша, скипетр и блюдо соединены. Завершение полным успехом означает, космическое воплощение божественного предвидения. Победу.

— И всего этого в будущем я лишаюсь? — на лице Лока снова появилось выражение боли. — Прекрасно! Что это была бы за гонка, если бы я твердо знал, что добьюсь победы?

— Перевернутая карта означает фанатическое стремление к какой-то цели, упорство, — вмешался Катин. — Отказ от следования...

Тай неожиданно смешала карты и собрала в колоду.

— Ты, Катин, гадание закончишь?

— А?.. Я?.. Извини. Я не хотел... Я просто знаю значения всего дюжины карт.— Мочки его ушей налились кровью.— Я буду молчать.

Ветер пронесся по ковру.

Себястьян поднялся и спугнул своих питомцев. Один зверь захлопал крыльями у него на плече. Волосы упали Мышонку на лоб.

Тай помедлила и снова перетасовала карты, на этот раз рисунком вниз.

— Выбирайте.

Широкие пальцы с толстыми ногтями ухватили карту, потянули.

Женщина стояла под двойным каменным сводом, камнерез был подключен к ее запястьям. Машина вырезала третью пятиконечную звезду. Солнечный свет падал на каменщицу и фасад здания. Позади арки сгушалась тьма.

— Тройка пятиконечников. Эту карту кладите сверху.

Мышонок глядел на правую руку капитана. Овальный разъем был почти полностью закрыт сухожилиями. Мышонок потрогал разъем на своей собственной руке. Пластиковая вставка была почти с четверть ширины запястья: оба разъема были одинаковых размеров.

Капитан положил Тройку пятиконечников на Космос.

— Еще выбирайте.

Карта была перевернута вверх ногами. Юноша (или девушка?) в парчовой одежде и кожаных ботинках опирался на рукоятку меча с серебряной, усыпанной драгоценными камнями, ящерицей. Фигура стояла в тени скал.

— Валет мечей перевернутый. Эту карту кладите накрест.

Лок положил карту на Тройку пятиконечников.

— Еще выбирайте.

Над морским берегом, в чистом небе, полном птиц, рука, вызывающаяся из клубов тумана, держала пятиконечную звезду внутри круга.

— Туз пятиконечников,— Тай указала место ниже перекрещенных карт. Лок положил туда туза.— Эту карту вниз кладите. Выбирайте.

Высокий светловолосый юноша стоял на заброшенной тропинке в саду. Голова запрокинута вверх, одна рука сзади. Красная ниточка висела рядом с его запястьем. На камнях сада были вырезаны десять звезд.

— Десятка пятиконечников,— Тай показала на ковер сбоку от лежащих карт.— Эту карту сюда положите.

Лок положил.

— Выбирайте.

Снова вверх ногами.

Между грозowymi тучами проступало фиолетовое небо. Молния высветила вершину каменной башни. Двое мужчин падали с верхнего балкона. На одном была богатая одежда. Можно было даже разглядеть драгоценные перстни и золотые застёжки сандалий. Другой был в обычной рабочей куртке, босой и бородатый.

— Башня перевернутая,— прошептал Катин.— Ох-хо. Я знаю...— он остановился под взглядами Тай и Себастьяна.

— Башня перевернутая,— Тай показала на другую сторону.— Сюда кладите.

Лок положил карту и вытянул седьмую.

— Двойка мечей перевернутая.

Женщина с завязанными глазами сидела в кресле на берегу океана, скрестив мечи на груди.

— Эту впереди положите.

Три карты в центре и четыре вокруг.

— Снова выбирайте.

Лок выбрал.

— Король мечей. Сюда кладите.

Король лег слева от креста, образованного первыми семью картами.

— И еще одну.

Лок вытянул девятую карту.

— Тройка жезлов перевернутая.

Карта легка ниже короля.

— Дьявол...

Катин взглянул на руку Мышонка. Пальцы согнулись так, что ноготь мизинца впился в запястье Катина.

— ...перевернутый.

Пальцы Мышонка расслабились. Катин посмотрел на Тай.

— Сюда положите.— Перевернутый Дьявол лег под Тройкой.— Выбирайте.

— Дама мечей. Эту последнюю карту сюда кладите.

Рядом с крестом выстроился вертикальный ряд из четырех карт. Тай собрала колоду.

Она подперла пальцами подбородок. Наклонилась над картами, и ее рыжие волосы рассыпались по плечам.

— Ты видишь Принса здесь? — спросил Лок.— Ты видишь меня и звезду, за которой я иду?

— Вас я вижу. И Принса тоже. А также женщину, имеющую отношение к Принсу, темноволосую женщину...

— Темные волосы, но голубые глаза? — перебил Лок.— У Принса голубые глаза.

Тай кивнула.

— Ее я тоже вижу.

— Это Руби.

— Карты большей частью мечи и пятиконечники. Много денег вижу. И много борьбы за них и вокруг них.

— И семь тонн иллириона? — пробормотал Мышонок. — Не надо гадать по картам, чтобы...

— Ш-ш-ш-ш, — остановил его Катин.

— Единственное положительное влияние от Большой Арканы — Дьявол. Карта насилия, революции, борьбы. Но также начало духовного понимания она означает. Пятиконечники выпали в начале гадания. Это карты денег и богатства. Потом выпали мечи — карты силы и конфликта. Жезлы — символ интеллекта и созидания. Хотя их число три и меньше, они выпали к концу. Хорошо это. Но отсутствуют чаши — символ чувств, в особенности любви. Плохо. Хорошо, когда жезлы соседствуют с чашами, — она взяла центральные карты: Космос, Тройку пятиконечников и Валета мечей.

— Так... — Тай замолчала. Четверо мужчин дышали в такт. — Вы себя как целый мир видите. Карта, покрывающая вас, о благородстве, аристократизме говорит. И еще о мастерстве, которым вы обладаете...

— Вы говорили, что были яхтсменом? — спросил Катин.

— Это ваше призвание карта обозначает. Но Валет мечей стоит поперек вашего пути.

— Это Принс?

Тай покачала головой.

— Более молодой человек это. Кто-то, кто теперь уже достаточно вам близок стал. Кто-то, хорошо известный вам. Темноволосый, очень молодой человек... Катин первым посмотрел на Мышонка. — ...который как-то между вами и вашей звездой встанет.

Теперь и Лок поглядел через плечо.

— Эй, вы подумайте... — Мышонок обвел взглядом окружающих. — Что вы теперь намерены сделать? Застрелить меня при первом же удобном случае из-за этих дурацких карт? Вы думаете, что я хочу вам встать поперек дороги?

— Если бы даже тебя он застрелил, — проговорила Тай, подняв голову, — это ничего бы не изменило.

Капитан похлопал Мышонка по колену.

— Не обращай внимания, Мышонок.

— Если вы не поверили в них, капитан, зачем же тратить на них время?... — он замолчал, потому что Тай перемешала карты.

— В нашем недавнем прошлом, — сказала она, — туз пятиконечников лежит. Опять много денег, но помещенных с какой-то целью.

— Эта экспедиция может стоить руки и ноги, — добавил Катин.

— А также уха и глаза? — костяшками пальцев Себастьян поглаживал одного из своих зверей.

— В далеком прошлом девятка пятиконечников лежит. Тоже

карта изобилия. Вам везло. Вы об этом любите вспоминать. Но в близком будущем у вас Перевернутая башня. Обычно она означает...

— Дорогу прямиком в тюрьму! Которую нельзя избежать, если...— глаза Катина сверкнули, потому что Тай, сощурился, посмотрела на него,— ...если не собрать двести фунтов местных кредитов,— он кашлянул.

— Тюремное заключение эта карта означает, крушение большого дома.

— Дома фон Реев?

— Чей дом — не могу сказать,— услышав это, Лок засмеялся.

— Выше перевернутая Двойка мечей лежит. О неестественной страсти, капитан, говорит она.

— Это-то что означает? — прошептал Мышонок.

Но Тай уже перешла от креста из семи карт к вертикальному ряду.

— У цели твоих усилий Король мечей стоит.

— Это мой дружок Принс?

— Он. На вашу жизнь он хочет повлиять. Он сильный человек и мудрость вам дать может... или смерть,— она подняла голову, черты ее лица внезапно заострились.— И наши жизни — тоже... Он... — она умолкла, и Лок спросил:

— Что, Тай?

Его голос уже успокоился, стал ниже и уверенней.

— Под ним...

— Что там, Тай?

— ...лежит перевернутая Тройка жезлов. Это предложение помощи. Лучшая поддержка обманутым надеждам. В основании Дьявол лежит, но перевернутый. К вам духовное понимание, о котором я говорила, придет. Когда...

— Эй! — Мышонок поднял глаза на Катина.— О чем это она?

— Ш-ш-ш-ш!

— ...вступите в борьбу, суть вещей обнажится. Рабочие, что внизу, иностранцы и те, что будут выглядеть иностранцами. И хотя Король мечей действительно рушит стены, позади него королеву мечей вы обнаружите.

— Это... Это Руби? Скажи, Тай, ты видишь Солнце?

— Никакого Солнца. Только женщину, темноволосую и могущественную, как ее брат. Ее тень падает...

— От света какой звезды?

— Ее тень на вас и на Принса падает.

Лок покачал рукой над картами.

— А Солнце?

— Ее тень в ночи лежит. Звезды на небе я вижу. Но ни одного Солнца...

— Нет! — не выдержал Мышонок. — Все это глупости! Чепуха! — его пальцы сжались, и Катин отдернул руку. На ней остался след от ногтя. — Ничего она не может предсказать с их помощью! — Вдруг он стал клониться набок. Обутая нога выстрелила в воздух между питомцами Себастьяна. Они рванулись, натянув удерживающие их цепочки.

— Эй, Мышонок! Что ты?..

Мышонок протянул босую ногу к разложенным картам.

— Эй!!

Себастьян осадил взметнувшиеся тени.

— Ко мне! Спокойно!

Его рука металась от головы к голове, поглаживая темные уши и шею.

Но Мышонок уже поднимался по пандусу над бассейном. И, пока не исчез, было видно, как футляр с сириноксом ударяется по его бедру при каждом шаге.

— Я догоню его, капитан! — Катин бросился к пандусу.

Крылья опали, и Лок встал.

Тай, стоя на коленях, собирала рассыпанные карты.

— Вы двое — на паруса. Линчеса и Айдаса нужно сменить, — подобно тому, как выражение смеха на его лице трансформировалось в выражение боли, интерес выглядел как усмешка. — По своим каютам — марш!

Лок взял за руку Тай, как только она поднялась.

— За то, что в картах ты мне прочитала, Тай, я благодарю тебя.

Себастьян шагнул вперед, чтобы высвободить ее руку из руки капитана.

— Еще раз спасибо.

* * *

В коридоре за пандусом по черной стене плыли проекции звезд. Около стены, положив футляр на колени, сидел по-турецки Мышонок. Рука его рассеянно чертила загогулины на коже футляра. Взгляд застыл на движущихся огоньках.

Катин, заложив руки за спину, прошел через холл.

— Что такое, черт возьми, с тобой стряслось? — дружелюбно спросил он.

Мышонок поднял голову, провожая взглядом звезду, выплывшую из-за уха Катина.

— Тебе определенно нравится усложнять себе жизнь.

Звезда скользнула вниз и исчезла в полу.

— И, между прочим, что это за карту ты сунул в футляр? Мышонок от неожиданности вскинул голову и моргнул.

— Я очень хорошо замечаю такого рода вещи,— Катин прислонился к усыпанной звездами стене. Потолочный проектор, воспроизводящий ночь за бортом, отбрасывал пятна света на его круглое лицо и широкий плоский живот.— Это не тот способ изменить капитана к лучшему. У тебя какие-то странные идеи, Мышонок, правда, признаюсь, что они не лишены определенного очарования. Если бы мне сказали, что я буду работать в таком вот экипаже сейчас, в тридцать втором столетии, с человеком, который совершенно искренне сомневается в Тароте, не думаю, чтобы я в это поверил. Ты на самом деле с Земли?

— Да, с Земли.

Катин покусал согнутый палец.

— Вообще-то, если подумать, действительно, такие допотопные идеи не могут возникнуть нигде, кроме как на Земле. Сразу же, как только начались Великие Звездные Переселения, появились культуры, достаточно сложные и достаточно организованные, чтобы принять учение Тарота. Янисколько не удивлюсь, если узнаю, что в каком-нибудь городишке посреди монгольской пустыни найдется человек, верящий, что Земля покоится на громадном блюде, стоящем на спине слона, который попирает змею, свернувшуюся на черепахе, плавающей в океане. И хотя я рад, что родился не там, это местечко должно быть просто очаровательным. Там рождаются очень эффективные невротики. В Гарварде был один такой... — он остановился и взглянул на Мышонка.— Ты забавный парень. Вот ты управляешь звездолетом, продуктом технологии тридцать второго века, и в то же время твоя голова забита отсталыми идеями тысячелетней давности. Покажи мне то, что ты стянул.

Мышонок засунул руку в футляр и вытащил карту. Он глядел на нее, пока Катин не потянулся за ней.

— Ты не помнишь, кто тебе сказал, что не надо верить Тароту? — Катин рассматривал карту.

— Моя...— Мышонок подложил руки на край футляра.— Одна женщина. Когда я был совсем ребенком, лет пяти или шести.

— Она тоже цыганка?

— Да. Она заботилась обо мне. У нее были карты. Такие, как у Тай. Только не трехмерные. И старые. Когда мы скитались по Франции и Италии, она гадала желающим. Она все знала: и что означают картинки, и вообще все. И рассказывала мне. Она говорила, что кто бы чего не говорил, все это липа. Все это фальшь и на самом деле ничего не значит. Она говорила, что это цыгане распространили карты Тарота.

— Все так. Цыгане, по-видимому, перенесли их с Востока на Запад в одиннадцатом-двенадцатом веках. И способствовали их распространению в Европе в последующие пятьсот лет.

— Вот что она говорила мне: карты первоначально принадлежа-

ли цыганам, и поэтому цыгане знают — они всегда лгут. И никогда не верят им.

Катин улыбнулся.

— Весьма романтическое примечание. Скажу только вот что: мысль, что все эти символы, пройдя через пять тысяч лет мифологии, являются практически бессмысленными и не имеют никакого отношения к человеческим делам и мыслям — всего лишь отголосок набата нигилизма. К несчастью, я знаю слишком много об этих символах, чтобы отместить их. Однако мне интересно все, что ты сказал. Так эта женщина, с которой ты жил, когда был ребенком, — она гадала по картам Тарота, но настаивала на том, что они лгут?

— Да, — он снял с колен футляр. — Только...

— Только что? — спросил Катин, когда Мышонок умолк.

— Только однажды ночью, перед самым рассветом... Кругом были одни цыгане. Мы сидели ночью в пещере и ждали. Мы все были очень напуганы, потому что что-то должно было случиться. Взрослые шептались об этом, но когда кто-нибудь из детей подходил близко, замолкали. И в эту ночь она гадала по картам — только так, как если бы они не лгали. А все сидели вокруг костра в темноте и слушали, что она читает по картам. А на следующее утро кто-то рано разбудил меня, когда солнце еще только поднималось над городом. Все исчезли. Я шел не с мамой, а с женщиной, которая гадала по картам. Я никого из них больше не увидел. Те, с кем я шел, вскоре тоже исчезли. И я двинулся к Турции совсем один, — Мышонок в задумчивости провел большим пальцем по коже футляра. — Но той ночью, когда она гадала по картам, я помню, что я был сильно испуган. Они тоже были напуганы, понимаешь? И они не говорили, чем. Но что-то напугало их до такой степени, что они решили спросить совета у карт, хотя они знали, что карты — это липа!

— Я понимаю это так, что когда ситуация становится чересчур серьезной, люди вспоминают о своем здравом смысле и отбрасывают предрассудки, пока опасность не минует. — Катин задумался. — Что, как ты думаешь, могло случиться?

Мышонок пожал плечами.

— Возможно, за нами гнались. Ты знаешь, как это бывает с цыганами. Все думают, что цыгане воруют. Это так. Может быть, за нами гнались из города. Никто на Земле не любит цыган. Вот почему мы не работаем.

— Ты-то работаешь, Мышонок, и работаешь много. Потому я и удивился, что ты ввязался во все эти ненужные дела с Тай. Ты потеряешь свое доброе имя.

— Я не был с цыганами с того времени, когда мне было лет семь-восемь. А кроме того, я занимал разъемы. Хотя их у меня и не было, пока я не поступил в Куперовскую Академию Астронавтики в Мельбурне.

— Правда? Тебе тогда должно было быть лет пятнадцать-шестнадцать. А это, конечно, много. На Луне мы обретаем свои разъемы годам к трем-четырем, так что можем подключаться к школьным обучающим компьютерам,— на лице Катина вдруг появилось ошеломленное выражение.— Ты хочешь сказать, что на Земле была целая группа взрослых мужчин и женщин, а с ними и детей, которые бродили от города к городу, из страны в страну, и все они были без разъемов?

— Да. Именно так.

— Не так-то уж много работ можно делать, не имея разъемов.

— Конечно.

— Ничего удивительного, что твоим цыганам приходилось переходить с места на место. Группа странствующих взрослых людей, не имеющих возможности подключиться к машинам! — он покачал головой.— Но почему же вы их не имеете?

— Таковы цыгане. У нас их никогда не было. Они нам никогда не были нужны. У меня есть разъемы, потому что я был одинок и... Ну, я полагал, что так будет легче,— Мышонок уронил руки на колени.— Но это все-таки не причина, чтобы выгонять нас из города, где мы остановились. Однажды, помню, они поймали двух цыган и убили их. Их избили до полусмерти, а потом отрезали руки и повесили вниз головой, и они истекли кровью.

— Мышонок! — лицо Катина исказилось.

— Я был совсем ребенком, но я помню. Может быть, это и заставило, в конце концов, маму решиться спросить совета у карт, которым она не верила. Может быть, это и заставило нас разойтись в стороны.

— Только в созвездии Дракона! — выдавил Катин.— Только на Земле!..

Смуглое лицо повернулось к нему.

— Почему, Катин? Продолжай, скажи мне, почему с нами так обращаются? — в его словах не было вопроса. Только обида.

— Потому что люди тупы, узколобы и боятся всего непонятного,— Катин закрыл глаза.— Вот почему я предпочитаю луны. Даже на самой большой луне трудно встретить такое количество людей, чтобы могли произойти подобные вещи,— глаза раскрылись.— Мышонок, прими во внимание вот что. У капитана фон Рея есть разъемы. Он — один из богатейших людей Вселенной. Они есть и у любого горняка, дворника, бармена, клерка-регистратора, и у тебя. В Федерации Плеяд и в Окраинных Колониях существует феномен, возникший вследствие слияния культур, и проявляющийся, в частности, в том, что все машины воспринимаются как непосредственное продолжение человека. Это, как очевидное, признается всеми социальными слоями со времен Аштона Кларка. И до этого разговора я был сказал, что феномен слияния культур имеет место

и на Земле. Но ты напомнил мне, что в мире наших предков до сих пор существуют культурные анахронизмы. Подумать только, что группа не имеющих разъемов цыган — истощенных, ищущих работу там, где никакой работы нет, предсказывающих судьбу способом, который сами они уже перестали понимать, в то время, как вся Вселенная достигла понимания того, чем обладали предки этих самых цыган пятнадцать веков назад, игнорирующих закон Еноха — входит в город и не расстраивается тем, что у всех остальных мужчин и женщин имеются разъемы. Закон Еноха? Когда ты подключаешься к большой машине, это называется «стаддинг». Неизвестно, откуда пошло это выражение. Нет, я не понимаю, почему так случилось. Но немного понимаю — как, — он покачал головой. — Земля — забавное место. Я там учился четыре года, но только сейчас до меня начинает доходить, как мало я в этом разбираюсь. Те из нас, кто родился не на Земле, видимо, просто не в состоянии полностью это осознать. Вся остальная часть созвездия Дракона живет, по-моему, более простой жизнью, — Катин поглядел на карту в своей руке. — Ты знаешь, как называется эта карта?

Мышонок кивнул.

— Солнце.

— Ты знаешь, если бы ты ходил около разложенных карт, гадание вышло бы неверным. Капитан очень хотел, чтобы ему попалась эта карта.

— Я знаю, — пальцы скользнули по ремню футляра. — Карты уже сказали обо мне, стоящим между капитаном и его солнцем, едва только я стащил одну, — Мышонок покачал головой.

Катин протянул ему карту.

— Почему бы тебе ее не отдать? Пока не поздно, извинись за то, что затеял всю эту суету.

С минуту Мышонок молча смотрел себе под ноги. Потом поднялся, взял карту и побрел через холл.

Катин глядел ему вслед, пока тот не исчез за углом. Потом он скрестил руки на груди, опустил голову и задумался. Он думал о блеклой пыли всех виденных им лун.

* * *

Катин сидел в затихшем холле, прикрыв глаза. Что-то вдруг потянуло его за карман шортов. Он открыл глаза.

— Эй!..

Линчес (за плечом — тенью — Айдас) подкрался к нему и вытащил за цепочку диктофон из кармана. Теперь он держал его в своей руке.

— Для чего...

— ...эта штука? — закончил Айдаc.

— А вы не хотите его вернуть? — причиной раздражения Катина было то, что прервали его размышления. И их самонадеянность.

— Мы видели, как ты возился с этой штукой тогда в порту, — Айдаc взял диктофон из пальцев брата.

— Понимаешь... — начал Катин.

Айдаc протянул ему диктофон.

— Благодарю, — Катин стал засовывать его обратно в карман.

— Покажи нам, как он работает...

— ...и для чего он тебе.

Катин, помедлив, достал диктофон.

— Это матричный диктофон, в который я наговариваю свои заметки. Он мне нужен, чтобы написать роман.

Айдаc покачал головой.

— Ну, я знаю, что это такое...

— ...и я. Почему ты хочешь...

— ...сделать такой...

— ...почему ты не хочешь создать психораму...

— ...это же значительно легче. А мы...

— ...тоже там есть?

Катин неожиданно поймал себя на том, что хочет сказать одновременно четыре вещи. И рассмеялся.

— Понимаете, ребята, я так не могу, — он на мгновение задумался. — Я не знаю, почему я хочу писать. Конечно, проще создать психораму, когда уже есть необходимое оборудование, деньги и знакомства на студии. Но это совсем не то, чего я хочу. И я не знаю, будете вы там или нет. Я еще и не начинал думать о предмете. Я пока делаю только записи к роману, — Катин и близнецы посмотрели друг на друга. — Эти записи неэстетичны, если сравнивать с самим романом. Знаете, нельзя же просто сидеть и писать роман. Обязательно надо думать. Роман — это форма искусства. Я должен полностью его продумать, прежде чем начать писать. Но, так или иначе, это то, что я хочу создать.

— О, — протянул Линчес.

— Ты уверен, что знаешь, что такое...

— ...Конечно. Помнишь «Войну...

— ...и мир». Да. Но это психорама...

— ...с Че Онг в роли Наташи. Но она...

— ...сделана по роману? Точно, я...

— ...Ты теперь вспомнил?

— Угу, — Айдаc, стоящий позади брата, неторопливо кивнул. — Только, — теперь он обращался к Катину, — как же ты взялся за это дело, если не знаешь, о чем писать?

Катин пожал плечами.

— Тогда, может быть, ты напишешь что-нибудь про нас...

— ...мы можем просить его, если он говорит о том, что не является...

— Эй,— вмешался Катин.— Я должен найти тему, на которой строился бы роман. Я сказал, что не могу говорить о том, собираюсь я вас туда вставлять или нет...

— ...что у тебя там за записи? — спросил из-за плеча Линчеса Айда.

— А? Как я говорил, наметки. Для книги.

— Давай послушаем.

— Ну, вы, ребята, не...— Катин пожал плечами, взялся за рубиновый рычажок и перевел его на воспроизведение.

— Размышление наедине номер пять тысяч триста семь. Заруби на носу, что роман (назидательный, психологический или тематический — не имеет значения) всегда является отражением своего времени.— Голос звучал более высоко и быстро, чем обычно, но это только улучшало его восприятие.— Прежде, чем написать книгу, я должен описать современное понимание истории...

Ладонь Айдаса черным эполетом лежала на плече брата. Карие и коралловые глаза смотрели сосредоточенно, выказывая свою заинтересованность.

— ...История? Тридцать пять веков назад ее изобрели Геродот и Фукидид. Они определили ее как изучение того, что происходило при их жизни. И последующую тысячу лет история понималась точно так же. В Константинополе, пятнадцать веков спустя после греков, Анна Комнина в своем царственном блеске (и на том же языке, что и Геродот) определила историю как изучение тех событий в жизни людей, которые занесены в документы. Я сомневаюсь, чтобы эта очаровательная византийка верила лишь в те вещи, что были где-то записаны. Но события, нигде не задокументированные, в Византии просто не считались историческими. Концепция истории была целиком трансформирована. Последующее тысячелетие началось с первого глобального конфликта, а закончилось первым межпланетным столкновением. Сама собой возникла теория, что история является серией циклических взлетов и падений, происходящих, когда одна цивилизация поднимается до уровня другой. События, выпадающие из цикла, считались не имеющими исторической важности. Сейчас нам трудно оценить разницу между Спенглером и Тойнби, хотя в их времена эти теории считались полярно противоположными. Для нас их споры о том, где и когда начинаются циклы, кажутся чистым соизмизмом. Сейчас, когда прошло еще одно тысячелетие, мы можем спорить с де Эйлингом и Броблином, Альвином-34 и «Креспбургским Обозрением». Просто потому, что они современники, я знаю, что они излагают одинаковую точку зрения. Но сколько восходов заставляло меня в доках Шарля расхаживающим и размышляющим, с кем я: с сондерсовской ли теорией интег-

ральной исторической конвекции или все-таки с Броблином? Я уже имею достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что в последующем тысячелетии существующие разногласия будут казаться такими же несущественными, как и спор двух средневековых теологов о том, двенадцать или двадцать четыре ангела поместятся на острие иглы.

...Размышление наедине номер пять тысяч триста восемь. Никогда не вынимай ворованные смоквы напротив красного...

Катин щелкнул переключателем.

— О,— сказал Линчес.— Это было что-то странное...

— ...интересное,— вмешался Айдас.— Ты всегда описывал...

— ...он говорит об истории...

— ...современную историческую концепцию?

— Ну, конечно. Это довольно интересная теория. Если вы сейчас...

— Я думаю, это, должно быть, слишком сложно,— возразил Айдас.— Я хочу сказать...

— ...для тех, кто живет сейчас, трудно...

— Что вы, на удивление легко,— это Катин.— Все, что вы должны сделать — это понять, как мы смотрим...

— ...может быть, для людей, которые будут жить потом...

— ...это будет не так трудно...

— Действительно,— сказал Катин.— Когда-нибудь вы замечали, что общество в целом выглядит так, будто...

— Мы не слишком разбираемся в истории,— Линчес пригласил свои, похожие на светлую овечью шерсть, волосы.— Я не думаю...

— ...что мы могли бы сейчас это понять.

— Конечно, смогли бы! — воскликнул Катин.— Я могу все это объяснить очень...

— Может быть, после...

— ...в будущем...

— ...это будет легче.

На смуглом и бледном лицах вдруг мелькнули улыбки. Близнецы повернулись и пошли прочь.

— Эй! — крикнул им вслед Катин.— Разве вы?.. Я хочу сказать, я... Ох...

Он положил руки на колени и задумался, глядя вслед близнецам, бредущим по коридору. Темная спина Айдаса была экраном, на котором сияли куски каких-то созвездий. Минуту спустя Катин поднял свой диктофон, щелкнул рубиновым переключателем и стал тихо говорить:

— Размышление номер двенадцать тысяч восьмьсот десятое.

Интеллигентность становится вещью чужеродной и доставляющей неудобства... — он выключил диктофон и снова посмотрел вслед близнецам.

— Капитан?

Лок остановился на верхней ступеньке и уронил руку с дверной ручки.

Мышонок засунул большой палец в дыру на брюках и почесал бедро.

— Э... капитан...— он достал карту из футляра с сиринксом.— Вот ваше солнце.

Рыжие брови поползли вверх. В желтых глазах блеснули огоньки.

— Я... э... позаимствовал ее у Тай. Я верну ее...

— Поднимайся сюда, Мышонок.

— Да, сэр,— он зашагал по винтовой лестнице. Вода у краев бассейна была покрыта рябью. Его отражение поднималось вместе с ним.

Капитан открыл дверь, и они вошли в каюту.

Первой мыслью Мышонка было: «Его каюта не больше моей».

Второй: «Тут битком набито всего».

По разные стороны от компьютера размещались проекционные экраны — на стенах, полу и потолке. И кроме этого в каюте не было ничего личного, даже рисунков.

— Давай посмотрим эту карту,— Лок сел на свернувшиеся на койке кабели и стал рассматривать диораму.

Мышонок, которому не было предложено сесть на койку, вытянул из-за спины футляр с инструментом и сел на пол, скрестив ноги.

Неожиданно ноги Лока вытянулись, кулаки разжались, плечи дрогнули, мускулы лица напряглись. Потом спазм прошел, и он снова выпрямился на койке. Капитан сделал глубокий вдох, туго натянувший шнуры на его кителе.

— Садись сюда,— он похлопал по койке. Но Мышонок только подвинулся поближе к Локу, не вставая с пола.

Лок нагнулся и положил карту на пол.

— Это карта, которую ты стащил? — выражение задумчивости разгладило его лоб. Но Мышонок смотрел только на карту.— Если бы это была первая экспедиция, которую я сколотил, чтобы измерить глубину звезды...— Лок рассмеялся.— Шесть обученных и умелых мужчин, изучивших свою профессию под гипнозом и знающих ее, как свои пять пальцев, спаянных крепче, чем куски биметаллической пластинки. Кража среди этого экипажа? — он снова рассмеялся, покачав головой.— Я был в них так уверен. А в Дэне — больше всех,— он ухватил Мышонка за волосы и тихонько покачал его голову из стороны в сторону.— Но этот экипаж нравится мне больше.— Он показал пальцами на карту.— Что ты видишь здесь, Мышонок?

— Ну, мне кажется... двух ребят, играющих под...

— Играющих? — перебил Лок. — Разве похоже, что они играют?

Мышонок откинулся назад и прижал к себе инструмент.

— Что видите вы, капитан?

— Двое ребят, схватив друг друга за руки, собираются драться. Ты видишь, что один белый, а другой темный? Я вижу любовь против смерти, свет против тьмы, порядок против хаоса. Я вижу столкновение всех противоположностей под солнцем. Я вижу Принса и самого себя!

— Кто же есть кто?

— Не знаю, Мышонок.

— Что это за человек — Принс Ред, капитан?

Лок ударил кулаком левой руки о раскрытую ладонь правой.

— Ты видел его на экране в цвете и объеме и ты еще спрашиваешь? Богатый, как Крез, балованный психопат. Он однорукий, а его сестра так красива, что я... — он уронил руки. — Ты с Земли, Мышонок. Из того же мира, что и Принс. Ты часто там бывал, а я никогда там не жил. Наверное, ты знаешь, почему человек, все преимущества которого — следствие изобилия созвездия Дракона, мальчиком, юношей и мужчиной так... — кулак снова ударил по ладони. — Не обращай внимания. Возьми свою чертову арфу, сыграй что-нибудь. Начиная. Я хочу смотреть и слушать.

Мышонок залез в футляр. Одна рука на деревянном грифе, другая скользнула по полированным изгибам. Он крепко сжал пальцы и закрыл глаза. Сосредоточенность перешла в задумчивость, задумчивость — в озарение.

— Вы говорите, он однорукий?

— Под этой черной перчаткой, которой он так театрально расколотил камеру, нет ничего, кроме металла и пластика.

— Это значит, что у него нет разъема, — Мышонок перешел на хриплый шепот. — Я не знаю, как обстоят дела там, откуда вы родом, на Земле же это — худшее, что только может случиться с человеком. Капитан, цыгане тоже их не имеют, и Катин всего несколько секунд назад прекратил свои воспоминания по поводу того, как это плохо. — Сиринкс был уже вынут. — Что бы вы хотели, чтобы я вам сыграл? — он взял несколько аккордов.

Но Лок опять разглядывал карту.

— Сыграй. Вскоре нам нужно будет подключаться, чтобы добраться до Алкэйна.

Рука Мышонка опустилась...

— Мышонок?

...и отдернулась, не коснувшись струны.

— Почему ты украл именно эту карту?

Мышонок пожал плечами.

— Просто так получилось. Она упала на ковер рядом.

— Но если бы это была другая карта: двойка кубков или девятка жезлов — ты бы поднял ее? .

— Думаю, что да.

— Ты уверен, что в этой карте ничего нет, ничего особенного? Если бы там была другая карта, ты оставил бы ее лежать или же тоже взял?

На Мышонка снова накатился страх, взявшийся неизвестно откуда. Пытаясь побороть его, он резко повернулся и положил руку на плечо Лока.

— Ну, капитан! Не обращайтесь внимания на то, что говорят карты. Я хочу помочь вам добыть эту звезду, понимаете? Я буду с вами, и вы выиграете эту гонку. И не позволяйте этой сумасшедшей говорить противное!

В течение всего этого разговора Лок чувствовал себя несколько неопределенно. Сейчас же он глядел серьезно.

— Не забудь вернуть этой сумасшедшей карту, когда выйдешь отсюда. Мы скоро будем на Ворписе.

Напряженность исчезла. Хриплый смех раздвинул темные губы.

— Я все же думаю, что они играют, капитан.— Мышонок откинулся на изголовье койки.

Закинув босую ногу на ногу Лока, ставший страшно похожим на марионетку рядом с кукловодом, он ударил по струнам.

Огоньки запрыгали по механизмам.

Лок глядел на карту у своих ног. Что-то произошло с ним. Он не знал причины. Но первый раз за очень долгое время он глядел на человека, которого позвал по причине, не имеющей ничего общего с его звездой. Он не видел, что было перед его глазами. Он откинулся назад и взглянул на творение Мышонка.

Заполнив всю каюту, Мышонок двигал мириады ярчайших огней вокруг громадной сферы, создавая хрупкие фигуры торжественной диссонансной фуги.

ГЛАВА ПЯТАЯ

(Созвездие Дракона. Ворпис. Феникс. 3172)

«Добро пожаловать, дорогие путешественники...— заговорил мегафон, как только они вышли с посадочной площадки через освещенные восходом солнца ворота.— День на Ворписе длится тридцать три часа, а гравитация достаточно высока, чтобы заставить пульс биться в три раза быстрее, чем на Земле, в течение шестичасового акклиматизационного периода...»

Они прошли мимо стометровой колонны. Чешуйки, горящие в лучах восходящего солнца, сплошной броней покрывали Змея —

механистический символ сверкающего ночного неба, этой части Галактики — свернувшегося вокруг своего исполинского постамент. Как раз в тот момент, когда они шагнули на движущуюся дорогу, алый солнечный свет окрасил последние пятна ночной синевы.

«...Четыре города с более чем пятиллионным населением. Ворпис производит пятнадцать процентов всего необходимого созвездия Дракона динапласта. В экваториальных отмельных зонах добываются минералы около трех дюжин наименований в тропических и полярных областях, в каньонах на плато наши нейтрайдеры охотятся на аэролатов и аквалатов. Ворпис знаменит на всю Галактику своим Институтом Алкэйна, расположенным в столице северного полушария городе Фениксе...»

Они миновали пределы слышимости, и наступила тишина. Дорога превратилась в лестницу.

— Капитан, куда мы идем? — Себастьян взял с корабля лишь одного из своих питомцев. Тот покачивался и переступал с лапы на лапу на плече у хозяина.

— Мы возьмем в городе краулер-туманник и отправимся в Алкэйн. Кто хочет, может пойти со мной побродить вокруг музея или побыть несколько часов в городе. Если кто-то хочет остаться на корабле...

— И упустить возможность посмотреть Институт Алкэйна?

— ...Посетить его недешево стоит...

— ...но ведь там работает тетя капитана...

— ...поэтому мы свободно можем пройти,— закончил Айдас.

— Об этом не беспокойтесь,— Лок соскочил с ленты к причалу, где были пришвартованы краулеры-туманники. Полярные области Ворписа были покрыты столовыми горами, некоторые из которых занимали площадь в десятки квадратных миль. У их подножия постоянно клубился густой туман, взаимодействующий с азотно-кислородной атмосферой. Пыль, состоящая из окиси алюминия и сульфата мышьяка, соединяющаяся с испаряющимися гидрокарбонатами, вздымалась с бурлящей поверхности, скрывая все пространство между горами. Сразу же за плоскогорьем, на котором был расположен космодром, виднелось еще одно, с ухоженными растениями южных областей Ворписа, являющееся чем-то вроде естественного парка — преобладали каштановый, рыжий и алые цвета. Феникс располагался на самой высокой и большой столовой горе.

Краулеры-туманники — внутреннее транспортное средство планеты, приводимые в движение статическими электрическими зарядами — бороздили поверхность тумана подобно речным судам.

В помещении главного вокзала за прозрачными блоками плыли цифры времени отправления. Вспыхивали и гасли стрелы — указатели направления посадки: «Парк «Андромеда» — «Феникс-Монтек-

лер», и огромные птицы, роняя огонь, скользили по мультяшному под ботинками, босыми ногами и сандалиями.

* * *

Катин, стоящий на палубе краулера, облокотился на поручень, глядя сквозь пластиковую стену, как белые волны, разбиваемые краулером, дробятся и взвихряются, закрывая солнце.

— Ты когда-нибудь думал, — спросил Катин подошедшего с леденцом во рту Мышонка, — о том, каким непонятным временем казалось бы человеку прошлого настоящее? Представь себе кого-нибудь, кто умер, скажем, в двадцать шестом веке, воскресшим здесь. Можешь ты себе представить, насколько глубоко охватили бы его ужас и замешательство, доведись ему просто пройти по этому краулеру-туманнику?

— Да? — Мышонок вынул изо рта леденец. — Не хочешь дососать? Мне он надоел.

— Благодарю. Подумай только, — челюсти Катина задвигались, разгрызая твердые шарики на льняной нити, — о чистоте. Существовал тысячелетний период — примерно с тысяча пятисотого по две тысячи пятисотый год — когда люди расходовали невообразимое количество времени и энергии на то, чтобы вещи были чистыми. С этим было покончено, когда последняя инфекционная болезнь стала не только излечиваемой, но и просто невозможной. Тогда существовало немыслимое сейчас явление, называемое «повсеместным похолоданием», которое, можешь быть уверен, происходило даже в двадцать пятом столетии, по крайней мере, раз в год. Я полагаю, что тогда были причины превращать чистоту в фетиш: считалось, что есть связь между грязью и болезнью. Но когда заражение стало понятием устаревшим, соответственно, отпала нужда и в санитарии. Если бы этот человек, живший пятьсот лет назад, увидел, как ты разгуливаешь по палубе в одном ботинке, и затем садишься, чтобы поесть с помощью босой ноги, и не беспокоиться насчет того, что ее надо помыть — ты можешь себе представить, как он был бы ошеломлен?

— Без дураков?

Катин кивнул.

— Мысль нанести визит в Институт Алкэйна подстегивает меня, Мышонок. Я разрабатываю полную теорию истории. Это связано с моим романом. Ты не уделишь мне несколько минут? Я объясню. Мне приходило в голову, что если кто-то считает... — он остановился.

Прошло достаточно много времени, чтобы на лице Мышонка успела отразиться целая гамма различных чувств.

— Ну что? — спросил он, когда решил, что ничто в клубящейся

серости за иллюминатором не могло привлечь внимания Катина.— Что там с твоей теорией?

— Циана фон Рей Морган!

— Что?

— Кто, Мышонок! Циана фон Рей Морган! До меня только сейчас дошло, кто такая тетя капитана, хранительница Музея Алкэйна. Когда Тай гадала по Тароту, капитан упомянул про дядю, которого убили, когда он был еще ребенком.

Мышонок задумался.

— Да...

Катин покачал головой, недоверчиво посмеиваясь.

— Которого что? — спросил Мышонок.

— Морган и Андервуд.

Мышонок посмотрел вниз, потом по сторонам, как это обычно делают люди, которые чего-то не понимают.

— Это, наверное, случилось до того, как ты родился,— проговорил Катин.— Но ты должен был слышать об этом или где-нибудь видеть. Ведь это дело показывали психорамам всей Галактики. Мне было всего три года, но...

— Морган убил Андервуда! — воскликнул Мышонок.

— Андервуд,— поправил Катин,— убил Моргана. Но это мысли!

— В Арке,— продолжал Мышонок.— В Плеядах.

— И миллиарды людей всей Галактики смотрели на все это по психорамам. Мне тогда было не больше трех лет. Я был дома, на Луне, смотрел церемонию открытия вместе с родителями, когда этот импозантный тип в голубой куртке протолкался сквозь толпу и побегал через Кронайки Плаза с этой проволокой в руке.

— Он его задушил! — воскликнул Мышонок.— Морган был задушен! Я видел это по психораме. Один раз в Марс-Сити в прошлом году, когда я летал по треугольнику. Это была часть документальной программы не помню уже о чем.

— Андервуд почти оторвал Моргану голову,— пояснил Катин.— Когда я смотрел повтор, они уже вырезали момент самой смерти. Но пять миллиардов смогли узнать все об эмоциях человека, приготовившегося быть избранным Секретарем Плеяд на второй срок и внезапно атакованного сумасшедшим и убитого. Все мы почувствовали, как Андервуд прыгнул нам на спины. Мы услышали, как закричала Циана Морган, и почувствовали, как она пытается оттащить его. Мы услышали, как представитель Кол-Син крикнул что-то о третьем телохранителе — это потом полностью спутало нам все расследование. Мы почувствовали, как Андервуд затягивает проволоку на наших шеях, почувствовали, как она врезается в плоть. Мы оттолкнулись правыми руками, а наши левые руки держали миссис Тай... И мы умерли.— Катин покачал головой.— А по-

том этот дурак-оператор (его звали Намби, и, благодаря его идиотизму, ему вскоре вышибла мозги шайка психов, решивших, что он — участник заговора) перевел свой психомат с убийцы на Циану — а мы могли бы узнать, кто он такой и куда намеревается бежать — и в течение последующих тридцати секунд мы были истеричкой, валяющейся на площади и хватающей ещё не остывший труп своего мужа среди толчеи близких к истерике дипломатов, представителей и патрулей, смотрящих, как Андервуд продирается сквозь толпу и, в конце концов, исчезает...

— Они не показали эту часть в Марс-Сити. Но я помню жену Моргана. Она и есть тетя капитана?

— Она, должно быть, сестра его отца.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, прежде всего, по имени: фон Рей Морган. Я помню, что читал как-то, лет семь-восемь назад, что она чем-то занимается в Алкэйне. Ее считали одаренной и чувственной женщиной. В течение примерно дюжины лет после убийства она была центром внимания определенной, страшно извращенной части общества, постоянно перепархивая из Плеяд в созвездие Дракона и обратно. То она появлялась на пламенном берегу мира Коуби, то привлекала внимание к себе и своим двум маленьким дочерям на какой-нибудь космической регате. Она проводила много времени со своей кузиной Лейлой Сельвай, которая сама была избрана Секретарем Плеяд на один срок. Информационные ленты буквально разрывались между желанием удержать ее на грани скандала и своим уважением к ней за весь этот ужас с Морганом. Сегодня, если она появляется на открытии выставки или участвует в каком-то общественном событии, то делает это скрытно, хотя за последние годы от нее немного поотстали. И если она — хранительница Музея Алкэйна, то, скорее всего, она затеяла это дело ради собственной рекламы.

— Я слышал о ней,— кивнул Мышонок, подняв, наконец, голову.

— Это был период, когда она была, наверное, самой известной женщиной Галактики.

— Ты думаешь, мы сможем с ней встретиться?

— О! — Катин ухватился за поручень и откинулся назад. — Это было бы здорово! Может быть, я смогу основать свой роман на убийстве Моргана — черте современной истории.

— Ах, да,— сказал Мышонок. — Твоя книга.

— Меня удерживает то, что я не могу найти сюжет. Мне хочется увидеть реакцию миссис Морган на эту идею. О, я бы не стал делать ничего похожего на те сенсационные программы, прошедшие впоследствии по психорамам. Я хочу сделать тщательно подготовленный труд в области искусства, используя сюжет для того, чтобы полностью поломать веру людей в упорядоченный и рациональный мир человеческих...

— Еще раз: кто кого убил?

— Андервуд — знаешь, так получилось, что ему тогда было столько же лет, сколько мне сейчас — задушил Секретаря Моргана.

— Просто я не хочу ошибиться, когда встречусь с ней. Его ведь поймали?

— Он оставался на свободе три дня, дважды выдал себя и дважды был укрыт людьми, которые потом признались в этом в течение сорока восьми часов. Ему уже удалось добраться до космодрома, откуда он планировал отправить двух своих жен на одну из обслуживающих рудники станций Окраинных Колоний, когда его, наконец, смогли арестовать в Ведомстве по делам эмиграции. Здесь достаточно материала для дюжины романов! Мне нужен сюжет исторической значимости. Это, как ничто другое, сможет поддерживать мою теорию. Что, как я говорил...

— Катин?

— Э... Да? — его глаза, прикованные к медного цвета облакам, обратились к Мышонку.

— Что это?

— Где?

— Там.

В развороченных глыбах тумана блеснул металл. Черная сеть, колыхаясь, показала в волнах. В тридцати футах от них сеть полностью выпрыгнула из тумана. Человек, прицепившийся к ее середине руками и ногами, в развевающейся одежде, с черными волосами, выбивающимися из-под маски, направлял сеть в желоб. Туман скрыл его.

— Это,— сказал Катин,— это нетрайдер, охотящийся на местных аэролатов или, возможно, на аквалатов, которые водятся в каньонах на плато.

— Да? Ты бывал здесь?

— Нет. В университете я просмотрел дюжины выставок Алкэйна. Каждая более или менее значительная школа с ними связана. Но я сам никогда здесь не был. Я просто слушал речь информатора на космодроме.

— О!

Еще два нетрайдера с сетями. Туман заискрился и выпустил четвертый и пятый, а потом шестой силуэт из своего мрачного чрева.

— Словно целая стая.

Райдеры тянули за собой туман, открывая полосы чистого пространства.

— Сети,— задумчиво произнес Катин. Он облокотился на поручень.— Гигантская цепь, протянувшаяся среди звезд, сквозь время...— он говорил тихо и неторопливо. Нетрайдеры исчезли.— Моя теория: если представить общество как...— он быстро взглянул в направлении звука, похожего на дуновение ветра.

Мышонок достал свой сиринкс. Серые огни кружились в бешеном хороводе, вылетая из-под смуглых, подрагивающих пальцев. Сквозь туман сверкали золотые сети, обволакивая нежную мелодию. Воздух был звенящим и прохладным. Был запах ветра, но самого ветра не ощущалось...

— Это было просто великолепно!

Мышонок поднял голову. Тай стояла за спиной Себастьяна.

— Благодарю,— он усмехнулся и стал втискивать инструмент в футляр — у меня есть кое-что для тебя,— он сунул руку в футляр.— Я нашел ее на полу в «Рухе». Мне кажется... ты выронила ее.

Он взглянул на Катина и постарался убрать с лица сосредоточенность. Потом взглянул на Тай, и рот его раздвинулся, как отражение ее улыбки.

— Я тебя благодарю,— она положила карту в боковой карман кофты.— Ты этой картой любовался?

— А?

— Ты на любой карте достичь можешь медитации?

— Ты это делал? — спросил Себастьян.

— О, да. Я очень долго смотрел на нее. Я и капитан.

— Это хорошо,— Тай улыбнулась.

Но Мышонок уже возился с ремнем.

* * *

В Фениксе Катин спросил:

— Ты в самом деле не хочешь идти?

Мышонок снова возился с ремнем футляра.

— Нет.

Катин пожал плечами.

— Я думаю, тебе там понравилось бы.

— Мне уже приходилось видеть музеи. Я хочу немного побродить.

— Ну,— сказал Катин,— тогда о'кей. Увидимся, когда вернемся в порт,— он повернулся и побежал по каменным ступеням за капитаном и остальными. Они ступили на движущуюся ленту дороги, и она понесла их сквозь скалы к сияющему Фениксу.

Мышонок глядел вниз, на туман, запутавшийся в сланцах. Большие краулеры — с такого они только что высадились — стояли на якорях слева. Меньшие покачивались справа. Мосты, выгнутые между горами, пересекали ущелья, тут и там раскалывающие плоскогорья.

Мышонок тщательно поковырял в ухе и побрел прочь.

Юный цаган старался большую часть своей жизни прожить с помощью глаз, ушей, носа, пальцев рук и ног. И по большей части

он в этом преуспевал. Но иногда — как, например, на «Рухе» во время гадания Тай или в разговорах с Катиним — он бывал вынужден признать, что то, что случалось с ним в прошлом, влияет на его действия в настоящем. Затем пришло время самоанализа. И после этого он обнаружил в себе старый страх. Теперь он знал, что страх облачается в два причиняющие ему боль воспоминания. Одну боль он еще мог как-то успокоить, касаясь чувствительных пластин своего сирикса. Чтобы успокоить вторую, требовалось вполне конкретное самовнушение. Он подумал: «Сколько мне: восемнадцать, девятнадцать?»

Может быть. Во всяком случае, прошло уже года четыре после, как его называют, года становления личности. Я могу быть избран в сенат в созвездии Дракона. Впрочем, я никогда к этому особенно не стремился. Я не стремился также прокладывать свой путь между скальными причалами других планет. Куда ты идешь, Мышонок? Где ты был и что будешь делать, когда достигнешь цели? Сядешь и поиграешь немного? Только это должно означать нечто большее. Да. Это что-то значит для капитана. Пожелайте, чтобы я смог увидеть это в небесном свете. Пожелайте еще, чтобы я смог увидеть это — настоящее. Я почти смог, когда услышал его просьбу. Кто еще мог бы заставить мою арфу воспроизвести звезду? Большой огонь это должен быть. Слепой Дэн... Мышонок, ты разве не хочешь прожить пять пятах своей жизни с целыми руками и глазами? Зарыться в нору, спать с девушками и делать детей? Нет. Удивлюсь, если Катин счастлив со своими теориями и заметками, заметками и теориями. Что будет, если я попытаюсь играть на сириксе точно так же, как он возится со своей книгой? Одно хорошо: у меня не было бы времени задавать эти дурацкие вопросы. Как например: что думает обо мне капитан? Он перешагнул через меня, засмеялся, подобрал Мышонка и опустил его к себе в карман. Но это должно означать нечто большее. Капитан гоняется за своей идиотской звездой. Катин нанизывает на проволоку слова, которые никто не слушает. А я, Мышонок? Цыган с сириксом, заменяющим голосовые связки. Что до меня, так мне этого недостаточно. Капитан, куда вы меня ведете? Смелее. Будьте уверены, я пойду. Нет другого такого места, где бы мне так хотелось быть. Думаете, я пойму, кто я такой, когда мы доберемся туда? Или умирающая звезда в самом деле может дать столько света, чтобы я смог увидеть?..»

Мышонок сошел с очередного моста. Большие пальцы — в карманах брюк, глаза опущены.

Звон цепей.

Он поднял голову.

Цепи наматывались на десятифутовый барабан, теряющийся в тумане. На скале перед раздевалкой мужчины и женщины возились с гигантской машиной. Человек, управляющий лебедкой из ка-

бины, был все еще в маске. Из тумана поднималось запутавшееся в сети животное, хлещущее своими плавниками-крыльями. Цепи грохотали.

Аэролат (или, может быть, аквалат) был двадцати метров длиной. Меньшие лебедки опускали свои крючья. Нетрайдеры, стоя по бокам животного, придерживали их.

Мышонок двинулся сквозь толпу посмотреть на пропасть и услышал, как кто-то сказал:

— Алекс ранен.

Ворот остановился, и на помосте появились пять человек.

Зверь уже затих. Волоча сети легко, словно паутину, они освободили секцию колец. Нетрайдер в центре покачулся.

Тот, кто был ближе всех, уронил свою секцию. Покалеченный нетрайдер привалился к голубому боку.

— Придержи там, Бо!

— Все в порядке! Держу!

— Поднимай его потихоньку!

Мышонок глянул вниз, на туман. Первый нетрайдер достиг скалы, кольца загремели по камню. Он подошел, волоча за собой свою сеть. Затем он развязал ремни на запястьях, отключил разъемы на руках, опустил на колени и отключил нижние разъемы на потных лодыжках. Теперь он взвалил сеть на плечо и поволок ее через док. Туманные поплавки все еще принимали на себя большую часть веса сети, позволяя ей плыть в воздухе.

«Без них,— подумал Мышонок,— даже учитывая более слабую гравитацию, вся эта ловушка весила бы, наверное, несколько сотен фунтов».

Еще трое нетрайдеров, поднимающиеся от обрыва, волокли свои сети. Алекс ковылял между своими товарищами.

Следом шли еще четверо. Светловолосый коренастый мужчина как раз отсоединял сеть от левого запястья, когда поднял взгляд на Мышонка. Красные светофильтры его черной маски качнулись, когда он тряхнул головой.

— Эй,— гортанно произнес он.— На бедре твоём что? — свободная рука откинула длинные волосы.

Мышонок оглянулся на него.

— А?

Человек пнул сеть, соскользнувшую с левой ноги. Правая нога была босой.

— Сенсо-сиринкс, а?

Мышонок улыбнулся.

— Да.

Мужчина кивнул.

— Парня однажды, кто как дьявол играть мог, я знал...

Он остановился, голова его опустилась. Он просунул большой

палец под маску. Соскользнувшие респиратор и светофильтры открыли его лицо.

Мышонок почувствовал, что у него запершило в горле. Он стиснул челюсти и приоткрыл губы. Он попытался изобразить на лице вопрос, но из горла у него непроизвольно вырвался хрип:

— Лео!

Раскосое лицо исказилось.

— Ты! Ты — Мышонок?

— Лео, что ты?.. Но!..

Лео уронил цепь с другого запястья, выдернул разъем из лодыжки, схватил кольца в горсть.

— Ты со мной в дом, где цепи лежат, пойдешь! Пять лет... дюжину... больше!..

Мышонок все еще улыбался, потому что это было все, что он пока мог сделать. Он тоже подобрал кольца, и они поволокли сеть через скалу.

— Эй, Карло, Большум, это — Мышонок!

Двое обернулись.

— Вы про парня, я говорил, помните? Он это! Эй, Мышонок, ты не подрос даже на полфута! Сколько лет — семь, восемь? И ты сирикс еще носишь? — Лео оглядел футляр. — Готов спорить, ты хорошо играешь. Ты и раньше хорошо играл.

— А у тебя самого есть сирикс, Лео? Мы бы поиграли вместе...

Лео покачал головой, смущенно улыбаясь.

— В Стамбуле в последний раз я сирикс держал. Потом никогда. А сейчас я все это забыл.

— О,— сказал Мышонок и почувствовал утрату.

— Это сирикс, который ты в Стамбуле стащил?

— Я всегда ношу его с собой.

— И ты на сириксе все это время играешь? Ты мне сейчас сыграй. Конечно! Ты для меня запахи, звуки и цвета сделай! — его пальцы стиснули плечи Мышонка. — Эй, Бо, Карло, вы настоящего исполнителя на сириксе сейчас увидите!

Двое подошли поближе.

— Ты действительно играешь на этой штуке?

— Был здесь парень месяцев шесть назад, который мог кое-что пикиать... — один из них изобразил в воздухе две волнистые линии своими покрытыми шрамами руками, ткнул локтем Мышонка. — Понимаешь, о чем я говорю?

— Мышонок лучше, чем он, играет, — убежденно сказал Лео.

— Лео без усталости говорит о парнишке, которого он знал на Земле. Он говорил, что сам научил его играть, но когда мы дали Лео сирикс... — он, посмеиваясь, покачал головой.

— Но вот этот парнишка, — похлопал Лео Мышонка по плечу.

— А?

— О!

— Мышонок это!

Они прошли в двойные двери здания.

С высоких вешалок свисали, образуя лабиринт, сети. Райдеры вешали свои сети на крючья, опускаемые с потолка воротом. Повесив сеть, райдер мог починить сломанные кольца, настроить датчики, посредством которых сеть двигалась и принимала определенную форму в соответствии с нервными импульсами, идущими из разъемов.

Два райдера выкатывали громадную машину со множеством зубьев.

— Что это?

— С ее помощью они аэролата разделяют.

— Аэролата? — Мышонок кивнул.

— Это то, за чем мы охотимся. Аквалатов на Черном Плоскогорье добывают.

— О.

— Но, Мышонок, что здесь ты делаешь? — они пробирались сквозь дзинькающие кольца. — Ты на сетях останешься? Ты работаешь с нами? Хорошая работа это. Я экипаж знаю, где новый человек нужен...

— Я сошел с корабля, который сделал здесь остановку. Это «Рух». Капитан — фон Рей.

— Фон Рей? Корабль из Плеяд?

— Ага.

Лео опустил крючья и стал развешивать сеть.

— Что в Созвездии Дракона он делает?

— Капитан должен получить в Институте Алкэйна техническую информацию.

Лео потянул цепь лебедки, и крючья поднялись на десять футов. Он начал развешивать следующий ряд.

— Фон Рей, да. Это хороший должен быть корабль. Когда я впервые в созвездие Дракона пошел, — он повесил еще один ряд черных колец, — никто еще из Плеяд в созвездие Дракона не приходил. Один, может быть, два. Я одинок был. — Кольца встали на места, Лео снова потянул цепь. Верх сети заслонил свет из окон под потолком. — Теперь много людей из Федерации Плеяд я встречаю. Десятки на этом берегу работает. А корабли ходят то и дело туда-сюда, — он расстроенно покачал головой.

Кто-то крикнул через зал:

— Эй, где док? — голос эхом отразился от сетей. — Алекс ждет уже пять минут!

— Не беспокойся, он уже идет! — крикнул Лео. Он взял Мышонка за плечо.

— Со мной иди.

Они прошли сквозь свисающие цепи. Остальные райдеры еще не покончили с развешиванием.

— Ты сыграешь?

Они оглянулись.

Райдер наполовину спустился по кольцам и спрыгнул на пол.

— Я хочу посмотреть.

— Ну, конечно,— сказал Лео.

— Знаешь, вообще-то я...— начал Мышонок. Насколько рад он был видеть Лео, настолько же он хотел сейчас музыки только для них двоих.— Ладно.

Они пошли дальше, райдер — следом за ними.

Алекс сидел у подножия лестницы, ведущей к балкону. Он держался за плечо, прислонившись к планкам перил. Время от времени он потирал свои небритые щеки.

— Смотри,— сказал Мышонок Лео.— Почему бы нам просто не пойти куда-нибудь и не выпить? Мы можем поговорить. Я сыграю тебе перед тем, как...

— Сыграй сейчас,— настойчиво повторил Лео.— Позднее поговорим.

Алекс открыл глаза.

— Это тот парень, о котором ты говорил, Лео? — лицо его дернулось.

— Видишь, Мышонок. Прошло двенадцать лет, а у тебя здесь есть репутация,— Лео пододвинул перевернутую бочку со смазкой, проскрежетавшую по полу.— Теперь садись.

— Пойдем дальше, Лео.— Мышонок перешел на греческий.— Я пока еще не готов. Да и твой друг плохо себя чувствует и не захочет, чтобы его беспокоили.

— Малакас! — пробормотал Алекс и сплюнул кровью между колен.— Сыграй что-нибудь. Это отвлечет меня от боли. Где же этот чертов доктор?

— Что-нибудь Алексу сыграй.

— Но...— Мышонок взглянул на Алекса. Усмешка на лице раненого перешла в гримасу боли.

— Выдай номер, Мышонок!

Ему не хотелось играть.

— Хорошо.

Он неохотно достал сиринкс из футляра и просунул голову в ремень.

— Док, по-видимому, будет здесь как раз к середине,— буркнул он.

— Надеюсь, что он скоро придет,— пробормотал Алекс.— Я знаю, что у меня, по крайней мере, сломана рука. Нога ничего не чувствует, а внутри какая-то кровавая каша,— он снова сплюнул кровью.— Я должен выйти на охоту через два часа. Пусть он меня

подштопает по-быстрому. Если я не смогу вылететь после полудня, я подам на него в суд. Я плачу за свое чертово здоровье!

— Он склеит тебя,— вмешался один из райдеров.— Они не позволяют, чтобы полис был нарушен. Помолчи, и пусть парень играть...— он остановился, потому что Мышонок уже начал.

* * *

Свет падал на стекло и превращал его в медь. Тысячи тысяч круглых стекол образовывали вогнутый фасад Алкэйна.

Катин брел по тропинке над речкой, огибающей сад музея. Река — те же самые тяжелые туманы, что покрывают полярные области Ворписа — слегка курилась у берегов. Ниже по течению она скрывалась под аркой в сверкающей стене.

Капитан шел впереди Катина, и их тени, падающие на гладкие камни, двигались на одном уровне. Расположенный среди фонтанов подъемник возносил вверх платформу за платформой, по несколько сот гостей на каждой. Но за считанные секунды все они разбредались по множеству тропинок, опоясывающих сверкающие кварцем горы. На бронзовом постаменте, в фокусе блистающих стекол, в нескольких сотнях ярдов перед музеем возвышалась Венера Милосская.

Линчес жмурил свои розовые глаза, отвернув лицо от сияния. Позади него Айдаз глазел то по сторонам, то назад, то вперед.

Тай, рука в руке Себастьяна, шла позади него. Волосы ее развевались с каждым движением зверя на его плече.

«Теперь свет стал голубым,— подумал Катин, когда они прошли под аркой в имеющий форму линзы вестибюль.— Что правда, то правда — ни одна луна не имеет естественной атмосферы, достаточной, чтобы создать такую декоративную дифракцию. Однако, я упустил из виду лунное одиночество. Эта холодная конструкция из пластика, металла и камня — одно из крупнейших творений человечества. Как далеко мы ушли от семнадцатого века! Найдется ли во всей Галактике хотя бы дюжина зданий крупнее, чем это? Странное для академии положение: столкновение между традициями, воплощенными здесь, и нелепостью современной архитектуры. Циана Морган свила себе гнездо в этом могильнике истории человечества. Вот на что это похоже: стервятник, сидящий на костях.»

С потолка свисал восьмиугольный экран для публичных объявлений. Сейчас на нем переливалась красками очередная световая фантазия.

— Соедините меня с 739-Е-6,— обратился капитан фон Рей к девушке за информационным пультом.

Она повернула руку ладонью вверх и нажала кнопки на миниатюрной панели, вживленной в запястье.

— Пожалуйста.

— Алло, Банни,— сказал Лок.

— Лок фон Рей! — воскликнула девушка за пультом явно не своим голосом.— Ты пришел навестить Циану?

— Именно так, Банни. Если она не слишком занята, я бы поднялся и поговорил с ней.

— Минутку, я сейчас узнаю.

Банни, где бы она там ни находилась в этом улье, несколько ослабила контроль, и девушка-диспетчер удивленно подняла брови.

— Так вы к Циане Морган? — спросила она теперь уже собственным голосом.

— Вот именно,— улыбнулся Лок.

В этот момент Банни снова включилась в разговор.

— Все в порядке, Лок. Она встретится с тобой на Юго-Западной, двадцать. Там не так многолюдно.

Лок повернулся к экипажу.

— Почему бы вам пока не побродить вокруг музея? Я получу то, что мне нужно, в течение часа.

— Можно ли ему брать эту,— девушка смотрела на Себастьяна,— эту вещь с собой в музей? У нас нет специального места для животных.

Банни ответила:

— Это ведь человек из твоего экипажа, Лок? Животное выглядит вполне домашним,— она повернулась к Себастьяну.— Оно смиренное?

— Конечно, оно будет вести себя тихо.

— Можете взять его с собой,— разрешила Банни через девушку.— Циана уже вышла к месту встречи.

Лок обернулся к Катину.

— Почему бы тебе не пойти со мной?

Катин постарался не высказать своего удивления.

— Конечно, капитан.

— Юго-Западная, двадцать,— повторила девушка.— Вы можете подняться на этом лифте на один этаж. Больше никого?

— Никого,— Лок повернулся к экипажу.— Пока.

Катин последовал за ним.

Рядом со спиральным лифтом, на постаменте из мраморных блоков, высилась голова дракона. Катин задрал голову, разглядывая гребни вокруг каменной пасти.

— Мой отец подарил ее музею,— сказал Лок, когда они вошли в лифт.

— Да?

— Она с Новой Бразилии,— они начали подъем вокруг цен-

трального столба, и оскал пасти исчез за поворотом. — Когда я был ребенком, я играл внутри ее сородичей.

Внизу толпились туристы, казавшиеся отсюда крохотными. Золотая кровля накрыла их.

Они вышли из лифта.

Картины, развешанные на галерее тут и там, освещались особым образом. Многолинзовая лампа бросала на каждую висящую здесь раму свет — согласно предположениям нескольких ученых Алкэйна — наиболее близкий к тому, под которым была написана каждая картина: искусственный или естественный, свет красного солнца или белого солнца, желтого или голубого.

— Она будет здесь только через несколько минут, — сказал капитан. — Она только что вышла.

Катин прочитал название выставки: «Лица моего народа».

Вверху находился экран объявлений, меньший, чем в вестибюле. Сейчас на нем светилась надпись, сообщавшая, что все представленные здесь картины и фотографии созданы за последние триста лет и показывают мужчин и женщин разных миров за работой или развлечениями. Взглянув на перечень авторов, Катин вынужден был признать, что ему известны лишь два имени.

— Я позвал тебя с собой, потому что мне надо поговорить с кем-нибудь, кто сможет понять суть сказанного.

Удивленный Катин поднял голову.

— Мое солнце — моя Нова. В мыслях я почти привык к ее сиянию. Я стал человеком, освещенным ее лучами. Всю мою жизнь окружающие меня люди делали то, что я хочу. Если же нет...

— Вы заставляли их?

Лок сузил желтые глаза.

— Если же нет, я искал то, что они могут делать, и использовал их для этого. И всегда находился кто-то еще, кто мог выполнить нужную мне работу. Я хочу поговорить с человеком, который может понять. Но разговор не выражает того, что я хочу сказать. Хотел бы я сделать что-нибудь, чтобы показать, что все это значит!

— Я... Я не понимаю.

— Поймешь.

«Портрет женщины» (Беллатрикс IV): одежда двадцатилетней давности. Она сидит у окна, улыбаясь, в золотом свете солнца, оставшегося за рамой картины.

«С Аштоном Кларком» (не указано): старик. Его рабочий комбинезон вышел из моды лет двести назад. Он собирается отключаться от какой-то машины, настолько огромной, что нельзя понять, что это такое.

— Удивительно, Катин. Моя семья — по крайней мере, со стороны отца, происходит из Плеяд. Однако я с детства разговаривал у себя дома как выходец из созвездия Дракона. Мой отец принадле-

жит к тому обособленному кругу старой гвардии граждан Плеяд, которые позаимствовали множество идей у своих предков с Земли и из созвездия Дракона, только это была Земля, которая умерла через пятнадцать лет после того, как старейший из этих художников взял в руки кисть. Когда я обзаведусь семьей, мои дети тоже будут так говорить. Не кажется ли тебе странным, что ты и я, похоже, ближе, чем я и, скажем, Тай и Себастьян?

— Я с Луны, — напомнил Катин. — Я знаю Землю только по визитам на нее. Это не мой мир.

Лок не обратил на его слова внимания.

— Но в некоторых отношениях Тай, Себастьян и я очень похожи. В эмоциональном смысле мы ближе друг другу.

И снова Катину понадобилась целая секунда (довольно неприятная секунда), чтобы вспомнить, что означает выражение боли на рассеченном лице Лока.

— Некоторые наши реакции на возникающие ситуации будут понятны кому-то другому, а не тебе. Да, я знаю, что так дальше не пойдет, — он замолчал. — Ты не землянин, Катин. Но Мышонок — с Земли. И Принс. Один — беспризорник, другой... Принс Ред. Существует ли какая-нибудь связь между ними, как между мной и Себастьяном? Цыган просто очаровывает меня. Я не понимаю его. Но только в том, в чем, как мне кажется, я понимаю тебя. Принса я тоже не понимаю.

«Портрет нетрайдера». Катин посмотрел на дату: задумчивый нетрайдер просеивал туман сквозь свою сеть двести лет назад.

«Портрет юноши». Современника, конечно. Он стоял на опушке рощи...

— В середине двадцатого века, в 1950 году, если быть точным, — Катин снова взглянул на капитана, — на Земле была маленькая страна, называемая Великобританией, в которой существовало пятьдесят семь довольно сильно различающихся друг от друга диалектов английского языка. Была также большая страна, называемая Соединенными Штатами, с населением в четыре раза большим, раскинувшаяся на в шесть раз большей территории. Там тоже существовали диалекты, но только две крошечные группы, насчитывающие менее двадцати тысяч человек, употребляли язык, который мог быть непонятен человеку, владеющему только литературным английским. Я привел этот пример, чтобы пояснить свою точку зрения: обе страны говорили на одном и том же языке.

— Что же у тебя за точка зрения?

— Соединенные Штаты были продуктом коммуникационного взрыва, развития способов передвижения, перемещения людей, информационной революции, развития радио и телевидения, что стандартизировало речь и образ мышления — не сами мысли, а способы их выражения, так что персона А может понять персону В, но так-

же и персон X и У. Люди, информация и мысли пересекают сейчас Галактику быстрее, чем Соединенные Штаты в 1950 году. Возможность взаимопонимания резко возросла. Наши родные миры разделяет треть Галактики. За исключением случайных воскресных визитов в Университет созвездия Дракона во время моей учебы сейчас я впервые покинул пределы Солнечной системы. Однако вы и я по способности к обмену информацией гораздо ближе друг к другу, чем уроженцы Уэльса и Корнуэлла тысячу лет назад. Помните об этом, когда размышляете о Мышонке или о Принсе Реде. Хотя Великая Змея свернулась вокруг колонны, символизирующей всего сотню миров, жители Плеяд и Окраинных Колоний признают ее. Мебель Республики Вега то и дело напоминает то же самое о своих хозяевах. Аштон Кларк значит одинаково много как для вас, так и для меня. Морган убил Андервуда, и это частично сделало наши познания... — он остановился, потому что Лок нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что Андервуд убил Моргана?

— О, конечно же... Я имел в виду... — краска смущения проступила на его щеках. — Да... Но я не хотел...

Между картинами показалась женщина в белом. Ее серебряные волосы были уложены в высокую прическу.

Она была высокой.

Она была старой.

— Лок! — она протянула навстречу ему руки. — Банни сказала, что ты здесь. Я думаю, нам следует подняться в мой офис.

«Конечно, — подумал Катин. — Все ее портреты, которые я видел, были сделаны пятнадцать-двадцать лет назад».

— Спасибо, Циана. Мы и сами могли бы подняться. Я не хочу отвлекать тебя, если ты занята. Это не займет много времени.

— Ничего, пойдёмте. Я оценивала сейчас полтонны не представляющей большого интереса скульптуры Веги.

— Периода Республики? — спросил Катин.

— Увы, нет. Тогда мы могли бы сбавить ее с рук. Но она слишком стара, чтобы чего-нибудь стоить. Идёмте, — она уже двинулась мимо развешанных холстов, когда взгляд ее упал на широкий металлический браслет, закрывающий разъем на ее запястье. На нем мигал один из миниатюрных экранчиков.

— Простите, юноша, — повернулась она к Катину. — У вас с собой диктофон или что-то подобное?

— Д-да.

— Я должна попросить вас не использовать его здесь.

— О, я не хотел...

— Довольно часто я сталкиваюсь с вопросом обеспечения секретности, — она положила свою морщинистую руку на его. — Вы понимаете? Автоматически нарастающее поле стирает все записи с подобного рода аппаратов.

— Катин из моего экипажа, Циана. Но этот экипаж резко отличается от того, что был в прошлый раз. Секретов больше нет.

— Я так и поняла, — она убрала руку, помолчала, потом заговорила снова. — Когда я пришла сегодня утром в музей, тебе поступило послание от Принса.

— Он на Ворписе?

— Понятия не имею, — дверь разошлась и пропустила их внутрь. — Но он знает, что ты здесь. Разве это важно?

— Мы совершили посадку каких-нибудь полтора часа назад. И улетаем вечером.

— Послание пришло час и двадцать пять минут назад. Оригинал был довольно сильно искажен, поэтому операторы откорректировали его не без труда. Они в курсе содержания, и вся трудность теперь...

— Не беспокойся, — Лок повернулся к Катину. — Что же он скажет теперь?

— Мы все это скоро узнаем, — ответила Циана. — Ты сказал, что нет никаких секретов. Но я бы все-таки предпочла разговаривать у себя в офисе.

Эта галерея была вся забита: то ли запасник, то ли еще не разобранные материалы выставки. Катин уже собирался спросить, но Лок опередил его.

— Циана, что это за хлам?

— По-моему, — она взглянула на дату в золотой окантовке на старинном деревянном ящике. — «1923 год. Эол Корпорейшн». Да, это коллекция музыкальных инструментов двадцатого века. Это — Онде Мартино, названный по имени изобретателя, французского композитора, жившего в 1942 году. Здесь у нас, — она наклонилась, разглядывая табличку, — механический пианист, играющий в две руки, сделанный в 1931 году. А это «Виолано Виртуозо Милла», построенное в 1916 году.

Катин разглядывал внутренности виолано сквозь стеклянную дверцу в передней части.

— Что они делали?

— Стояли в барах, в парках, где не было оркестров. Люди опускали монету в прорезь, и автоматически начинала играть установленная вот здесь скрипка в сопровождении фортепиано. Программа задавалась перфолентой, — она провела серебряным ногтем по перфоленте. — «Шар Страттера»... — ноготь двигался вдоль кучи терменвоксов, банджо и шарманок. — Некоторые из новых академиков потребовали объяснений по поводу увлеченности Института двадцатым столетием. Примерно каждая четвертая из наших галерей посвящена этому времени, — она скрестила руки на парче платья. — Возможно, их обидело то, что оно традиционно интересует ученых вот уже восемьсот лет. Они отказываются видеть очевидное. В нача-

ле этого удивительного столетия человечество имело множество обществ, живших в одном мире. К концу же оно стало практически тем, что мы есть сейчас — информационно единым обществом, заселившим разные миры. С тех пор количество миров возросло, информационное единство неоднократно меняло природу общества и привело к нескольким грандиозным катастрофам, но все-таки наше общество существует. С тех пор, как мы это поняли, двадцатый век является фокусом научного интереса: это было столетие, в котором происходило наше становление.

— Я не испытываю влечения к прошлому, — объяснил Лок. — Я не располагаю временем для этого.

— Оно интересует меня, — вмешался Катин. — Я хочу написать книгу. Возможно, она будет иметь к этому отношение.

Циана взглянула на него.

— Вот как? И что же это за книга?

— Роман.

— Роман? — Они проходили мимо серого экрана объявлений. — Вы хотите написать роман? Это просто прелестно. Несколько лет назад у меня был мой старый друг, который хотел попытаться написать роман. Он закончил только первую главу. Но он говорил, что это осветило ему многочисленные стороны человеческой жизни и помогло проникнуть в суть происходящих событий.

— Я уже работаю над ним некоторое время, — признался Катин.

— Восхитительно! Возможно, если вы закончите, вы позволите Институту сделать под гипнозом психограмму процесса творения? У нас есть работоспособный печатный станок двадцать второго века. Возможно, мы напечатаем несколько миллионов экземпляров и разошлем их в сопровождении документальных психограмм в библиотеки и учебные заведения. Я уверена, что мне удастся привлечь некоторый интерес к этой идее среди правления.

— Я еще не думал о том, чтобы сдать его в печать. — Они подходили к следующей галерее.

— Вы можете сделать это только через Институт Алкэйна. Крепко это запомните.

— Я... я запомню.

— Когда эту свалку разберут, Циана?

— Милый мой племянник, мы имеем материала гораздо больше, чем можем выставить. Его надо где-то разместить. В нашем музее двенадцать тысяч публичных и семьсот частных галерей. А также три тысячи пятьсот хранилищ. Я поверхностно знакома с содержанием большинства из них. Но не всех.

Они шли под высокими ребрами. Позвоночник изгибался где-то под крышей. Холодные лампы под потолком отбрасывали на бронзовый пьедестал тени от зубов и глазных впадин черепа размером со слона.

— Это похоже на сравнительную остеологическую выставку рептилий с Земли. И...— Катин взглянул в зияющую пещеру.— Не могу сказать, откуда эта штука.

Лезвия лопаток, тазовые кости, изгиб ключиц...

— Далеко еще до твоего офиса?

— Аэролату — около восьмисот ярдов. Мы поднимемся на лифте.

Они прошли сквозь аркаду в шахту лифта. Спиральный подъемник вознес их на несколько десятков этажей.

Коридор из меди и плюща.

Еще один коридор, со стеклянными стенами.

Катин раскрыл рот от изумления: Феникс был виден отсюда целиком, от центральных башен до покрытой туманом пристани. Хотя Институт Алкэйна был и не самым высоким небоскребом Галактики, в Фениксе выше зданий не было.

Пандус поворачивал к центру здания. На облицованной мрамором стене висела серия из шестнадцати холстов Дехея: «Под Сириусом».

— Это не?..

— Это молекулярные копии Нильса Сельвина, сделанные в двадцать восьмом веке на Веге. Довольно долгое время они были даже более знамениты, чем оригиналы, которые демонстрируются внизу. Но так много событий связано с этими копиями, что Банни решила повесить их здесь... Вот мы и пришли.

Дверь открылась в темноту.

— Теперь, дорогой племянник,— лишь только они вступили в комнату, три луча упали на них откуда-то сверху, осветив черный ковер,— не будешь ли ты так добр объяснить мне, зачем ты вернулся сюда? И что у тебя за дела с Принсом? — она повернулась к Локу.

— Циана, мне нужна еще одна Нова.

— Нужна что?

— Ты знаешь, что первая экспедиция не была доведена до конца. Я собираюсь попытаться еще разок. Специальный корабль для этого не нужен. Мы поняли это сразу же. У меня новый экипаж и новая тактика,— пятна света двигались по коврау следом за ними.

— Но, Лок...

— Раньше все было тщательно спланировано, смазано, увязано и поддерживалось нашей общей слаженностью. Теперь же мы — разнородное собрание корабельных крыс, между которыми затесался Мышонок. Единственное, что нас поддерживает — это моя ненависть. От нее страшно трудно избавиться, Циана.

— Лок, ты просто не сможешь повторить такой...

— Капитан тоже другой, Циана. «Рухом» раньше управлял полчеловек, знакомый только с победами. Теперь я стал настоящим человеком. Мне знакомо и поражение...

— Но чего ты хочешь?

— Была еще одна звезда, которую изучал Институт, близкая к стадии Новой. Я хочу знать название и сроки.

— Вот что тебе надо! А как насчет Принса? Он знает, зачем ты ищешь Нову?

— Меня это не волнует. Назови мою звезду, Циана.

Она коснулась серебряного браслета.

Из пола появился пульт с креслом. Она села и посмотрела на индикаторы.

— Я не знаю, правильно ли я поступаю, Лок. Если бы решение не в такой большой степени влияло на мою жизнь, мне было бы легче... Аарон очень нужен мне для сохранения моего положения в Институте, — она снова коснулась браслета, и вокруг них появились звезды. — До сих пор меня так же хорошо принимали в доме Аарона Реда, как и в доме моего брата... Ты поставил меня в трудное положение: необходимо принять решение, которое положит конец моей безбедной жизни.

Катин вдруг осознал размеры комнаты. Футы в шестистах пятидесяти от них покачивалось, медленно вращаясь, голографическое изображение Галактики.

— Сейчас у нас работают несколько исследовательских экспедиций. Нова, которую ты упустил, была здесь, — она нажала кнопку, и одна звезда среди миллиардов других вспыхнула так ярко, что Катин зажмурил глаза. Она погасла, и опять купол астрариума стал полон света звезд. — Сейчас одна из экспедиций изучает развитие... — она умолкла, и потянулась к маленькому ящику. — Лок, я действительно беспокоюсь насчет всех этих дел...

— Продолжай, Циана. Мне нужно название звезды. Мне нужна лента с ее координатами. Мне нужно мое солнце!

— Я сделаю для тебя все, что смогу. Но ты должен простить старую женщину, — она достала из ящика (Катин издал тихий возглас удивления и тут же проглотил его) колоду карт. — Я хочу посмотреть, какие указания даст Тарот.

— Мы уже гадали на картах насчет моего предприятия. Если они скажут мне полные координаты — отлично. В противном случае у меня просто нет на них времени.

— Твоя мать родилась на Земле и почти переняла смутное недоверие землян к мистицизму, хотя сама умом и признавала его силу. Надеюсь, что ты пошел в отца.

— Циана, мне уже гадали на картах. Еще одно гадание не скажет ничего нового.

Она разбросала карты рубашками вверх.

— Возможно, оно скажет что-нибудь мне. Кроме того, я не хочу гадать полностью. Просто выбери одну.

Катин смотрел, как капитан вытаскивает карту, и думал, что они

вряд ли подготовили Циану к тому кровавому полудню на Кронаки Плаза четверть века назад.

Колода карт не была того обычного трехмерного типа как у Тай. Карты были желтыми. Фигуры — нарисованными. Их было легко датировать семнадцатым веком.

На карте Лока болтался на дереве обнаженный труп, подвешенный за ноги.

— Висельник, — она собрала остальные карты. — Висельник перевернутый. Ну, не могу сказать, чтобы меня это удивило.

— Висельник означает, что наступит мудрость духа, ведь так, Циана?

— Перевернутый, — напомнила она. — Значит, за это придется дорого заплатить, — она смешала карту с остальными и убрала колоду обратно в ящик. — Это координаты твоей звезды, — она нажала еще одну кнопку.

Рулон бумаги упал на ее ладонь. Маленький металлический секатор обрезал ленту. Она подняла кусок ленты к свету.

— Здесь все координаты. Мы держим эту звезду под наблюдением два года. Тебе везет. Вспышка ожидается через десять-пятнадцать дней.

— Прекрасно, — Лок взял ленту. — Идем, Катин.

— А как насчет послания Принса, капитан?

Циана поднялась со скамьи.

— Ты не хочешь посмотреть послание?

Лок помедлил.

— Хорошо. Проиграй его.

Циана отвернулась к экрану.

— Вот оно, — она нажала кнопку.

На той стороне комнаты Принс повернулся к ним лицом.

— Чем это, черт побери, — рука в черной перчатке смахнула со стола хрустальный кубок и чеканное блюдо, — ты занят, Лок? — рука вернулась на место. Нож и резная деревянная фигурка полетели на пол. — Циана, ты ему помогаешь, не так ли? Ты сука и предательница! Я зол! Я в ярости!!! Я — Принс Ред! Я — Дракон! Я — потревоженная Змея! Я задушу тебя! — крышка массивного стола крошилась в его черных пальцах.

Катин сглотнул.

— Я могу делать все, что я захочу! А ты пытаешься помешать этому! — Принс навалился на стол.

Катин посмотрел на Лока и Циану.

Ее руки, бледные, с проступающими венами, мяли парчу.

Руки Лока, тяжелые и узловатые, лежали на пульте. Пальцы его сжимали тумблер.

— Ты вывел меня из себя! Я могу быть очень злым, иногда просто из-за каприза. Ты помнишь тот прием, где я был вынужден раз-

бить тебе голову, чтобы научить хорошим манерам? Твое существование — оскорбление для меня! Лок фон Рей! Я собираюсь посвятить свою жизнь тому, чтобы смыть это оскорбление!

Циана Морган, неожиданно взглянув на племянника, заметила его пальцы на тумблере.

— Лок, что ты делаешь?

Она схватила его запястье, но он свободной рукой отбросил ее руку.

— Я узнал о тебе очень много со времени первого послания, — сказал Принс из-за стола.

— Лок, убери руку с переключателя, — потребовала Циана. — Лок! — досада прервала ее голос.

— Когда я говорил с тобой в последний раз, я сказал, что собираюсь остановить тебя. Теперь я говорю, что если мне понадобится убить тебя, чтобы остановить, я это сделаю. Когда я буду говорить с тобой в следующий раз... — рука в перчатке застыла, пальцы задрожали.

Экран погас, и Циана рванула Лока за руку. Тумблер громко щелкнул.

— Зачем ты это сделал?

Лок, окруженный вращающимися звездами, рассмеялся.

Циана рассерженно обрушилась на него:

— Ты прокрутил послание Принса через систему всеобщего оповещения! Этот носящий меня сумасшедший был виден на всех экранах Института! — она раздраженно ударила по сенсорной пластине браслета.

Огни погасли. Аппаратура и скамейка ушли в пол.

— Спасибо, Циана. Я получил то, за чем пришел.

Охрана музея ворвалась в оффис.

— О, святые небеса! Банни, это была простая случайность!

— Случайность? Это был Принс Ред, не так ли?

— Конечно, он. Понимаешь, Банни...

Лок взял Катина за плечо.

— Идем.

Они оставили Циану объясняться с Банни и охраной.

— Почему? — рискнул спросить Катин из-за плеча капитана.

Лок остановился.

— Я говорил тебе, что не могу объяснить то, что меня мучает. Это, возможно, кое-что тебе объяснило. Теперь надо собирать остальных.

— Как мы их отыщем? Они же до сих пор бродят по музею.

— А ты как думаешь? — Лок двинулся дальше.

Нижние галереи были сплошным хаосом.

— Капитан... — Катин попробовал представить себе чувства людей, оказавшихся лицом к лицу с неистовствующим Принсом Ре-

дом. Он вспомнил свои впечатления, когда увидел его в первый раз на «Рухе».

Гости толпились на ониксовом полу Салона Фицджеральда. Сверкающие изображения гениев двадцатого века бросали отблески на глянцевые наклонные стены. Дети жались к родителям. Студенты взволнованно переговаривались между собой. Лок быстро шел между ними, Катин старался держаться к нему поближе.

Что-то черное захлопало крыльями над толпой, метнулось назад.

— Остальные должны быть с ним! — крикнул Катин, показывая на Себастьяна.

Он побежал, огибая каменные челюсти. Лок устремился за ним.

— Капитан, мы только что видели...

— ... Принса Реда, как тогда, на корабле...

— ... на экране оповещения. Это было...

— ... по всему музею. Мы вернулись...

— ... сюда, чтобы не пропустить вас...

— ... когда вы пойдете обратно. Капитан, что...

— Идемте, — Лок остановил близнецов, положив им руки на плечи. — Себастьян! Тай! Нам надо вернуться на пристань и найти Мышонка.

— И отправиться к вашей Нове!

— Пойдемте сперва на пристань. А потом все вместе решим, куда двинуться дальше.

Они стали протискиваться сквозь толпу.

— Я полагаю, нам надо поторопиться, пока Принс еще не добрался сюда, — сказал Катин.

— Почему? — спросил Лок.

Катин попытался понять выражение его лица, но это было невозможно.

— Я должен дождаться третьего послания. Я хочу получить его. Они вышли в сад.

* * *

— Благодарю, док, — сказал Алекс. Он попробовал, как действует рука, сжал кулак, согнул в локте, помахал ей. — Эй, парень! — он повернулся к Мышонку. — Знаешь, ты действительно умеешь играть на сиринксе. Извини за то, что доктор пришел как раз в середине. Но все равно, спасибо, — он усмехнулся, потом посмотрел на стенные часы. — Думаю, я смогу теперь вылететь, Малакас! — он уверенно пошел вниз, пробираясь меж звенящих завес.

Лео с грустью спросил:

— Теперь ты его в футляр уберешь?

Мышонок подтянул футляр за ремень и пожал плечами.

— Может быть, я еще поиграю попозже,— он просунул руку за ремень.— Что случилось, Лео?

Рыбак ухватился за кольца свисающей сети.

— Из-за тебя сейчас я грусть чувствую, парень. Потому что столько времени прошло, что ты не мальчик больше,— улыбка тронула его губы.— Я не очень-то счастлив здесь. Может быть, снова время странствий пришло? Да.— он кивнул.— Да!

— Ты так думаешь? Почему сейчас?

Лео сжал губы.

— Когда я старое вижу, я понимаю, как много нового мне надо. Кроме того, когда я долго на одном месте живу, то много думать начинаю.

— И куда ты собрался?

— В Плеяды я отправляюсь.

— Но ты же сам из Плеяд, Лео. Я думал, ты скажешь, что хочешь посмотреть какое-то новое место.

— В Плеядах сотни миров. Я, может быть, на дюжине рыбачил. Я чего-то нового хочу, да. Но, все-таки, после этих двадцати пяти лет — домой.

— Я тоже хочу нового, Лео. Но я не хочу домой... если только он у меня есть.

— Однажды, как я Плеяды, ты Землю или созвездие Дракона увидишь захочешь.

— Может быть,— Мышонок поправил ремень на плече.— Через двадцать пять лет — почему бы и нет?

— Мышонок!

И снова:

— Мышонок!

— Мышонок, ты здесь?

— Эй! — Мышонок поднялся и сложил ладони рупором.— Катин!

Катинц пробирался между сетями.

— Удивительно, удивительно. Я не думал, что найду тебя. Я шел от пристани, расспрашивая встречающих, не видел ли кто тебя. Какой-то парень сказал, что ты здесь.

— Капитан закончил свои дела в Алкэйне? Он получил то, чего хотел?

— И еще кое-что. Послание от Принса Реда, ожидавшее его в Институте. И он проиграл его через систему всеобщего оповещения,— Катин присвистнул.— Грандиозно!

— Он получил свою Нову?

— Да. Только он ждет чего-то. Не пойму, чего.

— Так значит, мы отправляемся?

— Нет. Сначала он собирается в Плеяды. У нас будет пара свободных недель. Но не спрашивай, что он там собирается делать.

— Плеяды? — спросил Мышонок. — Это то место, где вспыхнет Нова?

Катин поднял руки вверх.

— Не думаю. Может быть, он считает, что будет безопасней переждать дома.

— Минутку, — Мышонок повернулся к Лео. — Лео, может быть, капитан подбросит тебя до Плеяд?

— А? — Лео поднял голову.

— Катин, как по-твоему, капитан фон Рей не разрешит Лео добраться до Плеяд на своем корабле?

Катин постарался изобразить на лице задумчивость. Выражение получилось довольно сложным и бессмысленным.

— Лео — мой старый друг. Еще по Земле. Он научил меня играть на сиринксе, когда я был ребенком.

— У капитана много своих проблем...

— Да, но его не будет заботить, если...

— Много лучше, чем я, он сейчас играет, — перебил Лео.

— Уверен, что капитан разрешит, если я попрошу его.

— Я не хочу доставлять твоему капитану никаких хлопот.

— Мы можем спросить его, — Мышонок передвинул футляр за спину. — Идем, Лео. Где капитан, Катин?

Катин и Лео обменялись взглядами, какими незнакомые люди обмениваются при виде энтузиазма молодежи.

— Ну? Пойдем!

Лео поднялся и пошел за Мышонком и Катинком к двери.

* * *

Семьсот лет назад первые колонисты Ворписа высекли Эскларос дес Нуачес в склоне горы, на которой стоял Феникс. Между причалами для мелких краулеров и пристанями, где швартовались корабли нетрайдеров, спускались в белый туман ступени. Они были истерты многочисленными ногами и местами искрошились.

В Фениксе была обычная полуденная сиеста, и Лок, увидев, что лестница пустынна, стал спускаться между поблескивающими кварцем стенами. Туман скрывал нижние ступени. Белые волны, одна за другой, накатывались из-за горизонта, голубые и золотистые в переливах солнечного света.

— Эй, капитан!

Лок оглянулся.

— Капитан, можно вас на минутку, — Мышонок боком спускался по ступеням. Сиринкс колотился о его бедро. — Катин сказал мне, что вы собираетесь отсюда на Плеяды. Я только что наткнулся на человека, с которым был знаком на Земле, моего старого друга.

Он учил меня играть на сиринксе, — он потрянул футляр. — Я подумал, что раз мы летим в этом направлении, может быть, мы захватим его домой. Он действительно был моим хорошим...

— Хорошо.

Мышонок вскинул голову.

— А?

— До Плеяд всего пять часов лета. Если он будет на корабле к моменту старта и посидит в твоей каюте, то я не буду возражать.

Мышонок еще больше откинул голову и почесал в затылке.

— О! Отлично! Превосходно! — Он рассмеялся. — Спасибо, капитан! — Он повернулся и побежал вверх по лестнице. — Эй, Лео! Катин! Капитан говорит, что все в порядке! — Он обернулся. — Еще раз спасибо!

Лок спустился еще на несколько ступенек. Остановился и сел, прислонившись к шершавой стене.

Он считал волны.

Когда он увидел сеть, руки его замерли на коленях.

Кольца позванивали о нижние ступени. Райдер поднялся по пояс в белой круговерти. Туманные поплавки поддерживали сеть. Кварц отражал голубые искры.

Лок, привалившийся к стене, поднял голову.

Нетрайдер поднимался по ступеням, паутина металла колыхалась вокруг него. Не доходя ступенек шесть, он остановился и снял маску.

— Лок?

Его руки разжались.

— Как ты нашла меня, Руби? Я знал, что ты смогла бы это сделать. Но как?

Она тяжело дышала, непривычная к повышенной гравитации. Шнуры на ее высокой груди натягивались и обвисали, и снова натягивались.

— Когда Принс обнаружил, что ты покинул Тритон, он разослал свои письма в шесть дюжин разных мест, куда ты мог направиться. Алкэйн был одним из них. Мне он предоставил следить за сообщениями о том, где ты появишься. Я была на Мире Коуба. Поэтому, когда ты проиграл ленту в Институте Алкэйна, я бросилась сюда, — сеть сгрудилась на ступеньках. — Раз я обнаружила, что ты на Ворписе, в Фениксе... Правда, это стоило большой работы. Поверь, мне не хотелось бы проделывать ее еще раз, — она оперлась рукой о стену. Сеть зашуршала.

— У меня есть шансы в этой игре, Руби. Я попробовал однажды просчитать на компьютере все возможные варианты, — он покачал головой. — Теперь я использую только руки, глаза и уши. И так далеко я еще не заходил. Но так я продвигаюсь гораздо быстрее.

Я всегда любил скорость. Это, наверное, единственное, что делает меня таким же, каким я был во время нашей первой встречи.

— Принс сказал мне однажды нечто очень похожее, — она подняла голову. — Твое лицо... — по ее чертам пробежала гримаса боли. Она стояла к нему достаточно близко, чтобы коснуться шрама. Ее рука дрогнула, затем упала. — Почему ты до сих пор?.. — она не закончила.

— Он полезен. Он заставляет каждое гладкое лицо во всех этих новых и смелых мирах служить мне.

— Что же это за служба?

— Он напоминает мне, зачем я здесь.

— Лок, — раздражение в ее голосе стало отчетливей. — Что ты делаешь? Чего ты или твоя семья думаете добиться?

— Надеюсь, что ни ты, ни Принс до сих пор не знаете этого. Я не стараюсь все держать в тайне. Но я отсылаю свой ответ несколько архаичным способом. Как ты думаешь, сколько времени понадобится слухам, чтобы преодолеть расстояние между мной и тобой? — Он снова прислонился к стене. — По крайней мере, тысяча человек знает о том, что намерен предпринять Принс. Я проиграл утром его послание. Никаких секретов, Руби. Существует много мест, чтобы спрятаться, и только одно, где я могу подняться в свете солнца.

— Мы знаем — ты пытаешься сделать нечто, что погубит Редов. Это единственное, чему ты можешь уделять столько времени и усилий!

— Хотел бы я сказать, что ты ошибаешься, — он переплел пальцы. — Но вы пока не знаете, чего я хочу.

— Мы знаем, что это должно быть связано со звездой.

Лок кивнул.

— Лок, мне хочется закричать на тебя! Кто ты, по-твоему, такой?

— Кто я такой, чтобы бросать вызов Принсу и прекрасной Руби Ред? Ты прекрасна, Руби, и я чувствовал себя очень одиноко перед твоей красотой, пока не начал ее понимать. Ты и я, Руби, миры, в которых мы родились, не приспособлены для того, чтобы что-то значить для нас. Если я останусь жив, то будет жить мир, сотня миров, образ жизни. Если Принс... — он пожал плечами. — Все же это, наверное, игра. Нам твердят, что мы живем в обществе без цели, что наша жизнь лишена стержня. Миры шатаются вокруг нас, но, тем не менее, я хочу играть. Единственное, к чему я подготовлен, — это игра, игра всерьез, полностью выкладываясь, и с шиком.

— Ты для меня загадка, Лок. Принс так легко предсказуем... — она подняла брови. — Это удивляет тебя? Принс и я выросли вместе. Но ты сталкиваешь меня с неизвестным. На том приеме, дав-

ным-давно, когда ты захотел меня, было ли это тоже некоторого рода игрой?

— Нет... Да... Я думаю, что не соблюдал правил.

— А теперь?

— Я знаю, что единственно правильный путь — мой собственный. Руби, я хочу того, чем обладает Принс... Нет! Я хочу вырвать то, чем обладает Принс! Когда у меня это будет, я могу повернуться и выбросить это за ненадобностью. Но я хочу это получить. Мы схватились, и в результате — на скольких мирах и жизнях это отражается! Да, все это я знаю. Ты тогда сказала: мы особенные люди, потому что у нас в руках сила. Если бы я попытался жить по этому принципу, я бы застрял на месте. Вот я — в данный момент, в данном месте, в данной ситуации со всем тем, что я делаю. Все, что я усвоил, Руби, — это правила игры. Что я ни делаю — я, человек, каким я являюсь и каким меня вынуждают быть — я должен делать ради одного: ради победы. Помни об этом. Ты опять проявила ко мне благосклонность. Я отвечаю тем же, предупреждая тебя. Вот почему я ждал здесь.

— Что же ты задумал сделать, если ты вынужден произносить такое напыщенное извинение?

— Я еще не знаю, — засмеялся Лок. — Оно звучит довольно странно, это так. Но оно искренне.

Она глубоко вдохнула воздух. Высокий лоб покрылся морщинами, ветер разбросал ее волосы по плечам. Глаза ее были в тени.

— Полагаю, что я также должна предупредить тебя.

Он кивнул.

— Считай, что это уже сделано, — она отодвинулась от стены.

— Я так и считаю, — ответил Лок.

— Хорошо, — она завела руку за спину и взметнула ее вверх.

Триста квадратных футов цепей мелькнули над ее головой и с грохотом обрушились на Лока.

Кольца упали на его воздетые руки, покрывая их ссадинами. Он закачался под их весом.

— Руби!..

Она взметнула другую руку. Упал еще один слой.

Она откинулась назад, и сеть потянулась за ней, ударив его по ногам так, что он покачнулся.

— Не надо! Дай мне!..

Сквозь движущиеся кольца он увидел, что она снова в маске. Напряжение было в ее узких плечах и внезапно обозначившихся маленьких мускулах. Она наклонилась, комбинезон на животе сморщился. Адаптерные кольца увеличивали силу ее рук раз в пятьсот. Лока поволокло вниз по ступеням. Он упал, цепляясь за стену. Руки и колени его были содраны о металл и камень.

То, что кольца помогали выиграть в силе, проигрывалось в точ-

ности движений. По сети прокатывалась дрожь, и все же Лок смог вынырнуть и взобраться по лестнице на две ступени выше. Но Руби резко дернула ногой назад, его проволокло на четыре ступеньки вниз. Лежа на спине, он изо всех сил сопротивлялся объятиям сети. Руби еще проволокла его вниз. Туман доходил ей почти до колен. Она отступила дальше и наклонилась так, что ее черная маска оказалась у самой поверхности.

Лок бросился вверх, воспользовавшись передышкой, но сеть опять сбросила его. Лежа на боку, он вцепился в кольца и резко рванул. Руби покачнулась, но он почувствовал, как острый край сети разодрал ему плечо.

Лок снова попытался поднырнуть под сеть, под свалившуюся на него тяжесть. И услышал вскрик Руби.

Он отшвырнул кольца с лица и открыл галаза. Сверху что-то... Оно несло между стенами, черное и грозное.

Руби взмахнула рукой, чтобы отогнать его. И часть сетей соскользнула с Лока. Существо взмыло, уклоняясь от колец.

Пятьдесят фунтов металла упали в туман. Руби покачнулась, оступившись.

Лок сполз на несколько ступенек. Туман закрыл его бедра. Соединения мышьяка налили голову свинцом. Он закашлялся и ухватился за скалу.

Черный призрак парил теперь над ним. Тяжесть в голове на минуту пропала, и Лок пополз по камням вверх. Глотая свежий воздух, задыхаясь и борясь с головокружением, он оглянулся назад.

Сеть парила над ним, сражаясь с крылатым зверем. Лок подтянулся до следующей ступеньки. Кольца тяжело упали на ногу, соскользнули с нее, проволоклись по ступеням и исчезли.

Лок сел и заставил себя посмотреть на полет зверя над скалами. Тот приблизился к лестнице, сделал два круга и опустился на плечо Себастьяна. Тот, сидя на корточках, глядел вниз.

Лок, пошатнувшись, встал на ноги, с силой зажмурил глаза и помотал головой, потом двинулся вверх по Эскларос дес Нуачес.

Себастьян закрепил стальное кольцо на лапе своего питомца. Лок поднялся на верхнюю ступеньку.

— Спасибо, — Лок глубоко вздохнул и уронил руку на плечо Себастьяна. — Спасибо!

Они посмотрели на туман, который не тревожил сейчас ни один нетрайдер.

— Вы в опасности?

— Да.

Тай, подбежавшая со стороны пристани, остановилась за спиной Себастьяна.

— Что случилось? — Ее глаза, поблескивая, перебежали с одного на другого. — Черный друг, я видела, выпущен был!

— Он молодчина,— ответил ей Лок.— Все в порядке. Сейчас у меня столкновение с королевой мечей было. Но ваш зверюга меня спас.

Себастьян взял руку Тай. Пальцы ее ощутили знакомое прикосновение, и она успокоилась.

Себастьян спросил:

— Время идти сейчас?

И Тай:

— Ваше солнце находить?

— Нет. Ваше.

Себастьян непонимающе взглянул на него.

— К Дим, Умершей Сестре, мы сейчас отправляемся,— объяснил Лок.

Через пристань шли близнецы. Можно было заметить удивление на лице Линчеса. Но только не у Айдаса.

— Но?..— начал Себастьян. Ладонь Тай шевельнулась в его руке, и он замолчал.

Лок решил ответить на невысказанный вопрос.

— Собираем всех. Я то, чего хотел, получил. Да. Время сейчас идти.

* * *

Катин качнулся вперед и ухватился за кольца. Звон эхом отозвался в помещении, где нетрайдеры развешивали свои сети.

Лео засмеялся.

— Эй, Мышонок, в последнем баре твой длинный друг слишком много выпил, я думаю.

Катин удержал равновесие.

— Я не пьян,— он поднял голову и оглядел металлическую занавесь.— Мне надо выпить в два раза больше, чтобы опьянеть.

— Забавно. А вот я пьян,— Мышонок раскрыл футляр.— Лео, ты хотел, чтобы я поиграл. Что ты хочешь увидеть?

— Что-нибудь, Мышонок. Что любишь, сыграй.

Катин снова встряхнул сеть.

— От звезды к звезде, Мышонок, представь себе — гигантская паутина раскинулась по всей обитаемой Галактике. Это зеркало, в котором отражается современная история. Понимаешь? Все так и есть. Это — моя теория. Каждый индивидуум — узелок сети, а волокна между узелками — это культурные, экономические и психологические связи, сближающие одного человека с другим. Каждое историческое событие, — он погремел кольцами, — словно колышание сети. Оно движется через всю сеть, растягивая или сжимая культурные связи, объединяющие человечество. Если событие ка-

тастрофично, связи рвутся. В сети на время появляется дыра. Де Эйлинг и Альвин-34 не сходятся только в том, где начинается сотрясение и как быстро оно распространяется. Но в основном их точки зрения совпадают, понимаешь? Я хочу схватить такую волну, и поместить эту сеть в свою... в свой роман, Мышонок. Я хочу, чтобы он показал сеть целиком. Но я должен найти тот центральный сюжет, то великое событие, которое сотрясает историю и заставляет кольца сталкиваться и сверкать передо мной... А потом — Луна, Мышонок! Вернуться к прекрасным скалам, совершенствовать свое искусство, созерцать передвижение колец и всей сети — вот чего я хочу, Мышонок. Но тогда я не найду сюжет!

Мышонок сидел на полу, шаря по днищу футляра в поисках пропавшей рукоятки управления.

— Почему ты не напишешь о себе?

— Прекрасная идея! Но кто бы стал читать такой роман? Ты? Мышонок нашел рукоятку и приладил ее на место.

— Не думаю, чтобы я смог прочесть такую длинную вещь, как роман.

— Но если бы сюжет был, скажем, о столкновении между двумя могущественными семействами? Например, между Принсом и капитаном, то все равно ты не захотел бы прочитать?

— Сколько записей ты уже сделал для своей книги? — Мышонок пустил по ангару пробный луч.

— Нет и десятой части того, что мне необходимо. Если она и обречена сразу же стать допотопной музейной реликвией, это будет искрящаяся драгоценными камнями, — он откинулся на сети, — искусная, — кольца загремели, голос его поднялся, — тщательная работа! Безупречная!

— Я родился, — сказал Мышонок. — Я должен умереть. Я страдаю. Помоги мне. Я бы тогда написал твою книгу вместо тебя.

Катин опустил глаза на свои длинные пальцы, слабые, но мужские. После недолгого молчания он сказал:

— Мышонок, иногда мне хочется плакать от твоих слов.

Запах тмина.

Запах миндаля.

Запах кардамона.

Падающие звуки слились в одну мелодию.

Обкусанные ногти, распухшие пальцы — ладони Катина подрагивали в такт осенним краскам. На цементном полу, в сети, танцевала его тень.

— Это да! — засмеялся Лео. — Ты умеешь играть, Мышонок! Умеешь!

Тень танцевала, пока ее не спугнули голоса.

— Эй, ребята, вы еще...

— ...здесь? Капитан сказал нам...

- найти вас. Время...
- ...отправляться. Идемте...
- ... пора в путь!
- Пора!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

(Созвездие Дракона — Федерация Плеяд. Полет «Руха». 3172 год)

- Паж жезлов.
- Справедливость.
- Приговор. Моя взятка. Дама чаш.
- Туз ваш.
- Звезда. Моя взятка. Отшельник.
- К козырям легла! — засмеялся Лео. — Смерть.
- Дурак. Моя взятка.
- Рыцарь монет.
- Тройка монет.
- Король мечей. Моя взятка.
- Дьявол.
- Маг. Моя взятка.

Катин посмотрел на потемневший шахматный столик, где Себастьян, Тай и Лео после получаса воспоминаний играли в три руки в Тарот-вист.

Он не слишком хорошо знал эту игру, но они-то этого не знали, и он размышлял, почему его не пригласили. Он наблюдал за игрой через плечо Себастьяна уже минут пятнадцать. Черный зверь жался к ногам хозяина. Катин старался свести воедино имеющиеся у него знания, чтобы вклиниться в их игру.

Они играли так быстро...

Он поднялся, пошел к пандусу, на котором сидели Мышонок и Айдас, болтая ногами над бассейном, улыбнулся, сунул руку в карман и щелкнул переключателем диктофона, поставив его на запись.

Айдас в это время говорил:

— Мышонок, что, если я поверну эту рукоятку?

— Смотри! — Мышонок оттолкнул руку Айдаса от сиринкса. —

Ты всех здесь ослепишь!

Айдас задумался.

— У того, который был у меня, когда я с ним баловался, не было... — голос его прервался в ожидании привычного окончания фразы.

Ладонь Мышонка скользнула с дерева на металл, потом — на

пластик. Пальцы коснулись струн и извлекли несколько негромких нот.

— Ты ведь действительно можешь покалечить кого-нибудь, если будешь неправильно обращаться с этой игрушкой. Он обладает острой направленностью, и количество света и звука, которое можно извлечь из него, достаточно для того, чтобы повредить сетчатку или порвать барабанную перепонку. Для того, чтобы получать голограммное изображение, в этой штуке используется лазер.

Айдас покачал головой.

— Я никогда не играл ни на одном так долго, чтобы понять, как он внутри...— он протянул руку и потрогал струны.— Это, конечно, красивый...

— Хэлло,— сказал Катин.

Мышонок что-то буркнул и положил руку на струны.

Катин уселся по другую сторону Мышонка и некоторое время его разглядывал.

— Я сейчас думал,— сказал он,— что в девяти случаях из десяти, когда я просто говорю «Хэлло», проходя мимо кого-нибудь, или если человек, к которому я обращаюсь, сам куда-то спешит, я провожу последующие пятнадцать минут, воспроизводя случившееся и размышляя: то ли моя улыбка была принята за проявление чрезмерной фамильярности, то ли выражение моего лица получилось слишком холодным. Я повторяю снова, дюжину раз изменяя свой тон и пытаюсь экстраполировать изменения, могущие приводить к нужной реакции другого человека...

— Ну-ну,— Мышонок взглянул поверх сиринкса.— Не расстраивайся. Ты мне нравишься. Я просто занят сейчас, вот и все.

— О,— улыбнулся Катин. Затем его улыбка сменилась выражением глубокого раздумья.— Знаешь, Мышонок, я завидую капитану. Он выполняет миссию. И его страсть сводит на нет все то, что возникает вокруг него, все, что другие думают о нем.

— Я иду через все это не так, как ты думаешь,— сказал Мышонок.— Совсем не так.

— А я так,— Айдас огляделся.— Где бы я ни был, я все делаю...— он опустил свою черную голову, разглядывая пальцы.

— Просто замечательно с его стороны позволить нам сейчас отдыхать, а самому вести с Линчесом корабль,— произнес Катин.

— Да,— согласился Айдас,— я полагаю...

Он повернул руки, рассматривая темные линии на ладонях.

— У капитана есть о чем позаботиться,— вмешался Мышонок.— А он не хочет об этом и думать. На этом отрезке пути не ожидается ничего интересного, поэтому он должен был чем-то заняться, чтобы отогнать мысли. Вот что я думаю.

— Ты считаешь, что у капитана тяжело на душе?

— Может быть,— Мышонок извлек из инструмента запах кори-

цы, такой резкий, что запершило в ноздрях и защипало нёбо. У Катина выступили слезы.

Мышонок замотал головой и повернул верньер, который раньше трогал Айдас.

— Прощу прощения.

— Валет... — на той стороне каюты Себастьян взглянул поверх карт и сморщил нос, — ...мечей.

Катин, единственный, у кого ноги были достаточно длинные, потрогал воду носком сандалии. Закачался разноцветный гравий. Катин вытащил диктофон и щелкнул кнопкой записи.

— Романы пишутся прежде всего о человеческих отношениях, — он вглядывался в мозаичный рисунок стены, полускрытый листьями. — Их популярность объясняется тем, что они заполняют одиночество людей, которые их читают. Людей словно гипнотизирует то, что происходит в их собственном сознании. Капитан и Принс, например, посредством своих стремлений связаны между собой...

Мышонок быстро наклонился к диктофону и произнес:

— Капитан и Принс не сталкивались лицом к лицу, наверное, лет десять.

Катин с досадой щелкнул переключателем, попытался подыскать подходящую шпильку в ответ и не смог. Снова щелкнул тумблером.

— Помните, что общество, позволяющее таким вещам происходить, есть общество, способствующее вымиранию романа. Зарубите себе на носу, запомните это как следует. Если вы думаете, что сюжет романа — это то, что происходит, когда люди встречаются лицом к лицу, когда они разговаривают друг с другом, то вы глубоко заблуждаетесь и невольно способствуете вымиранию романа, — он выключил диктофон.

— Зачем ты пишешь эту книгу? — спросил Мышонок. — Я имею в виду — что ты хочешь с ней сделать?

— Зачем ты играешь на сиринксе? Мне кажется, примерно по той же причине.

— Только если я буду все время проводить за репетициями, я вряд ли что-нибудь сыграю. Это намек.

— Я начинаю понимать, Мышонок. Это для меня не цель, а только способ ее достижения, который перестает интересовать, как только цель достигнута.

— Катин, я понимаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь создать нечто прекрасное. Но у тебя ничего не получается. Я тоже должен долго практиковаться, прежде чем сыграть что-то. Но если ты собираешься сделать то, что задумал, ты должен заставить людей почувствовать, что такое — окружающая их жизнь, заставить их бояться ее, даже если у них не будет к этому никаких иных причин, кроме того парня, что рыскает сейчас по подвалам Алкэйна.

И твоя вещь не получится, если ты сам не чувствуешь этого хотя бы немного.

— Мышонок, ты замечательный, хороший, прекрасный человек. Но что-то с тобой не так. Все эти прекрасные образы, которые ты извлекаешь из своей арфы... Я достаточно долго вглядывался в твоё лицо и знаю, в какой мере они движутся страхом.

Мышонок вскинул голову, на лбу его прорезались морщины.

— Я могу часами сидеть и смотреть на твою игру. Но она только временами радость, Мышонок. Это происходит только тогда, когда все то, что человек знает о жизни, абстрагируется и подчеркивается в твоей многоголосой и разукрашенной вещи. Это прекрасно и непреходяще. Да, внутри у меня есть большая область, которую я не могу использовать для этой работы, той самой, которая бьет ключом, фонтанирует в тебе, рвется с твоих пальцев. Но внутри тебя тоже есть нечто, что играет только для того, чтобы заглушить рвущийся наружу вопль,— он кивнул, встретив нахмуренный взгляд Мышонка.

Мышонок что-то промычал.

Катин пожал плечами.

— Я бы почитал твою книгу,— сказал Айдаc.

Мышонок и Катин повернулись к нему.

— Я читал... ну, разные книги,— Айдаc снова перевел взгляд на свои руки.

— Ты бы стал читать?

Айдаc кивнул.

— Люди Окраинных Колоний читают книги, иногда даже романы. Только они не очень... ну, они старые...— он поглядел на каркас на стене: Линчес лежал, словно неживой дух.— В Окраинных Колониях иначе, чем...— он обвел рукой помещение, обозначая созвездие Дракона.— Скажи, ты знаешь место, где все было бы хорошо?

— Никогда там не был,— сказал Катин.

Мышонок покачал головой.

— Было бы просто глупо, если бы ты знал, не сможем ли мы где достать немного...— Айдаc опустил голову и посмотрел себе под ноги.— Не обращай внимания...

— Спросил бы их,— сказал Катин, ткнув пальцем в игроков у стены.— Это их дом.

— А,— сказал Айдаc.— Конечно. Я полагаю...— он оттолкнулся от пандуса, плюхнулся в воду, поскользнулся на гравии, выбрался из бассейна и направился к картежникам, кадая на ковер.

Катин посмотрел на Мышонка и покачал головой.

Мокрые следы тут же поглощались голубым ворсом.

— Шестерка мечей.

— Пятерка мечей.

— Простите, никто из вас не знает?..

- Десятка мечей. Моя взятка. Паж чаш.
- ...на том мире, куда мы идем, нельзя ли достать?..
- Башня.
- Хотел бы я, чтобы эта карта не была перевернутой, когда капитану гадали,— шепнул Катин Мышонку.— Поверь мне, она не предвещает ничего хорошего.
- Четверка чаш.
- Моя взятка. Девятка жезлов.
- ...достать немного...
- Семерка жезлов.
- ... блаженства?
- Колесо фортуны. Моя взятка.
- Себастьян поднял голову.
- Блаженства?

* * *

Исследователь, решивший назвать внешнюю планету Дим, Умершей Сестры,— Элизиум, просто пошутил. Несмотря на все рельефоизменяющие машины, она оставалась продрогшим, покрытым шлаком эллипсоидом на трансплутоновом расстоянии от звезды, голая и безжизненная.

Некто выдвинул однажды сомнительную гипотезу о том, что все три оставшиеся планеты на самом деле были спутниками, которые находились в момент катастрофы в тени гигантской планеты и поэтому избежали ярости светила, испепелившего их защитницу. Бедные луны, если вы действительно луны,— подумал Катин, когда они пролетали мимо. Быть планетами вам ничуть не лучше. Дело только в претенциозности.

Когда исследователь двинулся дальше, к нему вернулось чувство меры. Усмешка мелькнула на его лице при виде средней планеты — он назвал ее Дис (то есть — ничем).

Судьба рассудила, что остряк спохватился слишком поздно. Рискувший дразнить богов получает классическую плату. Около 19/25 вещества третьей планеты испарилось в открытом пространстве, когда Дим, Умершая Сестра, стала Новой. В результате этого появилась суша, чуть более возвышенная, чем земная. Атмосфера, которой невозможно дышать, полное отсутствие органической жизни, сверхнизкие температуры. Пустяки, по сравнению с наличием морей — настоящим подарком. А все остальное легко поправить. Поэтому человечество, лишь только начав обживать Плеяды, вторглось на обугленные замерзшие равнины. Старейший город Другого Мира — хотя и не самый крупный, поскольку коммерческие и экономические изменения за последние три столетия привели к пере-

мещениям населения — был очень заботливо назван Городом Ужасной Ночи.

И вот «Рух» опускался рядом с черным волдырем города, высящимся на Дьявольском Котле.

* * *

(Федерация Плеяд. Другой Мир. ГУН. 3172)

—... восемнадцать часов,— это было окончание сообщения информатора.

— В достаточной ли мере это дом для тебя? — спросил Мышонок.

Лео оглядел поле.

— Никогда по этому миру я не ходил,— признался он. Позади до самого горизонта простиралось море раскрошенного льда.— Но стаи нха по этому морю движутся. Шесть плавников у них и тело из больших сегментов состоит. Рыбаки на них с гарпунами длиной в пять ростов человека охотятся. Это Плеяды. Это дом,— он улыбнулся, и облачко дыхания сделало голубым сияние его глаз.

— Это ведь твой мир, правда, Себастьян? — спросил Катин.— Ты должен хорошо себя чувствовать, вернувшись домой.

Себастьян отвел черное крыло, заслонявшее глаза.

— Мой, но...— он огляделся, передернул плечами.— Я из Тюла. Это город большой, в четверти пути вокруг всего Другого Мира лежит. Отсюда очень далеко он и совсем другой.—Он покачал головой.

— Наш мир, да,— сказала Тай.— Но вовсе не наш дом.

Капитан, шедший в нескольких шагах впереди, обернулся.

— Поглядите,— он показал на ворота. Лицо его ниже шрама застыло.— Нет Дракона, свернувшегося на их колоннах. Дом это. Для тебя, для тебя, для тебя и меня — дом это!

— Дом,— повторил Лео, но его голос прозвучал осторожно.

Они последовали за капитаном сквозь лишенные Змеи ворота. В ландшафте преобладали цвета пожарища.

Медь — окислилась до пятнистого желто-зеленого.

Железо — черные и красные хлопья.

Сера — ее окислы были влажными, красновато-коричневыми.

Краски выползали из-за пыльного горизонта и пятнали стены и башни Города. Линчес смахнул серебряную бахрому с ресниц, чтобы поглядеть на небо, где сквозь толчею теней, подобных кошмарным черным листьям, мигало истощенное солнце, не способное даже в полдень создать ничего большего, чем вечер. Он обернулся.

чтобы посмотреть на зверя, сидящего на плече Себастьяна, который распростер свои крылья и загремел цепочкой.

— А как твои питомцы чувствуют себя дома? — он потянулся к зверю, но сразу же отдернул руку от черного когтя. Близнецы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Они спускались в Город Ужасной Ночи.

* * *

На полпути Мышонок начал пробираться по краю эскалатора вверх.

— Это... это не Земля.

— А? — Катин проехал мимо, посмотрел на Мышонка и стал сам протискиваться к краю.

— Это твой первый полет вдаль от Солнца, не так ли?

Мышонок кивнул.

— Большой разницы ты не увидишь.

— Но ты только погляди на это, Катин!

— Город Ужасной Ночи, — задумчиво протянул Катин. — Все это огонь, правда, их слишком много, но они, наверное, боятся ночи.

Они задержались еще немного, разглядывая грандиозную шахматную доску — инкрустированные фигуры, беспорядочная куча королей, ферзей и ладей, заслоняющая офицеров и пешек.

— Идем, — сказал Мышонок.

Двадцатиметровые лезвия металла, образующие гигантские ступени, понесли их дальше.

— Лучше держаться поближе к капитану.

* * *

Улицы около стартового поля были полны гостиниц. Над тротуарами возвышались маркизы, отмечая дансинги и психорамы. Мышонок поглядел сквозь прозрачные стены на людей, плавающих в бассейне какого-то клуба развлечений.

— Никакой разницы в этом с Тритоном. Шесть пенсов местной валюты? Цены, впрочем, гораздо ниже.

Половина народу на улицах были либо офицерами, либо членами экипажей. Мышонок слышал музыку. Она лилась из открытых дверей баров.

— Эй, Тай! — Мышонок ткнул пальцем в навес. — Ты когда-нибудь работала в таком заведении?

— В Тыоле — да.

«Опытная гадалка» — буквы на надписи блестящие и растянутые в ширину.

— Мы будем в Городе...

Близнецы повернулись к капитану.

— ... пять дней.

— Мы пойдем обратно на корабль? — спросил Мышонок. — Или в город, где можно найти себе развлечения?

Рассеките шрам тремя горизонтальными линиями — капитан наморщил лоб.

— Вы все понимаете опасность, которой мы подвергаемся, — он устремил взгляд поверх зданий. — Нет. Мы не останемся ни здесь, ни на корабле, — он шагнул под арку коммуникационной кабины. Не заботясь о том, что входные панели не закрыты, он положил руку на индукционную пластину. — Это говорит Лок фон Рей. Йогос Седзуми?

— Если консультативная встреча кончилась, я позову его.

— Его андроид сойдет, — сказал Лок. — Совсем маленького одолжения я хочу.

— Он всегда с вами сам, мистер фон Рей, любит говорить. Подождите минуту.

В колонне материализовалась фигура.

— Лок! Давно я тебя не видел. Что я для тебя могу сделать?

— Кому-нибудь понадобится Таафит-на-Золоте в ближайшие десять дней?

— Нет. Я в Тыоле сейчас и буду еще месяц. Я понимаю — ты сейчас в Городе и нуждаешься в месте, где можно остановиться?

Катин уже заметил переход капитана на диалект.

В звучании голосов капитана и Седзуми было сходство, характеризующее их обоих. Катин узнал обычную эксцентричность, которую он определил как своего рода акцент высшего света Плеяд. Он взглянул на Тай и Себастьяна, чтобы узнать, обратили ли они внимание на это. Подрагивание мускулов около глаз, хоть и совсем легкое, но все же было заметно. Катин перевел взгляд на колонну.

— Со мной экипаж, Йоги.

— Лок, мой дом — твой дом. Надеюсь, тебе и твоим друзьям там понравится.

— Спасибо, Йоги, — Лок шагнул из кабины.

Экипаж переглянулся в недоумении.

— Вполне вероятно, — сказал Лок, — что последующие пять дней, которые я проведу на Другом Море, будут последними, которые я проведу где-либо вообще, — он обвел взглядом экипаж, старательно наблюдая за реакцией. Не менее старательно они пытались скрыть свои чувства. — Мы можем вполне приятно провести время. За мной!

Монорельс карабкался вверх, пересекая Город.

— Это Золото? — спросила Тай Себастьяна.

Мышонок, стоявший сбоку от них, вдавил лицо в стекло.

— Где?

— Вон, — Себастьян показал через площадь. Позади домов Город огибала река расплавленного металла.

— Ого, совсем как на Тритоне, — сказал Мышонок. — Кора этой планеты тоже обогревается иллирионом?

Себастьян покачал головой.

— Для этого вся планета большая слишком. Только под каждым городом. Эта трещина Золотом названа.

Мышонок смотрел на хрупкие огненные трещинки, отходящие от основного разлома.

— Мышонок!

— А? — он взглянул на Катина, вытащившего свой диктофон. — Чего тебе?

— Сделай что-нибудь.

— Что?

— Я хочу попробовать провести эксперимент. Сделай что-нибудь.

— Что-ты хочешь, чтобы я сделал?

— Все, что взбредет в голову. Валяй!

— Ну... — Мышонок задумался. — Хорошо.

Он сделал.

Близнецы, стоявшие в другом конце вагончика, повернулись посмотреть.

Тай с Себастьяном поглядели на Мышонка, друг на друга, снова на Мышонка.

— Характер, — произнес Катин в диктофон, — наиболее ярко проявляется в действии. Мышонок отступил от окна, сделал резкий оборот и еще раз. Из выражения его лица я могу заключить, что он размышляет насчет моего удивления стремительностью его действий и в то же время хочет знать, удовлетворен ли я увиденным. Он уронил руки на стекло, тяжело дыша, и просунул согнутые пальцы в...

— Эй, — сказал Мышонок, — я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы — это не входит...

— ...«Эй, — сказал Мышонок, сунув согнутые большие пальцы в карманы брюк, — я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы — это не входит...»

— Черт возьми!

Мышонок разогнул пальцы, нервно сжал кулаки и снова воскликнул:

— Черт возьми!

— Существует три типа действий: целенаправленные, вошедшие в привычку и бесцельные. Люди для того, чтобы быть понятыми, должны использовать все три типа,— Катин взглянул вдоль вагона.

Капитан смотрел сквозь гнутую панель, поддерживающую крышу. Его взгляд был прикован к чахламу свету, пульсирующему, словно глазок в дверце гигантской топки. Свет был таким слабым, что он даже не щурил глаза.

— Я ошибся,— признался Катин в диктофон.— Зеркало, отражающее мое видение мира, поворачивается, и то, что сначала казалось бессмысленным, я вижу достаточное количество раз, чтобы признать привычкой. То, что я полагал привычкой, теперь кажется частью великого замысла. В то время как то, что я принимал первоначально за цель, превращается в бессмыслицу. Зеркало поворачивается снова и показывает, что человек, который, как я думал, страстно идет к своей цели, превратил свою страсть в привычку. Его привычки в высшей степени бессмысленны. В то время, как те действия, которые я определил как бессмысленные, оказываются направленными к достижению демонической цели.

Желтые глаза отпустили усталую звезду. Лицо Лока, взглянувшего на Мышонка, исказилось под шрамом в какой-то усмешке, которую Катин не понял.

«Ярость,— подумал Катин.— Ярость. Да. Но как можно отличить ярость от смеха на этом лице?»

Другие тоже смеялись.

* * *

— Что это за дым? — спросил Мышонок, обходя дымящуюся решетку в булыжной мостовой.

— Водосток, надо полагать,— сказал Лео. Рыбак поглядел на туман, поднимающийся вверх у столба, на котором видел яркий индукционный фонарь. У почвы пар скапливался и оседал.

— Таафит в конце улицы,— сказал Лок.

Они двинулись на холм мимо полудюжины еще таких же решеток, дымящихся в вечных сумерках.

— Я думаю, Золото находится прямо...

— ...за этой стеной?

Лок кивнул близнецам.

— Что это за место — Таафит? — спросил Мышонок.

— Место, где мне будет удобно,— слабая болезненная гримаса тронула лицо Лока.— И где нам с вами ни о чем не надо будет бес-

покоиться, — Лок протянул руку, чтобы похлопать его по плечу, но Мышонок увернулся. — Вот мы и на месте.

Двенадцатифутовые ворота с разноцветными стеклами, обрамленными витыми полосами металла, разошлись в стороны, когда Лок положил руку на пластину замка.

— Нас приглашают.

— Таафит не ваш? — спросил Катин.

— Он принадлежит моему старому школьному другу Йогосу Седзуми, владеющему рудниками на Плеядах. Дюжину лет назад я часто им пользовался. Вот почему замок открылся от прикосновения моей ладони. Я сделал то же самое для него с несколькими моими домами. Мы давно не видели друг друга, но раньше мы были довольно близки.

Они вошли в сад Таафита.

Здесьними цветами никогда не любовались при полном солнечном свете. Лепестки были темно-красными, каштановыми, фиолетовыми. Цвета вечера. Похожие на слюду чешуйки паучьей тильды поблескивали на безлистных ветках. Было много низкорослого кустарника, но все более высокие растения были очень гладкими и редкими, чтобы отбрасывать как можно меньше тени.

Передняя стена Таафита была изогнутой. Сад и дом сливались воедино. Нечто вроде тропы вело к подобию лестницы, врезанной в скалу.

Когда Лок положил руку на панель, по всему дому замигали огни.

— Заходите.

Они прошли вслед за капитаном по бежевому ковру. Катин сразу направился к полкам с бронзовыми статуэтками.

— Бенин? — спросил он капитана.

— Думаю, что да. Йогос просто помещан на Нигерии тринадцатого века.

Когда Катин повернулся к противоположной стене, глаза его расширились.

— А вот это не может быть оригиналами! Или, все-таки, это настоящий Ван-Мигрен?

— Нет. Боюсь, что это просто старые копии.

Катин прокашлялся.

— У меня засели в мозгу «Под Сириусом» Дехея.

Они прошли по холлу дальше.

— Мне кажется, здесь должен быть бар, — Лок открыл какую-то дверь.

Огни доходили только до половины высоты комнаты. Огни желтых ламп играли внутри бассейна опалесцирующего песка, заполненного обломками скал. Напитки уже двигались по полу комнаты на большом вращающемся круге. На парящих стеклянных дисках

стояли тусклые статуэтки. Бронза Бенина в холле, а здесь были ранние Киклады, блеклые и бесформенные.

За окном — Золото.

Среди треснувших скал ярко, почти как солнце, вспыхивала лава.

Неспокойная поверхность реки качала тени скал среди деревянных потолочных балок.

Мышонок шагнул вперед и что-то беззвучно пробормотал.

Тай и Себастьян сощурили глаза.

— Ну не стоит ли на это...

— ...на это посмотреть!

Мышонок, обогнув песчаный бассейн, подбежал к стеклу и прижался к нему лицом. Затем осклабился через плечо:

— Это все равно, что быть на берегу какой-нибудь тритонской Геенны!

— Который из напитков Другого Мира вы попробуете сначала? — спросил Лок близнецов, взяв с подноса две бутылки.

— Тот, что в красной бутылке...

— ...в зеленой бутылке неплохо смотрится...

— ...не так хорошо, как то, что у нас было на Табмене...

— ...готов поспорить, на Табмене у нас была штучка, называемая блаженством...

— ...вы знаете, что такое блаженство, капитан?

— Блаженства нет, — Лок поднял руки с бутылками. — Красная или зеленая? Хорошо — и та, и другая.

— Я бы лучше взял...

— ...я тоже. Но, надо думать, тут нет...

— ...думаю, что нет. Поэтому я возьму...

— ...красную...

— ...зеленую.

— И ту, и другую. Получайте.

Тай тронула Себастьяна за руку.

— Что?

Она показала на стену: один из дисков проплывал мимо картины.

— Вид из Тыола на Сырую Долину это! — Себастьян сжал плечо Лео. — Смотри! Дом это!

Рыбак взглянул на картину.

— Ты из заднего окна дома, где я родился, смотришь, — сказал Себастьян. — Все, что видишь.

— Эй, — Мышонок дотронулся до плеча Катина.

Катин перевел взгляд со скульптур, которые он внимательно рассматривал, на смуглое лицо Мышонка.

— А?

— Стул вон там. Ты помнишь, что говорил о мебели Республики Вега тогда на корабле?

— Да.

— Этот стул тоже такой?

Катин улыбнулся.

— Нет. Все, что здесь есть, относится ко времени, когда еще не было межзвездных полетов. Эта комната целиком довольно точная копия элегантного американского особняка двадцать первого или двадцать второго века.

Мышонок кивнул.

— О!

— Богачи часто увлекаются стариной.

— Я раньше не бывал в таких местах,— Мышонок оглядел комнату.— Это — да!

— Конечно.

— Хлебните-ка этой отравы,— позвал их Лок.

— Мышонок! Теперь на сириноксе поиграешь? — Лео, принесший две кружки, одну сунул Мышонку, другую — Катину.— Поиграй. Скоро я в ледяные доки уйду. Мышонок, поиграй мне.

— Сыграй что-нибудь, чтобы можно было танцевать...

— ...потанцуй с нами, Тай. Себастьян...

— ...Себастьян, потанцуешь тоже с нами?

Мышонок раскрыл футляр.

Лео пошел взять бокал для себя, вернулся, сел на стул. Образы Мышонка были блеклыми из-за сияния Золота. Но музыка была орнаментирована резкими, настойчивыми четвертями тонов.

Сидящий на полу Мышонок, поддерживая покачивающийся на его темной (подошва — словно рог) босой ноге сиринокс, отбивал обутой ногой такт и раскачивался. Пальцы его летали над струнами. Свет Золота, комнатных ламп и сиринокса с яростью хлестал лицо капитана. Спустя минут двадцать капитан сказал:

— Мышонок, я хочу похитить тебя ненадолго.

Мышонок перестал играть.

— Что вы хотите, капитан?

— Компании. Я ухожу.

Лица танцующих вытянулись.

— Я включил запись,— Лок повернул выключатель на стене.

Снова зазвучала музыка. И туманные видения, порожденные сириноксом, снова заплясали по комнате вместе с фигурами Тай, Себастьяна, близнецов вместе со звуками их смеха...

— Куда мы пойдем, капитан? — спросил Мышонок. Он убирал сиринокс в футляр.

— Я об этом сейчас и думаю. Нам здесь надо кое-что достать. Я говорю о блаженстве.

— Вы хотите сказать, что знаете...

— ...где его можно достать?

— Плеяды — мой дом,— ответил капитан.— Мы вернемся примерно через час. Идем, Мышонок.

— Эй, Мышонок, ты не оставишь...
— ...нам сирикс...
— ...сейчас? Все будет о'кей. Не беспокойся, мы не позволим...

— ...не позволим больше никому его трогать.
Мышонок, плотно сжав губы, посмотрел на инструмент, на близнецов.

— Хорошо. Ты можешь играть на нем. Но только смотри! Он подошел к Локу, стоящему у двери.

Лео присоединился к ним.

— Теперь время тоже мне идти настало.

Для Мышонка это прозвучало неожиданно, хотя он и понимал неизбежность такого момента. Он моргнул.

— За то, что подбросили, капитан, благодарю.

Они прошли через холл в сад. Выйдя из ворот, они остановились у дымящейся решетки.

— В ледяные доки вниз идти, — Лок ткнул пальцем в подножие холма. — Ты на монорельсе до конца с нами поезжай.

Лео кивнул. Его голубые глаза встретились с карими глазами Мышонка, и неуверенность проступила на его лице.

— Ну, Мышонок, может быть, через несколько лет мы еще встретимся?

— Да, — сказал Мышонок, — может быть.

Лео повернулся и пошел вниз по покрытой испарениями улице, ботинок звонко стучал по мостовой.

— Эй, — окликнул его Мышонок.

Лео оглянулся, умекнулся и пошел дальше.

— Знаете, — повернулся Мышонок к Локу. — Я, наверное, никогда в жизни его больше не увижу... Пойдемте, капитан.

* * *

— Мы где-то недалеко от посадочного поля, капитан? — спросил Мышонок. Они спускались по забитым людьми ступеням станции монорельса.

— Можно дойти пешком. Мы в пяти милях ниже по Золоту от Таафита.

Только что прошли поливочные машины. Прохожие отражались в мокром тротуаре.

Двое парней с ожерельями из колокольчиков, смеясь толкнули молодого мужчину. Он повернулся им вслед, махнул рукой. Потом шагнул к Локу и Мышонку.

— Эй, старина! И ты! Поможете? Завтра, завтра в работу я впрягусь. Но сейчас...

Мышонок оглянулся на работягу, но Лок не позволил ему остановиться.

— Что это там? — Мышонок показал на высокую арку огней. Перед дверью, на ярко освещенном тротуаре, толпились гуляющие.

— Блаженства здесь нет.

Они свернули за угол. В том конце улицы, у ограды, стояли парочки. Лок перешел улицу.

— Это другой конец Золота.

Под заваленным камнями склоном ввинчивалось в ночь яркое полыхание. Одна парочка отошла от ограды, рука в руке, ярко освещенные лица.

Вспышки сквозь волосы, руки и плечи: человек в куртке из черной парчи шел по тротуару. Поднос с драгоценными камнями висел у него на шее. Парочка остановила его. Девушка купила у торговца камень и, смеясь, приложила его к своему мальчишескому лбу. Усыпанные блесками ленты, развевающиеся на центральной куче камней, относило резкими порывами ветра, и они запутались в длинных ногах юноши. Парочка расхохоталась на всю улицу.

Лок и Мышонок подошли к концу ограждения. По каменным ступеням навстречу им поднималась группа мужчин в униформе Патруля Плеяд. Позади них с криками бежали вверх по ступеням три девушки. Их догнали пять ребят, и крики перешли в смех. Мышонок оглянулся и увидел, как они сгрудились вокруг торговца драгоценностями.

Лок начал спускаться.

— А что там внизу? — Мышонок поспешил за ним.

Сбоку от широких ступеней люди сидели за столиками кафе, врезанных прямо в камень.

— Похоже, что вы знаете, куда идти, капитан. — Мышонок дотронулся до локтя Лока. — Кто это? — он уставился на неторопливо бредущую девушку. Среди легко одетой толпы она резко выделялась теплой паркой, отороченной мехом.

— Это одна из рыбачек со льдов, — ответил капитан. — Лео тоже скоро наденет такую же парку. Они проводят большую часть времени вдали от обогреваемой части Города.

— Куда мы идем?

— Я думаю, внизу мы найдем то, что нам нужно, — они пошли вдоль невысокого утеса. В горе светилось несколько окон, алые огни мерцали сквозь шторы. — Эти заведения меняют владельцев через каждые пару месяцев, а я не был в Городе лет пять. Если мы не найдем то, что я ищу, мы поищем то, что нас устроит.

— Что это за заведение?

Закричала женщина. Дверь распахнулась. Женщина вывалилась наружу. Неожиданно другая женщина вынырнула из темноты, под-

хватила подругу, шлепнула дважды и втащила обратно. Дверь отсекла второй крик.

Старик (вероятно, тоже рыбак) держал какого-то юношу за плечи:

— Мы тебя в комнату, которую ты снимаешь, доставим. Голову выше держи. Все в порядке будет. В комнату мы тебя доставим.

Мышонок смотрел, как они, шатаясь, прошли мимо. Парочка остановилась около каменных ступеней. Девушка отрицательно качала головой. Парень кивнул, и они повернули обратно.

— Заведение, о котором я говорю, кроме всего прочего, преуспевает в вербовке рабочих на рудники Окраинных Колоний. Оно получает комиссионные с каждого рекрута. И все это совершенно легально. Во Вселенной проживает огромное количество глупцов. Я был десятником на одном из рудников и видел все это с другой стороны. Во всем этом мало хорошего,— Лок взглянул на дверь.— Имя другое. А место — то самое.

Они начали спускаться по ступенькам. Мышонок быстро глянул на капитана и поспешил вслед за ним. Они очутились в длинном помещении со сколоченной из планок стойкой у одной из стен. Две-три панели мультихрома выдавали хилое свечение.

— И люди те же.

Мужчина постарше Мышонка, но моложе Лока, со свалывшими-ся волосами и грязными ногтями, поднялся им навстречу.

— Что я могу сделать для вас, ребята?

— Что у вас есть для того, чтобы мы почувствовали себя хорошо?

Он прищурил глаз.

— Садитесь.

Неясные фигуры появились и замерли перед баром.

Лок и Мышонок опустили-ся на стулья. Мужчина поднял за спинку еще один, повернул его, покачал и сел на край стола.

— Насколько хорошо вы хотите себя почувствовать?

Лок положил на стол руки ладонями вверх.

— Внизу у нас есть...— мужчина бросил взгляд на дверь в конце комнаты, сквозь которую взад и вперед сновали люди.— ...У нас есть Патобат.

— Что это? — спросил Мышонок.

— Комната с хрустальными стенами, отражающими цвет твоих желаний,— ответил Лок.— Ты оставляешь одежду около двери и плывешь среди колонн света в потоке глицерина. Он нагрет до температуры тела и скрадывает все твои ощущения. Через некоторое время, потеряв способность к физическому восприятию реальности, теряешь разум. На первый план из подсознания выступают психонические фантазии,— он посмотрел на мужчину.— Я хочу чего-нибудь, что можно взять с собой.

Зубы мужчины резко скрипнули.

На сцену бара в коралловый круг света вышла обнаженная девушка и принялась нараспев читать стихи. Сидящие временами аплодировали ей.

Лок сжал ладони.

— Блаженства.

Мужчина вскинул брови.

— И я об этом же подумал,— его руки сжались.— Блаженство.

Мышонок смотрел на девушку. Ее кожа неестественно блестела. Глицерин, подумал Мышонок. Да, глицерин. Он перегнулся через каменную стену и тут же отпрянул. С холодного каменного свода капала вода. Мышонок потер колено и оглянулся на капитана.

— Мы ждем.

Мужчина кивнул. Спустя мгновение он спросил Мышонка:

— Чем ты и этот симпатяга зарабатываете на жизнь?

— Мы — экипаж... грузовика,— капитан одобрительно кивнул.

— Знаете, в Окраинных Колониях есть очень хорошая работенка. Вы никогда не думали о том, чтобы попытаться счастья на рудниках?

— Я работал на рудниках три года,— сказал Лок.

— О! — мужчина погрузился в молчание.

Через несколько секунд Лок спросил:

— Вы собираетесь посылать за блаженством?

— Уже послал,— слабая улыбка тронула его губы.

Ритмичные хлопки в зале сменились аплодисментами: девушка закончила выступление. Она спрыгнула со сцены и побежала к ним. Мышонок увидел, что она что-то быстро взяла у одного из сидящих в баре мужчин. Она обняла человека, сидевшего с ними. Их руки соединились, она убежала в тень, и Мышонок увидел, как руки мужчины упали на стол, а пальцы согнулись, скрывая то, что лежало под ними. Лок положил свою ладонь на руку мужчины, закрыв ее.

— Три фунта,— сказал мужчина.— В местной валюте.

Другой рукой Лок положил три бумажки на стол. Мужчина отвел свою руку и взял деньги.

— Идем, Мышонок, мы получили то, за чем приходили,— Лок поднялся из-за стола и пошел через зал.

Мышонок догнал его.

— Капитан, этот человек говорит не так, как у вас в Плеядах!

— В подобных местах всегда говорят на твоём языке, каким бы он ни был. Вот почему их дела всегда идут хорошо.

Когда они подошли к двери, мужчина окликнул их. Он кивнул Локу.

— Я просто хотел напомнить, чтобы ты приходил, когда захочешь. Пока, красавчик.

— На себя погляди, урод,— Лок вышел из дверей. Наверху

лестницы он остановился, наклонился к сложенным ладоням и глубоко вдохнул в себя воздух.

— Иди сюда, Мышонок, — он разжал ладони. — Понюхай, как я.

— Что я должен сделать?

— Сделай глубокий вдох, удержи дыхание, потом медленно выдыхай.

Мышонок наклонился, и тут на них упала чужая тень. Мышонок отпрыгнул.

— Отлично! Что это у вас?

Мышонок поглядел вверх, а Лок — вниз на патрульного. Лок сузил глаза и раскрыл ладони.

Патрульный, решивший проигнорировать Мышонка, глянул на Лока.

— О! — он прикусил губу. — Что-то опасное это должно быть. Что-то нелегальное, понятно?

Лок кивнул.

— Может, и так.

— Эти заведения вокруг — тут только смотри.

Лок снова кивнул.

Патрульный тоже.

— Скажи, как насчет того, чтобы нам немного обойти закон? Ты позволишь?

Мышонок увидел улыбку, которой раньше капитан не позволял появляться на своем лице. Лок протянул руки к патрульному. — Вздобрите себя.

Патрульный наклонился, втянул воздух, постоял.

— Благодарю, — сказал он и исчез.

Мышонок несколько секунд смотрел ему вслед, потом покачал головой, пожал плечами и, посмотрев на капитана, цинично усмехнулся.

Он взял руки капитана в свои, прокашлялся, задержал дыхание и резко вдохнул.

— И что теперь должно случиться?

— Об этом не беспокойся, — сказал Лок. — Уже случилось.

Они пошли обратно вдоль утеса, поглядывая на синие окна. Мышонок косился на яркое полыхание огненной реки.

— Вы знаете, — сказал он наконец. — Хотел бы я сейчас иметь сиринкс. — Они почти дошли до лестницы с открытыми кафе. Оттуда слышались громкие звуки музыки. Кто-то уронил стакан, но звук бьющегося стекла утонул в яростных аплодисментах. Мышонок поглядел на свои руки. — Эта дрянь заставила зудеть мои пальцы, — они пошли вверх по ступенькам. — Когда я был ребенком на Земле, в Афинах — там была совсем такая же улица, улица Одос Мнициклеос, она начиналась прямо от Плаки. Я работал в заведениях Плаки, знаете? Отели «Золотая тюрьма» и «О'кэй». Вы поднимаетесь по

ступенькам от Адриану, а над вами — задний портик Эрехтейена, залитый светом прожекторов с Акрополиса, возвышающегося на вершине холма. А люди за столиками по краям улицы — они быют тарелки, понимаете, и смеются. Вы бывали в Афинах, в Плаке, капитан?

— Один раз и давно, — сказал Лок. — Я был тогда в вашем возрасте. Впрочем, это было вечером.

— Тогда вы не знаете ее окрестностей; раз вы там были только один вечер, — хриплый шепот Мышонка то поднимался, то опал. — Вы идете вверх по каменным ступеням, пока открыты все ночные клубы, и там нет ничего, кроме грязи, травы и гравия, но вы все идете, а стены развалин покрыты оспой. Потом вы попадаете в место, называемое Анафиотика. Это означает «маленький Анафи», понимаете? Анафи был островом, который почти исчез после землетрясения много лет тому назад. Там есть маленькие домики, построенные прямо на склоне горы, и улицы семнадцати дюймов шириной со ступеньками, по которым карабкаешься, словно по приставной лестнице. Я знаю парня, у которого там дом... А когда я кончал работу, я брал какую-нибудь девушку. И вина. Даже когда я был ребенком, я уже мог проводить время с девушками... — Мышонок покусал пальцы. — Мы поднимались на крышу его дома по ржавой винтовой лестнице, начинающейся у входной двери, распугивая котов. А потом мы играли и пили вино и смотрели вниз, на город, раскинувшийся под горой подобно сотканному из огней ковру, и вверх, на вершину горы с маленьким монастырем, похожим на обломок кости. Однажды мы играли слишком громко, и старая женщина из домика сверху запустила в нас кувшином. Но мы только посмеялись над ней и стали кричать еще громче и уговаривали ее спуститься вниз за стаканом вина. А небо над горами уже становилось серым. Мне нравилось это, капитан. И то, что сейчас, мне нравится тоже. Я играю гораздо лучше, чем умел тогда. Это от того, что вижу вокруг себя. И я вижу вокруг себя много того, чего вы не замечаете. И это я тоже должен сыграть. Просто это не трогает вас — я не хочу сказать, что вы не чувствуете, не видите и не слышите. Я иду туда — в одном мире, и сюда — в другом, и мне нравится то, что я вижу в обоих. Вы знаете, как лежит ваша ладонь в ладони человека, который вам всех ближе? Изгибы ладоней — это спирали Галактики, задерживающиеся одна в другой. Вы знаете форму своей ладони, когда другая ладонь покидает ее, и вы пытаетесь вспомнить ощущение, которое было? Другого такого изгиба не было и не будет. Я хочу сыграть ладонь в ладони. Катин говорит, что я боюсь. Что я боюсь всего, что вокруг меня. Потому что все, что я вижу, я заталкиваю в свои зрачки, вонзаю в это мои пальцы и язык. Я люблю сегодня. Это значит, что я должен жить в страхе. Потому что сегодня — страшно. Но, в конце концов, я не боюсь ис-

кать в страхе, жить в страхе. Катин — он все смешал с прошлым. Конечно, прошлое — это то, что делает сегодня, как сегодня делает завтра... Капитан, мимо нас несется грохочущая река. Но мы можем спуститься к ней, чтобы напиться, только в одном месте, и это место называется «сейчас». Я играю на сиринксе, понимаете, и это — словно приглашение каждому спуститься и напиться. Когда я играю, я хочу, чтобы мне аплодировали. Потому что когда я играю, я стою наверху, понимаете, и держу натянутый страховочный трос, к которому они привязаны, балансируя на той грани сумасшествия, где мой разум еще способен работать. Я танцую в огне. Когда я играю, я веду других танцоров туда, куда вы, и вы, — Мышонок тыкал пальцем в прохожих, — и он, и она не могут попасть без моей помощи. Капитан, три года тому назад, в Афинах, когда мне было пятнадцать лет, я запомнил одно утро на крыше. Я стоял, прислонившись к решетке, по которой вился виноград, и огни города гасли перед приближением рассвета, и танцы затихли, и две девушки спали, завернувшись в красное одеяло, около железного столика. И я вдруг спросил себя: что ты здесь делаешь? И спросил опять: что ты здесь делаешь? Это была словно навязчивая мелодия, приходящая снова и снова. Я испугался, капитан. Я был возбужден и счастлив, и до смерти испуган и, готов поручиться, я широко ухмылялся, совсем как сейчас. Вот так все и началось, Капитан. Не было никакого голоса, пропевшего или прокричавшего это. Но я играю на своей арфе... А что я делаю сейчас, капитан? Поднимаюсь по другой улице, по каменным ступеням в нескольких парсеках оттуда. Восход тогда — ночь сейчас: Что я здесь делаю? Да! Что я делаю?

— Ты ударился в самокритику, Мышонок, — Лок обошел столб, стоящий на верху лестницы. — Давай вернемся в Таафит.

— О, конечно, капитан, — Мышонок неожиданно заглянул в искалеченное лицо. Капитан посмотрел на него. В глубине ломаных линий Мышонок увидел улыбку и сострадание. Он засмеялся. — Хотел бы я сейчас иметь сиринкс! Я бы сыграл ваши глаза отдельно от головы. Я бы вывернул нос через обе ноздри, и вы бы стали в два раза уродливее, чем сейчас, капитан. — Потом он посмотрел на улицу. Мокрый тротуар, люди, огни завертелись перед наполненными слезами глазами. — Хотел бы я сейчас иметь сиринкс, — снова прошептал Мышонок. — Иметь с собой... сейчас...

Они направились к остановке монорельса.

* * *

— Процессы питания, сна, передвижения. Как я могу объяснить их современную концепцию кому-нибудь, скажем, из двадцать третьего века?

Катин сидел в стороне от остальных членов экипажа, глядя на танцующих, на себя меж ними, смеющихся у кромки Золота. И там он тоже склонялся над диктофоном.

— Способы, которым мы осуществляем эти процессы, абсолютно выше понимания человека, родившегося семьсот лет назад, даже если бы он смог понять, что такое внутривенное питание и концентрированная пища.

И даже если он окажется поблизости от информатора, то ему будет очень сложно понять, как люди в этом обществе (за исключением очень богатых или очень, очень бедных) принимают пищу. Половина процессов окажется полностью непонятной, другая половина — неприятной. Единственно процесс питья остался прежним.

За тот же период, когда имели место эти изменения — благословение Аштону Кларку — более или менее отмер роман. Не удивлюсь, если здесь существует связь, раз уж я выбрал эту архаическую форму искусства, должен ли я рассчитывать на людей, которые прочтут мой роман завтра, или же адресовать его во вчера? Прошрое или будущее? Если я выпущу эти элементы из моего повествования, это может придать труду инертность...

Сенсо-рекордер уже ставили и на воспроизведение, и на повторное воспроизведение, поэтому комната была забита танцующими и их призраками. Айдас извлекал бесчисленные звуки и образы из сирикса Мышонка. Разговоры, настоящие и записанные, заполняли комнату.

— Несмотря на всех тех, кто сейчас танцует около меня, я создаю свое искусство для мифологического разговора с одним единственным человеком. При каких иных обстоятельствах я могу рассчитывать на понимание?

Тай шагнула от Тай и Себастьяна.

— Катин, над дверью сигнал горит.

Катин щелкнул диктофоном.

— Мышонок и капитан должны вернуться. Не беспокойся, Тай. Я их встречу,— Катин вышел из комнаты и заспешил через холл к двери.

— Эй, капитан,— Катин широко распахнул дверь,— гости собираются...— он уронил руку с кнопки. Сердце стукнуло дважды где-то в горле и, похоже, остановилось.

Он отступил от двери.

— Я полагаю, вы узнали меня и мою сестру? Тогда нет нужды представляться. Можно нам войти?

Две фигуры в дверях казались невозможно реальными.

Катин тщетно пытался открыть рот, чтобы хоть что-нибудь произнести.

— Мы знаем, что его нет. Мы подождем.

Железные ворота со стеклянным узором закрывала лента пара. Лок взглянул на заросли, темным силуэтом выделяющиеся на янтаре Таафита.

— Надеюсь, что веселье еще идет,— сказал Мышонок.— Прodelать такой путь и заставить их дремлющими по углам!

— Блаженство встряхнет их,— начав подниматься в гору, Лок вынул руки из карманов. Легкий ветер развеивал полу его куртки, охлаждал кожу на груди. Он положил ладонь на диск дверной пластины. Дверь распахнулась. Лок шагнул внутрь.

— Что-то уж слишком тихо, как будто здесь никого нет.

Мышонок усмехнулся и с разбегу ворвался в комнату.

Вечеринка была прокручена на рекордере, потом еще и еще. Многочисленные мелодии колыхали дюжину Тай в различных ритмах. Близнецы были растащены в стороны, Себастьян, Себастьян и Себастьян, на разных стадиях опьянения, глотали красную, голубую и зеленую жидкости.

Лок остановился позади Мышонка.

— Линчес, Айдас! Мы достали вашего... Я не могу понять, кто тут кто. Минуточку.— Он нащупал на стене выключатель сенсорекордера...

С края песчаного бассейна на него смотрели близнецы.

Тай сидела у ног Себастьяна, обхватив руками колени. Серые глаза поблескивали сквозь полуприкрытые веки.

На длинной шее Катина подергивался кадык.

Принс и Руби оторвались от созерцания Золота и повернулись к нему.

— Мы, кажется, испортили собравшимся веселье. Руби полагала, что они будут развлекаться и забудут про нас, но...— Принс пожал плечами.— Я рад, что мы встретились здесь. Йоги так не хотел мне говорить, где ты находишься! Он тебе хороший друг. Но не такой друг, как я — враг,— под расстегнутой черной виниловой курткой белело что-то изысканно-элегантное. Плотные сжатые губы подчеркивали контраст черного и белого. Черные брюки, черные ботинки. Вокруг левой руки, там, где кончалась перчатка,— белый мех.

Что-то сжало сердце Лока, еще и еще.

— Ты много грозил мне и довольно интересным способом. Как же ты намерен все это выполнять? — охвативший Лока страх был смешан с восхищением.

Принс шагнул вперед, и крыло зверя Себастьяна коснулось его ноги.

— Пожалуйста...— он бросил взгляд на Себастьянова питомца. Около песчаного бассейна он остановился, наклонился между близнецами, погрузил протез в песок и сжал кулак.— Ах-х-х...— дыха-

ние со свистом вырвалось сквозь плотно сжатые губы. Он выпрямился и разжал кулак.

Кусок мутного стекла упал, дымясь, на ковер. Айдас отдернул ногу. Линчес только заморгал чаще обычного.

— Как же это отвечает на мой вопрос?

— Считай это демонстрацией моей любви к силе и красоте. Ты понял? — он пнул осколки горячего стекла. — Ба! Слишком много примесей, чтобы соперничать с Мурано. Я пришел сюда...

— Убить меня?

— ...с объяснением причин.

— А что ты принес помимо этого?

— Свою правую руку. Я знаю, у тебя нет оружия. Я же доверяю своему собственному. Давай послушаем друг друга, Лок. Аштон Кларк установил некоторые правила.

— Принс, что ты пытаешься сделать?

— Оставить все по-старому.

— Статис — это смерть.

— Но он менее разрушителен, чем твои бешеные рывки.

— Я — пират, помнишь?

— Ты очень быстро двигаешься к тому, чтобы стать величайшим преступником тысячелетия.

— Ты хочешь разъяснить мне вещи, которых я не понимаю?

— Искренне надеюсь, что нет. К нашему благу, к благу окружающих миров... — Принс засмеялся. — По всей логике спора, Лок, я прав с той самой поры, как началась эта драка. Тебе не приходило это в голову?

Лок сузил глаза.

— Я знаю — ты хочешь иллирион, — продолжал Принс. — Единственное объяснение, зачем тебе это нужно, — это чтобы нарушить равновесие сил. В противном случае, это не имело бы для тебя никакой ценности. Ты знаешь, что тогда случится?

Лок разжал губы.

— Я скажу тебе: это разрушит экономику Окраинных Колоний. Хлынет гигантский вал перемещения рабочих. Они будут скапливаться. Империя подойдет настолько близко к войне, как она не стояла со времени волнений на Веге. Ред-шифт поразит застой, а это равносильно разложению. Это уничтожит такое количество рабочей силы, сколько людей в созвездии Дракона. То же самое — застой моей компании — будет трагедией для Плеяд. Это не убеждает тебя?

— Лок, ты невозможен!

— Теперь ты понял, что я продумал абсолютно все?

— Я в ужасе.

— Есть еще аргумент, который ты можешь привести, Принс: ты сражаешься не только за созвездие Дракона, но и за экономическую

стабильность Окраинных Колоний. Если я одержу победу, треть Галактики пойдет вперед, а две трети — падут. Если ты — две трети Галактики останутся на прежнем уровне, а падет одна треть.

Принс кивнул:

— Теперь сокруши меня своей логикой.

— Я должен выжить.

Принс ждал. Нахмурился. Недоуменно засмеялся.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Почему я должен дергаться и говорить тебе, что перемещение рабочих вопреки всему произойдет без каких-либо трудностей? Что войны не произойдет, так как для них существует достаточное количество планет и пищи — при правильном их распределении. Что рост количества иллириона породит достаточное количество новых проектов, в которые будут вовлечены все эти люди?

Черные брови Принса выгнулись дугой.

— Так много иллириона?

Лок кивнул.

— Так много.

Стоящая у громадного окна Руби подняла с пола несколько уродливых осколков стекла. Она разглядывала их и, казалось, не обращала никакого внимания на разговор. Но вот Принс отвел руку, и она положила осколки ему на ладонь. Оказывается, она чутко ловила каждое слово.

— Я удивлюсь, — сказал Принс, глядя на стекло, — если это сработает. — Его пальцы сжались. — Ты настаиваешь на возобновлении вражды между нами?

— Ты дурак, Принс. Силы, которые растревожили старые тени, оказали на нас свое давление еще тогда, когда мы были детьми. К чему же притворяться, что они только сейчас стали на нашем пути?

Кулак Принса начал часто дрожать. Ладонь раскрылась. Светлые кристаллы были прострочены голубым лучом.

— Гептодиновый кварц. Ты знаком с ним? Слабое давление, действующее на стекло с примесями, всегда приводит к появлению... Я сказал «слабое». Это с точки зрения геологии, там есть такой термин.

— Ты снова грозишь. Уходи. Или ты должен будешь убить меня.

— Ты не хочешь, чтобы я ушел. Мы лавируем, стараясь избежать единоборства, которое определит, чьи миры и когда падут, — Принс сжал кристаллы. — Я могу очень аккуратно пробить одним из них тебе череп. — Он повернул руку ладонью вниз, осколки посыпались на пол. — Я не дурак, Лок. Я обманщик. Я стараюсь заставить все миры вращаться у меня перед глазами, — он наклонился и сделал шаг назад. Снова его нога задела зверя.

Зверь рванулся, натягивая цепь. Паруса крыльев рассекли воздух.

— Назад! Назад!

Цепь вырвалась из руки Себастьяна. Зверь взмыл, метнулся назад и упал на Руби.

Она закрыла голову руками. Принс прыгнул к ней, нырнул под крылья. Рука в перчатке взметнулась вверх.

Зверь вздрогнул и отлетел к стене от страшного удара. Принс снова выбросил руку навстречу черному телу. Оно забилось в воздухе.

Тай закричала, подбежала к своему питомцу, который, лежа на спине, слабо шевелил крыльями. Себастьян поднялся со стула, сжимая кулаки.

Принс повернул руку в черной перчатке ладонью вверх. Пурпур запятнал ворс.

— Это было существо, напавшее на тебя на Эскларосе?

Руби поднялась, все еще безмолвная, откинула с плеч тяжелые волосы. Она поправила платье на груди, там, куда упали капли крови.

Принс посмотрел на слабо мяукающего зверя в руках Тай и Себастьяна.

— Лок, ты задал мне вопрос: когда я приведу в исполнение свои угрозы? Максимум через шесть секунд! Но между нами стоит звезда. Слухи, о которых ты говорил Руби, дошли до нас. Паранджа, которой укрылась Великая Белая Сука Севера — твоя тетушка Циана, была довольно эффективна. Но она упала в тот самый момент, как ты покинул ее оффис. Мы подслушивали у другой замочной скважины, и мы слышали новости о звезде, готовой стать Новой. Она или звезды, подобные ей, были фокусом твоего интереса определенное время, — его голубые глаза оторвались от окровавленной ладони. — Иллирион. Я не вижу связи. Но это неважно. Люди Аарона уже работают над этим.

Напряжение, подобное боли, захлестнуло тело Лока.

— Ты готовишься к чему-то. Давай. Не стесняйся.

— Я должен решить, как это сделать. Голой рукой?.. нет, — брови Принса поднялись, он поднес к глазам черный кулак. — Нет, этой. Я ценю твои попытки оправдаться передо мной. Но как ты оправдаешься перед ними? — окровавленными пальцами он указал на экипаж.

— Аштон Кларк принял бы твою сторону, Принс. И это было бы справедливо. Я здесь не потому, что желаю такой ситуации. Я борюсь за то, чтобы разрешить ее. Вот причина, по которой я должен драться с тобой: я думаю, что смогу победить. Других причин нет. Ты за стасис. Я — за движение. Все движется. Тут нет места этике, — Лок посмотрел на близнецов. — Линчес! Айдас! Вы знаете, что рискуете в этой игре?

Они кивнули.

— Вы хотите списаться с «Руха»?

— Нет, капитан, мы...

— ...я хочу сказать, если все...

— ...все изменится на Табмэне...

— ...в Окраинных Колониях, может быть...

— ...может быть, Тобиас уйдет оттуда...

— ...и присоединится к нам.

Лок рассмеялся.

— Я думаю, Принс взял бы вас с собой, если бы вы захотели.

Руби шагнула вперед.

— Вы! — обратилась она к близнецам. — Вы действительно знаете, что случится, если вы поможете капитану фон Рею, и он достигнет успеха?

— Он может победить, — Линчес отвернулся, серебряные ресницы задрожали.

— Или не победить, — Айдаз заслонил брата.

— Этот мир не таков, как ты о нем думаешь, Принс, — сказал Лок.

Руби резко обернулась.

— А ты уверен, что он — твой? — не дожидаясь ответа, она отвернулась к Золоту. — Посмотри на него, Лок.

— Я гляжу. И что же ты видишь, Руби?

— Тебя. Тебя и Принса, желающих управлять внутренним огнем, который отгоняет ночь от планет. А там огонь вырвался наружу. Он изувечил эту планету, этот город, как Принс изувечил тебя.

— Чтобы носить этот шрам, — задумчиво (Лок почувствовал, как сжались его челюсти, как напряглись мускулы у лба и висков) произнес Принс, — ты должен быть сильнее меня.

— Чтобы носить его, я должен ненавидеть тебя.

Принс улыбнулся.

Лок уловил, как Мышонок отступил к косяку, держа руки за спиной.

— Ненависть — это привычка. Мы ненавидим друг друга уже много лет, Лок. Мне кажется, я покончу с этим сейчас, — пальцы Принса согнулись. — Ты помнишь, как это началось?

— На Сяо Орини? Я помню, ты был избалован и испорчен, как...

— Я? — брови Принса снова выгнулись. — Я испорчен? Ну а ты был страшно глуп. Никогда не прошу тебе этого!

— За упоминание о твоей руке?

— За что? Странно, этого я не помню. А такого рода оскорбления я редко забываю. Но нет. Я говорю о том, что ты мне показал в джунглях... Все они — мотающиеся около ямы, потные, крича-

щие, пьяные — и озверевшие. И Аарон был одним из них! Я помню его по сей день: лоб блестит, волосы растрепаны, лицо искажено в диком крике, пальцы сжаты в кулаки... — Принс взмахнул протезом. — Да, его кулаки! Тогда я в первый раз увидел своего отца таким. Это испугало меня. Мы видели его с тех пор много раз в таком виде, правда, Руби? — он взглянул на сестру. — Было слияние Де Тарго, когда он вышел вечером из комнаты правления... или скандал с Анти-Фламина семь лет назад. Аарон — приятный, культурный и абсолютно испорченный человек. Ты был первым, кто показал мне, как на его лице проступает порок. Я никогда не прошу тебе этого, Лок! Этот ваш план — или что там — с этой смешной звездой... Я должен остановить тебя. Я должен остановить сумасшествие фон Реев!

Принс шагнул вперед.

— Если Федерация Плеяд рухнет, когда рухнете вы, это только будет означать, что созвездие Дракона будет жить...

Себастьян обрушился на него.

Это произошло неожиданно для всех присутствующих.

Принс упал на одно колено. Рука его упала на кварцевые обломки — они разлетелись голубыми искрами. Себастьян замахнулся, и Принс метнул осколок: вжик! Себастьян взревел и отшатнулся назад, схватившись за раненую руку. Принс снова потянулся к ярким кристаллам.

Вжик! Вжик! Вжик!

Кровь закапала из ран Себастьяна. Линчес рванулся от песчаного бассейна.

— Эй, нельзя же!..

— Ему можно, — Айдас сграбастал брата за плечо.

Себастьян упал.

Вжик!

Тай вскрикнула и упала на колени, закрывая руками лицо, потянувшись к Себастьяну, распластавшемуся на ковре.

Вжик! Вжик!

Себастьян выгнул спину, задыхаясь. Многочисленные раны заливали кровью ковер.

Принс остановился.

— А теперь я убью тебя, — он перешагнул через Себастьяна. — Это и есть ответ на твой вопрос.

Это пришло откуда-то из глубины, прятавшееся до сих пор в закоулках памяти. Что-то задрожало внутри Лока. Все чувства обострились и вырвались наружу. Лок взревел. Он увидел сиринкс, оставленный на краю бассейна. Он схватил его.

— Не надо, капитан!

Когда Принс замахнулся, Лок нагнулся, прижимая инструмент к груди. Он до отказа вывернул рукоятку интенсивности.

Ребро ладони Принса проломило косяк, к которому минуту назад прислонялся Мышонок. Выше луча полетели щепки.

— Капитан, это же мой!..

Мышонок прыгнул, и капитан наотмашь ударил его ладонью. Мышонок полетел в песчаный бассейн.

Лок прыгнул в сторону и резко повернулся лицом к двери. Принс, все еще улыбаясь, сделал шаг вперед.

Лок рванул рукоятку громкости.

Вспышка.

Яркое пятно на куртке Принса — луч был сжат до предела. Рука Принса рванулась к глазам, он затряс головой.

Лок снова рванул рукоятку.

Принс зажмурил глаза, отступил назад, вскрикнул.

Пальцы Лока рванули струны. Хотя звук был остронаправленным, по комнате, перекрывая вскрик, загрохотало эхо. Голова Лока от звона ушла в плечи. Но он снова ударил по звуковой деке. И снова. С каждым ударом Принс отступал назад. Он наступил на ногу Себастьяна, покачнулся, но не упал. В мозгу Лока билась только одна мысль: он уже должен оглохнуть. Но он ударил еще раз.

Руки Принса обхватили голову. Его настоящая рука задела парящую полочку. Статуэтка упала и покатилась по ковру.

Взбешенный Лок с размаху ударил по пластинке запаха.

Отвратительная вонь поползла в ноздри, защищала полость носа так, что выступили слезы.

Принс, зашатавшись, закричал. Кулак в перчатке ударил по стеклянной панели. Она треснула от пола до потолка.

Лок шал за ним по пятам, почти ничего не видя сам.

Принс ударил по стеклу обеими руками. Стекло брызнуло в стороны. Осколки полетели на пол.

— Не т! — закричала Руби. Лицо ее было спрятано в ладонях.

Принс бросился наружу.

Жар охватил лицо Лока. Но он шагнул следом.

Принс, шатаясь и спотыкаясь, отступал к Золоту. Лок осторожно спускался за ним по острым камням склона.

И ударил еще раз.

Свет захлестнул Принса. Он, видимо, еще сохранил какую-то часть зрения, потому что с воем вцепился в глаза и упал на одно колено.

Лок пошатнулся. Плечо его задело горячий выступ. Он весь покрылся потом: пот струйками стекал по лбу, скапливался на бровях и скатывался по шраму. Он сделал еще шесть шагов — и на каждом извлекал из сирикса свет ярче Золота, звук громче урчания лавы, запах резче запаха сернистых испарений, щипавших его горло. Его ярость равнялась ярости Золота.

— Подонок... Дьявол... Отродье!

Принс упал в тот самый момент, когда его настиг Лок. Его голая рука отдернулась от раскаленных камней, голова приподнялась — руки и лицо его были в порезах от осколков стекла, рот открывался и закрывался, как у рыбы, ослепшие глаза невидяще смотрели на Лока.

Лок отвел ногу назад и вдребезги разбил это задыхающееся лицо...

И все прошло.

Он вдохнул горячий газ. Глазам стало больно от жара. Он повернулся, руки его бессильно повисли. Земля под ним вдруг задрожала и потекла к обрыву. Лок, шатаясь, стал пробираться между изъеденными лавой камнями. Огни Таафита дрожали за мерцающей завесой. Он потряс головой и закашлялся. И уронил сиринкс...

* * *

Она приближалась к нему, осторожно обходя зазубренные глыбы.

Прохлада тронула его лицо, влилась в гортань. Он заставил себя выпрямиться. Она пристально глядела на него. Ее губы трепетали, не произнося ни слова. Лок шагнул к ней.

Она подняла руку (он подумал, что она собирается ударить его, но отнесся к этому совершенно безучастно) и коснулась его напряженной шеи.

Сглотнула.

Лок смотрел в ее лицо, на ее волосы, забранные серебряным гребнем. В мерцании Золота ее бархатистая кожа приобрела ореховый оттенок. Но главное заключалось в слабом наклоне подбородка, в выражении губ, застывших в странной гримасе ужаса и смирения, в изломе пальцев на его горле.

Ее лицо приблизилось к лицу Лока. Теплые губы коснулись его губ и раскрылись в нежном поцелуе. Он почувствовал тепло обвившихся вокруг него рук. Она прижалась к нему всем телом. Его руки скользнули...

Сзади застонал Принс.

Руби, вскрикнув, метнулась в сторону. Ее ногти царапнули его плечо.

Лок шагнул сквозь разбитое стекло, обвел взглядом экипаж.
— Черт бы все это побрал! Идем отсюда!

Под кожей, словно цепи, перекачивались мускулы. Рыжие волосы поднимались и опускались на его блестящей груди при каждом вдохе.

— Идем!

— Капитан, что случилось с моим?..

Но Лок уже двинулся к двери.

Мышонок дико посмотрел на капитана, на мерцающее Золото и бросился через комнату к разбитому окну.

Лок уже собирался закрывать садовые ворота, когда Мышонок скользнул между близнецами. Сиринкс он прижимал одной рукой, футляр — другой.

— Идем на «Рух»,— говорил в это время Лок.— Мы улетаем с этой планеты.

На одном плече Тай несла, придерживая рукой, покалеченного зверя, на другое опирался Себастьян. Катин попытался ей помочь, но Себастьян был слишком низок для чего. В конце концов Катин засунул руки под ремень своих шортов и устремился за капитаном.

Они торопливо шли по булыжникам Города Ужасной Ночи, и туман клубился над уличными фонарями.

* * *

(Федерация Плеяд — Окраинные Колонии. Полет «Руха». 3172 год)

- Паж чаш.
- Дама чаш.
- Колесница. Моя взятка. Девятка жезлов.
- Валет жезлов.
- Туз жезлов. Взятка к дураку идет.

Старт был очень плавным. Теперь Лок и Айдас вели корабль, остальные сидели в холле.

Катин глядел с пандуса, как Тай и Себастьян играли в карты.

— Парцифаль — вызывающий жалость дурак — покинул малую аркану и перешел в состав двадцати одной карты большой арканы. Он изображается на обрыве утеса. Белый кот вцепился ему в зад. Невозможно сказать — падает он или возносится. Но в позднейших сериях мы имеем уже карту, называемую «отшельник»: старик с посохом и фонарем на том же самом утесе грустно смотрит вниз.

— О чем это ты, черт возьми, толкуешь? — спросил Мышонок. Его пальцы поглаживали шрам на полированном дереве.— При мне хоть не говори! Эти чертовы карты Тарота...

— Я говорю об исследованиях, Мышонок. Я начинаю думать, что мой роман может быть своего рода исследованием,— Катин взял диктофон.— Рассмотрим первоначальные версии Грааля. Довольно странно, что ни один из тех писателей, которые приступали к описанию легенды о Граале во всей ее полноте, не дожили до завершения своего труда. Мэттеннисон и Вагнер, создавшие наиболее популярные версии, исказили изначальный материал настолько, что мифологическая основа их теорий является и неузнаваемой и бес-

полезной (возможно, это и есть причина, по которой они избежали участи остальных). Но все правдивые пересказы легенды о Граале: «Конте дель Грааль» Кретьена де Тройе в тринадцатом веке, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха и «Прекрасная королева» Спенсера в шестнадцатом веке — все они неполны, потому что их авторы умерли. Я знаю, что в конце девятнадцатого века американец Ричард Хови начал цикл из одиннадцати музыкальных произведений на тему Грааля и умер раньше, чем закончил пятую пьесу. Точно так же Джордж Макдональд, друг Льюиса Кэрролла, оставил незаконченными своим «Источники легенды о Святом Граале». То же самое с циклом поэм Чарльза Вильяма «Странствие через Лонгр». И столетие спустя...

— Заткнешься ли ты наконец, Катин? Если бы я занимался такой мозговой поденщиной, как ты, я бы свихнулся!

Катин вздохнул и щелкнул выключателем.

— Ах, Мышонок, я бы свихнулся если бы думал столько же, сколько и ты.

Мышонок сунул сиринкс обратно в футляр, положил руки на крышку и опустил на них подбородок.

— Продолжай, Мышонок. Видишь — я перестал болтать. И не грусти. Что это тебя так грызет?

— Мой сиринкс...

— На нем появилась царапина, только и всего. Они появлялись и раньше, и ты говорил, что это не сказывается на качестве воспроизведения.

— Не инструмент,— на лбу Мышонка появились морщины.— А что капитан сделал с этим...— он затряс головой, отгоняя воспоминания.

— О!

— И не только это...— Мышонок выпрямился.

— А что еще?

Мышонок снова потряс головой.

— Когда я выбежал сквозь разбитое окно, чтобы подобрать свой сиринкс...

Катин кивнул.

— Жарища там была невыносимая. Еще три шага, и я подумал, что у меня ничего не выйдет. Потом я увидел, где капитан уронил его — на середине склона. Поэтому я зажмурил глаза и пошел. Я думал, что мои ступни обгорят, и был вынужден половину пути скакать. Во всяком случае, я сумел добраться и подобрать его и... Я увидел их.

— Принса и Руби?

— Она пыталась втащить его вверх по склону. Она остановилась, когда увидела меня. А я испугался,— он оторвал взгляд от своих рук — пальцы их были стиснуты.— Я повернул сиринкс на

нее. Свет, звук, запах — все до упора! Капитан не знал, как выжать из сиринкса максимум. А я знал это. Она была слепая, Катин! И я, наверное, порвал ей обе барабанные перепонки... Луч лазера был настолько мощным, что ее волосы сразу охватило пламя, потом — одежду...

— Ох, Мышонок!..

— Я испугался, Катин! После того, что случилось с капитаном и с ними... Но, Катин, — шепот Мышонка перешел в хрип, — никогда не надо так пугаться...

* * *

— Дама мечей.

— Король мечей.

— Влюбленные. Моя взятка. Туз мечей.

— Тай, иди и замени на время Айдаса, — раздался из динамика голос капитана.

— Да, сэр. Тройка мечей от дурака идет. Императрица от меня. Моя взятка, — она собрала карты, встала из-за стола и пошла в свою каюту.

Себастьян потянулся.

— Эй, Мышонок!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

(Окраинные Колонии. Полет «Руха». 3172 г.)

— Что?

Себастьян пересек голубой ковер, потирая лоб. Корабельный медицинский агрегат починил его сломанный локоть за сорок пять секунд, затратив еще меньше времени на остальные раны.

— Мышонок, почему ты корабельному медику свое горло починить не разрешаешь? — он покачал свою руку. — Он хорошо знает свое дело.

— Нет. Пару раз мне пробовали это делать, когда я был еще ребенком. Когда я вставлял разъемы, на это махнули рукой, — Мышонок пожал плечами.

Себастьян задумался.

— Не очень-то серьезно все это звучит в наше время.

— Да нет, — сказал Мышонок. — Это ведь меня почти не беспокоит. Они просто не могут с этим справиться. Что-то там насчет неврологической кон... не помню, как дальше.

— А что это такое?

Мышонок молча развел руками.

— Неврологическая конгруэнтность, — ответил Катин. — Твои неработающие голосовые связки, должно быть, это случай врожденной неврологической конгруэнтности.

— Да, так мне и сказали.

— Существует два вида врожденных дефектов, — сказал Катин. — В обоих случаях какой-то орган тела, внутренний или наружный, деформируется, атрофируется или с чем-то срастается.

— Мои голосовые связки в порядке.

— Но у основания мозга есть маленький нервный узел, который в поперечном разрезе напоминает, более или менее, фигурку человека. Если фигурка целая, то мозг обладает полным набором нервной ткани для управления телом. Крайне редко фигурка имеет тот же дефект, что и тело. Но даже если физический недостаток исправлен, в мозгу отсутствуют нервные волокна, способные управлять исправленным органом, как это и произошло в данном случае.

— То же самое, видимо, у Принса с рукой, — сказал Мышонок. — Если бы он потерял ее при несчастном случае, можно было бы сделать другую, соединить вены, артерии, нервы и все остальное, и она была бы, как новенькая.

— О, — протянул Себастьян.

Линчес сошел вниз по пандусу. Белые пальцы массировали жилистые запястья цвета слоновой кости.

— Капитан действительно оказывает нам большое послабление, управляя...

Айдас поднялся навстречу с края бассейна.

— Звезда, к которой он идет...

— ...ее координаты говорят, что она на самом конце внутренней ветви...

— В Окраинных Колониях?

— Дальше, чем самые Дальние Окраинные Колонии.

— Долго лететь туда, — сказал Себастьян. — А капитан весь путь один корабль вести будет?

— У капитана в голове куча вещей, о которых надо подумать, — сказал Катин.

Мышонок снял с плеча ремень.

— И куча вещей, о которых думать не надо. Эй, Катин, как насчет партии в шахматы?

— Так уж и быть, — сказал Катин. — Жертвую тебе ладью. Они уселись за шахматную доску.

Они успели сыграть три партии, когда по холлу разнесся голос Лока:

— Всем по своим проекционным камерам! По курсу какое-то сложное боковое течение.

Мышонок и Катин выскочили из своих стульев-пузырей. Катин

согнулся, пролезая в маленькую дверь под винтовой лестницей. Мышонок пробежал по ковру, перепрыгнул через три ступеньки. Зеркальная панель ушла в стену. Он перешагнул через ящик с инструментами, бухту кабеля, три валяющихся колечка замороженных ячеек памяти — они таяли в тепле и там, где высыхали лужицы, выступала соль — и уселся на койку. Подключить кабели было минутным делом.

Боковое течение: красные и серебристые блестки, зажатые в горсти. Капитан вел корабль поперек потока.

— Вы, должно быть, отличный гонщик, капитан, — произнес Катин. — На какой яхте вы ходили? У нас в школе был яхт-клуб, который арендовал три яхты. Я как-то даже собирался вступить в этот клуб.

— Помолчи и следи за своим парусом.

Здесь, на самом краю галактической спирали, было мало звезд. Гравитационные изменения исчезающе малы — это не полет в центре Галактики, где приходится бесконечно возиться с дюжиной рабочих частот. А здесь капитану достаточно было напасть на следы скопления ионов.

— Куда мы, по крайней мере, летим? — спросил Мышонок.

Лок показал координаты на неподвижной матрице.

— Моя звезда, — Лок прижимал парус к борту, чтобы ее можно было разглядеть. — Это мое солнце! Это моя Нова! Смотри в оба, Мышонок, запоминай... А теперь — сразу вниз! И если твой парус захлопает, и это задержит меня хотя бы на секунду...

— Продолжайте, капитан.

— ...я забью столик Тай тебе в глотку! Вверх пошел!

Мышонок рванул корабль вверх так, что потемнело в глазах.

— Капитаны из этих мест... — задумчиво произнес Лок, когда поток поредел. — Когда они попадают в мешанину течений Центра, они теряются и не могут двигаться в таких скоплениях, как Плеяды. Они избегают мощных течений, начинают крутиться и по уши залезают во всякие сложные маневры. Половина несчастных случаев, про которые ты слышал, произошла с этими капитанами. Я несколько раз говорил с такими. Они говорили, что здесь, на краю, были капитаны из Плеяд, корабли которых чуть не затягивало в гравитационные воронки. «Вы же спите на своих парусах» — говорили они, — Лок засмеялся.

— Вы ведете корабль уже довольно долго, капитан, — сказал Катин. — Тут довольно чисто. Почему бы вам не отдохнуть немного?

— Я чувствую, что мои пальцы погружены в эфир достаточно глубоко, чтобы выдержать еще одну вахту. Ты и Мышонок остаетесь на местах. Остальным марионеткам обрезать свои веревочки.

Паруса опали, сложились, каждый превратился в тонкий карандаш света. Потом и свет пропал.

Ночь легко вошла в их глаза. Паруса несли их к булавочному проколу в бархатной портюре.

— Они, наверное, здорово развлекались с помощью этого «блаженства» на Табмэне,— произнес Мышонок.— Я думал об этом, Катин. Когда мы с капитаном рыскали по берегу Золота в поисках этого наркотика, нам встретился один тип, который старался уговорить нас записаться на рудники. И я подумал: штекер есть штекер, а гнездо есть гнездо, и если я нахожусь на одном конце, то для меня нет большой разницы, будет ли на другом конце парус звездолета, сеть для охоты на аквалата или ротор рудничного комбайна. Я думаю, можно пойти туда на время.

— Да будет тень Аштона Кларка парить над твоим правым плечом и охранять твоё левое.

— Спасибо.— Помолчав немного, Мышонок спросил: — Катин, а почему люди всегда вспоминают Аштона Кларка, когда кто-то собирается сменить работу? Нам говорили у Купера, что парня, который изобрел разъемы, звали Сокет или как-то наподобие...

— Соукет,— поправил Катин.— Он мог бы счесть твои слова за неудачную шутку... Аштон Кларк был философом и психологом двадцать третьего века. Именно его работы помогли Владимиру Соукету разработать первые разъемы, присоединяемые к нервам. Оба они пытались что-то сделать с понятием работы. Работа, как ее понимало человечество до Кларка и Соукета, очень отличалась от того, что мы имеем сейчас, Мышонок. Человек шел в оффис и управлял компьютером. Он коррелировал громадную массу данных, поступающих из торговых отчетов о продаже, скажем, пуговиц или чего-нибудь столь же архаичного, в центральных районах страны. Работа этого человека была жизненно важна для производства пуговиц: по этой информации решали, какое количество пуговиц выпустить в следующем году. Но хотя этот человек и делал важную для производства работу, имел пай фирмы, получал от нее материальное и моральное поощрение, но он мог работать неделю за неделей, так и не видя ни одной пуговицы. Он получал определенное количество денег за управление компьютером. На эти деньги его жена покупала пищу и одежду для него и для семьи. Но при этом не было прямой связи между тем, где он работал, и тем, как он ел и проводил свое свободное время. Оплачивали ему не пуговицами. Поскольку фермерство, охота и рыболовство стали вовлекать в себя все меньшую часть населения, разделение между работой человека и его образом жизни — что он ел, что надевал, где спал — становилось все большим и большим для все большего числа людей. Аштон Кларк показал, что это приводит к психическим срывам. Для присутствующих всем чувств свободы действий и самоутверждения, которыми

человек обладал, начиная с неолитической революции, когда он впервые стал сеять зерно, одомашнивать животных и жить в одном, выбранном им самим месте, появилась серьезная угроза. Эта угроза появилась во времена промышленной революции, и многие люди увидели ее раньше Аштона Кларка. Однако Аштон Кларк шагнул дальше. Если в технологическом обществе сложилась такая ситуация, что между человеческим трудом и модус вивенди не существует никаких иных прямых связей, кроме финансовых, в конце концов, работнику необходимо почувствовать, что он непосредственно изменяет вещи своей работой: придает вещам форму, производит вещи, которых раньше не было, перемещает вещи с одного места на другое. Он должен затрачивать энергию на свою работу и видеть происходящие изменения своими глазами. В противном случае он бы чувствовал, что жизнь его пуста.

Живи он, однако, в другом веке, никто, возможно, и не слышал бы об Аштоне Кларке. Но технология достигла такого уровня, что можно было сделать кое-что из того, о чем говорил Аштон Кларк. Соукет изобрел штекерные разъемы и усилители биотоков и целую технологию, в соответствии с которой машины могут управляться непосредственно нервными импульсами, теми самыми импульсами, которые заставляют двигаться руку или ногу. И это было революцией концепции работы. Подавляющее большинство работы стало сводиться к труду, который вооруженный машиной человек выполнял непосредственно. Раньше были фабрики, управляемые единственным скучающим оператором, который включал тумблер утром, спал половину дня, записывал пару цифр перед обедом и выключал все перед тем, как уйти. Теперь же человек шел на фабрику, подключался и мог подтаскивать сырье левой ногой, делать тысячи тысяч точных деталей одной рукой, производить их сборку — другой и отправлять готовые изделия правой ногой, осматривая все их собственными глазами. И он был в гораздо большей степени удовлетворен своим трудом. По своей природе большинство операций могло быть преобразовано в работу, совершаемую с помощью подключения, и выполняться с большей эффективностью, чем раньше. В тех редчайших случаях, когда производительность была чуть менее эффективна, Аштон Кларк показал, что это психологически невыгодно обществу. Аштон Кларк, как о нем говорили, был философом, вернувшим человечество к труду. При такой системе большинство эндемических психических расстройств объяснялось последствиями чувства отчуждения старого общества. Происшедшая трансформация превратила войны из событий крайне редких в невозможные вообще и (после первоначальных потрясений) стабилизирует экономические связи между мирами вот уже восемьсот лет. Аштон Кларк стал пророком рабочих. Вот почему до сих пор, когда чело-

век собирается сменить работу, ты призываешь ему в помощь Аштона Кларка или его дух.

Мышонок глядел на звезды.

— Я вспоминаю, что цыгане его время от времени проклинали, — он помолчал немного. — Я думаю, мы предпочитаем быть без разъемов.

— Существовали группы сопротивления идеям Кларка, в особенности, на Земле, которые были просто немного реакционными. Но они продержались не очень-то долго.

— Да, — сказал Мышонок. — Всего восемьсот лет. Не все цыгане предатели, вроде меня, — он улыбнулся уголками губ.

— В системе Аштона Кларка мне видится лишь один серьезный недостаток. И прошло уже достаточно много времени, чтобы он смог проявиться.

— Да? И что же это?

— Это то, о чем профессора годами твердят своим студентам. Ты хоть раз да услышишь разговоры об этом в любом интеллигентном обществе, куда ни приди. Это то, что Республика Вега пыталась развить в две тысячи восьмисотом году. Вследствие легкости работы и удовлетворенности своим трудом, вследствие возможности работать там, где пожелаешь, за последние двенадцать поколений происходили такие грандиозные перемещения людей с одной планеты на другую, что общество распалось на куски. И появилось современное мишурное интерпланетное общество, не имеющие никаких традиций за собой... — Катин остановился. — Я немного воспользовался блаженством перед тем, как подключиться. И пока я сейчас разговаривал, я мысленно перебирал всех людей, которые мне это говорили — от Гарварда и до Геенны-3. И знаешь что? Они не правы.

— Не правы?

— Нет. Они все ищут социальные традиции, созревающие в течение столетий и уже достигшие своего пика в том, что наиболее присуще и важно сегодняшнему дню. И ты знаешь, кто воплощает эту традицию более, чем кто-либо из тех, кого я знаю?

— Капитан?

— Ты, Мышонок!

— Вот как?

— Ты собрал орнаменты дюжины существовавших до нас обществ и сделал их своими. Ты — продукт тех великих сил, которые сталкивались во времена Кларка, и ты разрешаешь эти конфликты на своем сириноксе методами, присущими настоящему...

— Ах, перестань, Катин.

— Я искал сюжет для своей книги, обладающей как исторической важностью, так и человечностью. Это ты, Мышонок! Моя книга будет твоей биографией! Она расскажет о том, где ты был, что ты делал, что видел и что показывал людям. В этом — мое социальное

значение, моя широта исторического охвата, искра между кольцами, высвечивающая размеры сети...

— Катин, ты сошел с ума!

— Нет. Я в конце концов увидел, что я должен...

— Эй, вы там! Не зевать на парусах!

— Простите, капитан.

— Есть, капитан.

— Никогда не болтайте, когда летите между звезд, если не можете при этом смотреть куда надо.

Киборги уныло переключили свое внимание на бездну.

— Существует звезда, готовая стать яркой и горячей. Она — единственная на этом небе. Помните об этом! Держите ее четко по курсу и не позволяйте ей отклоняться. О культурном единстве можете болтать в свободное время.

* * *

На лишенном горизонта небе вырастала звезда.

На расстоянии, в двадцать раз превышающем расстояние Земли от Солнца, средних размеров звезда типа Г-2 не могла дать достаточно света, чтобы в атмосфере земного типа происходила диффракция. На таких расстояниях самое яркое светило выглядит как обыкновенная звезда.

Они были в двух миллиардах миль, или чуть больше, чем в десяти астрономических единицах от звезды.

Это была ослепительная звезда.

— Красиво, а?

— Нет, Мышонок, — ответил Лок. — Простая звезда.

— Откуда вы знаете...

— ...что она станет Новой?

— Вследствие накопления тяжелых элементов на поверхности, — объяснял Лок близнецам. — Есть также слабое покраснение ее спектра, говорящее о понижении температуры ее короны. И рост активности солнечных пятен.

— Однако с поверхности ее планет этого заметить нельзя.

— Конечно. Покраснение слишком слабо, чтобы его заметить невооруженным глазом. К счастью, эта звезда не имеет планет. Только разный хлам — обломки, подходящие разве что только для небольшого спутника.

— Спутника? — вмешался Катин. — Спутников не бывает без планет! Планетоид — может быть, но не спутник.

Лок рассмеялся.

— Подходящие для спутника — вот все, что я сказал.

— Ах, так...

Все паруса несли «Рух» по кругу с радиусом в два миллиарда миль вокруг звезды.

Катин лежал в своей рабочей каюте, стараясь не потерять звезду среди прочих огней ночного неба.

— А что слышно об исследовательских станциях, запущенных Алкэйном?

— Они дрейфуют по пассивным орбитам, как и мы. Мы услышим их в свое время. Но пока мы не нуждаемся в них, а они — в нас. Циана предупредила их, что мы приближаемся. В большинстве своем это обитаемые станции. Они в пятьдесят раз дальше от звезды, чем мы.

— Мы окажемся в опасной зоне, когда она рванет?

— Когда эта звезда начнет превращаться в Нову, она проглотит колоссальный кусок пространства и все, что в нем окажется.

— И когда это начнется?

— Через несколько дней — как рассчитала Циана. Но эти расчеты, как известно, дают точность плюс—минус две недели. У нас будет всего несколько минут на сближение, когда она взорвется. Мы сейчас примерно в двух с половиной световых часах от нее. А поскольку наши обзорные экраны видят не электромагнитные волны, а возмущения пространства, то мы увидим начало сразу же, как только она станет разбухать.

— А иллирион? — спросил Себастьян. — Как мы его возьмем?

— Это моя забота, — ответил Лок. — Мы возьмем его, когда наступит время. А пока все могут быть свободны.

Катин и Мышонок медлили дольше других.

— Капитан, — спросил, наконец, Катин. — Я так, ради интереса: Патруль что-нибудь предпринял, когда вы сообщили о... о случае с Дэном?

Прошла почти минута, прежде чем Лок ответил.

— Я не сообщал им об этом.

— Ага, — сказал Катин. — Я так и думал.

— Принс, должно быть, получил доступ ко всем официальным сообщениям, проходящим через Патруль созвездия Дракона. Точно так же, как мой компьютер изучает все, что проходит через Плеяды. Его же компьютер, наверняка запрограммирован на регистрацию абсолютно всего, что хотя бы отдаленно связано со мной. Если бы он засек Дэна, он бы нашел Нову. А мне бы не хотелось, чтобы он нашел ее таким образом. Пусть он не подозревает, что Дэн умер. Насколько я знаю, все посвященные в это находятся на моем корабле. И мне это нравится.

— Капитан!

— Что, Мышонок?

— Там что-то движется!

— Корабль, обслуживающий станции? — спросил Катин.

— Он слишком далеко зашел. Они, похоже, вынюхивают наши следы.

Лок молчал, пока неизвестный корабль двигался по координатной матрице.

— Отключайтесь и идите отдыхать. Я вызову вас, если понадобится.

— Но, капитан...— начал было Мышонок.

— Это семипарусный грузовой корабль, как и наш. Но только некоторые его особенности заставляют думать о верфях созвездия Дракона.

— Что он здесь делает?

— Отдыхать, я сказал!

Катин прочитал название корабля, когда его идентификационный луч развернулся на сетке радара.

— «Черный какаду»? Идем, Мышонок. Капитан говорит, что мы свободны...

Они отключились и направились в общий холл, где экипаж уже собрался возле бассейна.

Дверь в конце спиральной лестницы ушла вверх. Лок шагнул на застекленные ступени.

Мышонок смотрел на спускающегося фон Рея, на отражения капитана в зеркальной мозаике, и думал: «Он движется устало, но это усталость атлета перед началом второго дыхания».

Лок был на середине лестницы, когда фантазия в золотистой раме на стене зала исчезла.

У Мышонка вдруг участилось дыхание.

— Итак,— сказала Руби.— Близится развязка... Разве это справедливо? Ты все еще впереди. Мы не знаем, где ты собираешься взять приз. Эти гонки состоят из сплошных стартов и остановок,— ее голубой взгляд пробежал по экипажу, задержался на Мышонке и снова обратился к Локу.— До этой последней ночи в Таафите я никогда не испытывала такой боли. Наверное, я жила слишком затворнической жизнью. Но каковы бы ни были правила, красивый капитан,— в ее словах звучало презрение,— мы тоже рождены для игры!

— Руби, я хочу поговорить с тобой...— Лок запнулся — ...и с Принсом. Без посредничества техники.

— Я не уверена, что Принс захочет говорить с тобой. Отрезок времени с того момента, как ты оставил нас на обрыве над Золотом, и до того, как мы добрались до медицинского агрегата, не является моим... нашим самым приятным воспоминанием...

— Скажи Принсу, что я отправляюсь на «Черный какаду». Я устал от этой страшной игры, Руби. Есть вещи, которые вы хотите узнать от меня. Есть вещи, о которых я хочу вам рассказать.

Рука ее нервно тронула волосы, упавшие на плечи. Высокий

воротник темного плаща был наглухо застегнут. Минуту спустя она сказала:

— Хорошо, — и пропала.

Лок поглядел на экипаж.

— Вы слышали? Всем по местам! Тай, я видел, как ты управляешься со своими веревочками. Ты, наверное, имеешь больше опыта вождения, чем все остальные. Бери капитанские штекеры. И если случится что-нибудь необычное — что-нибудь, независимо от того, вернулся я или нет — уводи «Рух» отсюда побыстрей.

Мышонок и Катин взглянули друг на друга, потом — на Тай.

Лок прошел по ковру и поднялся на пандус. На половине пути он остановился, взгляделся в свое отражение и сплюнул.

Он исчез раньше, чем круги от плевка достигли берегов бассейна.

Обменявшись недоуменными взглядами, все разошлись по каютам.

* * *

(Окраинные Колонии. Полет «Черного какаду». 3172 год)

Сидя на койке, Катин подключился, включил сенсодатчики, находящиеся на обшивке, и обнаружил, что чужой корабль подошел совсем близко.

— Мышонок?

— Да, Катин.

— Я беспокоюсь.

— За капитана?

— За нас.

«Черный какаду», вспыхивая в ночи парусами, медленно разворачивался рядом с «Рухом», выходя на параллельную орбиту.

— Мы плывем по течению, Мышонок — ты, я, близнецы, Тай и Себастьян. Все мы хорошие люди, только нет у нас цели. И вот охваченный страстью человек подбирает нас и приводит сюда, где край всего. И мы вынуждены признать, что его страсть навязывает некую цель нашей бесцельности или, возможно, еще больший хаос. Что меня беспокоит — так это то, что я благодарен ему. Мне бы буйствовать, отстаивать свой собственный порядок. Но нет! Я хочу, чтобы он победил в этой гонке за огнем. Я хочу, чтобы он победил и, пока он не победит или не проиграет, я не могу ничего по-настоящему желать для себя.

«Черный какаду» принял шлюпку. Это было похоже на пушечный выстрел наоборот. Освобожденный от необходимости идти параллельным курсом, корабль отвернул в сторону. Катин, не отрываясь, смотрел на его медленное вращение.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— По Гринвичу сейчас утро, Руби.

— Я следую правилам хорошего тона и приветствую тебя по времени Арка. Иди сюда, — она подобрала свои одежды, пропуская его в черный коридор.

— Руби!

— Да? — она обернулась через левое плечо.

— Я удивляюсь каждый раз, когда вижу тебя. Ты постоянно намекаешь на то, какая ты важная персона. Но ты блистаешь в тени, отбрасываемой Принсом. Много лет назад, когда мы разговаривали у Сены, меня поразила мысль: полюбить ее — словно бросить вызов.

— До Парижа — миры и годы, Лок.

— Принс управляет тобой. Это раздражает меня, но я, в конце концов, могу ему это простить. Ты никогда не высказываешь своего мнения, пока не услышишь его. Разве что единственный раз на Таафите под истощенным солнцем Другого Мира. Ты думала, что Принс мертв. Я знаю — ты это помнишь. Я думал об этом... Ты поцеловала меня. Но он застонал, и ты бросилась к нему. Руби, он пытается сокрушить Федерацию Плеяд! Все эти миры, кружащиеся вокруг трех сотен звезд... Но это мои миры. Не могу же я позволить им погибнуть!

— Ты обрушишь колонну Дракона и заставишь Землю ползать в пыли, чтобы спасти их? Ты хочешь выбить экономическую опору из-под Земли и позволить ее осколкам падать в ночь? Ты хочешь швырнуть миры созвездия Дракона в эпоху хаоса, гражданской войны и лишений? Миры созвездия Дракона — это миры Принса. И ты полагаешь, что он любит свои миры меньше, чем ты — свои?

— А что любишь ты, Руби?

— Не у тебя одного есть тайны, Лок. У Принса и у меня они тоже есть. Когда ты поднимался по обожженному склону... Да, я думала, что Принс умер. У меня есть полый зуб, наполненный стрихнином. Я хотела дать тебе последний поцелуй. Я бы сделала это, если бы Принс не застонал.

— Принс любит созвездие Дракона? — Лок резко обернулся, схватил ее поднятые руки и рванул к себе.

Ее грудь вздымалась на его груди. Их лица с широко раскрытыми глазами сблизились. Его губы вступили в борьбу с ее губами, и она, в конце концов, сдалась. Ее нежные губы раскрылись, и его язык коснулся ее зубов. Ее пальцы вцепились в его жесткие волосы, она пыталась закричать.

Едва только его руки ослабли, она сразу же вырвалась. Ярость полыхала в ее голубых глазах.

— Ну? — спросил он, тяжело дыша.

Она запахла плащ.

— Когда оружие отказывает мне, — голос ее был хриплым, как у Мышонка, — я выбрасываю его. Так или иначе, красивый пират, ты... Мы могли бы быть... Но теперь у меня другое оружие.

* * *

Холл «Черного какаду» был маленьким и голым. На скамейках сидели два киборга. Еще один стоял у двери своей рабочей каюты.

Резкие черты лица, белая униформа... Они напомнили Локу другой экипаж, с которым он работал. На плече у каждого сияла алая эмблема Ред-шифт Лимитед. Они взглянули на Лока и Руби. Стоящий у двери шагнул внутрь, и удар дверной плиты долгим эхом отозвался в высоком помещении. Двое других поднялись, чтобы тоже уйти.

— Принс спустится сюда?

Руби кивнула в направлении железной лестницы.

— Он встретится с тобой в капитанской каюте.

Лок начал подниматься. Руби пошла следом.

Дверь распахнулась, и Лок вошел. И в тот же миг ладонь из пластмассы и металла, прикрепленная к появившейся в потолке телескопической штанге, дважды хлестнула его по лицу.

Лок ударил плечом в дверь так, что она загудела.

— Это, — провозгласил труп, — за то, что тянул руки к моей сестре.

Лок потер щеку и взглянул на Руби. Она стояла у стены.

— Ты думаешь, что я не могу видеть все то, что происходит на корабле? — спросил труп. — Вы, плеядские варвары, и впрямь неуклюжи, как это всегда говорит Аарон.

В баке поднимались со дна пузыри, скользили по струпьям обожженной ноги, задерживались и слипались в ссохшемся паху, перекатывались по груди — сквозь почерневшие лохмотья кожи проступали ребра — и лопались у обожженной безволосой головы. В провале безгубого рта торчали обломки зубов. Носа не было. Трубки и провода обвивали треснутые разъемы. Трубки впивались в живот, бедро и плечо. Жидкость в баке медленно циркулировала, и единственная рука колыхалась из стороны в сторону — обожженные пальцы на ней были скрючены, словно когти.

— Тебе никогда не говорили, что подглядывать нехорошо? А ты ведь именно подглядывал.

Голос Принса доносился из динамика в стеклянной стене.

— Боюсь, что на Другом Море мне досталось гораздо больше, чем Руби.

Две подвижные камеры над баком переместились, когда Лок шагнул вперед.

— Для владельца Ред-шифт Лимитед поворот на параллельный курс был не очень-то... — банальность слов не могла скрыть изумления Лока.

Кабели для управления кораблем были подключены к гнездам на стеклянной стене бака. Само стекло было частью стены. Кабели ложились кольцами на золотистый и черный кафель и исчезали в медной решетке, скрывающей панель компьютера.

На стенах, полу и потолке, в многочисленных рамах и экранах была одна и та же картина вечной ночи.

Серая тень «Руха» у края всего сущего.

И в центре — звезда.

— Увы, — сказал труп. — Я никогда не был спортсменом вроде тебя. Впрочем, ты хотел поговорить со мной. Что же ты имеешь сказать мне?

Лок снова поглядел на Руби.

— Я уже сказал большую часть Руби, Принс. Ты же все слышал.

— Почему-то я сомневаюсь, что ты притащил нас сюда, где вот-вот произойдет звездная катастрофа, лишь для того, чтобы высказаться. Иллирион, Лок фон Рей! Ни ты, ни я не забыли основную цель, притянувшую тебя сюда. Ты не уйдешь, пока не скажешь, где ты собираешься взять...

Звезда начала превращаться в Нову.

Неожиданно и необратимо.

В первую же секунду ее изображение из точки превратилось в мощный прожектор. И прожектор становился все ярче.

Руби уткнулась в стену, закрыв глаза ладонями.

— Слишком рано! — закричал труп. — Хотя бы еще несколько дней!..

Лок в три шага пересек комнату, вырвал из бака два штеккера и воткнул их в запястья. Третий он ввернул в спинное гнездо. Движение корабля передалось ему. Он включил сенсодатчики. Комната заслонила ночь. И ночь была охвачена огнем.

Преодолевая сопротивление киборгов, Лок развернул «Какаду» и направил его прямо в центр пламени. Корабль рванулся вперед.

Камеры заматались, стараясь поймать его в фокус.

— Лок, что ты делаешь? — вскрикнула Руби.

— Останови его! — завопил труп. — Он ведет нас прямо на звезду!

Руби прыгнула к Локу, схватила его. Оба они зашатались. Каюта и звезда стояли в глазах Лока, словно наложенные снимки. Руби схватила кольцо кабеля, набросила ему на шею, перекрутила и ста-

ла душить. Кабель сдвинул ему горло. Одной рукой Лок обхватил ее сзади, а другой уперся ей в лицо. Она вскрикнула, голова ее откинулась.

Ее волосы подались под его рукой, сдвинулись в сторону. Парик упал, открыв обнаженную кожу черепа. Медицина всего лишь вернула ей здоровье. Косметическая пластиковая кожа, восстановившая ее лицо, лопнула под его пальцами. Резиноподобная лента слезла с ее покрытых пятнами впалых щек. Лок отдернул руку. Ее изуродованное лицо закричало сквозь пламя. Он оторвал ее руки от своей шеи и оттолкнул от себя. Руби пошатнулась, наступив на свой плащ, и упала. Он обернулся как раз вовремя: механическая рука двигалась прямо на него.

И она оказалась слабее его рук.

Он легко удерживал ее на расстоянии, а ее пальцы тянулись к нему сквозь неистовствующее солнце.

— Стой! — прорычал он и в тот же миг вырубил сенсодатчики по всему кораблю.

Экраны стали серыми.

Сенсодатчики были отключены у всех шести киборгов корабля.

Огни в его глазах погасли.

— Святые небеса, что ты пытаешься сделать, Лок?

— Нырнуть в этот ад и зачерпнуть илирион голыми руками!

— Он сумасшедший! — завопил труп. — Руби, он сумасшедший! Он убьет нас, Руби! Все, чего он хочет, — это убить нас!

— Да! Я убью вас! — Лок отбросил руку. Она метнулась к кабелю, свисавшему с запястья. Лок снова перехватил ее. Корабль трянуло.

— Господи, Лок, вытащи нас отсюда! — закричал труп. — Вытащи нас!

Корабль снова трянуло. Искусственная гравитация упала настолько, что жидкость коснулась крышки бака. Потом гравитация вернулась к норме, и жидкость опала, оставив капли на стекле.

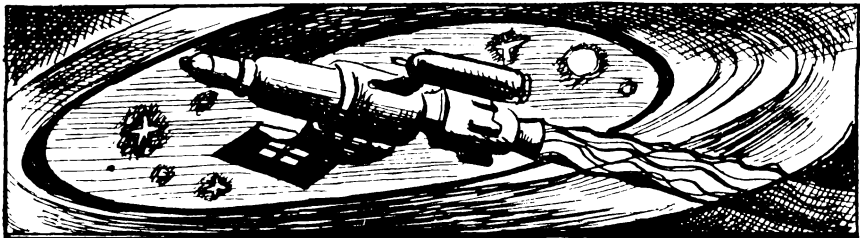
— Слишком поздно, — прошептал Лок. — Мы попали в гравитационную воронку!

— Зачем ты это сделал?

— Просто чтобы убить тебя, Принс! — ярость уступила место смеху. — Вот и все, Принс! Это все, что я хочу сейчас сделать!

— Я не хочу сгореть снова! — пронзительно закричал труп. — Я не хочу сгореть, словно мошка!

— Сгореть? — лицо Лока исказилось. — О, нет! Это произойдет медленно, медленней, чем тогда! Десять, а то и двадцать минут. Уже становится тепло, не так ли? А в последующие пять минут станет просто невыносимо жарко! — лицо Лока потемнело. Судорога сводила губы на каждом слове. — Ты сvariшься в своей клетке, как рыба... — он сунул руку под куртку и потерял живот. Оглядел каюту. —

Что здесь может гореть? Занавески? Эти доски — они из настоящего дерева? И все эти бумаги?

Механическая рука вырвалась из рук Лока и метнулась через комнату. Пальцы сжали руку Руби.

— Руби! Останови его! Не позволяй ему убивать нас!

— Ты лежишь в жидкости, Принс, поэтому ты увидишь ее в огне прежде, чем загореться сам. Руби, обгорелая кожа не может выделять пота. Поэтому ты умрешь первой. И у него будет возможность смотреть на тебя, пока его жидкость не начнет кипеть, резина — гореть, а пластик — плавиться...

— Нет! — Рука отпрянула от Руби, метнулась через каюту и врезалась в крышку бака. — Преступник! Вор! Пират! Грабитель!

Рука была слабее, чем тогда, в Таафите.

Стекло — тоже.

Брызнули осколки.

Питательная жидкость плеснулась на сандалии отскочившего Лока. Труп ворочался в баке, запутавшись в трубках и проводах.

Камеры дико раскачивались.

Рука царапала мокрые изразцы.

Пальцы замерли. Руби закричала. Закричала снова. Она метнулась к баку, пробралась через разбитое стекло, схватила труп, прижала его к себе, поцеловала, вскрикнула, поцеловала еще раз, раскачиваясь из стороны в сторону, Плащ потемнел, впитав разлившуюся жидкость.

Крик оборвался. Она выронила тело, привалилась к стенке бака и схватилась руками за горло. Под ожогами и содранной косметической пленкой к лицу вдруг прилила кровь. Она медленно скользнула по стенке. Когда она коснулась пола, глаза ее уже были закрыты.

— Руби?.. — порезалась она или нет, пробираясь через стекло, уже не имело значения. Причиной был поцелуй. После таких сильнейших ожогов прошло совсем немного времени, и она должна была находиться в сверхаллергенном состоянии. Чужеродные протеины проникли в ее тело и вызвали грандиозную гистаминовую реакцию. Она умерла в считанные секунды от анафилактического шока. Питательная жидкость из бака...

И Лок засмеялся.

Смех сначала был похож на грохот перекачивающихся внутри булыжников, потом зазвучал в полную силу, отражаясь от высоких стен капитанской каюты. Победа вызвала этот смех, и она была ужасна, и она была его победой!

Он глубоко вобрал в себя воздух. Он держал корабль меж ладоней. Еще ничего не видя, он направил «Черного какаду» в центр взрывающейся звезды.

Где-то внутри корабля плакал киборг...

(Окраинные Колонии. Полет «Руха», 3172 г.)

— Звезда! — закричал Мышонок. — Она превращается в Нову! Голос Тай отрывисто прозвучал по главной линии связи:

— Отсюда уходим! Сейчас же!

— Но капитан! — закричал Катин. — Погляди на «Черного какаду»!

— «Какаду»! Боже мой, он...

— ...Лок падает прямо...

— ...падает прямо в центр...

— ...звезды!

— Всем поднять паруса! Катин, твой парус поднимать, я сказала!

— Боже... — выдохнул Катин. — Он, не...

— Она слишком ярка, — решила Тай. — Выключить сенсоры надо!

«Рух» стал удаляться.

— О боже! Они... они в самом деле... Они действительно падают! Она уже очень яркая! Они погибнут! Они сторят, словно... Они падают! Лок, останови их! Сделайте же хоть что-нибудь! Там же капитан! Надо что-то сделать!

— Катин! — крикнул Мышонок. — Выдерни эти чертовы сенсоры! Ты что, свихнулся?

— Они опускаются! Нет!.. Это словно черная дыра в середине всего сущего. И они падают туда. Они падают... падают...

— Катин! — завопил Мышонок. — Катин, не смотри туда!

— Она разрастается, она так ярка!.. Еще ярче!

— Катин! Вспомни Дэна! Выдерни свои штекеры!

— Нет! Я должен это видеть! Что-то грохочет. Она прогнала ночь! Я чувствую, как пахнет горящая темнота. Мне их уже не видно... Нет, вот они!

— Катин, перестань! — Мышонок перегнулся через «Ольгу». — Тай, отключи его входы!

— Не могу. Я этот корабль против гравитации вести должна. Катин! Выключи сенсоры! Я тебе приказываю!

— Ниже... ниже... Я снова их потерял! Мне их больше не видно... Свет сделался красным... Я больше...

Мышонок почувствовал, как корабль дернулся: парус Катина хлопнул.

Катин испуганно закричал:

— Я больше не вижу! — крик перешел в слезы. — Я ничего не вижу!

Мышонок скорчился на койке, закрывая глаза руками, плечи его затряслись.

— Мышонок! — рассердилась Тай.— Черт возьми, мы уже потеряли один парус! Отпусти немного свой!

Мышонок, ничего не видя, приспустил свой парус.

«Рух» удалялся от звезды, а «Черный какаду» падал на нее. И это была Нова.

* * *

(Окраинные Колонии. Полет «Черного какаду». 3172 год)

Ведущий свой род от пиратов, обгоревший в огне, называемый грабителем, убийцей, вором.

Стерплю.

Я возьму все призы одним махом и стану человеком, лишившим созвездие Дракона его будущего. То, что это будет сделано, чтобы спасти Федерацию Плеяд, не умаляет моего преступления. Сильные люди могут, в конце концов, совершать великие преступления. Здесь, на «Черном какаду», я навсегда потерял свою любовь. Я говорил ей однажды, что такие не приспособлены для осмысленной жизни. Ни для осмысленной смерти — это смерть, единственный смысл которой в том, чтобы предотвратить хаос. И они умерли... Такая жизнь и такая смерть уменьшает значимость, снимает вину с убийцы и ореол — с героя. Интересно, как другие преступники оправдывают свои преступления? Опустошенные миры порождают опустошенных сыновей, способных лишь к игре или драке. Достаточно ли этого для победы? Я разрушил одну треть Вселенной, чтобы поднялась другая, и еще одна балансировала на краю. И я не чувствую на себе греха. Может быть, оттого, что я свободен и зол. Ну, хорошо, я могу теперь оплакивать ее, смеяться... Мышонок, Катин, кто из вас теперь слепец, не могущий видеть меня победителем над этой звездой? Я чувствую, как огонь давит на меня. Как ты, Дэн, я буду балансировать между рассветом и вечером, но призом моим будет полдень!

* * *

(Окраинные Колонии. Новая Бразилия — 2. 3172 год)

Темнота.

Молчание.

Ничто.

Затем забрезжила мысль:

«Я думаю... Так или иначе, я... Я — капитан Кроуфорд?» — он старался не думать об этом. Но мысль была им, он был мыслью. Не за что было уцепиться.

Мерцание.

Колокольчик.

Аромат тмина.

Это было начало.

Нет! Он зарылся в темноту. В ушах еще стоял чей-то крик: «Вспомни Дэна!», в глазах — картина поплывшего оборудования.

Слабый звук, запах, мерцание сквозь сомкнутые веки.

Он подумал о бессознательном страхе, об огненном потоке ужаса. Но страх уже исчез из сердца, и участвовавший пульс толкал его наверх, туда, где ждало его величие умирающей звезды.

Сон был убит.

Он задержал дыхание и открыл глаза.

Перед ним мерцали пастельные краски. Мягко нанизывались друг на друга высокие аккорды. Тмин, мята, кунжут, анис.

А позади красок — фигура.

— Мышонок? — Катин прошептал это и удивился тому, как отчетливо он себя слышит.

Мышонок убрал руки с сиринкса. Исчезли и краски, и аромат, и музыка.

— Проснулся? — Мышонок сидел на подоконнике — плечи и левая половина лица залиты мягким медным светом. Небо над ним было фиолетовым.

Катин закрыл глаза, вдавил голову в подушку и улыбнулся. Улыбка становилась шире и шире, обнажая зубы.

— Да, — он расслабился и снова открыл глаза. — Да. Я проснулся. — Он резко сел. — Где мы? На обитаемой станции Института Алкэйна? — но тут же увидел в окно пейзаж.

Мышонок слез с подоконника.

— Спутник планеты, называемой Новой Бразилией.

Катин вылез из гамака и подошел к окну. За атмосферным куполом, за низкими зданиями черно-серые горы иззубривали близкий горизонт. Он втянул прохладный воздух и повернулся к Мышонку.

— Ох, Мышонок, я думал, что проснусь, как...

— Дэн получил свое на пути к звезде, а ты — когда мы удалялись. Все частоты были сдвинуты в инфракрасную область. Это ультрафиолет разрушает сетчатку и приводит к таким вещам, как у Дэна. Тай все-таки улучшила момент и отключила твои входные датчики. Знаешь, ты действительно был какое-то время слепым. Мы засунули тебя в медицинский аппарат сразу же, как только очутились в безопасности.

Катин задумался.

— А что же мы делаем здесь? Что произошло потом?

— Мы остановились около обитаемой станции наблюдали за всем этим фейерверком с безопасного расстояния. Ей понадобилось чуть больше трех часов, чтобы достичь максимальной светимости... Мы разговаривали с экипажем станции, когда поймали сигнал капитана с «Черного какаду». Мы покружились там, подобрали его и разрешили киборгам «Какаду» убираться восвояси.

— Подобрали его? Ты хочешь сказать, что он выбрался оттуда?

— Да. Он в соседней комнате. Он хочет поговорить с тобой.

— Так это не вранье — насчет кораблей, входивших в Нову и оставшихся невредимыми? — они направились к двери.

Катин забылся от восторга, созерцая великолепие щепня через огромное окно в коридоре, пока Мышонок не сказал ему:

— Сюда. Они открыли дверь.

Полоса света пересекла лицо Лока.

— Кто здесь?

Катин проговорил:

— Капитан!

— Что?

— Капитан фон Рей!

— Катин? — его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Желтые глаза уставились в упор.

— Капитан, что?.. — лицо Катина прорезали глубокие морщины. Он подавил панику и заставил лицевые мышцы расслабиться.

— Я сказал Мышонку, чтобы он привел тебя посмотреть на меня, когда ты будешь в полном здравии. С тобой... С тобой все в порядке. Хорошо, — боль проступила на изуродованном лице и исчезла. Но это была именно боль.

Катин перестал дышать.

— Ты тоже старался увидеть. Я рад. Я всегда думал, что ты можешь понять.

— Вы... Вы рухнули на звезду, капитан?

Лок кивнул.

— Но как вы выбрались?

Лок вдавил голову в спинку кресла. Темная кожа, рыжие волосы, невидящие глаза — единственное в этой комнате, что имело цвет.

— Что? Выбрались, ты сказал? — он коротко рассмеялся. — Это теперь раскрытая тайна. Как я выбрался? — было видно, как на его лице подрагивают желваки. — Звезда, — Лок поднял руку и согнул пальцы, поддерживая воображаемую сферу, — звезда вращается как планеты или спутники. Для тела, имеющего массу звезды, вращение означает наличие неимоверной центробежной силы, приложенной к экватору. К концу синтеза тяжелых элементов на поверхности звезды, когда звезда становится Новой, все это проваливается внутрь, к центру, — пальцы его задрожали. — Вследствие враще-

ния материя полюсов проваливается быстрее, чем материя экватора,— он снова вцепился в подлокотники.— В течение нескольких секунд после начала превращения сферы уже нет, а есть...—

— Тороид!

На лице Лока обозначились складки. Он дернулся, словно отстраняясь от сильного света.

— Ты говоришь — тороид? Тороид? Да. Звезда стала бубликом с дыркой, в которую без труда могли бы пролезть два Юпитера.

— Но ведь Новы изучались Институтом Алкэйна почти столетие! Почему же там этого не знают?

— Перемещение вещества идет исключительно внутри звезды. Перемещение энергии — наружу. Гравитационный всплеск засасывает в дыру все, что оказывается поблизости. Перемещение энергии поддерживает температуру внутри отверстия равной температуре на поверхности некоторых красных гигантов: чуть менее пятисот градусов.

Хотя в комнате и было прохладно, Катин увидел, как на лбу Лока выступил пот.

— Хотя размеры отверстия и велики, но если сравнивать их с размерами разрастающейся сферы лучистой энергии, очевидно, что отыскать отверстие довольно трудно, если только не знаешь заранее, где оно находится... или пока не угадаешь в него,— пальцы на подлокотниках неожиданно разжались.— Иллирион...

— Вы... вы взяли свой иллирион, капитан?

Лок снова поднес руку к лицу, на этот раз сжатую в кулак. Он попытался сфокусировать на ней взгляд. Другой рукой он попробовал схватить кулак, промахнулся, схватил, попытался еще раз. Раскрытые пальцы схватили кулак. Руки его тряслись, словно у паралитика.

— Семь тонн! Единственная материя, достаточно плотная, чтобы находиться в дыре,— это элементы тяжелее трехсотого номера. Иллирион! Он плавает там, ожидая того, кто нырнет туда и вытащит его на поверхность. Направьте свой корабль внутрь, поглядите, где он там есть, и черпайте его парусами. Иллирион почти без примесей,— руки разошлись в стороны.— Только... включите наружные сенсодатчики и посмотрите вокруг, чтобы увидеть, где он,— лицо его сделалось хмурым.— Она лежала там, и ее лицо... Ее лицо — словно великолепные развалины в центре ада... И я протянул все семь моих рук в ослепший день, чтобы отщипнуть несколько кусочков ада, плывущего рядом с...— он снова поднял голову.— Там, на Новой Бразилии, есть иллирионовый рудник...— За окном, высоко в небе, висела гигантская пестрая планета.— У них есть оборудование для производства иллирионовых ракетных двигателей. Поглядели бы вы на их лица, когда мы приволокли наши семь тонн! А, Мышок? — он снова громко рассмеялся.— Ты говорил мне, как они глазели, а? Мышонок!

— Все отлично, капитан.

— Все отлично, Мышонок, — Лок кивнул, глубоко дыша. — Катин, Мышонок, ваша работа закончена. Забирайте ваши рекомендации. Корабли улетают отсюда регулярно. Вам не составит труда устроиться на них.

— Капитан, — рискнул спросить Катин. — Что вы намерены делать?

— На Новой Бразилии находится дом, в котором в детстве я провел немало приятных часов. Я вернусь туда... чтобы ждть.

— Может быть, вам надо что-нибудь сделать, капитан? Я ведь тоже смотрел и...

— Что? Говори громче.

— Я сказал, что со мной все в порядке, а я тоже смотрел, — голос Катина прервался.

— Ты смотрел удаляясь. А я смотрел, приближаясь к звезде. Все нервные центры мозга разрушены. Неврологическая конгруэнтность, — Лок покачал головой. — Мышонок, Катин, Аштон Кларк с вами...

— Но, капитан...

— Аштон Кларк.

Катин посмотрел на Мышонка, потом снова на капитана. Мышонок возился с ремнем своего футляра, потом он поднял голову. Они повернулись и покинули темную комнату.

* * *

За дверью они снова остановились перед лунным пейзажем.

— Итак, — проговорил в раздумье Катин. — Фон Рей выиграл, а Принс и Руби — нет.

— Они погибли, — сказал Мышонок. — Капитан говорит, что он убил их.

— Он, — Катин глядел на ландшафт. Спустя минуту он сказал: — Семь тонн илириона — и равновесие нарушено. Созвездие Дракона падет, в то время как Федерация Плеяд воспрянет. Окраинным Колониям тоже предстоят изменения. Благодаря Аштону Кларку перемена места приложения труда теперь не сопряжена с большими трудностями. Однако ожидается возникновение некоторых проблем... Где Линчес и Айдас?

— Уже ушли. Они получили сообщение от своего брата и отправились к нему, как только мы добрались до Окраинных Колоний.

— От Тобиаса?

— Вот именно.

— Бедные двойняшки. Бедные тройняшки. Когда этот илирион начнут использовать, начнутся перемены... — Катин покусал

пальцы.— Конец блаженству,— он поглядел на небо, с которого постепенно исчезали звезды.— Мы переживаем исторический момент, Мышонок!

Мышонок вычистил серу из уха ногтем мизинца. Серьга в его ухе сверкнула.

— Да. Я тоже так думаю.

— Что ты теперь собираешься делать?

Мышонок пожал плечами.

— Не знаю. Поэтому я и попросил Тай погадать мне на Тароте. Катин поднял брови.

— Они с Себастьяном сейчас внизу. Их питомцы разбежались по бару. Расцарапали заведение,— Мышонок хрипло рассмеялся.— Поглядел бы ты на это! Как только она кончила приводить в чувство владельца, они поднялись ко мне, чтобы погадать. Нет большого смысла думать только о рудниках,— пальцы Мышонка стиснули кожаный футляр под мышкой.— Вокруг много всего, на что стоит посмотреть, о чем стоит сыграть. Может быть, некоторое время мы будем с тобой вместе, может быть, устроимся на какой-нибудь корабль. Ты забавен, как черт-те что. Но я не люблю тебя раза в два меньше, чем я не люблю остальных людей... А у тебя что за планы?

— У меня просто не было времени подумать об этом,— Катин задумался.

— Что с тобой?

— Я думаю.

— О чем?

— Я думаю о том, что я нахожусь на живописном и красивом спутнике, что я только что закончил работу, поэтому некоторое время можно не беспокоиться. Почему бы не сесть и не заняться серьезной работой над моим романом? — он поднял взгляд.— Знаешь, Мышонок, я в самом деле не знаю, хочу ли я написать книгу.

— Как это?

— Когда я глядел на эту Нову... Нет, потом — в тот самый момент, когда я проснулся и подумал, что вынужден буду провести весь остаток жизни слепым, с заткнутыми ушами и носом, пока я был словно сумасшедший, я понял, что многого не видел, многого не слышал, не нюхал, не пробовал... Как мало я знаю о тех основах жизни, которые держишь буквально у себя на ладонях! А затем — капитан...

— Дьявольщина,— сказал Мышонок. Босой ногой он счищал пыль с ботинка.— Ты не собираешься писать свой роман после всей работы, что была проделана?

— Мышонок, я бы этого хотел. Но у меня все еще нет сюжета. И я только готовлюсь искать и найти его. В данный момент я — просто умный парень, имеющий много чего сказать, но не знающий, о чем конкретно.

— Это дезертирство,— пробурчал Мышонок.— Как насчет капитана и «Руха»? И ты еще говорил, что хочешь написать обо мне. О'кэй, смелее. И о себе тоже напиши. Напиши о близнецах. Ты действительно думаешь, что они бы прочли твою книгу?.. А я действительно хочу, чтобы ты написал ее, Катин. Может, я не смогу ее прочитать, но, будь уверен, я стал бы слушать, если бы ты прочитал ее мне.

— Ты бы стал слушать?

— Будь уверен. После того, как ты зашел так далеко, ты никогда не будешь по-настоящему счастлив, если бросишь это дело.

— Мышонок, ты искушаешь меня. Я теперь больше не буду ничего хотеть годы и годы,— он засмеялся.— Нет, Мышонок. Я все же в большей степени мыслитель... Последнее путешествие «Руха»?.. Я слишком осведомлен о первопричинах, приведших к нему. Я теперь вижу, что его можно рассматривать как аллегорические поиски Грааля. Только так я могу с этим справиться, рассыпав по книге всевозможные мистические символы. Вспомни обо всех тех писателях, которые умерли раньше, чем закончили свои пересказы легенды о Граале!

— Катин, это же сплошная чепуха! А ты хочешь включить это в свою книгу.

— Чепуха вроде Тарота? Нет, Мышонок. Я боюсь за свою жизнь, начиная это предприятие,— он снова оглядел пейзаж. Ландшафт, так хорошо знакомый ему, на миг примирил его со всем, что было ему неизвестно.— Я этого хочу. И я это сделаю. Но я должен бороться с дюжиной разных бед. Может быть, я преодолею их. Но не уверен. Единственный способ защитить себя от напастей, мне кажется,— это просто не обращать на них внимания, пока не дойдешь до конца.

*Афины, июнь 1966 г.—
Нью-Йорк, май 1967 г.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Роберт Силверберг

ЧТО-ТО УЖАСНОЕ ВЫРВАЛОСЬ НА ВОЛЮ. Рассказ.	
Пер. С. Монахова	5
ВЛЮБЛЕННЫЙ ИЗМАИЛ. Рассказ. Пер. С. Монахова	37
КАК ВСЕ БЫЛО, КОГДА НЕ СТАЛО ПРОШЛОГО. Рассказ.	
Пер. С. Монахова	51
К ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ. Рассказ. Пер. С. Монахова	109
КЛЫКИ ДЕРЕВЬЕВ. Рассказ. Пер. С. Монахова	121
СКРЫВАЕМЫЙ ДАР. Рассказ. Пер. С. Монахова	143
ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ ПЕЛ ЗОМБИ. Рассказ. Пер. С. Монахова	163
МУХИ. Рассказ. Пер. С. Монахова	177

Джек Уильямсон

СО СЛОЖЕННЫМИ РУКАМИ. Повесть. Пер. И. Невструева	187

Сэмюэль Р. Дэлани

НОВА. Роман. Пер. С. Монахова	229

Издание литературно-художественное

ДРУГИЕ ТЕНИ ЗЕМЛИ

Современная зарубежная фантастика

Составитель С. Барсов

Редакторы И. Мудрова, И. Пигулевская

Художники В. Ан, А. Корнилов

Художественный редактор В. Кременецкий

Технический редактор И. Иорданская

Корректор И. Пигулевская

Сдано в набор 05.03.91. Подписано в печать 15.08.91.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 25,1. Усл. кр.-отг. 26,05. Доп. тираж 100 000 экз.
Заказ № 3583. Цена договорная.

Фирма «Флокс»

**Типография издательства «Горьковская правда»
603006, г. Н. Новгород, ул. Фигнер, д. 32.**

ВОСПОЛНИТЬ
ПРОБЕЛЫ КНИЖНОГО ДЕФИЦИТА
ПОМОЖЕТ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
фирмы
«ФЛОКС»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
*предлагает произведения
всемирно известных авторов,
большинство из которых
ранее не издавались
в русском переводе.*

**В ближайшее время
фирмой
«ФЛОКС»**

**будет выпущен
Сборник зарубежной
фантастики**

«ОГНЕННЫЙ СТОЛП»

**Новые переводы
известнейших
американских писателей:
РЭЯ БРЭДБЕРИ,
ГЕНРИ КАТТНЕРА,
АЛЬФРЕДА ВАН ВОГТА.**

Готовится к печати

СБОРНИК ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
«МИЛЛИОН ЗАВТРА»

В сборник вошли романы: известного английского фантаста **Боба Шоу «МИЛЛИОН ЗАВТРА»**, рисующий внешне благополучное общество будущего, в недрах которого происходит глубокий нравственный кризис; английского писателя **Нэвила Шюта «НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ»** о трагедии людей на Земле, оставшихся в живых после атомной катастрофы; одного из ведущих американских фантастов **Гарри Гаррисона «КОСМИЧЕСКИЙ ВРАЧ»**, который поведет читателя по опасным дорогам космоса.

Все они впервые публикуются на русском языке.

Готовится к печати
СБОРНИК ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

«ФАТА — МОРГАНА II»

Сборник продолжает издательскую серию,
не печатавшихся на русском языке, произ-
ведений известных зарубежных авторов.

Среди них:

Ван Вогт

«Миссия к звездам»

Э. Нортон

«Сон кузнеца»

Л. Альдани

«Психосоматический двойник»

и другие.

Готовится к печати

А В Т О Р С К И Й С Б О Р Н И К

Р. Э. ХАЙНЛАЙНА

«ДОРОГА СЛАВЫ»

В сборник вошли романы:

«ДОРОГА СЛАВЫ»

«КРАСНАЯ ПЛАНЕТА»

«ФЕРМЕР В НЕБЕ»

